Самарская областная татарская национально-культурная автономия

ТАТАРЫ САМАРСКОГО КРАЯ:

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Под общей редакцией Галимова Ш. Х.

Самара 2017

УДК
ББК
Т

Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки. Самара: «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО», 2017. – 616 с., 60 илл.

Издание осуществлено по инициативе и на средства М.М. Халиуллова.

Редакционный совет:

Галимов Ш. Х. (руководитель)
Гатин Д. Ю., кандидат филологических наук
Гусева Ю. Н., доктор исторических наук, профессор
Завальный А. Н. главный библиограф Самарской областной научной библиотеки
Кочкина А. Ф. заведующая отделом археологии СОИКМ имени П.В. Алабина.
Кржижевский М. В., кандидат исторических наук
Сташенков Д. А., научный сотрудник отдела археологии СОИКМ имени П.В. Алабина, кандидат исторических наук
Тагирова Н. Ф., доктор исторических наук, профессор

Рецензент: доктор исторических наук, профессор Дубман Э. Л.

На лицевой стороне обложки изображено тондо с персидской надписью (XIV в.; Золотая Орда, Поволжье), на задней стороне обложки изображена золотая височная подвеска (Муромский городок, из фондов СОИКМ имени П.В. Алабина.)

ISBN 978-5-9500524-4-6

Книга освещает страницы истории одного из коренных народов Самарского края – татар, основных этапов становления татарского народа в средневековых тюрко-мусульманских государствах, а также в новых условиях, возникших после присоединения Волго-Уральского региона к Русскому государству, и его современное состояние. Общеисторический обзор сопровождается очерками по отдельным тематическим разделам: археологические памятники, этнография и материальная культура, религиозная жизнь, вклад татар в экономику региона, народное образование. В книге также даются основные сведения по истории татарских сел и татарских общин городов.

Первое в Самарской области в своем роде издание основано на документальной базе с широким использованием отечественной и зарубежной научной литературы, архивных документов, картографических материалов, восточных и западноевропейских источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Оно снабжено статистическими сведениями, различными таблицами, дополняющими основной материал.

Книга, кроме сведений по основной теме, позволит читателям открыть для себя многие неизвестные страницы истории Самарского края.

Книга представляет интерес для специалистов в области гуманитарных дисциплин, сфере межнациональных и межрелигиозных отношений, учащихся и студентов, а также для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9500524-4-6

© Галимов Ш. Х., 2017

УРОКИ ИСТОРИИ

Межкультурное взаимодействие всегда было важным фактором цивилизованного развития человечества. Патриотизм – любовь к своей родине, традициям, обычаям, языку народов, его населяющих – поднимает культуру на новую высоту.

Без корней не будет жить ни одно дерево. Без предков не было бы современников. Без достойных поступков современников не воспитать культурных и ответственных потомков. Человек взрослеет и становится личностью, сталкиваясь с трудностями, преодолевая их. Жизнь – это благородный труд над самим собой и на благо окружающих.

Изучение истории – неотъемлемая часть жизненного труда каждого уважающего себя гражданина страны.

Каждый народ имеет свою уникальную историю. И очень важно, с какой степенью достоверности она преподавать обществу и людям. Ценность исторической науки и анализа прошлого заключается в способности преподносить уроки современникам для предотвращения возможных ошибок в настоящем и будущем.

На Востоке есть поговорка: «О своих корнях не знает только пересохший в пустыне ручей». Народы – как реки: они живут, пока сохраняют память о своем прошлом. Пока истоки рек многоводны, народ остается единым целым и у него есть будущее. Только в этом случае люди помнят свое прошлое и осознают себя звеном в цепи чередующихся поколений. Забвение опыта истории, отход от традиций и попытка забыть или изменить прошлое в угоду своему будущему означает распад и гибель нации.

Минахмет Халиуллов

Память о прошлом никогда не покидала татар, всегда была отличительной чертой нашего народа. Недаром во многих семьях как бесценную реликвию хранят родословные, генеалогическое древо своего рода – живую память столетий.

Кто мы? Откуда мы? Какое место занимаем в истории и современной жизни? Эти вопросы волнуют нас с детства и не оставляют до самого конца жизни. С ними мы живем в поисках ответов и умираем, а новые поколения продолжают искать и находить свои ответы на них. При всей простоте эти вопросы носят определяющий, фундаментальный характер. Не будет большим преувеличением сказать,

что именно ответы на них делают нас теми, кто мы есть.

Объективный, правильный ответ делает тебя сильным и уверенным в себе и своем будущем, будущем твоих детей и всей нации. Неверный – ведет к неминуемому распаду личности, духовной смерти человека. Забывая о прошлом, о своем роде, человек становится субъектом без роду и племени, степным «перекати-поле» без корней и без опоры в жизни. Обычно такие люди пополняют ряды космополитов и маргиналов. Им не на что надеяться в будущем. Они становятся чужими для людей своей нации, но отнюдь не своими для другого народа. Представители большой нации, к которой такой человек пытается примкнуть, не считают его своим, помня о его происхождении, да и он сам не может забыть об этом. Бездуховность и «невыносимая легкость бытия» – вот удел подобных людей. Пересохший в пустыне ручей…

Живая вода традиций и памяти поколений омывает лишь тех, кто видит в себе частичку этого прошлого, которое через настоящее он передает в будущее. Искра высокой духовной цели озаряет всю его жизнь, даже если он это осознает лишь в малой степени.

Однако понимание своей миссии в этом мире не приходит само. Осознание своей внутренней связи со своей нацией – не только зов крови, это скорее зов предков, особая духовная потребность и она может и должна поддерживаться, укрепляться, развиваться дальше. История (прошлое нации), ее вера, культура, язык являлись и являются важнейшими скрепами, определяющими ее единство, общность и основу национальной идеологии.

Татары являются народом с длительной и интересной историей. Не так много в мире народов, которые ведут свою историю с первых веков нашей эры и продолжают ее до сегодняшнего дня. Причем прошлое его было довольно сложным. Но татарский народ не просто существовал и выживал, а играл и продолжает играть в истории нашей страны отнюдь не последнюю роль.

В истории татар были времена становления, «великодержавия», годы поражений и отступления, граничащего с забвением, нового возрождения, но связь времен не прерывалась никогда. Мы относимся к народам, которые прошли многотрудный, долгий путь от племени к нации и, пережив внутренние и внешние трансформации, не только не растворились среди других народов и потеряли язык и свою культуру, но и сохранили свое собственное «я».

Изучение и знание истории для меня дело общественное и личное. Сам я родился и вырос в городе Куйбышеве. Окончил общеобразовательную среднюю школу № 128. Летние каникулы, как и многие дети того времени, проводил в деревнях у бабушек и дедушек. В их судьбе отразилась история страны.

Мама – родом из села Теплый Стан. Мой дед по матери, Шарамов Минсафа Шарафутдинович, был участником Первой мировой войны. На фронте его не только тяжело ранили, ему пришлось испытать на себе последствия газовых атак, которые немцы тогда первыми стали использовать как оружие массового поражения. Но дед выжил.

Однако потом жизнь приготовила ему еще одно тяжкое испытание, через которое он прошел с честью. Великую Отечественную войну М. Шарамов начал на Калининском фронте и огненными дорогами дошел до Праги. Вернувшись домой, он более четверти века служил муэдзином в единственной тогда в большом Теплом Стане сельской мечети.

Дед со стороны отца, Халиуллов Аглиулла, жил в селе Елховый Куст (ныне Ульяновская область). Он также участвовал в Великой Отечественной войне, был призван на фронт в самом ее начале. Летом сорок первого в боях под Смоленском оказался в окружении и попал в плен. Почти четыре года мой дед находился в концлагере, прошел через все ужасы фашистской неволи, и только в 1945 г. был освобожден союзными англо-американскими войсками.

Но испытания судьбы на этом не закончилась. Известно, как относилось руководство страны к военнослужащим Красной Армии, попавшим в немецкий плен, – как к изменникам Родины. И многих из них после немецких лагерей ждали советские лагеря и спецпоселения. Так случилось и с красноармейцем А. Халиулловым – он был отправлен на урановые рудники в Казахстан. И прошло еще несколько лет, прежде чем он, наконец, нашел путь домой и, после долгой разлуки, встретился с родными. Несмотря на тяготы и лишения, выпавшие на долю деда, он прожил долгую жизнь.

Я всегда гордился и горжусь своими предками. Их жизнь, стремление выжить и продолжать жить несмотря ни на что всегда были для меня примером. Какая все-таки сила скрыта в тех, кто испытан войной! Они через всю жизнь пронесли любовь к Родине, к своим родным и близким и даже после жесточайших невзгод остались добрыми, отзывчивыми и жизнерадостными людьми.

Я вырос на их рассказах и воспоминаниях. Именно они заложили во мне стержень духовно-нравственного воспитания, который очень важен и дорог для меня и который я всеми силами старюсь передать подрастающему поколению. У меня есть множество единомышленников. И я убежден, что все вместе мы сможем воспитать в наших детях чувство любви и верности Родине, чувство гордости за свой народ, уважения к его великим свершениям и достойным делам предков.

…Идея написания книги «Татары Самарского края» зародилась еще в 2010 г. Будучи председателем исполкома Самарской областной татарской национально-культурной автономии – СОТНКА, я часто бывал во многих городах и селах Самарской области, принимал участие в различных праздничных мероприятиях, организуемых татарскими национально-культурными организациями: Сабантуй, Навруз, фестивали, конные скачки… Мы всегда работаем в тесном сотрудничестве с Региональным Духовным управлением мусульман Самарской области.

В конце 80-х – начале 90-х гг. в татарском сообществе Самарской области, да и всей страны, произошел всплеск массового движения по сохранению родного языка, традиций и культуры нашего народа. Главную роль в этом общественном порыве сыграли национально-культурные объединения, мусульманские религиозные организации городов и районов, работники образования, культуры, творческие коллективы. Среди них особо хочется отметить наш ансамбль «Ялкынлы яшьлек» и просто жители Самарской области. Сделано немало:

например, только за три года с 2010 по 2013 гг. были проведены три крупных мероприятия федерального уровня: первый Всероссийский сельский Сабантуй в Алькино Похвистневского района, конные скачки с участием спортсменов из соседних регионов, пятый всероссийский фестиваль фольклорного творчества «Тугәрәк уен» («Шире круг») с заключительным Гала-концертом в прекрасном зале Самарского театра оперы и балета.

Тогда, встречаясь с жителями городов, районных центров, сел и деревень, с представителями национальной общественности, мы пришли к выводу о необходимости издания большой книги о татарах Самарской области, которая вобрала бы в себя весь спектр вопросов, отражающих историю, культуру, религию, развитие хозяйства, быт и современную жизнь нашего народа. И которую можно было бы использовать в качестве настольной книги для всех, кто интересуется историей татар и Самарского края.

Мое решение окончательно созрело в 2013 г. Мы привлекли к нашей работе известных самарских ученых и специалистов, много и продуктивно работающих по этой теме. Это – историки, археологи, этнографы… Мы также пригласили к сотрудничеству районные и сельские администрации, любителей истории родного края, живущих в сельской глубинке.

Пусть наша крепкая историческая память поможет в воспитании образованного, гармонично развитого, конкурентоспособного достойного гражданина великой страны, в подготовке его к новым общественным условиям и святом деле сохранения родного языка, культуры и традиций татарского народа.

Огромное спасибо всем, кто принял участие в данном проекте и внес свой вклад в дело просвещения жителей Самарской области.

Минахмет ХАЛИУЛЛОВ,
председатель совета депутатов
и глава Промышленного района
городского округа Самара.

ВВЕДЕНИЕ

«История… – священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»

Н.М. Карамзин, из Предисловия
к «Истории Государства Российского», декабрь 1815 г.

Мы живем в эпоху повышенного интереса к истории – всемирной, своей страны и нашего края. Перемены последних трех десятилетий, связанные, в первую очередь, с отказом от устоявшихся годами, десятилетиями, а то и веками пропагандистских догм и идеологических шаблонов позволили историкам выйти на новый исследовательский простор и получить возможность объективного анализа исторических событий и явлений, их причинно-следственных связей и влияния на исторические процессы в целом.

История, равно как и наука, изучающая ее, бесконечны в пространстве и времени. Каждое обращение к той или иной теме позволяет выявить какие-то новые факты и подробности событий прошлого, глубже понять их, а иногда изменить к ним отношение. Каждое обращение к давно изученным, казалось бы, вполне понятным вещам, особенно при использовании новых источников, конкретизируют события, нередко придают им принципиально другую трактовку и оценку, вносят неизбежные дополнения в прежние взгляды и теории. То же самое относится к теме, которая стала основной в предлагаемой читателю книге.

Новое прочтение архивных документов, опубликованных источников и научных трудов, изучение карт, записок древних и средневековых путешественников дает новые знания, позволяет выявить новые факты истории нашего края и его жителей.

Самарское краеведение до самого последнего времени концентрировало свое основное внимание на истории края после основания в конце XVI в. новой крепости Самара и включения всего Приволжья в состав Русского государства. В то же время огромный пласт цивилизованного развития края в рамках государственных образований X – XVI вв. не нашел должного отражения в работах исследователей. И дело, как мы понимаем, не только во временной отдаленности той по эпохи или недостатка источников.

Таким образом, при заметном повышении интереса к прошлому страны (и связанного с ней остального мира), особенно к его героическим страницам, наша малая родина – Самарский край в призме своей истории остается во многом неизвестной и непонятной. Даже в наше время, несмотря на все положительные изменения в общественном сознании и гуманитарных науках, самарское краеведение в ряде случаев остается наименее восприимчивым к новому. Именно поэтому до сих пор продолжает жить и даже получает дальнейшее развитие устаревшая методология, которая создает в лучшем случае однобокое, а в худшем – искаженное представление о различных событиях прошлого, роли тех или иных народов в историческом процессе.

«История края начинается с 1586 г., когда возле устья реки Самара была основана одноименная крепость…» – утверждается в книге-альбоме (на русском и английском языках) великолепного полиграфического исполнения, которая тиражом 5000 экземпляров была выпущена в 2005 г. по заказу Администрации Самарской области.

Эта точка зрения очень показательна для популярного самарского краеведения на сегодня. «Популярного» в том смысле, что оно по идее призвано доходить до широкого читателя и формировать общественное мнение. Такая концептуальная версия истории Самарского края многократно повторена и подтверждена в бесчисленном количестве книг, брошюр, альбомов, телепередач, интернет-сайтах и другой информационной продукции, ориентированной на широкую аудиторию. И, к большому сожалению, она продолжает, по сути, господствовать в наиболее важной и широкой системе распространения знаний – в системе образования, главной целью которого является формирование мировоззрения подрастающих поколений.

Инициаторы издания книги «Самарские татары…» – Самарская областная татарская национально-культурная автономия, Минахмет Мидехатович Халиуллов и коллектив авторов – поставили для себя задачу расширить историко-краеведческий кругозор людей, интересующихся историей Самарского края, и познакомить их с историческими событиями и фактами, которые пока не нашли достойного освещения в литературе.

Для многих читателей наша книга поможет создать более полную, насколько возможно, картину истории Самарского края, начиная с древнейших времен и до наших дней. Надеемся, что читатель увидит и убедится, что история края началась не с 1586 г., а намного раньше. И до указанного времени она была связана, главным образом, с тюрко-татарскими, мусульманскими государствами Восточной Европы.

Нельзя объять необъятное… Жанр издания – историко-энциклопедических и социально-экономических очерков не предполагает всестороннего и максимально глубокого исследования всех сторон заявленной темы. В некоторых местах сведения, изложенные в одних очерках, могут повторяться в других, уточнять детали тех или иных исторических событий. Главной целью нашей работы является создание у читателя объективного представления об истории самарских татар в контексте общей истории нашего края и страны в целом. Надеемся, что затронутые в той или иной степени темы послужат поводом для дальнейшего и более углубленного развития самарского татарского краеведения, которое только-только начало разрабатываться.

Мы назвали нашу работу «Татары Самарского края…», вкладывая в это не административно-территориальное, а историко-географическое определение.

Кроме тематических очерков, в книгеприведены основные сведения по истории татарских населенных пунктов Самарской области. Эта информация получена от местных органов власти и краеведов, которые посчитали важным и нужным для себя участие в нашей работе и воспользовались возможностью довести эти сведения до широкого круга читателей.

Шамиль Галимов

ТАТАРЫ САМАРСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И ОПЫТ ВЕКОВ

ПОМНИТЬ ИМЯ СВОЕ

Современная татарская нация состоит из трех основных этнотерриториальных групп: поволжско-приуральских татар, сибирских татар и астраханских татар. Имеется также одна уникальная субэтническая группа – польско-литовские татары, которая в течение многих веков существует вдали от исторического ареала происхождения и поэтому, пройдя большой исторический путь длиной в несколько веков, приобрела совсем другие этнолингвистические характеристики.

Перечисленные названия указывают, прежде всего, на исторические районы формирования (этногенеза), которое в течение ряда веков прошло разные стадии. Общепризнанным является тот факт, что в этногенезе татар решающую роль сыграли булгары и татары.

Наибольшей по численности этнотерриториальной группой являются поволжско-приуральские татары (свыше 4 млн.), в состав которых в свою очередь входят казанские татары, мишари, касимовские татары и тептяри это специфическая группа, вобравшая в себя часть небашкирского населения, жившего в XVIII – нач. XX вв. среди башкир. В состав тептярей входили татары, мишари (или мещеряки), удмурты, марийцы и мордва, сохранявшие свои языки и культурные особенности.

В вопросе формирования (этногенеза) татарской нации существует несколько концепций. И у каждой из них есть свои сторонники и свои обоснования.

Булгаро-татарская, согласно которой этнической основой татар являются булгары и тюркизированное местное финно-угорское население, которое на стыке I и II тысячелетий проживало на территории современного Татарстана и прилегающих к нему регионах Волго-Уральского бассейна. Основные этнокультурные традиции и особенности современного татарского (булгаро-татарского) населения сформировались в период Волжской Булгарии (X – XIII вв.), а в последующее время (периоды Золотой Орды, Казанского ханства и после присоединения Волго-Уральского бассейна к Русскому государству) они претерпевали лишь незначительные изменения.

Тюрко-татарская, в которой тоже отмечается важная роль Волжской Булгарии и степных государственных объединений в этногенезе татарского народа. Однако при этом в качестве ключевого момента этнической истории татарского народа рассматривается период Золотой Орды, когда на основе пришлых монголо-татарских, местных булгарских и кипчакских традиций сложилась новая государственность, культура, литературный язык и татарское этнополитическое самосознание.

Указанные две концепции получили наибольшее научное обоснование. При разной расстановке акцентов, они имеют под собой общую основу и признают в качестве основополагающих булгарский и татарский компоненты и их взаимовлияние в формировании современной татарской нации.

Татаро-монгольская, которая получила поддержку, главным образом, русских, башкирских, чувашских и (меньше всего) татарских историков. Основывается она на представлениях о переселении в Восточную Европу кочевых татаро-монгольских племен, которые смешавшись с местными степными народами и приняв в период Золотой Орды ислам, создали основу нынешней татарской государственности и культуры.

При этом следует признать то обстоятельство, что после распада Золотой Орды на несколько независмых государств произошло разделение татарского этноса на группы, которые затем начали развиваться самостоятельно. Большое значение в этот период и особенно после русского завоевания татарских ханств стало играть религиозное (мусульманское) самосознание[1].

Таким образом, во всех указанных концепциях, несмотря на разные подходы и акценты, в вопросе формирования современной татарской нации в качестве основополагающей исследователи рассматривают булгарскую и татарскую основу. С этих позиций и следует рассматривать формирование отдельных этнотерриториальных групп.

Вопрос об этнической группе мишарей имеет для нас особое значение, поскольку что мишари составляют значительную часть татарского населения Самарского края. Происхождение этой группы тоже довольно сложное, в процессе ее становления участвовало множество компонентов.

Почти все исследователи сошлись во мнении, что термин «мишари» – производное от историко-географической области Мещера, которая находится на территории Нижегородского Поволжья, Рязанщины и Мордовии и занимает особое место в этнической истории России. Здесь еще во времена Московской Руси и Волжской Булгарии начались интенсивные процессы взаимодействия разных народов, и эти процессы являются первыми истоками их этногенеза. В многочисленных трудах ученых по этой теме приводятся названия народов, которые в той или иной степени на территории Мещеры участвовали в формировании мишарской группы татарского народа: половцы, кипчаки, булгары, башкиры, мордва, черемисы (марийцы), бесермены, казанские татары, крымские татары, маджары, ногайцы, русские и даже потомки кочевников, которые пришли сюда в первый период существования Золотой Орды… Версия о том, что основными предками мишарей являются тюркоязычные выходцы из низовьев Волги – центра ордынского государства, также имеет немало сторонников в научной среде.

Активные переселенческие процессы у мишарей начались в XV в., когда Мещера стала владением русских княжеств. Но миграционные потоки особенно активизировались после присоединения Средней Волги к Русскому государству в середине XVI в., когда мишари уже обладали признаками этнической группы[1].

В период с середины XVI по XVIII вв. произошло значительное перемещение части мишарей в районы, выходящие за пределы их основной этнической территории – Кадомского, Темниковского, Алатырского и других уездов в Левобережье Волги, Предуралье, Урал, Сибирь. Миграция шла поэтапно – с запада на восток.

Татары-мишари раньше чем другие народы Поволжья стали сотрудничать с русскими, что послужило созданию сословия «служилых татар» и частей мещерякского казачьего войска. Многие военно-политические кампании по расширению Русского государства и укреплению его границ сопровождались переселением в новые районы большого количества «инородцев», среди которых было много «служилых татар». Так, например, получилось при С. ительстве новой Закамской линии, южная оконечность которой располагалась на территории нынешней Самарской области – Красноярском, Сергиевском и Шенталинском районах.

В 1718 г. многие представители этого сословия, отказавшиеся принять крещение, предписываемое указом царя Петра I, вместе с другими «инородцами» – чувашами, мордвой и др., были причислены к Казанской Адмиралтейской конторе по заготовке корабельного леса (другое название – лашманное ведомство). Эту исключительно тяжелую повинность «лашманы» продолжали отбывать до 1859 г., после чего были переведены в другие сословия.

…Откуда берет свое начало татарская история? Татарский компонент начал складываться во второй половине первого тысячелетия нашей эры. Татары как этнополитическая общность впервые упоминаются в VIII – VIII вв. в древнетюркских документах как племенное объединение «отуз татар» и китайских источниках как северный кочевой народ «та-та». В мусульманской (тюркской, персидской) письменной традиции X – XI вв. термином «татар» обозначается население Восточного Туркестана и Монголии. В словаре среднеазиатского поэта (XI в.) Махмуда Кашгари эта территория названа «Дешт-и-татар» («Страна татар»).

С конца XII в. татары были вовлечены в процесс создания Монгольской имеперии во главе с Чингисханом. В средневековых русских, западноевропейских, византийских, арабо-персидских источниках словом «татары» называется население Золотой Орды. В том же смысле собирательное понятие «татары» закрепилось в западноевропейской и русской историографии. Например, австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, описавший в начале XVI в. (уже после распада Золотой Орды) юго-восточные рубежи Русского государства, указывает: «Тому, кто хочет описывать татар, необходимо описывать многие народы. Ибо у них это имя племенное, и им называются различные народы, находящиеся в дальнем друг от друга расстоянии…» И еще одно примечательное замечание путешественника: «За казанскими татарами, прежде всего, встречаем татар, прозывающихся ногаями; они живут

[1] Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография. Этническая история донационального периода. Казань, 2005, С. 6.

[1] Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. Казань, 1992, С. 29

за Волгой, около Каспийского моря…»[1]. Тот же обобщающий принцип автор использует при поименовании еще одного народа юго-востока Европы, который сейчас называется калмыками. Далее «…за Вяткою и Казанью, по соседству с Пермию, обитают татары, называющиеся тюменскими, шейбанскими и кайсацкими… Кроме того, за рекой Ра есть другие татары, называемые калмыками[2].

Впрочем, это касается не только Европы: и среднеазиатский Самарканд, расположенный далеко от новых, юго-восточных территорий России, С. Герберштейн называет татарским городом[3].

Более чем через век ему вторит голштинский посол Адам Олеарий. Описывая во время плавания по Волге приволжские города и земли, он пишет: «Здесь появляются другого рода татары, а именно черемисы (*марийцы – прим. авт.)*[4].

Таким образом, наименование «татары» выполняло в средние века и более позднее время чрезвычайно универсальную функцию. В России вплоть до начала XX в. термин «татары» применялся для обозначения многих мусульманских (и не только) народов империи. Так, до революции 1917 г. кавказскими татарами называли азербайджанцев, абаканскими татарами – хакасов.

О втором народе, которому предстояло сыграть такую же важную роль в будущей истории татарского народа – о булгарах (болгарах), первые сведения относятся к этому же периоду. Они являются потомками тюркоязычных племен, участвовавших в походах Атиллы в Центральную Европу в V в. Впервые булгары упоминаются в латинском «Хронографе» 354 г., в период Великого переселения народов. Происхождение булгар связано с тюрко-угорскими племенными группами Южной Сибири и Северного Приуралья, переселившимися в Предкавказье и Подонье.

Здесь необходимо подробнее остановиться на вопросе о «влиянии» монгольского элемента на этническое формирование татарского народа. Для исторической науки, в отличие от массового общественного сознания, подпитываемого некоторыми популяризаторами истории и деятелями культуры, тут все ясно. Еще несколько десятилетий назад работы большинства отечественных ученых, всесторонне и объективно изучивших вопрос о взаимоотношениях двух соседних государств – Древней Руси, сначала Киевской, потом Московской и Золотой Орды, и все политические и социально-экономические процессы, происходившие на востоке Европы в XIII – XVI вв. (на них мы еще раз и более детально остановимся ниже), определенно ответили на этот вопрос.

Например, известный советский ученый А.П. Смирнов писал: «Началом процесса формирования татар Поволжья нельзя считать монгольское завоевание, как это часто происходит – это время внесло меньше всего новых элементов в этногенез татар»[5].

То же самое подтверждают и антропологические исследования. «Тщательный анализ антропологического материала позволяет сделать вывод о том, что монгольское завоевание, в результате которого возникло новое государственное объединение Золотая Орда, имевшее огромное политическое и социально-экономическое значение для населения покоренных областей, слабо изменило их (*татар – прим. авт.)* этнический и расовый состав»[1].

Очень важен также языковой фактор. Среди ученых-языковедов наиболее доказанной является точка зрения о том, что историко-лингвистической основой современного татарского языка является булгарский язык. Но всегда следует иметь в виду обстоятельство, когда «…его нельзя признавать целиком и полностью продолжением только булгарского языка, – как отмечал видный татарский советский тюрколог Л.З. Заляй – Татарский язык, как и многие другие, в своей истории пережил очень большие изменения, но несмотря на это является до значительной степени продолжением булгарского языка»[2].

Несомненно, на основе всеобщего глоттогонического процесса (процесса происхождения) татарский язык, как и другие, в процессе своего развития влиял на языки соседних народов. Равно, как и сам испытал обратное, во многих случаях заметное влияние языков соседей. Особенно эти явления характерны для последних десятилетий, когда усилились процессы урбанизации и глобализации.

Таким образом, татарский язык, как и его носители – татары, не является оформившимся на базе однородного материала. Напротив, он характеризуется тем, что в его состав вошли многие языковые элементы тюркской лингвосистемы. Доказанным представляется и то, что первый этап оформления татарского языка относится к булгарскому периоду, что подтверждается прямой связью современного татарского языка (учитывая его различные диалекты) как лексически, так и грамматически, с языком древних письменных памятников. А стрежневой линией долгого, сложного многовекового процесса оформления татарского языка являлась доминирующая роль булгаро-кипчакских элементов.

В постсоветское время также вышло множество работ, которые послужили добрую славу развенчанию одного из живучих мифов отечественной истории – о прямой и неразрывной исторической связи между монголами начала второго тысячелетия н.э. и современными татарами. Выводы этих исследователей кратко подытожены в работах академика М. Закиева.

«Много ли монголо-татар обосновалось в завоеванных С. нах и затем в созданных татарских государствах потомков Чингиз-хана? – задается он вопросом. И отвечает:

- во-первых, монголо-татары не были так многочисленны, чтобы могли распространиться по всем четырем империям Чингизидов;

- во-вторых, войско Чингиз-хана лишь в начальный период состояло из монголо-татар, в ходе завоеваний оно пополнялось за счет представителей

[1] Записки о Московии барона Герберштейна. Перевод с латинского издания 1556 г. И. Анонимова. СПб., 1866. С. 132, 150.
[2] Там же, С. 152.
[3] Там же, С. 151.
[4] Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, С. 8.
[5] Смирнов А. П. К вопросу этногенеза татар Поволжья. «Советская этнография». 1946. № 3, С. 49.

[1] Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Советская этнография, 1946, № 3, С. 69.
[2] Заляй Л. К вопросу о происхождении татар Поволжья. Советская этнография. 1946. № 3, С. 91.

побежденных народов;

- в-третьих, после подчинения новых С. н на этих землях монголо-татар оставалось ровно столько, сколько нужно было для управления, и все они из-за малочисленности быстро ассимилировались и растворились среди местных народов;

- в-четвертых, установлено, что монголо-татары не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на язык и антропологические особенности местных народов[1].

Что же касается Самарского края, то в нашем регионе татарское население состоит их двух (по формированию) этнотерриториальных групп – носителей соответственно двух основных диалектов: мишарского и казанско-татарского. По мнению лингвистов, в Самарской области, в силу исторических условий, в которых после XVII в. происходило активное заселение края, не сложился единый говор, обладающий общими специфическими чертами.

Мишарский диалект характерен для татарских сельских поселений северо-западной части Самарской области, которая раньше являлась землями Ставропольского и Самарского уездов (Ставропольский, Красноярский, Елховский, Кошкинский и Челно-Вершинский районы Самарской области и левобережные Чердаклинский, Старомайнский, Новомалыклинский и Мелекесский районы Ульяновской области). В указанный период сюда пришли в большинстве своем переселенцы из числа «цокающих» мишарей, но их постоянные контакты на новом месте с такими же переселенцами, но «чокающими», а также с говорами среднего татарско-казанского диалекта стали условиями появления говора, который специалисты называют мелекесским говором мишарского диалекта. В эту группу входят также жители нескольких поселений Шенталинского, Камышлинского и Похвистневского районов.

Язык большинства татар Камышлинского и отчасти Похвистневского районов относится к говорам казанского-татарского диалекта, особенности которого связаны с привнесением в него элементов мишарского и башкирского языков.

Историк Р.Т. Марданов вообще выделяет татарское население северо-востока Самарской области в особую группу под названием «Сокские татары»[2].

В названии указанного диалекта кроется и ответ на вопрос: откуда пришли татарские жители здешних мест? После событий 1552-1556 гг. XVI в., с территории бывшего Казанского ханства на земли будущего Бугурусланского уезда начали массово переселяться татары. Этот процесс продолжался несколько веков, с разной степенью интенсивности. Самый заметный всплеск переселенческих явлений наблюдался в середине и второй половине XVIII в., связанный с активизацией российского проникновения на юго-восток и среднеазиатское направление.

В нашей области живет также незначительное количество крещеных татар, и еще меньшее – крымских татар.

[1] Закиев М.З. История татарского народа. Этнические корни, формирование и развитие.М., 2008, С. 463.

[2] См. Марданов Р.Т. Край мой родной. Происхождение татарских сел Камышлинского района. Эл. Ресурс: http://samtatnews.ru/20/02/2014/

ТЮРКО-ТАТАРСКАЯ ТОПОНИМИКА САМАРСКОГО КРАЯ

Названия городов, сел, рек, гор, лесов, озер, урочищ являются не только географическими символами, но и важным историческим источником. Их происхождение, современное состояние, развитие, написание и даже произношение вобрали в себя историческую память о событиях, когда-то происходивших в той или иной местности, и об изменениях, которые случились в более поздние эпохи.

Бесспорно, прав был один из видных отечественных ученых дореволюционной эпохи Н.И. Надеждин, когда писал: «Названия – язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре»[1].

Наш великий соотечественник Николай Рерих, выражая свое понимание науки под названием «топонимика», писал в 1915 г. в стихотворении «Священные знаки»:

Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки. Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незапамятным странам.
Неведомые нам слова[2].

Наш край в этом отношении – не исключение, по его топонимике также можно изучать историю, проследить процессы, происходившие здесь в течение многих веков: большие и малые переселения народов, освоение земель, строительство городов, образование и развал целых государств и цивилизаций… Весьма справедливым в этой связи выглядит замечание сызранского исследователя А.Н. Порунова, который, имея в виду эпоху до конца I тысячелетия н.э., писал: «Средняя Волга явилась тем топонимическим пространством, где появлялись и исчезали топонимические мириады *(неисчислимые множества – прим. авт.)* народов финно-угорского, иранского, балтийского, создавая мозаичную картину взаимопроникновений».

Первые свидетельства топонимической карты региона нам передал Ибн-Фадлан, оставивший ценные путевые заметки, накопленные во время путешествия из Средней Азии на Среднюю Волгу и обратно в 922 г. Для более поздней эпохи характерны «громадный по своей мощности тюркский пласт топонимов, которые довольно легко идентифицируется» и «славянские топонимы, имеющие возраст в пределах трехсот-четырехсот лет». Процесс образования превалирующей сейчас в регионе славянской топонимики шел по пути колонизации русскими поселенцами территорий Средней Волги[3].

При этом большая часть местных нерусских названий была «переосмыс-

[1] Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира. СПб., 1837. № 22.

[2] Николай Рерих. Цветы Мории. М.: Современник, 1988.

[3] Порунов А.Н. Стратиграфия топонимов Средней Волги. Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 266.

лена» русскими людьми в традициях народной этимологии в доступную и понятную русскому человеку форму.

Тюркские пласт вбирает в себя древнетюркские, старотюркские (булгарские и кыпчакские названия, восходящие к арабо-персидским заимствованиям), старотатарские наименования (и старобашкирские – два наших языка, как известно, в основе своей этимологии очень близки), образованные на базе татарского языка, а также чувашские географические названия. В Средневолжском регионе среди нерусских топонимов тюркская группа составляет 70 процентов. Из десятков и сотен названий населенных пунктов, рек, оврагов для иллюстрации назовем только некоторые, расположенные непосредственно в Самарском крае или районах, прилегающих к нему: Ташла, Кондурча, Аскул, Тархановка, Иртуган, Атлаш, Сускан, Малыклы, Мулловка, Ундоры, Кашпир *(место, которое Л.Н. Гумилев отмечал, как место неоднократных переправ золотоордынских войск – прим. авт.)*, Кинель, Черемшан, Елань, Исаклы, Кошки, Кутулук, Сырт, Сок, Таволжанка, Узюково, Тукшум, Утямыш, Шелехметь, Шламка и многие другие. Целый ряд топонимов А. Н. Порунов уверенно относит к булгарскому периоду: Урень, Сызган, Тугальбуа, Баткак и некоторые другие.

В целом же лексико-семантический анализ тюркских топонимов Пензенской, Ульяновской и Самарской областей показывает, что топонимы общетюркского характера (уй, сар, яр, каш, су, таш, ман, ур, саур, шан, ерык, тау, кыр, бур (бор), ком (кум), сар, саз, шар, кул) занимают ведущее место среди георграфических названий Средней Волги[1].

Современные (или недавнего времени) названия многих городов и сел являются производными от наименований древних городищ, существовавших здесь в эпоху Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Это – Канадей, Симбирск, Сенгилей, Тагай, Малыклы, Ундоры, Чердаклы и другие[2].

Еще одним типом топонимов являются производные от собственных имен: Алькино, Алимовка, Денискино, Ибрайкино, Фейзуллово, Урайкино, Давлеткулово, Усманово, Султангулово и другие.

Длительный период нахождения Средневолжья в составе тюркоязычных, мусульманских государств – Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства (в первую очередь, северо-восточной части нынешней Самарской области), а также Ногайской Орды (в юго-восточном секторе Среднего и Нижнего Поволжья), несмотря на сравнительно небольшой в наше время процент тюркоязычного населения, топонимы тюркского происхождения оказываются здесь достаточно многочисленными[3].

Ногайский след в топонимике нашего края закрепился в названиях переправы Ногайский Брод (Шигонский район), сел Нугайка (Похвистневский район Самарской области), Нугай иле (Карсунский район Ульяновской области). О том, что на месте Ногайского Брода возникло село Шигоны – ныне райцентр Самарской области, говорят и документы РГАДА[1].

Особенно часто тюркизмы встречаются среди названий рек. Так, в бассейне рек Черемшан, Уса, Самара, Сок с их притоками они составляют от 20 до 40 процентов. По существу, большинство наиболее крупных и малых рек, протекающих в Самарском Заволжье, имеют названия тюркского происхождения: Сок, Кондурча, Кинель, Сызранка, Иргиз, Кутулук и другие. А корни названий таких рек, как Самара и Черемшан, как считают ученые-иранисты, заложены в древнеиранских языках.

Уместно будет привести здесь список некоторых топонимов Самарского края, которые, как считают специалисты, имеют, безусловно, тюрко-татарское происхождение: Актуши, Алакаевка, Алтынное, Аскулы, Аусин овраг, Байтермиш, Борма, Булак, Бузбаш, Елань, Елгуши, Ишбулдина поляна, Исаклы, Кандабулак, Карабаевка, Карагай, Каралык, Каргалы, Кармала, Кашпир, Кильна, Кошки, Курелга, Куртамак, Кутулук, Кутуруша, Майтуга, Моржай, Нур, Рахмановка, Резяпкино, Ризадей, Сантаиловка, Сарбай, Сызран, Сырт, Тананык, Тарханка (и Тарханский лес), Татарское озеро (их два в Самарской области – под Новокуйбышевском и в Безенчукском районе), Ташла, Ташлама, Телегас, Терегель, Тимашево, Тинкуль, Тишерек, Тузерпам, Усакла, Усманка, Утямыш, Ханский овраг, Чегодайка, Челна, Шариповка, Шелехметь, Шентала, Шламка и другие[2].

В Оренбургском крае такая же ситуация. В конце XIX в. исследователи насчитывали в губернии 47 процентов наименований тюркского происхождения. В современной топонимике они составляют чуть меньше – 39 процентов. Это уменьшение, однако, объясняется очень просто – до революции Оренбургская губерния охватывала территорию заметно больше (главным образом, в сторону Южного Урала), чем нынешняя область с одноименным названием, и многие населенные пункты, горы и реки перешли после революции в состав других регионов[3]. Наиболее яркими иллюстрациями этого ряда являются такие названия, как Абдуллино, Бузулук, Бугуруслан, Татарская Каргала, Кушкуль, Кандыз, Саракташ и др.

Заметную тюрко-татарскую топонимику Предуралья еще в XVIII в. отмечал известный исследователь В.Н. Неплюев: «Здесь больше встречается поселений с татарскими названиями, которые давались первыми поселенцами: Бугульма (от бугульмак – изгибаться), Бузулук (телячий), Бугуруслан (уруслан – лев), Стерлитамак (тамак – горло, устье), Мензелинск (мензеля – становище, место поселения, арабское слово), Элабуга (алабуга – окунь)[4].

То же самое можно отметить относительно Саратовской, Волго-

[1] Порунов А.Н. Указ соч. С. 267.
[2] См.: Барашков В.Ф. По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск, 1994.
[3] Барашков В.Ф. Указ соч. С. 48.

[1] Ф. 281, ф. 17, д.д. 11553 л. 58об и 11562, лл. 34-34 об.
[2] См. подробнее: Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара, 1996.
[3] Мысенко О.М. Тюркский пласт в топонимии Оренбургской области. II Татары в Оренбургском крае. Оренбург, 1996. С. 136-137.
[4] (Витевский В.Н. – И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань, 1897. Т. I. С. 122.

градской и Астраханской областей. Среди десятков и сотен тюрко-татарских названий разнообразных географических пунктов отметим известное всему миру топонимическое свидетельство тюрко-татарской истории Поволжья, с которым связана героическая страница Великой Отечественной войны – Мамаев курган.

Впрочем, топонимические следы золотоордынского периода и вообще татарского компонента в истории нашей Родины отчетливо заметны не только в Волго-Уральском бассейне, но разбросаны по всей нашей стране – за Уралом, в Сибири, больше всего в южных регионах. Есть они и в Москве: Большая Ордынка, Татарская слобода, Татаровская пойма, Татарская улица и переулки Балчуг, Измайлово, Арбат… А многие бывшие «татарские» места теперь заняты другими постройками. Например, территория подмосковного села Татарово, давно ставшая городским микрорайоном. Один из старейших монастырей России – Чудов монастырь *(разрушен после революции – прим. авт.)*, как пишет академик М.Н. Тихомиров, был построен митрополитом Алексием на месте знатного татарского двора[1].

В Воронежской области есть село Усманка, гора Карачан, в Белгородской – топонимы Байрак и Уразово, Костромской – райцентр Бабаево, Ростовской – село Измайлово, хутор Селим, река Кугульта, в Челябинской области – озеро Чебаркуль… И таких примеров можно привести много…

…В исторических источниках, в частности, в упоминавшихся выше путевых заметках секретаря делегации багдадского халифа, побывавшей в наших краях в 922 г. – Ибн Фадлана, названы реки: Сух, Самур, Ирхиз, Кюнжюлю и так далее. Конечно, сейчас они звучат и пишутся по-другому. Это и понятно: топонимы, длительно существуя в различной языковой и диалектной среде, не могут не подвергаться звуковым и структурным изменениям и сохраняться в том же виде. Именно этим следует объяснить их транформацию и естественные различия в написании в древних источниках и современном употреблении. Этот процесс особенно активизировался после вхождения территории Средней Волги в состав Русского государства, после чего некоторые топонимы приобрели совсем другую языковую форму.

Арабский путешественник Ибн Батутта, побывавший на Средней Волге в 1333 г., в путевых заметках приводит названия некоторых примечательных природных мест нашего края, с указанием их мест нахождения, которые совпадают с Самарской Лукой и чуть ниже по течению. Среди них указаны قز طاغى и يلان طاغى . В переводе с тюркского: «Кыз тагы» и «Елан тагы». Эти очень понятные современному, владеющему татарским, башкирским или другим родственным языком, читателю выдержки из рассказа Ибн Батутты приведены в книге профессора Казанского университета Х. Френа[2].

[1] Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV – XV вв. М., 1957. С. 206.

[2] Fraehn Ch. M. Über die ehemalige mongolicshe Stadt Ukek. Im süden von Saratov und einen dort unlangst gemachten fund. SPb., 1834., s. 82. А также: Френ Х. Монгольский город на реке Волге. Перевод А.А. Гераклитова. Ставрополь, 1911.

О чем идет речь? Об очень знакомых нам объектах – это Девичья (Девья) гора напротив Тольятти, чуть выше Жигулевска, и Змеевы горы в Вольском и Воскресенском районах Саратовской области. Причем Френ, повторяя слова Ибн-Батутты, точно и уверенно указывает их местонахождение: «напротив Ставрополя» – это о Девичьей горе, «между Рыбным и Вольским, в 30 верстах от Саратова» – о Змеиных горах[1].

Вот какие интересные факты скрыты в трудах арабского путешественника – еще в первой половине XIV в. многие географические названия Самарского края были наделены татарскими названиями… Остается только сожалеть, что эта работа Ибн Батутты – уникальный исторический документ о прошлом нашего края – до сих пор не имеет полного академического перевода. Поэтому исследователи до сих пор имеют возможность пользоваться только некоторыми фрагментами его дорожных наблюдений.

Многих населенных пунктов Самарского края, в давние времена связанных с тюрками и татарами, сейчас уже нет. От них остались одни названия: Кутлугушево (на месте нынешнего города Похвистнево), Каргалы (неподалеку от Нового Ермаково)… А многие села и поселки с татарским населением прекратили существование сравнительно недавно, после Великой Отечественной войны: Алмалы, Бахчисарай, Азат, Ахметовка, Мазгут, Кашкар, Юлдуз и другие. А некогда считавшаяся татарской деревня Спиридоновка Самарского уезда Волжского района теперь слилась с соседней, русской Спиридоновкой и уже не считается отдельным населенным пунктом. «Поменял национальность» поселок Нур того же Волжского района. Фактически прекратило существование село Моисеевка Кошкинского района.

Но в топонимике Самарского края есть целый ряд названий, которые когда-то имели хождение, но к нашему времени вышли из широкого употребления. Самый авторитетный самарский краевед конца XIX – начала XX столетия Константин Головкин отмечает, что место, на котором сейчас располагается телецентр, в прежние времена было возвышенностью и называлось Султанским бугром, а овраг за областной больницей имени Калинина – Башкирским. Ногайской стороной, а потом Башкирской дачей (лесом) жители нашего города раньше называли зеленый массив по левую сторону реки Самары (теперь это Куйбышевский район города). Воспоминания об этом Головкин еще застал, аккуратно записал и оставил для потомков. По его мнению, основанному на древних источниках, название города «Самара» происходит от булгарского слова «вьючное животное»[2].

[1] Френ Х. Указ. соч. С. 12

[2] См. Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека. Под научной редакцией П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара, 2007).

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

Краткая историческая справка

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ (Волжская Болгария, Волжско-Камская Булгария), – государство в Среднем Поволжье и Прикамье в X – XIII вв. Сложилось в результате объединения земель булгар, баранджар, барсил, билер, сувар и других племён. Столица – Болгар. В X – XI вв. (при правителях Алмуше, Микаил ибн Джафаре, Мумин ибн Ахмаде, Мумин ибн Хасане, Талиб ибн Ахмаде) происходило формирование феодальных отношений, велась борьба с Хазарским каганатом, Киевской Русью, устанавливались связи с Бухарой, Багдадом, Киевской Русью (последние основывались на булгаро-русские договорах). Принятие ислама в 922 г. в качестве государственной религии способствовало развитию государственности, феодальной идеологии, культуры. В XI – XIII вв. происходило усиление ремесленно-торговых центров в г.г. Биляр, Болгар, Бряхимов, Джукетау, Ошель, Сувар и др. развивались гончарное, железоделательное, кожное, оружейное, ювелирное производства; торговля с Русью, Средней Азией, Арабским халифатом, Византией. Булгарские эмиры организовывали походы на русские города Муром (1088), Суздаль (1107), Ярославль (1152), Устюг (1218) и др. Междоусобицы феодалов, войны с русскими княжествами, в т.ч. походы русских князей на Волжскую Булгарию и монгольские походы (1223, 1229, 1232 гг.) привели к ослаблению государства. В 1236-1237 гг. войска Батыя покорили Волжскую Булгарию. После упорной народной борьбы, кульминацией которых были два восстания – под предводительством Баяна и Джика в 1238-1241 гг. и Бачмана в 1237-1240 гг., – Волжская Булгария была включена в состав Улуса Джучи. В конце XIII – начале XIV в. распалась на Болгарское, Джукетауское, Казанское, Кашанское княжества. Булгарская культура стала важнейшим компонентом культуры татарского народа.

***

Предки татар имеют многовековой опыт государственности. Зачаточные государственные образования добулгарского периода существовали в этих племенах примерно в тот же исторический отрезок, что и Аланское, Аварское, Хазарское государства. В традиционной тюркологии первым государством булгар считается Великая Болгария.

Оно было образовано примерно в 630-е гг. в Северном Причерноморье. Хан Кубрат – самый известный руководитель существовавшего до середины VII в. государства Великая Болгария.

При распаде государства одна часть (под водительством одного из сыновей хана Кубрата – Аспаруха) ушла за Дунай, смешалась с местными славянскими племенами, передав название «болгары» местному славянскому народу и основанному вскоре государству, которые до сих пор так и называются.

Вторая часть булгар обратила свои взоры на Восток. Хотя имеются некоторые сведения об очень раннем пребывании болгар на Волге – еще во II в., однако систематическое и активное проникновение булгар в бассейн Волги и Камы начинает фиксироваться в источниках около 660 г. и происходило это под давлением хазарских племен Нижней Волги, принявших форму открытых военных столкновений. С этого началось постепенное освоение булгарами региона Средней Волги, нижнего течения Камы, Черемшана, Кондурчи, Самары, Суры, приведшее впоследствии к образованию здесь их государства.

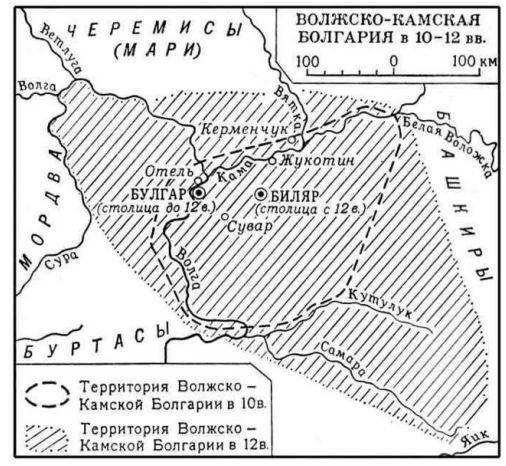
Этот очевидный факт естественно, как аксиома, принимается всеми исследователями. Того же мнения придерживались самарские иссследователи второй половины XIX в., в период, когда начиналось становление самарского регионального краеведения. Так, составители одного из первых исторических очерков о Самарской губернии в 1870 г. тоже отмечали, что «булгары (потом мало-помалу слившиеся с татарами, которые приняли исламизм) – древнейшие обитатели нынешней Самарской местности»[1].

Черноземная местность Средней Волги и Прикамья уже в древнейшее время была житницею для соседних стран в неурожайные годы. Г. Перетяткович, ссылаясь на первый том Полного собрания русских летописей, приводит выдержку из русской летописи 1024 г.: «Бе мятеж велик и голод по всей стране (Суздальской); идоша по Волзе вси людьи в Болгаре, и привезоша жито, и тако ожиша». И отмечает характерную для еще недавнего для истории времени – середины XIX в. – картину: на всем этом пространстве превосходные луга, плодоносные поля и прекрасные дубовые леса беспрерывно сменяют друг друга[2].

Название «Волжско-Камская Булгария» в общем-то объективно отражает географические параметры государства. Оно в начале XIII в. охватывало значительную территорию: (начиная с запада) от рек Ока, Сура, Свияга, Вятка, Кама, Уральские предгорья и реки Самары на юге. Такая трактовка источников вошла в качестве общепринятой в историческую литературу. Хотя некоторые исследователи с такой постановкой вопроса не согласны. Р.Г. Кузеев, например, считал, что Булгарское ханство охватывало территрию гораздо больше (см. карту).

Вполне вероятно, что территория Булгарского государства (или зона его влияния) простиралась и дальше на запад. Поскольку некоторые исследователи отмечают тот факт, что «от булгарского селения берет свое начало и Нижний Новгород»[3].

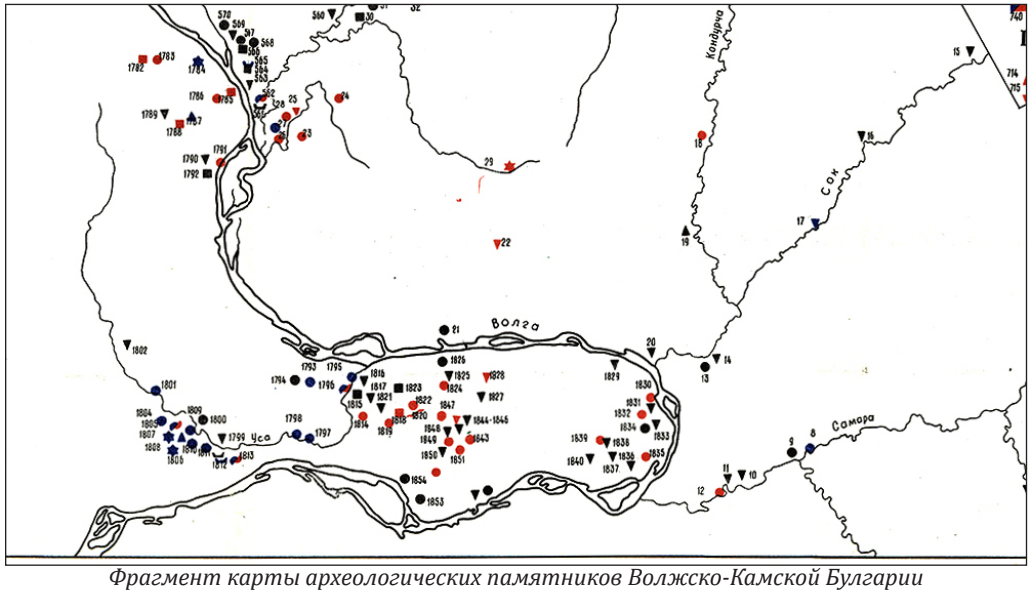
В число особенно населенных регионов Волжской Булгарии входила

[1] Самарские епархиальные ведомости. 1870. № 1. С. 5.

[2] Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI века. Очерки по истории края и его колонизации. М., 1877. С. 23.

[3] Елшин А.Г. Самарская хронология. Самара, 1918. С. 5.

Фрагмент карты археологических памятников Волжско-Камской Булгарии (X – первая половина XV вв.) Р.Г. Фахрутдинова

Самарская Лука, благодатная природа которой создавала большие удобства для живущих здесь людей и необходимые условия для развития сельского хозяйства, ремесел и торговли. В сельском хозяйстве ведущая роль принадлежала животноводству[1].

Именно здесь, как свидетельствуют документы, начинались южные границы Волжско-Камской Булгарии. Именно на Самарской Луке находился один из крупнейших центров страны, вошедший в историю под названием Муромский (или Валынский) городок. Поэтому установка в 2012 г. по инициативе и на средства самарского культурно-исторического фонда «Булгарское наследие» у села Ширяеево памятника «Летящий барс» выглядит вполне оправданным с историко-географической точки зрения.

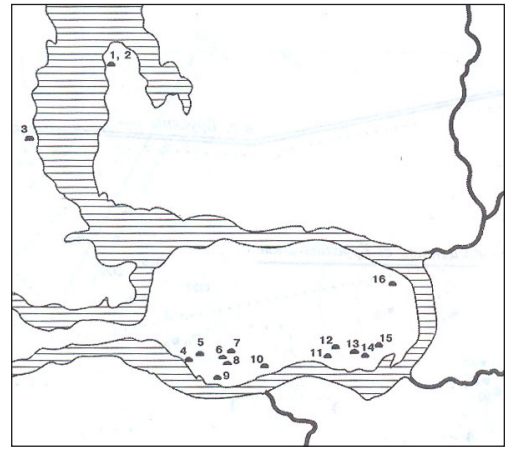
Свидетельства булгарской эпохи найдены в большом количестве и в других районах Самарского края. В целом, как подсчитал Р.Г. Фахрутдинов, обнаружены более 100 археологических свидетельств различного рода и качества, относящихся к булгарскому, золотоордынскому и казанско-ханскому периоду истории нашей области и прилегающих территорий[2].

Кроме Самарской Луки, эти памятники выявлены, в первую очередь, по берегам рек Кинель, Сок, Самара, Кондурча и др. и ждут более детального и глубокого изучения и систематизации (поподробнее об этих памятниках можно узнать в разделах, посвященных археологии Самарского края). Некоторые поселения времен Волжско-Камской Булгарии существуют до сих пор. Например, село Моркваши (ныне часть города Жигулевска) основанное булгарами в XIII в.

В книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (г. издания 1901-й) приводится своя карта «Царства Болгарского». Здесь указано, что оно занимало «большую часть территории нашей области – губернии Казанскую, Симбирскую, Самарскую и часть Саратовской». Значит, совпадающей с нынешней территорией Республики Татарстан с охватом прилегающих районов, в том числе и Самарской области. Авторы книги также упоминают о памятниках булгарской эпохи, выявленных к тому времени вдоль реки Майны, в районе сел Сиделькино, Каменка, Н. Аделяково[1]…

Возвращаясь в эпоху Волжской Булгарии, следует отметить, что уже в X в. Булгар был преимущественно мусульманским городом, а в городе Итиль (потом Саксин), по свидетельству арабского географа X в. Ибн-Хаукаля, было тридцать мечетей. У нового государства установились обширные связи с ближними и дальними странами. Поэтому здесь часто бывали путешественники, воспоминаниями которых мы сейчас пользуемся. Среди посетивших Булгарское государство были Ибн Фадлан (922 г.), его путевые заметки широко известны и до сих пор являются ценнейшим историческим источником, Абу-Хамид из Андалузии (1135 г.) – он познакомился с казый Якуб бине Ногман, автором книги об истории Булгарского государства и выписал из нее многие интересные сведения. Здесь (уже в более позднее время) побывал также Ибн Батутта (1330-е гг.), приехавший к хану Узбеку, а услышав в столице Золотой Орды – Сарае о городе Булгар, пожелал увидеть все своими глазами. Хан выделил для него специальную охрану и проводника. Путешественник побывал в Булгаре и прожил здесь три дня[2]. Мы должны отметить чрезвычайно важную роль Ибн Фадлана в истории нашей страны и нашего народа – со времени его посещения нашего края ни одно последующее географическое сочинение уже не обходилось без упоминания булгар. Получается, что Ибн Фадлан, по сути, открыл для мира новый народ.

Арабское источниковедение рубежа первого и второго тысячелетий по объему, полноте, всесторонности и потенциальной достоверности передаваемых материалов можно условно разделить на четыре источника – по авторам: Ибн-Фадлан, Абу-Зейд аль-Балхи, Эль-Джейхани и Аль-Масуди. Исследователи более позднего времени – арабы и персы Ибн-Хаукала,

Карта-схема исследованных раннеболгарских памятников: 1, 2 – Урень II, Старая Майна; 1,3 – Шиловка; 4 – Малая Рязань II, 5 – Малая Рязань I; 6 – одиночный курган Брусяны II; 7 – Брусяны III; 8 – Брусяны IV; 9 – Брусяны II; 10 – Осиновка III; 11 – Шелехметь II; 12 – Новинки III; 13 – Новинки I; 14 – Новинки II; 15 – Рождествено III; 16 – Выползово I

[1] История татар. Т.II. Казань, 2006. С. 241.

[2] См. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии, ее территория. Издание Казанского отделения Академии Наук СССР, Казань: 1975.

[1] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.В. Семенова. Т. IV. СПб., 1901. С. 115.

[2] Ахмаров Г.Н. Болгар тарихы (на тат. яз.) Казан, 1918. С. 66.).

Истархи, Мукаддеси, Аль-Хамави Якут, Ибн-Саид, Ахмед эт-Туси, Эль-Бекри, Ибн эль-Варди, Абу Хамид эль-Андалуси и другие – хотя в основу своих путевых заметок положили собственные наблюдения, но пользовались также и сведениями указанных авторов.

Сведения о Поволжье и Придонье (и не только о булгарах, но о хазарах и иных народах) оставили многие другие авторы. Персидский путешественник Ибн Даста побывал на землях Восточной Европы до 913 г. Его заметки еще раз подтверждают, что одна из мировых религий – ислам пришел в Волжскую Булгарию до 922 г., когда он был принят официально и закрепился в статусе государственной религии. И уже в конце X – начале XI в. Волжская Булгария стала, по классификации австрийского и американского востоковеда Густава фон Грюнебаума, страной «классического ислама».

Мусульмане жили не только на территории Волжской Булгарии, составляя основное ее население. Источники говорят о распространении ислама и в низовьях Волги, в пределах Хазарского каганата. «Главным их *(хазар – прим. авт.)* городом у них Сарашен, рядом с которым лежит другой город Ханбалыг… В обоих этих городах живут мусульмане, имея мечети, имамов, муэдзинов и начальные училища»[1].

Тем временем главный народ государства – хазары сами исповедовали иудаизм.

Далее читаем у Ибн Дасты: «Живут болгаре на берегу реки, которая впадает в море Хазарское (Каспийское) и прозывается Итиль (Волгою), протекая между землями Хазарской и Славянской. Царь Болгар, Алмуш по имени, исповедует ислам. Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых и живут.

Болгаре делятся на три отдела: один отдел зовется Берсула, другой Эсегель, а третий – Болгар; относительно образа жизни все трое стоят на одной и той же степени[2].

Ибн Даста пишет также о том, что булгары вели оживленную торговлю с хазарами и руссами.

«Болгаре народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие. Большая их часть исповедуеет ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами. Те же из них, которые пребывают в язычестве, подвергаются ниц пред каждым знакомым, которого встречают»[3].

«Подать царю своему платят они лошадьми и другим. От всякого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади. Когда приходят к ним мусульманские купеческие суда, то берут с них пошлину, десятую часть товаров.

Одежда их похожа на мусульманскую; равным образом и кладбища у них, как у мусульман. Главное богатство их составляет куний мех…, звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум диргемам с половиною. Белые, круглые диргемы приходят к ним из страны мусульман, путем мены за их товары@.

[1] Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста. Извлечения. Под ред. Д.А. Хвольсона. СПб., 1869. С. 17.
[2] Там же, С. 22.
[3] Там же, С. 23.

А вот что пишет о Среднем Поволжье булгарского периода аль-Омари: «Эта страна (одна) из самых больших земель, обилующая водой и пастбищами, дающая богатый урожай, когда сеется в ней (хлеб)… До покорения ее (этой страны) татарами, она была повсюду возделана, теперь же в ней (только) остатки этой возделанности»[1].

Приведенные здесь и другие сведения о средневековой истории Восточной Европы – нельзя назвать мало- или тем более совсем неизученными. С ними много и серьезно работали европейские (прежде всего немецкие – целое общество немецких ориенталистов со своей школой и традициями) и наши дореволюционные отечественные ученые – историки, географы, лингвисты и другие. Но, несмотря на очевидную ценность такого рода письменных источников, в наших учебниках истории (дореволюционного, советского и нынешнего периода) достойного места они все равно не нашли. Поэтому многие интересные факты, относящиеся к прошлому юго-востока России, известны только узкому кругу исследователей. Это относится, в частности, к истории городов, которые существовали в этом регионе уже на стыке двух тысячелетий новой эры…

«Хазары имеют город по имени Семендер, лежащий между Итилем и Дербендом, – пишет другой арабский путешественник Абу-Зейд аль-Балхи. – В этом городе много садов и, как говорят, около 40 000 виноградных деревьев… Из фруктов больше всего встречается виноград. В этом городе также живет много мусульман, и они имеют мечети…».

Сами авторы не оставили точных координат и ориентиров местоположения указанных городов. Поэтому исследователи этих путевых заметок затрудняются определить точное место расположения этого и других городов Хазарского каганата и находящихся на территориях других государственных образований того времени (речь идет о десятке городов или городищ). Но сравнительный анализ их показаний и сверка приведенных данных с фактами и описаниями из других источников указывает, что один из этих городов – Семендер находился между Волгой и нынешним городом Дербентом на берегу моря (на территории нынешней Калмыкии). Кстати, Мукаддеси (более поздний, чем Аль Балхи, автор), основываясь на труды предшественников, прямо так и указывает «Семендер – большой город у Каспийского моря». И отмечает: «Мечетей там много»[2].

Много и часто говорится в арабских источниках и меньше всего в отечественной исторической литературе еще об одном городе, существовавшем на юго-востоке нынешней России. Чаще всего он называется Саксин. Его место, указанное арабскими географами, одними исследователями определяется таким же сравнительно-оценочным методом – на реке Яик (Урал). Сторонники этой точки зрения приводят, как довод с пользу свой теории, также и одну русскую летопись 1229 г., выдержку из которой приво-

[1] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, извлечение из арабских источников. СПб., 1884. С. 233.
[2] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч., С. 63.

дит Н.М. Карамзин[1]: «Того ж лета Саксины *(жители этого города – прим. авт.)* и Половцы избегоша изнизу к Болгарам перед Татары, и сторожеве Болгарский прибегоша, бьени от Татар близ реки, ей же имя Яик».

Но это – не последняя и не единственная точка зрения. Саксин – один из самых древних городов вдоль Волги, известен, как мы видим, еще со времен хазарских под названием Итиль. Выдающийся русский востоковед, исследователь истории, исторической географии, литературы и культуры Персии и Закавказья В.Ф. Минорский (1877-1966 гг.) не соглашался с общепринятой трактовкой названия города, как Саксин. Основываясь на трудах восточных путешественников Хамдаллаха Казвини, Наджиба Хамадани и Ахмада ат-Туси, он предлагал две этимологии этого названия. В латинском варианте они выглядели как Sarichin («Желтый остров») и Sari-cin («Желтая могила»)[2].

Два варианта написания слова несколько разнятся, но оба демонстрируют удивительное созвучие с самым известным и, как официально принято считать, первым названием города Царицын (ныне Волгоград).

…Сведения о Болгарском государстве передавались из века в век. Федот Котов, проплывший по Волге в 1623 г. и оставивший о своем путешествии интересные заметки, писал: «А от Тетюш… в степь там бывало царство болгары и балымеры полаты и мечети дворы и погребы все знати и всякого камени много»[3].

К Федоту Котову мы еще вернемся.

Говоря о месте Волжской Булгарии в торговых отношениях с соседними и дальними странами, академик В.В. Бартольд приводит список булгарских товаров на экспорт, оставленный арабским географом второй половины X в. аль-Макдиси: «Меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, борбров, зайцев и коз, также свечи, стрелы, кора белого тополя, высокие шапки, рыбий клей, рыбьи зубы, касторовое масло, амбра, выделанные лошадиные кости, мед, лущенные орехи, соколы, мечи, панцири, березовая кора, славянские рабы, бараны, коровы – все это получалось из Булгара[4].

После принятия ислама в качестве официальной религии в 922 г. Волжская Булгария уже через столетие была вполне мусульманской страной. Известно, что булгары «проявили свой религиозный порыв в попытке обратить в магометансто даже русских славян, отправив к Владимиру в 986 г. своих миссионеров, но безуспешно»[5].

С русскими булгары находились в постоянных и оживленных торговых сношениях, являясь посредниками между ними, арабскими и среднеазиатскими купцами. Но торговые отношения часто прерывались периодами враждебных отношений, доходящих до военных столкновений. Первые, записанные русскими летописцами, походы русских на болгар были предприняты Святославом в 969 г. и Владимиром в 985 г. При этом, хотя русские и вышли победителями, тем не менее должны были убедиться в высоком

[1] История Государства Российского. СПб., 1842, Т. 2. С. 166.
[2] Пилипчук Я.В. Находился ли Саксин в составе Дешт-и-Кипчак? // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 3-4. 2013. С. 154.
[3] Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.А. Котова. СПб., 1911. С. 5.
[4] Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900. С. 295.
[5] Россия. Полное географическое описание… С. 111

уровне болгарской культуры. «Они все в сапогах, – докладывал Добрыня Владимиру, – эти не будут платить нам дань, поищем лапотников». Город «Великие Булгары были ярмаркой для всего края». А для «инородцев» Булгарского государства такие условия привели их к оседлому образу жизни, замене пастушеского быта земледельческим, появились города, язычество начало уступать место магометанству[1].

Левобережная сухопутная дорога проходила из центральных районов Волжской Булгарии на Нижнюю Волгу. Вдоль этой дороги по рекам Утка, Майна, Красная, Урень, Калмаюр, Черемшан (Малый и Большой) имели сообщение с волжской речной трассой. В районе Кондурчи и Самары левобрежная сухопутная дорога пересекалась с широтной дорогой, идущей в Среднюю Азию. Именно по этой дороге в 921-922 гг. проследовала знаменитая делегация багдадского халифа[2].

В XI в. в северо-восточной части Руси (на Ростовской земле) шла ожесточенная борьба за окончательное утверждение христианства и славянского элемента. С их победой некоторые (проигравшие) жители этого края - славяне ушли от крещения и поселились в Булгарии, где они, как повествует летопись более позднего времени, «житие татарское, веры бесермянския изволиша»[3] .

Насколько был богат город Булгар и как далеко на Восток шли его торговые связи, видно из такого факта: булгарский эмир Абу Исхак Ибрахим во время приезда большой делегации Персии послал туда большие деньги на постройку пятничных мечетей в персидских городах Себзаваре и Хосроужирде, а также большие подарки падишаху Хорасана[4].

В 1236 г. множество болгар, спасаясь от монгольского нашествия, прибежало на Русь, известив Суздальского князя Юрия Всеволодовича о нашествии азиатских завоевателей. В течение одного месяца монголы захватили 14 русских городов, почти до Великого Новгорода.

О событиях 922 г. – приезде делегации багдадского халифа и окончательном принятии волжскими булгарами исламской религии – в литературе написано много и подробно. К этому можно только добавить еще несколько интересных сведений.

Гайнутдин Ахмаров в своей книге «Булгарская история» пишет о том, что когда наши предки приняли ислам, доподлинно неизвестно. Но народная легенда и сведения средневекового историка Хисамутдина аль-Муслимин, автора труда «Рисалэи Таварих-и Булгария» («Очерки истории Булгарии»), отсылают к эпохе, когда еще был жив Пророк Мухаммед – в 663 г. три его сподвижника приезжали в Булгар и по их призыву булгары уже тогда начали принимать ислам.

А после приезда в Булгарию делегации халифа ислам после 922 г. начал повсеместно распространяться и среди башкир. Хисамутдин эль-Муслимин указал на места, где похоронены пер-

[1] Там же. С. 117.
[2] Вискалин А. В. К вопросу о формировании важнейших путей Симбирско-Ульяновского Заволжья. «Краеведческие записки». Вып. X. Ульяновск, 2005. С. 7-8
[3] Перетяткович Г. Указ. соч. С. 69.
[4] Абу-л Хасан Бейхаки (Ибн-Фандак. Тарих-и Бейхак. 1317 г. Цитата по: Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 24).

вые исламские богословы из башкир, они получали свои первые знания именно в Булгаре[1].

Подчеркивая важное значение факта принятия ислама волжскими булгарами, академик В. Бартольд писал: «В Восточной Европе, на Волге, граница области распространения ислама уже в IX веке продвинулась на север до 55 градусов. В Азии до такой широты не доходили даже географические познания мусульман, передовой пост ислама на Волге оказал большое влияние на дальнейшее распространение мусульманства и его культуры; благодаря ему в новейшее время, в связи с установлением русского господства, ислам распространился в Сибири и Средней Азии не только с юга, но и с севера»[2].

ЭПОХА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Историческая справка

ЗОЛОТАЯ ОРДА (Алтын Урда), – феодальное государство, сложилось в 40-х гг. XIII в. из собственно Джучи Улуса и завоеванных Батыем земель. Территория – степи Восточной Европы Приаралья и Западной Сибири, Волжская Булгария, Северный Кавказ, Крым, русские, болгарские (на Дунае) княжества (Видин, Тырново и др.), Сербия – находилась в вассальной зависимости от Золотой Орды. Состояла из двух частей (крыльев) – Ак Орды и Кок Орды. Основателем Золотой Орды считается Батый. До 1260-х гг. Золотая Орда входила в состав Монгольской империи, ее ханы признавали вассалитет по отношению к великому кагану и отчисляли часть своих доходов в Каракорум. В правление Менгу-Тимура (1266-1282 гг.) она стала самостоятельной. Ханы начали чеканить монету с тамгой Джучидов. Столицы: Сарай аль-Махруса, с первой половины XIV в. – Сарай аль-Джадид. Основное. население: кипчаки, кимаки, булгары, хазары, монголы, татары, славяне. Процветало кочевое скотоводство, земледелие; в гг. Болгар, Джукетау, Сарай аль-Махруса, Сарай аль-Джадид, Азак, Крым, Маджар, Мукша, Хаджитархан, Хорезм, Сарайчик развивались различные ремесленные производства; осуществлялась торговля с Западной Европой, Закавказьем, Персией, Средней Азией, Индией, Китаем. Население по монгольской традиции делилось на кочевую аристократию (ханы, нойоны, беки, эмиры, мурзы), военное сословие (темники, батыры, нукеры) и чёрных людей (кара халык). Верховный правитель – хан из рода Джучи, на местах – ханские наместники – баскаки (до нач. XIV в.), улусбеки. Основные правящие роды – Аргын, Барын, Кипчак и Ширин. Во 2-й пол. XIII – XIV вв. ханы Золотой Орды организовывали походы на Волынь, Польшу, Литву, Балканы, участвовали в междоусобной борьбе русских князей. Наивысшего могущества Золотая Орда достигла при Узбеке. При нём ислам становится государственной религией, развивалось каменное градостроительство (насчитывалось свыше 100 городов) и декоративно-прикладное искусство, сложился поволжский тюркский литературный язык и создавалась на нём литература (Сайф Сараи. Сараи Ахмад Ходжа, Сараи Гулистани Махмуд и др.). В 1360-1370 гг. Золотая Орда охватила междоусобная борьба претендентов на ханский трон *(*«Великая замятня»), которая завершилась захватом власти на Правобережье Волги Мамаем, правившим от имени номинальных ханов Абдуллах хана, Мухаммад-Буляка. Мамай потерпел поражение в Куликовской битве 1380 г. При Токтамыше (Тохтамыше) Золотая Орда, в том числе её левое крыло, была объединена, приведена в покорность большая часть обособившихся перед этим вассальных улусов, проведён ряд реформ. Войны 1380-1396 гг. между Токтамышем и среднеазиатским правителем Тимуром закончились разгромом войск Токтамыша в битвах на Кондурче и Тереке) и разорением золотоордынских городов. В нач. XV в. Золотая Орда была вновь объединена Идегеем, правившим от имени ханов Шадибека и Булат-Султана. После гибели Идегея (1419 г.) Золотая Орда постепенно распалась на несколько больших государств: Казанское, Крымское, Астраханское, Сибирское ханства, Ногайская Орда. В эпоху Золотой Орды были заложены основы государственности и культурных традиций многих народов Евразии – прежде всего татар, а также казахов, узбеков, башкир и других.

***

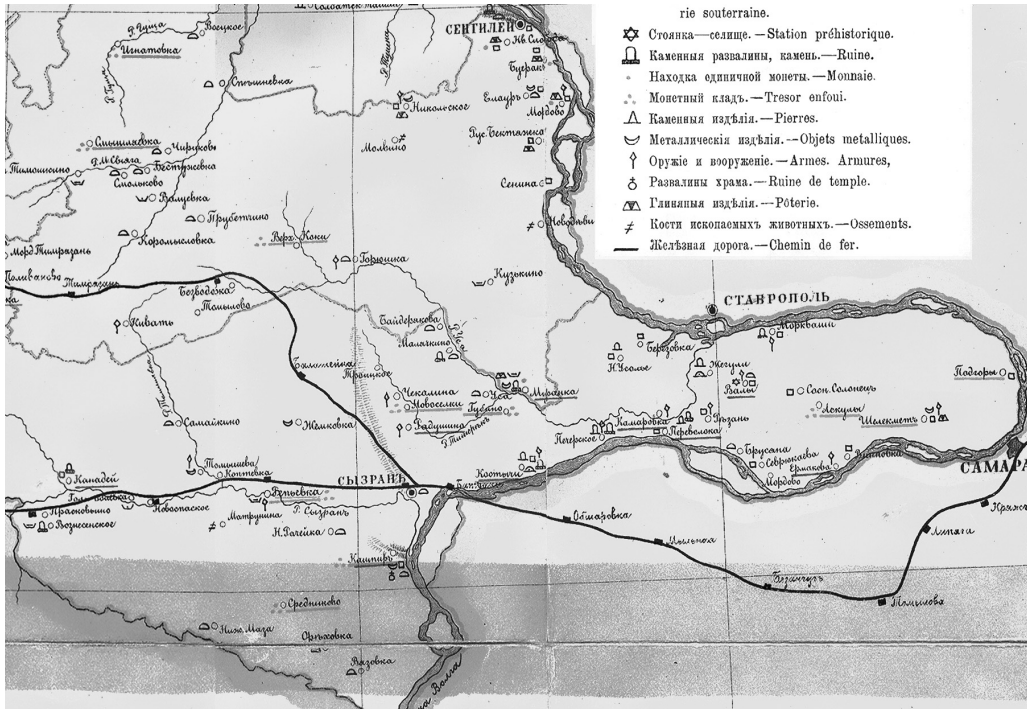
Золотоордынский период – важная веха в истории нашей страны, всей Евразии и населяющих ее народов. В том числе татарского. Еще несколько десятилетий назад знаменитый советский ученый А.Ю. Якубовский писал: «Без знания истории Золотой Орды невозможно понять историю Казанского, Астраханского, Крымского ханств, поскольку они появились только с распадом Улус Джучи. То же самое можно сказать об огромных «южнорусских степях», Северного Кавказа и степей на север от Каспийского и Аральского морей, где, собственно, и было расположено это некогда могучее государство. Невозможно также объективно представить историю Татарской Республики. В своем прошлом татары, ныне живущие в ней и прилегающих территориях и являющиеся потомками волжских булгар, тем не менее, теснейшим образом связаны с Золотой Ордой, как политически, так и культурно»[1].

Золотая Орда сыграла значительную роль как в истории Евразии в целом, так и в исторических судьбах многих народов. Наш край – Средневолжский – являлся северо-западной частью (улусом) золотоордынской империи, и оттого объективное изучение и понимание ее истории приобретает для нас невероятно важное значение. Строго говоря, золотоордынский период, как и предыдущий – волжско-булгарский, а потом и последующий за ним – казанско-ханский, собственно и являются сменяющими друг друга вехами средневековой истории нашего края до его вхождения в состав Русского государства.

Поселения золотоордынской эпохи на территории нынешней Самарской области, как показали археологические раскопки, были расположены отдельными группами больше всего вдоль Самарской Луки, по берегам Вол-

[1] Ахмаров Г.Н. Болгар тарихы (на тат. яз., Казань, 2000. С. 57.).
[2] Бартольд В.В. Этнографический состав мусульманского мира. Сочинения, т. VI, стр. 243

[1] Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. 1950. С. 10.

Фрагмент карты В.Н. Поливанова

ги (вверх и вниз по течению). А также по берегам рек – Самара, Сок, Кинель и др[1]. На карте «Археологических памятников…» Р.Г. Фахрутдинова, на «Археологической карте Симбирской губернии» В.Н. Поливанова и на картах, составленных в 1990-е гг. самарскими археологами Р. С. Багаутдиновым, А.В. Богачевым, С.Э. Зубовым, они тоже достаточно хорошо просматриваются.

Название Золотая Орда – в таком виде начало употребляться во второй половине XVI в., когда самого государства уже не существовало. До этого применялись названия Орда, а также Улус Джучи (наследственный удел потомков Джучидов – правящей династии Монгольской империи, Золотой Орды и татарских ханств) и Дешт-и Кыпчак (кипчакская степь, территоррия от Дуная до Иртыша, от Сыр-Дарьи до Волжской Булгарии и русских княжеств).

Политическим центром русских князей на долгое время стало Нижнее Поволжье, где была построена столица Золотой Орды – Сарай и другие города, потому что споры между ними чаще всего разрешались в Орде[2].

Время становления Золотоордынского государства приходится на вторую половину XIII в., после того как огромные просторы на стыке Европы и Азии потрясли войны, принесенные многочисленными армиями монголо-татарских завоевателей, во главе которых стоял Чингисхан и его потомки, представлявшие династию Джучидов.

По словам Плано Карпини, в 1246 г. в ханском войске было около 600 тысяч человек, из них татар – только 150 тысяч, остальные христиане и другие неверные.

[1] История татар. Т. III. Казань, 2009. С. 408.
[2] Перетяткович. Указ соч. С. 90.

Первой резиденцией ханов стал Булгар, пока в 50-е гг. XIII в. на Нижней Волге не была построена собственно первая столица Золотой Орды – Сарай. Несколько слов о происхождении слова «Сарай», которое сейчас в татарском и других родственных языках употребляется в значении «дворец» (и совершенно противоположное в русском языке).

Исследователи Золотой Орды конца XIX в. излагают такую версию значения слова «Сарай» и того, почему такое название получила столица нового евразийского государства. Это название, по мнению Ф. Сурина, происходит от слова «Сар», означавшее в древнеазиатских языках «предводитель, первенствующий, предводитель войск», и татарского «өй» – дом, жилище. Иначе говоря, Сарай – это «местонахождение предводителя» или «дом предводителя». А для отличия ханских резиденций от других дворцов к слову «Сарай», вероятно, прибавляли прилагательное, заменявшее имя города, его прозвище. Например, джедид – новый, ас (аз) – малый, гур – могила[1].

В состав Золотой Орды вошли степи Восточной Европы вдоль среднего и нижнего течений Волги и Дона, русские и болгарское (на Дунае) княжества, Волжская Булгария, Северный Кавказ, Приазовье, Крымский полуостров. Арабский путешественник Ал-Мудафал тоже сообщает важные сведения о территории, которую занимала Золотая Орда в начале XIV в.: «Наступил 710 г. (31 мая 1310-19 мая 1311 г.). Владетелем степей Кипчакских был царь Токта… Границы царства его (простираются) в длину от моря Стамбульского до реки Иртыша около 6 месяцев, а в ширину от Булгара до Железных Ворот *(Дербента – прим. авт.)* около 4 месяцев (*пути – прим. авт.)*[2]

Бассейн Средней Волги и Камы – территория Волжско-Камской Булгарии – был самым северным улусом Золотой Орды. Шихаб ад-дин Ал-Калкашшанди (его записки относятся примерно к 1410 г.) называет Булгар седьмым округом государства.

Арабский купец Бедр-ад-дин Хасан ар-Руми, побывавший в Восточной Европе в первой половине XIV в., сообщает: «Границы этого государства со стороны Джейхуна (Аму-Дарьи) – Хорезм, Саганак, Айрам, Дженд, Сарай, Сарай Берке, Маджар (*на Кавказе – прим. авт*.), Азак (Азов), Акча-кермен (Аккерман на Дунае), Кафа, Судак, Саксин, Хажитархан, Укек, Булгар, область Сибирь, Ибирь, Башкырд, Чулман (на Каме)…».

Думается, небезынтересным будет и свидетельство более позднего времени. «После этого мы пришли к зеленому веселому месту, где в давние времена стоял татарский город по имени Унеровская Гора [Ундоры]. Здесь, как говорят местные жители, похоронен знатный татарин, которого они считают святым, и к его могиле еще часто отправляются помолиться живущие вокруг татары»[3].

В.Л. Егоров насчитывает 35 поволжских золотоордынских городов, которые точно существовали в период XIII – XIV вв. Среди них наиболее близкие к нам географически – городища Переволоки (у одноименного села

[1] Поездки к бывшим волжским столицам к развалинам бл.г. Царева и села Селитренного. Ф.С. Издательрин Казань, 1896. С. 22.
[2] Становление и расцвет Золотой Орды. Сборник документов. Казань, 2011. С. 123.
[3] Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 8.

в Сызранском районе), еще одно Переволокское городище (на другом берегу Волги, у города Сенгилей), Костычи (в нескольких километрах выше Сызрани), Крестово городище (на левом берегу Волги, напротив Ульяновска), Канадей (на берегу реки Сызранка)[1].

Г.С. Саблуков в своей работе «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» дополняет списки, приведенные выше, новыми названиями городов – Услан, Берекзан, Джулад, Махмуд-Абад.

Как видим, работы различных исследователей подводят нас к выводу, что в период Золотой Орды Поволжье представляло собой целую сеть городов. Они возникали на кочевнических землях как военные крепости с целью установления власти нового государства, но «эти цели с течением времени нивелировались, крепости превращались в города, которые развивали новые производства, новые трудовые навыки, знания и культуру, превращаясь в очаги иной, более высокой цивилизации»[2].

Некоторые города Орды возникли на месте военных лагерей: Хан-Керман (нынешний Касимов Рязанской области), Керменчуг (на реке Вятка), Кременчук (на Днепре), Темников, что на территории нынешней Республики Мордовия. Основание других связано с развитием местной или караванной торговли: это Наровчат – Мохша, Бездеж (на правом берегу Волги, недалеко от нынешнего Ульяновска), Укек, Бельджемем и упоминавшиеся уже Хажитархан и Укек.

На карте Пицигани (1367 г.) и Каталонской карте, составаленной практически вслед – в 1375 г., кроме пункта Samara, отмечены следующие города – Bulgar, Carnbdoni, Sibir, Tora. На карте Фра Мауро (1459 г.) на восточном берегу Волги отмечаются следующие населенные пункты, известные итальянским купцам и, вероятно, имевшие торговое значение: Sotrage, Apacha, Samara[3].

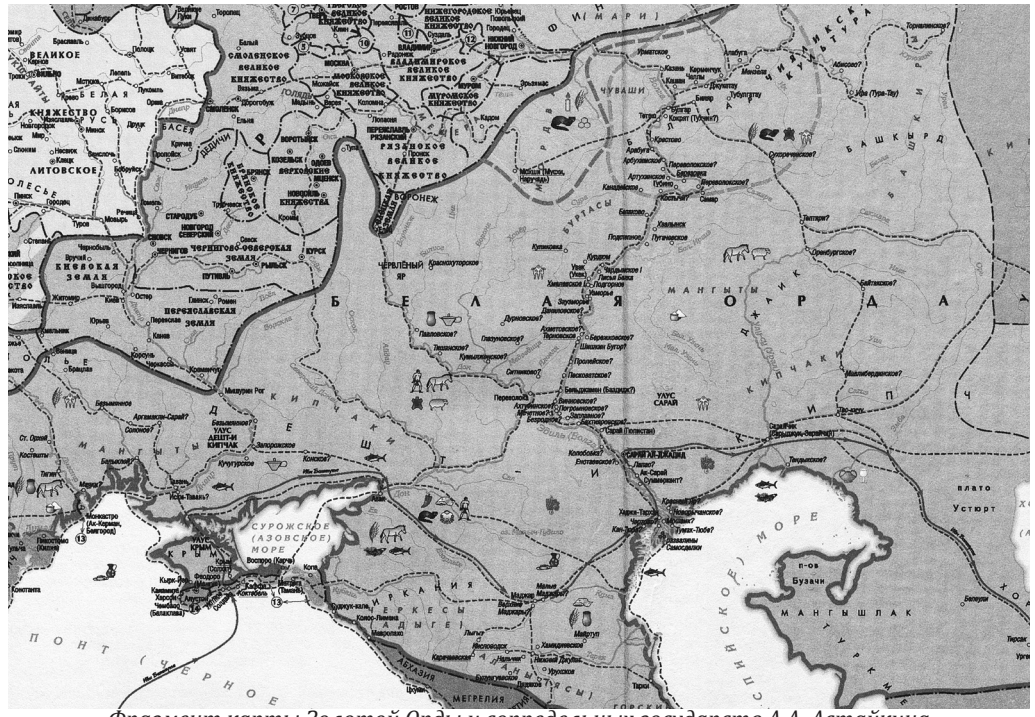
Еще несколько городов (в связи с мором в Орде в 1343 г.) перечисляет Павел Рычков: Чалдай, Орначай и Астрахань[4].

Целый перечень городов эпохи Золотой Орды приводят в своих работах современные исследователи Л.Ф. Недашковский[5], Н.Н. Грибов[6]. Кроме названных выше, это – Курмыш, Наровчат, Биляр-Торецкое, Самара и другие.

Авторы упомянутого выше «Полного географического описания…» также напоминают об одном городе золотоордынского периода: «до основания русского города Сенгилея на этом месте существовало татарское городище»[7].

Есть сведения о том, что 1648 г. – это дата основания уже «нового» города Симбирска, а до этого здесь «в живописном урочище… прежде находилось булгарское или татарское поселение с таким же названием» [8]. Имеются также основания предполагать, что

[1] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 107.
[2] Кучкин В.А. «Samar», Самара и поволжские города в XIII-XVI в. //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 124.
[3] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 78, 83, 84.
[4] Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. С. 37.
[5] Золотоордынский город Укек и его округи. М., 2000.
[6] Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды. Казань, 2010.
[7] Указ. соч. С. 406.
[8] Г.П. Перетятковичволжье в XVII и начале XVIII веках. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 74.

Фрагмент карты Золотой Орды и сопредельных государств А.А. Астайкина

и на месте нынешней Сызрани существовало татарское (или ногайское) поселение (неопределенного типа), возникшее примерно в XV в.[1] Все его следы были утеряны после XVII в., когда началось активное строительство нового города.

Основание нескольких городов Самарского края, как свидетельствуют многие дореволюционные источники, тоже связано со средневековыми татарскими государствами. Вот что сообщает о них «Историческая справка о городах губернии», опубликованная в первой «Памятной книжке Самарской губернии…»: «Окрестности нынешнего города Бузулука и местность, им занимаемая, носят очевидные следы весьма давних поселений. В иных местах встречаются остатки валов и рвов, в других попадаются кирпичи уничтоженных зданий. Народные предания утверждают, что здесь существовал татарский город, в котором жил Абдулгани-хан. В прошедшем столетии здесь еще были развалины кирпичных мечетей и других зданий, совершенно разоренные первыми поселенцами Бузулука, выбравшими кирпич на свои постройки»[2].

А современный город Бузулук возник в 1736 г. уже в новом виде, как крепость–форпост продвижения Российской империи в юго-восточном, центрально-азиатском направлении. Сделано было это по инициативе И. Кирилова, первого руководителя Оренбургской экспедиции, который убедился, что сообщение Оренбургского края с внутренней Россией гораздо ближе и удобнее через Самару,

[1] Город Сызрань. Очерки географии, истории, культуры, экономики. Т. I. Сызрань, 2008. С. 63.-64.
[2] Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг. Самара, 1864. С. 157.

а не через Казань и предложил строить по этой линии крепости.

«Местность, ныне занимаемая Бугурусланом, как видно, была заселена и в древнее время. На вершине горы Шихана, сохранились еще остатки земляных укреплений. Старожилы-горожане еще помнят и следы бывших здесь строений. По их рассказам, здесь находился татарский городок»[1].

О городе Пугачев (тогда Николаевск). «Еще в декабре 1762 г. раскольники, переселившиеся из Польши, основали слободу Мечетную, названную так потому, что поселенцы обнаружили развалины трех мечетей. По-видимому, каменных. По той же причине названа река Мечетка, впадающая в приток Волги – Большой Караман.

Мечетная слобода 18 декабря 1836 г. была переименована в город Николаевск и стала уездным городом заволжской части Саратовской губернии. А с 6 декабря 1850 г. была причислена к Самарской губернии».[2] Далее составители «Памятной книжки» сообщают, что все эти сведения взяты из IV тома серии «Городские поселения в Российской империи», которая издавалась МВД.

Дальнейший свет на прошлое волжских городов эпохи Золотой Орды проливает «Памятная книжка Самарской губернии на 1910 г.»:

«Обе карты (здесь речь идет о картах Пицигани и Фра-Мауро – прим. авт.) представляют собой целый ряд городов и улусов по обоим берегам Волги в пределах Среднего Поволжья… На месте Саратова по обоим берегам – города, на месте Царицына тоже город. Сарай – в верховьях Ахтубы[3].

Из указанных в «Памятных книжках…» городов достаточно изучен только Булгар, а про остальные можно сказать о месте их нахождения, в отношении же некоторых неизвестно даже это, что являет собой огромное поле для работы исследователей, в первую очередь археологов.

Что касается внешней политики Золотой Орды, то, благодаря приобретению за сравнительно короткий срок большой территории и высокой организации государственного механизма, она уже через несколько десятилетий – ко второй половине XIII в. превратилась в одно самых могущественных держав Евразийского континента. И стала важнейшим игроком международной дипломатии, в которой столкнулись интересы таких стран, как Византия, Персия, Сирия, Армения. Одно из старейших к тому времени мусульманских государств Востока – Египет, в котором правила знаменитая династия Мамлюков, старался поддерживать отношения с Золотой Ордой[4].

Такие отношения были также с Византийской империей, Индией, Китаем, другими странами. В этой связи осталось очень живописное повествование арабского путешественника аль-Айни о встрече ордынской невесты (в источнике – хатун) Тулунбай сначала с византийским императором Даскарисом в Константинополе, а потом в Александрии, во дворце египетского султана. Ей были оказаны действительно, без преувеличения, царские почести. Такой прием, безусловно, характеризует отношение иностранных держав к государству, которое в данном случае гостья представляла.

Государство Джучидов стало важнейшей составляющей частью восточного и в целом мусульманского мира. Поэтому понятна осведомленность арабских историков и путешественников о событиях, происходивших в Золотой Орде, и поэтому являются сейчас важнейшей и значительной по объему частью источников по ее истории.

Примечательно, что восточные источники (арабские и персидские) не относили русские земли к владениям Улус Джучи. Русские княжества рассматривались как государства, хотя и зависимые и платящие дань, но имеющие «своих князей», т.е. свою власть.

Общеизвестно, что основателем Золотой Орды стал хан Батый. По свидетельству арабского путешественника аль-Джуздани, «он был человек справедливый и друг мусульман; под покровительством его мусульмане проводили жизнь привольно. В лагере его и у племени были устроены мечети с общиной молящихся, имамом и муэдзином. В продолжение его царствования и в течение его жизни странам ислама не приключалось ни одной беды по его собственной воле, ни от подчиненных его, ни от войска его»[1].

Сделав Поволжье центром улуса Джучи, Бату и его преемники потратили много усилий, чтобы поднять экономическую жизнь правого и левого берега Волги. Однако особенное внимание они обратили на возрождение городской жизни, связанной с ней торговли, которая должна была пополнить казну государства»[2].

Такая политика способствовала экономическому и политическому развитию Приволжского региона. «С основанием Золотой Орды впервые начинается расцвет жизни в Нижнем и Среднем Поволжье по обе стороны Волги – писал в 1910 г. исследователь истории Самарского края Г.И. Колесников, – здесь впервые кладется начало гражданственности *(цивилизации – прим. авт.),* возникают прекрасные каменные города Сарай, Укек, Сумеркент и другие, которые начинают соперничать с древними городами Востока, появилась обширная торговля в лице Индии и Западом в лице Генуи и Венеции; благодаря торговле завязались дипломатические отношения с восточными и западными странами. Край, благодаря торговле и скотоводческому промыслу начинает быстро обогащаться, а установившиеся формы гражданственности обеспечивают безопасность передвижения по стране»[3].

Начиная с 30-х гг. XIII в. в Монгольской империи и ее составной части – Золотой Орде начала действовать почтовая связь. При хане Берке в 1257 г. в русских феодальных княжествах была проведена первая перепись населения.

В правление Менгу-Тимура (1266-1282 гг.) Золотая Орда стала независимой от центральной власти и начала проводить самостоятельную политику. С этого времени чеканилась соб-

[1] Памятная книжка… С. 159
[2] Там же. С. 161
[3] Раздел 5. С. 34.
[4] С. Закиров Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом в XIII – XIV вв. М. Наука. 1966. С. 144.

[1] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечение из персидских источников. С. 15
[2] Б.Д. Греков, Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 63.
[3] Памятная книжка Самарской губернии на 1910 г. Самара, 1910. С. 62.

ственная монета с тамгой Джучидов. Долгие годы, начиная с начала XIV в., столицей золотоордынского государства был город Сарай аль-Джадид, находившийся в районе нынешнего поселка Селитренное Ахтубинского района Астраханской области. Основное население составляли татары, булгары, кипчаки, кимаки, хазары, монголы, славяне.

В начале XIV в. в Золотой Орде наступил подъем производительных сил. Обе столицы государства – Сарай и Новый Сарай – стали богатыми и крупными ремесленно-торговыми городами.

Высокую оценку состоянию архитектуры и убранству городов Улус Джучи дает Ф. Баллод: «Гений мастеров, работавших для татарского народа, в одинаковой мере сознавал красоту и гармонию линий и колорита в эпоху Золотой Орды, когда строились приволжские города, мечети и дворцы»[1]. К середине XIV в. держава Джучидов представляла собой вполне сформировавшееся государство, хотя и достаточно своеобразное. На ее территории располагалось несколько регионов, резко различавшихся и по этническому составу населения, и по уровню его общественного развития, и по характеру основных занятий и экономики. Центр Золотой Орды (Поволжье) и южная периферия (Молдавия, Крым, Хорезм, сырдарьинские оазисы) являлись земледельческими областями со старой городской культурой; территория бывшего Булгарского ханства тоже сохранила свой земледельческий и торгово-ремесленный характер, Дешт-и Кипчак (Степь кипчакская), включавшая степную зону низовьев Волги и Яика, продолжал оставаться обиталищем кочевников; племена Сибири, Урала и Приуралья вели жизнь лесных охотников. Несмотря на эти отличия, перечисленные владения в целом были объединены унифицированной системой управления и налогообложения, общими идеологией (ислам), денежным обращением, улусно-провинциальным делением.

Расцвет Золотоордынского государства связан с ханом Узбеком, который правил в 1312-1342 гг. По словам арабского путешественника аль-Бирзали, «он исповедывал ислам, отличался умом, красивой внешностью и фигурой». Арабские источники конца XIII в. отмечают, что «здесь *(в Орде – прим. авт.)* Коран читается на египетский лад»[2] .

Ислам не был господствующей религией, хотя хан, городская знать и весь правящий класс, начиная с эпохи Узбека, полностью перешли в мусульманскую религию. Поэтому ислам естественным образом приобрел статус государственной религии. Многие области (улусы) Золотой Орды уже до прихода монголов были мусульманскими: Булгар, Хорезм, земли буртасов. Были также буддисты, язычники-шаманисты. Свидетельств религиозного гнета представителей той или иной веры документы по истории Золотой Орды не зафиксировали.

При хане Узбеке столица была перенесена в Новый Сарай (Сарай Берке). Ибн-Батутта, в 1333 г. путешествовавший из Булгара в низовья Волги, оставил лучшее описание этого города. По приказанию хана Узбека, в Сарай Берке строились мечети, медресе, мавзолеи, дворцы, другие общественные здания, от которых к XX в. остались только скрытые кое-где фундаменты и главным образом элементы декоративного убранства – мозаичные и расписные глазированные изразцы.

Величие Нового Сарая (более позднего периода – при хане Тохтамыше) нашло краткое описание также и в дастане «Идегей»:

Ходила молва из края в край,
Хвалила его город Сарай:
Сотни башен взметнулись там,
Восемьдесят башен там!
Алтын Таш – Золотой дворец.
Лег на желтый мрамор багрец...[1]

А в городе Старый Крым (Солхат) до сих пор сохранилась мечеть с великолепным резным каменным порталом, с датой постройки и именем самого Узбека[2].

Кстати, прочная связь Золотой Орды и одного из ее преемников – Крымского ханства была закреплена не только в архитектуре и градостроительстве. Сигизмунд Герберштейн писал, что «все татарские цари Тавриды ведут свое происхождение от заволжских царей[3]**.**

Иерархия ордынской аристократии была, как и в других странах, многоступенчатой и сложной. В ее состав, кроме прочих, входили огланы и тарханы. Эти звания потом перешли в государственную номенклатуру Казанского, Астраханского и других татарских ханств. К числу тарханов относились не только крупные землевладельцы, но и люди среднего достатка. Звание тархана получить было крайне сложно, но очень выгодно, поскольку оно давало целый ряд льгот и фактически означало освобождение от податей и налогов.

Крестьянин (в источниках «сабанчи», татар. – плугарь) был основной фигурой земледельческого труда, руками которого обрабатывались поля в Крыму, Булгарской земле и Нижнем Поволжье. В той сравнительно узкой культурной полосе правого и левого берега Волги, где существовали города и оседлые поселения.

На этого труженика падала и основная часть сельхозповинностей. В документах, в частности ярлыке (грамоте) хана Тимур-Кутлуга, упоминается еще одна категория возделывателей земли – уртакчи. Ученые-востоковеды справедливо переводят значение этого татарского слова как испольщик или издольщик. Но, к сожалению, исторические источники ограничиваются только упоминанием этого термина и никак не объясняют социально-экономическое положение этих людей. Возможно, мы имеем дело с одной из форм крестьянской кооперации в экономике Золотой Орды – темой тоже малоизученной и недостаточно разработанной.

Как и в большинстве средневековых стран, были, несомненно, в Золотой Орде и рабы. Это были в основном военнопленные, которые использовались, как и повсюду на Востоке, во всех видах сельскохозяйственных работ и обслуживании домов богатых хозяев. Их можно назвать рабами в одном поколении: если отец был таковым, то его сын садился на землю, наделяя средствами производства, становясь

[1] Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной саратовско-царицынской полосы. М. – Пгр.,1923.) С. 85.
[2] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, извлечение из арабских источников. СПб., 1884. С. 75, 293

[1] «Идегей». Пер. С. Липкина, Казань, 1990. С. 16.
[2] Б.Д. Греков, Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 91.
[3] С.У. Герберштейназ соч. С. 154.

сабанчи или уртакчи. Огромное количество рабов становились ремесленниками, которые, оседая на новой территории, постепенно делались свободными людьми.

Совершенно особое положение по сравнению с другими странами Востока в Золотой Орде занимали женщины. Как уже отмечалось выше, в документах часто встречается слово хатун, т.е. женщина, жена, причем тем самым этому слову придается социальное значение. Упоминавшийся уже Ибн Батутта в своих заметках пишет: «В этом крае я увидел чудеса по части великого почета, в каком у них (*у матар – прим. авт)* женщины. Они пользуются большим уважением, чем мужчины»[1].

А аль-Омари отмечал следующее: «Жители этого государства не следуют, как те (в Ираке и Иране), установлениям халифов, и жены участвуют с ними (мужьями) в управлении; повеления исходят от них (от обоих), как у тех, да еще более… Право, мы не видели в наше время, чтобы женщина имела столько власти, сколько имела она, да и не слышали о подобном примере за близкое нам время…». Особенно примечательны сведения о том, что одна из самых влиятельных ханш – по имени Тайдулла. Она имела право даже выдавать ярлыки русским митрополитам, поэтому из ее рук грамоты получили несколько руководителей Русской православной церкви – Иоанн, Феогност и в 1361 г. – митрополит Алексий.

Иерархи православной церкви тоже вели себя разумно. Например, академик М. Тихомиров отмечает, что «воспитанный при дворе первых московских князей митрополит Алексий держался традиционной политики по отношению к Орде. По приглашению ханши Тайдуллы он ездил в Орду и «…в борзе из Орды отпущен», что было очень вовремя, так как там вскоре начались крупные междоусобицы. Впоследствии поездка Алексия в Орду была расцвечена легендами о торжественном приеме, оказанном ему царем Джанибеком[2].

Кроме приведенных выше фактов, летописи, дорожные заметки путешественников и документы другого рода также сохранили большое количество других свидетельств о значительной роли женщины в золотоордынском обществе.

Столица государства – город Сарай в первой половине XIV в. представлял собой большой торгово-ремесленный город с населением не менее 100 тыс. человек. Одним из первых серьезных трудов по следам археологических раскопок на местах главных городов Золотой Орды в 1890-1892 гг. вышел в Казани в 1896 г.– «Поездки к бывшим волжским столицам к развалинам бл/из/. г. Царева и села Селитренного». Это свод бесценных фактов и свидетельств о некогда могущественном государстве, в которое входила по сути вся Восточная Европа (за исключением севера) и которое играло важную роль в мировой политике. А центр империи находился в низовьях Волги…

В работе 1896 г., в частности, говорится: «На реке Царевке близ самой Ахтубы на утесе стоит ханский дворец, имевший 50 сажень в каждую сторону

[1] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечение из арабских источников. СПб., 1884. С. 288.

[2] Тихомиров М.Н. Записи XIV-XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 41.

с дворами и разными пристройками; близ деревни Зубовки есть развалины крепостей с бастионами и валом. В этих развалинах и около них находили древние вещи: золотые перстни, кольца, серьги и т.п., мраморные колонны, балюстрады, жемчуг, монеты.

Видно, что здесь были каменные стены. Но теперь ни стен, ни фундаментов зданий не сохранилось в течение трехсотлетнего растаскивания кирпичей.

Кучи сохранившихся кирпичей находятся в разных местах. Видны целые дома и заборы, устроенные из древних кирпичей, некоторые места на улицах покрыты ими, как будто вымощены этими кирпичами.

До сих пор видны остатки труб, по которым из этого озера вода шла в окрестные места. Для устройства церкви в городе Царев и домов в сельце Капустин Яр еще недавно ломали из курганов плиты, разбивали торчавшие еще по углам башни, и сломали тут так называемую «Мамаевскую бабу на четырех ногах» и поломали трубы с фонтанами.

В городе были такие широкие стены, что еще в новые времена (XVII – XVIII вв.) по ним можно было свободно разъезжать тройкой»[1].

Также подробно описав другие доказательства существования здесь древнего города, Федор Сурин делает вывод: несомненно, что нынешний город Царев занял место столицы Золотой Орды.

Автор составил целую схему развалин западной части бывшего города. Приводятся также сведения о памятниках Золотой Орды, найденных у города Царев, сел Селитренное, Верхнеахтубинское, Колобовщина экспедицией Терещенко в 1843-1846 гг.

Приведенный материал дополняют выводы самого профессора А.В. Терещенко, который считает: весь набор находок в исследованном районе (целый рабочий ремесленный квартал, монетный двор – всего монет отрыто 4446) убедительно подтверждают высокий уровень ремесленного производства, товарно-денежных отношений в центре ордынского государства.

В ходе раскопок обозначилось магометанское кладбище, расположенное вне Сарая и простиравшееся почти на семь верст: здесь оказались в большом числе скелеты, в «кирпичных гробах» (склепах). Украшения и одежды истлели, но кости сохранились в целости, зубы погребенных здесь людей «были белые, как слоновая кость». В некоторых склепах сохранились скелеты, обвернутые в шелк и атлас. Близ Колобовского кургана находился загородный дворец и христианское кладбище.

«Все отрываемые остатки повсеместно носят на себе отпечаток уничтожения огнем и мечом: самая земля даже находится в иных местах совершенно пережженою вершков на 10, на 12 толщиною». Все это свидетельствует о страшном опустошении, по всей вероятности которому Сарай подвергся внезапно, в то время, быть может, когда князь Ноздреватый громил его в отсутствие хана Ших-Ахмета, в конце XIV столетия».

Следует подчеркнуть: из крепкого материала была построена столица Золотой Орды. Даже через два с половиной столетия после побоища, устроенного князем Ноздреватым, здешние камни и кирпичи оставались пригод-

[1] Поездки к бывшим волжским столицам к развалинам бл.г. Царева и села Селитренного. Ф.С. Издательрин, Казань, 1896, стр.13-22

ными для возведения новых строений. В 1623 г. путешественник Федот Котов увидел окраины бывшего города Сарай Берке и написал: «Оттуд пятнатцать верст до Бирюля, тут прежде город большой каменной бывал и татарская клетка *(амбар – прим. авт.)* до сих дней стоит». Редакторы, готовившие к публикации рукописи Ф. Котова, также добавляют: «Сохранившиеся каменные постройки – царский дворец, мечети и другие здания – разбирались и использовались, как хороший строительный материал, который отправляли в Астрахань»[1].

…Федор Сурин в книге 1896 г. много пишет также о политической и дипломатической истории Золотой Орды и на основе анализа различных событий и процессов развития межгосударственных отношений делает неожиданный для отечественной историографии того периода вывод: золотоордынские ханы спасли Русь от западно-католического порабощения.

Говоря в целом, рубеж XIX – XX вв. в дореволюционной России, а потом, как мы увидим, и первые годы Советской власти были отмечены повышенным интересом исследователей к теме Золотой Орды. Вскоре после книги Ф. Сурина, в 1911 г., в свет вышла еще одна работа, использованная выше, немецкого востоковеда, профессора Казанского университета Христиана Френа «Монгольский город на реке Волге» (в переводе А.А. Гераклитова).

Во введении автор отмечает, что топография ханства Золотой Орды, несмотря на высокий интерес, который она должна бы представлять для нас, до настоящего времени является областью, слишком мало исследованной и слишком мало привлекающей к себе внимание. Большая часть городов была испепелена Тамерланом: Булгар, Сарай, Гюлистан, Новый Сарай, Малый Сарай.

К тем же городам относится и Укек, в 9 верстах от нынешнего Саратова (на правом берегу Волги). В качестве самых достоверных и ясных свидетельств об этом городе необходимо назвать монеты. Те из них, на которых этот город обозначен как место чеканки, выбиты в царствование и с именем Токтогу хана, предшественника хана Узбека на золотоордынском троне и относится к 1306 г.

О его существовании писали также упоминавшийся Ибн Батутта и еще один арабский географ Гамма Абульфеда. Путешественник из Танжера Ибн Батутта сам воочию увидел этот город, поскольку он участовал в одной важной миссии. Дело в том, что супругой хана Узбека была византийская царевна, дочь императора Андроника III, получившая в Золотой Орде имя Баялун. Ибн Батутта вызвался сопровождать ханшу и ее свиту из Сарая в Константинополь, вместе со свитой Баялун-хатун, и их путь лежал через Укек.

«Город посредственной величины, – пишет он. – От Сарая находится в 10 днях пути. В расстоянии одного дневного перехода оттуда находятся Русские горы» – писал он.

Христиан Френ использовал при работе также подробные описания развалин Увека, которые оставил путешественник, агент английской торговой компании Христофор Burrough, следовавший с товаром из Северной Двины на юг, до Каспийского моря.

[1] О хожении с Москвы в Персицкое царство и из Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят. М., 1958. С. 3, 99.

Френ отмечает, что в исторических источниках последующих лет город Укек встречается (уже в последний раз) только в конце XIV в. В 1395 г. Тимур разбил наголову хана Золотой Орды Тохтамыша и, преследуя беглеца *(после их второй битвы на реке Терек – прим. авт.)*, дошел до Волги. Его отряды явились в Укек – он был разграблен и обращен в пепел победителем, объятым страстью дикого разрушения.

Разбирая название города Укек (нередко называемое Увек), автор допускает разное написание одного и того же топонима. Такому явлению удивляться не стоит, учитывая, что с течением времени названия городов и селений постоянно менялись. В качестве примера можно привести случай, как татарский Азак превратился со временем в современный Азов.

Поэтому село Увек, которое находилось во время написания Христианом Френом книги в верстах 8-9 к югу от Саратова *(а сейчас вошедшее в состав города – прим. авт.)*, есть трансформированное производное от названия ордынского города Укек. Кстати, во время работы Х. Френа на месте городка еще сохранялись следы и признаки древнего татарского города.

Есть про город Укек и свидетельство другого рода. «В целях торговых и миссионерских Поволжье начинают посещать путешественники из Западной Европы, оставившие после себя богатые исторические памятники, которые в точности характер той эпохи. Это Рубриквис, побывавший на Волге в 1253 г., в местности около нынешнего Саратова нашел татарский поселок, который был населен татарами и частью русскими для содержания перевоза к лежащему на восточном берегу стану Батыя. Стан Батыя раскинулся на 16 верст, состоял из жилищ на колесах, расположенных вокруг ханского двора» [1].

…История не оставила нам никакого указания относительно того, оправился ли впоследствии город Укек от жесткого удара Тамерлана и воскрес ли он потом. Во всяком случае, очень сомнительно – на монетах более позднего времени имя его больше не встречается.

Подводя итог своей работе, профессор Х. Френ с сожалением пишет, что к моменту начала специальных исследований исторического места и обращения к нему внимания со стороны немецких, а потом и русских ученых-востоковедов в начале XX в, т.е. примерно через век, от всех интересных развалин Укека мало что осталось. «Исчезли прекрасные руины замка, исчезли все надгробные памятники, в древних надписях которых, быть может, сохранились имена знаменитых героев того времени, имен, многократно изуродованные теперь, кто знает, как в наших книгах, а в скульптурных изображениях бы нам нравы и деяния, о которых мы знаем так мало достоверного. Здесь не было как когда-то в Болгарах Петра Великого, где он вмешался в разрушительное дело беспечной гнусности и киркой и топором, поставив границы всесокрушающей руке времени» На роли Петра Великого в сохранении исторического наследия мы еще остановимся.

Но в утере памятников истории виновато не только время. Знаменитый русский востоковед, переводчик Корана Гордий Саблуков (1804-1880), видя, в каком плачевном состоянии находится и как продолжает разрушаться

[1] Памятная книжка Самарской губернии на 1910 г. Самара, 1910. Раздел 5. С. 34.

этот уникальный исторический памятник, с горечью писал: «Увек со своими остатками старины менее какого-либо другого прибрежного пункта мог укрыться и от алчной хищности, которая без различия тащит всё, что только кажется добром, и от тупого варварства, которое безжалостно рубит, жжёт и уничтожает всё, что только напоминает о прежних властителях местности, ненавистных ему уже по одному имени»[1].

Эти слова можно отнести также ко всему, что относится к развалинам столицы великого государства Золотой Орды – городу Сарай. Ведь, как пишет Френ, Паллас и Фальк в 1769 г., а потом и Эрдман в 1815-м, нашли здесь уже не труп города, а его могилу, даже не развалины, а следы от них. А сколько памятников Волжско-Камской Булгарии, и Казанского ханства так и не дождавшись своих археологов, остались под современными застройками или беспощадно распаханы и, по всей видимости, утеряны навсегда.

…После революции раскопки на месте столицы Золотой Орды и других поселений продолжились, раскрывая, прежде всего, перед научным сообществом новые страницы закрытой временем истории этого государства, величие его городов и масштабы ремесленно-торговых кварталов,

Археологи во главе с Ф. Баллодом, работавшие здесь в 20-е гг. XX в., раскопали, помимо всего прочего, центральный район города Сарай, обнесенный стеной. По-видимому, это наиболее богатая часть города – громадное количество черепков разноцветной поливной керамики, поливных кирпичей, изразцы и в изобилии следы мозаики свидетельствуют о роскоши и богатстве сооружений золотоордынцев. Ибн Батутта в 30-е гг. XIV в. с восхищением писал о «златоглавом дворце» в самом центре Нового Сарая.

В северной части огромное количество развалин горнов, шлаков и кусков металла говорит о существовании здесь заводов и мастерских. Еще при работе экспедиции Терещенко в 40-х гг. XIX в. был откопан монетный двор. К югу от центра раскопа – огромное количество монет и склады товаров. Это все напоминает слова Ибн Батутты о том, что: «купцы же и чужеземцы из обоих Иранов *(Ирана и Ирака – прим.авт.),* Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стены ограждают имущество купцов».

На берегу реки Царевки при Терещенко были еще фундамент и остатки стен огромного дворца. К северо-востоку и юго-западу от центра взятые пробы почвы дали остатки садов и бахчей, разбросанные на значительной площади.

Во время раскопок В. Терещенко в 1830-е гг. произошел такой случай. При разборе стен одного из зданий были найдены бумаги с текстами на арабской графике, вслед за ними целые кипы документов, чернильницы и т.п. Возможно, тогда была найдена часть архива Золотой Орды. Но, к сожалению, найденные бумаги не стали достоянием науки – по крайней мере, об их местонахождении до сих пор ничего неизвестно[1].

Интересно была поставлена золотоордынская система водоснабжения и орошения. Источником воды служили два огоромных водоема на сырте (возвышенности) в степи, собиравшие вешние воды, которые через центральный обводной и другие каналы поступали вниз в городские кварталы.

Торговля, конечно, занимала важное место в экономике Золотой Орды. Сюда купцы везли меха из Руси и Мордвы, парчу из Византии и Египта, изделия из слоновой кости и стекла из Египта, шелковые ткани из Персии и Китая, бумажные ткани и ковры из Бухары, жемчуг и кораллы из Индии.

Такая широкая торговля оказывала влияние на все стороны жизни стран-соседей. Через восточную торговлю в русский лексикон пришло (и сохранилось до наших дней) множество новых слов, введя не только некоторые обозначения денежных единиц (деньга, алтын), но и своеобразные понятия торговых сделок и угощений (могарыч – угощенье, маклак – посредник и т.д.). Алтын (от татар. «золото») с 1375 г. стал традиционным номиналом русской денежной единицы. А с 1645 по 1718 гг. чеканился в реальной монете. Позже «алтын» – народно-обиходное название монеты достоинством «три копейки» а пятиалтынный – «пятнадцать копеек». Они очень часто упоминаются в классической русской литературе.

Торговля Москвы с Востоком только начинала развиваться в XIV - XV столетиях, довольно быстро достигла значительного объема. Поэтому даже в церковных книгах мы порой находим неожиданные записи восточных слов, почему-либо заинтересовавших переписчика или владельца рукописи. «Бирь, еки, учь, торчь, беш, алты», – читаем, например, на страницах одной книги XV в. названия восточных цифр[2].

Купеческий ассортимент взаимной торговли между государствами-соседями был чрезвычайно богат: сукно, ткани, льняной холст, оружие, женские украшения, ювелирные изделия, драгоценные камни, пряности, ладан, кожа, мед, воск, соль, зерно, лес, рыба, икра, оливковое масло. Река Волга служила торговым путем для всех участников этой обширной торговли. Внешние и внутригосударственные торговые отношения обеспечивались выпускаемыми деньгами Золотой Орды: серебряными дирхемами, медными пулами и сумами.

Торговля стала на многие годы вперед локомотивом для развития дорожной инфраструктуры. Через реки строились мосты, в середине XVI в. (уже после распада Золотой Орды на ряд самостоятельных татарских государств) у турецкого султана Селима II даже возник план прорыть канал между Волгой и Доном, что могло значительно облегчить и сократить пути и соответственно контакты между торговыми партнерами. Однако этому плану воспротивился крымский хан Девлет-Гирей, боявшийся, что это облегчит разбой берегов Черного моря русскими разбойниками и казаками[3].

[1] Цит. по «Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 4-6 июня 2015 г. Под редакцией К.А. Аблязова, Э.С. Кульпина-Губайдуллина, Ф.А. Рашитова. Саратов, 2016. С. 120.

[1] Источниковедение истории СССР. Т. I. М, 1940. С. 96.

[2] Тихомиров М.Н. Записи XIV-XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 18.

[3] Б.О. Ишболдинерки по истории татар. Сент-Луи, 1973. С. 74.

Дороги развивались и в восточном направлении. Через Улу-су (название по Ибн Батутте), т.е. через реку Урал, восточнее Сарая был оборудован большой мост, подобный Багдадскому, что говорит об оживленности дороги, которая здесь проходила и связывала столицу и центральные районы Орды с восточными улусами и далее – странами Востока.

Фактор торговли расчетливая ордынская власть стремилась использовать максимально. Профессор Баллод подчеркивает, что «осевшие на берегах Волги, древней торговой артерии Восточной Европы, золотоордынцы сумели использовать выгоду положения своего государства; сумели потому, что пришли не «людоедами и хищниками-грабителями», а лавиной вполне причастных к культуре народов, под большим совершенством которых, в смысле интеллигентности и технического военного оборудования, пало не одно азиатское и европейское государство. Нет надобности предполагать исключительно насилие, кнут монгольских ханов, под ударами которого принужденно гнулись спины инородных мастеров… Новые государства … создаются из лучших трудовых и наиболее интеллигентных элементов народов Азии и Европы»[1].

Экономические отношения с зарубежными странами строились на основе договоров. В качестве примера можно привести чрезвычайно выгодные для обеих сторон договоры генуэзцев с татарскими ханами в 1380-1381 гг. В числе других условий, в них предусматривались различного рода гарантии для купцов, вплоть до обеспечения безопасного проезда по территории Золотой Орды на Восток и обратно[2].

Золотая Орда, будучи активным участником международной экономики и политики, испытывала влияние институтов других мировых религий. Еще в начальный период существования государства ханам были адресованы несколько посланий римского папы с предложением принять католичество. Хотя это предложение в целом не нашло в Орде понимания и поддержки, государство не препятствовало проникновению (мирной экспансии) католической религии в Улус- Джучи.

Со временем отношения между золотоордынскими ханами и Римом наладились, приобрели постоянный характер, и католические проповедники зачастили на Волгу. В 1315 г. в Сарае было учреждено католическое епископство, первым епископом стал францисканец (представитель одного из католических нищенствующих монашеских орденов) Стефан.

Влияние римско-католической церкви в восточноевропейских государствах приняло заметные масштабы. Стремясь придать этому процессу еще более организованные формы, папа Иоанн XI в. в 1318 г. создал в Кафе епископство, включавшее всю территорию до Сарая и России[3]. Процесс освоения Золотой Орды католическими священниками шел регулярно и привел к тому, что в начале XIV в. в Золотой Орде было 12 францисканских монастырей. Правда, во второй половине века в результате сложных поворотов евразийской политики отношения между Сараем и Западом испортились, и это привело к прекращению пропаганды католической религии среди татар.

Говоря об отношении ханов к Русской Православной церкви, следует напомнить, что уже при первой переписи 1257 г. в русских княжествах духовные лица были освобождены от податей. Но самый важный шаг в этом направлении ордынские ханы сделали в 1261 г., когда была учреждена православная Сарайская епархия во главе с первым епископом Митрофаном, поставленным митрополитом Кириллом III.

Следует обратить внимание на время, когда произошли эти два события, – практически сразу же после создания золотоордынского государства. Таким образом, отношения властей Золотой Орды к Русской Православной церкви были заложены с самого начала взаимодействия двух государств, безусловно на принципе веротерпимости. Можно привести огромное количество свидетельств благосклонного отношения татарских ханов к православному духовенству. В концентрированном виде это выразил составитель «Никоновской летописи», где, сообщая о смерти хана Джанибека в 1357 г., пишет, что тот был «добръ зело к христіаньству, многу льготу сотвори земле Русской»[1].

Можно утверждать, что и до Джанибека и после него такая патерналистская политика в отношении к институтам православной религии превалировала в ханском дворце. Закрепляя свои позиции в Золотой Орде русская церковь, так же как и католическая, не упускала случая пропагандировать православную религию среди татар. Известно, что уже в XIII в. некоторые татары принимали христианство (православие или католицизм). Вопрос о пожелавших креститься татарах сарайский епископ Феогност специально ставил даже на одном из Константинопольских соборов, в 1276 г.[2]

Сарайская епархия Русской православной церкви только через 200 лет, в 1461 г., была переведена из столицы Золотой Орды в Москву. Между этими двумя событиями церковью были приобретены огромные земельные владения, которые, кстати, были впоследствии изъяты у монастырей русскими царями, начиная с Ивана Грозного[3].

…В Золотой Орде не было единого народа, следовательно, не могло быть единой культуры. В ее различных частях – Хорезме, Булгарском царстве, крымских городах и др. была своя древняя, сложная и богатая культура, в основном сформировавшаяся задолго до прихода войск кочевников и стоявшая неизмеримо выше того, что принесли сюда завоеватели. Но это не помешало созданию новых литературных произведений, остающихся до сих пор интересными памятниками культуры средневековья, появившимися в уникальном месте соединения Европы и Азии – в золотоордынском государстве. В их числе можно назвать произведения Лутфи и Хорезми, написанные на так называемом «тюрки»,

[1] Баллод Ф.В. Культура Золотой Орды (по материалам археологических раскопок Сарая и Нового Сарая. «Новый Восток», 1924, кн. 6. С. 336, 350).
[2] Тихомиров М.Н. Записи XIV-XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 78.
[3] Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 84.

[1] Цитата по: Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М. 1978. С. 27.
[2] Полубояринова М.Д. Указ. соч. С. 33.
[3] Аблязов К.А. Историческая судьба татар. Саратов, 2012. Т. II. С. 280.

но испытавшим сильное влияние персидского языка[1].

Золотоордынское общество и его преемники оставили для мировой культуры немало других произведений социально-философской мысли XIII – середины XVI вв.: «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббатнамэ» Хорезми, «Нахдж ал Фарадис» Махмуда ибн Гали, «Джумджума султан» Хусаина Кятиба, «Гулистан бит-тюрки» и «Сухайль и Гульдурсун» Саийфа Сараи, книги по риторике и праву шейха Саад ат-Тафтазани, «Изречения» ал-Базави, «Ядкарнамэ» – сборник с произведениями нескольких авторов, «Кутадгу билиг» Баласагуни, «Хикметтах» Ахмеда Ясави, «Дастан Бабахан» Сайади, «Тохфа и Мардан» и «Нуры содур» Мухамедьяра.

Последние два произведения из списка целиком относятся ко времени Казанского ханства, а остальные связаны с эпохой Золотой Орды. Эти литературные памятники дошли до нас разными путями и в разном состоянии. Но их объединяет общая с литературой мусульманского Востока культурно-идеологическая почва ислама, разумеется, в широком историко-культурном понимании этого явления мировой цивилизации.

Таким образом, объективный взгляд на проблему позволяет сделать вывод о том, что широко распространенное представление о монголах (татарах) как варварах, стоявших на чрезвычайно низком уровне цивилизации, не соответствует действительности. Профессор Баллод, подводя итоги своей работы на территории городов Золотой Орды, писал: «Мы установили наличность в Золотой Орде земледелия, скотоводства, садоводства и фабрично-заводской промышленности. Золотая Орда – вполне культурное государство, которое принимает и снаряжает торговые и дипломатические посольства в другие страны, особенно часто в мусульманский Египет, заключает торговые договоры даже с государствами Западной Европы, например, с Венецией. Золотоордынские купцы жили в Москве, Рязани, Твери, Владимире и других городах Руси. В золотоордынских городах были особые кварталы для иностранных купцов: монголов, асов *(аланов – прим. авт.)*, кипчаков, черкесов, русских, византийцев и других[2].

Уместным и даже принципиально важным будет здесь также и мнение корифеев советской исторической науки Б. Грекова и А. Якубовского, которые многие годы занимались историей Золотой Орды: «Уже сам факт существования такого мощного государства, как Золотая Орда, осуществленный организаторским дарованием Чингисхана и его потомков, является прекрасным опровержением полной дикости монголов начала XIII в.» [3].

К сожалению, по сложившейся в средние века традиции большинство летописцев, русских чиновников разного звания и уровня, а позднее – профессиональных исследователей и ученых-историков, описывая события прошлых эпох, обычно сосредотачивали свое внимание на военных столкновениях и связанных с ними сложных дипломатических конфликтах. А то, что периоды мира и согласия, когда между недавними противниками возобновлялись или на долгое время налаживались экономические связи, отставляются на второй план исторической панорамы. И в наше время эти теории нашли немалое число последователей. Это относится, в первую очередь, ко взаимоотношениям Московской Руси и тюрко-мусульманских государств.

Хотя справедливости ради надо отметить, что условия военной необходимости, бывало, приводили и к важным экономическим результатам. Одним из наиболее примечательных в этом плане фактов следует назвать возникновение знаменитой Макарьевской ярмарки. Правда, событие это произошло значительно позже – в период Казанского ханства, но оно очень характерно для межгосударственных отношений на территории нашей страны всей средневековой эпохи.

…В 1530 г. князь Василий III, готовясь к очередному походу на Казань, запретил русским купцам поставлять туда соль, которую они многие десятилетия реализовывали на знаменитой ярмарке на Арском поле под Казанью. В результате возникла новая большая торговая площадка поближе к Москве и другим русским землям – Макарьевское торжище, на котором товары продавались напрямую астраханским, армянским, персидским купцам, минуя казанских «посредников»[1]. Макарьевская ярмарка, как крупнейшая торговая площадка на территории России, просуществовала (под названием Нижегородской) до периода Советской власти и прекратила свою работу только после НЭПа – в 1929 г.

Словом, акцент на «военный аспект» межгосударственных отношений для трудов отечественных историков особенно характерен. Они воспринимают Золотую Орду исключительно как государство завоевателей, рассматриваемое в основном сквозь призму беспощадного подавления.

Но в таких войнах виноваты все стороны этих сложных взаимоотношений. Классик отечественной историографии В.О. Ключевский так оценивал ситуацию, которая сложилась на восточных границах Московского государства: «…на азиатской стороне шла изнурительная непрерывная война. Здесь не было ни миров, ни перемирий, ни правильных войн, шло вечное обоюдостороннее подсиживание»[2]. И таким образом уравнивал всех участников этого глобального конфликта в их намерениях, целях и средствах, которые они использовали.

Между тем Русское государство – с одной стороны, Золотая Орда и его преемники – Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское ханства, Ногайская Орда – с другой, в силу географического соседства просто не могли в экономическом смысле жить обособленно друг от друга и были связаны, в первую очередь, торгово-экономическими узами. И не только.

В истории отношений между Русью и соседними мусульманскими государствами в отечественной историографии, но особенно в популярной литературе крайне мало освещается такой важный политический вопрос, как династийные связи. Между тем они были чрезвычайно развиты. Вот только один из многочисленных примеров…

[1] Бартольд В.В. Отчет о командировке в Западную Европу. Сочинения. Т. VIII. С. 409.
[2] Баллод Ф.В. Раскопки Нового Сарая. «Новый Восток», 1922, кн. 2. С. 66.
[3] Б.Д. Греков, Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 161.

[1] Б.У. Ишболдиназ соч. С. 74
[2] Ключевский В.О. Сочинения в 9 тт. М., 1988. Т. 3. С. 96.

В начале XIV в. на Руси происходило очередное обострение борьбы за великое княжение (уже которое со времен правления Андрея Боголюбского). Одним из участников этой ожесточенной борьбы был московский князь Юрий Данилович. Он овдовел и во время своего двухлетнего пребывания в Золотой Орде для укрепления своих позиций сделал в 1313 г. довольно неожиданный дипломатический ход: женился на сестре хана Узбека Кончаке (после свадьбы и крещения получила имя Агафии), заплатив за невесту немалый калым. Главным итогом этого брачного союза стало то, что хан Узбек подарил зятю ярлык на великое княжение[1].

Вообще, русские князья, в большинстве своем опытные и хитрые политические игроки, умело пользовались своими связями в Орде. Очень точно по этому поводу в одной из своих работ писал еще Карл Маркс. По его словам, Иван Калита (правил в 1322-1240 гг.) превратил хана Золотой Орды «в послушное орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от опаснейших соперников и одолевает любое препятствие, встающее на победоносном шествии его к узурпации власти».

В то же время он высказал мысль о наличии определенных положительных для Руси последствий власти Орды, благодаря которым была быстрее изжита раздробленность, возрождена монархия, а Москва была «обязана своим величием ордынскому хану».

Но такие факты в истории русско-золотоордынских отношений известны только специалистам и любителям истории, много и специально интересующимся этим вопросом. А в целом, как всем известно, до сих пор в исторической науке господствуют идеи, заложенные еще в русских летописях и закрепленные дореволюционными учеными. Большой вклад в формирование такого взгляда внес такой известный русский историк, как Н.М. Карамзин.

Он пишет в IV главе «Истории Государства Российского», что «нашествие Батыево ниспровергло Россию, сень варваров, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки в ней размножались, открывались университеты».

Однако среди дореволюционных отечественных исследователей, приверженцев альтернативной официальной исторической науки, точек зрения немало. Историк XVIII в. И. Болтин писал: «Татары, завоевав удельные княжества…, наложили на порабощенных дани, поставили для взыскания ея своих баскаков и по городам войска, и удалились восвояси. При владычестве их управляемы были русские земли теми же законами, кои до владения их имели… Нравы, платье, язык, названия людей и стран остались те же, какие были прежде…»[2].

Другой известный русский ученый С.М. Соловьев вообще рассматривал историю России с точки зрения ее внутреннего органического развития, не придавая большого значения татарской власти как явлению, вошедшему в историю России со стороны. По его мнению, даже в первое время завоевания татары не имели серьезного влияния на внутренний строй завоеванной страны. И поэтому судьбы России определялись факторами внутреннего характера.

[1] Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 29.
[2] Болтин И.Н. Примечания на Леклерка. Т. II, СПб., 1779. С. 295.

В.О. Ключевский исходил из положения, что «в отношениях между… князьями *(удельными – прим. авт.)* нельзя… усмотреть никакого порядка». Поэтому «если бы они были предоставлены вполне самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскутья». И еще: «власть… хана давала хотя бы призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей»[1].

Интересно, что в работах Ключевского отмечен необычный, можно сказать, расширенный подход к употреблению термина «иго». Мы привыкли к тому, что этот термин, за редким исключением, в строго определенном, самом негативном смысле накладывается только на отношения Золотой Орды и Руси.

А вот как Василий Ключевский, разбирая международные отношения XVI в., пишет об одном важном историческом эпизоде: «Московский царь Иван покорил два магометанских царства, Казанское и Астраханское. Но покоренные магометане с надеждой и мольбой к своему духовному главе, преемнику халифов, султану турецкому, призывая его освободить их от христианского ига»[2].

Ученый советской эпохи, историк-этнолог, археолог, востоковед, писатель, доктор исторических наук, доктор географических наук Л.Н. Гумилев (1912-1992) привнес в отечественную науку совершенно новые походы в освещение вопроса взаимоотношений Московского государства и Золотой Орды. Его многочисленные статьи, книги, особенно «Древняя Русь и Великая степь» (1989 и 1992 гг. издания) стали существенным вкладом в изучение важнейшего этапа истории нашей страны, связанного с Золотой Ордой.

По мнению Льва Гумилева, существование общности и взаимности интересов политических верхушек Руси и Орды никак не укладывается в общеупотребительную схему русско-ордынских отношений XIII-XV вв. как «монголо-татарского ига». Здесь, однако, следует иметь в виду, что эти отношения, конечно, не были добровольным союзом в целях противостояния чуждому Западу – эти ошибочные выводы, со ссылками на теорию Л.Н. Гумилева, получили распространение среди некоторых исследователей в последние десятилетия, после кончины ученого. Все равно это были отношения сюзерена и вассала и об этом забывать не следует. А если следовать позиции самого Льва Николаевича[3], то характер русско-татарских отношений этого периода можно сформулировать как весьма своеобразное дуалистическое русско-татарское симбиотическое государственное образование с доминирующей ролью татарского элемента.

Особенностью концепции Гумилева является утверждение, что Русь и Золотая Орда до XIII в. не только не были врагами, но и даже состояли в некоторых союзнических отношениях. По его мнению, предпосылками для такого союза стали чересчур

[1] Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3.М., 1906. С. 51.
[2] КлючевскийВ.О. Указ соч. стр. 123.
[3] см. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

активные экспансионистские действия Ливонского ордена в Прибалтике. Причем союз по большей части имел военный, нежели политический характер. Этот союз выражался в виде защиты монгольскими отрядами русских городов за некоторую плату: «… Александра Невского интересовала перспектива получения от монголов военной помощи для противостояния натиску Запада и внутренней оппозиции.

Именно за эту помощь Александр Ярославович готов был платить, и платить дорого». Так, по мнению Гумилева, с помощью монголов такие города, как Новгород, Псков в 1268 г., а также Смоленск в 1274 г. избежали захвата: «Но тут в Новгород, согласно договору с Ордой, явился татарский отряд в 500 всадников… Новгород и Псков уцелели». Кроме того, русские князья сами помогали татарам: «Русские первые оказали военную помощь татарам, приняв участие в походе на аланов». Лев Николаевич видел в таком союзе только положительные стороны: «Таким образом, за налог, который Александр Невский обязался выплачивать в Сарай, Русь получила надёжную крепкую армию, которая отстояла не только Новгород с Псковом…

Более того, русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность…

Одно это показывает, что Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно». Гумилев также считал, что этот союз повлек за собой улучшение во внутреннем положении страны: «Союз с татарами оказался благом для Руси с точки зрения установления внутреннего порядка».

В аргументирование своей идеи Л.Н. Гумилёв приводит следующие факты:

- во-первых, на Руси постоянно не находились отряды монголо-татар, поскольку и гарнизонов они здесь не оставили, своей постоянной власти не думали устанавливать;

- во-вторых, из многих источников известно, что князь Александр Невский часто ездил к хану Бату. Этот факт Гумилев связывает с организацией союза: «В 1251 г. Александр приехал в Орду Батыя, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приёмным сыном хана».

РУССКО-ТАТАРСКИЕ СВЯЗИ

Естественно, столь долгое соседство и тесные торгово-экономические связи с периодами напряженных отношений и войн Московской Руси и тюрко-татарских государств приводили к постоянному взаимовлиянию двух культур и цивилизаций в самых различных сферах.

Мы приводим небольшую часть сведений о заимствованиях русских от татар, которые были собраны исследователями этой темы:

«Ездить верхом русские женщины научились у татарок. Следуя обычаям татарским, предки наши стали носить

одеяние татарское, которое отчасти до сих пор сохранилось. Платье простого народа и головное украшение женщин, даже самая обувь была совершенно татарская. Мужчины носили синие и белые армяки, … и белые шапки наподобие татарских. При царе Михаиле Федоровиче знатные имели короткие сафьяновые сапоги татарского покроя, унизанные жемчугом.

Заимствовали мы от восточных народов и некоторые другие полезные учреждения. По их примеру у нас завели ночные караулы, которые стучали в медные доски, давая знать о времени и что стража не спит. И устроили на всех московских улицах решетки (или рогатки), чтобы ночью замыкать их для безопасности домов.

Переняли строить караван-сараи и гостиницы, которые по-татарски назывались кабаками. В сие время от татар пошел в употребление чай, который кажется прежде, стал известен в России, нежели в других европейских государствах. От татар научились русские приготовлять особенного вида хлеб, известный у нас под названием калача.

От монголов соотечественники наши имели вооружение восточное и ввели новый порядок в своем войске. Уже в 1259 г. Даниил Галицкий, ходивший со своим войском в Венгрию, имел татарское оружие, вскоре лошади, конские уборы и весь конский снаряд древних русских стал татарским. Потом узды, седла, плеши были сделаны точно такие же и теперь у сих татар»[1].

Далее автор продолжает: «От татар введены в России тарханные грамоты, слово «тархан» означает у татар весьма важный чин. Сии грамоты давались боярам и знатным духовным особам.

Переняли русские строить свои здания от азиятцев. От татар мы стали называть Китай Китаем, а не Хиною, как европейцы.

При Дмитрии Донском древние наши ассигнации – куницу, белку, мордки и другие – были заменен татарскою монетою, называемые словом танга. Отсюда пошли русские деньги.

От татар были приняты названия мер: аршин и костяные счеты. Татары заимствовали их от китайцев, а европейцы потом от русских.

Татары ввели в язык наш множество своих слов. Вот роспись некоторым таким словам, сделавшимся совершенно русскими: атаман, аркан, базар, есаул, караул, колпак, кафтан, маяк, сапоги, табун, толмач, улан, ура, халат, шляпа, юрта, ям и другие *(автор приводит, в общей сложности, около пятидесяти слов – прим. авт.).* Из персидского через татар к нам пришли названия драгоценных металлов: алмаз, бирюза, яхонт, сердолик, изумруд, сурьма, яшма, лазурик и другие.

От татар русские получили страсть к сказкам и повестям. Некоторые наши сказки, вероятно, были переведены из восточных языков.

Наша православная церковь не испытала владычества монголо-татарского. Церковь была хранима народной ревностью и ханами, которые под смертной казнью запрещали своим поданным грабить и тревожить монастыри. Они освободили духовенство и церковный причт от всех податей. И каждый новый хан подтверждал сии исключительные права церкви, поступая как искусные политики, щадя то,

[1] Рихтер А. Исследование о влиянии монголо-татар на Россию. СПб., 1825. С. 9-23.

что для народа всего драгоценное[1].

Многие русские, в поиске покровительства у ханов, шли на службу к татарам, а те охотно принимали их на службу, от сего многие знатные фамилии ведут свое происхождение от Золотой Орды и казанских татар: Аксаковы, Бахметьевы, Карамзины, Мансуровы, Сабуровы, Талызины, Юшковы, Апраксины, Мещерские, Дашковы, Юсуповы и многие другие».

Совсем недавно по аналогичной теме вышла еще одна книга – С.С. Аверкиева «Влияние татар на жизнь русского народа» (Казань, 2015), которую еще предстоит проанализировать и довести до широкого круга читателей.

К приведенным сведениям историков прошлого можно добавить результаты исследований советских ученых Н.А. Баскакова и А.Х. Халикова. Они насчитали до 500 русских фамилий, которые происходят от булгаро-татарских корней. В абсолютном большинстве – это потомки жителей Волжской Булгарии, Золотой Орды, Ногайской Орды, а также Казанского и Астраханского ханств, перешедших на службу к русскому царю[2].

Этот список существенно дополняет также нижегородский исследователь татар-мишарей А.М. Орлов. В регионе исторического происхождения мишарей процесс взаимодействия этой группы татарского населения с жителями русских княжеств, в силу их близкого соседства, происходил еще более интенсивно. Отсюда и результат[3].

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Грандиозная битва между Тохтамышем и Тамерланом 18 июня 1391 г. означала углубление системного кризиса золотоордынского государства и привела к его дальнейшему распаду. А сам процесс нарастания центробежных сил начался еще раньше – после смерти хана Бердибека в 1359 г. Междуусобная борьба различных правящих кланов Золотой Орды, продолжавшаяся не одно десятилетие, в русских летописях той эпохи получила название «великой замятни». По мнению А.Ю. Якубовского, в течение 20 лет на сарайском троне сменилось более 25 борющихся друг с другом ханов.

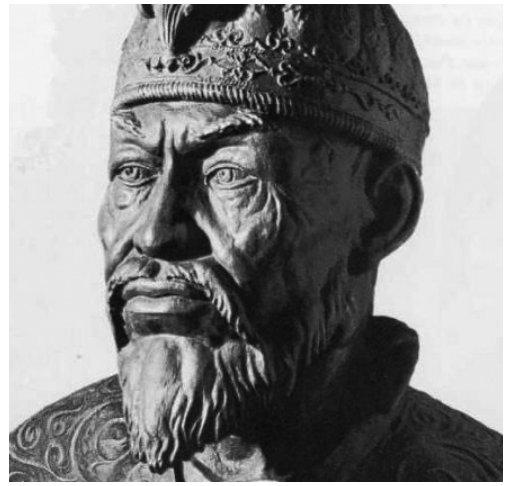
Постепенно начала обнаруживаться и другая тенденция в политической жизни Ордынского государства: если раньше претенденты вели борьбу за овладение столицей – Сараем, то сейчас большинство наиболее сильных участников этой борьбы обратили исвои взоры на окраины. Хаджичерекес обосновался в низовьях Волги (в окрестностях будущей Астрахани), Урус хан обосновался в Сыгнаке (на среднем течении Сыр-Дарьи), Абдулла хан при помощи Мамая воцарился в Крыму… Один за другим от золотоордынского государства отделялись целые улусы.

Рост сепаратистских тенденций в различных улусах приводил к складыванию предпосылок для образования нескольких более мелких по территории государств. К концу XIV – началу XV в. эти явления приняли необратимый характер и некогда могущественная империя Золотая Орда как единое государство постепенно, но неумолимо начало переживать период распада.

Одним из первых от центральной власти начала отделяться северо-западная окраина территория бывшего Булгарского государства. В 1361 г. сюда, за Волгу, от преследований своих противников бежал один из заметных представителей сарайской знати – Тимур Ходжа (Булат Тимур). «Булат Темирь, князь Ордынский, Болгары взял, все грады по Волзе и улусы поимал и отня весь весь Волжский путь» – писала тогда русская летопись[1].

Однако первая попытка воссоздать в Волго-Камском районе самостоятельное государство окончилось неудачей: в 1367 г. сюда из Сарая-берке с большим войском пришел хан Азиз и разгромил отряды Булат Тимура, после чего Булгарский улус был формально и ненадолго возвращен в подчинение центрального правительства Золотой Орды.

Но набиравший темпы процесс было уже не остановить. Одновременно с Булгарским улусом от Золотой Орды фактически отпал также и Наручатский. *(Речь идет о нынешнем районном центре Пензенской области – селе Наровчат. Прим.авт).* На монетах, которые во второй половине XIV в. самостоятельно стал чеканить этот улус, город называется Нуриджан. Город Наручат, несмотря на свое расположение

Тамерлан. Реконструкция М.М. Герасимова

на дальней окраине Улус Джучи, играл заметную роль в жизни государства, в одно время он даже служил резиденцией хана Узбека.

Но главная угроза Золотой Орде пришла извне.

Вторая половина XIV в. в истории евразийского континента связана с именем Потрясателя Вселенной – Тимура (европейский вариант: Тамерлан, тюркский: Аксак (то есть хромой) Тимур) и его империи. Знаменитое «сражение на Кондурче» – между войсками эмира Тимура и ордынского хана Тохтамыша, как итог длительного противостояния двух держав, стало для судеб Золотой Орды знаковым событием, придавшим необратимый характер его раздроблению и окончательному ее распаду.

Вот как описывает грандиозное сражение самарский историк Р.С. Багаутдинов:

«Зачем Железный Хромец приходил к нам из далекого Самарканда, какие цели преследовал, собирая 200-тысячное войско?

[1] Там же. С. 26-34, 37.

[2] См. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979; Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.

[3] См. Орлов А.М. Указ. соч.

[1] Цит. по: Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. Казань. 2012. С. 210.

Здесь надо назвать второе действующее лицо той далекой драмы – хана Золотой Орды Тохтамыша из рода Чингисхана, судьба которого тесно связана с началом распада этого обширного государства, чье неразумное противоборство с Тимуром принесло неисчислимые беды народам Восточной Европы.

Отец Тохтамыша, Туй-ходжа оглан был правителем Мангышлака и, не поладив с другим степным князем, Урус-ханом, был убит. Его сын, Тохтамыш, получил поддержку от Тимура и сумел отомстить за отца, убив сына Урус-хана. И в дальнейшем он не раз пользовался расположением к себе Тимура. В 1380 г. после битвы на Куликовом поле Тохтамыш сумел утвердиться на золотоордынском престоле.

Тимуру как раз и нужен был такой союзник на северных границах его обширных владений. Но очень скоро Тохтамыш начал вести против своего покровителя недружественную политику, грабя города то в Средней Азии, то в Закавказье. Наконец терпение Тамерлана истощилось и в 1390 г. он начал готовиться к войне. Со всех сторон он собирал пеших и конных, тюрков и таджиков. Вот как писал об этом самаркандский историк Абд-ар-Раззак: «Было постановлено, чтобы у каждого человека было наготове 4 рода вооружения: лук, 30 стрел, колчан с чехлом для лука и щит, чтобы у каждых из двух человек было по свободной заводной лошади, а у каждых 10 человек по одной палатке, по два заступа, по одной мотыге, по одному топору-секире, по одному шлему, по 100 иголок, по здоровому котлу… «

Девятнадцатого декабря 1390 г. Тимур выехал из Самарканда в Ташкент, где собирались войска, и 22 января 1391 г. тронулся в далекий путь, отпустив всех своих жен и царевен, кроме любимой жены Чулпан. В это время к нему прибыли послы от Тохтамыша с подарками и попытались отговорить от похода. Тохтамыш извинялся за прошлые грехи и просил, чтобы Тимур «провел пером прощения по месту ошибок». Однако его послание не подействовало – посовещавшись с военачальниками, полководец возобновил поход.

После месяца пути, в местности Улуг-Даг Тимур взошел на высокую гору и приказал сложить там из камней памятный знак. На одном из камней была сделана надпись. Интересно, что этот камень был найден в 30-х гг. XX столетия в Центральном Казахстане у горы Алтын-Чуку.

Чтобы пополнить запас пищи, Тимур устроил грандиозную облавную охоту. И благодаря этому войска, наконец-то, сумели досыта поесть после трудного перехода и заготовить мяса впрок.

Чувствовалось, что разведчики Тохтамыша следят за передвижением неприятеля. Обстановка была тревожная. Воины часто натыкались на остатки многочисленных костров, еще горячих, но никого не находили. Пришлось посылать в разные стороны разведывательные отряды, которые стали доставлять в ставку взятых в плен врагов. Уже на территории нынешней Башкирии участились стычки с отдельными отрядами противника. Здесь Тимур узнал, что Тохтамыш хорошо осведомлен о его передвижениях от перебежчиков из отряда Идегея. Того самого Идегея, который воспет в одноименном эпосе и который так много сделал впоследствии, чтобы добить Тохтамыша и самому погибнуть в 1419 г. под обломками окончательно развалившейся Золотой Орды.

Степная война тех времен – это, по сути, гражданская война. Ведь воевали преимущественно тюрки с тюрками, многие из которых были связаны между собой родственными узами. Например, против Идегея, на стороне Тохтамыша, сражался его старший брат Иса-бек.

Решающее сражение произошло в местности Кундузча (Кундузла), в которой большинство специалистов по истории Золотой Орды усматривают долину Кондурчи в Самарской области. Чтобы остановить, наконец-то, уклоняющегося от боя Тохтамыша, Тимур послал 20-тысячный отряд отборной конницы под командованием Омар-Шейха, чтобы он ввязался в сражение и выиграл время для подхода основных сил.

Битва произошла, по одним данным, в конце апреля, по другим – 18 июня 1391 г. Скорее всего, первая дата кажется более правдоподобной, так как нам известно, что сражение началось «после шести дней дождя, снега и холода». Тимур сам разделил все войска на семь корпусов (кулов) и сам расставил их, оставив резерв. Перед битвой оба военачальника молились за победу, но в этот день Аллах был на стороне Тимура. Перед началом битвы он применил своеобразный психологический прием, приказав расставить шатры и развести в них огонь. Этим показывалось, что войска не боятся сражения. Придворный историк Тимура Низам-ад-дин Шами писал, что Тохтамыш и его войско пришли в ужас от мысли, что в такое время неприятель вздумал варить пищу.

Сначала воины Тохтамыша сумели потеснить центр врага, и вышли к нему в тыл, но Тимур повернул часть войск и ввел в бой резерв. К вечеру войска Тохтамыша бежали, а он сам «оглушенный и растерявшийся спустил поводья быстроногого коня и с сотней уловок спасся с поля сражения». Тимур же, выбрав по семь человек из десяти, «отправил их в погоню за обреченными на смерть беглецами». Сам же Потрясатель Вселенной, с оставшейся частью войска вышел к Волге и выбрал себе удобное место для лагеря, «куда стекалась бесчисленная добыча: лошади, быки, бараны и рабы на телегах». Добычи было так много, что часть скота пришлось прогнать. Только для одного Тимура отобрали свыше 5 тысяч красивых девушек и юношей.

Низам-ад-дин Шами так описал это время: «Таким образом, в этом очаровательном месте он (Тимур) среди удовольствий и счастливой жизни провел 26 дней». И только потом войска выступили в обратный путь, отягощенные несметной добычей. Так завершилась одна из кровопролитнейших битв XIV в. Для всей Волги в ее среднем и нижнем течении, как сейчас уже точно установлено, поход Тимура обернулся очередным запустением – разорению и грабежу подверглись города (Булгар, Укек и другие) и селения, опустели поля, население края, спасаясь от войск Тимура, бежало в другие места. И не только Золотой Орды и сопредельных государств. «После войн Тохтамыша с Тамерланом, – писали составители «Памятной книжки Самарской губернии на 1910 г.», – были разрушены города Укек, Маджар, Саратау, часть татар была угнана Тамерланом, часть переселилась в Византию *(так авторы, по всей видимости, называ-*

ют государство турок-сельджуков, которые к тому времени завоевали основную территорию Византийской империи – прим. авт.) и Россию».

Арабский историк и путешественник Ибн Арабшах в своей книге «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» выделил специальную главу «О том, как настал этот потоп (т.е. Тимурово нашествие) и смыл народы Дештские после поражения Тохтамышева», где пишет об опустошении Золотой Орды Тимуром:

«Длился этот бой и погром около 3 дней; затем явилась пыль от бегства войска Токтамышева, показавшего тыл; рати его разбежались и отступили, а полчища Тимура разбрелись по владениям Дештским, да расположились (в них). Он покорил племена их и (ему) подчинились последние и первые из них. Завладел он движимым и разделил его, да недвижимым и унес его с собою, собрал (все) захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увез (с собой все) захваченные деньги, пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака *(Азова – прим. авт.)* и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и (все) эти места»[1]… Эта битва стала еще одним толчком к тому, чтобы население центральных улусов Золотой Орды в конце XIV – начале XV в., пытаясь избежать бесконечных разорений от внутренних междуусобий и внешних вторжений, еще активнее перебиралось на окраины: Булгарию, Крым, Сибирь и т.д. Последовавшее затем насильственное переселение десятков тысяч жителей во владения Аксак Тимура также способствовало запустение центральных районов Золотой Орды и упадку жизни в традиционных центрах государства – городах Старый и Новый Сарай, Увек, Бездеж и других.

После этого государство продолжало существовать больше по инерции. С конца XIV и до 80-х гг. XV в. Орда, хотя и номинально сохраняется, но уже практически не господствует, а лишь властвует в пределах Поволжья[2].

…Точное место битвы между Тамерланом и Тохтамышем не установлено до сих пор. Самой популярной версией стала условная местность «у пределов бывшего Булгарского царства». Это косвенное упоминание в ряде широко используемых источников тоже относит место битвы в район рек Сок и Кондурча. Отсутствие прямых свидетельств дает для исследователей широкое поле для разного рода толкований источников и выдвижения всевозможных версий.

Необычайную смелость берет на себя М.Г. Сафаргалиев. Он провел дополнительный анализ известных источников (в том числе подробное описание, которое оставил Низам-ад-дин Шами) и, ссылаясь на специальную работу французского исследователя Шармуа «Экспедиция Тимура против Тохтамыша» 1835 г. издания (с которой нам познакомиться и поработать пока не удалось), совершенно недвусмысленно показывает место битвы «вблизи города Куйбышева», а точнее – в треугольнике между реками Сок, Кондурча и Волга[1]. Это район между населенными пунктами Мирный, Красный Яр, Большая Царевщина (ныне Волжский) и Малая Царевщина.

Несколько слов о книге Ф. Шармуа (F. B. Charmoy «Expédition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan contre Toqtamiche khân de l'oûloûs de Djoutchy en 798 de l'Hégire»,1835). Конечно, она могла бы пролить свет на многие факты, связанные с походом Тамерлана в Золотую Орду. Но, к сожалению, воспользоваться ею в оригинале оказалось невозможным, поскольку этой книги в России нет, наши поиски до уровня главных библиотек страны – Москвы, Санкт-Петербурга и других пока не увенчались успехом.

Весьма близко к М. Сафаргалиеву в определении места битвы находится ульяновский краевед, исследователь истории Симбирско-Самарского Поволжья Феликс Касимов, автор популярной книги «Между Волгой и Черемшаном», вышедшей в 1992 г. Он также считает, что это грандиозное событие произошло вдоль Кондурчи, а всякие истории вокруг Царева Кургана тоже связаны с Тамерланом, что местом отдыха его войска после изнурительной и ожесточенной битвы была Самарская Лука и урочище с татарским названием Уртюбе. Но Ф. Касимов еще больше «уточняет» возможное место битвы и указывает на большие равнинные участки в районе нынешних сел Теплый Стан и Красное Поселение, на которых, как он считает, вполне могли уместиться две армии в 400 тысяч воинов. А после погони, при устье реки Сок, считает он, произошло другое – здесь был довершен разгром армии Тохтамыша и устроена массовая резня побежденных *(работу Феликса Касимова можно посмотреть на многих электронных сайтах – прим. авт).*

…В дискуссии о месте битвы Тамерлана с Тохтамышем порой встречаются совершенно разные, взаимоисключающие точки зрения. Например, Ф. Чекалин утверждает, что при внимательном изучении карты Фра-Мауро (1467 г.) обнаруживется пометка «Тут Тамерлан совершил величайшее избиение татар». Но это и не Кондурча, и не Сок, и даже не Большой Иргиз (берега которой некоторыми исследователями также рассматриваются в качестве возможного места этого сражения), а совершенно другая точка – верховья реки Ахтуба, неподалеку от центральных городов Золотой Орды[2]. Наш самарский краевед Е.Ф. Гурьянов – архитектор по профессии, известный большой приверженностью к «ландшафтному» подходу к событиям в истории, применил его и здесь. Он на основе анализа описания местностей, по которым проходили войска Аксак Тимура и района непосредственного сражения, пришел к такому выводу: сражение состоялось действительно на берегах Кондурчи, но не вблизи слияния ее с Соком, а в верховьях этой реки, поближе к месту, где сейчас стоит город Чистополь. Название нынешнего села – районного центра Кошки Гурьянов производил от тюркского «кош» – стоянка пастухов-кочевников, военный лагерь.

Возвращаясь к выводу М. Сафаргалиева, возникает вопрос: не связано ли происхождение Царева Кургана у посел-

[1] Тизенгаузен. В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, СПб., 1884. С. 466.
[2] Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Волжская Булгария, Казань, 1994. С. 44-45

[1] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 152.
[2] Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по картам космографа XV века Фра-Мауро. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. II, Саратов, 1890. С. 248.

ка Волжский с событиями 1391 года? Ведь согласно одному из преданий, когда-то здесь происходила несчастная война от «невиданного царя». Да еще сравнительно недавно, во второй половине XIX в. жители этих мест рассказывали такой вариант легенды о кургане у поселка Большая Царевщина (Волжский):

«Место, где стоит курган, пусто было, расстилалось гладью. Захотелось неведомому царю показать свое могущество, оставив памятник отдаленнейшему потомству. Повелел он каждому воину принести на эту гладь по шапке земли и высыпать в одну кучу, так и вырос громадный Царев курган. Много веков спустя проходил этим местом Иван Грозный. Завидно ему стало, и велел он каждому солдату своему снять с вершины кургана по шапке земли: чья-де сила возьмет? Долго работала его рать, только верхушку кургана сняла и прочь ушла – не могла осилить…»[1].

Авторы указанной работы побывали в Самарской губернии в конце XIX в. Но самые первые систематические сведения о Царевом кургане почти за три века до этого собрал голштинский посол А. Олеарий. Он проплывал в 1636 г. из Москвы – по Оке и Волге – до Астрахани и далее в Персию, оставив очень подробные сведения о городах, природе и людях, живших на берегах Волги в начале XVII в. Адам Олеарий для нас еще замечателен тем, что первым нарисовал с натуры крепость Самару, и по его гравюре мы можем представить себе, как выглядел наш город в начале XVII в.

В печатном виде рассказ А. Олеария об увиденном и услышанном в Московском государстве был впервые напечатан в Шлезвиге в 1647 г., а вот до русского читателя он дошел только в 1868 г. Наибольшее распространение среди исследователей получило отдельное издание А.С. Суворина, появившееся в 1906 г. Позже эта книга несколько раз переиздавалась.

О величественном кургане на Самарской Луке, в месте впадения Сока в Волгу, Олеарий пишет так:

«27-го с(его) м(ая) мы с левой стороны, недалеко от берега, увидели голый песчаный холм, лежащий в плоской равнине. Называли его Царев курган. Нам рассказали, что в нем похоронен татарский государь по имени Момаон [Мамай?], который с 7 царями из Татарии собирался пойти вверх по Волге и опустошить всю Россию, но помер в этом месте и погребен здесь. Рассказывают, что солдаты его, которых было бесчисленное количество, шлемами и щитами собрали столько земли для погребения, что возникла эта гора. Это известие П[ауль] Ф[леминг] *(член посолькой делегации А. Олеария – прим. авт.)* изложил в следующих строках с прекрасным заключительным изречением:

Песчаный холм, едва дающий тощим
травам,
Чем корни укрепить, блестящею
главой
Своей возносится один в степи
пустой.
Момаон в нем лежит. Когда семи
державам
Законы он давал, стремился пылким
нравом
Рутению себе он покорить войной…
Теперь безмолвно здесь стоит курган
степной,
А хан забыт. Конец воинственным
забавам!
О, суета сует! Так вот каков удел
Столь многих тысяч! Он зачем же
так хотел
Все покорить себе, так всех пожрать
стремился!
Орда кишела здесь. Теперь тут все
молчит.
Не то же ль вообще история гласит,
Забвенье ждет нас всех, как кто бы
ни кичился! [1]

(Рутения – латинское название Руси – прим. авт). Значит, к моменту проезда немецких послов по Самарской Луке в 1636 г. курган уже носил название Царева.

Здесь следует сделать небольшое пояснение. Характерно, что в транскрипции немецкого издания 1696 г. «Путешествий…» название этой горы звучит как Cariol Kurgan», что скорее сближает его с тюркскими «сары» – желтый и «олы» – большой, переделанный позднее пришедшими сюда русскими в более привычное «Царев»[2].

Значит, «Сары олы корган»… Как тут не вспомнить поэтические слова Н.С. Рериха о том, что помнят горы и реки, кто их так назвал…

И завершая тему этой достопримечательности Самарского края, несколько слов о нынешнем поселке Волжский.

Он возник у подножия кургана в начале XVIII в. – в 1702 г. как владельческое селение одного из царевичей из рода Касимовских ханов (после принятия русского подданства и крещения – Иван Васильевич). Он, выменяв землю у самарского служилого человека А. Алампеева, поселил сюда своих русских крестьян из Пензенского и Касимовского уездов. Позднее здесь начали оседать беглые крестьяне из других мест Среднего Поволжья. Новое поселение получило название Царевщина по титулу владельца – татарина из Касимова[3].

…После битвы Тамерлана с Тохтамышем последовала цепь трагических событий, среди которых следует разгром Тимуром Булгара и других городов бывшего Булгарского государства в середине 1390-х гг. Многие города, в том числе и Великий Булгар, пришли в запустение и больше не возрождались.

А перед этим, как считают некоторые исследователи, в частности Ф.А. Байрамова, жизнь в Самарском крае, на Самарской Луке в частности и во всем Поволжье в общем, находилась на пике своего расцвета именно в Золотоордынскую эпоху. А потом – в период Казанского ханства эта тенденция прдолжалась[4].

Но другие специалисты придерживаются иного мнения. Например, В.В. Трепавлов считает, что «походы Тимура 1391 и 1395 гг. практически разрушили городскую цивилизацию Золотой Орды»[5]**.** Сюда можно добавить, что не только городскую цивилизацию, но и сами золотоордынские города – многих из них, что до этого неоднократно упоминались

[1] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.В. Семенова. Т. IV. СПб., 1901. С. 32.

[1] Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, стр. 9. Эл. ресурс, режим доступа: http://wwwbibliotekar.ru/rus/27.htm.
[2] Дубман Э.Л. Самарский фронтир в середине XVI – XVII вв. Самара, 2012. С. 115-116.
[3] Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара, 1996. С. 23.; РГАДА, ф. 1239, оп. 52/2, д. 1407. Книга по самарским дворцовым селам.
[4] См. Байрамова Ф.А. Татарская история на Самарской Луке. Эл. ресурс, режим доступа: mtss.ru'pages/f_bajram/samar-r.html.
[5] В.В. Трепавлов. История Ногайской Орды. М. 2001. С. 549 – 550.

в письменных европейских, арабских и персидских источниках или были отмечены на картах, в том числе Пицигано и Фра-Мауро, к моменту присоединения Средней и Нижней Волги к Российскому государству в середине XVI в. – уже не было.

Такого же мнения придерживается и И.Н. Васильева, которая пишет: «Распад Золотой Орды на отдельные ханства происходит в первой половине XV в. Однако разрушение большинства поселений золотоордынского периода в Самарском Поволжье произошло, по-видимому раньше, а именно в 1391 г.»[1]. В начале XIV в. в Золотой Орде еще больше нарастают процессы распада: связь между центром государства и улусами ослабевает. Таким образом, величайшее в средневековой истории нашей страны государство – Золотая Орда прекратило существование и на его окраинах начали складываться самостоятельные государственные образования, способствующие постепенной консолидации отдельных народностей (казанские татары, ногайцы, казахи и другие).

Но даже после распада Улуса Джучи историческая судьба татарского народа не прекратилась, поскольку остался переживший это становление татарский народ, сохранились лучшие образцы его богатой культуры, а на его территории возникли позднезолотоордынские татарские государства, продолжавшие этнополитические и культурно-цивилизационные традиции Золотой Орды до завоевания татарского государства в Крыму в 1783 г.[2]

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО

Историческая справка.

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО – феодальное государство в Среднем Поволжье (1438-1552 гг.), выделилось из Золотой Орды. Сложилось на территории Булгарского, Джукетауского, Казанского, Кашанского и других княжеств. Основатель – Улуг-Мухаммед. Столица – Казань. Население – татары, мари, чуваши, удмурты, мордва, башкиры.

Земледелие, скотоводство; в городах Казани, Арске, Джукетау, Кашан, Чаллы и др. – гончарное, деревообрабатывающее, железоделательное, кожное, оружейное, ювелирное и другие ремесленные производства; торговля с Верхним Прикамьем, Приуральем, Русью, Средней Азией. Ярмарки – Гостиный остров, Ташаяк. Преобладающая форма землевладения – суйургал (форма феодального пожалования за военную и гражданскую службу), существовало также вотчинное землевладение.

Верховная власть в Казанском ханстве принадлежала хану. Фактически деятельность хана направлялась диваном (прообразом государственного совета). Феод, знать составляли беки, эмиры, мурзы, военное сословие – огланы, бахадуры, ички. Основные правящие роды – Аргын, Барын, Кипчак и Ширин.

Государственная религия – ислам. Духовенство осуществляло богослужение и судопроизводство по гражданским делам. В ведении духовенства находились медресе и мектебы. При медресе имелись богатые библиотеки и школы каллиграфов-переписчиков книг. Широко были известны поэты Мухаммедьяр, Умми-Камал. Мухаммад-Амин, Гариф-бек. Кул Шариф и др. Высокого уровня достигли белокаменное строительство, резьба по камню, декоративно-прикладное искусство.

В административном отношении Казанское ханство делилось на административно-территориальные единицы – даруги (Алатскую, Арскую, Галицкую, Зюрейскую и Ногайскую). Армия состояла из ополчения различных даруг, ханской гвардии, феодальных дружин (от 20-30 до 60 тыс. воинов).

При Улуг-Мухаммеде и его сыне Махмуде проводилась активная внешняя политика, казанцы совершали набеги на русские земли, разгромили войска Василия II и наложили дань на Московское великое княжество. В 1487 г. русскими войсками была взята Казань, и на престол посажен ставленник Ивана III Мухаммед-Амин.

До 1507 г. Казанское ханство находилось под Московским протекторатом.

Попытки антирусской партии освободиться от зависимости (в 1496, 1500, 1505 гг.) терпели неудачи. В 1521 г. Казанское ханство заключило союз с Крымским н Астраханским ханствами, Ногайской Ордой. Крымцы и казанцы совершили набег на окрестности Москвы. Прокрымская ориентация вызвала недовольство части казанских феодалов, что стало причиной восстания 1545-1546 гг., ставшего сильнейшим потрясением для государства. С 1545 г. Русское государство начало войну против Казанского ханства, проводя в 1545-1552 гг. постоянные походы на Казань.

После смерти Сафа-Гирея ханом был провозглашён его малолетний сын Утямыш-Гирей, а регентшей – его вдова Сююмбике. В 1551 г. оппозиционно настроенные представители казанской знати выдали Сююмбике с сыном Ивану IV и посадили на престол его ставленника Шах-Али (до февр. 1552 г.). Затем они пригласили на престол астраханского царевича Ядыгара-Мухаммеда. После Казанского взятия и Казанской войны 1552-1556 гг. Казанское ханство прекратило своё существование и всё Среднее Поволжье было присоединено к Русскому государству.

***

В вопросе о времени образования и существования Казанского ханства, как, впрочем, многих других страниц татарской истории – эпохи Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды, государств более позднего периода – мы снова вынуждены констатировать факт отсутствия сколь-нибудь серьезного фонда письменных источников.

Первый татарский историк Шигабутдин Марджани, говоря о причинах этого явления, высказал мнение о том, что Казанское ханство из-за сравнительно недолгого существования (немногим более ста лет) не смогло наработать крепкой, преемственной традиции составления его учеными исторических книг, а то что было, скорее всего, погибло во время бедствий, постигнувших государство в 1552 г.[1]

Русские историки, начиная с XVIII в. разрабатывавшие тему истории

[1] История Самарского Пволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. Наука, 2000. Стр. 295

[2] Аблязов К.А. Историческая судьба татарского народа. В 2 тт. Саратов, 2012. Т. I., стр. 263

[1] Мәрҗани Ш. Казан вә Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр, Казан, 1989. С. 74 (на тат. яз.).

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО в конце 15—начале 16 вв.

120 0 120 км

Основная территория ханства

Земли, находившиеся в зависимости от казанских ханов

российского государства, также неоднократно отмечали отсутствие источников казанско-татарского происхождения в русских архивах, хотя Русское государство поддерживало оживленные политические и экономические отношения с Казанским ханством. Нам доподлинно неизвестно, были ли при дворе казанского хана хроникеры, подобно тому, как это имело место при дворах сельджукских, иранских, хорезмских и других правителей Востока. Практика создания при медресе рукописных библиотек и переписывания книг с целью их размножения, вероятнее всего, не успела принять форму строго организованной и целенаправленной работы. А значительная часть той, не очень обширной литературы и архивные документы, что были накоплены в казанских книгохранилищах, были уничтожены огнем при взятии Казани. Не лишено смысла и предположение Карла Фукса о том, что татарские рукописи «увезены тогда в Бухарию знатными татарами»[1].

И после взятия Казани здесь случилось еще несколько опустошительных пожаров – в 1576, 1595, 1672 и 1684 гг., при которых каждый раз выгорала значительная часть города, а вместе с ней и помещения разных учреждений со всем делопроизводством[2]. Это одна причин того, почему так скудна документальная база по истории Казанского ханства и прилегающих территорий.

Таким образом, как отмечает В.В. Трепавлов, «средневековая историография татарских ханств Поволжья и Сибири не сохранилась»[1].

[1] Фукс К.Ф. История города Казани. Казань, 1817. С. 10.

[2] Елшин А.Г. Самарская хронология. Самара, 1918. С. 7, 8, 13, 15.

Но часть документов, миновав эти бедствия, по-видимому, попала в какие-то архивохранилища и сохранилась. Об их существовании известно из «Описи царского архива» (1575-1584), опубликованной в первом томе «Актов Археографической экспедиции» за 1836 г.[2] И, возможно, лежат они там до сих пор, по-прежнему оставаясь недоступными для исследователей.

Отсылка в специальные казанские дела встречается также в других сохранившихся посольских делах, например, в сборнике Русского Исторического общества 1884 г. издания. Словом, их как будто и нет. Вероятно, был прав В. Красовский, когда писал, что «пройдет еще несколько лет и большинство печатных источников будет утрачено, а вместе с этою утратою погибнет и масса драгоценных для нас исторических источников»[3].

Многие документы, связанные с Казанским ханством, хранились в архиве Приказа Казанского дворца *(ведомства, в распоряжение которого до 1709 г. – до введения в России губернской системы – входило административно-судебное и финансовое управление землями бывшего ханства, а также всего Приволжья – прим. авт.)* и были уничтожены во время московского пожара 1627 г. Другие документы по истории Среднего Поволжья, частично осевшие в хранилищах других городов, постигла такая же участь. Упоминавшийся выше симбирский исследователь истории Приволжского края В.Э. Красовский приводит целую хронологию опустошительных пожаров, погубивших множество документов, с помощью которых исследователи могли бы сейчас открыть многие страницы истории юго-востока России:

- 1700 г., сильный пожар в Самаре, истребивший большую часть города и правительственные архивы;
- 1701 г., в Москве сгорел Приказ Казанского дворца, ведавшего вотчинными и поместными делами от Нижнего Новгорода до Астрахани;
- 1730 г., пожар в Симбирске, истребивший большую часть дел правительственной канцелярии;
- 1740 г., пожар в Симбирске уничтожил архивы провинциальной канцелярии;
- 1843 и 1864 гг., снова крупнейшие пожары в Симбирске, в результате которых сгорели почти все деревянные строения города, в том числе губернский и некоторые ведомственные архивы[4].

Последним серьезным ударом по документальной базе истории нашей страны явилась организованная в конце 20-х гг. XX в. массовая кампания по сдаче макулатуры. В нее были вовлечены также и учреждения архивной системы СССР, им тоже спускались конкретные планы сбора и сдачи бумажного «вторсырья». Особенно это коснулось архивов Москвы и Ленинграда[5].

Тогда миллионы бесценных документов «феодально-крепостниче-

[1] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М. 2001. С. 38.

[2] Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. Казань, 2012. С. 16.

[3] Красовский В.Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии 1372-1901 г. Симбирск, 1901. С. 4.

[4] Красовский В.Э. Ук. соч., стр. 32, 39, 66.

[5] Служим вечности. К 90-летию государственной архивной службы России. М., 2008. С. 49.

ской эпохи» (этот термин в первые советские годы применялся ко всей дореволюционной отечественной истории) как ненужные новому пролетарскому государству, были отправлены на переработку. Печальным свидетельством варварского отношения к документам прошлого во многих архивах (например, в Российском Государственном архиве древних актов – РГАДА и Российском Государственном военно-историческом архиве – РГВИА) в описях дел напротив сотен и тысяч документов мы встречаем штампы «Выделено в макулатуру». Такая же вакханалия творилась и в региональных архивах. Профессор Куйбышевского государственного университета Е.И. Медведев, до войны работавший управляющим Центальным Архивным управлением ТАССР, писал о подобном же уничтожении документов и в архивах Татарстана.

Такое положение с источниковедческой базой, конечно, затрудняет работу исследователей истории не только Казанского ханства, но и нашего края в целом, да и всей России тоже.

Есть еще одна категория источников – эпитафии (надмогильные памятники) эпохи Волжской Булгарии, Казанского ханства, которые всегда широко использовались и теперь используются татарскими историками. Их много сохранилось на территории центральной части наших средневековых государств – Республике Татарстан, они расшифрованы, описаны и нашли достойное применение в исторических исследованиях. В Самарском крае они, вероятно, тоже были, но по разным причинам утрачены. До сих пор обнаружен единственный памятник такого рода – близ станции Батраки (ныне город Октябрьск) и описан Ф. Хакимзяновым[1]. Правда, эпитафии относящиеся к позднейшему периоду – XVIII – XIX вв. встречаются чаще, особенно в северных районах Самарской области, но у них уже совсем другой уровень исторической ценности.

Разумеется, историческая наука не стоит на месте. В последние несколько десятилетий учеными-археографами Татарстана, Башкортостана, Республики Казахстан и др. начата большая работа по изучению еще одного вида письменных источников, которые до недавнего времени использовались недостаточно широко. А теперь многие из них уже введены в научный оборот. Мы имеем в виду рукописную литературу: списки древних книг, родословные (шежере), истории (летописи) деревень… И это дало возможность пролить свет на многие исторические процессы, уточнить время и место различного рода событий в истории тюркских народов в средние века и новое время. Так, в последние годы серьезные работы опубликовали татарстанские ученые М.И. Ахметзянов, Р.Ф. Марданов, М.В. Гайнетдинова, и в них уделяется большое большое внимание и прошлому Самарского края.

…Важнейшим источником по истории Казанского ханства, его экономиким взаимоотношениям с Русским государством и другими соседями многие века для официальной историографии считается «Казанский летописец» или «История о Казанском царстве» неизвестного сочинителя XVI столетия. Он отличается от прежних летописей с их погодными (от слова «г.»), календарными записями и представляет собой целое историческое произведение, объединенное общей идеей. Он широко используется русскими историками, как прошлого века, так и современными. Но такие известные ученые, как В.В. Вельяминов-Зернов, С.М. Соловьев и многие другие с недоверием относятся к нему. Многие сведения, передаваемые «Историей…», были подвергнуты сомнению и отвергнуты еще в XVIII в. П.И. Рычковым. Соловьев вообще называл ее «мутным источником». С.М. Шпилевский тоже призывал «с великой осторожностью» относиться к «Казанской истории» и другим летописям[1].

Об этом же неоднократно предупреждал и академик М.Н. Тихомиров. Например, касаясь несколько другой темы – Куликовской битвы, происшедшей в конце XIV в. в 1380 г., он пишет, что много сведений об этом событии исследователи черпают из таких документов, как «Новгородский хронограф», написанный в XVII в. и из Синодика XV в. с добавлениями более позднего времени. И подчеркивает: разобраться, что же рассказывается в «Новгородском хронографе», – остается задачей будущих исследователей, им же предстоит определить, с чем мы тут имеем дело – с позднейшими припоминаниями и домыслами или с действительными событиями. Поскольку «во многом рассказ *(о Куликовской битве – прим. авт.)* не внушает особого недоверия» [2].

То, что летописи далеко не всегда отражают реальное положение дел, известно всем. Вот как, например, может понять простой читатель рассказ «Пискаревского летописца» о взятии Астрахани, которое последовало вскоре за падением Казанского ханства. В нем пишется: «В лето 7062 *(1556 г. – прим. авт.)* посла царь и великий князь воевод своих под Астарахань: князя Юрия Шемякина-Пронсково с товарищи. И пришли к городу, постояли немного и взяли град»[3]. Если не знать всех обстоятельств, которые предшествовали этому «стоянию немного», на самом деле можно сделать вывод, что в средние века вот так просто и легко можно было брать города.

Да, действительно, последний поход русских отрядов на Астрахань был бескровным. Но что предшествовало этому? На самом деле взятие Астрахани и завоевание татарского ханства на Нижней Волге стало результатом многолетней политики Ивана III и Ивана IV (Грозного). Одним из важнейших шагов к этому стало покорение другого, более сильного, Казанского ханства, нейтрализация других реальных и потенциальных союзников астраханцев, различные другие меры по ослаблению Астраханского государства и еще много чего. Так что «простым стоянием у стен» город не возьмешь…

Тем более, такой большой город, как о нем незадолго до этих событий писал С. Герберштейн: «Астрахань – богатый город, большой татарский рынок, лежит на правом берегу реки Волги, почти у ее устьев, на десять дней пути ниже Казани, от нея получила имя вся страна»[4].

…Вопрос обстоятельств и времени основания Казанского ханства до сих

[1] Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978. С. 194.

[1] См. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памяники в Казанской губернии. Казань. 1877.
[2] Тихомиров М.Н. Записи XIV-XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 46-47.
[3] Пискаревский летописец. В сб. Материалы по истории СССР Вып. 2. М., 1955. С. 73.
[4] Герберштейн С. Указ. соч. С. 152.

пор вызывает дискуссии. В свое время В.В. Вельяминов-Зернов на основании анализа ряда летописных известий пришел к выводу, что Казанское ханство основано в 1445 г. сыном ордынского хана Улу-Мухаммеда Махмутеком. По его мнению, «осенью 1445 г. сложилось царство Казанское. Сын Улу-Мухаммеда – бывшего хана Золотой Орды, изгнанного оттуда – Махмутек убил казанского вотчича князя Али-бика, овладел городом, и через то положил начало новому ханству и новой династии царей». Академик В.В. Бартольд также придерживается этого мнения.

Однако в русской, татарской и турецкой историографиях широко распространена и другая точка зрения, приписывающая основание Казанского ханства Улу-Мухаммеду в 1437-1438 гг. Этой теории наиболее последовательно придерживался М.Г. Худяков, подчеркивавший особую роль Улу-Мухаммеда как основателя Казанского ханства: «Личность Улу-Мухаммеда несмотря на скудость сохранившихся о нем сведений, рисуется в качестве весьма выдающейся… Большой ум, громадная энергия и колоссальная предприимчивость характеризуют личность Улу-Мухаммеда. План основания Казанского ханства можно назвать гениальным»[1].

Вопрос образования Казанского ханства привлекал особое внимание и А.Ю. Якубовского – одного из крупнейших исследователей истории Золотой Орды и государств, ставших ее преемниками. Подводя итог многолетней дикуссии своих коллег по данной проблеме, он высказал такое интересное соображение: «Образование Казанского ханства нельзя рассматривать, как образование ханства Татарского… С точки зрения внутренней истории Болгарской области образование Казанского ханства должно рассматриваться как полное покорение булгарского народа пришедшим татарским улусом во главе с Улуг-Мухамедом или его сыном Махмутеком в 1437 и 1445 г.»[2]. Тем самым Александр Якубовский особо подчеркивает первостепенное значение самого факта образования Казанского ханства второй четверти XIV в. Для него это важнее, чем вопрос, когда именно это произошло. Якубовский также допускает вероятность постепенного оформления бывшего северо-западного улуса Золотой Орды в отдельное, самостоятельное государство, растянувшегося на несколько лет, и поэтому какой-то четко определенный год нельзя считать датой его образования.

Казанское ханство, как государство, возникло в силу объективных причин экономической и политической жизни северо-западного улуса Золотой Орды или, как писал еще Ф.Энгельс, «оно не представляет из себя силы, навязанной извне». Условия для этого были подготовлены внутренним развитием общества, основные черты которого сформировались еще во времена Волжско-Камской Булгарии.

Казанское ханство стало очередным этапом истории татарского народа и развития его государственности. С методологической точки зрения вопрос о единстве булгарской и татарской наций уже перестал быть предметом научной и общественной дискуссии.

Существует множество факторов

[1] Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. Репр. изд. 1990. С. 31.
[2] Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. 1950. С. 415-417.

и доказательств в преемственности государства волжских булгар и Казанского ханства. Можно только привести еще несколько свидетельств, которые в исторической литературе упоминаются нечасто.

Во многих русских летописях до 1552 г. и более позднего периода казанский народ именовался не иначе как «казанские булгары». Когда русский князь Иван III взял Казань к многочисленным своим титулам он добавил «Государь Булгарский». В конце XVII в. служивший в Казани митрополит Иосаф носил звание «митрополит Казанский и Булгарский». Среди многочисленных официальных регалий российских императоров (первым императором в 1725 г. стал Петр I) присутствовало такое же прямое свидетельство о булгарских корнях завоеванного в середине XVI в. Казанского ханства – «Князь Булгарский».

Есть также и другие доводы (сформулированные Г. Ахмаровым) в пользу того, что потомки булгарского народа после разрушения булгарского государства продолжали существовать в составе народа, известного под названием татар Казанского ханства (как и татарского народа, который как нация сложился в более позднее время):

- самосознание народа казанских татар, родовые воспоминания о своем булгарском происхождении, предания об основании булгарами татарских селений, почитание останков Булгара и других булгарских городов, городищ и селений как священных паамятников своего национального прошлого;

- тождество мест поселения как в общих пределах обоих государств, так и на их окраинах;

- преемственность оседлости и земледелия, врожденная общая способность к торговле, составляющая характерную черту как древних булгар, так и современных татар;

- тождество материального быта и единство духовной культуры[1].

Хади Атласи напоминает, что «после переноса Казани на нынешнее ее место (время) второе его название было «Яңа Болгар», то есть Новый Булгар[2].

Идею о преемственности булгарской, казанско-ханской и современной татарской этничности аргументированно поддерживал и Н. Фирсов[3].

На сей счет так же четко и недвусмысленно высказался Н.М. Карамзин, в седьмом томе «Истории Государства Российского» от пишет: «Возникнув на развалинах Болгарии, Казань имела дух торговый, заимствованный от древних жителей сей страны… И где он доныне сохранился, доныне казанские татары – потомки Золотой Орды и болгар имеют купеческие связи с Востоком».

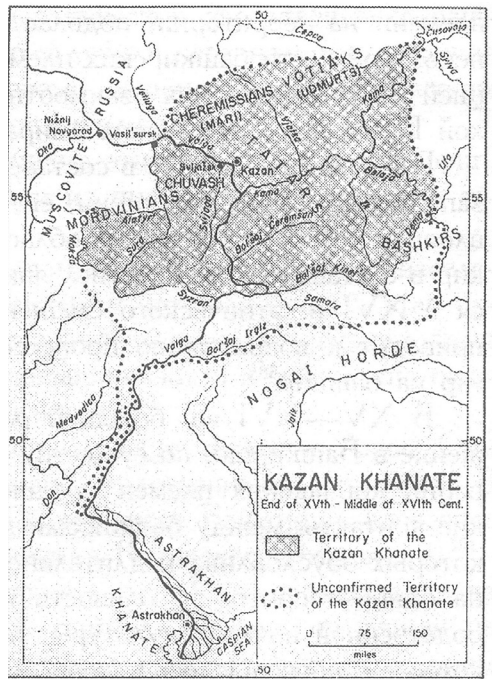
…Территория Казанского ханства не была раз и навсегда заданной. В период наивысшего своего могущества оно занимало значительную часть Волго-Камского бассейна. Кроме земель в районе слияния Камы с Волгой, в котором компактно проживало главным образом татарское население, его влияние распространялось далеко за этими пределами. На востоке и юго-востоке Казанское ханство граничило с обширной Ногайской Ордой, на юге – с Астраханским ханством, на

[1] Ахмаров Г.Н. Казан тарихы (на тат.яз.). Казань. 1910. С. 80-81.
[2] Атласи Х. Казан ханлыгы (на тат. яз.). Казань, 1914. С. 19.
[3] См. Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1 и 2. Казань, 1920.

юго-западе – с Крымским ханством, на западе – с Московским государством, на севере – с Вятской общиной, которая в конце XV в. была присоединена к Москве.

Что касается территории нынешней Самарской области, то М. Худяков уверенно относил к непосредственно владениям Казанского ханства весь Мелекесский и Бугульминский уезды, входившие во время работы автора над книгой (первые послереволюционные годы) в состав Самарской губернии. С Бугульминским уездом в сопоставлении с современными районами нашей области совсем все ясно – это Шенталинский, Исаклинский районы и северная часть Клявлинского. А в тогдашний Мелекесский уезд входило фактически все междуречье рек Сок и Большой Черемшан со всеми их притоками[1]. То есть Кошкинский, Челно-Вершинский, Елховский, Ставропольский районы целиком, северная часть Красноярского и Сергиевского районов, а в соседней Ульяновской области – практически все волжское Левобережье, включающее Новомалыклинский, Чердаклинский, Старомайнский и Мелекесский районы (см. карту на с. 70).

Американский историк Я. Пеленский придерживался примерно такой же точки зрения, считая, что основная территория ханства простиралась на западе до Суры, на юге южной оконечности Самарской Луки и далее к востоку – до реки Кинель. По Пеленскому получается, что вся северная часть нашей области, включая правобережный Сызранский район, в XV – XVI вв. являлась землями Казанского ханства. В сопоставлении с данными других источников так и получается: в перио-

Карта Казанского ханства Я.Пеленского

одической печати Самарской области в последние годы были опубликовано несколько материалов об истории сел, в том числе села и райцентра Шигоны – на правом берегу реки Волги. В них высказывается точка зрения, что оно было основано в период Казанского ханства – в 1480 г. Правда, более авторитетные и достоверные источники указывают на XVII в.

Есть в вопросе определения территории Казанского ханства и другие мнения. Например, В.В. Трепавлов в своих работах «отодвигает» его южные пределы далеко на север, относя практически к южной административной границе Республики Татарстан.

Особенно населенными были берега наиболее полноводной реки Черемшан. Многие из ныне существующих здесь сел берут начало именно с периода Казанского ханства. И архивные

[1] См. Худяков М.Г. Указ. соч. С. 18, 19

данные подтверждают, что многие населенные пункты по берегам рек Черемшан – Старый Сантимир, Тюгальбуга, Малыкла, Бесовка и другие были основаны во второй половине XV в., в первые десятилетия существования Казанского ханства[1].

О том, что территория, прилегающая к Самарской Луке, была подконтрольной Казанскому ханству, свидетельствует еще вот такой факт. Много лет спустя после падения Казани в 1552 г. – в конце XVII в. мордовские крестьяне дер. Бахилово Самарского уезда основывали свое право на урожаи по реке Сок на жалованной грамоте хана Сафа-Гирея 6858 г (1550 г.), подтвержденной потом оброчной грамотой царя Бориса Федоровича. Об этом писали А.А. Гераклитов[2] и Г. Перетяткович[3].

Исторические источники упоминают целый ряд городов Казанского ханства. Кроме собственно столицы государства – Казани, это Иски Казань, Лаиш, Тагай, Мамадыш, Алат, Арск, Чалым, Тетеш, Чаллы. М.Г. Худяков, относивший к владениям Казанского ханства все правобережье в среднем течении Волги, а также Заволжье выше Самарской Луки вплоть до рек Сарбай и Сургут, включал в этот список также Синбир, Алатур, Наровчат, Сары-Тау, Увек. К этому перечню, возможно, следует отнести легендарный Саксин как главный город одноименного региона и другие.

Городов меньшего размера, по всей видимости, в таком достаточно развитом средневековом государстве, каковым безусловно являлось Казанское ханство, было тоже немало. Но, к сожалению, о характере так называемых второстепенных городов практически нет никаких данных. Судя по всему, они служили военными крепостями или оборонительныимми пунктами более мелкого значения на границах государства, выполняя военно-стратегическую роль.

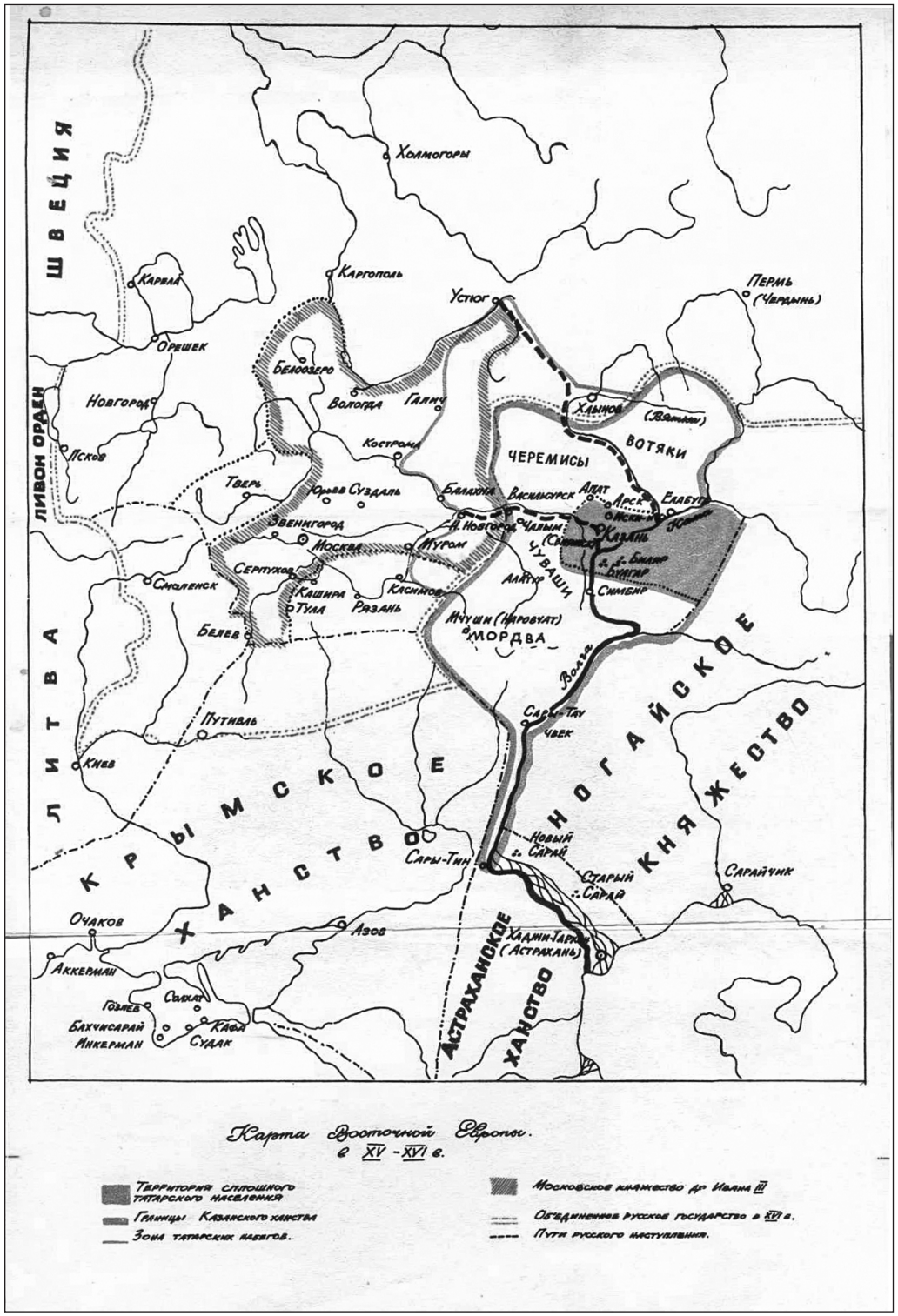
Вот таким образом на карте Восточной Европы выстраивается территория Казанского ханства.

Относительно внутреннего устройства государства следует напомнить, что Казанское ханство приняло историческую эстафету своих предшественников – Волжско-Камской Булгарии и Золотой Орды. Существовала государственная элита, о которой упомянуто выше – в краткой исторической справке.

Мусульманское духовенство занимало особое место в иерархии казанской аристократии. Сигизмунд Герберштейн отмечал в начале XVI в.: «Сеид – высшая духовная особа у татар пользуется таким почетом и уважением, что даже цари выходят встречать его и стоя подают ему руку, когда как он (сеид) сидит на лошади[4].

Особое место во внешнеэкономических отношениях занимал могущественный сосед – Русское государство. Прекращение периода смуты в Золотой Орде и завершение на ее бывшей территории процесса образования новых государств для Московской Руси означало приобретение новых торговых партнеров. Торговля Москвы с волжскими городами осо-

[1] Центральный государственный архив Самарской области – ЦГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 109, лл. 22, 23.
[2] «Известия Краеведческого института при Саратовском университете. Т. II. Саратов, 1927. С. 111.
[3] Поволжье в XVII и начале XVIII века. Очерки по истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 232.
[4] Герберштейн С. Указ. соч., С. 146.

Территория Казанского ханства по М.Г. Худякову

бенно усилилась после возникновения Казанского ханства, вступившего в тесные торговые связи с Москвой. В конце июня на праздник Рождества Ивана Предтечи в Казани собиралась ярмарка, на которую съезжались русские и восточные купцы. В их числе находим и москвичей. Об этом нам говорят две митрополичьи грамоты к казанским ханам с просьбой об оказании помощи митрополичьим слугам, едущим в Казань[1].

Знаменитый «Волжский путь», как он характерно назван в одном летописном известии, проходил по населенным местностям, гораздо более населенным в XIV-XV вв., во времена Золотой Орды, чем позже, в середине XVI в., когда от Казани до Астрахани лежали пустынные места, которые русские начали заново колонизировать»[2].

В «Казанском летописце» о тесных торговых связях между различными странами Восточной Европы сказано так: «На той же день съезждяхуся в Казань изо всея Руския земли богати купцы и многия иноземцы далния, и торговаху с Русью великими драгими товары» (Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XIX. С. 23)[3].

Два соседних государства Востчной Европы были политическими и экономическими соперниками. Борьба Русского государства и Казанского ханства имела и дипломатическую окраску. Многие годы русские князья (с 1518 г. при Иване III они приняли титул царя) умело разыгрывали «крымскую карту» в борьбе с их сородичами на Средней Волге и постепенно добились фактически вассального подчинения себе Казанского ханства[4].

После десятилетий сложных противоречивых отношений между двумя государствами борьбы за сферы влияния исторический спор решился в пользу Русского государства. То, что в итоге случилось в 1552 г., вполне укладывается в процесс образования крупных государств.

Многие века в Восточной Европе шло соперничество двух социально-экономических систем: тюрко-татарской и славяно-русской. Во второй половине XV – первой половине XVI в. это противборство приобрело максимально локальный характер, происходя на территории Средней Волги – между Московской Русью и Казанским ханством. Расширяющаяся Русь с ее народом, находившимся в активной фазе развития, уже не могла удержаться в прежних границах. Возрастающая пассионарность вынуждала русский этнос к расширению ареала своего существования. Как это бывает в истории, внутренняя энергетика народа, в данном случае русского, движущая сила политического, культурного и, в конечном счете, широкого геополитического созидания приняла характер и форму огромного движения за свои прежние границы, в первую очередь, на восток и юго-восток. Таков закон природы человеческого существования: энергия растущего этноса всегда направляется на соседей, которые в силу тех же естественных причин слабее его.

[1] Худяков М.Г. Указ. соч. С. 83
[2] Тихомиров М.Н. Записи XIV-XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 18.
[3] цитата по: Тихомиров М.Н. Записи XIV-XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 95.
[4] История дипломатии. Т. I. М., 1941. С. 200.

Татарский этнос, напротив, в этот период находился в инерционной фазе этногенеза и, как народ, был заметно старше русских, поэтому не мог не уступить первенство русскому народу, более молодому, растущему и набирающему силу. По большому счету, завоевание трех татарских ханств в середине и второй половине XVI в. и более растянутый (на целый век) процесс распада Ногайской Орды принесло Русскому государству большие территориальные приобретения и соответственно небывалое до этого усиление влияния на евразийском континенте[1].

Решающие события в этом противостоянии развернулись осенью 1552 г. Князь Андрей Курбский оставил в «Сказании о взятии Казани» последнее описание высокой горы, на которой располагалась столица татарского ханства: «на ней же град стоит и полати царские и мечети, зело высокие, мурованные, идее же умершие цари клалися»[2].

…После долгой осады Казани, в ходе штурма 2 октября войска Ивана Грозного ворвались в Казань, последний и решительный бой защитники столицы татарского государства давали уже на улицах города. Долгое и упорное сопротивление обеспечивалось, отвагой, героизмом и упорством малочисленных защитников Казани. Но силы были слишком неравными. В целом исход войны был предопределен заранее, поскольку русская армия была изначально сильнее во всех отношениях…

Вот как летописец описывает результаты штурма: «А побито во граде толико множество лежаша, яко по всему граду не бе где ступати не на мертвых… и по улицам костры мертвых лежаще стенами градными ровно; рвыжь на той стороне града полны мертвых лежаща, и по Казань реку и в реке и за рекою по всему лугу мертви погании лежаще» [3].

О том, что случилось с бывшим ханством и Казанским краем, тоже написано немало. Мы же ограничимся сведениями английского дипломата конца XVI в. Дж. Флетчера: «Многие деревни и города, в полмили и целую мили длину, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилия» [4].

…Падение Казанского ханства повлекло за собой массовое переселение татар региона Средней Волги и Камы в другие земли. Лесостепная зона между реками Зай и Ик – еще недавно владения исключительно башкир, начала заселяться татарами и представителями других народностей – чуваши, мордва, черемисы (марийцы), которые также бежали сюда от насильственной христианизации. Люди тронулись не только с Заказанья и Елабужской стороны, но и правобережья Волги в среднем ее течении – путь последних на восток лежал через Самарскую сторону[5].

Примерно такого же мнения придерживался и Капитон Невоструев, когда писал, что после завоевания Казанского ханства татары были вынуждены уйти с насиженных и обжитых мест: «С покорением Казани и Астрахани и водворением русских на Самарскую Луку… татары должны были оставить ее и перейти в степи за Волгу и другие места, так что ныне *(в середине XIX в. – прим. авт.)* здесь не осталось ни одного татарского селения…»

Далее, представляя новых (после середины XVI в.) обитателей края, Невоструев пишет: «С того же, XVI века, это место является притоном всякой вольности и разбойников… Но этим разбойничьим шайкам, ни Правительству в ограждение от них, конечно, нельзя приписать тех значительных укреплений, валов и городков, какие встречаются на Самарской Луке, а нужно относить их к оседло жившим здесь прежде татарам» [1].

Казанские ханы и годы их правления[2]

Улу Мухаммед	(1437-1445)
Махмут	(1445-1462)
Халиль	(1462-1467)
Ибрагим	(1467-1479)
Али	(1479-1484)
Мухаммед-Эмин	(1484-1485)
Али, во второй раз	(1485-1485)
Мухаммед-Эмин (снова)	(1487-1495)
Мамук	(1495-1496
Абдул-Латыф	(1496-1502)
Мухаммед Эмин (снова)	(1502-1518)
Шаех-Али	(1518-1521)
Сахиб-Гирей	(1521-1524)
Сафа-Гирей	(1524-1531)
Джан-Али (Еналей)	(1531-1533)
Сафа-Гирей, во второй раз	(1533-1546)
Шах-Али, во второй раз	(1546)
Сафа-Гирей, в третий раз	(1546-1549)
Утямыш	(1549-1551)
Шаех Али, в третий раз	(1551-1552)
Ядигер Мухаммед	(1552)[3]

[1] Бариев Р.Х. Волжские булгары. История и культура. СПб, 2005. С. 242.
[2] Цит. по: Источниковедение истории СССР. Т. I. М, 1940. С.147.
[3] Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 445.
[4] Дж. Флетчер. О государстве Российском. Москва, 2002. С. 45.
[5] Мухамедьяров Ш.Ф. Указ. соч. С. 84.

[1] Невоструев К.И. О городищах древнего Волго-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М., 1871. С. 43.
[2] Сведения Азады-Айши Рорлих.
[3] источник: Rorlich A.A. The Volga Tatars in national resilience. Stanford. 1986.

НОГАЙСКАЯ ОРДА

Историческая справка

НОГАЙСКАЯ ОРДА (Мангытский юрт) – государственное образование тюркоязычных кочевников (ногайцев), образовавшееся в результате распада Золотой Орды в конце XIV – в начале XV в. В конце XIV в. Идегей основал в междуречье рек Яик (Урал) и Эмба полунезависимый улус. В 30-50-х гг. XV в. юрт входил в состав кочевого государства Абухайра.

После его распада мангыты образовали самостоятельное государство. Во 2-й половине XV в. большинство племен стало именоваться общим понятием «ногай». Мангытский юрт получил название «Ногайская Орда» или «Улус-и Нугай». Занимала в XVI в. территорию от Волги на западе, до Иртыша на востоке, и от Камы на севере до Сырдарьи на юге. Центр – г. Сарайчик. В Ногайской Орде проживало около 120 племен (илей). Верховная власть принадлежала бию, обычно потомку Идегея. Ногайская Орда делилась на два крыла: правое, к западу от р. Урал, во главе с наместником – нура-дином, и левое, к востоку от р. Урал – во главе с кековатом; в конце XVI в. в северо-восточной части ногайских кочевий была учреждена должность тайбуги. Крылья делились на уделы-улусы, управлявшиеся мурзами. Государственная религия – ислам. Основное занятие: кочевое скотоводство, в местах зимовок практиковалось примитивное земледелие. Торговля с Казанью, Астраханью, Москвой и др. При биях Шейх-Мамае (1548-1549) и Юсуфе (1549-1554) Ногайская Орда играла значительную роль в международных отношениях Восточной Европы, вмешивалась во внутренние дела Астраханского, Сибирского, Казанского ханств. С помощью ногайских войск на казанский престол были посажены Мамук (1496), Сафа-Гирей (1546). Между правящими династиями Казанского ханства и Ногайской Орды устанавливались брачные связи: мужьями дочери бия Юсуфа Сююмбике были ханы Джан-Али и Сафа-Гирей.

После завоевания Россией Казанского ханства в Ногайской Орде началась междоусобная борьба между сторонниками и противниками московской ориентации, которая завершилась распадом Ногайской Орды на Ногаи Большие, Ногаи Малые, Атыульскую Орду (с потомками Шейх-Мамая во главе). В Ногайской Орде сложился первоначальный вариант эпоса «Идегей».

***

История Ногайской Орды всегда привлекала меньше внимания отечественных историков (даже по сравнению с историей Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства), а в краеведческом плане незаслуженно относится к разряду самых неосвещенных тем. Между тем это государство в течение примерно двух веков занимало огромную территорию на стыке Европы и Азии, в том числе и в Самарском Заволжье и оказало большое вляние на развитие нашего региона. А для истории народов, которые мы называем мусульманскими, Ногайская Орда – это целый пласт прошлого, который оставил заметный след на их этногенезе в целом и на культуре в частности.

…После того, как Золотая Орда прекратила существование и разделилась на несколько государств, в конце XV – XVI вв. Ногайская Орда была одной из ведущих политических сил Евразии. Многочисленное население, огромное конное ополчение, дипломатическое искусство правителей, контроль над торговыми путями – эти и другие факторы превращали Заволжскую Орду в мощнейший фактор международных отношений позднего средневековья.

Одним из значительных источников по истории Московского государства и сопредельных государств начала XVI в. считаются путевые записки неоднократно упоминавшегося выше немецкого барона Сигизмунда Герберштейна (1486-1566). В России, точнее в Москве, он побывал дважды – в 1517 и 1526 гг. Его «Записки…» – очень интересный по содержанию и происхождению документ. Сам барон на Волге не бывал, но использовал все возможности, чтобы расспросить о тех землях своих русских собеседников и возможно обретавшихся в Москве татар.

Как мы помним, знакомство читателя с ногаями у Герберштейна выглядит так: «За казанскими татарами, прежде всего, встречаем татар, прозывающихся ногаями; они живут за Волгой, около Каспийского моря, которая течет из области Сибири[1].

В освещении вопросов, касющихся политической и экономической жизни Ногайской Орды, традиции были также заложены еще в дореволюционной отечественной историографии. Со всеми присущими тогда идеями и положениями. Наиболее цельная для того времени картина ногайско-русских отношений стала вырисовываться с выходом двенадцатитомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Но основной исследовательский посыл все же основывался на положении о том, что все татарские и ногайские государственные образования – ханства, орды и юрты являются враждебной силой, объектом борьбы православия и ведомого ею народа.

Те же положения перекочевали в историографию советского периода. В этой связи очень характерным следует считать название одной из монографий по нашей теме, увидевшей свет в в 1948 г.: «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (автор А.А. Новосельский).

Место ногайской истории в общей системе знаний об истории народов нашей страны превосходно показано профессорорм М.Г. Сафаргалиевым во введении к его работе: «Будем ли мы изучать распад Золотой Орды, образование Московского государства, борьбу русского народа с (т.н.) »татарским игом», историю крымских о поволжских татар, башкиров, узбеков, казахов и каракалапаков – мы всегда будем сталкиваться с историей Ногайской Орды, без изучения которой многие вопросы для историка будут непонятны»[2].

По историографии Ногайской Орды остаются огромные пробелы. Весь советский период историки изучали историю ногаев только в контексте прошлого основных объектов своих трудов – татар, башкир, казахов, каракалпаков. В отношении такой сильной

[1] Записки… С. 150

[2] Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в. М. 1938. Научная библиотека МГУ, рукопись. С. 8

исторической школы отечественной историографии – казанской, татарстанской, следует отметить такой поход, харатерный для практически исследователей средневековья – ногаи интересовали только как соплеменники казанской ханши Сююмбике, как участники важнейших событий, связанных с Казанским ханством.

В значительной степени это объясняется разгромом исторической науки в ТАССР, учиненой за советский период два раза – в 1929-1931 гг. (под лозунгом борьбы с «пантюркизмом») и особенно в 1944 г. – после выхода известного Постановления ЦК ВКП(б) об идеологизации Золотой Орды и эпоса «Идегей». Эти кампании надолго отбили у татарстанских историков интерес к изучению тюркского средневековья. Определенный интерес к истории соседнего к средневековым татарам народа – ногаев снова возник только в 1980 - 1990-е гг.

Более плодотворными оказались эти годы для исследователей Башкирии. Автору научной концепции этногенеза башкир Р.Г. Кузееву удалось детально проследить процесс инфильтрации (выделения) ногайского компонента в среду собственно башкир.

Когда возникла Ногайская Орда? Основываясь на труде «Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской и о находящемся в них» (впервые издан в 1517 г.) польского государственного деятеля, медика и историка Матвея Меховского, основная часть исследователей согласилась с датой основания Ногайской Орды, которая приводится здесь – середина XV в. У Меховского приводится более точная дата – 1447 г.

Территория Ногайской Орды и расселения ногаев определялась скотоводческим характером экономики, следовательно, возможностями сезонных передвижений народа со стадами. Жизнь людей на этой территории заметно отличалась организацией экономики и межчеловеческих связей, существовавшей, например, в верховьях Волги и на Оке, т.е. на восточной окраине Московского государства.

Здесь степь сменялась лесом в верховьях Дона, выше волжской Самарской Луки, в верховьях Яика и низовьях Тобола. Южнее перечисленных рубежей лежало редконаселенное пространство, на котором в XVI в. кочевали татары, ногаи, башкиры и ногаи. Поскольку цикличность ежегодных миграций вынуждала скотоводов проводить летний сезон на севере Дешт-и Кипчака, а зимовать на юге, то более полугода северная окраина степи оказывалась на это время практически безлюдной[1]. Исходя из этого факта в значительной степени и была «обоснована» широко распространенная ныне теория о «Диком поле», которая, якобы, существовала в Заволжье вплоть до включения его в состав Русского государства во второй половине XVI в.

… По мнению С. Алишева, в условиях чрезвычайной распыленности населения категория его подданства, принадлежности к Орде, определялась не столько проживанием в определенной местности, сколько подчиненностью улуса какому-нибудь мирзе, т.е. выплатой ему податей[2]. Как считает Д. Исхаков, в пограничных зонах присутствовало иногда и «двоеданство» – например, сбор ясака в пользу казанско-татарских и ногайских властей одновременно[1].

Четко определить границы Ногайской Орды из-за того же отсутствия достаточной базы источников очень затруднительно. Поэтому исследователям остается пользоваться косвенными источниками и смежными данными и на основе их анализа, сопоставления «выводить» территорию этого государства. По расчетам Владимира Трепавлова, в первой половине XV в. Мангытский юрт занимал территорию между Яиком, Эмбой и Каспийским морем. В середине XVI в. территория увеличилась примерно в четыре раза, особенно на восток и северо-восток до рек Кама, Уфа, вплоть до Уральских гор. Владения на северо-западе и севере доходили до рек Волга, Самара, Кинель и Ик[2].

Как мы видели на карте американского историка, известного исследователя русско-казанских отношений Я. Пеленского, владения Казанского ханства заканчивались на Самарской Луке. Таким образом, две карты вполне стыкуются друг с другом и, вероятнее всего, на излучине реки Самары Ногайская Орда и соприкасалась с Казанским ханством.

Правое крыло Ногайской Орды располагалось в Поволжье. В дипломатической переписке в качестве общеизвестных координат, в рамках которых осуществлялись перкочевки, выступают обычно крупнейшие татарские города (Казань, Астрахань, руины Укека), реки Кама, Самара, Ика а также Самарская Лука. Это подтверждают и независмые друг от друга европейские наблюдатели, описывавшие контуры России и окрестных владений. Они называют Волгу рубежом, отделяющим ногаев. Одни из них Дж. Флетчер упоминал о «татарах нагайских, владеющих всем краем на Восток от Волги к Каспийскому морю». Другие (Э.Крузе и И. Таубе) пишут: «Границы татар, называемых нагайцами, начинаются в пятистах милях от Москвы, за большой рекой Волгой и по ту сторону Казани». Или (Б. Маражарет): «За Волгой обитают татары, зовущиеся нагаями». Еще больший охват ногайской страны показывает С. Герберштейн, который говорит, что правитель самого западного удела Ногайской Орды Коссум (Хаджи-Мухаммед) владел «всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра» (т.е. Волгой) [3].

В письменных источниках фигурируют разные пункты, обозначающие точку поворота ногайской границы от Волги на восток. Один из них – низовья реки Самары и образующийся там изгиб Волги (Самарская Лука). Там, как видно из Ногайских книг и столбцов (НКС), – документа, хранящегося в Российском Государственном архиве древних актов в период 1570-1580-х гг. летовали мирзы[4]. На Самарском устье мирзы встречали русских послов, въезжающих в ногайские земли, а к западу от Самары, после основания в 1586 г. одноименной крепости, начинались

[1] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 457
[2] Алишев С.Х. Москва и Казань: межгосударственные отношения в XV – XVI вв. Казань, 1995. С. 160.

[1] Исхаков Д.М. Из этнической истории восточных районов Татарской АССР до начала XIX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 45, 46
[2] В.В. Трепавлов. Указ. соч. С. 54-55
[3] цитата по: Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 467-468
[4] РГАДА, д. 8. л.377, 1587 г. Д.1, л. 14

Карта Ногайской Орды по В.В. Трепавлову

земли, подвластные русским воеводам[1].

В течение первой половины XVI в. и до конца 1570-х гг. крайним северным пределом считалась местность, лежащая еще выше по Волге, чем Самарская Лука. Об этом сообщают те же Ногайские столбцы и «Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489-11549 гг.» [2].

Таким образом, Средняя Волга была местом постоянного кочевья заволжских ногаев. Один из мирз – Арслан бек Хаджи Мухаммед в одно время имел «на Самаре» главную свою ставку (эти места периодически менялись). Земли вдоль Волги южнее Самары В.В. Трепавлов называет Ардабаевским юртом (одним из регионов) Ногайской Орды[3].

Ногайские степи простирались до земель юго-восточнее нынешней Мордовии. Память об этом осталась в произведениях эрзянского фольклора.

Настоящий наплыв ногаев на западный берег Волги случился в начале XVI в. По оценкам некоторых исследователей, примерно в это время (или чуть раньше) на месте нынешней Сызрани появилось ногайское поселение. Память об этом расселении сохранялась в 1570-х гг., когда в Симбирском уезде служилым людям раздавались

[1] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3., ч. 1. Торговля с Московским государством и международное полжение Средней Азии в XVI – XVII вв. Л., 1932. С. 506.

[2] В.В. Трепавлов. Указ. соч. С. 356.

[3] Среднее Поволжье в эпономической терминологии позднего Средневековья // В сб. «Материалы по истории татарского народа». Казань, 2005. С. 187.

участки степи, на которых прежде этого были ногайские станы[1]. В качестве одного из топонимических свидетельств указанного процесса освоения ногаями правобережья Волги существует в Карсунском районе Ульяновской области – татарское село Нагаево (татарский вариант: Нугай иле).

Ногайское происхождение названия возможно и в случае с селом Иштирек в Лениногорском районе Республики Татарстан. В документах 1604 г. подробно пишется о бие Иштиреке и его кочевых владениях выше рек Черемшан и Сок, которые географически определяются как Бугульминское плато.

Важнейшим источником по истории Ногайской Орды и всей Восточной Европы являются карты иностранцев. Они составлялись со слов путешественников, хотя в первооснове могли лежать схемы, исчерченные самими путешественниками. В Ногайской Орде они не бывали и и узнавали о ней от русских и тюркских собеседников. Поэтому всегда следует иметь в виду обстоятельство, о котором (говоря о калмыках и ногаях) совершенно справедливо писал В.О. Ключевский: «Нельзя, разумеется, ожидать от иностранца точности и определенности в показаниях о рассселении этих кочевых племен, чему мешал самый образ жизни последних»[2].

Тем не менее, с учетом всех факторов и соответствующим анализом их данных, мы должны пользоваться этими картами как письменными источниками, способствующими пониманию исторических процессов, проходивших на территории современной России и сопредельных государств в средние века. В атласе Г. и К. де Йоде 1578 г. Nagaia по обе стороны реки Samar. В атласе Г. Меркатора 1580-х гг. Nagaia Tartari – между Средней Волгой и Яиком. Адам Олеарий на своей карте 1647 г. впервые отразил заселение ногаями Ногайской степи в современном Дагестане.

Ногаи – народ кипчакского происхождения. Главным и, бесспорно, наиболее веским аргументом в пользу этого вывода служит ногайский язык, который сохранил архаику кипчакского языка. Такую же характеристику (с некоторыми оговорками) можно отнести к казахскому языку.

Крайне запутан вопрос о соотношении татар и ногаев. Мнения авторов разнятся: от противопоставления, как у Л. Гумилева, до их тождества (М. Ахметзянов, Л. Арсланов, В. Викторин и др.) Учитывая общую основу языка и материальной культуры, сохранившейся до нашего времени, нам кажется более объективной вторая теория.

Население Ногайской Орды на протяжении всей ее истории XV – XVI вв. в количественном отношении колебалось. В постоянном и резком изменении количества народонаселения свою роль сыграли войны, эпидемии, внутренние распри (особенно губительны для внутренней жизни Орды были вторая и третья смуты XVI в.). Конечно, точных данных о количестве населения нет, и поэтому исследователям приходится заниматься подсчетом исходя из общепринятых в статистической науке методик или по определенным методологическим обоснованиям подсчетов.

Большинство из них исходной точкой брали количество воинов, мобилизованных на тот или иной по-

[1] Перетякович Г. Указ.соч. 1882. С. 17, 18, 68, 690.

[2] Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М, 1991. С. 22-23.

ход или войну. Разброс цифр и здесь весьма широк. Р.Г. Кузеев[1], оценивая число жителей Ногайской Орды на основной ее территории между Волгой, Эмбой, Камой и Сырдарьи, приводит максимальную цифру – от 800 тысяч до 1200 тысяч. У М. Сафаргалиева эта цифра втрое меньше. Посередине этих значений остановился украинский археолог и этнограф В.К. Михеев – 750 тысяч[2].

Как бы там ни было, население Ногайской Орды составляло значительное число, и это свидетельствует о достаточно развитой для того времени экономики, имевшей сельскохозяйственные характер с преобладанием кочевого скотоводства.

Однако, как в любом другом сложном социальном организме, существоваали и другие хозяйственные уклады и отрасли, среди которых наибольшее развитие получили охота, рыболовство и первичные формы земледелия.

И, конечно, торговля. При господстве кочевой скотоводческой экономики Ногайская Орда жизненно нуждалась в получении продукции земледелия и ремесел от оседлых соседей. Через нее проходило множество торговых путей.

В XIV в. (до Ногайской Орды) при ордынском хане Узбеке по торговому пути в сторону Ургенча возникли караван-сараи. До сих пор по этой дороге в степях видны остатки полутора десятков караван-сараев.

Караваны двигались по Дешт-и-Кипчаку (от Азака до Сарайчука, из Казани в Ургенч и так далее) по наезженным дорогам. Постоялые дворы, что сопровождали путь до Ургенча, вероятно, существовали и к западу от Яика, но до сих пор этот трехсоткилометровый путь совершенно не изучен археологически. Главным городом Ногайской Орды являлся город Сарайчук, который долгое время, вплоть до 1830-х гг., оставался единственной переправой через Яик в южную степную сторону.

Дальнейший участок пути в течение долгого времени, даже после исчезновения Ногайской Орды, носил название Ногайской или Староногайской дороги. Это, между прочим, относится и к участку дороги из Казани в сторону Средней Азии, который проходил и по территории Самарского края. Народная память хранит рассказы о том, что участок Ногайской дороги от Самары в Казань пролегал по линии, где сейчас находятся села Старый Буян, Елховка, Теплый Стан, Тюгальбуга и далее на север.

В первой половине XVI в. ногайско-русские мирные контакты осуществлялись, главным образом, посредством двух путей, один из которых проходил по маршруту: Самара – Казань – Нижний Новгород – Владимир – Москва. А второй пролегал через южное направление – вдоль Дона, устье Воронежа и далее на Москву.

Ногайская Орда, будучи преимущественно государством кочевников и по характеру скотоводческим, занималось продажей скота (элементы земледельческого хозяйства были видны только в низовьях Волги). На Русь экспортировалось огромное количество лошадей. Из Дешт-и- Кипчака поступал племенной фонд породистых лошадей, русская дворянская конница формировалась именно из них. Этот вид торговли развивался до самой середины XVII в., после этого ногаи переориентировали свои взоры на Крым и Азов.

Хади Атласи, ссылаясь на Воскресенскую летопись, описывает примечательный факт, как 28 августа 1534 г. 700 ногайских торговцев пригнали в Москву для продажи табуны лошадей в количестве 50 тысяч голов[1]. Возможно, цифры в русской летописи, а потом и в изложении татарского историка были (а может быть, и сильно) преувеличены. Однако мы здесь, несомненно, имеем дело с очевидным фактом, подтверждающим наличие тесных торговых отношений между Ногайской Ордой и Русским государством в больших объемах. Об их постоянном характере говорят также многие другие источники.

На втором месте торговли живым скотом стояли коровы и овцы.

Государственный строй Ногайской Орды, как многоуровневая сложная структура, совмещал в себе сплетение различных общественных формаций с присущими каждой из них политическими и экономическими особенностями.

Ногайская Орда, при всей архаичности и недостаточном развитии, имела отдельные черты раннего государства, в том числе государственную идеологию – ислам, весьма широкое распространение письменности, что объясняется наличием значительной прослойки мусульманского духовенства и связями с Казанским, Крымским ханствами и государствами Средней Азии. Ногайская Орда принадлежала к миру ислама и входила в систему мусульманских политических образований как ее равноправный и полноценнный элемент. Ногайское общество придерживалось ислама суннитского толка. Археологические и фольклорные данные свидетельствуют о существовании на ее территории многих мечетей, в первую очередь на северо-востоке основной территории Орды. С конца XV в. и до полного распада ногайского государства в ней существовали такие категории духовенства: саиды, муллы, ходжи, садры, шейхи, хафизы, суфии

Столица Сарайчук (Сарай-джук – от древнетюркского «Малый дворец») – по реке Яик (Урал), севернее современного города Атырау (недавнее название – Гурьев). Он был не один – по данным генуэзских купцов здесь, южнее и западнее Сарайчука, находился целый агломерат из нескольких городищ.

Сам Сарайчук возник еще до монгольских завоеваний, в XIII в. Наибольшее развитие получил в эпоху Золотой Орды. В первый раз он подвергся разорению Тамерланом в 1395 г., но через полвека – в 30-40-е гг. XV в. – восстановлен и к концу этого века стал главным городом Ногайской Орды.

В середине XVI в. после падения Казанского и Астраханского ханства и последовашего с этим присоединения Средней и Нижней Волги к Русскому государству на новые окраины страны хлынули тысячи казаков. Свое значение главного административного и экономического центра Сарайчук окончательно потерял в третьей четверти XVI в. и в 1580 г. был разрушен казака-

[1] См. Численность башкир и некорые этнические процессы в Башкирии в XVI – XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа, 1968. С. 349.

[2] См. Михеев В. К., Тортика А. А. и др. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. № 1.

[1] Атласи Х. Указ. соч. С. 164.

ми[1]. Походы казачьих отрядов под руководством М. Бритоусова, И. Юрьева, И. Кольцо и Б. Барбоши (двое последних в основном промышляли грабежами и убийствами в районе Самарской Луки) на столицу Ногайской Орды проходили в несколько этапов и начались еще в 1577 г. А через три года они просто довершили разгром города.

Г. Перетяткович добавляет, что казаки, после того как овладели городом Сарайчук, перебили жителей, уничтожили все общественные здания и сожгли Сарай-джук, они еще разорили все ногайские кладбища[2].

Мы же можем предположить, что, если были уничтожены и государственные учреждения, то при этом погибли и те из них, которые мы назвали бы сейчас архивами. Это к тому, насколько остро современные исследователи испытывают источниковедческий голод при работе по истории средневековых государств Восточной Европы.

Таким образом, один из самых крупных городов Золотой Орды, а потом и Ногайской Орды прекратил существование.

В последующем огромный ущерб историческим памятникам нанесла активная хозяйственная деятельность казаков, которые, начиная с XVIII в., принялись в массовом порядке разбирать древние сооружения, используя большие, прочные кирпичи бывших жилых, общественных, хозяйственных зданий в собственных постройках. Огромное количество материала было вывезено отсюда еще раньше – в середине XVII в. при строительстве Гурьевской крепости.

Половодья и изменения русла реки Урала неумолимо в течение сотен лет разрушали остатки ногайской столицы. Археологические раскопки начались здесь только после Великой Отечественной войны, в 1950 г. С обретением Казахстаном независимости работы ускорились, в 1999 г. на месте столицы Ногайского государства был создан историко-мемориальный комплекс.

Исследования, проведенные здесь казахстанскими учеными, выявили на месте города Сарайчук (казахстанские исследователи теперь придерживаются названия Сарайшик) остатки большого количества сооружений разного функционального предназначения. И раскопали, например, остатки духовных учебных заведений, построенных еще в конце XIV в. Некоторые источникик указывают на то, что крупнейшее медресе Сарайчука было открыто в 1515 г.

В целом край, который сначала занимала Золотая Орда, а потом и Ногайская Орда, археологически изучен крайне слабо. Сведения о различных городищах средневековой эпохи больше всего остались в преданиях и других произведениях устного народного творчества мусульманских народов – татар, башкир, казахов, ногаев, киргизов. Это является, пожалуй, самым явным и видимым признаком более или менее плотного заселения берегов рек Нижней Волги, Яик, Самара и других, расположенных на территории Ногайской Орды.

И, конечно, без тщательного изучения и раскопок невозможно обрисовать картину заселения этого региона в ордынские периоды. Как, впрочем, и ответить на многие другие вопросы средневековой истории Волго-Уральского бассейна.

…Во второй половине XVI – начале XVII в. глубокие внутренние междуусобицы и распад Орды сопровождались угасанием государственности. К середине XVII столетия Ногайская Орда распалась на мелкие автономные улусные группировки и постепенно прекратила существование.

***

Завершая тему истории средневековых татарских и мусульманских государств Восточной Европы, необходимо коротко перечислить выявленные на сегодня основные археологические памятники Самарского края периодов Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и Ногайской Орды – города, городища, поселения, остатки ремесленного производства, стоянки кочевников, клады монет и др. Многие годы раскопками в нашем регионе, а также в зоне всего Куйбышевского водохранилища были заняты ученые региональных и центральных научных учреждений: В.В. Гольмстен, Г.И. Матвеева, А.Ф. Кочкина, А.В. Богачев, Р.С. Багаутдинов, С.Э. Зубов, А.Е. Алихова, А.П. Смирнов, Д.А. Сташенков, В.Н. Мышкин, А.Х. Халиков Ф.Ш. Хузин и другие.

Как мы уже отмечали выше, на территории Самарской области в нынешних границах археологами в общей сложности установлено более 100 памятников той эпохи. И это при том, что раскопки ведутся непостоянно, с перерывами, в достаточно ограниченном масштабе и малыми силами, главным образом, нескольких учебных заведений и научных учреждений Самары, Казани и Москвы.

Самым исследованным и описанным к нашему времени объектом является, безусловно, Муромский (другое название Валынский) городок в Ставропольском районе. В Шигонском районе, в большинстве своем в пойме реки Уса, выявлены следующие памятники: Березовка, Данилово озеро, Стенькин городок, Хрящевка, Соляной городок, Муранка, Печерские Выселки, Комаровка, Малиновка. На Самарской Луке – в районах сел Жигули и Валы, Сосновый Солонец, Аскулы, Малая Рязань, Лбище, Винновка, Шелехметь, Новинки, Костычи. В Нефтегорсокм районе – Виловатое, Максимовка, Утевка, Новопавловка. Несколько десятков – на левом берегу Волги, от Самары до Крестово Городища.

Примерно два десятки памятников, относящихся к IX – XVI вв., обнаружено вдоль рек Большой Черемшан, Кармала, Сургут, Шунгут, Кондурча, Сок, Кутулук, Большой и Малый Кинель (здесь особенно интересен большой объект под названием Сухая Речка – остатки поселения и гончарного производства золотоордынской эпохи), а также в Шенталинском, Челно-Вершинском, Кошкинском, Сергиевском, Безенчукском (большое поселение эпохи Золотой Орды у нынешней Кануевки) районах. Но больше всего их, конечно, в Шигонском и Сызранском районах – по берегам реки Уса и ее притоков.

Особняком стоит почти утерянное (в результате сплошной застройки дачными строениями) и, по всей видимости, уже недоступное для археологических раскопок – Междуреченское городище вдоль дороги Жигулевск – Сызрань.

На территории бывшей Самарской губернии найдено также два десятка кладов и отдельных монет. Примеча-

[1] Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 гг. СПб., 1832. С. 162.
[2] Перетяткович Г. Поволжье в XV – XVI вв. М., 1877. С. 305.

тельно, что находок, относящихся к периоду до XIII в., в этом ряду меньше всего. Среди них наибольший интерес представляют монеты, обнаруженные у села Мусорка (относятся к X в.). Видимо, в доордынский период на территории края денежное обращение было не столь интенсивным, как транзитная торговля, поскольку Волга была важнейшим торговым путем между Волжской Булгарией, дальше Русью и (еще дальше) Скандинавией и в противоположную сторону – со странами Востока.

Гораздо больше находок относится к золотоордынскому периоду. Причина: Золотая Орда наладила регулярный выпуск своих монет, а на территории Самарского края, как составной части этого государства, была налажена торговля и введено денежное обращение. Указанные клады были найдены у места впадения Черемшана в Волгу (джучидские монеты), Муранка, Кармала, Лбище, Подгоры, Максимовка и в других местах. Ценные находки обнаружены на берегах реки Самары (дюна «большой Шихан»), где существовал целый район компактного проживания ремесленного и земледельческого населения.

Подробнее обо всем этом – в очерках, посвященных археологии Самарского края.

САМАРСКИЙ КРАЙ В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Как мы отмечали выше, к моменту вхождения Средней Волги в состав Русского государства на данной территории, в первую очередь по берегам рек, жило много людей. Освоенность этих земель еще со времен Волжской Булгарии и благоприятные природные условия способствовали тому, что, например, на Самарской Луке тюркоязычное население в XVI в. продолжало заниматься сельским хозяйством, ремеслами и торговлей. Археологические раскопки, которые, хотя и велись там в ограниченных масштабах, подтверждают, что именно здесь в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства проживало основное оседлое население, главным образом тюркское. Археологические данные свидетельствуют о наличии здесь также и русского, мордовского, чувашского и башкирского населения. Этот процесс был обусловлен несколькими причинами, главная их которых – близость волжских берегов к русским княжествам и районам традиционного проживания мордвы.

Самарское Заволжье, как мы знаем, до середины XVI в. было поделено (в условном смысле) на две составные части. Одна часть, подконтрольная казанским ханам, – простирались, по одним сведениям, вплоть до Большого Черемшана, по другим – еще дальше, восточнее: до рек Сургут, Сарбай и истоков Сока.

На остальных землях Средневолжья, южнее – в степной зоне, восточнее – к Уральским горам, к северу от реки Самары к Каме жили ногайские племена. Здесь населенных пунктов, по понятным причинам – из-за преимущественно кочевого образа жизни ногаев – было гораздо меньше.

Главным занятием ногаев было скотоводство. Благо для этого в лесостепной зоне в наличии были все условия, прежде всего безграничные пастбища, частые реки, речки и озера для водопоя. С северо-востока, вплоть до среднего течения рек Самара, Кинель и Сок простирались угодья башкир.

Известно, что после падения Казани из центральных районов ханства в эти места, спасаясь в первую очередь от насильственной христианизации, достаточно скоро вдоль реки Сок начали появляться татарские поселения – Байтуган (1553 г.), Камышла (1560 г.)[1].

В 1560-е гг. на Ногайской дороге из Казани в Ногайскую Орду (и далее в Среднюю Азию) в качестве дорожной станции и постоялого двора возникло село Измайлово (Исмаилово) – Теплый Стан. Исследования истории Самарского края XVI – XVII вв., проведенные доктором исторических наук Э.Л. Дубманом, позволяют по-новому взглянуть на один интересный вопрос нашего прошлого. Это вопрос об образовании большого и знаменитого села Теплый Стан Елховского района, которое дало татарскому миру многих известных ученых, деятелей культуры, хозяйственных руководителей и т.д.

Приведенные им документы свидетельствуют, что большое пространство между реками Самара и Кама в XVI в. являлось улусом ногайского мурзы Исмаила. Во многих русских письменных источниках употребляется также вариант: Измаил. Между тем в сведениях по истории села Измайлово – Теплый Стан (в том числе устных) до сих пор не приведено никаких существенных объяснений по поводу происхождения первого названия. В отличие от нынешнего – Теплый Стан. Может, название «Измайлово» следует связывать с именем ногайского мурзы? Такая связь может быть самого разного характера: или здесь до середины XVI в. находилось место, в котором постоянно останавливался Исмаил, или здесь располагалось одно из зимовий его людей или что-то другое, но непосредственно связанное с ногайским мурзой.

…В исторической и особенно научно-популярной литературе бытует теория о том, что, до момента присоединения Средней и Нижней Волги к Русскому государству в середине XVI в., здесь находилось громадное, на сотни километров, необжитое пространство. И назвается оно «Диким полем». Между тем в научном понимании – это земля, которая не засеивается, т.е. не введена в сельскохозяйственный оборот.

И это определение не следует понимать буквально. Тем более, в главе, посвященной Ногайской Орде, мы убедились, что здесь тоже была жизнь, соответствовавшая тогдашнему уровню политического устройства и экономической жизни существовавших здесь государств – Золотой Орды, Казанского ханства и Ногайской Орды. Что касается собственно Самарского края, то также несомненно, что территория на стыке между зонами влияния Казанского ханства и Ногайской Орды не могла выпасть из общего хозяйственного организма и международной торговли Восточной Европы и Средней Азии.

А «Дикое поле», скорее всего, действительно существовало, но в очень короткий исторический отрезок времени. Известный татарский археограф, литературовед, доктор филологических наук М.В. Гайнутдинов обращает внимание на такой факт: после завое-

[1] Этносы Самарского края. Историко-этнографические очерки. Самара, 2003. С. 115.

вания Казанского ханства прошел не один десяток лет, прежде чем русская администрация начала в пределах бывшего ханства и прилегающих территорий активную работу по их освоению, выразившемуся, в числе прочего, в строительстве новых городов-крепостей – Мензелинск (в 1574 г.), Самара и Уфа (1586), Саратов (1596) и др.

Дело в том, считает ученый, что после 1552 г., когда Казанского ханства уже не существовало, а Ногайская Орда заметно стала терять силы и влияние, в Заволжье в большом количестве ринулись отряды ушкуйников и других разбойников. Они первыми начали «осваивать» новый край и делали это доступными для них способами: разорять и грабить поселения местных тюркских народов, не встречая при этом никакого сопротивления. Тем самым они высвобождали место для будущих жителей края. В результате большое пространство в ареале рек Дон, Хопер, Сура, Волга, Сок, Черемшан, Кондурча, Кинель и других из края, где раньше люди жили и вели хозяйство, довольно быстро превратился в «Дикое поле»[1].

В это время в крае стали появляться сезонные поселения русских, которые занимались здесь ловлей рыбы и мордвы (охотников).

Насчет вынужденного оставления татарами в указанный период своих поселений на Самарской Луке и по берегам других рек и массовый уход их подальше на восток, как мы помним, также определенно писал Капитон Невоструев.

Этой же точки зрения придерживаются и составители одного из дореволюционных исторических очерков: «Все пространство, занимаемое ныне Самарскою губерниею, в начале XVI века занято было… ногайскими татарами, башкирами, калмыками и киргизами.

Русские поселенцы стали проникать сюда со второй половины XVI века, после завоевания Казанского Царства. В конце XVII века Беглые раскольники и беглые помещичьи крестьяне – вот элементы первоначального заселения края» [2].

Или, как писал автор историко-географического и экономического обзора губернии Г.И. Колесников: «Русская колонизация этой части Поволжья могла начаться только с покорением Казанского и Астраханского ханств, когда все низовое Поволжье от Самарской Луки подчинилось Московскому государству… Многие города и селения, существовавшие в эпоху расцвета Золотой Орды, по разорению Тамерланом, остались необитаемыми до конца XVII века. До этой эпохи русские являлись в низовое Поволжье как временные посетители: то в виде торговцев и рыболовов, а то и просто для грабежей». И далее: «Писатели *(имеются в виду авторы разных путевых заметок, географических описаний и других письменных источников – прим. авт.)* с IX по XVI вв. не знали русских поселений по Волге от устьев до Болгара»[3].

…Природные условия лесостепной зоны больше всего способствовали развитию кочевого животноводства (кочевания), как называют многие специалисты, поволжского типа (второй тип – арало-уральский).

Ногаи пасли свои стада «промеж Волги и Самары», на реках, как называют их источники, Чеганех, Узень, Кениле, Кенильчик и других. Эти названия очень созвучны с нынешними топонимами Самарского края. В «Ногайских делах» – своде важнейших документов XV – XVI вв. – Самара из всех притоков Волги упоминается чаще всего. Более того, Самара и ее притоки называются «ногайскими», поскольку они служили базовыми для ногайских пастбищ.

«Книга Большому чертежу», составленная позже рассматриваемого здесь периода – в 1620-е гг., тоже подчеркивает исключительную пригодность этого района для ведения скотоводства: «меж тех озер растет высокая трава и колодезей много» [1].

Примечательная особенность: источники передают сведения о владельцах пастбищ и других участниках хозяйственного процесса в Самарском Заволжье в такой форме, что названия «ногаи», «служилые татары» и «ногайские татары» выглядят практически идентичными. Думается, главная причина такого «смешения» понятий состоит в том, что представители двух народов жили здесь рядом, по соседству и имели тесные экономические связи. Очень важным является и то обстоятельство, что золотоордынский элемент их происхождения в значительной мере обеспечил близость языка, культуры, общность религии и образа жизни, и поэтому для постороннего человека (в данном случае, русского человека, составлявшего эти документы) ногаи и татары воспринимались как один и тот же народ.

Место слияния Самары с Волгой играло важную роль и до присоединеиия нашего края к Русскому государству. Так, в 1554 г. мирза Исмаил указывает на Самарское устье как наиболее удобное место встречи с российским послами[2]. Через год, в 1555 г., он же перед уходом осенью на юг отпускает с Самары служилых татар в Москву[3].

Следует иметь в виду, что сам процесс освоения новых юго-восточных рубежей Русского государства начался не сразу после завоевания Казанского ханства, а спустя некоторое время, точнее через три десятилетия. Во второй половине 1580-х гг. для обеспечения безопасности судоходства и рыболовства на новых землях Российского государства началось активное строительство крепостей-городков на всем течении Волги до Каспия. Гарнизоны численностью обычно 300-500 стрельцов, «детей боярских» или иноземцев, а также относительно недалекое расстояние между городками позволяли их администрациям достаточно оперативно реагировать на враждебные действия казаков и кочевников[4].

Основанный в этот период соседний с нами город Саратов принес в новое время свое старое татарское, но слегка видоизмененное название. Об этом пишет исследователь истории Самарского края И.А. Протопопов: «Когда в 1591 г. ногаи сожгли на левом берегу Волги укрепление Сара Тау – Саратов, крепость была выстроена снова и уже на настоящем своем месте»[5].

[1] Гайнетдинов М.В. Без элек тә без идек (на тат. яз.). Казань, 2014. С. 142-143.
[2] См. Краткий историко-статистический очерк. К пятидесятилетию Самарской губернии. «Памятная книжка Самарской губернии на 1902 г.».
[3] Памятная книжка Самарской губернии на 1910 г. Самара, 1910. С. 74, 77.

[1] Книга Большому чертежу, М. – Л. 1950. С. 144.
[2] РГАДА, ф. 127, оп. 1. Д. 5, л. 248.
[3] Там же, л. 255.
[4] Дубман Э.Л. Понизовое Поволжье в составе Российского государства во второй половине XVI – первой трети XVII вв.»Краеведческие записки», Вып. IX. Самара, 2000. С. 28.
[5] Краткий историко-статистический очерк. К пятидесятилетию Самарской губернии. «Адрес-календарь Самарской губернии на 1902 г.». Самара, 1902. С. 37.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ САМАРЫ

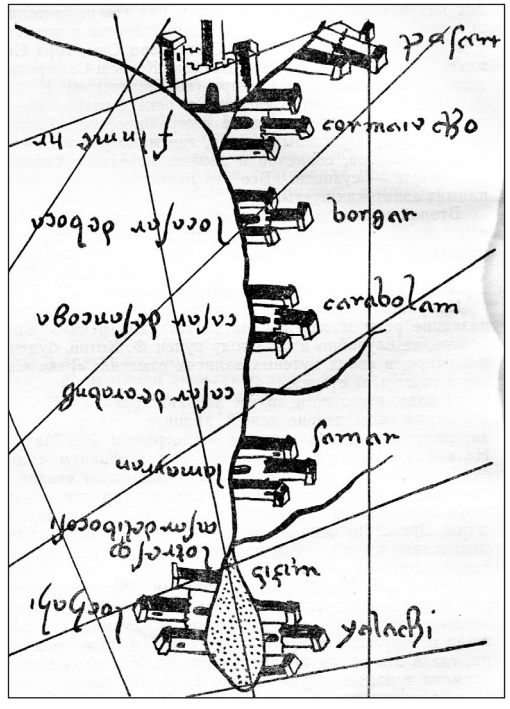
Вопрос о дате основания Самары всегда интересовал исследователей. Несколько лет назад, после яркого празднования тысячелетия Казани, в нашей области на этот счет была создана специальная комиссия. Перед ней была поставлена задача дополнительного и детального изучения вопроса: не возник ли наш город раньше, чем сейчас официально принято считать – в 1586 г.

На большой итоговой научно-практической конференции, проходившей в 2012 г. в Самарском областном историко-краеведческом музее имени П.В. Алабина, были озвучены как результаты исследований последних лет, так и представлены выводы всех основных исследований предыдущего периода в той или иной степени посвященных вопросу возраста Самары. Материалы конференции опубликованы в тематическом сборнике «Среднее Поволжье в контексте средневековой российский истории на перекрестке культур (конец XIII – XVI в.). Участники конференции представили широчайший спектр точек зрения на данную проблему. Очень важной особенностью представленных на конференции работ явилось использование необычайно большого массива картографических материалов (возможно, всех известных на сегодня исторической науке) и их подробный, глубокий анализ. Это и понятно: карты, портоланы и разные схемы, вышедшие из-под пера европейских, восточных и отечественных авторов, составляют значительную часть источников по данной теме.

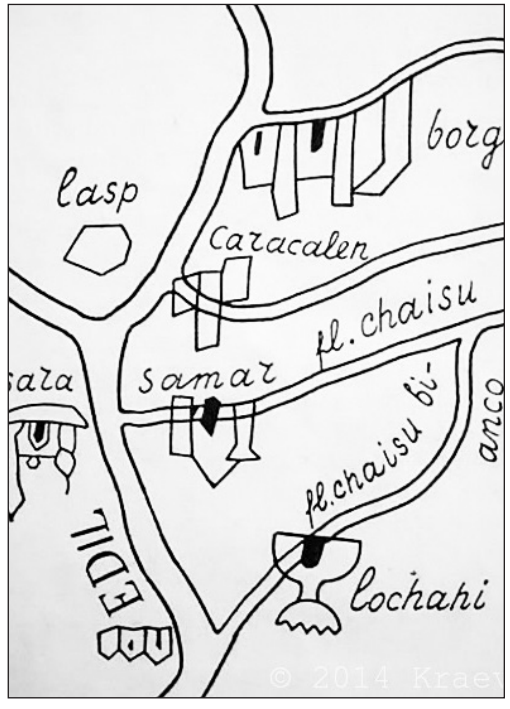
Действительно, самыми известными свидетельствами существования Самары в виде города, сельского поселения, пристани или населенного пункта какого-либо другого типа были и остаются так называемые карты Пицигани и Фра-Мауро, составленные соответственно в 367 и 1459 гг. О них в литературе написано много и подробно. Саратовский исследователь XIX в. Ф.Ф. Чекалин **в**нимательно, с полным уважением и доверием отнесся к средневековым картам Восточной Европы XIV – XV вв., составленным иностранцами. Он подробно анализирует их (не только карты Пицигани и Фра-Мауро, но и других авторов), выявляет нестыковки и несоответствия между ними, указывает, опираясь на другие документы, на ошибки в картах, честно признается в том, в чем сам сомневается, в частности, при выяснении названий нынешних городов и поселений, которые, судя по европейским картам, стояли на обоих берегах Волги[1]**.** Поэтому ход мыслей и выводы саратовского ученого XIX в. вызывают большое доверие.

Насчет Самары, которую Чекалин как само собой разумеющееся, без всяких сомнений и условностей, поставил в число городов, расположенных на левом, степном берегу Волги, он пишет так: «Сделаю лишь замечание по поводу существования Самары в такую отдаленную эпоху (1367 г.) о том, что при русской колонизаци нижнего Поволжья в XVI и XVII веках нередко русские города возникали на древних инородческих городищах и по именам

[1] См., например, «Саратовское Поволжье в XV в. по картам того времени и археологическим данным». Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т.II, вып. I. Саратов, 1889.

Фрагмент портолана Ф. и Д. Пицигани 1367 г.

Фрагмент карты Фра Мауро 1459 г.

рек, как в настоящем случае, сохранили за собою и старые названия». Сюда уместно будет добавить, что в любом случае новый город гораздо проще строить не в степи или лесном урощище, а на месте имеющегося поселения, так как экономически выгодно пользоваться уже существующими ресурсами. К тому же мы встречаем немало фактов, когда материал сооружений более раннего периода разбирался нвовпоселенцами и широко применялся при строительстве новых городов и крепостей.

Вот, например, как в конце XIX в. выглядели развалины бывшей столицы Золотой Орды:

– Кучи более сохранившихся кирпичей находятся в разных местах Царева. Я видел целые дома и заборы, устроенные из древних кирпичей, некоторые места на улицах покрыты ими, как будто вымощены этими кирпичами. До сих пор видны остатки труб, по которым из этого озера вода шла в окрестные места. Для устройства церкви в городе Царев и домов в сельце Капустин Яр еще недавно ломали из курганов плиты, разбивали торчавшие еще по углам башни и сломали тут так называемую «Мамаевскую бабу на четырех ногах» и поломали трубы с фонтанами[1]**.**

…И далее Чекалин продолжает: «Расположенный противу Самары гор. Lamayram по своему положению соответствует каменным развалинам татарского города близ села Старых Костычей, описанным еще академиком Лепехиным и упоминаемым

[1] Поездки к бывшим волжским столицам к развалинам бл. Г. Царева и села Селитренного. Издатель Ф. Сурин, Казань, 1896. С. 20.

в Межевых книгах 1684 г.»[1]. Сюда, в качестве подкрепления вывода Ф.Ф. Чекалина, можно добавить, что о развалинах татарского города, существовавшего на месте Старых Костычей (сейчас здесь располагается город Октябрьск) уверенно пишет и знакомый нам К.И. Невоструев.

Федор Чекалин в своих суждениях не одинок: раньше него такую же позицию: что Samar, указанный на портоланах европейских путешественников, и есть предшественник современного города с одноименным названием – высказывал и профессор Новороссийского университета Ф.К. Брун[2].

И, как уже отмечалось, многие современные исследователи Золотой Орды (Грибов, Недашковский, Тропин и др.) также придерживаются точки зрения о том, что картографические источники того времени отражают реальную схему расположения городов Золотой Орды. Такая точка зрения получает всю большую поддержку историков и отражение на новых исторических картах, например, на то, что составил В.В. Трепавлов для монографии «История Ногайской Орды». А также составленных одним из самых известных и популярных современных картографов А.А. Астайкиным.

Свою, отличную от официальной, точку зрения о дате основания Самары – 1448 г. – многие годы упорно остаивает также известный самарский историк и политик М.Н. Матвеев.

Конечно, в научной среде исследователи с противоположными мнениями есть и их немало. В их трудах начисто отвергается возможность существования города (и какого-либо поселения вообще) на месте слияния двух рек[3]. Такие точки зрения были во всей полноте представлены на упомянутой конференции в музее имени П. Алабина в 2012 г.

…Несколько десятков лет назад совершенно другим путем пошел Емельян Гурьянов. Он, опираясь на карты Пицигани и Фра Мауро, признал факт существования Самары. Но, по всей видимости, считая принципиально важным определение «национальной принадлежности» жителей поселения, разрабатывает целую теорию об «активной роли русских купцов в северо-западных улусах Золотой Орды». И все это для того, чтобы доказать: поселение Самар была русской пристанью[4].

По Гурьянову подобное могло происходить в XIV в., когда золотоордынское государство, если уже и начало проходить эпоху наибольшего расцвета, но оставалось еще крепким, вполне дееспособным и контролировало основные водные артерии на своей территории. И поэтому невозможно предположить, что на таком важнейшем узле транспортного пути, как Самарская Лука, ордынские власти мирились с существованием здесь торговой фактории купцов из другого государства.

Впрочем, неудивительно, что Е.Ф. Гурьянов в таком оригинальном видении обстоятельств возникновения Самары остался одинок, его позиция с очевидно натянутыми «аргументами» и приблизительными доводами никем из других исследователей не была поддержана.

[1] Ф. Чекалин. Указ. соч. С. 17-18.

[2] См. О резиденции ханов Золотой Орды до времени Джанибека. – Труды III археологического съезда. Т. I. Киев, 1878.

[3] См., например, Кучкин В.А. «Samar», Самара и поволжские города в XIII-XVI в. //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49).

[4] См. Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. 1979 и 1986 гг. издания и его же: «Как начиналась Самара». Самарский краевед. Куйбышев, 1990.

Например, Э.Л. Дубман считает, что «наверняка оно *(поселение Samar – прим. авт.)* было основано ордынской администрацией, так как именно ордынцы полностью контролировали с середины XIII в. и вплоть до второй половины XIV в. все процессы в волжском побережье, тем более в зоне кочевых маршрутов Заволжья»

Имеют также хождение и другие версии, касающиеся обстоятельств возникновения Самары. Некоторые из них ввиду большой растиражированности и пропаганды в последнее время стали приниматься как документально подтвержденные события, но на самом деле не подкрепляются никакими историческими фактами. В качестве иллюстрации уместно будет привести легенду митрополита Алексия в устье реки Самары с отшельником и его знаменитого предсказания о возникновении в будущем в этом месте города со счастливой судьбой.

«…Не имеет под собой никакой документальной основы и является лишь местным преданием сам факт встречи митрополита Алексия с отшельником у устья р. Самара и известного предсказания. В русских источниках, современных жизни и деятельности митрополита Алексия и соответствующих времени последовавшей через столетие его канонизации (это событие появление «Жития…» и ряда других сочинений, посвященных Алексию), полностью отсутствует описание этого события» [1].

В достоверности этой легенды в свое время сильно сомневался и часто цитируемый нами Е.Ф. Гурьянов[2].

Теперь можно перейти к разбору множества косвенных свидетельств существования поселения на месте нынешней Самары. В их числе особого внимания заслуживает отчет отпущенного из улуса Исмаила в конце лета 1552 г. московского посланника К. Кудинова. Кудинов пишет здесь о своем пути из-под реки Кама в направлении Самары и отмечает: «шел до Самара семь день, да на Самара дневал. А в девятой день его с Самара отпустил ко царю и великому князю…» [3]

Где же «днюет и ночует» Кудинов поле долгого перехода? Образно говоря, под дубами, березами или в ногайских кибитках? Понятно, что царские посланники так не днюют и не ночуют, и делают это в совершенно других условиях.

Доказано также существование в 1552-1554 гг. так называемого Самарского «перевоза» или «перелаза» (одного из нескольких на Средней и Нижней Волги) в районе Самарской Луки, который использовался ногаями для обмена посольствами, перегонки на продажу в Россию табунов лошадей и другого скота, следования военных отрядов на русскую службу и так далее. По имеющимся документам совсем точное местонахождение его определить невозможно, но часто в них главным (конечно, не единственным) ориентиром показано именно Самарское устье, т. е. место впадения

[1] Дубман Э.Л. Указ соч. С. 72

[2] См. Древние вехи Самара… С. 10

[3] РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 37 с об., приводится по: Дубман Э.Л. Самарский фронтир в середине XVI – XVII вв. Самара, 2012. С. 36.

реки Самары в Волгу. По крайней мере, трудно допустить чтобы пелаз вел в дремучие леса Самасркой Луки. Поэтому вполне логично было бы предположить, что «перелаз» был где-то ниже по течению. Может быть, в районе нынешней Сызрани.

Кстати, переход через большие реки Волгу, Дон и другие для татар был обычным делом. Венецианец Иосафат Барбаро с удивлением писал об этом действе: «Они *(татары – прим. авт.)* переправлялись без всякого шума, с такой уверенностью, будто шли по земле…»[1].

На очень интересные размышления наводят и многочисленные карты европейских путешественников, которые изучил, проанализировал и описал русский ученый-эмигрант, историк картографии Лео Багров (1881-1957). Конечно, всегда следует иметь в виду методы составления этих карт – они были далеки от совершенства, авторы чаще всего пользовались вторичными источниками, сведениями путешественников, объективность которых в большинстве случаев не могли проверить… И поэтому всегда необходимо подвергать разумному сомнению их достоверность, перепроверять изложенные в них сведения и факты, сопоставлять их с другими источниками. Однако все сказанное не может служить препятствием для того, чтобы мы пользовались средневековыми картами как историческими источниками.

…Кроме констатации еще раз примечательного факта, что практически все европейские картографы XV – XVII вв. (включенные в книгу Л.С. Багрова – не исключение) для обозначения огромного пространства на стыке Европы и Азии (от Крыма и Кавказа и до Западной Сибири) употребляют слово *Tartaria*, обратимся к двум наиболее интересным для нас картам. Они также могут быть отнесены к косвенным свидетельствам существования на месте нынешней Самары какого-то поселения – в той или иной степени ее предшественника.

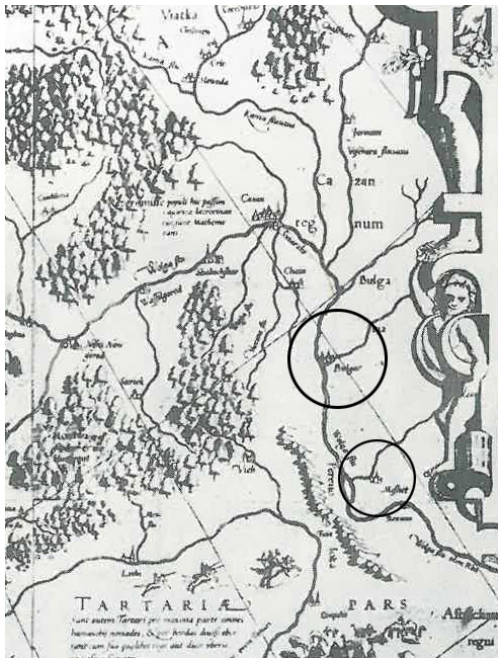
Это карты Меркатора 1572 г. и Геритса 1613 г. Вторая из них – начала XVII в. для нас интересна тем, что наша Самара отмечена здесь в первый раз после 1586 г. Других карт, составленных в период между датой основания крепости Самара и 1613 г., пока не обнаружено.

Интересно также вот что: на карте, составленной примерно до сорок лет до этого – в 1572 г., в устье безымянной реки, которая протекает значительно южнее Камы и Черемшана и которую можно (сравнивая с гидросхемой карты 1613 г.) принять за реку Самара, помечено поселение (или город) с названием Булгар. Но мы знаем, что города Булгар во второй половине XVI в. уже не существовало – после двух опустошительных разрушений – в 1361 г. Булат-Тимуром и окончательно в 1431 г. Федором Пестрым – он прекратил существование, люди отсюда ушли и больше не возвращались. И его возрождение началось только в 1722 г. после посещения Петром I.

А не ошибся ли фламандский путешественник Герард Меркатор в названиях, на самом деле указав здесь как Bulgar поселение, существовавшее в устье Самары?! Это первое.

Второе. Если он не ошибся и эту отметку действительно можно принять за развалины Булгара, отнесенные «не туда», то на этой карте есть еще

[1] Цитата по: Дубман Э.Л. Указ соч. С. 49.

Фрагмент карты Меркатора 1572 г.

Фрагмент карты Геритса 1613 г.

одна интересная точка, которая тоже вызывает вопросы и определенные предположения. Южнее указанного поселения в Волгу, напоминающую в этом месте что-то вроде изгиба-луки (?!) впадает еще одна река (тоже без названия). И здесь, чуть восточнее Волги, на берегу ее притока помечен еще один населенный пункт, который тоже можно принять за поселение на месте нашей Самары (см. выделенные объекты на карте)[1].

Конечно, это только еще один, тоже всего лишь косвенный факт. Но их набирается все больше и больше…

…Вообще, карты, описанные Лео Багровым, представляют для нас большой интерес. И не только того, что касается прошлого города Самары. Они очень хорошо иллюстрируют видение глазами европейцев тогдашних юго-восточных районов Европы. В качестве примера можно привести карту Энтони Дженкинсона и сопровождательный к ней материал.

Британский коммерсант, агент так называемой Московской компании Э. Дженкинсон в 1558 г. совершил путешествие по юго-востоку России, добравшись водным путем до Каспийского моря и далее в Среднюю Азию и обратно. Собранная им во время пути информация стала основой изданных впоследствии географических карт России и содержательного информационного отчета. Позже в период до 1581 г. коллеги Дженкинсона, имея коммерческой целью посещение Персии, совершили еще шесть путешествий по Волге. Их наблюдения, полученные во время плавания по Волге и Каспию, тоже сохранились (в виде разного рода писем, отчетов, грамот) и стали дополнением к материалу,

[1] См. Bagrow L. Histori of Cartography of Russia up to 1600. Wolfe Island, Ontario, 1975. А также: Багров Л. История русской картографии. М., 2005.

первоначально собранному самим Дженкинсоном.

В путевых заметках английского путешественника подтверждается запустение акватории Волги в среднем и нижнем ее течении, начавшееся после «великой смуты» в Золотой Орде и продолжившееся при неизвестных нам пока в своей сути событий середины XVI в., о которых сообщает К.И. Невоструев, в результате чего татарские поселения на Самарской Луке были окончательно покинуты постоянными обитателями, вынужденными уйти далеко на восток. Э. Дженкинсон пишет то же самое: «От Астрахани до Казани мы пробыли в пути 6 недель, ни разу не пополнив наших съестных припасов, так как на всем этом пути не встретили ни одного жилья»[1].

Дженкинсон также указывает, что в восточной части этой территории полновластными хозяевами являются ногаи, в низовьях Камы по левому берегу – казанские татары, в верховьях р. Самары, по ее притокам – башкиры, а на правом берегу Волги – крымские татары. Автор отмечает также приходящих хозяйствовать «наездом» на Волгу черемисов и мордву.

Далее. В «Ногайских делах» не раз раз встречаются многочисленные сведения о встречах в устье р. Самары ногайских и русских послов для разного рода переговоров, о том что какие-то государственные чиновники, доехав с какого-либо пункта Заволжья за столько-то дней, пройдя столько-то верст или какой-то другой определенный путь, так же, как и Кудинов, «дневали в Самаре». Из источников неясно: о «Самаре» в каком качестве идет речь – городка, городища, торгового поселения, наконец, обыкновенной пристани-перевоза или каком-то другом? Но вопрос напрашивается совершенно определенный: на месте нынешнего города Самары или где-то вблизи было нечто, куда можно было приехать, здесь останавливаться, «дневать», вести переговоры…

Еще одно свидетельство, которое мы называем косвенным. «Пискаревский летописец»: сообщает о событии 1586 г.: «Того же года великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии великим хотением и желанием разпространяет Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимер, крестившу Рускую землю с[в]ятым крещением: приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичю Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Щелканову города ставити на Поле и в Сивере, и к Астархани, которыя за много лет запустевша от безбожных агарян и от межуусобныя брани: Елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и иныя многия польския и сиверския» [2].

Из документа выделим главное в части того, что относится к основанию крепости Самара:

- царь этим указом приказывает поставить ее на месте несомненно существовавшего поселения, которое за несколько лет до того было «запустевши», т.е. оставлено мусульманами;

- здесь подтверждается старое название новой крепости, вернее, за ней сохраняется существующее название.

О слове «агаряне». Оно разными лингвистами в разных источниках трактуется по-разному, но в описываемый период имело вполне определенное значение – «мусульмане». Например, в летописи «Царственная книга» рассказывается о напутственной речи Ивана IV перед войском, отправлявшимся в последний, решающий поход на Казань в августе 1552 г., и царь обращается к своим воинам с такими словами: «Агаряне они бога не имеют… мы же имеем владыку господа бога; за имя его пострадаем, да венцы мученически увяжемся» [1]. Русский царь, говоря об «агарянах», безусловно, имеет в виду здесь мусульман – татар.

Новое прочтение документов дает много оснований утверждать, что новая крепость Самара возникла в 1586 г. не на совершенно пустом месте, а на определенной степени культивированной почве – оно (это место) уже было достаточно освоено и представляло собой какой-то населенный пункт. На что указывает еще вот такой факт.

Тот же «Пискаревский летописец» сообщает о том, что «Лета 7094-го (*1586 г. – авт.*) положил опалу царь и великий князь Федор Иванович на князя Андрея Ивановича Шуйского да на Петра Головина казначея: поделом ли или нет, то бог весть. И князя Андрея сослали в Самару и тамо скончался нужно…» [2].

Здесь речь идет о последствиях событий весны 1584 г., когда после смерти Ивана Грозного в Москве развернулась ожесточенная борьба между двумя группировками за освободившийся царский престол. Она закончилась победой команды Бориса Годунова и Федора Ивановича, сына Ивана IV, который, несмотря на отстутствие необходимых качеств, стал преемником своего отца. А их поверженные противники были подвергнуты различным репрессиям. Из документа видно, что одного из главных оппонентов новой царской власти князя Андрея Ивановича Шуйского было решено отправить в ссылку, и местом отбывания наказания была определена Самара.

Правда, место ссылки Андрея Шуйского впоследствии было изменено, и в Самару для отбывания наказания он так и не приехал. А был отправлен в Каргополь, где через несколько лет был убит.

Для нас здесь самые важные моменты: факт определения места ссылки А. Шуйского и года, когда произошло это событие.

Официально принято считать, что Самара была построена (на пустом месте) только в 1586 г. Значит, именно тогда, во время строительства новой крепости, т.е. на место большой стройки и было решено сослать князя, смоленского воеводу, боярина, одного из видных русских военачальников, героя Ливонской войны? Учитывая статус ссылаемого, трудно представить, что (если следовать общепринятым версиям) он сослан в чисто поле или глухое урочище на месте слияния двух рек. А гораздо логичнее было бы предположить, что высокопоставленному поселенцу А.И. Шуйскому должны были предоставить и харчи, и забавы, и другие возможности времяпровождения. Также совершенно понятно, что все это возможно было только в условиях современного (на конец XVI в.) населенного пункта – селения, городка и т.п.

[1] Английские путешественники в Московском государстве в XVII в. С. 226-227. Цитата по: Дубман Э.Л. Указ соч. С. 107.
[2] Материалы по истории СССР. Выпуск II. М., 1954. С. 88.

[1] приводится по: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 149.
[2] Материалы по истории… С. 88.

О существовании поселения Samar (до постройки крепости Самара) свидетельствует еще одна карта, датируемая 1566 годом. Ее составил мастер-картограф из Кельна Каспар Воппелиус. Эту карту подробно разобрал исследователь И.К. Фоменко Он указывает: на карте Воппелиуса за «Ра, рекой Волгой, или Эдель» на землях Ногайской Орды изображен частично руинированный замок «Sama(r) castrum «крепость Самар». Изображая миниатюру с руинами Самары, автор-составитель карты, несомненно, хотел подчеркнуть древность и запустение данного города…»[1]

Завершая тему основания Самары (которая, безусловно, остается открытой) хочется выразить надежду на сведения, которые пока скрыты для нас в книге Ф. Шармуа «Экспедиция Тамерлана против Тохтамыша» (о ней мы упомянули выше), и которые когда-нибудь станут доступны исследователям.

А в заключение, думается, будет справедливым привести авторитетное мнение ведущего специалиста по истории Средней Волги и Юго-Востока Русского государства XVI – XVII вв., автора целого ряда работ по данной теме, доктора исторических наук, профессора Э.Л. Дубмана:

«…Поселение «Samar» вплоть до настоящего времени является исторической загадкой, обозначенной пока только на портолане братьев Пицигани и карте мира Фра Мауро. Не отрицая факта его существования в эпоху Золотой Орды, можно уверенно говорить о том, что к концу XIV в. «Samar» был заброшен или разрушен и впоследствии не восстановился ни в форме ордынского, ни русского населенного пункта…

На данный момент анализ известной нам источниковой базы позволяет заявить, что между поселением «Samar» и «Самарским городком», основанным в 1586 г., установить прямую генетическую связь практически невозможно…

На наш взгляд, поиски поселения «Samar», других городов и поселений Золотой Орды на Волге и в районе Самарской Луки далеко не закончены. Но для этого необходима серьезная длительная работа по расширению документальной базы и ее углубленный источниковедческий анализ, обследование Левобережья не только в черте современного города, но и на всем пространстве, включаемом в понятие «Самарский перевоз».

В качестве одного из путей дальнейшего поиска ответа на данный вопрос следует привестии и предложение рукводителей исторической науки Республики Татарстан Р.С. Хакимова, А.Г. Ситдикова, И.К. Загидуллина, которые наряду со специальными архологическим раскопками в указанном районе предложили «проведение международной конференции с участием итальянских ученых, дальнейшее изучение картографических и рукописных материалов»[2]

[1] Фоменко И.К. Первые упоминания «Самары» в западноевропейских средневековых источниках. В сб. «Среднее Поволжье в контексте средневековой российский истории на перекрестке культур (конец XIII – XVI в.», Самара, 2012. С. 9.
[2] «Среднее Поволжье… С. 4.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сразу же после основания крепости-городка Самара в самый первый период его жизни зафиксированы события, связанные с татарами и ногаями.

Зимой 1586-1587 гг. царские послы по пути из Москвы в Астрахань вынуждены были остановиться в Самаре. Вот что писали Федору Иоановичу его послы: «…а зазимовали мы и ногайские послы с нами вместе как снеслися с судов в зиму ниже Самарского городка 20 верст в Шилехметских горах. Князь Григорей *(воевода Засекин – прим. авт.)* велел нам быт в город с твоею государеву казною и ногайскими послы…перенесли в город, а мы государь и ногайские послы свою рухлядь носим к городу, да ногайским же послам князь Григорей дал рухлядь возить двадцать стрельцов да всех улусов многие татарове из зимовья нейдут в город, а князь Григорей государь послал к татарам в зимовье сына боярсково да двадцать человек стрельцов да десять человек литвы для бережения…» Е.Ф. Гурьянов, детально проанализировал документ РГАДА и сделал вывод о том, что названное в челобитной «зимовье» – это не одинокая изба, а деревня, которая находилась примерно в 20 верстах ниже Самарского городка – в районе нынешнего поселка Гранный[1].

В документах зафиксировано также посещение нашего города в сентябре 1586 г. крымским царевичем Мурат-гиреем. Гость со свитой останавливался здесь по пути в Астрахань и прожил в Самарской крепости несколько дней[2].

Зимой 1600-1601 гг. в Самаре останавливалась жена ногайского мирзы – одна из дочерей сибирского хана Кучума с сыном и «мамкою». Самарские воеводы Савва Щербатов и Федор Бирдюкин-Зайцов сообщают в Москву об условиях, которые, учитывая статус временных постояльцев, были созданы ханской дочери для благополучной зимовки, в частности о размере «поденного корма». Весной после половодья «царевна, сын да служанка» получили возможность продолжить путь в Москву[3].

Сведения по татарской истории Самары последующих отрезков XVII в. в архивных документах встречаются крайне редко. Некоторые из них содержатся в «Переписной книге Самары и Самарского уезда» 1646 г.[4] Из нее видно, что часть населения города состояла не только из русских людей. Например, в одном посадском дворе показаны: «дворовых два человека родом нагайченки», в другом живет «купленной человек родом татарченок». В дворе одного из троицких попов живет дворовый человек, он «женат на купленной попа жонке на татарке на Манке». Во дворе братьев Щелкиных жили «два купленных татарчонка и один чувашенин»[5].

В 1647 г. к самарским чиновникам поступила челобитная от Кулая-мурзы

[1] Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Куйбышев, 1986 г. С. 41
[2] Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии М – См. Самара, 1995. С. 100.
[3] РГАДА ф. 127, оп. 1, 1601 г., д. 1, л. 1-1об. Цитата по: Белов А.В. Новый документ по ранней истории г. Самара. «Известия Саратовского университета». 2014, вып. 1. С. 82-84
[4] РГАДА, ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 6468
[5] Цитата по: Тихомиров М.Н. Самара в первой половине XVII в. «Классика самарского краеведения. Вып. 2, Самара, 2006. С. 145.

Еникеева о том, «почему без сыску в Преображенском монастыре беглых людей его крестили»[1]. В документах встречаются также разные «спорные дела» середины XVII в.с участием татар – жителей Самары и Самарского уезда. Это Кайбулка Баишев, Байбулатка Матаков, Енбаев, Алтыбаев и другие. Сословное и имущественное положение, род занятий этих людей не указаны.

В конце XVI – первой половине XVII в. на тот момент пустынные пространства от Тетюш до Самарской Луки и южнее в сторону Саратова были зоной постоянных промыслов коренных народов Среднего Поволжья. На Правобережье чуваши, мордва и татары занимались бортничеством, бобровым промыслом, ловили рыбу, охотились, косили сено «наездами» и потихоньку селились в укромных местах. Территория севернее – Закамье стало заселяться русским населением.

А что на Левобережье? В описываемый период – после присоединения Казанского ханства – на Средней Волге получило большое развитие рыболовство. Основную часть предпринимателей в этой отрасли составляли русские люди. Но определенную группу составляло местное тюркское население. Например, бортные угодия, бобровые гоны и рыбные ловли по реке Волге и ее притокам на Нагайской стороне по Самарской дороге в вотчинное владение получил князь В. Асанов. Потом, в 1597 г. эта собственность перешла к его сыну новокрещеному Я.В. Асанову.

Как уже отмечалось, присоединение значительного региона Приволжья имело для Русского государства большое значение. Для исследования новых земель и улучшения представления о них была проведена серьезная работа по составлению своеобразной карты, которая получила название «Книга Большому чертежу». Она была составлена в 1627 г. в «Разрядном приказе» по «государеву указу» и представляет собой очень интересный исторический памятник и документ. В нем содержится много интересных сведений о нашем крае и бывших городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье. Приводим некоторые из них:

«По нагорной стороне по Волге от усть реки Свияги и до усть реки Самара, и до Царицына берегом горы…

А по правой стороне реки Сока от города от Самары 90 верст озеро, а в нем емлют серу горячую (*район нынешнего Серноводска – прим. авт).*

А под городом под Самарою пала река Самара; а из Самары на устье вытекла протока, а вдоль тое протоки 20 верст и пала в том же месте в Волгу, где вытекла…

А от верху реки Бузувлука на полях и до Синева моря кочевья все Больших Ногаев… 1350 верст». Потом в документе несколько раз упоминаются реки Уса, Елаш-Ыргыз, Камелик и так далее.

Документ также подтверждает сохранность некоторых сооружений городов Золотой Орды: ««А на луговой стороне, по реке Ахтубе на 90 верст от Царицына, Золотая Орда, мечети татарские каменные многие».

«По реке Ахтубе на 90 верст от Царицына, пошла Золотая Орда, в которой живали цари ордынские, владели и дани имали на великих князех Российского государства до Грозного великого князя Ивана Васильевича, и мечети и ныне татарские каменные и все полаты целы до днесь, сказывают на цареве дворе и казны много и ныне, а взять невозможно никому»[1].

…События, связанные с приращением к Московскому государству новых территорий в Поволжье и Подонье, совпали с появлением и формированием на юго-восточном направлении новой и совершенно особой общности – казачества. В самом начале своего становления вольными казаками являлись в основном выходцы из кочевых сообществ. Казаками называли отряды татарской вольницы и даже мурз с улусами, которые ушли из-под власти своих правителей[2].

Совершенно очевидно, что термины «казак», «есаул», «кош» и многие другие, ставшие потом определяющими для русского и украинского казачества, возникли в татарской (тюркской) среде. Например, слово «казак» – это, несомнено, производное от татарского слова «качак» или синонима в башкирском языке «касак» («беглый»).

С присоединением Казанского ханства поток беглых с севера на новые земли стал преобладать и вскоре основную часть казаков на юго-востоке составляли уже выходцы из России и Украины. Они устраивались в местах наилучшего для себя проживания – на реках Волга, Дон, Яик (Урал). Главными средствами передвижения для «новых» казаков стали струги, челны, чайки. Они, кроме занятий рыболовством и охотой, промышляли набегами, грабили кочевых соседей и речные торговые караваны.

Казаки представляли такую опасность для юго-восточных рубежей Русского государства, как и ногайцы и другие кочевые племена. Так что строительство крепостей на новых, юго-восточных рубежах Русского государства объяснялось также необходимостью оградить страны от «вольных» людей, воля которых не имела границ и норм человеческого поведения[3].

Администрация Русского государства сразу же с приходом в Поволжье начала принимать меры к ограничению вольности казачества и привлечению казаков к государственной службе. После строительства вдоль Волги новых городов-Самары, Саратова, Царицын правительство окончательно взяло в свои руки управлением новыми территориями. Многие отряды казаков ушли на Дон и Яик, а оставшиеся казаки начали активно привлекаться к охране юго-восточных рубежей на Волге и несению других видов службы. В их числе были и служилые юртовские «татаровя», с которыми власти договаривались о том, что «без полнова жалованью и бес корму нам на государеву службу не бывать». Такой договор, например, был заключен с татарами Гороховского и Муромского уездов.

Скорее всего, в XVII в. в Самаре была мечеть, поскольку, по сведениям составителей справочника «Улицы Самары» 1997 г. издания в нашем городе начиная с XVII в. существовала улица Мечетная. Как известно, тогда все названия улиц имели, почти без исключения, строго функциональное значение – иначе говоря, если улица

[1] Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. по записным книгам Печатного приказа // Классика самарского краеведения. Вып. 2, Самара, 2006. С. 235.

[1] Книга Большому чертежу. М. – Л., 1950. С. 140-143, 182.
[2] Трепавлов В.В. Указ соч. С. 277.
[3] Дубман Э.Л. Понизовое Поволжье в составе Российского государства во второй половине XVI – первой трети XVII вв.»Краеведческие записки», вып. IX, Самара, 2000. С. 10.

так называлась, значит на ней была мечеть. Зная о заботе царских властей о духовном состоянии своих солдат, очень вероятным может быть предположение, что она была устроена в местах дислокации мусульман-казаков и для удовлетворения их духовных потребностей.

Жизнь на границах Русского государства, только что закрепившегося на берегах Средней и Нижней Волги, была очень беспокойной. И поэтому служба вооруженных людей по их охране была востребована не только в Самараском Поволжье, но и по всему течению Волги. В 1623 г. купец Федот Котов, касаясь Астраханского края, писал: «А за станицею ходят стрелцы, и тотарове юртовские для оберегания от казаков…»[1]. Кстати, редакторы издания в примечаниях этого издания передают значение слова «юртовские» как оседлые.

После расширения территории Русского государства в Среднем и Нижнем Поволжье возникла совершенно новая ситуация. Как справедливо замечает Э.Л. Дубман, уже тогда «на этих землях возник своеобразный котел, где «варились» чувства, настроения, убеждения представителей различных культур, верований, обычаев – русских, коренных народов Среднего Поволжья и Приуралья, кочевников – ногаев и калмыков, происходило постепенное сближение и ассимиляция различных историко-культурных стереотипов»[2].

Вскоре к перечисленным выше народам в заметном количестве стали присоединяться чуваши. «Самарские епархиальные ведомости» в 1870 г. писали о чувашах: «принадлежат они к старожилам здешняго края, и выселились сюда вскоре по завоевании Казани русскими». Примерно через полтора в. одним из основных национальных групп населения Самарского края стали мордва: «переселенная сюда при Петре Великом из Нижегородской области, мордва живет теперь во всех уездах, наиболее же в Бугурусланском»[3].

В XVII в. в Среднее Поволжье в поисках новых земель для кочевья пришли калмыки. В 1639 г. они осадили Самару. Ее защитники, чувствуя свою неспособность отстоять город, послали в Казань просьбу о помощи. «Оттуда приплыла водою рать пешая, а конница, в числе коей было татар до 5000, пришла сухим путем. В одно и то же время пехота из крепости, а конница из лесу ударили на неприятелей. Калмыки в страхе бросились вплавь через Самару, многие были перебиты, а многие утонули. Самарские казаки и татары преследовали их, и из них лишь небольшая часть воротилась в свои улусы» – пишет самарский краевед А. Леопольдов[4].

«1648 г., 10 февраля, – отмечает в своем календаре В. Красовский. – Указал Государь и приговорили бояре: арзамасцам, нижегородцам и иных городов дворянам и детям боярским, а также князьям, мурзам и татарам быть на государевой службе с окольничим и воеводою Богданом Матвеевичем Хитрово для того, что ему на степи городы поставить всякие крепости устроить до приходу воинских людей заранее до весны»[1]. Это было началом работ масштабной кампании по строительству Закамской линии.

В конце 1640-х – 1650 гг. строительство Симбирско-Карсунской и Закамской оборонительных линий завершилось. Началось интенсивное заселение находящихся под их защитой новых земель, закладка основы военизированного контингента. Он состоял преимущественно из русского населения, но в его состав вошли и представители народностей Поволжья – Казанского, Алатырского, Свияжского уездов, в значительном количестве служилых татар[2].

В конце XVII в. началось строительство еще одного подобного оборонительного сооружения – Сызранской черты. В 1683 г. симбирский воевода Григорий Козловский, набрав отряд из дворян, боярских детей, мурз и татар полковой службы, стрельцов Симбирской и Карсунской черты, получил наказ отправиться к Самарской Луке и здесь, подле южной стороны Луки, на реке Сызранке ему велено было построить крепость. Для населения нового города в 1684 г. из Казани и Тетюш прибыли 236 солдат с женами и детьми, а в следующем 1685 г. сызранским солдатам были отведены земли[3].

…Период начала XVIII в. татарской истории Самарского края освещен не больше, чем век предыдущий. Из документов той эпохи касательно Самарского Поволжья встречаются лишь отрывочные сведения о татарах.

В отечественной литературе исследователями упоминаются мемуары Питера Генриха Брюса (1692-1757 гг.), военного деятеля, путешественника и писателя-мемуариста шотландско-прусского происхождения, несколько лет служившего в России.

В 1722-1723 гг. он проехал по многим провинциям Российской империи, странам Востока. Результатом наблюдений, в частности, за жизнью российских городов и сел стала книга, изданная сначала на немецком, а потом переведенная на английский. (Bruce P.H. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Tyrkey, the West Indies… London, 1782).

Мы располагаем выдержками из работы Брюса, относящимися к Самаре и ее жителям. Он писал: «20 июня мы прибыли в Самару, расположенную на левом берегу реки. Этот город принадлежит Королевству Булгар (Kingsdom of Bulgar). Река Самара (Samara), от которой взято название, впадает в Волгу и находится ниже трехсот верст от Казани. Форма Самары – квадрат, и укрепления, и здания все деревянные, кроме церквей и монастырей. Гарнизон состоит из некоторого количества регулярных войск и казаков под управлением губернатора… Жизнь и нравы булгар (Bulgarians) очень схожи с теми (булгарами), что живут в Казани»[4].

В 1722 г. царь Петр Первый, отправляясь в Персидский поход, проделал значительную части пути по Волге. Его путешествие оказало большое

[1] О хожении с Москвы в Персицкое царство и ис Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Ормуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят. М., 1958. С. 32
[2] Дубман Э.Л. Самарский фронтир в середине XVI – XVII вв. Самара, 2012. С. 150.
[3] Самарские епархиальные ведомости, 1870, № 1. С. 10.
[4] Исторические заметки о Самарском крае. СПб., 1860. С. 18.

[1] Красовский В.Э. Указ. соч. С. 8
[2] Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII в.. Очерки по истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 74-80, 140-176.
[3] Перетяткович Г. Указ. соч. С. 74, 235.
[4] Ук. соч. С. 282.

влияние на сохранение исторического наследия татарского народа. Благодаря его вмешательству началось возрождение первой столицы Волжско-Камской Булгарии – города Булгар.

За несколько лет до этого первыми на развалины древнего города обратили внимание местные чиновники. В 1712 г. комплекс сохранившихся построек был впервые обмерен и описан дьяком Казанской губернской канцелярии А. Михайловым. Произошло это в связи с размежеванием земли с целью строительства на месте развалин Булгара мужского монастыря в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Через десять лет после этого, двигаясь вниз по Волге, царь Петр I посетил разрушенный в конце XIV в. и давно покинутый людьми город. Пока 8 июня 1722 г. в городке Тетюши менялись гребцы петровской флотилии, «Его Величество ездил в Болгары, город старинной, где была столица князей болгарских и жили народ, называемые болгары», – сообщают в «Походном журнале» его спутники. Пётр осмотрел остатки каменных сооружений – мечети, минарета, мавзолеев, бань, крепостной вал и каменные надгробья, повелел скопировать и перевести на русский язык тексты мусульманских и армянских эпитафий. Уже из Астрахани царь прислал указ казанскому губернатору А.П. Салтыкову: после описания всех построек приступить к их реставрации. В документах речь идет об остатках 70 каменных строений булгарской эпохи. Исполняя приказ царя, в следующем году силами местных мастеров были «столпов фундаменты подведены, также одни палаты, что называют турецкие бани, починены; и оные столпы и бани сверх починки сводов покрыты тёсом».

В следующем году Петру был прислан план Болгарского городища, составленный подполковником Казанского гарнизона Н. Савенковым и геодезистом И. Крапивиным. Они же сделали описание построек, отреставрированных по указу Петра I, и прислали об этом отчёт: «1723 г. сентября в 25 день на Болгарах каменного древнего здание палата турецкая баня, починена и на старом фундаменте. К ней вновь пристроено и два столпа, на которых верхи наделаны, а о том значит опись и чертёж». В 1726 г. на Болгарском городище были проведены первые раскопки.

Фрагмент атласа Российский империи 1745 г.

В 1732 г. на территории городища было закончено строительство монастырской каменной Успенской церкви. Ее облик до сих пор не претерпел значительных изменений. Уцелевшие булгарские мавзолеи монахи приспособили для монастырских нужд. Одна из усыпальниц была превращена в церковь святого Николая, другая – в монастырский погреб. Каменные надгробия городища использовались как строительный материал.

Познакомилась с уникальным историческим памятником также и императрица Екатерина II. Она посетила Казанский край через несколько десятилетий, в 1767 г. и, осмотрев Болгары, писала в Петербург: «Что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей, татары же великое почитание имеют к своему месту и ездят Богу молиться в сии развалины. Сему один гонитель, Казанский архиерей Лука при покойной императрице Елизавете Петровне позавидовал и много разломав, а из них построил церковь, погреба и под монастырь занял, хотя Петра I указ есть, чтобы не вредить и не ломать сию древность». Полностью это письмо было опубликовано в 1907 г. в «Известиях...» Казанского университета – они хранятся в отделе редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки[1]. К великому сожалению, приказ царя Петра полностью выполнен не был,: после его осмотра Шахри-Булгара разрушение памятников продолжилось. В результате из отмеченных в 1722 г. остатков 70 каменных строений, через 45 лет, когда сюда приехала Екатерина II, осталось только 4.

...В 30- е гг. XVIII в. Российское государство начало активно осваивать юго- восточное направление ближнего зарубежья. Результатом этой работы стало строительство вдоль Самаро-Оренбургской дистанции крепостей Красносамарская, Борская, Бузулуцкая, Тоцкая и других, основание городов Оренбург и Орск. Вся работа государственных органов по продвижению российских интересов в этом направлении сосредоточилась в так называемой Оренбургской экспедиции (потом переименованной в Оренбургскую комиссию). Начиная с 1737 г., штаб-квартирой экспедиции стала Самара, она размещалась в начале нынешних улиц Самарской и Садовой.

Руководителем экспедиции в самарский период был В.Н. Татищев – государственный деятель, историк и географ, автор многотомной «Истории Российской». Одним из направлений охранения и освоения Заволжья при Татищеве стало расселение здесь представителей народов, являвшихся лояльными Российской империи.

В 1738 г. астраханский татарин Утуп Бекеев просил о разрешении «поселиться ему поблизости Самары на реке Моче и в товарство набрать обещал из других таких же татар, из уфимских мещеряков и калмыков и иных иноверцев, не положенных в душевой оклад до двухсот семей» на казачью службу.

[1] См. Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1907.

Возможно, это поселение существовало и раньше. Есть сведения о том, что населенный пункт на реке Моча образовался раньше. Например, А. Леопольдов утверждает, что первые упоминания о Мочинской слободе, как о казачьем посте на границе со степными кочевьями, начинает встречаться вскоре после 1705 г., после образования пригорода Алексеевск[1]. К еще более раннему сроку (1650 г.) возможного существования Мочинского поселения отсылает А.А. Гераклитов[2].

А при Оренбургской экспедиции слобода расширилась и повысила свою роль как важнейший казачий сторожевой пост по реке Самаре.

…В ноябре 1738 г. Татищев попросил Сенат дать мочинским казакам «земли, рыбные и звериные ловли со всем удовольством», которыми они будут пользоваться вместо казенного жалованья за службу по охране «Самары и по Волге рыбных ватаг», по обеспечению «проезда на Яик». Мочинская слобода стала смешанным татарско-калмыцко-русским поселением (с преобладанием татар), которое представляло собой небольшую «крепосцу», выдвинутую в степь на юго-восток за реку Самару на 25 верст и предназначалась «наипаче от воровских калмыцких набегов»[3].

Через несколько лет, в 1743 г. Мочинская казацкая слобода изменила свою дислокацию – ее перевели с реки Моча на реку Самару – на место современного села Красносамарское Кинельского района. Через двадцать лет в этом месте ее застал и описал Павел Рычков:

«От Самары «по пути в Оренбург в 12 верстах имеется Татарская слобода, называемая Мочинскую, потому что оные татары переведены из бывшей на реке Моче Татарской слободы, которые все служат казачью службу обще с нынешними самарскими и оренбургскими казаками, и состоят под ведением самарского атамана. Жительства в ней дворов со сто, и по переписи служивых людей числится их сто же человек. Впрочем, сия слобода как лесом, так и пахотными местами, сенными покосами и рыболовными озерами, весьма достаточна»[4].

О Мочинской слободе, как сторожевом пункте на Самарско-Оренбургской дистанции, через несколько десятилетий – в середине 70-х гг. не менее подробно написал и немецкий ученый Петр Паллас.

Говоря о населении Самары и пригородной территории, он пишет: «Обыкновенная Оренбургская летняя дорога идет от Алексеевска по степной и левой стороне Самары, а зимою между Самарой и Кинелем по лугам и холмам к населенной казанскими татарами казацкую должность исправляющими Мочинской слободе (28 верст), потом к Красносамарской крепости…».

…По более поздним периодам, относящимся к концу XVIII – началу XIX в. о татарском населенном пункте на берегу реки Самары, точными сведениями мы не располагаем. Скорее всего, в прежнем виде он перестал существовать позже – в 1835 г., когда в связи с изменениями государственных границ император Николай I принял решение и издал указ о расформировании Волжского казачьего войска и переводе его личного состава в Оренбургское войско. Во всяком случае, по архивным документам второй половины XIX в. в этом селе, которое еще сохраняло первоначальное название – Моча, уже была церковь, что свидетельствовало об изменении национального и конфессионального состава населения. Об этом же сообщается и в «Памятной книжке Самарской губернии за 1863-1864 гг.»: в Моче – бывшей татарско-казацкой слободе –в это время располагается благочинный 4 округа приходских церквей.

…Перед тем как мочинские татары-казаки начали перебираться в сторону Оренбурга, они решили передать свою мечеть кому-нибудь из своих единоверцев. Здание (деревянное) было разобрано и перевезено в село Теплый Стан Ставропольского уезда, где прослужило по назначению еще не один десяток лет, вплоть до советского периода. А после закрытия мечети в деревянном, но достаточно крепком здании на долгие годы расположилась почта. Историческое (во многих смыслах) здание мечети татарской казачьей Мочинской слободы (постройки, как минимум, первой половины XIX в.) стоит в Теплом Стане до сих пор.

Вторая Мочинская мечеть была разобрана и передана татарам соседнего села Филиповка того же Ставропольского уезда, но она до наших дней не сохранилась.

Нахождение Оренбургской экспедиции в Самаре внесло оживление в жизнь как города в целом, так и татарской и мусульманской общины. Пожалуй, именно тогда впервые в истории государства особое внимание стало уделяться вопросам истории и языков народов Поволжья. При Татищеве в Самаре составлялся «Российско-калмыцко-татарский словарь», была открыта татаро-калмыцкая школа, которую возглавляли знатоки восточных языков Иван Ерофеев и Махмуд Абдурахманов. В 1741 г. в татарском отделении смешанной «комисской школы при разных науках всего состояло 58 человек, в том числе 4 учителя и 52 ученика. Из них в «татарской науке» – учитель-ахун и 10 учеников[1].

Одно замечание по поводу наличия при школе Оренбургской экспедиции - комиссии учителя-ахуна. Мы знаем, что «ахун» – это не преподавательская степень, а религиозное звание. Поэтому правильно будет предположить, что ахун, кроме обучения учеников, также занимался в Самаре выполнением своих прямых обязанностей – проведением религиозных обрядов при мечети (или молельном доме), о вероятном существовании которой мы писали выше.

…Атмосфера национально-религиозного гнета мусульманских народов в царской России всесторонне описана в научной и художественной литературе. В этом смысле можно согласиться с выражением В.И. Ленина: «Казанская губерния, Уфимский, Ставропольский, Бугурусланский и другие уезды с татарским, башкирским, мордовским, чувашским, удмуртским и марийским населением представляют собой колонию чистейшего типа».

Национальный и религиозный гнет – главное орудие русификаторской политики царизма, которая усу-

[1] Леопольдов А. Указ. соч. С. 72.
[2] Указ. соч. С. 225.
[3] РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 134, лл. 1069, 1069об и 1072.
[4] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии 1762 г. Оренбург, 1887. С. 312.

[1] Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII в.. Самара, 1997. С. 147.

губляла и без того тяжелую жизнь магометанского населения Поволжья, она же явилась одной из причин его участия в крестьянских восстаниях на протяжении всего XVIII в.

Во время восстания 1707-1909 гг. под предводительством Булавина одним из очагов народного движения стало Среднее Поволжье. Татаро-башкирские повстанцы в 1708 г. начали свое движение из Предуралья в Нижнее Поволжье, чтобы соединиться с основными силами булавинцев в районе Камышина. Но наступление мусульманских отрядов на Самару окончилось неудачей, и они вынуждены были повернуть назад[1].

Давление на мусульман, ограничение их прав имело четко выраженный характер государственной политики и стимулировалось свыше. 3 ноября 1713 г. вышел Именной указ «О крещении в Казанской и Азовской губерниях Магометан, у которых в поместьях и вотчинах находятся крестьяне православной веры». Через несколько лет последовал Указ Петра Первого 1718 г. о создании Адмиралтейской конторы. Оно оказалось особенно тяжким для сотен тысяч татар, причисленных к Адмиралтейскому (лашманному) ведомству и снаряженных на заготовку корабельного леса. Многие татарские села, возникшие вследствие этого на территории нынешних Красноярского, Кошкинского, Елховского, Челно-Вершинского районов, состояли в лашманном ведомстве, и народные предания запечатлели память о тяжком труде. От него освободиться можно было только одним способом – принять крещение. Поскольку, как говорилось в одной из инструкций по производству лашманных работ, «…а с новокрещен никого по силе присланных Ея Императорскаго Величества в работу по заготовности лесов отнюдь не наряжать…Всех оных новокрещен для восприятия ими святаго крещения и с той адмиралтейской работы велено выключить и ни в какие не наряжать».

Как уже отмечалось, наиболее важной стороной национально-колониальной политики царизма явилась и русификаторская деятельность православной церкви, узаконенная высочайшими указами. Особенно такая политика усилилась после учреждения в Казани «Новокрещенской конторы», которая возвела работу по крещению инородцев в ранг государственной политики. В качестве иллюстрации наиболее упорного проведения этой политики можно привести Сенатский указ 19 ноября 1742 г. «О недопущении в Казанской губернии строить мечети, и о разведывании Губернаторам и воеводам о обращенных в магометанский закон новокрещенных людях». В исторической литературе и публицистике он получил упрощенное название – Указ о сломе мечетей, так как на основании этого указа в Приволжском крае в течение нескольких лет было разрушено 418 из 536 мечетей.

Таким образом, социальный гнет царского режима, которому подвергалось население Российской империи, в первую очередь крестьянство, в случае с инородцами усиливался национально-духовным гнетом. Недовольство мусульман своим положением, вызванное насильственным крещением, непомерными подушными податями, поставками рекрутов вместо

[1] Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья, XVI-нач. XIX в. М., 1990. С. 244.

крещенных, в разные периоды истории то нарастало, то шло на убыль, но присутствовало всегда.

В XVII – XVIII вв. в России случались многочисленные, малые и большие восстания, в которых участвовало также татарское, башкирское и другое инородческое население. Знаменитые башкирские восстания XVIII в., получившие такое название, прежде всего из-за того, что события разворачивались в Уфимском крае, где наиболее активное участие в них принимали башкиры, периодически сотрясали Волго-Уральский регион, и правительству всегда стоило немалых усилий для усмирения восставших, применяя против них порой очень жестокие методы. Эти восстания, кроме башкир, собирали под свои знамена татар, марийцев, казахов, чувашей и представителей других нерусских народов.

Эти бунты выдвигали из своей среды отважных командиров. Среди них особо прославился Батырша – предводитель народного восстания в Мензелинском уезде. После подавления восстания и ареста Батырша в 1756 г. по пути из Уфы в Москву проследовал через Самару[1].

Народное недовольство принимало разные формы. Крестьяне собирались на тайные сходы, писали жалобы. Одно из таких собраний проходило в 1748 г. в деревне Ибрайкино Чистопольского уезда в доме крестьянина Якуба Мустаева. Крестьяне, будучи уверенными, что в столице просто не знают о бедственном положении народа, решили послать в Петербург ходоков, чтобы они довели до правительства свои беды. Таким образом, в простом народе всегда жила надежда на высшие органы власти, и мысль о том, что они не знают подлинного состояния дел в стране, злоупотреблениях местного начальства и так далее[2].

Массовое недовольство народных масс своим положением вылилось в масштабную крестьянскую войну под предводительством Емельяна Пугачева. Примечательно, что свой боевой путь Е.И. Пугачев начал с заволжской Мечетной слободы Саратовской губернии. И его движение сразу получило массовую народную поддержку. Даже среди тех, кто по долгу службы был призван воевать с «бунтарями». Так, татары-солдаты Ставропольского уезда, посланные в сентябре 1773 г. под Оренбург для усмирения восставших, перешли на сторону пугачевцев. История зафиксировала имя одного из командиров этого отряда – Селим Адельшин.

Как известно, крестьянская армия Пугачева сначала владела стратегической инициативой. 22 декабря 1773 г. отряд одного из верных сподвижников Емельяна Пугачева – Ильи Арапова выступает из Бузулука по Самарской линии к Самаре, по дороге берет приступом крепости Елшанскую, Борскую, Красносамарскую и Мочинскую татарскую слободу.

В силу народного гнева вынуждены были поверить даже многие государственные чиновники. Самарский бургомистр Иван Халевин позже, уже после подавления восстания, был вынужден признаться на следствии о готовности встретить атамана. 25 декабря 1773 г. отряд Арапова вступил в Самару, встреченный народом с об-

[1] История татар. Т. V. С. 506
[2] РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 115, лл. 152-155

разами и колокольным звоном, при «великом множестве жителей»[1].

В это же время – в декабре 1773 г. отряд пугачевцев под предводительством крещенного татарина Осипа Енгалычева двигался из Бугульмы и совершал рейд по северу Ставропольского уезда к Биляр-Озеру Спасского уезда. Во всех населенных пунктах, например, в татарском селе Сантимир, они получали поддержку и пополнение. Но попытка отряда Енгалычева взять Черемшанскую крепость окончилась неудачей. А в январе 1774 г. в районе сел Подлесная и Салейкино (ныне Шенталинский район) отряд был разбит, командир взят в плен и вскоре казнен.

Еще один пугачевский атаман Аит Уразметов набрал в свой отряд около 200 человек и действовал в Бугульминском уезде. Они тоже жгли и грабили помещичьи имения, в деревне Маклауш повесили офицера.

В Предуралье повстанцев-сторонников Емельяна Пугачева возглавил Салават Юлаев.

Но вскоре перевес стал переходить на сторону регулярных правительственных войск. Большой отряд, составленный из крестьян деревень Чистопольского уезда Киязлы, Ибрайкино, Узеево и других, в январе 1774 г. приняли бой с правительственными войсками генерал-майора Миллера у дер. Мокшино и был рассеян. В феврале 1774 г. отряды татарских командиров Уразметова и Енгалычева, воевавших в соседнем Бугульминском уезде, отступили к Бугуруслану, навстречу главным силам Пугачева.

Летом 1774 г. восставшие повсеместно стали терпеть поражения. До августа, когда Пугачев уже начал скрываться от погони, до конца с ним, как сообщают документы, были не более 150 сподвижников, среди них три татарина (один из них каргалинский татарин по имени Садык).

Таким образом, татары и башкиры приняли автивное участие в Крестьянской войне 1773-1775 гг. В документах этих трагических событий чаще всего упоминается наиболее верный сподвижник Пугачева из татар Бахтияр Канкаев, он был рядом с атаманом с самого начала и до конца, переводил приказы и указы самозванного царя на татарский язык[2].

Пугачевский бунт, по выражению А.С. Пушкина, бессмысленный и беспощадный, стал для царского правительства одним из толчков к форсированию проведения реформ, которые задумывались еще в 1760-е гг.

Как известно, при Екатерине II российская власть пожаловала некоторые права мусульманам. Именно в том, 1767 г., императрица пришла к выводу, что «в великом Государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности граждан был порок, запрещение и недозволение их различных вер». Говоря в целом, после вошествия на престол новой царицы постепенно, в течение нескольких лет, произошел поворот в государственно-исламских отношениях. В частности, татарам и башкирам было вновь разрешено строить мечети. Посещение Екатериной города Булгара, вероятно, тоже способствовало новой политике «просвещенной императрицы» по отношению к иноверцам.

[1] Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг.: в 3-х тт. Л., 1961-1970. Т. 2. С. 407.
[2] Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973. С. 266.

Эта политика привела, как следствие, к созданию Оренбургского магометанского духовного собрания и налаживанию принципиально других отношений Российского государства со своими гражданами мусульманского вероисповедания.

С тех пор мусульмане Внутренней России Екатерину II стали почтительно называть «әби-патша», т.е. «матушка-императрица».

Через некоторое время, уже при правлении внука Екатерины – Александра I в 1803 г. российским мусульманам было разрешено совершать поездки на хадж в Мекку и Медину. Со временем этот процесс приобретал все более заметные масштабы, так что в конце XIX в. счет паломников из Российской империи шел на сотни. Для татар, проживавших в Поволжье, ворота на хадж открывались в генеральном консульстве Османской империи в Таганроге, оттуда путь лежал в Константинополь и далее Мекку и Медину, которые до Первой мировой войны находились в составе Османской империи.

…Политика Екатерины II привела также и к активизации экономической деятельности татар. Склонность татар к торговле и их успехи в этой сфере деятельности отмечаются многими источниками, в том числе и путешественниками П.И. Палласом и И.И. Лепехиным Татары проводили торговую деятельность в традиционном для них направлении – Волго-Каспийском, в этом случае их маршрут проходил через следующие города: Казань, Симбирск, Самара, Сызрань, Саратов, Царицын, Астрахань[1].

Первыми из татар торговые дороги в Самарский край проложили купцы из центральных губерний империи, в частности касимовские татары. Петр Паллас, посетивший наш край в 1769-1770 гг., в «Экономических заметках» отмечал: «Зимою собираются в Самару торгующие касимовские татары, которые наперед при Яике выменивают у киргизцев (*казахов – прим. авт.)* и калмыков мерлушки *(густой, с крутыми завитками мех из шкуры ягненка в возрасте до 2 недель – прим. авт.)* и сюда привозят, потом они разбирают оные, и находящимся близ города калмыкам отдают выделывать и шить из них тулупы, а после сего отвозят в Москву и другие города».

Приметил Паллас и другие образцы находчивости наших предков, живущих в степи от Самары к Бузулуку: «Между живущими здесь казаками находится много татар, кои часто ездят в гористую ненаселенную степь, из которой выходят реки Каралык, Иргиз и Чаган, и ловят там диких лошадей для употребления себе в пищу». Хлеб насущный они добывали и таким способом.

Знаменитый исследователь-ботаник уделил большое внимание также флоре нашего края и нарисовал яркую картину самарской природы в период ее расцвета, летом. В его путевых заметках постоянно встречаются названия (и их латинский вариант): татарский клен, татарская дикая крапива, татарская статика… Эти татарские названия в буквальном смысле вросли в приволжскую землю, вошли в народную речь и с тех пор стали научными терминами.

По вопросу исторической географии и топонимики района, прилегающего к Самаре и Ставрополю, П. Паллас

[1] История татар. Т. V. Казань. 2014. С. 477.

постоянно напоминает о тюркском происхождении многих населенных пунктов и рек.

Самара в конце XVIII в. была одним из городов, в которых постоянно проживало заметное количество татарского населения. «Краткая табель Симбирской губернии города Самара и уезда», составленная по результатам 5 ревизий (народной переписи) 1794 г., сообщает, что в последние годы XVIII в. в Самаре проживало всего 1937 мужчин и 1869 женщин, почти все из них – православные и старообрядцы. Учтено также немалое (в процентном отношении) количество служилых татар – 26 семей, в которых состояло 74 мужчины и 94 женщин.

В городе Ставрополь – уездном центре Симбирской губернии, штаб-квартире калмыцкого казачьего войска, тоже жили татары. К 1781 г. Ставропольская крепость имела 2241 человек жителей, христиан и состоявших на военной службе некрещенных татар[1].

Причем это городское население было не только постоянным, но и достаточно активным. Экономическая активность татар в последней четверти XVIII в. привела к тому, что в южной части Самары возник магометанский уголок, который можно назвать своего рода Татарской слободой.

Первое документальное упоминание о ее элементах мы встречаем на карте 1782 г. Через два года после образования Симбирского наместничества, куда вошли Ставропольский и Самарский уезды, появился первый «Геометрический план Симбирского наместничества города Самары. Снят 1782 г. мая 14 дня уездным землемером Сахаровым». Уже здесь в графе «Обывательские строения» указаны «выстроенные по плану приезжих купцов из татар дома». Каких именно – мы уже знаем. Улица Мечетная на данном плане тоже есть. Отмечено и место строительства «мечети для поселившихся купцов из татар». Иначе говоря, Татарская слобода возникла в Самаре, по крайней мере, в начале 80-х гг. XVIII в.

Впервые карту 1782 г. использовал в своих трудах Е.Ф. Гурьянов, а потом А.К. Синельник в своей фундаментальной работе «История освоения и градостроительства Самарского края». Правда, делали это в крайне усеченной форме и совсем без всяких комментариев в этой наиболее интересующей нас части.

Условные знаки про улицу Мечетную и дома татарских купцов перешли и на карты Самары, составленные двадцать с лишним лет спустя – в 1804 г. Подлинники этих карт мы обнаружили недавно – в 2011 г.в в фонде Межевой канцелярии Российского государственного архива древних актовх актов в Москве<?> см. раздел иллюстраций.

Карта Самары 1804 г. – поистине уникальный и чрезвычайно важный документ по истории татар города и заслуживает подробного анализа.

Карта состоит из трех разных частей, но они представляют собой единое целое, поскольку дополняют друг друга и уточняют данные, относящиеся к положению города на момент составления, так и планам перспективного его развития. Все они вместе позволяют увидеть, в какой части Самары в начале 19 столетия находились базарные площади, «магазейны», городская больница, уездное училище, мясные ряды, соляные амбары, питейные заведения, присутственные места, переправы через реку Самару, полицейские «бутки», церкви, выгонные земли, обывательские огороды и прочие зеленые уголки городского и пригородного пейзажа…

Первая и основная карта называется «Геометрический план Симбирской губернии уездного города Самара». На ней отмечена дата конфирмования – Высочайшего утверждения императором Александром I в Санкт-Петербурге 18 марта 1804 г.: «быть по сему». И то, что «с копии уменьшал землемер коллежский секретарь Афанасий Фокин, свидетельствовал *(подтвердил правильность – прим. авт)* землемер, коллежский секретарь Николай Морозов».

Карту № 2 составил уездный землемер Лушников, освидетельствовал симбирский губернский землемер Воейков. В описи 1356 фондов РГАДА она значится как «выкопировка из геометрического плана», иначе говоря, начерченная на основе того, первого. И, наконец, карту № 3 – помощник землемера Илья Кирпичников, сверял и свидетельствовал подлинность упомянутый выше Афанасий Фокин.

Все три карты выполнены добросовестно, четко, записи сделаны хорошим (вторая по номеру – прямо каллиграфическим) почерком. Но, самое главное для нас, они очень хорошо сохранились и благодаря этому легко поддаются изучению и анализу. Надо иметь в виду, что примечания на картах не везде одинаковые, поэтому для представления полной картины Самары начала XIX столетия необходимо пользоваться всеми тремя.

Что мы узнали из них о состоянии нашего города, в которой он пребывал на рубеже XVIII – XIX вв.?

Во-первых, как указано в «Описании строений в настоящем их положении», рядом друг с другом отмечены «татарскія мечеть и школа». Во-вторых, в нескольких сотнях метрах от них располагалось «кладбище магометанское». В-третьих, в графе «Экспликация местам, назначенным на проект для устроения», рядом со «старой» мечетью. Запланировано строительство новой. Это все на карте № 2.

В-четвертых, напротив мечети, как значится на картах № 1 и 3, в «Описании номеров, употребленных на сем плане» в графе «Обывательские строения по старому положению города», указаны дома, «выстроенные по плану купцов из татар».

Иначе говоря, указанные на трех картах четыре объекта – мечеть, школа, татарские дома и кладбище – на тот момент в Самаре уже существовали. А пятый объект – еще одна, новая мечеть – планировалось построить рядом с имеющейся мечетью.

Нашим современникам предоставляется возможность совершить экскурсию по Самаре того времени. Для этого необходимы минимальные представления о расположении улиц старой части города сейчас и применить их к началу XIX в. Ведь сложившаяся к тому времени квартальная схема городской застройки (со строгими прямоугольниками, вытянутыми с севера на юг) до сих пор принципиально не менялась.

Мы же скажем только о главном: мечеть, школа, жилые дома татарских купцов и мусульманское кладбище, которых мы условно объединили в Татарскую слободу, располагались недалеко от берега реки Самары, в начале нынешних улиц Галактионовской, Самарской, Садовой и Братьев Ко-

[1] Леопольдов А. Исторические заметки о Самарском крае. СПб., 186. С. 36.

ростелевых. Причем дома татарских купцов, как показывает карта № 2, занимали добрую треть квартала с улицами Самарской, Пионерской, Галактионовской и Венцека по периметру. Мечеть (вместе со школой) и кладбище разделял овраг, в начале которого с советских времен располагается судоремонтный завод. Место «магометанского» кладбища, по нашим расчетам, находилось на нынешней улице Ленинской с продолжением на восток, в сторону следующей улицы – Братьев Коростелевых.

Две последние из перечисленных улиц тогда еще застроены не были, и земли, примыкающие к ним с востока, находились за чертой города. А две первые, согласно плану города, назывались Татарской и Мечетной.

Период жизни мусульманской общины Самары в течение примерно полувека, с начала XIX в. и до образования Самарской губернии в 1851 г., как, впрочем, и более ранний период ждет детального исследования. Когда возникла «Татарская слобода», сколько времени существовала, какими были в ней мечеть, татарская школа и мусульманское кладбище, и что с ними случилось – эти и другие вопросы требуют специального и детального изучения.

Только известно, что новая мечеть в Самарае так и не была построена. Однако и на плане Самары, «сочиненном в 1839 г.», улицы Татарская и Мечетная по-прежнему так и называются. К сожалению, эта карта (она есть в ЦГАСО – Центральном государственном архиве Самарской области) сохранилась несравненно хуже, чем карты 1804 г., и для полиграфического воспроизведения совершенно не годится.

Тем не менее надписи и примечания на ней достаточно хорошо читаются. Ни мечети, ни школы на схеме 1839 г. мы не нашли. И кладбища тоже – его место по «прожэкту» предполагается отдать «для разных мануфактурных заведений сальных и кожевенных заводов». Земля под новое мусульманское кладбище было выделено далеко на восточной окраине города – в районе нынешних улиц Пятигорской, Пензенской, Мечникова, Урицкого.

В 1840-е гг. центр татарской религиозно-общественной жизни переместился на ул. Саратовской (ныне Фрунзе), в усадьбу муллы Абдрахима Мельзетдинова, уроженца села Индирка Кузнецкого уезда. С 1857 г. в должности муллы стал работать сын Мельзетдинова – Зайнельгабетдин, получивший потом и звание ахуна Самары и Самарского уезда. При мечети действовали приходская школа и духовное училище – медресе.

…Общеизвестно, что Россия была большой аграрной страной, основную часть ее населения составляли крестьяне, которые занимались разными видами сельхозпроизводства.

Принято считать, что к началу XIX в. территория Самарского края была более-менее заселена, земли поделены и на этих землях сформировалась достаточно устойчивая система сельского хозяйства. Но в самом важном для крестьянства вопросе – земельном еще в середине в. продолжали возникать спорные ситуации. Так, в 1839 г. возникло «Дело о земельном споре между башкирами деревни Аллиной и крестьянами деревни Рысайкиной Бугурусланского уезда Оренбургской губернии».

Тогда башкиры села Алькина 12 кантона Башкирского и Мещерякского войска отставной юртовой сотник Мухаметрахим Шарыпов и рядовой Яритдин Исмагилов от имени своего общества обратились в Губернское правление с жалобой на неправомерные действия уездного суда, который разрешил крестьянам соседней деревни Рысайкино неправильное, по их мнению, пользование землей. Эти земли были отобраны у башкир на основании решения Правительствующего Сената в 1823 г.

При расследовании выяснилось, чуваши были припущены на землю башкирцами-вотчинниками сначала по крепостной записи, совершенной Уфимской провинциальной канцелярией 12 августа 1757 г., а потом несколько раз продлевался почти по устному, нигде не зарегистрированному договору.

Сначала ходатаем в правительственные учреждения был определен депутат от башкир урядник Муллабай Абдулвахитов. Однако из-за незнания делопроизводства он не смог достаточно защитить права жителей деревни Алькино и через некоторое время они снова подняли этот вопрос…

Спор и разбирательство продолжалось целых семь лет – до 1846 г., когда в конце концов Губернским правлением (на основании нового приговора уездного суда) было вынесено решение «об устранении чуваш деревни Рысайкиной от пользования предоставленными им решением Правительствующего Сената участками земли меж деревни Аллиной»[1].

С середины XIX в. стали появляться систематические отчеты о состоянии народного хозяйства Российской империи, в том числе и его аграрного сектора. Из них видно, что, несмотря на внедрение современной агротехники и освоение новых культур, таких картофель, общее состояние земледельческой отрасли к началу реформ Александра II не отвечало запросам развивающейся экономики и роста населения страны. Наш край не был исключением.

Специалисты из Петербурга, обследовавшие Поволжье в 1858 г., отмечали, что на Средней Волге на улучшение земледелия не обращается внимание из-за обилия земель. В описании приволжских губерний (Самарской и Саратовской) говорится: «Все стремятся к распространению пахотных полей, что между тем мало приносит пользы, по недостаточности рук и средств к надлежащему их обрабатыванию; от того эти поля бывают вспаханы так слегка, особенно на степных местах, что только при здешней почве и климате может родиться хлеб»[2].

…Со времени самого активного освоения нашего края – в середине XVIII столетия в Бугурусланском, Бугульминском уездах и в северной части Самарского уезда земледельцы не испытывали дефицита земли… В XIX в. ситуация изменилась ненамного. Попутно следует заметить, что в первой трети XIX в. сложилась современная географическая картина размещения татарских селений на территории Самарского Заволжья. В сведениях Симбирской Казенной палаты на 1829 г. деревни Измайлово (Теплый Стан), Сабакаево, Кубань-Озеро, Абдреево, Елховый Куст, Лабитово, Мулловка, Старая Тюгальбуга, Новая Тюгаль-

[1] Центральный государственный исторический архив Республикик Башкортостан – ЦГИА РБ, ф. И1, оп. 1, д. 1556, лл. 33, 111 и об

[2] Военно-стратегическое обозрение. Т. 4, ч. 4. СПб., 1852. С. 93.

буга, Фейзуллово, Абдуллин Нурлат, Иглайкино, Нижний Нурлат выглядят вполне состоявшимися населенными пунктами[1].

Новопоселенные деревни по-прежнему получали землю практически столько, сколько хотели. Если даже одновременно на новые земли переселялись сразу несколько десятков крестьянских семей. Как в середине 50-х гг. в случае с деревней Мочалеевка. Поэтому не случайно П. Рычков писал, что здесь земли «пространные; кто хочет, тот пашет, сколько может».

Практически в каждой деревне крестьянин, не занимавшийся отходными промыслами, был исключением. Чрезвычайно была развита сельскохозяйственная поденщина – у зажиточных односельчан или соседних селах, нанимаясь по дням или на весь период выполнения каких-либо работ. Бывали случаи, когда крестьяне слишком отвлекались на поденные работы, а собственные хозяйства, из-за несвоевременной обработки земельных участков, приходили в упадок.

Господствующей, а во многих районах Поволжья и Приуралья – единственной системой земледелия татарских крестьян, XIX – XX вв. была паровая в форме трехполья. При трехполье пашня делилась на три клина – паровой, озимой и яровой. Паровое поле унавоживали и лишь в редких случаях вносили навоз под яровые посевы. На обеспечение навозом, помимо степени зажиточности крестьян, влияли и другие условия. Поэтому в лесной зоне края 99 процентов навоза шло на удобрение почвы, а в лесостепной, к которой относится территория Бугурусланского уезда – примерно 87 процентов[2].

Залежно-переложная система земледелия – древнейший способ восстановления плодородия почвы у татар и их предков. У волжских булгар она была господствующей. Даже в XVIII веке залежи и перелоги у татарских крестьян продолжали существовать, несмотря на нарастающее использование трехпольной системы… Длительному сохранению этой экстенсивной системы способствовали ее определенные достоинства; прекрасная структура почвы, насыщенность питательными веществами и чистота полей от сорных растений позволяли выращивать высокие урожаи зерновых культур. При этой системе легко решалась и проблемы с кормовой базой животноводства, поскольку земли, заброшенные в перелог или залежь, служили прекрасными сенокосами и выгонами для скота. Как отмечал один из наиболее известных исследователей сельского хозяйства Самарской губернии XIX в. Я.А. Соловьев, что «земли, которые возделываются по переложной системе, поочередно переходят то под пашню, то под выгон, то под сенокос».

Общее развитие хозяйства татарской деревни было помимо всего прочего обусловлено ростом количества хозяйств как результат усиления процесса семейных разделов. Это когда повзрослевшие дети покидали родителей, становясь самостоятельными хозяйствами. С 1861 г., согласно действовавшему законодательству, разрешение на разделение семей должны были давать сельские сходы. Самовольные разделы не разрешались, но повседневная практика деревенской жизни XIX в. свидетельствует, что процесс неконтролируемых разделов с каждым годом увеличивался. Причем он начался задолго до принятия законодательных актов, призванных регулировать процесс. Поэтому в середине 60-х гг. XIX в. было принято решение об узаконении самовольных разделов на основании приговоров мирских сходов.

Процесс из-за его масштабов действительно невозможно было регулировать в плановом порядке. Данные по Бугульминскому уезду свидетельствуют, что в период с 1820 по 1864 гг. количество хозяйств путем самовольных разделов и их оформления в 1864 г. увеличивалось в татарских насленных пунктах чуть ли не вдвое. Так, по в деревне Абдикеево этот рост составил с 43 до 74, Денискино – с 148 до 238, Карабикулово – с 11 до 18 хозяйств[1].

В конце XIX и особенно в начале XX в. в среде зажиточных татар под влиянием общей интенсификации сельского хозяйства (в данном случае – ориентация хозяйства на рынок, распространение нового инвентаря и машин, успехи агрономической науки и практики) стали постепенно внедряться новые севообороты. Хотя и в прежней залежно-переложной системе, которая продолжала преобладать в лесостепной зоне Бугурусланского и Бугульминского уездов, как наиболее отвечающая условиям климата и почвы здешних мест.

И. Лепехин и П. Рычков писали, что здесь население возделывает, главным образом, озимую рожь, овес, полбу, а также сеяло пшеницу, гречиху, просо, ячмень, горох, чечевицу. Показательно, что татары гороху предпочитали чечевицу.

Что касается яровых культур, то в XVIII в. в Бугульминском и Бугурусланском уездах преобладали овес и полба, из озимых была только рожь.

Что же касается выращивания овощей, то в целом возделывание татарами этих культур имело меньшие размеры, чем у других народов края. Говоря о причинах этого явления, исследователи отмечают, что они кроются главным образом в том, что овощи из-за ограниченных возможностей хранения и реализации не стали товарной продукцией. Играло свою роль и то обстоятельство, что в татарской кухне главенствующая роль принадлежала мучным изделиям и продуктам животноводства[2].

Следует также иметь в виду и то, что на пути широкого распространения овощеводства, несомненно, все возрастающая нехватка земли (особенно это стало чувствоваться к концу XIX в.), когда крестьяне старались каждый клочок земли использовать под пашню, жертвуя даже сенокосами, выгонами, лесами и, конечно, усадебной землей.

Те же самые причины обусловили и крайне незначительное развитие у татар садоводства. А если сады и были, то их, как и огороды, держал достаточно ограниченный круг зажиточных людей. В сравнительно незначительном распространении двух перечисленных направлений производства сельхозпродуктов у татар исследователи справедливо усматривают определенные закономерности, вытекающие из кочевого

[1] Государственный архив Ульяновской области – ГАУО, ф.156, оп. 1, д. 196, лл. 39, 40
[2] Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX вв. М., 1981. С.114

[1] Файзрахманов И. Семейные разделы в татарских деревнях в 1820-1864 гг. Гасырлар авазы – Эхо веков. № 1/2, 2015. С.38
[2] Халиков Н.А. Указ соч. С. 142

образа наших далеких предков. Иначе говоря, дело в национальной психологии или, как сейчас принято говорить, в менталитете народа.

Самым распространенным пахотным орудием крестьян Приуралья в прежние в. были соха и сабан. В конце XIX в. получили популярность кустарные деревянные плуги, предназначенные, в первую очередь, для обработки целинных земель. С этого времени стали шире использоваться металлические детали: резец, отвал, основание полоза. Волокли сабан, равно как и другие пахотные орудия, лошади, реже – волы.

Широким был набор ручных орудий: лопаты, грабли, вилы. В последующем, несмотря на все достижения технического прогресса, они не вышли из употребления и до сих используются в крестьянском труде для уборки урожая. До сплошной механизации сельскохозяйственного производства в советскую эпоху, при этом главными орудиями были серп и коса (в нескольких модификациях).

Такие приспособления, как жнейка, лобогрейка и другие машины для кошения хлебов появились в начале XX в., но в силу ряда причин (высокая стоимость машин, нищета и малоземелье основной массы крестьян) эти технические новинки применялись в крупных хозяйствах – экономиях, а до низовых хозяйств доходили крайне редко. Но, безусловно, технический прогресс намного облегчил крестьянский труд.

Намного позже описываемого нами периода, в конце XIX в. татары открыли для себя еще одну, совершенно новую отрасль сельского хозяйства – пчеловодство.

[1] ЦГАСО, ф. 5, оп.8, д. 370. лл. 62-84.

Популярность пчеловодства и повышение результативности занятия им заметно выросли во второй половине XIX в., когда после реформ 60-70-х гг. оживилась экономическая жизнь страны в целом. Самарская губерния тоже не отставала от других частей империи. В итоговых документах первой Всеобщей переписи 1897 г. отмечается, что «в губернии население занимается также пчеловодством и садоводством. Причем 15 689 крестьянских дворов имеют в общей сложности 194 413 ульев». Архивный документ – «Статистические сведения о развитии пчеловодства в крестьянских обществах Бугурусланского уезда и списки лиц, занимающихся им, составленные сельскохозяйственным отделением Губернской земской управы 1 марта 1902 г.[1], подробно характеризуют состояние пчеловодства на северо-востоке губернии в 1901 г., в том числе и на территории нынешних Камышлинского и Клявлинского районов.

Как было тогда принято, статистическое обследование носит глубокий и разносторонний характер. В письме, разосланном из Самары в волостные правления, предлагалось ответить на следующие вопросы:

- кто в селениях занимается пчеловодством;
- давно ли имеет пасеку;
- сколько поставлено в подвал ульев;
- сколько посажено летом роев;
- сколько собрано меду;
- где и почем продавался мед;
- не желает ли владелец пасеки завести рамочные ульи и не нуждается ли в практических советах пчеловода.

Надо отметить сразу: пчеловодов среди татар и башкир Бугурусланского уезда было немного. Кроме списка, приведенного ниже, в сведениях, представленных в волостное правление, значатся только трое жителей села Старые Шалты и еще один из Абдрахманово Баклановской волости (они сейчас находятся на территории Оренбургской области). И все. В слабом распространении пчеловодства у наших предков свою роль сыграли, в том числе, крепкая привязанность к ведению скотоводческого, земледельческого хозяйства, а также торговли. Справедливости ради надо отметить и то, что они в силу «трудностей перевода» были в то время недостаточно восприимчивы ко всякого рода новшествам. Не случайно, например, Султангуловское волостное правление (теперь – это в Асекеевском районе Оренбургской области) 4 марта 1902 г. в письме за подписью члена правления Камалетдинова сообщает в сельскохозяйственное отделение Самарской губернской земской управы, что «в районе здешней волости лиц, занимающихся пчеловодством, нет, так как вся волость состоит буквально из татарского и башкирского населения, почему требуемые сведения не представляются».

А в каждом из соседних русских, мордовских и чувашских селенияй улья и в большом количестве держали по несколько десятков человек. Более того, двое крестьян села Старый Байтермиш Степно-Дурасовской волости Илья Парфенов и Семен Трофимов вообще были самыми старыми в смысле стажа пчеловодами Бугурусланского уезда с 1831 г. А как проявляли себя вновой отрасли татары?

Вот данные по деревне Камышла Старо-Соснинской волости. В начале XX в. здесь пчел держали Хабибулла Хамидуллин, Аглиулла Хуббатуллин, Галиулла Халиуллин, Галиахмет Миниахметов и Ярулла Абдуллин, всего 90 ульев. Ко времени сбора сведений почти все они имели более чем 15 лет стажа работы с пчелами, все продавали продукцию в Камышле, по 20-25 копеек за фунт (400 граммов).

По деревне Старое Ермаково числилось два пчеловода. Причем один из них – Ахметкарим Ахмадеев – занимал второе место по уезду по количеству пчелосемей (120) и сбору меда (10 пудов). Второй – Аглиулла Фаткуллин владел тоже значительной пчелиной пасекой в количестве 50 семей. Оба реализовывали мед прямо у себя, в деревне за 8 рублей за пуд. «Ведомость» подписал волостной старшина Гиматдинов, писарем был Тимофеев.

В соседней деревне Ново-Ермаково Вечкановской волости в короткий список вошли Тухватулла Гафиятуллин и Сагыйтдин Абдрахимов. В общей сложности 140 ульев насчитывалось в деревне Балыкла Байтугановской волости. Их держали Абдулгани Галиакберов, Гатаулла Галиакберов, Хайредин Хуснутдинов и Хаким Халиуллин. Интересно, что все татары на вопрос «не желает ли владелец пасеки завести рамочные ульи и не нуждается ли в практических советах уездного или губернского пчеловода» ответили одинаково: «не желают и не нуждаются».

А своеобразным рекордсменом среди пчеловодов Бугурусланского уезда в начале XX в. был Василий Спиридонович Кудряшов, крестьянин села Подгорный Дол Вечкановской волости, владевший 140 семьями, которые в 1901 г. дали 20 пудов меда.

В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

С января 1851 г. на карте Российской империи появилась новая административно-территориальная единица – Самарская губерния. По указу императора Николая I к ней отошли от Симбирской губернии – Самарский и Ставропольский уезды, от Оренбургской – Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский, от Саратовской – Николаевский и Новоузенский уезды.

В том же году началась большая работа по статистическому обследованию новой губернии. Нас интересуют, прежде всего, данные по мусульманскому населению, к которому причислялись в нашем случае татары и башкиры.

Такого рода первые сведения были собраны по распоряжению Самарского гражданского губернатора от 24 декабря 1851 г. Выяснилось, что тогда в конце 1851 г. в Самарской губернии насчитывалось 98 164 магометан, имеется духовных лиц – 590, мечетей – 202. Больше всего, конечно, в Бугульминском уезде, в котором проживало немногим менее 44 тысяч татар. Самым татаронаселенным городом губернии оказался Николаевск, в котором проживало 1420 магометан, было 2 мечети и соответственно два муллы[1].

Очень странным видится рапорт городской полиции Самары – «магометан, их духовенства и мечетей не имеется», что совершенно не соответствовало действительности. Татары, как мы уже знаем, жили в губернском центре, в городе действовал молельный дом на ул. Саратовской, при нем был мулла.

И в недавних названиях улиц Самары тоже очевиден татарский элемент. Улицы Мечетная и Татарская носили такие названия вплоть до придания Самаре статуса губернского центра и были переименованы, по всей видимости, в процессе создания губернии. На это указывает и Константин Головкин. Он пишет о том, что Мечетная и Татарская улицы указаны на планах города 1839 и 1842 гг. А на первом плане Самары в качестве губернского города – 1852 г. – они значатся уже под другими названиями – Самарская и Троицкая[2].

Кстати, в то время городские власти другие улицы не «тронули». Только название «Самарская» было «перенесено» на новое место – до этого так называлась нынешняя улица Чапаевская (начиная с 1850-х гг. – Николаевская).

Но и после официального переименования для более удобного делопроизводства не одно десятилетие часто употреблялись оба названия этих улиц. Как пишет К. Головкин, вплоть до середины 70-х гг. XIX в. такие факты встречаются больше всего в документах, имущественных делах самарского архива нотариальных дел[3].

…А тогда, после непонятной ошибки в первом статистическом обзоре Самарской губернии, губернские чиновники довольно скоро, немногим более полутора десятков лет, реабилитировались – журнал «Самарские епархиальные ведомости» не только «восстановил» татар в качестве постоянных жителей Самары, но и специально пишет о жителях мусульманского вероисповедания всей губернии следующее и дает при этом совсем другие цифры:

«Магометан более всего в Бугульминском (94 тысячи), Бугурусланском (24), Ставропопольском (23) и Бузулукском (10) уездах. Эти места можно назвать Самарской Татарией. В южных Николаевском и Новоузенском уездах немного»[1].

Здесь же, учитывая сложившееся обстоятельство, Самарская епархия ставит перед Бугульминским, Бугурусланским и Ставропольским духовенством задачу распространять православие среди соседнего магометанского населения.

…После создания земской системы управления 1863 г. началось регулярное издание информационно-статистических сборников о жизни губерний. Таковая издавалась каждый год и в Самаре – называлась она «Памятная книжка Самарской губернии». Позже эти справочные издания назывались «Адрес-календарь Самарской губернии».

Из них, кроме всего прочего, мы узнаем ценные сведения о жизни мусульманской общины Самары и всей губернии. Например, «Памятная книжка…» за 1863-1864 гг., восстанавливая статистическую справедливость, нарушенную в 1851 г., сообщает о том, что «среди духовенства в губернском городе из всех неправославных зарегистрировано только магометанское – один мужского пола и 2 женского *(по всей видимости, обучавших детей в мечети на Саратовской – прим. авт)*. Здесь составители пишут, что «постоянно живущих в Самаре магометан 150 человек мужского пола и 40 – женского. Всего магометан по губернии 81902 мужчин и 84 377 женского пола».

В середине 60-х гг. в военном ведомстве служил один мусульманин – командир 4 роты 159 Гурийского полка, субалтерн-офицер Мустафа-Мухамет Гареевич Диваев, еще один – Абдрахман Юлтыев был избран гласным (депутатом) Губернского земского собрания. Если взять уездные земские собрания, то представительство татар и башкир было только в Бугульминском и Бузулукском уездах.

Это положение изменилось только в 1877 г., когда в гласные (депутаты) Ставропольского уездного собрания избрались Ф. Абдиганов и Д. Фахретдинов.

По «Памятным книжкам Самарской губернии» можно проследить тенденцию роста населения региона и в том числе – мусульманского. Если, например, в 1881 г. в Самарской губернии проживало 205 574 мусульман, то через три года уже 220916 человек. Причем, исходя из тех же данных – «о лицах духовного звания», выясняется, что на одного мусульманского священнослужителя приходилось 108 представителей мусульманского поселения, тогда как на одного православного – 273.

«Адрес-календарь Самарской губернии на 1886 г.» сообщает нам о важной мере по упорядочиванию торговли разного рода напитками. Здесь публикуется Указ Его Императорского Величества от 14 мая 1885 г. «Правила раздробительной торговли напитками и холодными (маркитанскими) закусками».

В статье 17 «Правил» говорится: «не дозволяется открывать заведения

[1] ЦГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 324., лл. 9, 43, 53.
[2] Головкин К.П. Краеведческая картотека… С. 48, 52 и 70
[3] Головкин К.П. Указ. соч. С. 78, 80, 95.

[1] Самарские епархиальные ведомости. 1867. № 6. С. 159.

с раздробительною продажею крепких напитков, за исключением трактирных заведений, ближе 40 сажен… храмов, монастырей, часовен, молитвенных домов, мечетей и кладбищ[1].

Из «Геологического обзора Самарской губернии» видно, что два полезных минерала – гипс и сера обнаружены в Алексеевске, близ Сергиевска и Минеральных вод, под Исаклами, Новой Усмановой Бугурусланского уезда.

Население Самарской губернии на 1885 г. составляло всего 2359428, магометанского вероисповедания – 228462[2].

В 1885 г. всех учебных заведений в губернии было 886, в том числе 33 в Самаре. Общее число учащихся в сих заведениях «простиралось» до 83 621, у поселян-собственников (бывших колонистов) соотношение школ и учащихся в них 117-15229.

«Адрес-календарь» за 1885 г. сообщает, что «магометанских школ, устроенных при мечетях, в коих преподавание ведется исключительно муллами», насчитывается 122 с 7402 учениками обоих полов.

…Теме татарского национального образования в нашей книге посвящается отдельная глава. В качестве одного из штрихов общеисторического фона, в котором оно росло и развивалось, следует отметить, что в российском государстве долгое время национальные (конфессиональные) школы существовали в виде отдельных саморегулирующихся организаций, практически без опеки и внимания со стороны властных структур.

Например, в документе Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан «О предоставлении ведомостей об училищах Оренбургской губернии, не подведомственных министерству народного просвещения» за 1839 г. (когда Самарской губернии не существовало, а Бугульминский и Бугурусланский уезды входили в состав Оренбургской губернии) татарские медресе и мектебе никоим образом не упоминаются. Даже в перечне неподведомственных образовательных учреждений. Значит, они совсем не пользовались вниманием государства. И в следующем документе того же архивного дела, который называется «Общие замечания о состояния грамотности в губернии», татарские конфессиональные (да и башкирские тоже) оставались незамеченными[3].

Между тем национальное образование у татар существовало, что называется, с незапамятных времен. Каждый мулла, получивший от общества приговор (решение) на вступление в должность, вместе с ним как само собой разумеющееся брал на себя обязанность обучать мальчиков законам ислама (с девочками работали их жены – абыстаи). Он занимался с учащимися (шакирдами) или дома, или в отдельном помещениии при мечети, или (за неимением такового) прямо в мечети, в перерывах между совершением намаза.

Так возникли мектебы и медресе – низшие и высшие конфессиональные мусульманские школы, состоявшие в ведении религиозных и, следовательно, сельских обществ, поскольку все взрослое население мусульманского села обычно и составляло религиозную общину. Примечательно, что во время того, первого после образования в 1851 г. Самарской губернии обследования магометанских селений во многих случаях чиновникам не удавалось выяснить точное время создания сельских медресе при мечетях. Главня причина – за давностью лет, ведь строительство и открытие мечети с назначением при ней имама или сразу же или через некоторое, очень короткое время, сопровождалось открытием здесь начального учебного заведения.

Исторические документы изобилуют свидетельствами широкого развития у татар системы образования. В подготовительных материалах «Особого совещания по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» 1910 г. также говорится о распространенности образования среди татар (данные по Казанской губернии): «…1 учащийся приходится на 9 мусульман и 1 учащаяся – на 12 мусульманок. Из означенных данных видно, что дело начального образования у мусульман поставлено значительно выше, чем у местного русского населения, в котором, при условии включения в число учебных заведений университета, духовной академии, юнкерского училища и всех средних учебных заведений, 1 учащийся приходится на 14 человек, а 1 учащаяся – на 55 человек»[1].

Что касается Самарской губернии, то можно напомнить такой известный факт о том, что татарское образование, как писали составители «Памятной книжки Самарской губернии 1863-1864 гг. по уровню развития конфессиональных, национальных школ занимали второе место (на первом были – немецкие колонисты).

О качестве татарского национального образования и уровне получаемых учащимися знаний – разговор особый. Татарская община что могла, то и делала. Практически не получая сколь-нибудь ощутимой помощи от государства. Как отмечал один из чиновников Казанского учебного округа, «мусульманские школы обязаны своим возникновением и существованием исключительно благодаря доброхотным пожертвованиям и поддержке татарских обществ и богатых лиц»[2].

В этой связи известный тюрколог, этнограф, языковед, профессор Казанского университета и Казанской духовной семинарии Н.Ф. Катанов (1862-1922) в одной из своих докладных в Казанский учебный округ отмечал: «Татарские книги баснословно дешевы. Например, книга в 600 стр. стоит 35 копеек, мусульманский катезихис 80 стр.– 2 коп., Коран в 570 стр. стоит 75 копеек… Книги распространяются купцами также даром в качестве десятины – жертвы на богоугодные дела, оттого при вторичной продаже они идут очень дешево и достигают самых глухих углов мусульманского мира»[3].

Тем не менее уровень и качество татарского образования во второй половине XIX в., когда быстро развивался капитализм и завершалось формирование татарской нации, отставало от потребностей времени. Лучшие представители народа (нарождающаяся интеллигенция, прогрессивное духовенство и передовые представители буржуазии) начали искать пути под-

[1] Адрес-календарь Самарской губернии на 1886 г. Самара, 1885. С. 220.
[2] Там же. С. 231.
[3] ЦГИА РБ, ф. И-110, оп. 1, д. 193, лл. 61, 74.

[1] ЦГИА, ф. 821, оп. 8, д. 800, лл. 252-252об
[2] Там же, л. 75
3 Национальный архив Республики Татарстан – НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 8777, л. 44

нятия образовательного уровня своего народа. С этим во многом связаны возникновение нового направления в образовании – джаддидизм и его соперничество со старометодным напрвлением (кадимизм), развитие книгопечатного дела, постепенное реформирование системы начального образования в сторону его светскости.

Внимание российского государства к вопросу образования нерусских народов империи стал проявляться во второй половине XIX в. в форме внедрения русско-татарских школ (училищ).

Этот вид образовательных учреждений возник в 70-е гг. XIX в. как один из результатов реформ 60-70-х гг. и, по замыслу властей, предназначался для цели русификации татар. Мысль о просвещении «восточных инородцев» возникла в министерстве народного просвещения в начале 60-х гг.

Основным документом, намечавшим меры для подчинения учебного дела нерусских народов, в частности татар, контролю властей и для использования его в интересах царского самодержавия, является «Журнал совета министра народного просвещения по вопросам о просвещении инородцев» от 2 февраля 1870 г., на основе которого были утверждены правила «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев».

Каким духом проникнуты эти документы, а главное, в каком духе они должны были проводиться в жизнь, ясно видно из определения министром народного просвещения графом Д.А. Толстым направления обучения нерусских народов: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и сляние с русским народом»[1].

Для проведения школьной политики нерусские народы разделялись на две группы: инородцев-христиан и татар-магометан. Соответственно этому намечались и пути обучения.

Так как «татары составляют племя, фантазируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в вере, – указывалось в журнале, – обрусение татар-магометан может бвыть введено лишь путем распространения русского языка и образования, с устранением всех таких мер, которые могли бы породить в этом, по природе подозрительном племени, опасение в посягательстве правительства на отклонение детей от веры[2].

«Распространение же русского языка и образования, – говоится в инструкции местным властям, – должно идти путем учреждения за счет государства в местностях со сплошным татарским населением начальных сельских и городских русско-татарских школ». Учителями в них должны быть или татары, хорошо владеющие русским языком, или русские, хорошо владеющие татарским языком. Предполагалось, что мусульманское вероучение будет преподаваться за счет родителей, сельских или магометанских обществах при мечетях.

Обучение должно было вестись в три этапа – сначала на татарском, а потом, по мере освоения детьми нового языка на уровне устной речи, на

[1] Цитата по: Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. Казань, 1982. С. 43.

[2] Цитата по: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50-70-х годов XX в. // Материалы по истории Татарии второй половины XIX в.. Ч. I. М. Л., 1936. С. 289

русском. А в конечном счете – исключительно на русском.

Правительство стремилось прикрыть истинные (обрусительные) цели внедрения такой системы образования и привлечь самих татар к открытию русско-татарских школ. В объяснительной записке министерства народного просвещения к «Правилам…» 1870 г. указывалось: «… стараться о том, чтобы инициатива учреждения классов русского языка при мектебе и медресе или особых начальных магометанских мужских и женских училищ для детей татар-магометан шла от самого татарского общества, и чтобы это общество видело в учреждении таковых училищ не принуждение со стороны органов правительства, а лишь исполнение собственного желания общественников»[1].

Но скрыть это удавалось с трудом, об истинных делах мероприятия целях люди догадывались, и поэтому татарское население к созданию русско-татарских школ отнеслось с недоверием и во многих случаях оказывало прямое противодействие. В первую очередь это было связано с периодически появляющимися слухами о предстоящем крещении татар.

Для более успешного решения задачи 28 октября 1871 г. в Казанском учебном округе была введена должность инспектора башкирских, киргизских и татарских школ. Первым на эту должность был назначен впоследствии крупный русский ученый-востоковед В.В. Радлов, проработавший здесь до 1885 г.

В результате первая русско-татарская школа даже в Казанской губернии, на которую в первую очередь

[1] НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 9940, л. 83

и была нацелена инициатива МНП, была создана только через три года после начала работы – в 1873 г.

Русско-татарские училища то открывались, то закрывались. Главной причиной плохого продвижения с большим скрипом было противодействие татарского духовенства и общества в целом, справедливо усматривавших главную цель, которую преследовали царские власти при открытии русско-татарских школ – русификаторскую. Слишком крепка была память у народа. Разные события и особенно развернувшиеся вокруг готовившейся переписи 1897 г. укрепляли недоверие татар к мероприятиям правительства.

Даже спустя три десятилетия, на рубеже XIX – XX вв. только после долгих переговоров с местными сельскими или городскими татарскими обществами, чаще всего путем прямого нажима властям удавалось достигать своих целей. Однако результаты работы были все равно малоутешительными: через 30 лет после выхода «Правил…» 1870 г. даже в Казанской губернии – главном и основном объекте и полигоне внедрения этой формы обучения инородцев-магометан – работала только 31 русско-татарская школа. Поэтому власти понимали, что в соседних – Самарской и других губерниях, входящих в Казанский учебный округ, их будет ждать еще меньший успех.

И основные усилия правительства продолжались в Казанской губернии. Поэтому в Самаре и уездах губернии вплоть до 1910-х гг. не отмечено шагов по открытию русско-татарских школ.

Конечно русско-татарские школы, несмотря на очевидные обруси-

тельные цели, стоявшие перед ними в первую очередь, на их ограниченные возможности, играли определенную положительную роль в просвещении татарского народа. К тому же других способов приобщения татарских детей к соответствующей для того времени системе образования, вдобавок пользовавшейся всемерной поддержкой государства, у татарской общественности все равно не было. Следует также иметь в виду, что татарское общество того времени находилось в таком состоянии необыкновенно высокого уровня национального самосознания и почти неуклонного соблюдения традиций и обычаев, что в то время «обрусительные» школы представляли не очень большую угрозу для национальной культуры и языка. Тем более главная цель, которую ставило царское правительство, в лице министерства народного просвещения – быстрого и повсеместного внедрения школ такого типа в местах проживания инородческого, прежде всего, магометанского населения – от достижения была очень далека. Наоборот, они открывали для татарских детей путь для большей интеграции в быстро развивающееся общество и его социально-экономические структуры.

К началу XX в. татарское население, постепенно привыкавшее к существованию русско-татарских школ и понимающее их пользу, начало обращаться в учебные органы с прошениями об открытии таких школ. В фонде Казанского учебного округа Национального архива Республики Татарстан таких дел с соответствующей перепиской много. География тоже широкая: кроме собственно Казанской губернии, это Хвалынск Саратовской, Малмыж Вятской, Карсун Симбирской губернии и так далее. Вскоре их примеру последовали и в Самаре.

В 1912 г. Самарская городская управа разрешила открыть в губернском центре две подобные школы – на улице Саратовской (ныне Фрунзе), 145 и Александровской (Вилоновская), 16. Здание первой сохранилось.

В канцелярии попечителя Казанского учебного округа с удовольствием принимали такие ходатайства. Директор народных училищ Казанской губернии писал по поводу открытия татарской школы для девочек: «Русское училище для татарских девочек, знакомя последних с русским языком и русской грамотностью, несомненно, ослабит в них племенной и религиозный фанатизм и сблизит их с русскими согражданами, а через них, – особенно, когда они станут матерями, – будет содействовать нарождению среди татар новых поколений, воспитанных в ином духе, с иными понятиями и взглядами на русских, их просвещение и на все русское»[1].

Бурное капиталистическое развитие страны поставило в начале XX в. вопрос о всеобщей доступности начальной школы в России. В 1904 г. статс-секретарь Кабинета министров А.Н. Клозин пришел «к заключению о возможности осуществления начального образования в течение 25 лет во всех местностях империи»[2].

В связи с этим встал вопрос о распространении начальной школы и среди нерусского населения, в частности, среди татар (под начальными школами учебное начальство понимало только русско-татарские школы).

Учитывая естественный прирост населения к 1929 г., к которому программа всеобуча должна была в основном осуществиться, Казанский учебный округ располагал примерно такими расчетами: «открытие полного количества русских начальных школ для детей магометан можно более или менее растянуть на срок, больший 25 лет, т.е. можно с уверенностью сказать, что если для мальчиков мусульман будет открыто в течение 25 лет только 1/5 требуемого количества, то и тогда русская школа будет для них вполне доступной…

А что же касается мусульманских девочек, то чтобы сделать для них обучение общедоступными, вполне достаточно принять за норму число школ, равное 1/10 того количества, которое необходимо было бы открыть в том случае, если бы все девочки стали посещать русскую начальную школу»[1].

Приведенная цитата относится к директору народных училищ Казанской губернии. Но руководство учебного округа, безусловно, считало такие стандарты (с небольшими поправками на местные условия) применительно ко всем губерниям, где проживало магометанское население. При подготовительных мероприятиях по реализации программы всеобуча в школьную сеть ни одна из мусульманских конфессиональных школ не была включена.

Законодательная база в сфере народного образования империи постоянно корректировалась, все сводные акты министерства народного просвещения издавались в форме «Правил».

Видя невысокую эффективность прежней политики, правительство издало 14 июля 1913 г. новые «Правила…». Прежние правила не принесли главного: «распространение между инородцами русского языка и сближение их с русским народом не достигается». Новые подходы предусматривали усиление внимания преподаванию русского языка в целях скорейшего усвоения его учащимися, так как «задача начальной инородческой школы состоит не в одном сообщении учащимся необходимых знаний, но и приобщении подрастающих поколений инородцев к общей гражданской жизни их отечества. Для достижения этой последней цели знание языка государственного представляется безусловно необходимым»[2].

Однако, несмотря на то, что русско-татарские школы в целом не пользовались массовой популярностью среди татарского населения, в начале XX в. наметилась тенденция к их росту. Наглядной агитацией в их пользу служили первые подобные школы. Росту стремления татар к образованию, к изучению русского языка много способствовала революция 1905 г., подхлестнувшая татарское движение обновления всех сторон жизни. Как уже отмечалось, в пользу татарских школ говорило и то обстоятельство, они субсидировались государством или земством. Учителя таких школ получали регулярное жалованье, равное жалованью учителя начальных клас-

[1] НА РТ, 92-2 –947л. 24об – 25

[2] РГИА, ф. 733, оп. 172, д. 2353, л. 122

[1] НА РТ, 92-2-5740, листы не пронумерованы

[2] «Циркуляр по Казанскому учебному округу», 1913, № 8, август, с. 349

сов русских начальных школ, составлявшее 300-400 рублей в год[1].

А чуть раньше, в конце XIX в., в период подготовки к первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., кроме школ, которые были в ведении инспекции народных училищ, власти начали обращать более пристальное внимание и к татарским школам, находившимся вне подчинения земствам и министерству народного просвещения. С этого времени сведения о них начали появляться в отчетах чтиновников. Отчеты шли по властной вертикали: уезд – губерния и далее в направлении попечителя Казанского учебного округа.

Например, 3 июня 1896 г. инспектор народных училищ Самарского уезда И. Клюжев сообщает директору народных училищ Самарской губернии М.Н. Грифцову, что в вверенном ему «уезде находятся 8 татарских школ (Новой Иглайкине, Верхнем и Нижнем Нурлате, Мулловке и др.), во всех школах занимаются местные муллы и преподавание русского языка еще не введено»[2].

В «Отчетах о состоянии народного образования в Самарской губернии» можно проследить рост количества «магометанских школ» (цит. по документам).

В отчете за 1900 г. читаем: «Татарских школ 212, в них 10406 учащихся. Специально инородческих три:

– Девлезеркинская Бугульминского уезда в ведении инспекции чувашских школ;

Юлдашевская Бузулукского уезда, башкирская и Султангуловская Бугурусланского уезда, татарская, обе в ведении Самарской дирекции народных училищ[3].

В «Отчете о начальных училищах Самарской губернии за 1903 г.» по магометанским школам повторяются те же цифры и данные, что и в отчете трехлетней давности. Здесь также сообщается, что 121 церковно-приходская школа в поселениях бывших колонистов по Высочайшему повелению от 1 мая 1881 г. переданы в ведомство министерства народного просвещения.

А еще сообщается, что в губернии имеется 220 татарских школ, не подведомственных никому. В ведении министерства народного просвещения уже три татарских школы – кроме упомянутых выше, Старо-Юлдашевской и Султангуловской, татарская школа открыта к этому времени были в уездном центре Бузулук. Всего в этих трех школах училось 193 ребенка (167 мальчиков и 26 девочек).

Учителями в магометанских школах работают муллы и азанчи, а девочек обучают их жены. Преподавание сначала идет на татарском языке, потом на языке «тюрк», наконец, изучается арабская азбука. Учебные пособия казанской печати. Русский язык в магометанских школах не преподается.

Школы располагаются в грязных домиках, без учебных пособий. Учатся с октября по март, до 12-летнего возраста, плата за учение неопределенная – или по условию, или по своему достатку»[4].

[1] Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. Казань, 1982. С. 38.

[2] ЦГАСО, ф. 360, оп. 46, д. 4, л. 15.

[3] НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 29, л.13.

[4] НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 3312, лл. 10 об, 12 и 13.

Тенденция к росту конфессиональных школ, в которых дети обучались «вере и грамоте» никогда не прерывалась. В 1907 г. из общего количества школ и начальных училищ в 1147, магометанских школ было 251, в т.ч. 230 мектебе и 21 медресе:

– Самарский уезд – 2 мектебе в Самаре, 20 мектебе в уезде;

– Ставропольский – 23 мектебе и 11 медресе;

– Бузулукский – 2 мектебе;

– Бугурусланский уезд – 35 мектебе;

– Бугульминский – 109 мектебе и 8 медресе;

– Николаевский – только 19 мектебе;

– Новоузенский – 19 и 2.[1]

Из татарских школ только в мектебе в Бузулуке имеется русский класс, остальные чисто конфессиональные.

По степени материального благосостояния и обеспеченности начальные школы в директивных документах органов просвещения стоят в такой градации: двух классные МНП, городские приходские, земско-общественные, немецкие церковно-приходские и татарские[2].

В конце 1907 г. под влиянием процессов, вытекающих из событий революции 1905-1907 гг. появляется первый в своем роде документ, подтверждающий новый подход государства к обучению нерусских народов империи. Он называется «О мероприятиях по развитию народного образования в инородческих селения Казанского учебного округа». В нем, в частности, есть места, касющиеся нашей губернии.

[1] Там же, л. 3

[2] Там же, ф. 92, оп. 2, д. 6295, лл. 3 и 12

[3] Там же, ф. 92, оп. 2, д. 7064, лл. 70, 72 об., 84

Из «Предложений исправляющего должность директора народных училищ Самарской губернии К. Веретенникова:

«…Находим желательными следующие мероприятия по развитию инородческого и русского образования среди населения Самарской губернии:…открытие одноклассного русско-татарского училища министерства народного просвещения в деревне Камышла Старо-Соснинской волости Бугурусланского уезда, в которой жителей татар и русских 2459 с вполне преобладающим элементом населения – татарским и в котором имеются 3 мектебе. На постройку одного училища надобно 3000 рублей.

В селении Выселки Ставропольского уезда также можно одноклассное русско-татарское училище открыть школу министерства народного просвещения. Здесь при наличном числе жителей 2955 татар и 1858 русских, без обучения остается 700 детей».

Чиновник также приводит здесь сведения о Старом Ермаково, в котором работали 2 татарские школы, Ново-Мансуркино (2489 человек населения, одна татарская школа), Алькино (жителей – 1985, школа одна)[3].

Государство стало постепенно регулировать и программы обучения в татарских школах. По предложению инспекторов народных училищ попечителем Казанского учебного округа 22 декабря 1914 г. были допущены следующие издания (названия пособий приводятся по архивному документу):

– Хадисе-исламия (изречения Магомета), место издания – Казань;

– гыбадате-исламия (молитвы ислама), составитель Шакирзян Халидов, Казань;

– Гасуре-сагадат (счастливые времена, история Магомета);

– Учебник религиозного нравственного характера на арабском языке Гусмана Эуши, 2-ое издание, типография бр. Каримовых, Казань, 1909;

– Таджвид (правила чтения Корана), Казагань;

– Фалсайиисламия, составитель Камалетдинов, издание бр. Каримовых;

– Хадис-арбагин (изречения Магомета), составитель Галимжан Баруди, Казань;

– Шаригать, составитель Максудов, Казань[1].

Студентами Казанской татарской учительской школы в годы Первой мировой войны было несколько представителей Самарской губернии: из Новоузенского уезда –Ахсянов Зябир, из Ставропольского уезда – Мансуров Ахметшакир, Бугурусланского – Халиулла Сафиуллин из Мелекесса Кулеев (имя не указано),

…Но это все было несколько позже, в начале XX в. Вернемся в период конца XIX в. и к «Адресам-календарям Самарской губернии».

В издании 1888 г. в первый раз был напечатан магометанский календарь. Из него видно, что в тот год поста месяц продолжался с 30 апреля по 30 мая, 7-10 август приходится на, как пишут составители, Большой байрам (Курбан), новый 1306 г. начинался 26 августа (1 мухаррям), 5 ноября – день рождения Магомета.

Стало быть, с этого года круг читателей самарского губернского «Адреса-календаря» расширился за счет мусульман.

Принимая во внимание число жителей в губернии, степень грамотности определяется так (по вероисповеданиям):

- среди православного населения один учащийся на жителей мужского пола – 30, 9, женского пола – 141,5;

- среди иностранных исповеданий *(мусульман, католиков, меннонитов и др. – прим. авт.)* средний показатель – соответственно 6,5 и 6,2[2].

Всего жителей города Самары на 1888 г. – 90384, из них магометан 471 мужского и 352 женского пола, 1 деревянная магометанская мечеть. В городе имеется также 9 каменных церквей и соборов, 7 домовых церквей.

Среди чиновников, вошедших в список 1889 г., есть один татарин – межевой чин лесного ведомства, коллежский секретарь Шарафутдин Хамитов Деминов.

В 159 пехотном Гурийском полку, расквартированном в Самаре, появился еще один (кроме М. – М.Г. Диваева) командир роты – Мухаметхасан Абдулгафрович Акчурин.

Известно, что основная часть населения Российской империи проживала в деревне. Поэтому и татар в городах было незначительное количество, даже в губернском центре. Известный самарский краевед конца XIX – начала XX в. Константин Головкин, работами которого мы постоянно пользуемся, в своей знаменитой «Краеведческой картотеке» (составленной после революции, в 20-е гг.) приводит следующую таблицу, показывающую изменения количества мусульман в Самаре (абсолютное их большинство, за крайне малым исключением, составляли татары):

1862 г. – 190 человек;

1874 г. – 309;

1886 г. – 795;

1897 г. – 2803 человека. Из этих цифр видно, что за сравнительно короткий период, с 1886 до 1897 гг., количество татар – жителей Самары увеличилось в почти в четыре раза. *(Кстати, в 1897 г. в городе всего жило 91670 человек, татары, таким образом, составляли 3,2 %. В удельном соотношении это больше, чем сейчас – по переписи 2010 г. – это 2,7 % – прим. авт.).*

Несмотря на такие изменения в количестве, в качественном плане татарская община сколь-нибудь заметной роли в жизни города в конце XIX в. не играла.

В это время татары только начали завоевывать позиции в торговой сфере. В 1897 г., например, доля татар в купеческом сообществе Самарской губернии составляла только 0,48 %[1].

О реальном положении и роли татар в тогдашней Самаре свидетельствует и такой показательный случай, который приводит в своих работах Константин Головкин:

«В деле Самарской духовной консистории 1894-1895 гг. за № 210/219 есть следующая запись Епископа Гурия на просьбу магометан дозволить устроить новую мечеть на Казанской улице (Акчуринская):

«Надобно узнать, сколько здесь магометан? Если мало: то можно отклонить, в виду того, что с постройкой мечети здесь поселится мулла, и к нему будут приселяться магометане, которые будут всяческими мерами препятствовать к обращению здесь в христианство татар… Теперь хоть единицами да удается их крестить, а тогда и единиц не будет. Горше всего будет то, что они будут следить за нашими действиями по обращению в христианство татар и, объясняя их по-своему, в духе фанатизма, будут делать возмущения и т.п. С другой стороны, как татары посмотрят на разрешение постройки мечети в Самаре, если в ней нет существенной необходимости, по малому числу мусульман? Пожалуй, им встрелит в голову видеть в этом разрешении не веротерпимость, а сознание высшего церковного и гражданского правительств правоты их ислама, и поддержку в его утверждении и распространении среди язычников – чуваш, мордвы и прочих инородцев губернии».

В докладном реестре написано: «Сведения о количестве магометан, проживающих в Самаре, испросить от Губернского статистического комитета. Если не окажется таковых в изданиях комитета, доложить его преосвященству, что в Самаре уже имеется мечеть и постоянная мечеть и постоянно проживающий мулла».

Потом Губернский статистический комитет уведомил духовную консисторию, что число магометанского вероисповедания в 1893 г. по городу Самаре было 1434. 18 января 1895 г. епископ Гурий на эту сообщенную ему духовной консисторией справку положил резолюцию: «От моего имени уведомить начальника губернии, что препятствие к построению мечети

[1] Там же, ф. 92, оп. 2, д. 23526, л. 2 и 2об.

[2] Адрес-календарь Самарской губернии на 1888 г. Самара, 1887. С. 24.

[1] Купечество Среднего Поволжья в XVIII – начале XX в. // Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в. Под ред. Кабытова П. С., Дубмана Э.Л. Леонтьевой О.Б. Самара, 2013. С. 256.)

в Самаре … не усматривается»[1].

Далее К.П. Головкин отмечает: «Мусульмане особенно прибавляются в Самаре после неурожайных 1890-1891 годов».

У татар города «занятие их было разнообразное, и в конце XIX в. – выделка кумыса во всех кумысолечебных заведениях, кроме санатории (именно так, в женском роде употреблялось это слово) доктора Постникова, были в руках мусульман, количество коих было более десяти. Из них наиболее известными были: Хамидов на Аннаевской даче, Мухамедьяров на Плешановской, Ишуков в Молоканском саду и Сагидов на даче Ященко. В начале 20-го в. этот промысел стал падать и постепенно исчез[2]».

Одна из лечебниц Н. Постникова находилась в Крутом Хуторе, что на Семейкинском шоссе, к северо-востоку от Самары (нынешний микрорайон Крутые Ключи). В нескольких современных нам печатных работах по теме кумысолечения в Самарской губернии в дореволюционную эпоху есть фотографии о том, как производится кумыс. Основные технологические стадии непростого и не очень выгодного в экономическом смысле производства кумыса состояли в следующем: выгул и дойка кобылиц, пропуск парного молока через холодильники, разливка и пастеризация кумыса, наклейка этикеток на бутылки. И на всех указанных фотографиях запечатлены работники – женщины и мужчины в мусульманской одежде[3].

Ценный лечебный продукт из кобыльего молока – кумыс вырабатывался как в Самаре, так и в уездах. По «Картотеке» Константина Головкина, наиболее заметными хозяйствами среди них были:

«- В томашевом Колке, совсем в глуши садов, кумысолечебное заведение П.М. Журавлева, которое потом переехало на дачу П.В. Среднева;

- в Богдановке, близ ст. Тургеневка Самаро-Уфимской железной дороги, заведение Чарыкова;

- врача Чембулатова (позже – врача Свечина) в 65 верстах по направлению Николаевска;

– Курлина в Бузулукском уезде, близ станции Сороки;

– Мамонова близ станции Марычевка;

– Борисова – в бору, у Ставрополя.

В Бузулукском, Бугульминском и Бугурусланском уездах имелось множество пунктов по выработке кумыса в более примитивных условиях в деревнях и кочевьях. В урочище Барбошина поляна – близ Самары была оборудована специальная мини-фабрика по производству кумыса для военного ведомства. Ее продукция отправлялась в госпитали и лазареты в губерниях Казанского военного округа»[4].

Возвращаясь к «Адресам-календарям Самарской губернии» указанного периода, следует отметить, что по его выпускам можно проследить и активизацию татарской экономической и общественной жизни. Так, число магометанских школ Самарской губернии в 1890 г. дошло до 225 с числом учащихся 24 695. Для сравнения: в то же время во всех земских народных сельских училищах это соотношение было 452-31605.

С этого времени в сборниках началась практика публикации сведений о «выдающихся пожарах», повлекших значительный ущерб. В 1890 г. такие бедствия не обоши и татарские селения: 1 июля в Камышле Бугурусланского уезда пожар, начавшийся от удара молнии, уничтожил 190 крестьянских домов со строениями; а 29 августа – в Новой Усманове, 57 дворов и 1 мечеть, ущерб здесь составил 12080 рублей.

Из «Адреса-календаря Самарской губернии на 1894 г.» мы узнали, что Бугульминским уездным исправником назначен полковник, князь М.А. Акчурин (44 лет, князь, родился в Уфимской губернии в Стерлитамакском уезде, образование – окончил курс в Оренбургской военной начальной школе). Через год он был переведен на аналогичную должность в Бугурусланский уезд.

Здесь также впервые были опубликованы сведения о двух магометанских школах в уездных городах (без указания самих городов) с количеством учащихся 122.

Все что касается сведений о татарах, появившееся в эти годы, многие из них надо сопровождать пометкой «впервые». Например, в 1895 г. среди сельских сословий впервые отмечены «торговые татары» – 2140 человек. Всего жителей губернии тогда насчитывалось – 2662982, из них магометан – 256 258 человек.

В следующем году в первый раз в «Списке учреждений и чинов г. Самары и Самарской губернии» помещены данные о магометанском духовном ведомстве, а также ведомствах евангелическо-лютеранского и Моисеева закона (среди последних есть Матвей Абрамович Чаковский, дед известного советского писателя А.Б. Чаковского):

- молитвенный дом, Казанская улица, 42 квартал, дом симбирского купца Акчурина, ахун Шигабутдин Хуснутдинов Минюшев и мязин Хасянша Мухаметзянов Абдулбогатов.

В 1897 г. были изданы правила пользования Самарской телефонной сетью и опубликованы в «Адресе-календаре». В них, в частности, говорилось: «Передача по телефону бранных и неприличных выражений, равно переговоры, противные законам или общественному порядку, строго воспрещаются».

Из сведений о магометанах становится понятно, что молитвенный дом под номером 75 по улице Казанской принадлежит уже магометанскому обществу и больше не является владением купца Акчурина, на средства которого и был построен. Факт передачи мечети мусульманскому обществу в качестве вауфа подтверждается и другими источниками.

В «Адресе-календаре Самарской губернии на 1899 г.» помещен большой обзор состояния народного просвещения. Всего в губернии учебных заведений тогда насчитывалось 2100, с количеством учащихся в них 134 492. Из них магометанских – 261 учащихся – 11098 (одна школа – в губернском центре, в ней обучалось 20 мальчиков и столько же девочек). В процентном отношении это выглядит так: мусульманские (татарские и башкирские) школы составляли 12,4 % от общего количества, а учащихся 8,2 %.

Это очень важно подчеркнуть, поскольку из документов, составленных по итогам Первой Всеобщей перепи-

[1] Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). // Под научной редакцией П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара, 2007. С. 234.

[2] Там же. С. 230.

[3] См. Моисеенко П.Л. Дальний кумыс // «Забытое прошлое», Самара, 2011. С. 55.

[4] Там же. С. 256.

си населения Российсской империи 1897 г., видно, что по показателю «Грамотность на родном языке» татары Самарской губернии занимали первое место – 24, 5% (26 – среди мужчин и 23 – среди женщин). В других губерниях этот показатель ниже – в Оренбургской – 21%. Казанской – 20, Симбирской – 10, 8 и так далее.

Перепись 1897 г., по справедливому замечанию И.К. Загидуллина, следует признать «кардинальной мерой по сбору достоверной инормации о численности, социальном составе, вероисповедании многонационального населения страны»[1].

Эта кампания потому имела большое значение и далеко идущие последствия. Вслед за общей переписью всей страны местные органы начали локальные обследования отдельных территорий. В результате принятых мер впервые власти Российской империи получили максимально широкую картину социально-экономического положения страны и необходимые данные для проведения различных мероприятий в разных сферах жизни. В частности, в системе здравоохранения. Состояние этой сферы было далеко неудовлетворительным. «Выдающиеся» неурожайные годы повторялись с трагической частотой – только за три десятилетия XIX в. они были в 1873, 1880, 1889, 1891 и 1898 гг. Самыми тяжелыми были два последних, они повлекли за собой массовые эпидемии тифа и цинги. В 1871, 1872 и 1892 гг. в южной России, в том числе в Самарской губернии, свирепствовала холера.

Поэтому здравоохранение требовало неотложных мер.

…В феврале 1900 г. санитарное отделение Губернской земской управы направило во все волостные правления письма о предоставлении сведений о всех душевнобольных. Эти данные потребовались в связи с тем, что властями было принято решение о дальнейшем расширении психиатрической лечебницы в поселке Томашев Колок в 14 верстах от города. Обращаясь к волостным старшинам, член управы В. Племянников пишет: «…Под душевно-больными следует подразумевать всех помешанных, безумных от рождения, припадочных (падучих), слабоумных, дурачков, кликуш, юродивых, а также запойных пьяниц и лиц, покушавшихся на самоубийство».

Из волостей, в которых жили татары и башкиры, ответов на запрос Губернской земской управы практически не поступило. Причину следует искать в содержании всего двух ответов, которые все-таки пришли в губернский центр. Первый – Султангуловской волости (13 медицинский участок Бугурусланского уезда, сейчас это Асекеевский район Оренбургской области). В нем сообщается такая информация только об одном человеке, и то без упоминания имени и фамилии: башкир, 48 лет, слабоумный от рождения, преступлений не совершает, тихий, работает, характера смирного, опрятный, на попечении родителей и общества крестьян. А в заключение изложено ходатайство волостного начальства – излечение в психиатрической лечебнице по согласию родственников и сельского общества не производить, а оставить указанное лицо на попечении сельского общества[2].

И второй – из деревни Мулловка Елховской волости Самарского уезда, в котором проживал «слабоумный с малолетства Габдулганиев Габдулла, 19 лет от роду». Но односельчане никуда его отправлять тоже не собирались, поскольку тот находился на попечении матери и общества.

По всей видимости, так поступали и в остальных магометанских селениях, принимая, на основе сострадания и солидарности, коллективную ответственность всей общины за психически нездоровых односельчан.

[1] Загидуллин И.К. Перепись 1897 г. и татары Казанской губернии. Казань, 2000. С. 4.

[2] ЦГАСО, ф. 5, оп. 4, д. 58, л. 113

В КАНУН ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

…Рубеж XIX – XX вв. для татарского народа ознаменовался завершением в основном процесса становления его как нации. Этот процесс проходил на многоплановом общеисторическом фоне – ускоренного развития россиийской экономики, которое создало условия накопления национального капитала и появления заметного слоя татарской национальной буржуазии, влияния русского либеральтного земского движения, русского социал-демократического движения и других подобных факторов. В духовном плане это время стало укреплением позиций татарской элиты, которая ратовала за переход от схоластической системы образования (кадимизм) к системе образования нового времени (джадидизм). Была создана база татарской национальной школы и литературы на национальном литературном языке. Все сказанное можно отнести в разной степени и к остальным мусульманским народам Российской империи.

Это явление достойно сравнения с относительной тихой, мирной революцией с высокими культурно-образовательными целями в среде мусульманской общины России. Движущими силами национально-духовного возрождения конца XIX – начала XX вв. стали национальный капитал, прогрессивная часть духовенства и нарождающаяся национальная интеллигенция. Причем решающей силой татарского возрождения рубежа XIX – XX столетий многие исследователи называют татарскую национальную буржуазию[1].

По этому поводу языковед, литературовед, татарский общественный деятель начала XX в. Джамалетдин Валидов писал: «В какие-нибудь четверть века среди нас создался целый новый класс людей, о которых мусульмане до сего времени не имели никакого понятия. Раньше у нас народ делился на два класса – мулл и простых людей. Но теперь образовался еще третий класс – интеллигенция…

Новые люди стали выпускать новые учебные книги, издавать газеты, употреблять новые слова, среди них миллят»[2].

…Выше отмечалось, что процесс естественной миграции населения из деревни в город в 90-е гг. XIX в. усилился после голодных 1891-1892 гг.

[1] Напр., см. Таиров Н.И. Акчурины. Казань, 2002.

[2] Журнал «Мир ислама». Т. 2. 1913 г. под редакцией Дмитрия Поздеева. С. 15-16.

Это, конечно, относится и к татарам, особенно к активной, деловой ее части. По итогам первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Самара относилась к числу городов Волго-Урала с наибольшим количеством татарского населения, занимая четвертое место после Казани, Уфы и Оренбурга[1].

В статистических отчетах многие представители татар входили в разряд так называемого «непроизводительного населения», в составе которого были и рантье, получавшие доход с имевшейся недвижимости или другой собственности. Больше всего татарских рантье проживало в Вятке, Симбирске, Казани и Самаре (6,5%).Такие города как Пермь, Уфа, Астрахань стояли ниже в этом списке. Наша губерния отмечается также в числе передовых регионов с высоким уровнем развития среди татар кожевенного производства.

В те годы наблюдалось заметное социально-имущественное расслоение среди татар – жителей городов. Прибывшему из сельской местности и не знавшему (или плохо знавшему) русский язык рабочему человеку практически невозможно было найти квалифицированную работу. Поэтому новые приезжие нанимались на виды работ, которые не требовали специальных знаний и подготовки – поденщики, прислуга, частная служба и пр. Из всех городов больше всего таких татар находилось в Самаре – 38, 5%, в других городах эта цифра была ниже, доходя в Симбирске до 0, 9%[2].

О торговцах. Из десяти губерний Волго-Приуралья в этой сфере в Самарской губернии было занято меньше всего татар – 2,0%. В определенной степени это соответствует низкому удельному весу татар в общей численности населения – в Самарской губернии они составляли только 3, 9%. Меньше татар (1,9%) было только в Пермской губернии.

«Отходничество» в последние десятилетия XIX в. было широко распространенным способом получения дохода, и особенно массовое распространение оно получало в период сенокоса и уборки урожая. Например, из села Балыклы Бугурусланского уезда в это время на сельхозработы в другие селения уходило до 70 % мужчин[3].

Рубеж XIX – XX вв. отмечен и расширением внешних контактов российских мусульман. Паломничество в Мекку приобретало все большие масштабы, расширялись контакты контакты с единоверцами из Османской империи. Многие представители татарской интеллигенции и духовенства получали там образование, деловые люди часто посещали Турцию. Поскольку Османская империя включала в себя и территорию Аравии, на которой находились главные святыни ислама, а султан еще с 1517 г. носил титул современного халифа правоверных, Турция считалась центром всех мусульман мира. Многие униженные и оскорбленные мусульмане считали турецкого султана и его империю защитником всех правоверных, а эту страну «землей обетованной» для последователей исламской религии. С этим были связаны неоднократные кампании по переселению туда мусульман с различных территорий Российской империи.

Главная причина такого явления – периодически появляющиеся слухи о новом крещении татарского населения. Самая массовая из этих кампаний прошла на рубеже XIX – XX вв., главными районами исхода татар стали губернии Волго-Уральского региона, в их числе и Бугульминский уезд Самарской губернии.

С другой стороны, турецкий султан считал себя покровителем всех мусульман. В начале XX в. в России часто стали бывать различные представители турецкой интеллигенции и чиновники. Один из них – бывший главный визирь (должность аналогичная премьер-министру) Хильми паша в 1910 г. посетил Самару, встречался с руководителями татарской общины.

...В результате реформ Александра I, которые проходили в 60-70-е гг. XIX в., и русле новых экономических процессов в стране, укреплялось материальное положение татарского населения Самарской губернии. Зажиточные жители сел расширяли хозяйство и стали прикупать земли вне своих населенных пунктов.

В «Списке землевладельцам и обществам, в отдельном владении которых находится земля с начислением на эту землю государственным поземельным налогом на 1884 г.» значатся два человека со стороны – совладельцы одного и того же земельного участка в Султангуловской волости Бугурусланского уезда. Это – крестьяне деревни Мочалейки Аманакской волости Карим и Сайфулла Субеевы[1].

Все нарастающую активность проявляли татары в торговых и мелкопромышленных операциях. Это особенно видно по одному из самых населенных татарами уездов Самарской губернии.

Если в «Списках торговых и промышленных предприятий, подлежащих раскладочному сбору по Бугурусланскому уезду» за 1887 г. значилась только одна «магометанская» фамилия – «Юсупов Юнус, крестьянин деревни Татарский Байтуган, 4 лавки с мануфактурным и красным товаром (Воскресенка Вечкановской волости, 2 в Байтугане, и 1 в Сок-Кармале той же волости), 7 приказчиков, годовой оборот 7360, прибыль 816 рублей, то через девять лет их количество выросло в несколько раз. В аналогичном «Списке плательщиков раскладочного сбора по Бугурусланскому уезду на 1896 г.» мусульман заметно больше: Абдулфаттах Абдулкагиров (Старое Кутлумбетово), Абдулгали Ахметзянов (Новое Усманово), Насыров Нуриахмет (башкир д. Алькино Стюхинской волости), Насыров Шагимурза (башкир д. Шарыпкиной Султангуловской волости), Тахаутдинов Сыразетдин (башкир д. Старой Кульшарыповой Султангуловской волости 4 стана, Хуснутдинов Шарафутдин (Новое Усманово Байтуганской волости) и другие[2].

По Самарскому уезду в числе доходных предприятий числились конная обдирка в Старом Фейзуллово (владелец Шайхулла Камалетдинов), бакалейная лавка в Мулловке, в котором торговал Хафиз Мазитов.

Процесс вовлечения предприимчивых татар в торговую деятельность постоянно нарастал. В предвоенном

[1] История татар, т. VI, Казань, 2014. С. 51.

[2] Там же. С. 67.

[3] Там же. С. 292.

[1] ЦГАСО, ф. 150, оп. 3, д. 198, л. 66

[2] ЦГАСО, ф. 150 оп. 4, д. 160, лл. 51-51об

1913 г. можно увидеть еще более внушительную группу татар Бугурусланского уезда в числе плательщиков налога с прибыли. Это – Ахмеров Ахмадулла, бугурусланский мещанин, бакалейная торговля в Нижнем Аверкино, Газиз Валиев (Алькино, мануфактура и бакалея в Алькино), Вахитова Уммугульсум, бугурусланская мещанка, Галиуллин Айнулла, бугурусланский мещанин, Даминова Шахарзада, бугурусланская мещанка, (бакалейная лавка и печенье хлеба), Ихсанов Хузиахмет (д. Алькино, бакалея и мануфактура), Мердеева Бибифатыма, бугурусланская мещанка мануфактурная торговля в Бугуруслане, Миннихаиров Шакир (д. Балыкла бакалейная торговля в Бугуруслане), Рахимов Мухамметзакир (д. Старое Ермаково, бакалейная торговля в Бугуруслане), Хисматуллин Самигулла (бакалейная в Новом Султангулово).

…Наилучшие условия для реализации предпринимательской инициативы возникали, конечно, в городах. Начиная с 90-х гг. XIX в. «Памятные книжки Самарской губернии» из года в год постоянно помещают сведения о результатах торговой деятельности самарских татар. В них, в частности, приводится реклама «Торгового дома наследников Хасана Хусаиновича Алеева и К. Хусаин и Гаяс Хасановичи Алеевы», а также рекламы «Мануфактурной торговли Хусаина Мусина в селе Абдуллино Бугурусланского уезда», «Хлебной торговли Якупа Ильясова в Бугульминском уезде». Причем везде текст завершается словами: «Торговля производится на началах безусловной добросовестности».

В «Списке фабрик и заводов и торгово-промышленных заведений г. Самары» в «Памятной книжке Самарской губернии на 1912 г.» приведена целая группа заведений, владельцами которых являлись татары:

- галантерея и белье – Халфеев, Панская улица;

- кухмистерская – Муллин, Панская улица;

- фрукты – Дебердеев (Панская), Маннафов (Дворянская, 81), Рахматуллин (Дворянская, угол с Панской), Сатаров (Дворянская), Хуснетдинов (Дворянская). В целом, из девяти торговых заведений по реализации фруктов владельцами пяти магазинов являлись татары.

В «Памятной книжке…» на 1913 г. в данный список вошел Абдулвалиев (на Дворянской, 101). В издании 1914 г. – еще и Багаутдинов (Дворянская, 106). В 1914 г. из пяти самарских крупнейших магазинов по продаже фруктов три держали татары.

Торговали не только фруктами. В газете «Волжское слово» в № 134 от 22 июня 1913 г. помещено, а потом повторено еще несколько раз объявление: «Фейерверк садовый, комнатный и дачный. В громадном выборе масса новостей об освещении. Заказы принимает Ш.М. Халфеева. Фруктовый магазин «Бахчи-Сарай, ул. Садовая, № 231. Требуйте прейс-куранты».

В первые десятилетия XX в. в уездах губернии получили распространение различные формы кооперации. Первым из татар членом общества потребителей в 1901 г. стал житель Посада Мелекесс С.Х. Муллинов.

Сельские кредитные товарищества существовали практически в каждой волости. В период 1912-1914 гг. по Самарскому уезду в совете Степно-Шенталинского товарищества состояли в Гарифулла Фахрисламович Юсупов и Абдулвели Минибаев, Шламского – Минигали Рамазанов (председатель), А.А. Тухватуллин, Мухаметрахим Габейдуллин (председатель правления).

По Бугульминскому – в Денискинском товариществе – председатель Ахун Мерзянович Мусин, члены Исмагиль Камалетдинов и Гильман Нигматуллин.

По Ставропольскому уезду в совете Выселковского товарищества – Сайфулла Сабиров (председатель правления), Высоколоковского – Ибрагим Абдрахимов и Хайрулла Туктамышев, Сухо-Авралинского – Залялетдин Назиров.

По Бугурусланскому уезду в Мочалейском товариществе – Фахретдин Канюкаев (председатель правления), Мухаметвафа Субеев, Фатыхов, Тазетдинов, Харис Гафаров, Муратов, Ново-Мансуркинского – Ш. Сагиров и С. Хуснутдинов, Старо-Соснинского – Сибгатулла Гимадыисламов, М. Хайбуллин, Батыргали Вагапов, Миргабидзян Хасанов и Ахмет Насыров[1].

В начале XX в. стало более широким и представительство мусульман в органах власти. Несколько раз гласным Ставропольского уездного земского собрания избирался Дауд Исхакович Усманов (из деревни Абдреево Высококолковской волости), земского собрания Ново-Узенского уезда – потомок ханов Букеевской Орды Шангирей Букеев. Кстати, значительным было здесь, в самом южном уезде губернии, количество гласных из немцев (5 из 22). А татар больше всего заседало, конечно, в земском собрании Бугульминского уезда – 6 из 27 гласных. В их числе – член государственной Думы IV призыва – Мингазетдин Минигалеев[2].

После первой русской революции 1905-1907 гг. возникло множество общественных организаций разной направленности и вида деятельности. В одном только губернском центре насчитывалось несколько десятков «благотворительных и общеполезных учреждений»:

«Самарское местное управление российского общества Красного Креста», «Комитет Самарской общины сестер милосердия имени ее Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны», «Самарское губернское попечительство детских приютов», «Алексеевский детский приют ведомства учреждений императрицы Марии», «Ремесленный приют-училище ведомства учреждений императрицы Марии», «Приют бездомных детей имени великой княжны Анастасии Николаевны», «Местный самарский отдел общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям», «Губернский комитете по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией», «Самарское общество попечения о бедных и Мариинский приют детей воинов», «Самарское отделение попечительства императрицы Марии Александровны о слепых», «Правление Самарского попечительского общества о доме трудолюбия» и многие другие.

В том же почетном перечне состоит «Благотворительное общество мусульман», его председателем был Мухаметфатых Муртазин, членами Сунгатулла Халфеев, Махмуд Хусаинович Баишев, Аглиулла Абдулзябарович Узбеков, Хасан Мамин, Шайхульислам Хасанович Хасанов,

[1] Памятная книжка Самарской губернии на 1912 г. Самара, 1912. С. 74-76.

[2] Земско-статистический сборник по Самарской губернии. Самара, 1914. С. 30, 62, 71.

Мухамедсафа Дебердеев, Сунгатулла Хабибуллович Хабибуллин, Абдрахман Габидуллович Габидуллов, Насыбулла Габидуллов и Махмуд Сулейманович Уразгильдеев. Казначей – Саттар Маннафович Маннафов, секретарь – Хангирей Ибрагимович Аптеков.

Кроме перечисленных в городе действовали еще такие общества с характерными названиями, как фотографическое, взаимного вспоможения ремесленников, улучшения крестьянского хозяйства, народной трезвости, взаимного вспоможения приказчиков и многие другие.

…Название «Мусульманское общество» не означало чисто религиозно-духовный характер деятельности организации. Национально-культурная работа этого общества стала одним из самых видимых результатов татарского возрождения конца XIX – начала XX вв. в Самаре и губернии. Общество объединяло наиболее активную часть татарской общины, которая стремилась способствовать, в первую очередь, повышению образовательного и культурного уровня своего народа, который в это время, а точнее по данным на 1907 г. занимало в Самаре второе место по количеству населения. А в целом по губернии доля магометанского населения равнялось 10 %.

Магометанское общество вело активную работу во многих направлениях, содержало на свои средства школы при мечетях. Источник сообщает об этом такие сведения 1912 г.:

«- мектебе, магометанская школа при 1-м приходе (Казанская, 67). Заведующий и вероучитель – Шигабутдин Минюшев, мулла – Мухаметфатых Муртазин, Учительницы – Хабибзямпль Минюшева, Ф. Минюшева и Гаиша Муртазина *(первая жена имама М. Муртазина – прим. авт.);*

- мектебе, магометанская школа (Оренбургский спуск). Преподаватель и заведующий, указной мулла Гадиулла Баталов, преподаватели муэдзин Хамидулла Сагитов, Факия Ильясовна Баталова и Рабига Хисаметдиновна Сагидова[1].

Кстати, в приходской школе мечети на улице Казанской в 1904 г. обучался русскому языку молодой Фатих Амирхан – в будущем известный журналист, публицист, писатель, драматург и издатель специально приехавший из Казани в Самару.

В мечети на ул. Казанской побывал и поэт Габдулла Тукай. Это было в апреле 1912 г., когда он по пути на лечение в Уфу останавливался в нашем городе – в гостинице «Бристоль» (ныне «Жигули»).

По инициативе и на средства татарских меценатов в Самаре и городах губернии выступали известные артисты – И. Кудашев-Ашказарский, К. Тухватуллин и другие, проводились лекции на научные темы, организовывались вечера культуры и поэзии, праздники для детей и взрослых. В числе последних особо следует отметить проведение в дореволюционной Самаре двух праздников Сабантуй. Самый памятный из них прошел 18 мая 1914 г., за два с половиной месяца до начала Первой мировой войны. Он состоялся на ипподроме, на месте которого сейчас располагаются клиники медицинского университета.

В 1910 г. в Самару прибыл новый губернатор Н. Протасьев. Впервые

[1] Памятная книжка Самарской губернии на 1912 г. Самара, 1912. С. 114.-115

в истории чиновник такого уровня захотел встретиться с представителями татарской, мусульманской общины и, как писал журнал «Икътисад», «вел себя очень просто и выразил удовлетворение встречей»[1].

Председатель общества Фатых (Мухамет-Фатых) Муртазин являлся известным публичным человеком, состоял членом Самарского кредитного общества, был внештатаным корреспондентом губернских газет, в 1908-1913 гг. издавал первый в России экономический журнал на татарском языке «Икътисад».

В 1911 г. М. Муртазин и другой видный деятель мусульманской общины Самары, представитель передовой казахской интеллигенции, потомок ханов Букеевской Орды, член III Государственной Думы А.Н. Букейханов в составе совета «Самарского отдела общества охранения народного здравия» организовывали помощь голодающим в Самарской губернии в 1911-1912 гг.

Еще один член общества – Махмут Баишев в 1913 г. был избран гласным (депутатом) Городской думы, активно участвовал в запуске городского трамвая, стал вместе с М.Д. Челышев ярым поборником трезвого образа жизни самарцев, главным попечителем строительства мечети на улице Оренбургской (открыта в июле 1913 г.). А во время мировой войны городская управа назначила М.Х. Баишева уполномоченным от властей Самары по организации приема, устройства турецких военнопленных, обеспечения их питанием и медицинским обслуживанием. Российская империя, как воюющая сторона, подписавшая Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., взяла на себя обязательства по обеспечению надлежащих условий для содержания военнопленных и принимала меры по их выполнению. В начале 1915 г. Самарская губерния (вместе с Симбирской) стала эпицентром бедствия, которое случилось с плененными на Кавказском фронте турецкими военнослужащими. Несмотря на усилия наших властей и общественности, тысячи из них по пути во внутренние регионы России заболели тифом, около 1200 из них умерли и похоронены на самарской земле. Недавно удалось установить места этих захоронений в Самаре и Самарском уезде.

…Деятельность мусульманского общества Самары привела к дальнейшей активизации общественной жизни татар Самары. В это время при мечети на улице Казанской, а потом и при новой мечети на улице Оренбургской открылись национальные школы, в которых, кроме традиционной для конфессиональной школы религиозной программы, стали изучаться светские предметы: арифметика, география, русский язык и другие. В 1911 г. совместно с городской управой началась работа по открытию русско-татарских училищ, подведомственных министерству просвещения. Две первые школы расположились на улицах Александровская (ныне Вилоновская), 16 и Саратовской (Фрунзе), 145.

Самарская городская управа и руководство мусульманской общины стали искать специалистов, многих пригласили со стороны. И по их приглашению в 1913-1914 гг. в Самару прибыли выпускники Казанской учительской школы, учителя русских

[1] Икътисад, 1910, № 10. С. 320.

гимназий, четырехклассных земских училищ из других губерний. Архивные документы сохранили и донесли до нас имена некоторых представителей нарождающейся национальной интеллигенции, которые несли свет знаний в татарское население Самары более 100 лет назад.

Это – учителя русского языка Шамсизиган Зигангиевна Мускеева из Тетюш, Мирсаяф Мухаммедянович Туктамышев из Оренбурга, а также Миргали Мухамеджанович Байраков из Уфы, Мухаммед-Салих Туктамышев из Мензелинска, супруги Хадича и Закир Тинбековы, Шах-Мухаррям Губайдуллович Мурадинов из Чистополя[1].

Некоторые из перечисленных педагогов прожили и проработали в Самаре не один год, включая советское время.

Кроме них, в русско-татарских школах стали работать и местные специалисты – уроки рукоделия в школе на Александровской вела сестра имама мечети на Оренбургской Наубагяр Батталова, магометанской веры в школе на Саратовской жена ахуна Минюшева – Хабибзямал-абыстай.

Земская управа планировала открытие в Самаре еще двух русско-татарских училищ. Но расширению государственной сети татарского образования помешала начавшаяся в 1914 г. война, а потом и революция 1917 г. Между тем Советом министров Российской империи, по инициативе его председателя П.А. Столыпина, в 1910 г. была разработана программа развития народного образования, рассчитанная на период до 1926 г. и в которой, между прочим, предусматривалось массовое устройство русско-татарских училищ. Но из-за указанных выше причин эта перспективная и масштабная программа осталась нереализованной.

Но два подобных учебных заведения в предвоенный период были созданы и начали работать в Самаре. «Памятная книжка…» на 1915 г. донесла этот факт до широкой общественности:

«1-е русско-татарское училище (Саратовская, 145). Заведующий Ханиф Мусаинович Сафиуллин, вероучители – М. Муртазин и Хабибзямал Минюшева. Учительницы Банат Губанова, и рукоделия – Наталья Корнилиевна Татаринцева. Учитель родного языка – Шайхуль-Ислам Минюшев.

2-е русско-татарское училище (Александровская, улица 16). Заведующий Мирсаяф Мухаметъянович Туктамышев. Вероучители – Гадиулла Баталов и Факия Баталова. Учительницы – Шамсизиган Зиганшевна Мускеева и рукоделия Ольга Михайловна Федорова. Учитель – Мухамедсалих Гареевич Туктамышев».

Количество учащихся на 1916-1917 учебный год составляло 142 человека (90 мальчиков и 52 девочки).

Одним из наиболее видимых результатов работы мусульманского общества и всей татарской общины Самары стало строительство Соборной мечети 3-го прихода на улице Оренбургской. Мечеть (архитектор и наблюдатель строительства В. Якунин), выполненая в мавританском стиле, была открыта в июле 1913 г.[2]

…После шести лет активной работы, деятельность мусульманского общества Самары в 1913 г. была прекращена. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Как сообщает газета «Волжское слово» от 19 марта 1913 г., в Самаре прошло собрание членов первого мусульманскогого общества (зарегистрировано 22 сентября 1907 г.), которое обсудило решение Губернского по делам об обществах и союзах присутствия от 7 декабря предыдущего года. Процесс начался еще в 1910 г. с циркуляра министерства внутренних дел. Согласно этому документу, предписывалось закрыть все «инородческие школы и общества, имеющие целью объединение элементов на почве исключительно национальных интересов». Члены правления собрались с целью решить, что делать с денежными средствами (1199 рублей 16 копеек), хранящимися в местном отделении Госбанка и имуществом обществом, среди которого особое место занимала библиотека, которую жители города собирали в течение многих лет.

После обсуждения было принято решение направить часть средств ликвидируемого общества на благоустройство территории каменной мечети 3 прихода и проведение обряда погребения на мусульманском кладбище. В ликвидационную коммиссию вошли авторитетные члены общины: Минюшев, Баишев, Маннафов, Узбеков, Габидуллов, Ибрагимов, Муллин, Мифтахетдинов. После чего, как пишет газета, «первое мусульманское общество окончило свое существование».

И после ликвидации мусульманского общества его члены не прекратили деятельность по просвещению населения. Просветительская работа все больше проникала в сферу культуры – перед Первой мировой войной в Бугуруслане на средства меценатов была открыта музыкальная школа по трем классам – мандолины, скрипки и гитары. До этого дети под руководством учителей музыки занимались сначала в медресе, потом в одном из приспособленных зданий города[1].

Оживление татарской и мусульманской общественной жизни отмечалось и в других уголках губернии. Наибольшее количество мечетей в татарских и башкирских селениях было построено в первые два десятилетия XX в.

В 1913 г. в городе Ставрополь мусульманская община (основу ее составляли выходцы из Татарских Выселок) приступила к работе по строительству мечети на углу улиц Базарной и Калмыкской. Но не успев сделать это в мирное время, с началом Первой мировой войны уже не смогла ее построить. Последнее обращение ставропольских мусульман к властям в столице за подписью указного муллы Садретдина Низаметдинова датировано 4 августа 1917 г.[2] Временное правительство, пришедшее к тому времени к управлению государством, сославшись на трудности настоящего момента, повелело отложить вопрос до окончания войны.

По той же причине не получила развитие аналогичная инициатива татар города Сызрани (тогда Симбир-

[1] ЦГАСО, ф. 3, оп. 233, д. 3441, лл. 43. 44

[2] См. подробнее: Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее… Самара, 2011

[1] Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы Самарской губернии в середине XIX-XX вв. Нижний Новгород, 2008. С. 173-175.

[2] РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 459, л. 163.

ской губернии). Губернатор, а потом министерство внутренних дел России империи сообщили просителям от мусульман, что все старания и усилия государства и общества должны в это время быть направлены на помощь армии в борьбе с врагами Отечества. Что, надо согласиться, было вполне оправданно.

Одним результатом процесса татарского возрождения рубежа XIX – XX вв. стал расцвет татарской литературы и публицистики начала XX в.

Многие писатели и поэты, работавшие в редакциях оренбургских изданий – газеты «Вакыт» («Время») и журнала «Шура» («Совет»), внесли большой вклад в развитие татарской литературы, публицистики и литературной критики. Среди них был Зыя Ярмяки (1887-1965), уроженец села Старое Ермаково Бугурусланского уезда Самарской губернии. Живя сначала в Чистополе, потом в Уфе, он активно участвовал в литературной жизни. Первые творческие шаги, совпавшие со внаступления реакции после революции 1905-1907 гг., делал в журнале «Вакыт», в то время когда редактором был Риза Фахретдинов. Вместе со многими своими собратьями по перу поддержал движение за отказ от высокого стиля, насыщенного арабизмами и фарсизмами, писал на доступном языке, который был понятен простому народу. Ярмяки принадлежат к тукаевской школе современной татарской поэзии, основы которой были заложены в конце XIX – начале XX в.

Темы его произведений, написанных в размерах классического татарского стихосложения, с четким соблюдением ритмики, – стремление к знаниям, природа родного края, простая человеческая любовь. Самое известное в народе произведение Зыя Ярмяки – сихотворение «Ак каен», на слова которого написана популярная песня.

Зыя Ярмяки регулярно печатался в журнале «Шура», начиная с 1911 г. и практически вплоть до закрытия журнала – до 1917 г. В числе авторов журнальных статей были и другие представители татарской общины Самарской губернии. Это – Мухамметфатых Муртазин, Абдрахман Минюшев и Мардегалим Мухаммедов, писавшие в период 1908-1909 гг. и особенно 1913-1914 гг. о самой животрепещущей для Самары проблеме – татарского национального образования нового типа.

В особом ряду периодических изданий начала XX в. стоит самарский журнал «Икътисад» («Экономика»). Издавался в 1908-1913 гг. Он первый в России экономический журнал на татарском языке. Только после него, через несколько лет, в 1912 г. в Казани – центре татарской интеллектуальной мысли – начало выходить издание аналогичной тематики «Русия сэудэсе» («Российская торговля»), которое просуществоало до революции 1917 г.

Журнал «Икътисад», будучи единственным в Самаре татарским печатным изданием, как показала жизнь, не ограничивался тематикой публикаций, заложенной в названии.

Тематическая направленность журнала «Икътисад» была вскоре определена и являлась для периодической печати мусульманских народов России уникальной – тема экономики, что заключена в его названии «Икътисад» («Экономика»). Печатался журнал один раз в месяц, тиражом в 3 тысячи экземпляров, на графике татарского языка того времени – арабской. Печатной базой стала типография братьев Хусаиновых в Оренбурге, поскольку необходимых технических условий в Самаре не было.

Номера получались внушительными – от 70 до 150 страниц, в зависимости от материала. Редакция располагалась в мечети на улице Казанской. Читатели выписывали журнал по всей империи – от Петербурга до городов Восточной Сибири. Это лучшее свидетельство авторитета издания и высокого уровня публикуемых в нем статей.

Значение пропаганды в начале XX в. среди татар экономических знаний трудно переоценить. Обсуждение социально-экономических проблем мусульман Российской империи, объяснение законов экономического развития с точки зрения ислама занимали в публикациях большое место. Повышение квалификации татарских рабочих тесно увязывалось с одновременной реализацией их права на труд, соблюдение которого является одним из непреложных принципов, вытекающих из исламского учения. При этом следует учитывать интересы семьи, общины (махалли), своей нации и государства в целом.

Авторы журнальных публикаций – купцы, экономисты, специалисты в сфере финансов – всячески подчеркивали необходимость развития производительных сил, ремесел, глубоком освоении экономических знаний, создания мусульманами новых отраслей промышленности, производства новых видов продукции, реализация которой могла бы решать насущные проблемы общины, и это стало одним из путей накопления «национального капитала».

В перечне материалов журнала, помимо общих (экономика, промышленность, торговля, деревенская жизнь), выделяются частные разделы журнала (банковская деятельность, страхование, медицина, выставки, советы по ведению хозяйства и другие). В особый раздел можно отнести статьи, посвященные религии, религиозной, общественной национальной жизни мусульман как в целом России, так и Самарской губернии в частности. Регулярно, почти в каждом номере публиковались материалы под рубрикой «Дела самарские».

Таким образом, тематика издания была достаточно разнообразна, и она показывает широкий спектр вопросов, интересовавших издателей и читателей: что такое вексель, как взять кредит в банке, чем была интересна промышленная выставка в Мюнхене и многое-многое другое.

Особый интерес представляет редакционная политика. Анализ заголовков статей, посвященных экономическим вопросам, свидетельствует о достаточно передовых взглядах издателей.

Редакция ориентировалась на ознакомление читателей с новинками науки и техники (например, статья «Новости американской промышленности»), спецификой экономической деятельности исламского мира (статьи о мусульманских банках, информация о мусульманской торговой выставке в Мюнхене). Редакционная коллегия стремилась просветить читателей об особенностях современной денежно-кредитной системы (статьи о видах кредитных документов, акциях и облигациях, о дивидендах, гарантированных акциях и облигациях и так далее).

Часть статей рассказывала о направлениях экономической политики российского правительства (о таможенных пошлинах и протекционизме). В связи с осуществлением аграрной реформы П.А. Столыпина в 1909-1911 г.г. были опубликованы заметки о земельном законодательстве, землеустроительных комитетах, кооперативах и по другим аналогичным вопросам.

Журнал постоянно информировал своих читателей о состоянии торговли в других районах Российской империи (хлопковый и фруктовый рынки в Фергане, Бухаре, Туркестане).

Существовала постоянно действовавшая рубрика «Как торгуют в других районах» как возможность ознакомления с передовым опытом реализации продовольственных и промышленных товаров.

Об уровне журнала и его широком авторитете также убедительно свидетельствует переписка редакции в лице М. Муртазина с великим русским писателем, философом и гуманистом Л.Н. Толстым. Больше всего письма касались вопросов реальной свободы вероисповедений в условиях тогдашней России и роли Русской православной церкви.

В № 11 за 1910 г. были опубликованы ответы Льва Николаевича (полученные 9 января 1910 г. – за десять месяцев до кончины писателя) с ответами на письмо Муртазина. Основной смысл размышлений Л.Н. Толстого выражены в словах:

«Спасение следует искать лишь от трудностей и опасности, но в самой жизни человека нет никаких трудностей и опасности, ибо жизнь дается ему как благо. От жизни же спасать себя не следует, нужно лишь выполнять волю Божью. Воля же Божья заключается в том, чтобы мы любили друг друга. Любить всех: и магометан, и христиан, и иудеев, и буддистов, и тайусистов, и всех остальных. Если мы станем действовать подобным образом, и жизнь наша станет прекрасной, и смерть будет не страшна. Нам следует не опасаться, а жить по предписаниям Божьим, радоваться жизни, дарованной Всевышним… В короткой и быстротечной жизни, отведенной нам Создателем, мы должны выполнять Его предписания. Это дело и легкое, и радостное. Заключается оно в следующем: по мере своих сил следует делать добро встретившимся на твоем пути людям, любить их. Я думаю, что так понимать смысл жизни должны и магометане, и буддисты, и иудеи, вообще все люди. Такое возможно в пределах любой религии».

Не ограничившись ответным письмом, Л.Н.Толстой выслал Ф.Муртазину избранные хадисы (изречения) Мухаммеда и брошюру «На каждый день» с примечанием: «Здесь найдете подтверждение тех мыслей, что изложены в письме». Любопытно, что Толстой в одной из высланных редактору «Икътисада» книжек поместил в своем переводе отдельные хадисы Мухаммеда, предлагая их как «Божественные Слова, необходимые людям самых различных вероисповеданий». Великий писатель и философ, ввиду незнакомства с арабским языком, изучил ислам через миссионеров. Таким образом, татарский интеллигент и духовный просветитель получил у великого старца фактически его предсмертное напутствие, завещание, благословлявшее истинную дружбу и любовь между людьми самой различной религиозной ориентации. Воистину великие принадлежат всему человечеству[1].

Редактор газеты М. Муртазин в 1911 г. добился разрешения открыть неподалеку от мечети (на улице Заводской) книжный магазин в Самаре «для торговли русскими и иностранными книгами на разном языке». Действительно, в магазине имелась различная литература: светская на татарском, на русском и нескольких иностранных языках, религиозная, а также номера журнала «Икътисад». Этот дом (в советское время: ул. Венцека, 21) не сохранился, его изображение осталось в форме рисунка самарского архитектора и художника В.Г. Каркарьяна.

Жизнь и работа журнала «Икътисад» легкой не была, из-за материальных затруднений выпуск очредных номеров часто задерживался. Как это часто бывает, издание держалось благодаря самоотверженному труду редактора М. Муртазина. Несколько раз напряженная работа приводила к его болезням и запретам со стороны врачей заниматься этой деятельностью. Вскоре после оттепели, вызванной революцией 1905 г., наступил период реакции и в 1913 г., журнал по распоряжению правительства был закрыт.

…Два глобальных события начала XX в. – русско-японская война 1904-1905 гг. и революция 1905-1907 гг. оказали большое влияние на дальнейшее развитие нашей страны.

Проигранная Россией война с Японией выявила огромные проблемы в организации государства, недостаток современных сетей коммуникаций и показала общее технологическое отставание страны от главного своего соперника на Дальнем Востоке. Причины неудач русских армий и флота и их конкретных поражений были обусловлены также многими другими факторами, но главными среди них явились незавершенность военно-стратегической подготовки к серьезному военному столкновению, удаленность театра военных действий от главных центров страны и армии и так далее.

Поражение российской армии и флота в войне на Дальнем Востоке нисколько не умаляет достоинства наших солдат и матросов, их храбрость и умение воевать. Среди них было много представителей мусульманских народов, больше всего татар и башкир. В том числе и из Самарской губернии. Память о «японской войне» запечатлел и фольклор наших народов. Ярким примером музыкально-поэтического повествования о той войне стала популярная народная песня «Порт-Артур».

Архивы сохранили для потомков документы, подтверждающие участие наших земляков в войне на Дальнем Востоке. В качестве примера можно привести переписку жителей села Новое Султангулово Бугурусланского уезда с губернскими властями. Здесь чаще всего родители воинов просят содействие в выяснении судьбы сыновей, от которых долгое время не получают известий. Чаще всего ответы канцелярии Самарского губернатора приносили в крестьянские дома горестные вести:

– Гатаулла Халимуллин убит в бою у порта Дальний;

[1] Усманов Р.У. Татарская доревлюционная пресса (в контексте «Восток – Запад». Казань, 2002. С. 142).

– Мухаметвали Фахрутдинов, рядовой 139 пехотного Моршанского полка, погиб на Цофантуньских высотах у города Ляоян;

– Абдуллатыф Абдулвахитов, рядовой 12 Восточно-Сибирского полка, остался на поле сражения *(пропал без вести – прим. авт.*);

– Гайдулла Изетуллин, рядовой 36 Восточно-Сибирского стрелкового полка, остался на поле сражения[1].

В результате поражения в этой войне с начала января 1905 г. в России возникла и развивалась революционная ситуация.

Главные события первой русской революции развивались, в первую очередь, в Петербурге («Кровавое воскресенье» 9 января), Москве, крупных промышленных центрах страны. В провинции их масштаб был значительно меньше. Но в разных уголках Самарской области возникали забастовки и народные волнения.

«Между крестьянами идут упорные толки, что от землевладельцев и помещиков отберут землю и разделят между всеми» – писал 5 марта 1905 г. начальник Губернского жандармского управления Самарскому губернатору[2].

То там, то здесь в различных селениях губернии происходили беспорядки. Истории со «Старо-Буянской республикой» в ноябре пятого года и установлению здесь на две недели «народного самоуправления» посвящены целые исследования. События начались с выступлений в местной ремесленной школе. Причин тому было много, одна из них, как писали слушатели в петиции уездному начальству, «заведующий школой господин Песоцкий пребывает не в здравом состоянии, которое получает от частого употребления спиртных напитков».

Дальше больше – события приняли политико-экономический характер. Решением народного схода все земли, пастбища и леса переходили в ведение народного самоуправления. Но народ управлял недолго: 26 ноября все зачинщики самоуправства были арестованы.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

С августа 1914 г. Российская империя стала жить в условиях военного положения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Каждый житель страны в той или иной степени ощущал последствия войны. Соответственным образом кардинально изменились социально-экономическая обстановка и общественная атмосфера.

В первые дни в стране царил дух патриотизма и всеобщей готовности защищать «веру, царя и Отечество». «Поступают многочисленные заявления записи сестер милосердия добровольных… В городах патриотические манифестации… Повсеместно идет рабочих на донецкие шахты, откуда многие шахтеры призваны в армию…» – сообщают уездные и другие чиновники в донесениях Самарскому губернатору летом 1914 г.[1]

Газета «Волжское слово» 13 августа в материале под названием «Молебствие татар» писала: «В татарских мечетях было совершено второе молебствие о даровании победы русскому оружию с провозглашением здравия царской семье. На молебствии присутствовало много татар, запасных *(воинов – прим. авт.)* из разных местностей. Муллы обратились к запасным с напутственной речью, выразив пожелание победы над немцами, и скорого возвращения на родину.

По случаю праздника Рамазана мечети были переполнены молящимися, и молебствие отличалось особой торжественностью».

Губернатор Самарской губернии Н.В. Протасьев 28 августа пишет в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД:

«По сообщениям повременной печати и сведениям, поступающим из различных других источников, во многих наших местностях мусульманское население и духовенство проявили в связи с происходящими военными действиями, значительный подъем патриотических чувств, нашедший себе выражение в совершении торжественных богомолений о даровании победу русскому оружию, в устройстве патриотических манифестаций, в организации помощи семьям магометан, ушедших на войну»[2].

13 ноября Протасьев сообщает в Департамент: «Среди магометанского населения и духовенства весть об объявлении войны встречена с должным вниманием и спокойствием. В период мобилизации нижних чинов и ратников ополчения никаких нежелательных эксцессов не наблюдалось. Все призванные мусульмане отправляются на сборный пункт с высоким притом духовным подъемом патриотических чувств.

Мусульманское население с полной отзывчивостью принимает участие совместно с русским населением в оказании помощи семействам призванных, личным трудом и пожертвованиях на нужды войны деньгами, вещами и прочим. В городе Самаре исключительно одними мусульманами открыт приют-ясли на 50 детей для детей призванных на войну.

Указанное настроение осталось без всяких изменений в данный момент начавшихся военных действий с Турцией. В Самаре в день получения известия о вмешательстве Турции в военные действия вероломным нападением на наше Черноморское побережье мусульманское население выразило чувства беззаветной любви и непоколебимой преданности Престолу и Отечеству. Притом они предсказали разгром Турецкого государства»[3].

Работой по мобилизации российских мусульман руководил муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) Мухамедьяр Султанов. В наставлении ахунам, хатыбам и имамам округа ОМДС от 14 октября 1914 г. он писал:

«Сейчас мусульман в России 17 миллионов, 2458 приходов, 15099 мектебов и 2269 медресе, 465061 учащихся, 19 газет, 47 благотворительных обществ, 35 просветительских обществ,

[1] ЦГАСО, ф. 3, оп. 122, д. 31, лл. 29, 31.

[2] ЦГАСО, ф. 3, оп. 233, д. 1910. С. 19.

[1] ЦГАСО, ф. 3, оп. 61, д. 26, лл. 84, 129, 130

[2] РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 64

[3] Там же, лл. 80-82 об.

23 типографий, книжных магазинов – 194. Мы благодарны Богу и императору нашему за все земные блага. В настоящие дни широко открылись извне двери неисчислимых бед и непредвиденных испытаний на наше возлюбленное и дорогое Отечество… Надеюсь, что мусульмане и в настоящую войну сумеют выказать себя истинно любящими свою родину сынами ея».

11 ноября 1914 г. муфтий ОМДС по поводу вступления Турции в войну писал, что немцы вынудили Турцию сделать необдуманный шаг. Родина наше – Великая Россия. Наш долг мусульман – защитить Отечество от всех врагов.

Население нашего края вместе со всей страной переживало события, связанные с войной. С 4 августа был приведен в действие мобилизационный план Генерального штаба Российской армии. С пометкой «Спешно!» в разные уголки империи были разосланы и в людных местах расклеены сотни тысяч «Объявлений о вызове к исполнению воинской службы». В первые месяцы войны вместе с военнослужащими срочной службы из городов, а больше всего из сел губернии на фронт были призваны тысячи запасных нижних чинов, ратников ополчения, а также врачи и сестры милосердия. В первые три месяца войны из 6000 запасных нижних чинов и ратников ополчения Бугульминского уезда 70 процентов составили мусульмане[1].

Уже летом 1914 г. в Самарскую губернию хлынули потоки беженцев, в специально подготовленные лазареты уже 15 августа из Действующей армии начали поступать первые группы раненых. 9 октября, после заполнения тыловых госпиталей губернского центра (самый крупный из них располагался на улице Дворянская,112), раненых стали принимать лазареты, расположенные на территории Самарского уезда. На 1 ноября 1915 г. в Елховке, Старом Буяне, Кошках, Степной Шентале, Красном Яре, Дубовом Умете, Богдановке и других госпиталях на излечении находилось 252 солдата и офицеров, к этому моменту после излечения были выписаны 1711 человек.

В это время началась широкая кампания по разъяснению причин войны, целей воюющих держав. Эта война вскоре получила официальное название Отечественной или Второй Отечественной (по аналогии с войной 1812 г.)

В первые недели боевых действий по распоряжению Самарского губернатора в народ массовым для того времени тиражом 25 тыс. экземпляров пошла брошюра «Великая война» издания «Сельского вестника» для бесплатной раздачи населению. 5 сентября таким же тиражом – брошюра «Зверства немцев», 8 октября – «Наша слава».

Поддержка народом дела защиты своей родины была широкой. Самарский биржевой комитет открыл бесплатную столовую для семей призванных на военную службу. С 8 августа по 15 сентября в ней было отпущено 23 468 обедов[2].

21 января 1915 г. пять вагонов сухарей, пожертвованных фирмами Неклютиных и Башкировых, отправились в Эчмиаздин в расположение 4 корпуса Кавказской армии генерала Огановского[1].

Крупные суконные фабрики – Акчуриных и Дебердеевых в Симбирской губернии, Хамида Алеева в селе Мулловка Ставропольского уезда Самарской губернии, производившие армейское сукно, военные палатки, принимали автивное участие в помощи раненым воинам, семьям воюющих солдат, регулярно перечисляли крупные средства в фонд Российского Красного Креста.

Народ Российской империи мужественно переносил тяготы начавшейся войны, с пониманием ко всем мерам военного и гуманитарного характера. И такое отношение населения к насущным проблемам дня было особенно характерно для первого периода войны. В начале 1915 г. в донесении помощника начальника губернского жандармского управления в Бугурусланском и Бугульминском уездах М.П. Васильева начальнику губерского жандарского управления М.И. Познанскому об отношении разных категорий населения к войне говорилось следущее:

«Общее настроение мусульман высокопатриотично, все охотно жертвуют на Красный Крест, а старики гордятся, если у них несколько сыновей находятся на войне. Про турок они говорят, что, хотя они и братья им по религии, но считают таким же врагом, как и немца, и не пожалеют отдать все сове состояние для уничтожения общего врага России. К военнообязанным и военнопленным относятся очень сердечно и сочувственно. Все население охотно их кормит, за что военнообязанные и военнопленные им помогают в хозяйстве. Отношение между ними в высшей степени дружелюбное, ведут себя военнообязанные и военнопленные хорошо. С крестьянами живут дружно и стараются всеми силами услужить тем хозяевам, где живут»[2].

В начале 1915 г. в составе частей, воевавших с Германией и Австро-Венгрией, находилось около полумиллиона мусульман[3]. Позже количество военнослужащих российской армии мусульманского вероисповедания неуклонно увеличивалось. В конце 1916 г. только в частях Юго-Западного фронта (это на Австро-Венгерском направлении) их насчитывалось около 700 тысяч человек[4].

В боях с противником наши единоверцы показывали образцы подлинного героизма и воинской смекалки. Мы располагаем некоторыми документами о мусульманах Самарской губернии, награжденных во время Первой мировой войны Георгиевским крестом или медалью (сведения приведены только по Бугульминскому и Николаевскому уездам, по остальным сведений нет):

– Галиуллин Фаткулла, уроженец д. Сугушлы, Спиридоновской волости Бугульминского уезда, канонир, 1-я батарея 1-го Туркестанского стрелкового артиллерийского полка, награжден Георгиевской медалью, вручена жене в августе 1916 г., убит;

– Зулькарнеев Мухамед-ахунжан, уроженец Кужабаевской волости Николаевского уезда, ефрейтор, 150-й

[1] ЦГАСО, ф. 3, оп. 61, д. 26, л. 104

[2] Там же, л. 125

[1] Там же, лл. 127 с об., 284

[2] ЦГАСО, ф. 465, оп. 1, д. 2047, л. 15 об.

[3] РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 113

[4] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция. 1917-1918 гг. М., 2004. С. 233.

Таманский пехотный полк, награжден Георгиевским крестом 4-й степени в 1916 г., пропал без вести;

– Марадымов Замалетдин Нигматуллинович, крестьянин Спиридоновской волости, рядовой, 38-й Тобольский пехотный полк, награжден Георгиевским крестом 4-й степени, эвакуирован на излечение по болезни;

- (фамилия неразборчива) Рамазан, крестьянин с. Минибаево, Ивановской волости Бугульминского уезда, рядовой, 27-й Витебский пехотный полк, награжден Георгиевской медалью 4-й степени, убит[1].

…С мест боев на западных границах вглубь страны шли не только эшелоны с ранеными и беженцами. Воинская почта постоянно отправляла в тыл также извещения о гибели солдат и офицеров российской армии. Вот сведения по одному из татарских селений Самарской губернии селу Мулловка Самарского уезда (список был составлен в сентябре 1917 г.):

– Сайфутдинов Салаутдин, рядовой, 329-й Бузулукский пехотный полк, 20 октября 1914 г. в бою при деревне Рожинки (Виленской губернии) пропал без вести;

– Неуметов Нурулла, нижний чин, 3-й пехотный полк, убит 9 февраля 1916 г., вдовий вид *(документ для получения пособия – прим. авт.)* № 2353*;*

– Рязапов Хуснутдин Хисаметдинов, нижний чин, 318-й пехотный полк, 29 мая 1916 г. пропал без вести;

– Абдрашитов Карим Мухаметшин, ефрейтор, запасная артиллерийская бригада, 1-й батальон, ранен в бою 9 июня сего года, умер от заражения крови в лазарете; документы вручены отцу Мухаметша Абдрашитову.

– Мингазетдин Ягудин, стрелок, 11-й стрелковый полк, 3 июня 1916 г. пропал без вести в бою[2].

Боевые действия, как известно, характеризуются наступлениями и отступлениями, победами и поражениями, исчисляются количеством уничтоженых солдат противника и потерями своих, ранеными и попавшими в плен. Всего в годы Первой мировой войны в плену оказались 3,4 миллиона российских военнослужащих, в том числе мусульман.

К январю 1915 г., после первых шести месяцев войны, в германском плену оказались 5 офицеров и 3008 рядовых солдат (нижних чинов) магометанского вероисповедания[3].

Абсолютное большинство пленных составляли мусульмане Внутренней России – татары и башкиры. Вероятно, меньше (точных данных нет) их было в странах Тройственного союза (Австро-Венгрии и Турции). Объясняется это тем, что главным театром военных действий Восточного фронта в 1914-1918 гг. с участием германских и русских армий была территория Восточной Пруссии, Польши, Прибалтики, других западных губерний Российской империи. На Юго-Восточном и Румынском фронтах, на которых русской армии противостояли австро-венгерские части, накал боевых действий был несколько ниже, соответственно меньшими были масштабы разрушений, количество потерь воюющих сторон в живой силе и, следовательно, число попавших в плен.

Положение разных категорий военнопленных Первой мировой войны было неодинаковым. В целом оно соответствовало духу и букве Гаагской «Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г., которую подписали все европейские страны и которую соблюдали в последовавших потом войнах. Это важно отметить еще в сравнении со Второй мировой войны, одной из предпосылок которой стала идеология расового превосходства, когда ситуация с гуманитарными аспектами войны, особенно в отношении советских военнопленных, коренным образом изменилась и являлась по сути варварской.

А в Первую мировую войну военнопленные обеспечивались питанием, медицинской помощью (правда, практика показывает, что не всегда и надлежащего качества), им предоставлялась возможность заниматься самообразованием, участвовать в культурных мероприятиях, отправлять религиозный культ, писать и получать письма, обмениваться посылками, а после окончания войны – возможность вернуться на родину или выбрать другую страну для проживания. Работали они в соответствии с утвержденным трудовым распорядком.

Немецкие архивы сохранили сведения о переписке пленных-мусульман с Родиной. География адресов была обширна, здесь есть и многие населенные пункты Самарской губернии. Как свидетельствуют документы, больше всего писем получил военнопленный Вюнсдорфского лагеря – уроженец деревни Ташбулатово Николаевского уезда (фамилия и имя не указаны)[1].

Лагеря для военнопленных и интернированных стали объектом внимания и практической работы всевозможных благотворительных организаций, международных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Говоря в целом, содержание военнопленных в лагерях осуществлялось в полном соответствии с духом Гаагской Конвенции – только для недопущения участия солдат и офицеров стран-участниц войны в боевых действиях.

Пленным мусульманам из России и других стран повезло: германское командование создало для них так называемые пропагандистские специальные лагеря с особыми порядками: создавались помещения для моления (были даже лагеря с мечетями – Вюнсдорф, Вайнберг, Лагерь Полумесяца), для обитателей издавались газеты на татарском языке и т.д. В вайнбергском лагере, например, работала татарская театральная группа, которая каждую пятницу ставила спектакли. В многочисленной труппе состоял артист по фамилии Усманов из Самары[2].

Российские мусульмане во время пребывания в этих лагерях в рамках специального проекта «Новая этнография» стали предметом изучения местными учеными и специалистами. Именно для этого была организована запись их голосов на граммофонные пластинки (они несколько лет назад стали достоянием СМИ и общественности).

Создавая для российских мусульман особые условия, германское командование преследовало определенную цель: путем пропаганды и агиттационной работы склонение бывших военнослужащих участию в войне против России. В рамках этой работы татар

[1] ЦГАСО, ф. 3, оп. 62, д. 3, д. 132, л. 87

[2] ЦГАСО, ф. 679, оп. 4, д. 12, л. 71

[3] Гилязов И. А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны. Казань, 2014. С. 86.

[1] Гилязов И.А. Указ. соч. С. 123.

2 Там же. С. 248.

и башкир, передав в состав турецкой армии, пытались использовать в «джихаде» – священной войне правоверных против неверных, которую 14 ноября 1914 г. объявил османский султан Мехмет VI. Но эта работа принесла незначительный успех – только мизерная часть военнопленных поддалась германской пропаганде, согласилась на переезд в Турцию и вступить в армию «джихада». Большинство же приехали сюда качестве ремесленников, рабочих и крестьян.

Имена российских военнослужащих, оказавшихся в Турции, приводятся в исследовании турецкого историка Исмаила Тюркоглу «Российские мусульмане-пленные, принятые в османское гражданство во время Первой мировой войны» [1]. В списке, состоящем из 200 человек в возрасте от 23 до 41 г., есть и сведения (в том числе и место захоронения) об уроженцах Самарской губернии. Это:

– Абдулла бине Мирза;
– Гисматулла бине Нигматулла;
– Хаджи Мурад бине Билалетдин;
– Абдултахир бине Кашшаф;
– Мухамедшафик бине Мухамедьяр;
– Мустафа Гайса бине Муса;
– Абдулхак бине Абдулла;
– Шаехильяс бине Шигабеддин;
– Айфулла бине Велиулла.

Только один из этого списка – Абдулла бине Мирза – родом из Бузулукского уезда (деревня Амирово), остальные все были призваны из губернского центра – Самары.

А в целом же идея «священной войны» с вовлечением в нее российских военнопленных – татар и башкир, испирированная по сути Германией, провалилась. Российсские военнослужащие мусульманского вероисповедания, как уже отмечалось, в абсолютном большинстве своем добросовестно выполняли свой воинский долг, показывая наряду со своими братьями по оружию – представителями других конфессий и национальностей образцы доблести и героизма и удостаивались высоких боевых наград.

Но многих судьба пленных и в тех, сравнительно сносных, условиях оказалась трагической – болезни, плохое питание, несчастные случаи, сама атмосфера плена делали свое дело. Полных данных об умерших и похороненных на территории кайзеровской Германии российских военнослужащих нет – они нашли последний приют на многочисленных кладбищах и безымянных могилах. Например, только на одном из кладбищ – в районе лагеря Церенсдорф похоронено 362 татарских солдата российской армии.

…После заключения Брест-Литовского договора, положившего конец войне между Германией (и ее союзницей Австро-Венгрией) и Советской Россией, начался процесс возвращения российских военнопленных на родину. Процесс, начавшийся летом 1918 г., затянулся на долгие годы, многие из бывших пленных смогли вернуться на родину только после окончания Гражданской войны в России, в начале 20-х гг.

В качестве примера можно привести список жителей деревни Ново-Урайкино Ставропольского уезда, возвратишихся из германского и австрийского плена. По спискам Новобинарадского волостного исполкома 13 января 1919 г. по Новоурайкинскому сельсовету таковых набралось 13 человек. Это:

Галиуллов Нуртдин, рядовой 316 Волынского полка;

Сафин Вафа, рядовой 23 Сибирского полка;

Камалетдинов Хасянгата, рядовой 329 Бузулукского полка;

Махмутов Кялимулла, рядовой 129 Измайловского полка;

Мингазетдинов Гатаулла, рядовой 329 Бузулукского полка;

Садыков Сибгатулла, рядовой 4 Сибирского полка;

Хакимов Хаяр, рядовой 168 Нижегородского полка;

Халиуллин Забихулла, 30 лет, рядовой 230 полка;

Хайруллов Валиулла, рядовой 329 Бузулукского полка;

Яруллов Гатаулла, рядовой 24 Сибирского полка;

Серазетдинов Гата (22 г.), рядовой 18 стрелкового полка 3 армейского корпуса;

Саитгафаров Шамшетдин (28 лет);

Мухамедвалиев Шарип (28 лет)[1].

По решению Советского правительства бывшие военнопленным старой армии, как и демобилизующимся по причине окончания военных действий, был обещан целый ряд льгот по выплате пособий, получению земельных наделов и так далее. На сей счет Совнарком РСФСР издал специальное постановление за подписью В.И. Ленина. Но в условиях Гражданской войны многие пункты этого постановления остались нереализованными.

[1] (на турец. яз.) Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С. 412.-419.

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Первая мировая война стала одной из непосредственных причин революционных событий 1917 г. в России. Февральскую революцию общественность национальных окраин встретила с надеждами на решение насущных проблем.

Летом 1917 г. во многих районах страны наблюдался необычайный общественный подъем. Страна ждала скорого окончания войны, выборов в Учредительное собрание, которое должно определить новое устройство страны, наметить стратегию выхода из тяжелейшего кризиса, усугубленного мировой войной, решить один из главных вопросов крестьянской страны – о земле.

Газета «Волжский день» 16-22 июля в нескольких номерах подробно сообщала о работе губернского мусульманского съезда, обсудившего важные вопросы жизни татарского, башкирского и казахского населения края. Оно стало заметным событием в жизни Самарской губернии, в канун начала работы съезда для его участников заработали двухнедельные политические курсы. Перед слушателями выступил «известный артист» В.В. Рамазанов.

В числе наиболее активных инициаторов проведения июльского съезда были члены партии эсеров Галимзян Хуснутдинов и Абульханов. Активное участие в проведении самого съезда

[1] Архив мэрии Тольятти, ф. 357, оп. 4, д. 12, лл. 21-22.

принимали Баишев, Сулейманов, Минюшев, Батталов. Проходил он в здании Самарской биржи (ныне Городская клиническая больница № 3 на Хлебной площади).

Впервые в татарском мусульманском собрании такого уровня приняли участие 4 представительницы местных уездных женских организаций. Для изложения позиции по женскому вопросу на съезде им было предоставлено слово. Были также заслушаны представители с каждого из 6 уездов с сообщениями о положении на местах.

На съезде было образовано 3 комиссии: народного образования и духовных дел, аграрная и военная, подготовки к выборам в Учредительное собрание.

Было предложено, что с началом нового учебного года наиболее крупных населенных пунктах губернии (в первую очередь, в городах) были открыты 6-классные национальные школы, с обучением русскому языку с 4 класса (с программой обучения, принятой на недавнем казанском учительском съезде). При сохранении приходских (конфессиональных) школ с передачей им не менее 8 десятин земли. А для подготовки педагогического персонала предлагалось открыть в Самаре татарскую учительскую семинарию, 7-классную духовную школу и 4-классные – в каждом уезде. Было намечено также создать сеть народных библиотек.

В числе самых горячо обсуждаемых стал доклад аграрной комисссии (его делал Туктамышев). Съезд принял резолюцию и предложения для будущего Учредительного собрания с такими пунктами:

- земля не должна оставаться в частной собственности, а быть в руках всех трудящихся, с этой целью нужно прекратить продажу и покупку земли;

- распоряжаться землей должны земельные комитеты;

- управление лесами, реками, озерами передать в комитеты местного самоуправления;

- казенные, монастырские, удельные и частновладельческие земли передать в земельные комитеты;

- недра должны быть в руках государства.

На съезде решено было также создать губернский мусульманский комитет из 11 членов (5 – от Самары, по одному члену – от 6 уездов), национальные профсоюзы, земельные комитеты. Делегатами на Всероссийский мусульманскоий съезд были избраны четыре человека: Ахмеров, Уразаев, Шарипов и Биксентаев.

На съезде с отчетом выступили самарские делегаты Всероссийского мусульманского съезда, который прошел незадолго до этого в Казани – В. Хисматуллин и Х. Ахмадеев. По вопросу войны и мира съезд поддержал позицию большевистской и других левых партий – скорейшее завершение войны, заключение мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов.

Таким образом мусульманский съезд Самарской губернии, прошедший в июле 1917 г. при других условиях – скорейшего окончания войны и установления мира, развития демократических институтов власти, выборов в Учредительное собрание, создания новых государственных органов Российской демократической республики и т.д. – мог заложить основополагающие принципы решения

насущных проблем мусульманского населения края в переходный период и основы будущего татарско-башкирского национально-культурного самоуправления. Но события, которые развернулись в октябре того же года и впоследующем – революция в Петрограде и «триумфальное шествие» Советской власти по всей стране – создали принципиально новую общественно-политическую ситуацию, которая не позволила решить указанные выше проблемы.

Вскоре, 22 июля в Казани на объединенном заседании делегатов мусульманских съездов разных губерний России была провозглашена национально-культурная автономия нации, названная «мусульмане тюрко-татары Внутренней России и Сибири». Позднее идея национально-культурного самоопределения татарского и башкирского народа была трансформирована в планы создания «Штата Идель – Урал» в составе РСФСР.

Несколько раз – 25 августа, 10-13 октября, 29-30 октября и 1 ноября прошли заседания рукводящих органов автономии по осуществлению практических шагов по осуществению проекта. В некоторых вариантах карта нового национально-территориального образования вбирала в себя в числе прочих также уезды и волости Самарской губернии со значительным татарским населением.

В ноябре в разных округах Волго-Уральского региона были назначены духовные представители – мухтасибы, которые должны были стать проводниками идей и практических дел, политики национально-культурной автономии на местах. Мухтасибом Самарского района стал Мухамет-Фатых Муртазин.

12-13 ноября 1917 г. прошли выборы в Учредительное собрание Российской республики. О том, что при выборах полностью соблюдались демократические принципы, свидетельствует и тот факт, что в них приняли участие все мало-мальски заметные политические силы страны: не только крупные, как РСДРП, партии конституционных демократов (кадеты), эсеров или октябристов, но и Мусульманский Шуро (Совет), «Башкирские федералисты», «Организация российских граждан немецкой национальности Среднего Поволжья», «Самарский чувашский национальный съезд» и даже «Группа ревнителей православия». Всего к выборам было допущено 16 партий и объединений.

Нетрудно представить, с каким успехом на осенних выборах 1917 г. во Всероссийское Учредительное собрание выступило объединение «Мусульманский Шуро («Совет»). В татарских, башкирских и казахских селениях Самарской губернии почти все голоса были отданы «Мусульманскому Шуро», и лишь незначительное количество досталось эсерам. Совершенно логично будет предположить, что городской мусульманский избиратель голосовал примерно так же. В числе десяти кандидатов в члены Учредительного собрания от мусульманского населения Самарской губернии были полковник А.Х. Акчурин, представлявший хутор князя Чингиза Букейханова, житель села Чеганлы Бугурусланского уезда Ф.Х. Шабаев, один известный религиозный деятель – ахун Бугурусланского уезда, имам второй Соборной мечети села Старое Ермаково Старососнинской волости Хуснулла Багаутдинов и другие. Благодаря такой высокой активности

татарского и башкирского населения Самарской, Симбирской, Оренбургской, Казанской, Уфимской и других губерний Всероссийское предвыборное объединение «Мусульманский Шуро» смогло завоевать достаточное количество мест во всероссийском Учредительном собрании и создать там свою фракцию. Депутатами от Самарской губернии стали Ш.З. Мухамедьяров (1884-1967) и Ф.Ф. Туктаров (1880-1938)[1].

Но события в стране привели вскоре к установлению правления одной-единственной партии. Совершив незадолго до выборов в Учредительное собрание революцию в Петрограде, большевики в это время постепенно захватывали власть по всей территории бывшей империи. И 5 января 1918 г. они силовым методом прекратили работу Учредительного собрания.

В те же дни начали оформляться основы политики Советской власти по отношению к нерусским народам бывшей империи. Началось все 12 (25) января 1918 г. принятием 3-м Всероссийским съездом Советов Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. А спустя несколько дней, 17(30) января 1918 г., СНК РСФСР принимает Декрет об учреждении Комиссариата по делам мусульман.

Хотя после разгона Учредительного собрания дальнейший процесс формирования новых органов власти продолжился уже под явным влиянием партии большевиков, остатки народной инициативы «снизу» все еще продолжали действовать. 8 января в Казани без контроля со стороны большевиков прошел мусульманский военный съезд, в котором приняли участие и делегаты воинских частей из Самары, который горячо поддержал идею создания штата «Идель – Урал». В тот же день Казанский Совет собрал большевистски настроенных делегатов на Съезд Советов Поволжья и Приуралья – представители национальной интеллигенции и духовенства Самарской губернии в его работе тоже участвовали. Этот съезд рассматривался как альтернатива движению за национально-культурную автономию татар и башкир под эгидой Национального управления[2].

К весне 1918 г. большевикам с помощью разных способов удалось потеснить с политической арены инициаторов создания и руководителей штата «Идель – Урал», к весне движение татарской и башкирской интеллигенции в целом было взято под контроль Советской власти. Народный комиссариат РСФСР по делам национальностей (нарком И.В. Сталин) выдвинул и стал активно продвигать идею Татаро-Башкирской Советской Республики.

Несмотря на поражение, авторитетные представители татарского народа продолжали свою деятельность. Председатель Милли Идарэ – Национального Управления Садри Максуди пытался обеспечить участие возглавляемой им организации на Парижской мирной конференции по итогам Первой мировой войны, которая проходила в Париже в 1919 г. Но безрезультатно.

Идея национально-культурной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири» потерпела окончательное поражение после разгорома армии Колчака в январе 1920 г.

[1] Всероссийское Учредительное собрание. Энциклопедия. М., 2014. С. 260, 281
2 История татар. Т. VII. С. 253

А до этого, в конце 1917-1918 гг., сразу после установления Советской власти в Самаре представители татарского населения выступили с инициативами, направленными на решение насущных национальных проблем. И во многих вопросах встречали понимание большевиков. Уже в начале 1918 г. в Самаре был создан губернский комиссариат по делам мусульман. (Следует напомнить, что в первые послереволюционные годы, следуя прежней традиции, под термином «мусульмане» имелись в виду не только приверженцы исламского религиозного учения, соблюдающие обрядовые требования веры, прихожане мечетей и пр., а все татарское, башкирское, казахское население края). В комиссариате стали работать национальные кадры – люди, конечно, лояльные Советской власти. Заметную роль в нем играл член РСДРП (б), журналист, писатель и поэт, уроженец села Старое Ермаково Габделхалик Садреев (литературный псевдоним Халик Садри).

В числе первоочередных, новыми губернскими властями было принято решение о преобразовании прежних русско-татарских школ в национальные школы советского типа с ведением учебно-воспитательного процесса на родном языке.

Также активно стала идти работа по открытию советской газеты на татарском языке. Техническая возможность для этого была: в бывшей губернской типографии имелся станок с татарским шрифтом и в первое время он использовался для выпуска воззваний, объявлений, адресованных татарскому, башкирскому, казахскому населению (общетюркский алфавит на основе арабской графики был достаточно универсальным, соответствовал основным фонетическим стандартам языков тюркских народов и в силу этого был одинаково понятен всем этим народам).

8 мая 1918 г. комиссариат по делам мусульман Самарской губернии (председатель Гайнуллин, комиссар печати Габделхалик Садреев) обратился к комиссару юстиции Самары с просьбой разрешить издание татарской газеты «Кинэш» («Совет»), гарантируя при этом, что «содержание и направление которой будет строго соответствовать принципам Советской власти и интересам пролетариата»[1].

Примечательное явление произошло во время празднования Первомая 1918 г. в Самаре. Впервые в истории Самарской губернии в правительственной газете «Приволжская правда» (№ 57) были опубликованы тексты на национальных языках – татарском, латышском, эстонском и польском. Таким способом губернские коммунисты довели до трудящихся масс смысл первомайских призывов своей партии.

Но политическая организация, взявшая на себя миссию просвещения мусульманского населения, начала формироваться в Самаре задолго до этого. Далеко не сразу эта организация стала коммунистической, несколько раз она меняла свое название.

Это было обусловлено тем, что в первые советские годы среди мусульманского (татарского и башкирского) населения Средней Волги продолжали активно работать организации с «дореволюционным стажем». Наиболее видная роль после Февральских событий 1917 г. все еще принадлежала Му-

[1] ЦГАСО, ф. Р-274, оп. 1, д. 6, л. 88

сульманскому Шуро (Совету). Самыми первыми в советские органы власти Самарской губернии были избраны именно его представителя – два человека. Это случилось 17 января 1918 г., при выборах нового состава исполкома Иващенковского (ныне это город Чапаевск) Совета рабочих и солдатских депутатов[1].

После Февральской революции для защиты интересов мусульманских рабочих, слесарем-машинистом снарядных заводов Садреевым совместно с Якуповым и Бахтеевым в Самаре был организован Мусульманский комитет, который под этим названием существовал до 1-й Всероссийской Мусульманской конференции (1-11 мая 1917 г.).

После рабочей конференции, состоявшейся 12-27 апреля 1918 г. в Москве, участником этой конференции Садреевым Самарский мусульманский рабочий клуб был реорганизован и переименован в секцию партии коммунистов (большевиков). «Принимая во внимание тот факт, что среди мусульманского населения Самарской губернии отмечается политическая недоразвитость и отсутствие классового самосознания, чему особенно содействовали мусульманские «Милли шуро», РСДРП (б) приступила к ликвидации названных контрреволюционных учреждений и к созданию однородных совучреждений», – читаем мы в одном из документов.

К весне 1918 г. в местные советы стали проходить национальные кандидаты только от РКП (б). Например, в мае в состав президиума Бугульминского уездного совета были включены два представителя татарского населения, сочуствующим идеям партии большевиков, – С. Абдуллин и З. Исхаков[2].

Таким образом, весной 1918 г. наметились основные черты национальной политики партии большевиков на местах. Но всесторонне приступить к ее реализации новые власти не успели…

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

С 7 июня по 7 октября 1918 г. Самара и губерния находились в центре общероссийской трагедии, приняв на себя роль столицы белого движения. Решающую роль в установлении его правления сыграли части чехословацкого корпуса, восставшие против Советской власти. Главный бой красноармейцев с наступавшими со стороны станции Иващенково (ныне город Чапаевск) чехословацкими легионерами произошел 4 июня у станции Липяги. В составе Красной гвардии был прибывший из Уфы мусульманский полк из башкир и татар в количестве 600 бойцов.

Но регулярные войсковые части чехословацкого корпуса, имеющие опыт боевых действий, воевали лучше, чем наспех собранные и недостаточно обученные красные отряды, и участь Самары была предрешена.

[1] ЦГАСО, ф. 2700, оп. 1, д. 853, л. 10

[2] ЦГАСО, ф. 81, оп. 126, д. 126, л. 105

На севере губернии 16 июля солдаты чехословацкого корпуса заняли станцию Шентала. Газета «Волжский день» через два сообщила о том, что в «Бугульме большевики ликвидированы, город восстанавливается, восстанавливается земское самоуправление». А 5 июля чехословаками занят Оренбург.

На самом деле ситуация была довольно противоречивой – четкой линии фронта не было, в одном и том же уезде, но в разных волостях управляли органы то Советской власти, то контрреволюционной «Народной» власти, то местные комитеты самоуправления… Во многих городах и селах чехословацкие военнослужащие, в поисках продовольствия, просто бесчинствовали. Такие факты во множестве были зафиксированы в населенных пунктах, расположенных неподалеку от Волго-Бугульминской железной дороги: Кошках, Нурлате, Шентале, Клявлино, Камышле, Бугульме и других.

В июне в Самаре был сформирован Комитет членов Учредительного собрания (Комуч или КОМУЧ), взявший под контроль значительную территории Волго-Уральского бассейна.

В это время в Самару съехались 97 депутатов разогнанного большевиками Учредительного собрания. На протяжении четырех месяцев власти Комуча Самара находилась в относительном благополучии, атмосфере порядка и свободы. На фоне всеобщего хаоса и продовольственного дефицита наша губерния являлась островком экономического благополучия: возвращалась прежняя система управления через земские управы, собственность – владельцам, восстанавливалась торговля – на прилавки вернулись продукты, о которых потребители стали забывать, 31 июля на базе педагогического института открылся Самарский университет.

Комуч сначала работал в «Белом доме» – бывшей резиденции губернатора (ныне здание академии культуры на площади Чапаева), потом переехал в дом Наумова на Дворянской (в советское время – городской Дворец пионеров). Постановлениями Комитета (председатель совета В.Н. Филипповский, комитета – В. Вольский) были созданы отраслевые ведомства: военное, земельное, труда, юстиции, внутренних дел, народного просвещения, отделы: финансовый, иностранных дел и другие. Были также отделы агитационный культурно-просветительский (с конца июля), работы в частях Народной армии и среди населения.

В те месяцы многие известные деятели мусульманской общины России включились в работу Комуча. Члены Национального управления тюрко-татар летом – осенью 1918 г. возобновили работу в Уфе, Самаре, Бугульме, Челябинске, Тобольске[1].

В числе участников Уфимского государственного совещания в сентябре 1918 г. были представители башкирского правительства И.М. Султанов, казахского правительства «Алаш-Орда» А.Н. Букейханов, национального управления тюрко-татар Внутренней России и Сибири – С. Джантюрин, М.Г. Исхаков, С.Ш. Мамлеев[2].

Самара в те месяцы была одним из

[1] Юзеев А.Н. Татарская религиозно-реформаторская мысль. Казань, 2012. С. 264, 265.

[2] Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Учредительного собрания. Июнь – октябрь 1918 г. // Архив новейшей истории России. Под общей редакцией В.А. Козлова и С.В. Мироненко. М., 2011. С. 20.

самых деятельных центров противодействия Советской власти. Членами Комуча были или принимали участие в его работе многие татарские общественные деятели: Г.Х. Терегулов, Фатых Тухватуллин, М.Г. Ахмеров, Габдулахад Ризаэтдинович Фахретдинов, Габдрауф Габдуллинович Богданов, Юнус Бикбарсович Бикбов, Махмут-Фуат Фассахович Туктаров, Д. и Халил Досмухамедовы, Ильяс Алкин, Ахмадов. Они представляли не только Самарскую, но и соседние губернии, на которые тоже распространялась власть Комуча. Судя по документам Государственного архива Российской Федерации, один раз, 13 августа в заседании совета участвовал (и выступал) «член Комитета, представитель от Башкурдистана Ахметзакий Ахметшич Валидов»[1].

Через два десятилетия факты участия этих людей в работе Комитета сыграли трагическую роль в жизни многих из них. А 5 июля 1918 г. руководители ЦДУМ – Галимжан Баруди, Риза Фахретдинов, Кашшаф Таржеманов и еще несколько уфимских религиозных деятелей поставили свои подписи под воззванием к населению Приволжского края в связи «с избавлением от власти большевиков». Эта роковая ошибка послужила еще одной причиной их преследования в последующие годы, а К. Таржеманов погиб в ходе сталинских репрессий.

Но такая участь постигла не всех – некоторые члены Комуча после восстановления Советской власти в Самаре в октябре 1918 г. остались в городе и принимали участие в работе советских органов, ведающих национальными вопросами.

Комитет занимался решением вопросов самого разного рода. В частности, предметно рассматривался и обсуждался план строительства железной дороги из Сургута в Нурлат.

30 июля Комуч создал в своей структуре отдел по делам национальностей, в ближайшие задачи которого входило:

- регулирование отношений между национальностями;
- всемерное содействие созданию Народной армии путем привлечения в нее нерусской части населения;
- содействие укрепление власти Учредительного собрания в нерусской части населения;
- рассмотрение ходатайств национальностей и решение их в Комитете членов Учредительного собрания;
- собирание материалов и разработка законопроектов по национальному вопросу для представления на рассмотрение и решение в Учредительное собрание.

8 сентября Комуч принял два важных документа, посвященных национальному вопросу. Один из них назывался – Декларация «Ко всем народам, населяющим Волжско-Камский край: чувашам, черемисам, вотякам, мордве и др.», в котором комитет признавал принцип культурно-национальной автономии всех национальностей.

В Декларации говорилось: «Полагая, что формы внутреннего устройства политической жизни каждого народа будут установлены Всероссийским] Учредительным] собр]анием] в согласии с мнениями национальных учредительных собраний, К[омите]т в своей текущей деятельности руководствуется безусловным признанием принципа культурно-национальной автономии всех национальностей, как бы они ни были малочисленны и на какой бы ступени культуры ни находились, раз об этой автономии имеется ясно выраженная общенациональная воля народа. Комитет стремится к тому, чтобы обеспечить за всеми народами право беспрепятственного пользования родным языком в школах, в органах местного самоуправления и в местах судебных и административных установлениях и возможность передачи дела культуры и просвещения в ведение самих национальностей. Общегосударственная власть будет всеми мерами оберегать свободу автономных народов в религиозном, бытовом и культурном отношении. В своих заботах и культурно-национальном возрождении национальностей К[омите]т, впредь до созыва Всероссийского] Учредительного] собр[ания], приложит все усилия к справедливому удовлетворению культурных нужд каждого народа.

Царская власть угнетала народы России, советская власть, обещая все, не могла осуществить своих обещаний – как власть не общенациональная.

Дать и утвердить свободу народам России может только всенародное Учредительное собрание, к борьбе во имя которого К[омите]т и призывает все народы.

Настоящая декларация относится без исключения ко всем национальностям, живущим в Волжско-Камском районе».

Второй отдельный документ адресовался мусульманскому населению территории, на которую распространялась власть Комуча. По всей видимости, это вызывалось тем, что по вопросам, которые комитет декларировал, национально-духовные лидеры мусульманских народов успели принять немало практических шагов. Наиболее кардинальным из них является попытка создания шатат «Идель-Урал», идея которого в корне противоречила планам большевиков насчет предстоящего устройства республики. «Воззвание Комитета членов Учредительного собрания «К тюрко-татарскому населению Государства Российского» не только признавало, как в предыдущем документе, право на национально-культурную автономию. Здесь прописаны дополнительные возможности национальных организаций татар, казахов и других народов юго-востока бывшей империи для немедленного начала реализации своих культурно-национальных целей.

«Отныне тюрко-татары не только получают право пользоваться родным языком в местном управлении, самоуправлении и суде, свободно открывать всевозможные школы и строить свою религиозную жизнь, но вместе с тем могут законно создавать органы национального самоуправления, обладающие принудительной публичной властью, правом устанавливать и взимать особые национальные налоги и самостоятельно ведать дела общественного призрения, народного просвещения и культурно-экономические. Впредь до утверждения Всероссийской верховной властью положения о культурно-национальной автономии мусульман, тюрко-татар, населяющих Государство Российское, временным органом национального самоуправления признается национальное управление мусульман тюрко-татар внутренней России

[1] Там же. С. 134.

и Сибири, имеющее ныне место пребывания в г. Уфе. Признание прав культурно-национальной автономии за всеми тюрко-татарами России отнюдь не умаляет прав на территориально- политическое самоуправление областей Российского государства с преобладающим мусульманским населением, как например: Туркестан, Алаш-Орда, Башкирия.

Признавая, что положение об автономии этих областей подлежит утверждению Всероссийского Учредительного собрания, единственно правомочного решать вопросы о власти областных органов и границах самоуправляющихся областей. Комитет считает, что вопросы национально-культурной автономии могут быть разрешены ныне же, не выжидая возобновления работ Учредительного собрания.

С этой целью Комитетом образовано особое управление по национальным делам, возглавляемое в настоящее время членом Учредительного собрания мусульманином и имеющее в своем составе особый тюрко-татарский отдел.

Все это вполне гарантирует правильное осуществление всех справедливых пожеланий тюрко-татарского населения, ныне дружно ставшего на защиту идеи народовластия и Всероссийского Учредительного собрания. Однако борьба за освобождение России еще далека от своего завершения.

Много жертв, много усилий потребуется, чтобы привести ее к благополучному концу и восстановить единую, сплоченную и свободную Российскую Федеративно-демократическую республику, способную отстоять право всех населяющих ее народов, живущих многие столетия общей государственной жизнью п связанных общностью культурных, экономических и политических интересов.

И сознавая это, Комитет выражает уверенность, что мусульмане тюрко-татары, объединенные отныне единым органом национального самоуправления, проявят свойственную им энергию, мужество в борьбе за возрождение России и докажут, что они достойны лучшего будущего»[1].

Самарский Комитет членов Учредительного собрания не ограничивался декларациями, начав практическую работу по решению национального вопроса. В числе его реальных шагов следует назвать издание газеты на татарском языке «Халык» («Народ»). Несколько номеров, которые успели летом и осенью 1918 г. увидеть свет, хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации в Москве

Комуч своим решением от 6 сентября отменил часть статей декрета Советской власти «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» и допустил преподавние Закона Божьего в школе по желанию родителей (в случаях с детьми до 16 лет) и старшеклассников, которые должны сами принимать решение об этом.

[1] Цитата по: «Журналы заседаний…». С. 405-406.

ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

…После 7 октября, когда Самара была освобождена от Комуча, в Самарской губернии стала возобновлятьс я работа органов Советской власти, в том числе и ведающих национальными вопросами. Последние незамедлительно приступили к делу

14 октября состоялось заседание комиссии по созыву Самарской губернской конференции мусульман. А уже 27 октября прошла I конференция коммунистов мусульман губернского центра. Участвовало 29 человек. Президиум съезда: В. Мурсалимов (председатель), товарищи (заместители) Г. Садреев, и С. Шангареев, секретарь Х. Муратов.

В одной из резолюций съезда говорится о постановлении конференции: «Призываем всех мусульман рабочих и трудовых крестьян на беспощадную борьбу с генералами и помещиками, ибо только победа откроет доступ в светлое царство социализма. В деле строительства новой трудовой жизни всемерно использовать татарскую интеллигенцию»[1]. В числе многих было принято постановление об организации лекторских и партийных курсов для татарских и башкирскоих активистов.

Так возникла Самарская губернская мусульманская организация РКП (б). Вскоре губернский ревком принял постановление о создании отдела по делам национальностей.

16 октября при Мелекесском уездном комитете РКП (б) был воссоздан отдел по мусульманским делам, сюда для работы среди татарского населения из Самары были направлены партийные активисты Измайлов, Камалов, Муллинов[2].

Вскоре, 20 ноября был окончательно сформирован комитет Самарской губернской мусульманской организации РКП (б), в который вошли сотрудники прежних организаций Х. Бахтеев, Г. Садреев, Ф. Измайлова, В. Мурсалимов, И. Якупов, А. Муллинов, Х. Нурский, кандидатами – Г. Камалов, и Ш. Хайбуллин[3].

В дальнейшем процесс формирования структуры по управлению делами мусульман продолжился на уездном уровне. 26 ноября собрание с участием посланцев из Самары А. Муллинова и Г. Камалова состоялось в Мелекессе, завершившееся приемом в большевистскую партию 8 новых членов и 29 «сочувствующих». Участники собрания создали мусульманскую организацию Мелекесского уезда.

На следующий день, 27 ноября такое же заседание прошло в Бугуруслане (в присутствии губернского представителя Г. Садреева), итогом которого стало решение об открытии при уездном ревкоме отдела по мусульманским делам, членами его коллегии стали Мирза Давыдов (старший брат Энвера Давыдова, впоследствии известного татарского поэта и журналиста).

Новая власть уделяла серьезное внимание работе с национальными

[1] СОГАСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 25, л. 2

[2] Ахметов А.А. История заселения Симбирско-Ульяновского Заволжья (XVII – XX вв. Ульяновск, 2002. С. 97).

[3] СОГАСПИ. Ф. 1, оп. 1, д. 25, л. 4

меньшинствами. 3-6 декабря в Самаре проходила губернская конференция РКП (б), обсудившая все основные вопросы жизни Самарского края. В их числе вопросы дальнейшего вовлечениея нерусских народов в социалистическое строительство. На конференции были заслушаны доклады национальных секций городского комитета партии. От татарской делегации выступил К.М. Тухватуллин (Тухватуллин Камиль Мутыгуллович (1893-1941) – известный татарский общественный деятель, драматург, артист, литературный псевдоним Камиль Мутыгый, соратник Габдуллы Тукая, оказавший в уральский период их жизни большое влияние на становление юного поэта. Известен еще тем, что в 1913 г. записал «стихи из Алкорана» на граммофонную пластинку[1].

После революции оказался в Самаре, в марте 1918 г. – редактор татарской советской газеты «Киңәш» («Совет»). После захвата Самары войсками чехословацкого корпуса сотрудничал с издавашейся при правительстве Комитета членов Учредительного собрания газетой «Безнең фикер» («Наша мысль»), за что позже неоднократно обвинялся в сотрудничестве с белогвардейцами и преследовался. После восстановления Советской власти в Самаре- сотрудник газеты «Яңа көч» («Новая сила»).

…Весной 1919 г. армия Колчака предприняла генеральное наступление на Восточном фронте Карсной Армии, главной целью кампании были взятие городов Самара и Вятка (нынешний Киров), с последующей переправой через Волгу и продвижение к Москве. Успешное в начале наступление белых привело к занятию ими в апреле северо-восточной территории Самарской губернии по линии Шентала, Сергиевск, Малый Толкай. Но затем стратегическая инициатива перешла к Красной Армии (которая потом не упускала ее до полного разгрома Колчака в январе 1920 г.), и театр военных действий стал неуклонно перемещаться на восток.

Начиная с этого времени на Средней Волге установилось относительное затишье.

Но не окончательный мир. В условиях продолжающейся политики «военного коммунизма» и «продразвертски», а также вследствие других последствий войны в разных уголках нашего края возникали народные восстания.

Первым крупным организованным выступлением против власти большевиков стало «Чапанное восстание» весны 1919 г. с центром в Ставрополе. Власти были напуганы его размахом и на подавление восставших бросили регулярные части Красной Армии.

Руководитель восстания Алексей Долинин спасся благодаря своим друзьям-татарам. Сначала он с их помощью ушел из города в Выселки, прятался там до конца апреля. А потом, надев халат и тюбетейку, «превратился» в татарина и благополучно добрался до берега Волги. Отсюда на весельной лодке перебрался на другой берег и стал недосягаемым для чекистов. Поразительно, что вожак такого заметного антисоветского движения остался жив. Вскоре он оказался на Южном фронте, под другой фамилией вовевал за красных, дослужился до начальника штаба кавалерийской бригады. В 1920 г. по Постановлению ВЦИК РСФСР Долинин был амнистирован, вернулся в родные края, благополучно пережил репрессии 30-х гг., работал агрономом и умер своей смертью в 1951 г.

Через год таким же значительным народным выступлением против Советской власти стало так называемое «Повстанческое движение февраля – марта 1920 г. в пределах Самарской, Уфимской и Казанской губерний».

Оно продолжалось около месяца с 12 февраля по 17 марта 1920 г. Движение зародилось среди мусульманского, татаро-башкирского населения Мензелинского и Чистопольского уездов, потом оно охватило соседние территории. Главной задачей повстанцев было пробиться г. Стерлитамаку и низвергнуть расположенную там Башкирскую Советскую Республику. Как считали руководители советских организаций Самарской губернии, «среди невежественных и фанатичных элементов татаро-башкирского населения первым поводом к восстанию стали раздуваемые кулаками и муллами национально-религиозные предрассудки. Они начали сеять вражду и смуту и на почве общегосударственной разрухи, в частности, продовольственной политики (недостаток продовольствия и продразверстка) и разных повинностей (как подводная, снегоочистка и пр.»[1].

Инициаторами волнений использовались и «белогвардейские воззвания». В одном из них говорилось: «Русские люди очнитесь, наконец, от большевистского ослепления… Большевики, захватывая власть, обещали вам, мир, хлеб и волю, а что дали? Вместо мира – братоубийственную войну, в которой погибло больше людей, чем за все четыре года войны…», и так далее. В результате в Бугульминском уезде Самарской, Чистопольском – Казанской и Белебеевском – Уфимской губерний к волнениям примкнули несколько тысяч человек. Поскольку основным оружием у восставших были обыкновенные вилы, это движение получило название «Сәнәк сугышы» – «Вилочное восстание».

Движение приняло также явно религиозную окраску, многие выступления проходили под лозунгом «борьбы с безбожниками-коммунистами». Отряды крестьян разоружали продотряды, арестовывали коммунистов и сельский актив. Несколько десятков партийных и советских работников, милиционеров и красноармейцев были убиты. Всего в разгар восстания в него было вовлечено около 50 тысяч крестьян.

К середине февраля восстанием были охвачены западная и юго-западная окраина Бугульминского уезда, в том числе Клявлинская, Мордово-Афонькинская, Четырлинская и Абдикеевская волости. «17 февраля в 13 километрах от станции Клявлино был обнаружен штаб повстанцев, их численность достигала до тысячи человек, имеющих в большинстве ружья и пулеметы, вообще было очевидно умелое командование военспецов» – сообщали в Самару местные советские работники[2].

Губернские исполнительные комитеты и специально созданный военный революционный штаб предприняли для усмирения восставших меры различного характера. Была разверну-

[1] Габдрафикова Л.Р. Татарские граммафонные записи начала XX века. «Гасырлар авазы – Эхо веков», № 3/4, 2013 г., стр. 44

[1] ЦГАСО, ф. 81, оп. 3, д. 1, лл. 4-5

[2] там же, л. 14

та широкая агитационная работа среди мусульман и нерусского населения вообще в главном районе восстания – Бугульминском уезде. Этой работой руководил «особоуполномоченный губернского мусульманского комитета тов. Садреев».

В другой группе мер предусматривалось направление вооруженных отрядов для подавления восстания (для подкрепления была даже снята одна из частей Туркестанского фронта), они были вооружены всем необходимым, вплоть до бомбометов (предшественник миномета) и артиллерийских орудий. Личный состав этих сил достигал 7 тысяч бойцов.

К концу марта 1920 г. «Вилочное восстание» было подавлено. Власти, стремясь избежать усугубления ситуации, ограничились сравнительно мягкими приговорами зачинщикам и наиболее активным участникам. Только в селе Новая Елань Чистопольского уезда, в котором зимой были убиты чекисты и милиционеры, восемь крестьян были приговорены к расстрелу.

Уже 16 декабря 1919 г. Самгубмусорганизация (так она значится в документах) «ввиду того, что преобладает татаро-башкирское население», переименовала себя в Губернское бюро татаро-башкирских секций».

На тот период в самарской городской организации было около 50 действительных членов партии и 30 сочувствующих. Председателем был Г. Садреев, секретарем – Сафин. Исполком состоял из 7 членов: Садреев, Бахтеев, Якупов, Муллинов, Арсланов, Мурсалимов, Нурский, И. Шакиров, Измайлова. Татарские коммунисты занимались не только политической и культурно-просветительской работой, но и активно защищали Советскую власть. Так, по решению мусульманской секции РКП (б) 26 декабря 10 процентов членов организации во главе с Садреевым были направлены для пополнения рядов Красной Армии.

Особой страницей татарской культурной жизни Самары стала работа Татарской драматической студии при политотделе Приволжского военного округа. Этот маленький эпизод оказал большое влияние на дальнейшее развитие татарского театра советского периода.

Татарский профессиональный театр сделал свои первые шаги до революции и достиг некоторых успехов, став неотъемлемой частью национальной культурной жизни. Однако в первые годы Советской власти ощущалась острая нехватка артистов и режиссеров, даже в таких центрах татарской общественной и культурной жизни, как Казань, Уфа, Петербург.

В это время, в условиях гражданской войны, многие вопросы культурной жизни решались на уровне фронтовых творческих коллективов и политических органов Красной Армии. 20 декабря 1919 г. Революционный военный совет РСФСР издал приказ о создании самодеятельных красноармейских театров и студий. Именно поэтому в военной газете «Кызыл Армия» 6 июня 1920 г. появилось следующее объявление: «Вниманию любителей татарской драмы и музыки! По решению мусульманской секции политотдела Заволжского военного округа в Самаре с 15 июня открываются 4 и 6-месячные студии татарской драмы и музыки». Далее говорилось, что для работы в самарской студии приглашены педагоги и театральные деятели из Москвы, Казани, Саратова, Астрахани, приводился перечень учебных предметов[1].

Местом работы студии было определено здание на углу Советской и Петроградской (ныне дом № 28 по ул. Ленинградской), в котором располагались татаро-башкирские советские организации – мусульманское бюро губкома РКП (б), секция губернского отдела народного образования, рабочий клуб с драматическим кружком и др.

На основании приказа Реввоенсовета (РВС) республики от 19 декабря 1919 г. мусульманская секция политуправления Приволжского окружного военного комиссариата в контакте в Центральной мусульманской коллегией пригласила для работы в студии режиссера, художественного руководителя Передвижной драматической труппы № 13 К. Тинчурина, артистов З. Султанова и З. Ахмерову. Султанов также исполнял административную должность заведующего студией, через некоторое время его заменил И. Рамиев.

Кроме того, К. Тинчурин читал лекции по истории татарского театра и искусства, вел теоретические и практические занятия по режиссуре.

Друг и соратник Г. Кариева К. Тинчурин стремился передать своим ученикам реалистические традиции его режиссерской и актерской школы. Значение татарской драматической студии при политуправлении Приволжского военного округа заключается еще в том, что именно здесь был заложен фундамент реалистического искусства многих деятелей татарской сцены, здесь начали формироваться их эстетические взгляды.

В студии под понятием «воспитание» подразумевали не только обучение технологии актерского и режиссерского ремесел, но и развитие общей культуры и высоких гражданских чувств у учащихся. Наряду со специальными предметами, такими как «Творчество и работа актера и режиссера», «Практика актерского искусства», «Дикция и декламация», «Постановка дыхания и голоса» и т.д., большое внимание уделялось общественным наукам. Среди них были «История общественного движения», «Понятие социализма и коммунизма», «Конституция Советской власти». Все эти предметы, естественно, расширяли общественные интересы студентов, их политический кругозор, необходимый для будущей режиссерской и актерской деятельности.

Своего рода экзаменом на политическую зрелость студийцев стало следующее событие. В разгар учебы в окрестностях Самары появились банды Сапожникова. В эти же дни началось брожение в частях, охраняющих город. Студийцы в течение трех дней вместе с учащимися политических курсов охраняли город от нападения бандитов. Такие случаи были неединичные. Хотя они и отрывали студийцев от занятий, это не проходило бесследно, подобные события закаляли, воспитывали учащихся в духе высокой гражданственности и готовности в любой момент сменить бутафорские винтовки на настоящие.

Изучая историю театра, механизм его воздействия на народные массы, студийцы усваивали, что театр является школой жизни. Осознание великой воспитательной роли искусства театра – вот один из важнейших уроков, воспринятых учащимися в студии. К. Тинчурин в своих теоретических и практических занятиях стремился до-

[1] Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919-1920 г. М., 1964. С. 58, 69)

нести до своих учеников, что истинной целью театра является правдивое изображение действительности в ее главных, существенных чертах; что подлинному театру чужды бездумная развлекательность, показная пышность.

В декабре 1920 г. из полусотни выпускников студии была организована «Первая пролеткомовская труппа имени Габдуллы Кариева» (по-другому ее называли «Труппа памяти Г. Кариева»). Выбор названия не случаен. Труппа признавалась ее создателями, К. Тинчуриным и И. Рамиевым, непосредственной преемницей дореволюционного театра «Сайяр» и продолжателем реалистических традиций школы одного из основоположников татарского современного драматического театра Г. Кариева. Интерес представляют организационные и творческие принципы труппы, разработанные самими актерами труппы под руководством К. Тинчурина. Руководство полностью осуществлялось партийными ячейками в лице мусульманского бюро Самарского губкома РКП (б). Все актеры и режиссеры несли одинаковую нагрузку и получали одинаковую зарплату. Не было разделения актеров на «ведущих» и «второстепенных». Актер, исполняющий сегодня заглавную роль, завтра должен был участвовать в массовых, народных сценах».

Таким образом был объявлен бой «премьерству», и на первый план выдвинуто требование ансамблевости спектакля. Новоиспеченные актеры во главе со своим режиссером К. Тинчуриным стремились создать спектакль такой убедительности и правды, в котором наряду с относительными камерно-психологическими эпизодами с участием двух-трех актеров в полный голос звучали народные сцены[1].

Работая в воинских частях, артисты студии показывали татарским и башкирским красноармейцам классические спектакли и свои дипломные работы: «Первые шаги» (Шамиля Усманова), «Последний привет» (Карима Тинчурина) и другие. Артисты студии на улице Петроградской также заметно оживили культурную жизнь губернии, горячо пропагандируя среди татарского и башкирского населения края новый советский образ жизни. Из этой студии на большую сцену татарского театра соетского периода вышли многие известные артисты – Хусаин Уразиков, Тажи Гиззат, Мифтах Абсалямов, Асхат Мазитов и другие.

Опыт, накопленный Каримом Тинчуриным в самарский период, в жизни и деятельности в дальнейшем ему очень пригодился при создании филиала Татарского академического театра (ныне Татарский государственный театр драмы и комедии имени К. Тинчурина)

В начале 1921 г. труппу направили в Оренбург в распоряжение Политуправления войск Киргизского края. После отъезда Тинчурина в Оренбург самарская студия не прекратила существование и силами местных артистов – учащихся студии Тинчурина из числа местной молодежи проработала еще несколько лет.

В 1920 г. произошло важное для татар всей Советской России событие – создание Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, в которую вошли уезды

[1] Арсланов М.Г. Татарская драматическая студия. Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014 г. № 3/4. С. 266-269

и волости бывшей Казанской и соседних губерний, населенные преимущественно татарами. В том числе из Самарской губернии в новую республику были переданы 26 волостей Бугульминского уезда.

На заседании Самарского губисполкома 14 августа 1920 г. волости, находившихся на юге уезда, в том числе Абдикеевскую, Четырлинскую, Шенталинскую и другие решено включить в состав Бугурусланского уезда[1].

Тогда же в нашей губернии существенно – примерно в два раза – сократилось количество татарского населения.

…Из источников мы видим, что уже во время гражданской войны и особенно после нее была начата реализация советской национальной политики, начатая еще до июньских событий 1918 г. Тогда же начала на практике создаваться советская система национального образования. Основным законодательным актом этого процесса стало Постановление Наркомпроса РСФСР от 31 октября1918 г. «О школах национальных меньшинств». Оно гласило:

«1) Все национальности, населяющие Российскую Федеративную Социалистическую Советскую Республику, пользуются правом организации обучения на своем родном языке обеих ступеней Единой Трудовой Школы и в Высшей Школе.

2) Школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы. Количественная норма устанавливается в размере не менее 25-ти учащихся для одной и той же возрастной группы.

3) С целью культурного сближения и развития классовой солидарности трудящихся различных национальностей, в школах национальных меньшинств вводится обязательное изучение языка большинства населения данной области.

4) Школы национальных меньшинств являются школами государственными, и на них распространяется во всей полноте « Положение об Единой Трудовой Школе».

5) Все управление школами национальных меньшинств сосредоточивается в Народном Комиссариате Просвещения, Областных или Губернских Отделах Народного Образования.

Примечание 1. Для заведывания школами национальных меньшинств при Народном Комиссариате Просвещения создается особый Отдел, Коллегия которого должна состоять из равного количества представителей Народных Комиссариатов Просвещения и по Делам Национальностей, при чем последние утверждаются Народным Комиссариатом Просвещения.

Примечание 2. Для заведывания школами национальных меньшинств на местах Областные и Губернские Отделы Народного Образования организуют секции на тех же основаниях, как и в центре.

Заместитель Народного Комиссара Просвещения М.Н. Покровский».

Как известно, до 1917 г. школы и народные училища нашей губернии находились в ведении Казанского учебного округа, который охватывал обширную территорию – от Вятской до Астраханской губерний. После установления Советской власти в этой части страны переход на новую структуру управления образовательным процессом проходил

[1] Красная летопись. Материалы к истории советского строительства в Самарской губернии (9 октябрь 1917 г. – апрель 1921 г.) Самара, 1921. С. 69.

постепенно. До февраля 1918 г. округ функционировал по старой схеме, но уже начали возникать органы управления народным образованием отдельных национальностей. В январе 1918 г. в структкре Совета народных комиссаров РСФСР возник мусульманский комиссариат, который возглавляли сначала М. Вахитов, потом М. Султан-Галиев. Комиссаром по просвещению мусульман стал Ш. Ахмадеев. 5 июня 1918 г. СНК РСФСР принял декрет, по которому все учебные, общеобразовательные и профессиональные учебные заведения передавались в ведение Народного комиссариата просвещения.

При создании новой системы образования национальные работники старались отстаивать интересы своих народов. В августе 1918 г. мусульманский комиссариат, видя угрозу потери всего положительного опыта работы национальных школ в предыдущий дореволюционный период, подготовил доклад для Наркомпроса с обоснованием недопустимости применения декрета Советской власти об отделении школы от церкви в татарских и башкирских конфессиональных школах. Но коллегия Наркомата нашла это ходатайство неприемлемым, так как осознавала опасность распространения требований применимтельно к другим национальностям и, таким образом, вероятность сведения на нет самого декрета[1].

С этого времени татарская национальная школа стала исключительно светской. В 1918 г. оба бывших русско-татарских училища Самары, например, вошли в ведение губернского отдела народного образования и перешли на татарский язык обучения.

Через несколько лет в губернии, как и в других местах компактного проживания татарского (равно как и другого нерусского населения), была создана целая система национального образования. Она включала в себя разветвленную сеть школ первой и второй ступени (соответственно с 4 и 7-классным курсами обучения), техническую базу для выпуска учебной и методической литературы, учебные заведения по подготовке национальных педкадров, систему внешкольного дополнительного образования и т.д. Вплоть условий для продолжения их выпускниками национальными кадрами – дальнейшего образования. Во многих вузах Самары, а также Татарской и Башкирской АССР, Москвы и Ленинграда существовали квоты для поступления национальных кадров. Несмотря на тяжелые голодные годы, в 1921 г., в Самаре был открыт татаро-башкирский педагогический техникум. Одним из первых его руководителей был Хади Каримов[2]. В 1923-1925 гг. на этой должности трудился Г.В. Ашмасов, урожненец деревни Абдреево Старопольского уезда, до революции религиозный деятель, после 1917 г. – комиссар просвещения Самарского мусульманского комитета, заведующий секцией в политотделе Приволжского военного округа, сотрудник советского консульства в Турции, председатель Книжной палаты Татарской АССР, впоследствии репрессированный и погибший в тюрьме[3].

[1] НА РТ, ф. 667, оп. 1, д. 8, л. 8об

[2] Нуртдинов М.Ш. Система национального образования: в поисках утерянного // Газета «Азан». 1997 – № 2.

[3] Татарская энциклопедия. Т. 1. Казань, 2002. С. 257.

Техникум функционировал здесь до 1929 г., после чего был переведен в Кузнецк, а потом, несколько лет проработав в Ульяновске, в 1942 г., уже в качестве татарского педагогического училища, был размещен в районном центре Камышла.

Как мы уже отмечали, многие учителя дореволюционных русско-татарских училищ и приходских конфессиональных школ после установления Советской власти продолжили здесь педагогическую деятельность. Вскоре коллектив татаро-башкирского педтехникума и национальных школ стал представлять собой заметный слой самарской интеллигенции. В течение 20-30-х гг. в татарских школах Самары работали (в школе № 110 – бывшее 4-е татарское женское училище) Якупова Хадича (заведующая), Абульханова Сара (общеобразовательные предметы), Губанова Мария (русский язык), Минюшева Адия (история, родной язык), Шамгунова Раушания, Батталова Факия, Сагидова Рабига, Тимбиков Закир (общеобразовательные предметы), Маннафова Мария (гимнастика), Салимджафарова Фазыля (русский язык), Салимджафаров Галим (математика, география), Абульманов Юсуф (пение), Поликарпова А. (рукоделие), Юнусов Ахмет (история). В других школах уроки вели Ахмет Рафиков Касым Забиров (директора школы – в разное время – № 27 на ул. Галактионовской, 102), Маргубя Бахтеева, Зухра Яббарова, Халиса Сабитова, Васимя Халикова, Евгения Рождественская, Александр Краснов, Минзадэ Мухаметшина, Искандар Саидгареевич Кудашев, Тагира Шарафутдинова, Нугман Садреев, Хабибрахман Мухаррямович Еникеев, Хусаин Хуснутдинович Ремеев, Ummульхаер Музакировна Хусаинова, Салах Шарафутдинович Габитов, Ракиб Равильевич Хусаинов, Нургали Шабаев, Дунаев (директор школы I ступени на ул. Чапаевской, 87), Фатых Хабибуллин, Галеев, Хамидуллин, Булатова, Галимов (имена последних из этого списка нам пока неизвестны)[1].

В городах и селах губернии повсеместно (сначала на базе и с преподавателями бывших религиозных школ) создавались национальные школы, ведущие образовательную деятельность на родном языке. Татарская школа села Теплый Стан Мелекесского уезда не прекращала работу даже во времена голода. В начале 1922 г. в ней трудились четыре человека – заведующий Г. Губайдуллин, школьные работники (термин первых лет Советской власти, сокращенно: шкрабы) З. Нуруллин, К. Юсупов, Г. Губайдуллина[2].

Начинала налаживаться подготовка кадров уже в советских учебных заведениях. В их числе полезную роль играли педагогические курсы и совпартшколы.

Выпускники национальных школ (в первую очередь, городских) целевым набором направлялись в ведущие вузы разного профиля, а после их окончания обязаны были возвращаться на работу в свои города.

Главное внимание уделялось местам компактного проживания, выражаясь терминологией той поры, нацмен, северных уездах Самарской губернии.

Но не оставались в стороне и города. Татарские школы, кроме Самары, были открыты в Ставрополе, Бугуруслане, Мелекессе. В губернском центре

[1] ЦГАСО, ф. 353, оп. 1, д. 727, л.л. 4, 6-7

[2] ЦГАСО, ф. 21, оп. 1, д. 123, л. 94

нам известны следующие здания, где в 20-30-е гг. размещались татарские школы разного типа:

- на улице Чапаевской, 87 (на углу с Ленинградской, теперь здесь находится Институт гигиены и экологии человека медицинского университета);

– Ульяновская, 29 (в нем долгие годы располагался Куйбышевский областной институт усовершенствования учителей, недавно это здание было снесено);

– Галактионовская, 102, бывшее Архиерейское подворье, возвращенное ныне Самарской епархии РПЦ, сейчас здесь идет реконструкция;

– Куйбышева, 22, теперь жилой дом (тоже существует).

Еще два здания, в которых до войны работали татарские национальные школы – бывшей Соборной мечети третьего прихода на Оренбургской и в районе нынешних улиц Галактионовской и Чкалова, – не сохранились.

Несмотря на очевидный антирелигиозный характер и другие издержки политики Советской власти в сфере национального образования, она уже в предвоенный период позволила создать в СССР значительный слой национальной интеллигенции в самых разных сферах науки, техники, культуры, искусства, которая в свою очередь понесла свет знаний в широкие народные массы.

Система татарского образования в Самаре – Куйбышеве действовала до середины 30-х гг. Последней закрылась начальная школа № 26 на улице Куйбышева (директором ее был Богатов), в 1936/37 учебном году в ней училось 56 человек.

В рамках большой работы по просвещению народа и повышению его культурного уровня были открыты библиотеки для национальных меньшинств. В самарской мусульманской библиотеке имени Вахитова (так она называется в архивных документах) в ноябре 1919 г. работали Якупова Ханифа (заведующая), библиотекари – Бахтеева Маргубя, Халиса Сабитова и Мухаметшина Минзада. В ведомости на получение зарплаты значатся также мальчик-курьер Закиров Саидмухаммед и «сторожиха» Минсылу Юсупова[1].

…Возвращаясь к теме подготовки национальных кадров в Самарской губернии, в качестве иллюстрации необходимо отметить, что если до Октябрьской революции профессионально-техническое образование нерусские народы могли получить в 17 учебных заведениях, то спустя всего 3 г. после революции – уже в 38.

Любопытна в этом отношении таблица под названием «Дело просвещения национальных меньшинств». Из нее наглядно видно, что именно татаро-башкирское население было самым активным в деле самопросвещения. К 1921 г. у татаро-башкир *(часто применяемый в документах тех лет термин – прим. авт.)* действовало более всего разнообразных школ и культурно-просветительских учреждений для детей и взрослых – 163, мордовское население имело 105 школ и культпросветучреждений, у чувашей было 95, украинцы имели 24, поляки – 15, евреи –11, латыши и эстонцы – 3, литовцы – 2 учреждения.

Вопросы применения различных методов подхода к работе с разными нациями в деле проведения декретов Советской власти на местах

[1] ЦГАСО, ф. 353, оп. 1-859, лл. 196, 214

вызвали необходимость организации Губернского отдела по делам национальностей. В него входили отделы – общий, инструкторско-организационный, экономическо-правовой, информационный, литературно-издательский. Подотделы получили названия: татаро-башкирский, украинский, мордовский, чувашский, еврейский, немецкий и смешанный.

Губернским отделом по делам национальностей был созван ряд партийных конференций каждой национальности в отдельности. Мордовская и татаро-башкирская конференции дали довольно благоприятные результаты. С особенным успехом прошла татаро-башкирская конференция, которая должным образом оценила национальную политику Советской власти и признала, что «только Советская власть может правильно разрешить национальный вопрос и может раскрепостить многомиллионные, веками угнетаемые народы Востока».

В 1920-е гг. издавались «Известия Самарского губернского комитета РКП (б) », которые время от времени публиковали информационные отчеты о работе среди национальных меньшинств. О татарах и башкирах «Известия…» писали в одном из номеров:

«В конце 1921 г. деятельность всех секций нацмена, в связи с постигшим нашу губернию голодом, совершенно замерла. Работа многих секций, как польской, немецкой и др. совершенно прекратилась. Остались секции: 1) татаро-башкирская, 2) мордовская, 3) чувашская и 4) еврейская, которые с очень ограниченными силами вели борьбу с голодом среди национальных меньшинств, на этой же почве велась среди нацменов агитация и пропаганда.

Были выпущены листовки на мордовском, чувашском и еврейском языках, объясняющие причины голода и меры борьбы с ними. Призывали широкие массы нацменьшинств к самодеятельности и взаимопомощи…

В день праздника 1-го мая устраивались в трех районах города митинги, в помещении мусульманского рабочего клуба был устроен грандиозный митинг, с участием всех коммунистов татаро-башкир, участвовало около 200 человек, днем был устроен детский праздник и детский спектакль курсантами педагогического техникума.

В деревнях устроено шестьдесят три митинга, распространено литературы разного характера, на татарском языке две тысячи триста пятьдесят штук, разных воззваний, листовок на тему о посевной кампании шесть тысяч шт. распространено газет центральных и местных двенадцать тысяч экземпляров…

По постановлению 1-й Всероссийской конференции татаро-башкир о сборе материалов для Истпарта и с санкции Губкома была организована комиссия для сбора материалов, которые посланы в Наркомнац…

В Самарском центральном рабочем клубе имени Вахитова при Губбюро за отчетный период устроены митинги шесть раз для рабочих, красноармейцев и населения: спектаклей и концертов, устроенных силами коллектива восточной труппы при Губотнаробе девять, из них три бесплатно и три с благотворительной целью; прочитано лекций два раза на тему о восстановлении хозяйства и кооперации. При клубе имеется библиотека: имеются всегда всевозможные брошюры, газеты. Число посетивших библиотеку за отчетный период красноармей-

цев 350 чел., рабочих 700 чел., обывателей 1125 чел. В настоящее время культурно-просветительная работа выражается в экскурсиях и товарищеских собеседованиях…

Нет возможности организовать планомерной работы среди женщин мусульманок. В международный день работницы было созвано общее собрание женщин: участвовало около 60 человек, после собрания был устроен концерт в честь праздника; вечер прошел оживленно, выступали докладчики с призывом к мусульманкам.

Работа среди молодежи Губбюро татаро-башкир оживляется, есть надежда в дальнейшем на плодотворную работу среди молодого поколения татаро-башкир. В газете «Аул» имеется страничка молодежи.

Издаваемая газета под названием «Аул» («Деревня»), орган Губкомпомголода и Губбюро татаро-башкир, материальную сторону которой в полном смысле обеспечивает комиссия помощи голодающим, а моральная сторона возложена на бюро татаро-башкир; газета издается два раза в неделю; тираж 2.000 экз.; распространяется бесплатно; статьи большинство пишутся касающиеся крестьянства и деревенской жизни о восстановлении сельского хозяйства и кооперации».

Работа по просвещению татаро-башкирского населения шла очень уверенно и активно. Самарский губком партии регулярно рассматривал вопросы развития нерусских национальностей и принимал решения об «организации изб-читален, где будут читаться газеты и литература на родном языке, а также и общие газеты», предписывал «усилить клубную работу», «провести кампании по выписке и поддержке газет секции нацмен».

Кроме печатных изданий, планировалось издавать рукописную стенгазету «Сонгы хэбэрлэр» («Последние известия»), с периодичностью 3 раза в неделю.

Через несколько лет, после преодоления голода, в работе с национальными меньшинствами наметились новые контуры работы – с окончательной переориентацией на удовлетворение только культурных потребностей. В этом отношении знаковое событие произошло от 20 мая 1923 г. В протоколе заседания Татбашбюро сказано:

«Слушали: О переименовании клуба.

…Название «Мусульманский Коммунистический рабочий клуб» не соответствует своему назначению, ибо мусульманский не может быть коммунистическим.

Постановили: Переименовать в «Центральный татарский рабочий клуб».

Заслуживает отдельного освещения антирелигиозная работа, которая велась, конечно, в духе того времени…».

Таким образом, 20-е гг. прошлого века, несмотря на экономические трудности, а также поразивший Самарскую губернию голод и его последствия, ознаменованы большой работой по просвещению национальных меньшинств.

Например, на 1924-25 учебный год татаро-башкирские учебные заведения Самары и губернии получили 10323 экземпляра учебников и другой литературы на родном языке, что почти в два раза больше, чем получили таких же книг мордовские, чувашские и еврейские школы вместе взятые.

Издательская деятельность татаро-башкирской секции Самарского губкома партии выражалась, кроме упомянутого выше «Аул» («Деревня»), в наличии еще нескольких газет на татарском языке: «Кзыл Донья» («Красный мир»), «Яна кеч» («Новая сила»), «Янги аул» («Новая деревня»), «Сабанче» («Пахарь»). Не считая еще получаемых центральных газет и журналов на татарском языке.

Однако все местные национальные газеты выходили сравнительно небольшими тиражами: максимально 7500 экземпляров. И это при местном татаро-башкирском населении тех лет в несколько сот тысяч человек.

Примерно началом 1927 г. можно датировать циркуляр агитационно-пропагандистского отдела ЦК партии всем татарским и башкирским секциям «О вербовке постоянных подписчиков на татарские периодические издания»:

«Малый тираж газеты показывает, что местные работники не прилагают достаточных усилий к распространению газеты, а иногда даже сами не интересуются ими… Для татар и башкир со сравнительно большим количеством населения иметь дефицитные газеты, находящиеся всегда под угрозой закрытия, является крупным недостатком в нашей работе… В целях распространения газет путем привлечения достаточного количества подписчиков… добиться вербовки… не менее 20%» от общего количества татарского и башкирского населения городов и рабочих районов».

С 1928 г., в связи с созданием Средневолжской области (через год переименованной в край) в татарской и вообще национальной периодической печати возникла совершенно новая ситуация. Сначала было принято решение об издании татарской газеты «Урта Идель» («Средняя Волга»), которая с 1929 г. стала именоваться «Колхозче». Вскоре начали выпускаться газеты «Колхозник»: чувашском языке, «Прапор до коммунизму» – на украинском, журналы «Сятко» – на мордовском-эрзя и «Комбайн» – на татарском языке. Благодаря целенаправленной работе партийных, советских, комсомольских организаций и местного актива эти издания приобрели большую популярность, имели достаточно большие тиражи и сыграли огромную роль в просвещении масс и проведении культурной революции в СССР.

…В самом начале указанного периода Самарский край и все Поволжье постигла страшная беда – голод.

В истории и народной памяти это событие связывается с 1921 г. Но одной из причин бедствия стал неурожайный предыдущий 1920 г., а его последствия ощущались еще в течение нескольких лет после него.

Осенью 1920 г. в центральной печати появились предостережения относительно неурожая и голода в следующем году. Еще острее ощущали надвигающуюся беду власти на местах. 17 сентября в «Докладе председателя Самарского губисполкома о положении в губернии в Наркомвнудел и ЦК РКП (б) » говорилось: «Основным вопросом, который дает тон настроению в деревне и города и кладет особый отпечаток на работу губисполкома и всех органов Советской власти, является вопрос продовольственный…

Сев озимых задерживается продолжающейся засухой, много площадей придется пересевать, так как многие зерна выбиты и съедены червяком.

Обсеменение идет неблагоприятно из-за отсутствия дождей.

По разверстке Наркомпрода на Самарскую губернию наложено 16 миллионов пудов хлеба. Если вспомнить, что в прошлом году при хорошем урожае было реализовано только 15 миллионов, картина будущей зимы нам ясна уже теперь[1].

Весной 1921 г., когда крестьяне и все, кто имел отношение к сельскому хозяйству и экономике, обратили внимание на необычайную жару в апреле – мае и отсутствие привычных в это время года весенних дождей. Начинали оправдываться прогнозы специалистов Самарского губернского статистического бюро, которые еще в 1920 г. предположили, что сбор урожая по всем культурам в 1921 г. будет намного ниже среднего.

И реальность не заставила себя долго ждать. Наблюдения метеорологических станций губернии показывали, что температуры воздуха и поверхности почвы, показатели испарения влаги в апреле – июне превышали средние показатели за 17 лет на 25-100 процентов (в разных уголках края).

Засуха весны-лета 1921 г. стала одной из причин голода 1921-1922 гг. Но не единственной. Причины носили глубокий, системный характер, на котором сказалось, прежде всего, воздействие Первой мировой и Гражданской войн, способствовавших утверждению модели мобилизационной экономики.

Особенно она была губительна для сельского хозяйства, в которой основной формой заготовки хлеба для государственных нужд стала продовольственная разверстка. Во многих случаях и продразверстка, изначально ориентированная на оставление в крестьянских хозяйствах семенного зеран и прожиточного минимума, превращалось в изымание хлебных запасов практически подчистую.

На основании постановления Самгубисполкома от 22 января 1921 г. о создании семенного фонда ввиду неблагоприятного урожая 1920 г. 9 марта был издан приказ уездного исполкома: «Ввиду неоднократных случаев в Клявлинском районе сопротивления и противодействия населения вывозу хлеба государственных запасов, Бугурусланский уездный исполнительный комитет объявляет Клявлинский район в составе Четырлинской, Абдикеевской, Шенталинской… Кряжлинской, Байтугановской, Старо-Соснинской… волостей на военном положении с 24 часов 2 марта со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во исполнение сего

- уполномоченным по проведению военного положения назначается Клявлинский продовольственный комиссар Артемьев, который и является командующим всеми вооруженными силами данной местности;

- воспрещаются всякого рода собрания и сходы граждан без разрешения президиума уездисполкома;

- всякого рода по улицам сел и деревень с 12 часов нового времени до семи утра допускаются по пропускам волисполкомов;

- все лица, коим по занимаемой должности не предусмотрено иметь оружие, должны безоговорочно сдать его в военные комитеты волостных исполкомов;

- все лица, не исполняющие этого приказа, будут привлекаться к ответственности по законам местности, объявленной на военном положении».

8 марта приказ ревкома Клявлинского продовольственного района: «Ввиду упорного сопротивления… и катастрофического положения республики в смысле снабжения хлебом ПРИКАЗЫВАЮ всем членам ревкома, волисполкомов, сельсоветов, комячейкам, продработникам направить максимум энергии к вывозке хлеба из общественных амбаров к ссыппунктам.

С 8 марта в район выезжают члены ревкома для принятия решительных мер к вывозке хлеба – в Добринскую, Сходневскую, Абдикеевскую волости – т. Артемьев, в Старо-Соснинскую, Байтугановскую – т. Михайлов. Все продотряды, находящиеся в этих волостях, подчиняются только указанным товарищам. Комотряды должны зарегистрироваться в уездном ревкоме с указанием какое вооружение, сколько патронов и кто командир. Всем начальникам вооруженных отрядов привести отряды в боевую готовность, установить в местах нахождения военные патрули»[1].

Еще более боевым оказался приказ Клявлинского райревкома от 20 марта:

«Все враги Советской власти, эсеры, попы и кулаки, учтя в продовольственном отношении тяжелый момент переживания нашей республикой, толкнули малосознательные крестьянские массы на преступление, в результате чего имели место разграбления хлеба, находящегося в общественных амбарах, полученного

в порядке продразверстки, а также некоторые общества поддались контрреволюционной агитации скопища и чинили препятствия к вывозу хлеба государственным нарядам, за что тяжело поплатились»[2]. Для вывоза хлеба в установленном порядке в районе было установлено военное положение, в результате чего в селе Борискине был организован революционный трибунал…

Архивные документы – беспристрастные свидетельства происходивших в то время трагических событий.

В январе 1921 г. Бугурусланский уездный исполком разослал волостным исполкомам инструкцию по организации новой системы взимания налогов. Разделив хозяйства на бедняцкие/середняцкие и зажиточные и «принимая во внимание общее экономическое их состояние», постановил взимать налоги с учетом этого фактора. Дифференцированный подход учитывал возможности каждого хозяйства. Например, бедняки освобождались совсем, середняки – одинарная ставка с десятины, зажиточные – по двойной ставке против середняков.

Предусматривались и другие в рамках НЭПа меры, которые должны были оживить аграрную отрасль и привести к увеличению производства в крестьняких хозяйствах хлеба и других продуктов сельхозпроизводства. Но они все были отодвинуты разразившимся вскоре голодом.

Хотя X съезд РКП (б) в марте 1921 г. принял решение о переходе от продразверстки (изымания всех излишков) к продналогу, экономическое и продовольственное положение деревни к этому времени было уже ос-

[1] ЦГАСО, ф. 81, оп. 3с, д. 1, лл.11-12

[1] Бугурусланский филиал Государственного архива Оренбургской области – БФ ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 6, лл. 24-25

[2] Там же, лл. 74

новательно подорвано. В этой связи трудно не согласиться с В.И. Лениным, который выступая на X съезде, назвал главной причиной переживаемых Россией трудностей, в том числе и голод, беспрерывную семилетнюю войну.

Поэтому за сравнительно короткий период 1916-1920 гг. средние размеры посевных площадей, приходящиеся на одно хозяйство, сократилось в 1,3 раза. Засев хлеба в 1921 г. составлял всего половину уровня 1914 г. Валовый сбор 1921 г.дал всего 4000000 пудов. То есть в среднем около 3 пудов на десятину или менее 2 пудов на душу населения. Во время революции и гражданской войны погибло много племенного скота. Кормовые суточные нормы на одну голову скота (крупного рогатого и мелкого рогатого) сократились в 2-3 раза. Вместе с хозяйственной разрухой в годы войн шел процесс экономического обособления промышленности и сельского хозяйства, свертывание товарных связей между ними. Разрушились рыночные механизмы хозяйствования, сокращались имевшиеся запасы (страховой фонд) продуктов, сокращалось сельскохозяйственное производство, вследствие политики «военного коммунизма» продразверстки исчезал интерес крестьян к производству товарного хлеба, уравнительное распределение земли и инвентаря нивелировало производительные силы сельского хозяйства. Разоренное мировой и гражданской войной крестьянство не могло самостоятельно выстоять в борьбе с голодом[1].

Все это и показали трагические события 1921-1922 гг. На примере Бугурусланского уезда видно: и здесь понимание, что надвигается голод, возникло еще в начале года. Уже 22 января уездный исполком издал приказ, в котором говорилось, что «вследствие неблагоприятного урожая 1920 г. необходимо создать полный семенной фонд для засева яровых полей. Размол зерна на потребление с 1 февраля и впредь до создания семенного фонда по всему уезду устанавливается не более 25 фунтов на едока в месяц с последующим уменьшением этой нормы по усмотрению волостных советов, в зависимости от наличия на местах хлебных запасов у крестьянства».

3 марта уездный комитет партии констатирует, что из всех селений начали поступать многочисленные списки голодающих. Хотя при просмотре оказалось, что в списки без особого затруднения включались все граждане, заявившие о своей нужде в продовольствии, вплоть до граждан, имеющих довольственные пайки наравне с рабочими, тревожное ожидание будущего чувствовались во всем. «Уездный исполком и продовольственное совещание объявляют, что никакого иного фонда для удовлетворения голодающих, кроме выделения 2-фунтового гарнцевого хлеба *(собранного в качестве натуроплаты за помол хлеба на мельницах и крупорушках – прим. авт.)* на человека, в уезде не имеется и что данный фонд является единственным, расходование которого нужно протянуть до нового урожая 1921 г. Необходимо понять и твердо уяснить себе, что неэкономное расходование этого фонда, выдача его не особенно нуждающимся, лишит возможности в будущем удовлетворять и действительно голодающих».

Все острее чувствуя наступающий голод, власти пошли на невиданные за все годы Советской власти послабления: 25 марта специальным приказом Самарский губисполком постановил:

«- разрешить (без всяких разрешений волостных посевных комитетов и районных продовольственных комитетов) крестьянству свободный ввоз и вывоз семенного материала впредь до окончания засева полей;

- снять заградительные отряды по всей губернии, в селах и городах, в том числе в Самаре;

- открыть все ветряные мельницы, обязав все продорганы и волисполкомы организовать учет помола;

- немедленно распределить среди населения все товары, находящиеся в лавках;

- выдать всем крестьянскому населению дополнительно по одному фунту соли на едока;

- освободить от ответственности тех крестьян, которые со дня опубликования сего постановления до 1 мая откроют скрытых запасы хлеба;

- предоставить крестьянам право обмена испорченного зерна, извлеченного из ям, на семенной материал из государственных запасов.

Все ранее изданные по этому поводу обязательные постановления считать аннулированными.

Настоящее постановление немедленно провести в жизнь и широко ознакомить с ним крестьянские массы».

Потом 4 апреля уездный исполком разослал по волостям еще один документ чрезвычайного характера – «Инструкцию о порядке распределения семян нуждающемуся населению Самарской губернии». Она означала продолжение линии на послабление и создание максимальных условий крестьянам для посева яровых культур: выдача семян с условием возврата с нового урожая, причем отпуск для посевной кампании 1921 г. предусматривался даже с государственного фонда[1].

К лету все стало ясно и приказ уездного исполкома от 2 августа констатирует: «Самарскую губернию и наш уезд постигло ужасное из бедствий – недород хлеба. Перед нами стоит угроза незасева озимых, а в дальнейшем голода и незасева будущей весной яровых».

19 августа Бугурусланский уездный исполком составил список наименее пострадавших волостей (их оказалось 48 из 53), в которых «по определению уездной комиссии по урожайности учету выпавших осадков продналог безболезненно может быть взять в следующих размерах». И здесь приводятся плановые цифры, составленные в соответствии с условиями крайне неурожайного года. Задания значительно снижены по сравнению с предыдущим годом. Далее 15 сентября аналогичный документ снизил задания по продовольственному налогу по картофелю.

…Голод 1921-1922 гг. охватил в Поволжье, по официальным данным ЦСУ РСФСР, 37 миллионов человек. Здесь фактически голодало 80 процентов населения. Особенно страдала Самарская губерния, в которой число голодающих достигло 93 процентов от всего населения, или 2430000 человек[2]. «Крестьяне в значительном большинстве уже с ранней весны питаются суррогатами. Весной они питались желудями в лесной части губернии и травами. В данный момент желуди уже редкая роскошь. Цена на рынке желудевой

[1] Голод в Средневолжском крае в 20-30-е годы XX века. Самара, 2014. С. 15-16

[1] БФ ГАОО, ф. 4, оп. 1, д. 19, л.34

[2] Голод…, стр. 20

муки 120 000 руб./пуд. Крестьянство беспощадно уничтожает скот, утилизируя в пищу даже кожу животных. Съедены суслики, зафиксированы случаи употребления кошек и собак, молодые щенки – лакомое блюдо.

Засуха спалила травы во многих местах. Население перешло к употреблению корней, особых сортов глины и неизвестного камня, по-видимому, торфяного происхождения. Вот несколько наименований суррогатного питания: мякина, таволжаный цвет, конский щавель, сердцевина подсолнуха, березовые шишки, липовый цвет, самородник, корень лесного конопляника (60 000 руб./пуд), желудёвая мука (редкость, 120 000 руб./пуд), глина с окисью железа, ил (14 000 руб./пуд). Губздравом образован особый институт суррогатного питания. Потребление суррогатов вызывает массовые желудочные заболевания и голодные смерти» – говорилось в докладе председателя Самарского губисполкома и губернского комитета помощи голодающим 1 августа 1921 г.[1]

По данным на первое сентября 1921 г. в Абдикеевской волостиголодало 4614 из 4638 детей, в Байтугановской 6641 из 6954, в Старососнинской волости – 4955 из 5674 детей.[2] Всего по Самарской губернии количество голодающих детей составляло 1071228 человек (данные на 1 декабря 1921 г.)

Сотни и тысячи детей, в первую очередь, потерявшие родитеолей, определялиясь в детские дома. Одним из крупнейших таких заведений был Бугурусланский мусульманский детский дом № 3. В списке служащих состояли заведующий Бадигов Гадый, а также Юсупова Хадича, Наильская Гульсум, Гарифуллина Фасиха, Хайруллина Гайниса, Каримова Мунаваря, Идиятуллин Гафиятулла, Бакирова и другие. Две фамилии указаны в документе неразборчиво[3].

Всего по всему уезду открылось 22 детских дома, не только в Бугуруслане, но в населенных пнктах Аманак, Сергиевск, Абдуллину, Рысайкино, Сок-Кармала, но больше всего в уездном центре. Детские дома были открыты во многих крупных селах губернии, в том числе в Теплом Стане Мелекесского уезда, где на государственном дововльствии находилось 50 детей. Заведующий детским домом З. Нуруллин, воспитатели З.К Зяббаров, М. Биктимирова, здесь же трудились пять человек технического персонала[4]. Специальный, национальный татаро-башкирский детский дом во время и после голода работал в Самаре, он находился на улице Самарской, 184.

Положение с продовольственным снабжением населения и необходимостью обеспечения полной сохранности прибывших для распределения продуктов было до того тяжелым, что уездные власти были вынуждены пойти на такую чрезвычайную меру, как введение с 30 октября в городе Бугуруслане и уезде военного положения. Оно, в частности, предусматривало запрещение всякого движения по улицам города с 11 вечера до 6 утра, кроме лиц со специальными разрешениями. Было также решено, что «на станции по прибытии поездов во время, запрещенное для хождения по городу, из поездов пассажиров не выпускать».

[1] ЦГАСО, ф. Р-130, оп. 1, д. 21, л. 2

[2] БФ ГАОО, ф. 101, оп. 1, д. 20, лл. 29, 31, 34

[3] БФ ГАОО, ф. 314, оп. 2, д. 3, л. 62

[4] ЦГАСО, ф.21, оп. 1, д. 121, л. 109

…Голод – тяжелейшее испытание для человеческого организма и его психики. Обезумевшие от голода люди, потеряв человеческий облик, доходили до последнего – поедания себе подобных. Случаи людоедства отмечались в разных населенных пунктах губернии. В марте 1922 г. уполномоченный отдела общепитания при Аманакской многолавке писал в докладе:

«От приходящих голодных крестьян было много заявлений о том, что вследствие того, что они уже съели все имеющиеся у них суррогаты и скот, более не имеют никаких средств на прокормление. Они вынуждены будут резать своих детей себе в пищу, что и имело место в деревне Ново-Мансуркино: Сосновской волости – Фахретдинов Габиулла в конце февраля с.г. поел все, что у него имелось, что только можно было себе употреблять в пищу и, не найдя себе более никакой пищи, зарезал двух своих детей, одного-двух месяцев, другого – 13 лет, которых и съел целиком. Впоследствии это было узнано и сельсоветом произведен у гражданина Фахретдинова обыск, при котором были найдены кости и черепы от съеденных детей. Установив факт действительного людоедства, сельсовет отправил Фахретдинова в милицию вместе с вещественным доказательством»[1] .

Такие же случаи были отмечены в селах Кирилловка, Мусорка Ставропольского, Теплый Стан Мелекесского уезда, Кандабулак Самарского уезда и во многих других.

В работу по организации помощи голодающим Поволжья включилась, без преувеличения, вся страна. Широкая кампания шла за рубежом, в ней активно участвовали наши соотечественники, оказавшиеся после революции за границей: Максим Горький, Николай Рерих, Сергей Рахманинов, Гаяз Исхаки, Ахмедзаки Валиди и другие. В разных уголках мира – от Америки до Австралии – шел сбор продовольствия, денежных средств на их приобретение и доставку в районы бедствия.

В спасение голодающих Поволжья значителен был вклад иностранных организаций, в первую очередь, американской организации АРА (American Relief Administration), созданной по инициативе президента США Г. Гувера. Размеры помощи из США были впечатляющими: например, на 1 августа 1922 г. в Кошкинском районе Мелекесского уезда (общее количество жителей 150282 человека) только детских столовых, открытых на американские средства, действовало 73, в которых регулярно питались 59770 детей до 15 лет, сухие пайки постоянно получали 81612 человек старше этого возраста. Иначе говоря, благодаря американским властям, почти все нуждающееся население района обеспечивалось теми или иными видами продуктов. Всего на продовольственном попечении американской миссии к 1 июня 1922 г. через 1232 столовые и 180 детских домов находилось 1225628 жителей Самарской губернии[2].

Иностранные центры помощи располагались в Самаре. Штаб-квартира Американской администрации помощи на углу Садовой и Почтовой (ныне

[1] ЦГАСО, ф. Р-130, оп. 1, д. 44а, л. 89

[2] СОГАСПИ, ф. 274, оп. 1, д. 11, л. 257

угол улиц Рабочей и Садовой, 153). Шведская экспедиция Красного Креста находилась на улице Предтеченской (Некрасовская), 65.

Доброй памятью в истории нашей страны осталась миссия норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена, благодаря бескорыстному труду которого сотни тысяч жителей голодающих губерний остались в живых. Активно участвовали в организации и оказании непосредственной помощи Поволжью также отделения Международного Красного Креста Швеции, Чехословакии, Франции, Италии и других стран.

В губернии Поволжья и Приуралья поставлялись не только мука, крупы, сахар, рыба, консервированные фрукты, овощи, диковинные яичный порошок, соевые бобы и какао. Сюда шли также и предметы первой необходимости: белье, обувь, посуда, одеяла и, конечно, лекарства и медицинское оборудование.

Центрами распределения продовольственной помощи для северной зоны Самарской губернии были станции Мелекесс, Погрузная и Бугуруслан. Именно сюда по железной дороге свозились продукты, которые шли из-за границы, а также из Украины, Сибири, Урала, Кавказа и других частей Советской России и потом уже растекались по волостям и селениям. Была составлена детальная система распределения прибывающего продовольствия, которое строго контролировались как советскими органами, так представителями иностранных миссий.

К началу зимы 1921 г. питательные пункты были организованы в большинстве населенных пунктов. Вот список заведующих, поваров, счетоводов, уборщиков и чернорабочих питательных пунктов и приписанных к ним селений по Бугурусланскому уезду:

- село Алькино Стюхинской волости, заведующий Салих Ахмедов, счетовод Г. Муратов, кухарка Гилем Алтынбаева, уборщик Шамси Алтынбаев, чернорабочий Ислам Алтынбаев, в работу были вовлечены также председатель сельсовета Набиулла Валиуллин, секретарь Маннанов, председатель комитета взаимопомощи Шайдуллин и заведующий лавкой Мухитдинов;

– Русский Байтуган Байтугановской волости: заведующий Персиянцев Семен Ефремович;

– Татарский Байтуган – Шайдулла Асадуллин (50 лет), счетовод Варвара Ремизова (30), кухарка Масрура Гаятинова (43), рабочий Насибулла Шайдулла (15), уборщица Заугаря Шайдуллина (16), председатель сельсовета Зиннятов;

- Чувашский Байтуган – заведующий Сафрон Кузьмин;

– Балыкла – Шамшутдинов Садыр;

– Старое Усманово – Шайхетдин Фатхуллин;

– Новое Усманово – Ибрагимов Сахабутдин, председатель совета Хасаншин, председатель комитета взаимопомощи Садретдинов[1].

Но, несмотря на принятые меры, ситуация с продовольсвенным снабжением во многих местах оставалась тяжелой – продуктов не хватало, нормы их отпуска не обеспечивали необходимого минимума, во многие села помощь запаздывала. Поэтому сотни и тысячи людей от систематического недоедания доходили до крайней степени истощения и постепенно умирали.

Например, в Старососнинской волости в январе умерло 192, феврале – 171 человек. Всего в период за январь – май 1922 г. в Бугурусланском уезде от голода умерло 24 254 человека, от болезней, вызванных различными эпидемиями, как следствием недоедания, – 2616. В июне случаев голодной смерти уже не было[1].

Многие жители голодающих районов смогли выехать за пределы губернии. Кто с помощью государства, кто самостоятельно. Тогда была отмечена одна из крупнейших миграций населения советского времени – из Поволжья во все концы страны. Именно тогда многие наши соотечественники оказались вдали от малой родины – Средней Азии, Москве, на Кавказе… Причем, следуя традиции, в одном и том же городе или республике поселялось множество родственников и односельчан. Например, выехавшие в 1921-1922 гг. жители деревни Мулловка Мелекесского уезда обосновались в Баку, Теплого Стана – в Петрограде, Кубань-Озеро и Ново-Урайкино – в Узбекистане и городе Грозный. Потом, после ликвидации голода, большая часть вернулась обратно. Но немало было и тех, кто остался на постоянное жительство на новом месте.

В работу по помощи голодающим были включены и религиозные организации.

Кроме известной кампании по изъятию церковных ценностей, Советское государство осенью 1921 г. привлекло Русскую Православную церковь для участия в мероприятиях по сбору продовольствия и медикаментов для голодающих.

В январе 1922 г. вышло Постановление о порядке деятельности Центрального Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири по оказанию помощи голодающим. ЦДУМ могло (строго с разрешением надлежащих органов власти, прежде всего с ЦК помощи голодающим – Помгол) обращаться внутри страны и вне ее с воззваниями о помощи голодающим, организовывать сборы продовольствия и финансовых средств на их закупку, участвовать в распределении продуктов и так далее. Поскольку Духовное управление находилось далеко от столицы, в одном из эпицентров бедствия – столице Башкирской АССР – Уфе, решено было создать в Москве особую комиссию уполномоченных в составе трех человек. Все расходы Духовного управления мусульман, связанные с этой деятельностью, предусматривалось покрывать за счет собранных пожертвований[2].

Трагические события 1921-1922 гг. в Поволжье принесли значительные демографические потери – от голода и болезней, вызванных им, погибло не менее одного миллиона человек. Сотни тысяч выехали из района бедствия и обратно не возвращались. И после того, как оставшееся в живых население Поволжья и Приуралья было накормлено, а самые тяжелые последствия голода ликвидированы, его отголоски чувствовались еще в течение нескольких лет. 15 мая 1923 г. ВЦИК принял специальное постановление о так называемых «голод-возвратниках», в котором предусматривались меры по восстановлению их прав на имущество, работу и так далее.

Порой возвращение беженцев домой растягивалось на многие годы. Например, через много лет – в 1928 г., губернская газета «Коммуна» в номере

[1] БФ ГАОО, ф. 94, оп. 1, д. 113, лл.51-51об

[1] Там же, ф. 101, оп. 1, д. 55, лл. 41, 43

[2] Голод…, стр. 69

6 мая писала о двух девочках, которые в начале 1922 г. были вывезены из Бугурусланского уезда на Волынь (Украинская ССР) и теперь ищут своих родственников, чтобы вернуться. Обеих звали Зямзямия, одна называла свою фамилию – Ягудина, а другая не помнила ее по причине малолетства. И такие объявления в газетах встречались нередко. Но часто такие дети «возвратники» не могли найти родственников – или они умерли от голода, или же, уехав тогда из родных краев, больше сюда не возвращались и их следы затерялись на просторах огромной страны.

…Голод оказал большое влияние на все стороны жизни Самарской губернии и всего Поволжья в целом, в том числе и на работу государственных органов. Например, из-за чрезвычайных условий был значительно сокращен аппарат Самарского губернского отдела по делам национальностей, уездные отделы вообще прекратили функционирование. Закрылись губернская совпартшкола, национальный рабочий клуб на углу улиц Петроградской и Советской.

Возвращаясь к теме государственно-религиозных и государственно-национальных отношений, необходимо подчеркнуть, что в середине 20-х гг. продолжалась политика первых послереволюционных лет.

«Известия Самарского губкома РКП (б) » писали в 1922 г., что «империя царя и республика Керенского была каторгой для угнетенных национальностей, республика Советов первая в мире раскрепостила их и положила начало освобождению колониальных народов мира от ига капитала!

Многочисленные народы, ныне равные среди равных в общей семье народов СССР, были веками угнетаемы русскими помещиками и капиталистами. Эти ранее угнетенные народы в результате политики их поработителей, русских помещиков и капиталистов, сильно отставали в своем хозяйственном и культурном развитии.

Перед пролетарской революцией с первых же дней ее победы встала задача не только политического освобождения ранее угнетенных народов, но и длительной помощи им в деле развития их экономики (хозяйства) и культуры. Без такой помощи было бы невозможно успешное строительство социализма. Вот почему в нашей стране пролетарской диктатуры национальный вопрос с первых же дней Октябрьской революции занял в политике нашей партии и Советского государства очень видное место».

Правда, стратегическая задача Советского государства в национальном выпросе не отвечала коренным интересам нерусских народов страны. Суть этой задачи на одном из съездов высказал И.В. Сталин: «Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, создать условия для слиягия их в общую культуру, с одним общим языком»[1].

Тем не менее в первые годы Советской власти государством, при всей противоречивости происходивших в стране процессов, было сделано очень много для просвещения татарского и других мусульманских народов, их приобщения к достижениям науки и культуры. Собственно, тогда и были заложены основы создания широкого слоя национальной интеллигенции, которой впоследствии предстояло стать проводником идей культурного просвещения своих народов и инструментом их претворения

[1] Журнал «Революция и письменность». 1933. № 1. С. 49.

в жизнь.

Как же развивался процесс «политического освобождения ранее угнетенных народов» и в чем выражалась «длительная помощь им в деле развития экономики и культуры» – посмотрим на примере многонациональной Самарской губернии.

В 1921 г. в Самаре были опубликованы материалы к истории Советского строительства в губернии за период с октября 1917 г. по апрель 1921 г. под названием «Красная Летопись» с указанием конкретных цифр численности нерусских народов:

«Если считать население Самарской губернии в 3.000.000 душ обоего пола, – говорится здесь, – то количество народностей нерусского языка в губернии достигает почти 50 % этой цифры (татаро-башкир около 500 тыс., чуваш – ок. 300 тыс., мордвы – ок. 400 тыс., украинцев – ок. 400 тыс., латышей, поляков, евреев и др. вместе ок. 50 тыс.). Следует, однако, признать, что при той ужасающей разрухе, в которой сознательно держит Советскую Россию капиталистический мир иностранной буржуазии, нужны были героические усилия идейных борцов за духовное раскрепощение народа, нужна была неустанная самоотверженная агитационно-пропагандистская работа в массах, чтобы достичь тех результатов в области народного образования, какие теперь, несомненно, имеются. Едва ли кто посмеет отрицать тот огромный культурный сдвиг, который наблюдается в среде трудового рабочего люда и в городе и в деревне; интерес к науке, жажда знания, сближенного с задачами и вопросами повседневной жизни, буквально пропитывает все поры народного организма, и недаром реакционный Запад так боится мирного строительства трудовой Советской России на основах новой социалистической культуры».

20-е гг. характеризовались в целом терпимым отношением Советской власти к религиозным институтам. 3 января 1925 г. было опубликовано постановление Наркомпроса РСФСР «О преподавании вероучения в мусульманских школах», на основании которого наступило некоторое оживление религиозной жизни. После III съезда ЦДУМ в октябре 1926 г. группа авторитетных мусульманских деятелей продолжала работу по приспособлению работы исламских организаций в новых условиях укрепления Советской власти. Идейным вдохновителем этой группы был Зыя Камали (впоследствии репрессирован и, по официальной версии, умер в 1942 г. в одной из тюрем г. Куйбышева). Вообще этот период – очень короткий по времени – можно характеризовать как возрождение мусульманской общественной и религиозной жизни[1].

Именно тогда в Самаре была начата подготовительная работа по реконструкции мечети на улице Казанской, при которой предусматривалась также и установка минарета. Известный татарский общественный деятель Муса Бигиев стал добиваться в органах просвещения РСФСР и Самарской губернии открытия при ней медресе. В то же время в некоторых селах края – Елховый Куст и Старое Фейзуллово Мелекесского уезда и других были построены новые мечети.

Однако в стране параллельно шли совсем противоположные процессы. Государство постепенно разворачивало маховик антирелигиозной ра-

[1] Юзеев А.Н. Татарская религиозно-реформаторская мысль. Казань, 2012. С. 265.

боты. В 1925 г. открылось Самарское отделение Союза воинствующих безбожников, организован губернский антирелигиозный музей, просуществовавший (дольше всего в здании краеведческого музея в бывшем католическом костеле) до 1944 г. Именно тогда, с созданием двух государственных органов со схожими функциями – аппарата уполномоченного СНК СССР по делам Русской Православной церкви и аппарата по делам религий (неправославных), был законодательно оформлен поворот государственной политики в отношении религиозных организаций[1].

В это время начали закрываться религиозные школы, организованные мусульманским духовенством. Вместо них создавались советские школы с преподаванием на родном языке. В наступательном направлении проводились мероприятия среди молодежи, «комсомольские» Гайд-Фитыр, таравих, читались доклады об истории поста в месяц Рамазан. Есть данные об организации в 1925 г. при губернском обществе безбожников татаро-башкирской секции «Алласызлар», в которую входили Байгильдеев, Гиззатуллин, Юсупов, Рафиков, Габин.

Как известно, в 1921 г. Советское государство объявило о прекращении политики продразверстки и введении новой экономической политики (НЭП). Она привела к оживлению экономической жизни в стране, в первую очередь, развитию кустарных производств и ремесел, а также сферы услуг, торговли продовольственными и промышленными товарам как в городе, так и в деревне.

Энергичные предприимчивые люди снова получили хорошие возможности приложения своих сил, умении и знаний. Среди них было значительное количество татар. В эти годы быстрыми темпами стали возрождаться различные формы крестьянской, промышленной и торговой кооперации (подробнее об этом – в разделе «Вклад татар в экономическое развитие края»).

Значительную роль в торговой сфере Самары в период НЭПа играло товарищество «Нур», в котором основной капитал принадлежал татарским коммерсантам с дореволюционным опытом, это – Маннафовы, Дебердеевы и Узбековы. Товарищество занимало фактически все торговые площади бывшего пассажа по продаже мануфактуры В.П. Чернова (с 1935 г. универмаг «Юность»). Татарские «нэпманы» выполняли также важные социальные задачи в жизни города и губернии: оказывали помощь голодающим, беспризорным детям, самарским мечетям на улицах Казанской и Оренбургской и так далее.

В товариществе «Нур» работал и Закир Исхаков, внуки которого сейчас известные в Самаре врачи Гузель Наильевна и Нияз Наильевна.

Организационным центром агитационной и культмассовой работы среди нерусского населения Самары и губернии стал так называемый клуб национальных меньшинств при губкоме ВКП (б) и его секции. Учреждение за десять с небольшим лет существования успел поработать в нескольких местах: на ул. Ленинградской, 28 (бывшем рабочем клубе), в одном из зданий на углу ул. Фрунзе и Ленинградской и на Некрасовской, 56.

[1] Самарский областной краеведческий музей имени П.В. Алабина. История и современность. Самара, 2011. С.164

Актив клуба составляли, разумеется, национальные кадры. Татарскую секцию в одно время возглавлял Хайрулла Давыдов, участник Первой мировой войны и революционных событий 1917-1918 гг. в Самаре. В 1928 г. клубом национальных меньшинств руководил Иван Охин, его заместителем работал Зиннат Гайнуллин[1].

Среди национальных меньшинств активно внедрялась новая советская культурно-обрядовая практика. В 1927 г. в большинстве татарских и башкирских сел организованно прошли национальные праздники Сабантуй. 21 мая бугурусланская уездная крестьянская газета «Пахарь» за подписью активиста народного образования Зайни Сафи пишет о предстоящих татаро-башкирских праздниках Сабантуй – 27, 28 и 29 числа. «Весь сбор от праздника пойдет на строительство самолета «Урак-чукеч» («Серп и молот») имени тов. Сталина» – пишет селькор.

Именно с этого времени этот праздник начал проводиться не перед выходом земледельцев в поле, как прежде, а после окончания весенне-полевых работ и стал сопровождаться чествованием передовиков сельхозпроизводства, победителей трудового соревнования.

В том году в губернском центре в первый (и последний) раз в советское время власти организовали Сабантуй. Он проходил на спортплощадке на углу улиц Советской (теперь Куйбышева) и Красноармейской, где ныне находится Дом промышленности. Как вспоминали старожилы, особый успех на Сабантуе и других культурных мероприятиях имел инструментальный квартет под руководством Закира Уразгильдеева (две гармони, скорипка и мандолина).

…Для систематизации работы с национальными меньшинствами и повышения ее эффективности Советское государстов пошло на создания особых административных единице.

В середине 20-х гг. ВЦИК СССР выпустил несколько постановлений по вопросу создания национальных районов и сельсоветов в разных регионах страны. В 1926 г. этот процесс дошел и до Самарской губернии. Эта мера как нельзя лучше отвечала требованиям момента, поскольку наша губерния в национальном отношении являлась очень пестрой. Вот о чем, например, говорят сведения Бугурусланского уездного исполкома от 23 апреля 1926 г. о количестве жителей в «нацменсельсоветах», в том числе татар:

– Тат. Байтуганский – 1132;
– Новоусмановский – 1859;
– Староусмановский – 1096;
– Балыклинский 2242;
– Староермаковский – 2986;
– Новоермаковский – 1205;
– Давлеткуловский – 375;
– Камышлинский – 3302;
– Алькинский – 2067;
– Рысайкинский –15;
– Новомочалеевский – 255;
– Денискинский – 2169;
– Тат. Абдикеевский – 953;
– Карабикуловский – 477;
– Новомансуркинский – 2056 татар и 133 мордвы;
– Мазгутский *(сейчас этого села не существует, оно находилось на территории нынешнего Похвистневского района – прим. авт.)* – 343;
– Мочалеевский – 2206[2].

[1] ЦГАСО. Ф. 353, оп. 1, д. 2360, л. 14об

[2] ЦГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 833, лл. 58-66

По Самарскому уезду была такая ситуация:

– Татарские Выселки – 2989;

– Мулловка – 855;

– Новое Урайкино – 514;

– Кубань-Озеро – 913;

– Лесная Кубань – 97;

– Татарский Красноярской волости – 372;

– Муратчинский Кинельской волости – 183[1]. Данными по Мелекесскому уезду мы не располагаем.

Тогда же губисполком определил критерии, на основе которых и выделялись особые национальные территории:

- чтобы объединяемой национальности в волости было не менее 70 процентов всего населения;

- согласие населения на подобное выделение;

- чтобы общее население образуемой волости было не менее 5-7 тысяч человек;

- чтобы имелась экономическая возможность существования этой волости[2].

В ходе подготовительных работ выяснилось, что в Бугурусланском уезде русских – 54,5 %, мордвы – 20, 7, чувашей – 10, 7, татар – 9,4. После изучения ситуации губернским исполкомом были обюразованы следующие отдельные нацменовские волости: Султангуловская (88,9 % татар, 10199 из всего населения –11482), Байтугановская (татар 56,22 %, 12992 из всего населения 23 100), а также Микушкинская, Кротковская (чувашские), Аверкинская, Баклановская, Коровинская, Полудневская (мордовские). В Мелекесском уезде предусматривалось создание Тюгальбугинской татарской волости, Большеконстантиновской – немецкой[3].

В Самарском уезде из 373410 человек общего населения малороссов (украинцев), чувашей, мордвы и татар (6179) насчитывалось всего 60375 (16,23 %). Поэтому власти пришли к решению национальных волостей здесь не создавать, но 70 % национальных меньшинств было объединено в национальных сельсоветах. В них, в отличие от особых условий существования национальных волостей, ограничились усилением сельхозперсонала специалистами, знающими родной язык. В качестве примера приводится направление в Нижнесанчелеевскую волость помощника агронома – татарина, которому предстояло работать с крестьянами Татарских Выселок и прилегающих поселков.

То же самое было в Пугачевском уезде, где нацмен-население составляло небольшой процент, оно проживало в основном в 11 татаро-башкирских сельсоветах.

Как должна быть организована жизнь в национальных сельсоветах? На сей счет имелись четкие указания из Центра.

В Инструкции отдела национальностей ВЦИК от 25 ноября 1925 г., направленной Самарскому губисполкому, говорилось:

- обеспечить в сельсоветах отдельных национальностей право обращения населения на родном языке, делопроизводства и деловой переписки на родном языке, с каковой целью принять меры к привлечению в работу лиц, знающих язык и письменность местной национальности;

- в целях приближения судебных органов сельских местностей к «нацмен» и населению – обеспечить последним судоговорение на родном языке;

- строго придерживаться принципа укомплектования нацменовских местностей учителями, культпросветработниками, работниками милиции, агрономами, землемерами, ветеринарами, медицинскими работниками, трактористами, знающими местный язык;

- расширить сеть как политико-просветительских учреждений, так и учреждений по ликвидации неграмотности, равным образом принять меры к расширению школ 7-леток (II ступени), школ крестьянской молодежи; – принять меры к продвижению нацмен литературы и печати, при чем при выделении средств на литературу, несмотря на дороговизну последней, исходить из действительных нужд населения[1].

С этого времени в оборот вошел термин «коренизация» – выдвижение кадров из представителей коренных народов, проживающих на данной территории.

Специалистов из национальных кадров на тот момент не хватало – отсюда вытекала задача подготовки специалистов в учебных заведениях разного уровня. Например, летом 1926 г. губисполком организовал курсы председателей сельсоветов «нацмен» Бугурусланского уезда. Всего на них проучилось 44 человека, из них 20 мордвы, 11 чувашей и 9 татар. Сельские активисты и специалисты получали знания также и на краткосрочных юридических курсах.

Подход к работе среди национальных меньшинств был достаточно системным и носил общегосударственный характер. Идеологическая база этой работы основывалась на стратегических решениях высших органов власти. В журнале «Революция и национальности» отмечалось: «Директива X съезда партии, призывающая «помочь трудовым массам не великорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке для ускорения подготовки кадров, квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения… Советская власть дала этим национальностям возможность свободно развивать свою культуру – национальную по форме и пролетарскую по содержанию – на родном языке».

Сравнительные данные по переписям 1920 и 1926 гг. показывают рост числа грамотных по всем нерусским народам. У татар с 18 до 32,4 %[2].

Поэтому к концу 20-х гг. в Средневолжском крае сложился целый аппарат государственных органов, ведающих национальными вопросами. Это – комиссия по делам нацмен при президиуме окружного исполкома (председатель Поздяев), такая же комиссия на уровне Средневолжской области (председатель

[1] ЦГАСО, ф. 81. Оп. 1, д. 999, лл. 29-31

[2] Там же, л. 10 об

[3] Там же, л. 13

[1] Там же, л.17, 17об

[2] Рахимбаев А. Просвещение национальных меньшинств в РСФСР // Журнал «Революция и национальности». № 1. 1930 г. С. 75-76

Шапошников), комиссия по улучшению труда и быта женщин Востока. На совещаниях (губернских, окружных, городских, районных) о вопросах, связанных с татарами и башкирами, с различными предложениями нередко выступали представители национальной общественности – Сабитов, Гайсин, Сагитов, Биктеев, Абдрашитов (последний работал в Самарском окружном суде)[1]. В губернском комитете ВКП (б) на этом направлении работал Сабитов, в губисполкоме – Наильский (заведующий татарской секцией), была также должность губернского уполномоченного по делам нацменьшинств, его обязанности выполнял человек по фамилии Инкин.

Но часто бывало, как видно из протоколов, комиссии заседают и решают различные подобные вопросы без участия работников с татарскими и башкирскими фамилиями.

В 20-е гг. различных госучреждениях велся строгий учет обеспечения различных ведомств и структур национальными кадрами, вплоть до регулярного учета губернским управлением связи о национальном составе «сельских пеших письменосцев».

Не будет преувеличением отметить, что это направление советского государственного строительства было одним из важнейших. «Нацмены» активно вовлекались в культурную и образовательную деятельность губернии. Хотя государство в этом отношении находилось только в начале пути. Например, как сообщал 20 апреля 1926 г. губернский отдел народного образования, если в Самарском рабфаке учатся 346 русских, то малороссов (украинцев) – 5, мордвы – 42, чувашей – 8, татар – 4, остальные национальности были представлены 1 и 2 слушателями. Для улучшения этой ситуации в состав «приемочной комиссии по подготовке на рабфак» был включен представитель подотдела нацмен губкома ВКП (б) Сабитов. В новом 1926-27 учебном году слушателями стали Хасьянов Амирзян, Шарипов Исмагиль, Уразаева Мария, Валишев Гусман, Абдуллина Хадича (от Мелекесского уезда), Лотфулла Вагазов, Галеев Каниз, Низамов Хабиб (от Бугурусланского уезда).

Тогда же, а конкретнее в 1926 г., была поставлена задача «расширить сеть школ среди татаро-башкирского населения, где за недостатком советских школ развиваются мусульманские религиозные школы»[2].

Но к тому времени советская система национального образования успела расшириться. Так, татарских и башкирских школ I ступени (4-классных) в Самарской губернии насчитывалось 133, школ 7-леток – 3, был один детский дом, один детский очаг педтехникум, изб-читален – 9, ликпунктов (пунктов по ликвидации неграмотности) – 58, клубов –3, библиотек – 3, всего – 192 культурно-образовательного учреждения[3].

Через несколько лет, в 1932 г. при самарском Комвузе с 1 января 1932 г. организованы два «нацменовских» отделения – для татар и чувашей, а при планово-экономическом институте – татарское отделение.

Мы уже отмечали довольно еще спокойное в середине 20-х гг. отношение государства к религиозным учебным заведениям, которые, хотя и в меньших масштабах, продолжали свою деятельность. В то время антирелигиозная работа в число первостепенных задач партийного и советского актива не входила.

Не упускались из виду другие сферы жизни национальных сел. Например, на совещании президиума Самарского окружного исполкома 22 декабря 1928 г. принято решение об открытии нескольких акушерских пунктов в таких поселениях. В частности, в селе Татарские Выселки Ставропольского района[1].

В ходе совещаний сельского актива на местах обсуждались текущие вопросы культурно-просветительской работы среди населения. В самом татаронаселенном уезде Самарской губернии – Бугурусланском их чаще всего проводил инструктор по работе с «нацмен» уездного комитета ВКП (б) Шафигуллин[2].

На одном из таких совещаний в апреле 1926 г. инспектор уездного финотдела Каримов говорил: в Байтугановской волости центр находится в русском селе, тогда как население преимущественно татарское. Поэтому, говорил он, волостной центр надо перенести в татарское село.

Учитель Зайни Сафи (из села Байтуган) сетовал на то, что «учителя из нацмен совершенно неподготовлены и существующие курсы им ничего не дают, так как преподаватели мало чем отличаются от учеников. В татарских селах быстро развивается религиозность, и муллы стали активно выступать и агитировать среди населения, на это следует обратить серьезное внимание. Татарскую семилетку из Бугуруслана необходимо перебросить в Ермаково и обратить внимание на подбор учащихся, так как там сейчас учатся больше дети мулл, а не бедноты»[3].

…Становление татарского национального образования советского (и светского) типа совпало с переводом письменности мусульманских народов страны с арабской графики на латинский алфавит.

Как известно, татары пользовались арабским письмом начиная с X в., с принятием ислама волжскими булгарами. И на этой графике был создан огромный пласт татарского (и в целом тюркского) литературного наследия. Значительная его часть в печатном виде для широкого читателя увидела свет в XIX и начале XX вв.

На протяжении многих веков арабский алфавит применялся у наших предков без изменений. В силу многих причин старотатарская письменность на основе арабской графики была неудобна как в изучении, так и в пользовании. Это обуславливалось и тем, что отсутствовали единые правила грамматики, орфографии и фонетики и нередко каждый грамотный человек писал фактически по своим правилам. Та же неразбериха и путаница наблюдалась и в национально-конфессиональных школах. Государство в эти вопросы (как и образования в целом) не вмешивалось, поскольку считал их внутренним делом национальных общин.

Наиболее смелые специалисты называли такое положение «анархией

[1] ЦГАСО, ф. 341, оп.1, д. 136, лл.12, 13

[2] ЦГАСО. Ф. 81, оп.1, д. 1000, л. 1

[3] Там же, л. 15

[1] ЦГАСО, ф. 341, оп.1, д. 136, л. 29

[2] ЦГАСО, ф. 81, оп. 1, д. 1001, л.1

[3] Там же, л. 37

в орфографии», и это, как отмечал татарский педагог Э. Бикккулов, приводило к тому, что ученики национальных школ с достаточно опытным учителем быстрее (в среднем за два месяца) осваивают русскую азбуку, а на постижение родной, татарской графики даже у успевающих детей порой уходит половина учебного года[1].

Татарскими интеллектуалами неоднократно поднимался вопрос о необходимости приведения арабской графики в соответствие с системой звуков татарского языка. В предреволюционный период было сделано несколько таких попыток (с изложением конкретных планов ее реформы), но все они окончились неудачей.

Удачная реформа 1923 г., упростившая старотатарский алфавит и приведшая ее в большее соответствие с лексическими и грамматическими основами татарского языка, в историческом плане просто опоздала, так как у руководства Советского государства к тому времени созрело решение об отмене пользования арабской графики вообще.

В числе многих причин, побудивших его пойти на такой шаг, было и стремление оторвать массы мусульманских национальных республик и областей (в первую очередь, будущие поколения) от арабского алфавита, на котором в течение многих веков основывалась вся их письменность и была напечата обширная религиозная литература.

Надо отметить, что указанная реформа письменности задумывалась властями еще до революции. Первый стандартизированный алфавит на основе кириллицы для татарского языка связан в миссионерской деятельностью Н.И. Ильминского, который со своими последователями видоизменил русский алфавит, специально приспособив его для языков народов Поволжья. Помимо обычных букв русского алфавита, он содержал несколько дополнительных букв, подходящих для фонетики татарского языка. Алфавит Ильминского использовался для христианизации татарского населения, и поэтому татары-мусульмане принципиально не использовали его.

В 1924 г. была начата государственная кампания по введению латинского алфавита для мусульманских и других тюркских народов. С этой целью в Москве был организован специальный «Центральный комитет по новому алфавиту». Первым реальным шагом к латинизации стал проект татарско-башкирской латиницы, который был обнародован через газету «Эшче» («Рабочий»). Но он по разным причинам был отклонен.

В том же 1924 г. в Баку, а потом в 1927 г. в Ташкенте были созваны конференции тюркологов. На обеих конференциях татарская делегация, возглавляемая писателем Галимджаном Ибрагимовым, а также казахская делегация выступали против планируемой реформы. Третья конференция проходила в столице Татарской АССР – Казани. На этот раз татарская делегация была вынуждена согласиться начать переход на латиницу. Незадолго до этого, в апреле 1926 г. начало работу «Общество нового татарского алфавита», сокращенный татарский вариант «Яналиф».

С 3 июля 1927 г. яналиф был объявлен официальной письменностью татарского языка. В 1928 г. он был ре-

[1] Журнал «Мэктэп». 1914. № 3. С. 77.

формирован и после этого 12 лет использовался в школьной системе, делопроизводстве, литературе и печати. В 1939 г., уже без всяких предупреждений и обсуждений в среде педагогической и научной общественности, на основе Указа Президиума Верховного Совета Татарской АССР, латинский алфавит был заменен кириллическими. Стоит отметить, что в течение всего периода активного внедрения латиницы также использовался арабский алфавит. Например, одна Моабитская тетрадь Мусы Джалиля была написана на яналифе, а другая арабским письмом. Обе тетради были созданы в немецкой тюрьме после официального введения кириллицы.

…Вскоре реформа татарской письменности дошла и до нашего края. 30 октября 1928 г. при Самарском окружном исполкоме создано бюро по введению нового тюркского алфавита НТА, в которую вошли Алеев (заведующий семилетней школой), Хамидуллин (заведующий татаро-башкирским клубом), Булатова (педагог школы первой ступени), Таипов (заведующий татаро-башкирским педагогическим техникумом) и Галимов (преподаватель-практик)[1]. Властями был разработан план внедрения нового алфавита, перед органами образования ставилась задача «окончательно изжить арабское письмо». Агитации и пропаганде новой графики уделялось большое внимание. В селах с татарским населением начали проводить недели и декады НТА. «Замена арабского шрифта новым, латинизированным алфавитом, – считали советские ответственные работники, – создала возможность для тюрко-татарских народностей еще больше приобщиться к общей пролетарской культуре. Арабский алфавит – продукт буржуазного творчества… Недалеко то время, когда арабский алфавит будет окончательно похоронен!» [2].

Дело одной пропагандой не ограничивалось. В издательствах Татарской АССР, а также в Средневолжском отделении Центриздата (на ул. Кооперативной, ныне Молодогвардейская, 59) началась целанаправленная работа по выпуску учебной, художественной и другой литературы на новом алфавите. Хотя, вопреки ожиданиям татарской общественности и первоначальным обещаниям (правда, не конкретным и не твердым) властей, основной объем литературы разной тематики на старой, арабской графике не был переиздан и остался недоступным для «нового» читателя.

Самарская краевая татарская газета, которая в 1928 г. начала издаваться под названием «Урта Идел», а потом переименованная в «Колхозче», все годы своего существования выходила тоже на латинице. Как и его приложение «Культура фронты», а также сельскохозяйственный журнал «Комбайн».

…План «коренизации» аппарата по Средневолжской области (с октября 1929 г. – края) – работников различных органов власти в местах компактного проживания национальных меньшинств, реализовывался в течении нескольких лет. В большинстве национальных сельсоветов делопроизводство было переведено на родные языки.

[1] ЦГАСО, ф. 81, оп. 1, д. 1001, л. 45

[2] Таджиев С. Новый латинизированный алфавит – мощное орудие культурной революции // Журнал «Революция и национальности», № 2, 1930 г. С. 65-66.

Эта работа была достаточно большая, поскольку Средневолжская область, созданная в 1928 г., охватывала значительную территорию от Мордовской республики до бывшей Оренбургской губернии включительно, в том числе нынешние Ульяновская и Пензенская области. В середине 1929 г. в области было 465 мордовских сельсоветов, 248 татарских и башкирских, 83 чувашских и 18 казахских. Курсы районных работников, переводчиков, секретарей сельсоветов, работников МТС и так далее постоянно работали в Самаре, Бугуруслане, Ульяновске, Мелекессе, Пензе, Кузнецке, давая для сотен и тысяч местных работников современные знания в различных отраслях экономики и культуры.

Но несмотря на принимаемые меры, процент национальных кадров на различных должностях все равно оставался малым. Например, в начале 1929 г. на службе в милиции Самарского округа *(в составе 10 районов к северу и югу от Самары – от Елховского до Большеглушицкого – прим. авт.)* среди сотен сотрудников было всего 4 мордвина, 1 татарин, а чувашей, башкир и казахов вовсе не было (но были украинцы, белорусы, поляки, латыш). В земельных органах представителей «нацмен» работало тоже немного – 31 человек, из них мордвы – 6, татар – 2, чувашей и башкир нет.

С народным образованием дела обстояли таким образом. В 1928-29 учебном году в Самарском округе действовало 16 татаро-башкирских школ, учащихся 975, учителей 23, из них русских 1. В то время – мордовских школ 18, учащихся 1680, учителей 35, из них русских – 19 человек. Кроме того, в татарских и башкирских селах работали 8 школ ликбеза (ликвидации неграмотности) с количеством 187 слушателей[1].

Мы не располагаем точными данными о развитии школьного образования в татарских и башкирских селениях в данном, отдельно взятом округе, и определить тенденцию его развития не представляется возможным. Но следует напомнить, что в Самарский округ входили не самые таронаселенные районы, и села здесь были не самые крупные, за исключением только Теплого Стана. Поэтому есть основание считать, что за короткое время – через десять лет после революции – советское национальное образование сделало большой шаг вперед. Об этом свидетельствуют цифры, приведенные в журнале «Революция и национальности» (1932 г. № 4. С. 28-40):

«В 59 районах края 85 процентов школ работают на родном языке. Охват учащихся-подростков:

- мордвы – 52,2 процента;
- татар – 86;
- чуваш – 85».

И не только в национальных деревнях, но и в городе. Например, на заседании Самарского окружного исполкома, на котором были озвучены приведенные нами данные, обсуждался (и был положительно решен) вопрос «О повышении норм учебных расходов в нацшколах по сравнению с русскими школами» и поставлена задача расширения в 1929 г. татарской семилетки в Самаре (на ул. Галактионовской, 102) до двойного размера классов[2].

[1] ЦГАСО, ф. 341, оп. 1, д. 137, лл. 21, 27, 29

[2] Там же, лл.130, 130 об

Большая и многоплановая работа государственных органов и национального актива сопровождалась регулярным проведеним в Средневолжском крае всевозможных совещаний по данному вопросу. На них анализировался и обобщался опыт работы местных органов, подводились итоги за определенныый период и ставились задачи на будущее.

После одного из таких мероприятий в Средневолжском отделении Центриздата в 1931 г. вышла книга ответственного работника крайисполкома И.И. Илларионова «Национальные меньшинства Средней Волги: наши достижения, недостатки и перспективы работы среди национальных меньшинств Средне-волжского края». В ней коротко, языком цифр и комментариев к ним обрисована ситуация с работой среди нерусских народов края за годы Советской власти.

В книге отмечается, что всего в крае нацменьшинства составляют 28,1 % населения. А партийная прослойка только 17,7 %. По данным на начало 1930 г. по коллективизации из четырех народов (русские с украинцами, мордва, чуваши и татары) хуже всего было у татар – 18,6 %, лучше всего у мордвы 29,9 %. В потребкооперации у татар охват второе место 70,7 %, лучше только у казахов – 100 %.

«Одним из тормозов успешного хода коллективизации среди «нацмен», – отмечает автор, – является отсутствие массовой работы за колхоз на родном языке».

Здесь мы должны снова отметить, что политика ВКП (б) и Советского правительства в предвоенный период по отношению к нерусским народам СССР была противоречивой. При этом исходной и приоритетной являлась чисто партийно-советская оценка состояния культуры, образования и быта народов, которые не отвечали стандартам государства нового типа.

Действительно, на то время культурно-образовательное состояние мусульманских народов (и не только их) было во многом неудовлетворительным. И культурная революция в СССР была очень востребована. Но в ходе ее проведения государством решались и вполне определенные задачи: уничтожение вековых национально-духовных традиций, принудительное прививание нового социалистического образа жизни и воспитание нового типа человека. В этих целях советской пропагандой сознательно искажалось состояние культуры и образования национальных меньшинств в предыдущий период их истории. Эту оценку концентрированно выражала распространенная в советское время такая формулировка:

«Национальные меньшинства Средней Волги: мордва, татары, чуваши, украинцы и другие, подвергавшиеся русификаторской политике царизма, не имели возможности повышать культурный уровень через посредство литературы на своем родном языке.

До революции мордва и чуваши не имели своей письменности, за исключением миссионерской литературы. Татары в большинстве имели богословскую и националистическую литературу. *И только Октябрьская революция вместе с национальным освобождением народов создала печатное слово на языке национальностей – выделено авт.*» [1].

Этот идеологический посыл существовал все годы Советской власти,

[1] Там же. С. 34

зачастую расширяя свою трактовку и границы (в зависимости от желания государства на том или ином этапе своего развития) охвата «некультурных», «безписьменных» народов, куда время от времени попадало разное количество нерусских народов. К ним безосновательно были причислены и татары, которые и до Советской власти в течение тысячи лет пользовавшиеся арабской графикой, давно создавшие художественную литературу и оставившие письменные памятники, имевшие в средние века свою национальную государственность, свою систему книгопечатания, опыт, правда не очень большой (с 1905 г.), периодической печати. И во многом служившие примером и пионерами для других мусульманских народов нашей страны.

Но тогда, в 20-е гг., работа по подъему культурного и образовательного уровня нерусских народов действительно была нужна. Поэтому в СССР была объявлена целая программа культурного строительства.

«Образованность и грамота была распространена только у части населения страны, – пишет далее И. Илларионов. – Особенно было мало специалистов с соответствующим образованием. На 420 тысяч татаро-башкирского населения не было ни одного агронома. У мордвы и чувашей чуть получше – единицы. Преодолению такого положения должно послужить открытие новых сельхозшкол.

В 1928-29 учебном году в низших профтехнических учебных заведениях края обучалось 6974 человека, из них мордвы, татар и чувашей только 368, т.е. 5,2 %. В техникумах, кроме педагогических, количество учащихся 3409, а мордвы, башкир и чуваш – только 108, т.е. 3, 1 %.

Началось осуществление программы всеобщего начального образования, и для выполнения планов по национальному сектору срочно требовалось подготовить около 1000 учителей со знанием родных языков… Работа должна означать, прежде всего, охват и массовость».

Документы первых лет Советской власти показывают, что «татарское направление» советской нацменработы в Средневолжском крае меньше всего страдало недостатками. Думается, что в число важнейших причин такого положения следует отнести тесную обратную связь государственных органов с местным активом, ростом татарской национальной интеллигенции и определенный опыт конфессионально-национального образования, накопленный татарами еще до 1917 г. Это – прямой и очевидный результат работы татарских просветителей и предпринимателей досоветского периода.

В Средневолжском отделении Центроиздата при выпуске национальной литературы и периодической печати наборщики были только среди татар, а по выпуску литературы на других языках работали русские[1]. Не хватало бумаги, с трудом были приобретены татарские, чувашские и мордовские шрифты.

Краевое отделение Центроиздата издавало большими тиражами учебники на татарском и чувашском языках. Выходили две краевые газеты на татарском и чувашском языках и одна мордовская – в Мордовской области. Помимо этого, издавались три районные газеты на языках народов края.

[1] Стр. 35

«Газета «Колхозче» имеет тираж 10000 экземпляров на население 350 тысяч человек, – продолжал Илларионов. – Одна газета приходилась на 35 человек. Газета, образовавшаяся путем слияния Оренбургской и Пензенской татарских газет *(«Сабанчы» и «Очкын» – прим. авт.),* имеет мощную сеть рабселькоров. Газета печатается на новотатарском (латиница) алфавите. Дальнейшее увеличение читателей газеты должно быть связано с обучением населения новому алфавиту. В этом отношении газета многое сделала путем дачи систематических уроков читателям.

Предусматриваются меры в области здравоохранения (особое наше беспокойство вызывают заболевания трахомой и «социальными») болезнями), потребкооперации, вовлечение «нацменовской» молодежи в учебу техникумах и вузах с увеличением количества национальных кадров, организация передвижных театров (татарского и мордовского), работа среди женщин, антирелигиозная работа.

В 1930 г. в Оренбурге открыт татаро-башкирский агропединститут с 300 студентами, из которых 87 процентов составляют татары и башкиры».

…Организованная и системная работа органов Советской власти по культурному просвещению национальных меньшинств, распространению в этой среде научных знаний, развитию их национального образования с конца 20-х гг. стала принимать другие формы. Причиной тому стало кардинальное изменение экономического курса страны – на индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. На первый план выдвигались задачи борьбы с религиозными институтами, вытеснение религиозной и национальной идеологии из жизни общества. А поскольку религиозная и национальная жизнь мусульманских народов тесно связана между собой, объектами и субъектами репрессивной политики государства стали не только священнослужители, но и творческие союзы, учреждения культуры и образования, научные сообщества, отдельные представители национальной интеллигенции и науки. А в число главных противников Советской власти были отнесены общественные деятели, кто наиболее последовательно стоял на позициях защиты национально-духовных интересов своих народов.

На одном из всесоюзных совещаний по национальным вопросам говорилось, что «наголову разбиты все антисоветские и контрреволюционные группы азербайджанских мусаватистов, вели-ибраимовщины в Крыму, султан-галиевщины в Татарии, байтурсуновщины и садвокасовщины в Казахстане, дагестанских шейхов и мулл и вообще группы мили-истиклялистов в Средней Азии, которые оказывали явное и скрытое сопротивление против решений ВКП(б), всего нового, в том числе, введению нового алфавита»[1]. Чуть позже, в 30-е гг. перечисленные в этом документе общественные деятели практически все пострадали в ходе репрессий 30-х гг.

Многим представителям татарской интеллигенции и духовенства, благодаря бегству из родного края, удавалось остаться в живых. Так, в конце 30-х гг. в Куйбышеве оказался Кабир Бэкер – казанский журналист и общественный деятель, друг Габдуллы Тукая (он прожил здесь до конца жизни).

[1] Журнал «Революция и национальности», № 2, 1930 г. стр. 65-66

Поворотным годом во внутренней политике Советского государства стал 1929-й. Тогда начались аресты и расстрелы священнослужителей, за сравнительно короткий срок – какие-то несколько лет под разными предлогами закрылось абсолютное большинство мечетей (об этом подробнее – в главе «Исламская традиция в Самарском крае»).

По всей стране местные органы приступили к коллективизации крестьянских хозяйств, обобществлению скота и сельхозинвентаря, сотни тысяч сельских тружеников были причислены к разряду кулаков, лишены собственности, выселены в Сибирь, Казахстан, на Север или заключены в лагеря. Шестнадцать томов «Белой книги» Самарской области, изданной в 1997-2002 гг., запечатлели сотни примеров трагической судьбы наших соотечественников, которые пострадали в ходе политических репрессий 30-х гг. и более позднего периода.

Тогда же была сформулирована и начала применяться на практике теория «обострения классовой борьбы по мере нашего продвижения к социализму». Она была впервые озвучена Сталиным на пленуме ЦК ВКП (б) в июле 1928 г. В «Кратком курсе истории ВКП (б), переиздававшемся с 1938 по 1952 гг. миллионами экземпляров и основанном на идеологических постулатах о классовой борьбе, неизбежном сопротивлении свергнутых сил и необходимости их подавления, политические действия сталинского режима получили полное оправдание – репрессии против различных социальных элементов рассматривались в качестве закономерной и необходимой меры, осуществлявшейся в интересах народа и строительства социализма в СССР.

А в начальный их период репрессий – в конце 20-х гг. для их расширения широко стала практиковаться такая мера ограничения прав определенной части граждан, как лишение прав. Хуже всего было не то, что эти люди лишались права участвовать в выборах сельсоветов, голоса при решении других вопросов деревенской жизни и переходили в разряд «второсортных» жителей. Самое главное – они зачислялись в своеобразный «черный» список нежелательных и опасных для Советской власти элементов. Очень часто бывали случаи, что «лишенцы» конца 20-х гг. в середине 30-х подвергались аресту (часто – не один раз) и впоследствии приговаривались к длительным срокам заключения, погибали в сталинских тюрьмах или лагерях.

В категорию «лишенцев» попадали не только «кулаки и торговцы». «В основу лишения избирательного права, – напоминали власти Средневолжского края в начале 1933 г. всем местным советским органам, – кладутся нижеследующие признаки:

- существование за счет нетрудовых доходов;
- занятие торговлей;
- эксплуатация наемного труда;
- борьба против власти трудящихся и прошлая деятельность по угнетению трудящихся и подавление борьбы рабочих и крестьян;
- деятельность служителей религиозного культа;
- преступление, повлекшее высылку в соответствующем порядке административными органами;
- душевная болезнь;
- сумасшествие».

А это значит, что в группе «политического риска» оказались тысячи и тысячи советских граждан. В первую очередь, этой мере подвергались священнослужители, мелкие кустари, бывшие чиновники, полицейские и так далее.

Государственная машина принуждения была включена на полную мощь. Но все-таки слабые попытки сопротивления такой политике со стороны крестьянства случались. В конце 1931 г. предметом большого разбирательства на краевом уровне стало событие в селе Старый Сантимер Кошкинского района, «когда ученики 5 группы под влиянием кулацкой агитации организовали религиозный комитет и выпустили воззвание к остальным ученикам»[1].

То же самое наблюдалось в соседнем Новом Фейзуллово. В 1930 г. здесь еще работали три мечети, причем одна была построена незадолго до этого – в 1926-1927 гг. В деревне оставались шесть кулаков-«лишенцев». Иначе говоря, имелась основа для поддерживания антиколхозных настроений и сопротивления коллективизации[2].

Поэтому процесс коллективизации среди татарского населения шел тяжело. Например, на 1 декабря 1929 г. в колхозы вступили только 1,4 % татарских крестьянских хозяйств. Для сравнения: русских – 84,4, мордвы – 8,8, украинцев – 3,7. Правда, еще меньший процент вступивших был у хозяев-чувашей, только 0,1[3].

Как в Советском Союзе внедрялась коллективная система ведения сельского хозяйства – хорошо описано в художественной, научной литературе, современных средствах массовой информации. Как известно, колхозный строй в итоге победил. Иначе и не могло быть, поскольку на это работала мощная государственная машина, которая в конечном счете достигла нужного результата. Для самых зажиточных крестьян это было трагедией, для беднейших слоев – благом.

Так или иначе, к 1933 г. большинство крестьянских хозяйств страны было объединено в колхозы. В них не было вовлечено лишь сравнительно небольшое количество единоличников, которые не захотели менять привычную систему ведения хозяйства и образ жизни. А также «лишенцы» и прочий социально опасный элемент, которым в советские колхозы путь был закрыт.

История – процесс многогранный и сложный, зачастую протекающий в форме диалектического единства и борьбы противоположностей. Несмотря на все внутренние противоречия, коллективное хозяйство как новая форма ведения сельхозпроизводства принесла в новую советскую деревню большие изменения социально-культурного плана. В деревне началась не только механизация сельского хозяйства, введение новых приемов обработки земли и выращивания зерновых и технических культур, но и строительство клубов, школ, амбулаторий и фельдшерско-акушерских пунктов, на общественной арене появился слой новой сельской интеллигенции – учителя, агрономы, врачи…

1 Журнал «Революция и национальности». № 4. 1932 г. С. 28-40.
2 Центр документации новейшей истории Ульяновской области – ЦДНИ, ф. 3, оп. 1, д. 825, лл. 8-10.
3 ЦГАСО, ф. 341, оп. 1, д. 137, л. 211.

К середине 30-х гг. Средневолжский край постепенно уменьшился в своих размерах. В декабре 1934 г. из него выделились Оренбургская область, потом Мордовская АССР, самой последней в предвоенный период «ушла» Пензенская область. Но Куйбышевская область занимала по-прежнему значительную территорию, в нее входила Ульяновская область в нынешних границах.

…Особое внимание государство, как и прежде, обращало внимание на образование населения. Несмотря на то, что еще в 1929 г. Самарский крайисполком принял решение о введении всеобщего начального образования, множество проблем не было решено. Прежде всего, с охватом детей школьного возраста. Вот, к примеру, какая ситуация сложилась к концу 1936 г. в районах компактного проживания татарского населения (см. таблицу):

Кроме того, в центре Байтуганского района – селе Камышла – работала средняя школа со 187 учениками. А областном центре к тому времени оставалась только одна школа – начальная № 22 на ул. Куйбышева, в которой учились 56 детей[1].

Как видно из таблицы, относительно благоприятное положение существовало только в Байтуганском районе. Хотя специальных расчетов не проводилось, можно констатировать факт, что в целом, судя по общему количеству татарского населения, процент детей, озваченных обучением в школе, был довольно низок.

Во второй половине 30-х гг. в СССР окончательно утвердились социалистическая экономика и новый уклад жизни. С победой колхозного строя и бурным развитием промышленности наша страна вышла на новые условия экономического развития. У значительной части граждан стал повышаться уровень жизни и появилась возможность приобщаться к достижениям культуры, образования и науки.

В 1937 г. колхозы «Тургай» и «Кзыл Юлдуз» Похвистневского района отобраны для участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В ходе декабрьских выборов в местные советы депутатов трудящихся депутатами Куйбышевского областного совета были избраны учительница из Камышлинского района Р.З. Ибрагимова, председатель колхоза «Марс» Денискинского района Р.З. Загартдинов, колхозник из Старо-Кулаткинского района С.М. Хабиев, директор Татарско-Горенковской неполной средней школы Карсунского района К.Н. Шайдуллина.

Район	Нач. шк.	Учеников	Неполн. сред.	Учеников
Елховский	3	139	-	-
Денискинский	1	60	1	94
Подбельский	1	28	1	45
Похвистневский	4	240	2	138
Кошкинский	2	52	-	-
Челно-Вершин	2	119	-	-
Ново-Буянский	2	78	-	-
Красноярский	1	31	-	-
Сергиевский	1	42	-	-
Байтуганский	13	1092	3	319

[1] ЦГАСО, ф. 758, оп. 4, д. 17, лл. 2об., 3об.

Но эти же годы ознаменовались и другими событиями – репрессиями органов Советской власти против представителей разных слоев населения. Первая волна преследований религиозных деятелей и национальной интеллигенции по политическим мотивам прошла на рубеже 20 – 30-х гг.

Но наиболее массовыми они были в 1937-1938 гг. В это время были арестованы и расстреляны видные представители татарской общины Куйбышева, обвиненные в участии в так называемой «Исламской контрреволюционной организации» («руководитель» Мухаметфатых Муртазин). Всего 41 человек – священнослужители, хозяйственные работники, учителя, простые рабочие.

Репрессии затронули и многие села Куйбышевской области. Примерно в то же время по другим уголовным делам, но также по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР (антисоветская агитация, диверсии и так далее) были расстреляны муллы сел: Бакаево Байтуганского района *(данные приводятся по справкам о реабилитации – прим. авт.)* Абдулла Абдрахманов, Новое Мансуркино – Закир Миникеев, Татарское Абдикеево – Назип Еремеев, Мочалеевка – Лукман Магдеев, бывший имам села Мулловка Хади Камалетдинов (проживавший уже в Куйбышеве). А также крестьяне – Файрукша Тухватшин (Новое Ермаково), Хайрулла Юсупов (Старое Фейзуллово), Хасян Ахметзянов (Старое Ермаково), Ахмадулла Хабибуллин (Камышла), Ахметзыя Лукманов и Гасым Еремеев (оба из Татарского Абдикеево)[1].

В этот же период многие татары Куйбышевской области, как военнослужащие Красной Армии, участвовали в боевых действиях по защите военно-стратегических интересов СССР. Два раза с с японскими милитаристами – сначала в августе 1938 г. у озера Хасан, потом – с мая по сентябрь 1939 г. реки Халхин-Гол на территории Монгольской Народной Республики в составе Особой армейской группы Забайкальского военного округа под командованием генерала Г.К. Жукова. Потом была советско-финская война 1939-1940 гг.

Мы располагаем сводным списком погибших красноармейцев и командиров – татар, уроженцев Куйбышевской области, которые погибли в боях у реки Халхин-Гол летом 1939 г.:

– Аксянов Т. И. (село Новый Мостяк Старо-Кулаткинского района);

– Алеев Х. С. (село Новая Яндука Старо-Кулаткинского района);

– Багаутдинов Т. (Чердаклинский район);

– Бихузин Г. Г. (село Моисеевка Мелекесского района);

– Валеев Ш. М. (село Сантимир Ново-Малыклинского района);

– Вяльшин Х. М. (село Вязовый Гай Старо-Кулаткинского района);

– Гайнуллин З. З. (село Ново-Урайкино Ново-Буянского района);

– Давыдов А. Р (Старо-Кулаткинский район);

– Мухаметов М. (Ново-Малыклинский район);

1 См. Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. К 125-летию Самарской Исторической мечети. Самара, 2011.

– Рамазанов А. К. (село Новое Зеленое Старо-Кулаткинского района);

– Саликов А. Ф. (село Вязовый Гай Старо-Кулаткинского района);

– Фатыхов Ш. Ф. (станция Безымянка);

– Хамзин М. Ш. (село Средний Сантимир Ново-Малыклинского района)[1].

ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первых дней Великой Отечественной войны татары Куйбышевской области, как и все народы Советского Союза, встали на защиту Родины. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в первые дни в армию были призваны миллионы воинов запаса 1905-1918 гг. рождения, прошедших срочную военную службу. Была еще одна, особая категория военнообязанных – они были обязаны явиться в военные комиссариаты по месту жительства согласно схеме Главного мобилизационного управления Генерального штаба РККА. В первую очередь в эту катергорию входили участники вооруженных конфликтов 30- гг. и таким образом имеющие практический боевой опыт. Они подлежали призыву сразу, до объявления всеобщей мобилизации. Например, двое жителей села Ново-Урайкино Ново-Буянского района – Галимжан Мингачев и Гусман Сулейманов, участвовавшие в советско-финской войне, получили на руки повестки на рассвете 22 июня, до выступления В.М. Молотова по радио в 12 часов с сообщением о начале войны. И в тот же день призвались в армию (оба вернулись с войны живыми).

17 августа 1941 г. в газете «Труд» было опубликовано обращение муфтия Центрального Духовного управления мусульман СССР Габдрахмана Расулева с призывом к верующим и всем представителям мусульманских народов Советского Союза оказать помощь Родине в защите ее независимости. Важным документом для мобилизации татарского и всех других мусульманских народов СССР на борьбу с врагом стало знаменитое обращение ЦДУМ, которое вышло в один из наиболее трудных периодов войны – в мае 1942 г. (его текст на современном татарском алфавите – кириллице опубликован в № 23 газеты «Бердэмлек» за 6 июня 2015 г.).

В народных массах, несмотря на репрессии и гонения предыдущих лет, все еще были крепки религиозные традиции, они широко соблюдались на бытовом уровне, Поэтому печальные церемонии проводов на фронт в селах обязательно, в городах – реже сопровождал азан, как напутствие воинам на ратный подвиг…

Жизнь в тылу изменилась коренным образом. Вся страна работала на нужды фронта. Тяжелые испытания выпали на плечи тех, кто остался работать в тылу – женщин, стариков и детей. Не хватало тягловой силы – например, за два первых военных года в Шенталинском, Исаклинском, Челно-Вершинском, Камышлинском и Похвистневском районах конское поголовье сократилось вдвое – часть лошадей была мобилизована на нужды армии, значительная часть пала от непосильной работы, бескормицы и болезней[1].

К осени основная часть здоровых и трудоспособных мужчин ушли в армию или были мобилизованы на работу в оборонные заводы в города, главным образом Куйбышев и Чапаевск. Но были и те, кого отправили трудиться на заводы Саратова, Уфы, Свердловска, Челябинска.

Сразу же после начала войны, в сентябре 1941 г. по всей стране началась кампания по сбору вещей для воинов Красной Армии. Вскоре, по инициативе комсомольцев станции депо Куйбышев, началась еще одна кампания – по сбору средств на строительство бронепоезда.

Кроме обязательных поставок продуктов земледелия и животноводства, периодически объявляются кампании по отправке посылок в Действующую армию, или сбору денег, воскресники в фонд обороны, по сбору средств на танковую колонну, в помощь рабочим завода № 42 Куйбышева, железнодорожникам, перевозящим грузы для фронта, молока для выздоровления раненых бойцов и так далее. Задания были четкими и строгими, их невыполнение было просто недопустимым, поэтому люди зачастую отдавали последнее для того, чтобы рассчитаться с обязательствами. Помимо всего этого, каждый трудоспособный колхозник и житель города платил военный налог – 400 рублей. Кроме того, ежегодно все работающие совершенолетние граждане обязаны были подписаться на государственный заем.

На каждое предприятие и учреждение города, каждый колхоз и совхоз периодически доводились задания по участию в сборе средств – на танковые колонны имени Берии и «Юный пионер», санитарный самолет, эскадрилью «Куйбышевский комсомолец», засеять дополнительные площади по фонду обороны… Ушедших на фронт у заводских станков и на колхозных полях заменили женщины, подростки и старики. Но, несмотря на все трудности, колхозники выполняли задания по сдаче продуктов земледелия и животнодства.

29 августа Камышлинский райком ВКП (б) доложил в обком партии о завершении уборки хлебов в колхозах «Октябрьская революция», «Кызыл байрак», «Красный чапаевец», имени III Интернационала, имени Политотдела и выполнении планов по хлебосдаче[2].

С началом войны в тылу развернулась широкая агитационно-массовая работа по мобилизации населения на борьбу с врагом. 10 ноября 1941 г. в статье в газете «Путь к коммунизму» Камышлинского района об этом пишет заведующая районным клубом Н. Губайдуллина. Среди множества мероприятий названы постоянная демонстрация фильмов о гражданской войне и показ спектаклей самодеятельного театра «Пограничник», «Рыбачка», «В лагере белых». Часто в районной газете на эти темы выступают секретарь Камышлинского РК ВЛКСМ Крюкова, заведующая рацоно Шеметьев.

…Кроме непосредственно работы на разных участках народного хозяй-

1 Книга памяти. 1923-1939. М., 1998. Период Великой Отечественной войны

[1] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Сборник документов. Куйбышев, 1966. С. 240.

[2] «Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.) // Документы и материалы. Самара, 1995. С. 47.

ства, жители тыловых регионов несли множество других повинностей, связанных с мобилизацией и отъездом с места постоянного жительства. Относительно жителей Куйбышевской, соседних областей и республик, наиболее широкой и массовой в 1942 г. стала мобилизация тылового населения (преимущественно юношей и девушек) на строительство оборонительных сооружений. Больше всего рабочей силы требовалось на рытье окопов и противотанковых траншей на стыке Саратовской и Сталинградской областей, когда осенью 1942 г. возникла реальная угроза прорыва немецкими войсками фронта и их дальнейшего продвижения в направлении Саратова, Ульяновска и Куйбышева.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны по всей стране, в том числе и на заводах Куйбышева, началось формирование частей народного ополчения. Его бойцы во внерабочее время проходили военную подготовку и должны были при необходимости отправиться на фронт или выполнять задания в тылу. В их задачу в условиях тылового города входило участие в выслеживании и поимке диверсантов, тушении зажигательных бомб и ликвидации пожаров в случае вражеских бомбардировок. Командиром 2-го батальона народного ополчения Фрунзенского района был Хусаин Хасанович Бактеев[1].

Немецкой авиации, несмотря на все попытки, не удалось прорваться в районы Куйбышева и Чапаевска, в которых были сосредоточены важнейшие оборонные предприятия и нанести по ним бомбовые удары. Эффективно действовала система ПВО, этому способствовало и работа органов НКВД по выявлению и обезвреживанию вражеских агентов, высокая бдительность населения и неуклонное соблюдение режима светомаскировки, который был введен с 10 ноября 1941 г. во всех крупных населенных пунктах области. Вражеским самолетам и диверсантам также не удалось разрушить Сызранский железнодорожный мост, имевший огромное стратегические значение и связывавший запад страны и важнейшие оборонные комплексы Урала и Сибири.

Конечно, наша область, хотя и находилась далеко в тылу, вместе со всей страной переживала тяготы войны. Летом и осенью 1941 г. из западных районов СССР в Куйбышевскую область было эвакуировано множество предприятий и организаций, сотни тысяч человек. Население областного центра за три года – с 1941 по 1944-й увеличилось с 415 до 650 тысяч человек, т.е. почти на треть[2]. Все это потребовало огромного напряжения работы всех органов власти, породило дополнительные трудности социально-бытового характера, в первую очередь в обеспечении населения продуктами и предметами первой необходимости.

Во время войны в нашу область из западных районов были эвакуированы множество детских учреждений. В августе 1941 г. в Куйбышев прибыл один из детских домов Белорусской СССР, его разместили в здании бывшей мечети на улице Чкаловской.

В 1942 г. в райцентр Камышла из Ульяновска переехало татарское педагогическое училище.

А 18 августа 1943 г. облисполком принял решение о размещении в селе Старое Ермаково Камышлинского района Касымовского детского дома Орловской области. Он проработал здесь до 60-х гг.

Основную работу по размещению и трудоиспользованию эвакуированного населения, обеспечению его необходимым выполнял Куйбышевский облисполком, за это направление отвечал заместитель председателя Ф.В. Шагимарданов[1].

(Фазыл Валиахметович Шагимарданов родился в 1906 г. в селе Верхние Киги Уфимской губернии в бедной крестьянской семье. После революции закончил совпартшколу, работал в различных комсомольских, советских и партийных организациях Башкирской АССР. В 1937 г. Фазыл Валиахметович был назначен Председателем правительства – Совета Народных Комиссаров БАССР. На XVII съезде ВКП (б) в марте 1939 г. избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). С 1940 г. работал заместителем наркома местной промышленности РСФСР, с 1941 по 1944 гг. – заместителем председателя Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся. В 1944-1946 годах работал наркомом местной промышленности Татарской АССР. В 1946 г. был назначен начальником Куйбышевского областного управления легкой промышленности, работал на этой должности до 1958 г. Находясь на пенсии, Ф.В. Шагимарданов вел лекторскую работу в районах Башкирии, Средней Азии, Украины, РСФСР. Скончался в Уфе в 1968 г.

К середине октября из Москвы в Куйбышев переехала часть правительственных органов, дипломатический корпус, многие учреждения культуры и науки. С 21 октября 1941 г. Куйбышев перешел на карточную систему. В те дни наш город стал запасной столицей СССР. 7 ноября 1941 г. у нас (а еще в Москве и Воронеже) состоялся военный парад в честь очередной годовщины Великой Октябрьской революции. Эта славная и памятная страница истории нашего края широко известна, всесторонне описана и сейчас активно используется в патриотической и воспитательной работе с молодежью.

Превращение Куйбышева и поселков вокруг него в важный центр военной промышленности потребовало изыскания дополнительных источников топлива и энергии. Крупный индустриальный узел из-за потери донбасского угля и перебоев с поставками бакинской нефти фактически оказался на голодном пайке. Эту проблему могла решить прокладка в Куйбышев газопровода из района Бугуруслана, возле которого к тому времени имелись разработаные газовые месторождения. Постановление Государственного комитета обороны СССР о его стротельстве было принято 7 апреля 1942 г. Вскоре, 22 апреля Куйбышевский обком ВКП(б) и облисполком с мотивировкой – в целях лучшей организации выполнения особо важного задания – обратились в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о передаче Бугурусланского

[1] Там же. С. 243

[2] Синельник А.К. История освоения и градостроительства Самарского края. Самара, 2002. С. 221.

[1] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. // Сборник документов. Куйбышев, 1966. С. 142.

района и города Бугуруслан в состав Куйбышевской области[1]. Но в Москве это обращение не нашло поддержки и границы двух соседних областей остались неизменными.

(По сведениям, требующим дополнительной проверки, после войны еще раз возникли обстоятельства, когда город Бугуруслан и северная часть нынешней Оренбургской области могла быть передана в состав нашей области. В начале 1965 г., когда после смены руководства страны наступила очередная волна изменения границ районов и областей, среди части руководителей северных районов Оренбургской области появилась инициатива с такой же просьбой обратиться в Москву. Но документов, подтверждающих или опровергающих этот факт, мы пока не обнаружили).

… На выполнение важнейшего государственного оборонного задания были мобилизованы тысячи жителей близлежащих сел, в том числе Похвистневского и Подбельского районов, в том числе Алькина, Нового Мансуркина, Мочалеевки, Новой Мочалеевки и других.

Как вспоминали участники строительства, работа на прокладке газопровода была чрезвычайно тяжелой и выполнялась преимущественно вручную. Не только траншею рыли с помощью лопат, ломов и кирок, но и все другие работы – сварку труб, изоляцию, засыпку – выполняли вручную. Трубы в траншеи опускали с помощью ручных, как на обычных сельских колодцах, воротах. Материалы для стройки с железнодорожных станций перевозили на лошадях, быках и верблюдах.

… В результате самоотверженного труда инженеров, специалистов, рабочих и колхозников первый в Советском Союзе газопровод – длиной 145 км – первые кубометры бугурусланского газа пришли на куйбышевские заводы и теплоцентрали в рекордный срок, через семь месяцев, к концу 1942 г. Это позволило сразу снять в Куйбышеве энергетический голод и наш город стал давать еще больше продукции для армии и флота. Окончательно газопровод вошел в строй в конце 1943 г.

Тем временем Красная Армия героически воевала с немецко-фашистскими войсками. В боях миллионы советских солдат были убиты или стали инвалидами, попали в плен и погибли в фашистской неволе. Во времся Великой Отечественной войны Куйбышевская область дала Родине трех Героев Советского Союза.

…Рауф Кутуев родился в 1925 г. в Самаре, потом семья переехала в Актюбинск Казахской ССР. Оттуда же он ушел на фронт. Младший лейтенант Кутуев героически погиб 5 декабря 1944 г. при освобождении венгерского города Эрчи. Со связкой гранат он бросился под фашистский танк, который прорвался в расположение их роты и мог уничтожить орудия и весь личный состав. Указ Президиума Верховного Совета СССР о присовении ему звания Героя Советского Союза вышел 24 марта 1945 г.

…Через 70 лет после гибели нашего героического земляка, 10 декабря 2014 г. по инициативе и усилиями Самарской областной татарской национально-культурной автономии на доме 64, по улице Галактионовской города Самара в память о нем была установлена мемориальная доска. В представлении Рауфа Ибрагимовича Кутуева на звание Героя Советского Союза, хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в Подольске, в графе «место рождения» указан именно этот адрес.

Ольга (Ляйля) Санфирова, уроженка Самары (1917 г.), отважная летчица, командир эскадрильи 46-го гвардейского авиаполка, гвардии капитан совершила 630 боевых ночных вылетов на уничтожение живой силы и укреплений противника. Погибла смертью храбрых 13 декабря 1944 г. при возвращении с боевого задания. Звание Героя Советского Союза присвоено 23 февраля 1945 г. Во время войны семья Санфировой жила в Куйбышеве, ее письма с фронта посылались на адрес: ул. Рабочая, 47 (дом не сохранился).

Махмут Аипов родился в Старо-Кулаткинском районе (до января 1943 г. входил в состав Куйбышевской области), работал на станции Батраки (ныне город Октябрьск). В мае 1942 г. через Пролетарский райвоенкомат г. Кубышева добровольцем ушел на фронт. Воевал в составе 990-го стрелкового полка 5-й Ударной армии. Как указано в наградном листе, «в бою 22 апреля 1945 г. по владению пригородом Берлина – Каульсдорфом М.И. Аипов, будучи сам дважды ранен, заменил раненого наводчика пулемёта, подавил вражескую огневую точку, уничтожил 27 солдат противника, вёл огонь до подхода подкрепления, но был смертельно ранен».

Был похоронен в Берлине, позднее перезахоронен в братской могиле на советском воинском кладбище в городе Мендзыжеч (Польша). Звание Героя Советского Союза присвоено 31 мая 1945 г. (посмертно). На здании вагонного депо станции Октябрьск, где Аипов трудился до мая 1942 г., в память о славном защитнике Родины установлена мемориальная доска, его имя носит также городская школа № 11.

После войны в Ставрополе (Тольятти) проживал полный кавалер орденов Славы Хамидулла Нетфуллович Насибуллин (1919-1984), уроженец села Верхнее Алькеево Алькеевского района Татарской АССР. «В Красную Армию был призван 12 октября 1939 г. Сталинским военкоматом города Ярославль. Механик-водитель танка старшина Насибуллин за проявленное мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками награжден орденами Славы I, II и III степеней, Красной Звезды, медалью «За отвагу» – говорится в справке, представленной нам Самарским областным военкоматом.

Имена М.И. Аипова, Р.И. Кутуева, О.А. Санфировой и Х.Н. Насибуллина высечены на Аллее героев у Монумента Славы в центре Самары.

Имя еще одной защитницы Родины, погибшей в годы Великой Отечественной войны, увековечено другим способом – один из теплоходов Самарского речного порта носит имя Фариды Муртазиной. С 1942 г. Фарида Муртазина (1926 г.р.) работала в Куйбышевском порту, была активисткой и секретарем комитета комсомола, после работы в госпитале ухаживала за ранеными. В 1944 г. после неоднократных, но безуспешных попыток, наконец, была призвана в армию.

В должности радиста-корректировщика в составе 901-го горно-артиллерийского полка Фарида принимала участие в боях за освобождение Белоруссии и Польши. 24 марта 1945 г. сержант Муртазина героически погибла

[1] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Документы и материалы. Самара, 1995. С. 135.

при освобождении польского города Краков, вызвав огонь на себя в месте скопления вражеской боевой техники и сил.

В феврале 1991 г. по решению областного совета один из самарских прогулочных теплоходов речного порта получило имя «Фарида Муртазина».

Еще один наш земляк – уроженец села Теплый Стан Абдулла Насыров в мае 1945 г. оставил надпись на здании рейхстага. Снимок фронтового фотокорреспондента Н. Мельникова, опубликованный в журнале «Огонек» в мае 1965 г., облетел всю страну. Потом связист, младший сержант Г. Насыров в 1945-1946 гг. обеспечивал работу Международного военного трибунала. Этот факт запечатлен в кинохронике о Нюрнбергском процессе над военными преступниками. Семья Насырова также бережно хранит его пропуск в Дворец правосудия, где проходили заседания суда.

После войны Габдулла Нигметович прожил долгую жизнь, многие годы работал директором школы, написал книгу о родном селе. Умер в 2006 г.

…Много славных дел на счету и участников трудового фронта Великой Отечественной войны. В конце 1943 г. в районе города Ставрополь, в так называемых девонских пластах, были открыты новые месторождения нефти. Как и предсказывал академик И.М. Губкин. Восемь месяцев напряженной работы под руководством главного геолога треста «Куйбышевнефть» А.Н. Мустафинова и главного геолога «Ставропольнефть» И.С. Киквидзе дали результат – 9 июня 1944 г. из скважины № 41 в Жигулях пошла долгожданная, отличного качества нефть, из которой вырабатывался столь нужный Красной Армии высококачественный авиационный бензин. А мастером важнейшей буровой установки был Абдулла Сабирзянович Сабирзянов, впоследствии Герой Социалистического Труда, в послевоенные годы проработавший в городе Отрадный (сейчас здесь есть улица Сабирзянова).

Героем Социалистического Труда (и дважды лауреатом Сталинской премии) стал и руководитель тех геологоразведочных работ – Ахмет Нурмухаметович Мустафинов. Он после войны несколько лет проработал в Куйбышеве, жил со своей семьей в так называемом Доме специалистов (ныне – в переулке Высоцкого, за универмагом «Юность»).

… Весь период Великой Отечественной войны постоянно проходили разные патриотические кампании по помощи Красной Армии. В 1943 г. по постановлению бюро обкома ВЛКСМ среди награжденных за активное участие в постройке эскадрильи самолетов «Куйбышевский комсомолец» отмечен электромонтер завода № 1 имени Сталина Энвер Сулейманов[1].

Рабочие заводов, фабрик, транспортных организаций массово проявляли образцы трудового героизма. Документы военных лет запечатлели тысячи и тысячи таких примеров.

Среди рабочих, которые в два раза перевыполняли норму, отмечены токарь завода им. Куйбышева наркомата путей сообщения Хусаинов, гибщик завода № 145 наркомата авиационной промышленности Ганиев[2].

По постановлению ЦК ВЛКСМ «Об итогах Всесоюзного социалистического соревнования молодежных бригад в 1943 г.» (с. 164) в числе лучших комсомольских фронтовых бригад отмечена бригада токарей 4 ГПЗ г. Куйбышева, возглавляемая Р. Алимбековой.

И так – везде и всю войну. Газета «Сталинский колхозник» Похвистневского района сообщала 5 мая 1942 г., что героически работают на полях и фермах члены колхоза «Политотдел» – плугари А. Мухаммадиев, Г. Асадуллин, погонщики Г. Зималетдинов, Ш. Фахардинов, М. Калимуллин. 4 июля того же года – о том, что на на прополке засоренной пшеницы отличились школьницы Васима Санеева, Халида Самкаева, Разия Ахмадуллина. А в числе передовых хозяйств района идут колхозы «Тургай», «Кызыл юл», «Политотдел» Алькинского сельсовета.

В 1943 г. была отмечена и молодая колхозница колхоза «Алга азат» Кошкинского района Фатима Галимова, которая на вязке снопов выполняет 1,5 нормы, потому что вместо 0,40 га она связывает снопы с площади 0,60 га. В выполнении фронтовых заказов отличились промкомбинаты Борского, Подбельского, Похвистневского и Камышлинского районов[1].

Великая Отечественная война принесла много бед нашему народу. Кроме непосредственно боевых потерь солдат и офицеров, тысячи и десятки тысяч наших сограждан погибли вдалеке от фронта. И не от фашистских пуль, а вследствие катастрофического снижения уровня и качества жизни – болезней, недоедания, отсутствия должной медицинской помощи и других лишений, вызванных войной. Одной из трагических страниц истории нашего края стала массовая эпидемия септической ангины весной 1944 г.

Случаи заболевания септической ангиной встречались и в предыдущие годы, особенно в 1943 г. Хотя они были нередкими и сопровождались многочисленными случаями гибели людей, но особого значения этому явлению никто не придавал, медицинские службы относили их к разряду обычных респираторных инфекций и лечили традиционными препаратами.

Но весной сорок четвертого года случилось то, чего никто не ожидал. Ввиду особых погодных условий конца 1943 г. необычно теплыми стали октябрь и ноябрь, в начале зимы морозов не было вообще и очень рано выпал снег, покрыв большое количество сырого неубранного зерна, и оно осталось зимовать под толстым естественным покрывалом, прело и постепенно превратилось в ядовитый токсичный продукт. Со сходом весной снега этот яд лежал на огромных площадях колхозных полей вблизи населенных пунктов и стал доступен для всех.

Жители этих сел, с трудом пережив очередную военную зиму, как и в предыдущие годы, толпами пошли собирать колоски. Никакие меры местных властей пресечь сбор отравленных колосков результата не давали.

У голодных людей не было выбора – они собирали, мололи заплесневевшее зерно на ручных мельницах и пекли хлеб, лепешки. Как назло, получался по-предательски привлекательный каравай – высокий, пышный, с хрустящей корочкой сверху. Но с запахом дуста и остро-неприятным вкусом.

[1] ЦГАСО, Ф. П-1683, оп. 1, д. 193, лл. 19-21

[2] ЦГАСО, Ф. П-656, оп. 20, д. 39, лл. 491-492

[1] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.) // Сборник документов. Куйбышев, 1966. С. 248., 288.

Примечательно, что такие климатические условия были характерны в ту зимудля значительной территории средней полосы страны – от Пензенской области до Башкирской АССР, включая южные районы Ульяновской, центральные районы Куйбышевской, северные районы Оренбургской областей. Получилась своеобразная, слегка выгнутая к северу, черная дуга народного бедствия.

В апреле – мае сорок четвертого эпидемия септической ангины приняла такие масштабы, что население и органы здравоохранения оказались не готовы к ним.

…После употребления такого хлеба у больных гортань и носоглотка поражались уже на вторые сутки, покрывались язвами и начинали опухать. Потом из носоглотки открывалась течь из гнойно-кровяной смеси. Опухоль охватывала пищевод, гортань, и человек лишался возможности принимать пищу, а потом опухоль перекрывала дыхательные пути. Наступала смерть…

В местностях, охваченных бедствием, объявлялось чрезвычайное положение. За два месяца, что свирепствовала эпидемия септической ангины, в пяти указанных регионах погибли тысячи человек, среди которых почти половину составили дети. В Куйбышевской области с 16 апреля по 11 июня, по данным облздрава, погибло 4958 человек, из них 44 процента дети до 16 лет. Эпицентрами болезни в нашей области стали Ново-Буянский, Елховский и Кутузовский районы. В Оренбургской области – Асекеевский, Абдуллинский и Матвеевский, в Башкирии – Илишевский, Чекмагушевский, Стерлибашевский, Альшеевский, Дюртюлинский районы.

Зловещая насмешка судьбы: в ряде случаев количество умерших от ангины весной 1944 г. превысило (иногда в несколько раз) число жителей того или иного села, погибших на фронте. Так, в селе Теплый Стан Елховского района это соотношение составило 179:165, Мулловке 151:57 и Ново-урайкино 51:18 (Ново-Буянский район).

…После освобождения территории СССР от немецких войск, начиная с осени 1944 г., чувствовалась приближающаяся победа над врагом и окончание войны. Кошкинский, Елховский, Подбельский, Похвистневский, Камышлинский, Шенталинский районы еще весной 1943 г. начали шефствовать за воссстановлением Клетского и Сиротинского районов Сталинградской области, Ново-Буянскому, Ставропольскому, Ново-Девическому, Красноярскому и другим было поручено помочь в восстановлении Глинского района Смоленской области.

Страна продолжала воевать, залечивать раны, восстанавливаться, но уже задумывалась о послевоенной жизни и возвращении к мирному труду и учебе. Хорошие знания снова приобретали свою цену. Среди тех, кто успешно совмещал работу и учебу, отмечен токарь-двухсотник (выполняющий норму выработки на 200 процентов) завода № 42 г. Куйбышева Ахметзянов, окончивший школу с золотой медалью[1].

Как символичный шаг к мирной жизни, в канун победы, 28 апреля 1945 г. вышло постановление бюро обкома ВЛКСМ «Об участии комсомольских организаций в комплектовании педагогических учебных заведений». Документ предусматривал организацию системы набора студентов на 1945-1946 учебный год, при этом Куйбышевский, Сызранский горкомы, Камышлинский, Ставропольский и Подбельский райкомы комсомола должны были оказать дирекциям учебных заведений практичскую помощь и решить вопросы культурно-массовой и физкультурной работы, приобретении музыкальных инструментов, настольных игр, спортивного инвентаря.

Вообще, в это время (в конце войны) различными партийными, советскими и комсомольскими органами вырабатывается целый комплекс мер, предусматривающих возвращение предприятий народного хозяйства, учреждений науки и образования, объектов соцкультбыта к послевоенной жизни.

Это движение было многосторонним. Вновь появлялась общественная инициатива снизу. В апреле – мае 1945 г. группа татар города Куйбышева начала ставить вопрос о создании мусульманской религиозной организации и возвращении сохранившихся зданий мечетей на улицах Обороны и Чкаловской.

Хотя эти попытки оказались безуспешными, неожиданно (после событий 30-х гг.) спокойная реакция властей означала возникновение в стране новой ситуации в государственно-религиозных и национальных отношениях. И породила у татарской общественности определенные надежды на решение в будущем вопросов религиозно-культурного характера. Новые взаимоотношения Советского государства со своими верующими гражданами с 1944 г. стал регулировать аппарат Уполномоченного Совета Народных Комиссаров (с 1946 г. – Совета Министров) СССР по делам религиозных культов с местными представительствами в республиках, краях и областях[1].

…Сразу после четвертой годовщины начала Великой Отечественной войны, 23 июня 1945 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации воинов Красной Армии старших возрастов (по 1906 г. рождения включительно), такой же указ от 23 сентября касался военнослужащих 1907-1915 гг. рождения. Началась массовая демобилизация и возвращение солдат и офицеров к мирной жизни.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Двадцать послевоенных лет не отмечены сколь-нибудь значительными событиями в татарской национальной жизни Куйбышевской области. Изменение политики государства в отношении религиозной идеологии, религиозных организаций и служителей культа в сторону заметного послабления, как показал опыт, совсем не касалось вопросов национальных культур. В послевоенные годы в РСФСР была продолжена (официально продекларированная в конце 30-х гг.) практика, когда, за крайне редким исключени-

[1] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.) // Сборник документов. Куйбышев, 1966. С. 291.

[1] См подробнее: Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской Исторической мечети. Самара, 2011.

ем, все основные вопросы подготовки национальных кадров, печати, книгоиздательства, театральной деятельности и т.д. власти сосредоточили в автономных республиках.

Несколько иное положение было только в районах, которые в 20-е гг. приобрели статус национальных. В Куйбышевской области таким районом был Камышлинский. После закрытия в 1938 г. областной газеты «Колхозче» здесь продолжала выходить газета на татарском языке – последнее ее название «Югары уңыш өчен» («За высокий урожай»), работали педагогическое училище, народный театр при районном Доме культуры области… После ликвидации в начале 1963 г. Камышлинского района (и объединения его с Похвистневским) издание сельской татарской газеты не прекратилось, она стала выпускаться как дублированный вариант районной газеты «Ленинская правда» – под названием «Ленин хакыйкате». А после включения населенных пунктов бывшего Камышлинского района в состав Клявлинского в январе 1965 г. здесь начал выходить татарский «дубликат» районной газеты «Знамя Родины», в переводе на татарский «Ватан байрагы»

При сельских клубах работала художественная самодеятельность. Кадры сельской интеллигенции составляли учителя, агрономы, зоотехники, врачи, культпросветработники. Большую культурно-массовую работу вело радио Татарстана, оно транслировало свои передачи на длинных волнах и покрывало (зачастую с большими помехами) большую территорию Волго-Уральского бассейна, в котором проживала основная часть татарского населения страны. Северные районы Куйбышевской области после установки ретранслятора в Лениногорске получили возможность смотреть телевидение Татарской АССР.

Почти в каждом сельском клубе или школе существовали группы или коллективы самодеятельных артистов. Они создавались и распадались, но были и те, кто оформился в самостоятельный ансамбль со своим творческим лицом, характером и репертуаром. Самый яркий пример – фольклорный ансамбль «Ак каен» села Старое Ермаково, существующий с 1970 г.

Практически во всех местах компактного проживания татарского сельского населения существовали школы с преподаванием родного языка и литературы – в 1965-1966 учебном году их насчитывалось 44. В некоторых из них изучение всех предметов целиком велось на родном языке. Работу татарских и других национальных школ координировал кабинет национального образования при Куйбышевском областном институте усовершенствования учителей (ИУУ). Начиная с конца 30-х гг. его возглавлял известный педагог и краевед Ф.В. Тарзиманов, а с 1964 г. на этой должности плодотворно трудился М.Ш. Нуртдинов, а в годы перестройки руководителем методического кабинета «Русский язык в национальной школе» (такой статус получил тогда прежний кабинет национального образования) стал Я.И. Нуруллин.

В городах ситауция была иной. В Куйбышеве первого послевоенного времени татарскую жизнь можно ассоциировать исключительно с религиозными мероприятиями бытового, домашнего характера. А культурная составляющая их повседневной жизни состояла из посещений редких концертов артистов из Татарской АССР. Хотя с середины 20-х – до конца 60-х гг. татарское население Самары – Куйбышева увеличилось почти в 8 раз, оно в силу объективных условий (вернее, отсутствия их) в культурно-массовом плане себя практически не проявляло. В истории, как исключение, зафиксирован только один такой эпизод.

После войны группа самодеятельных артистов, которыми руководил профессиональный артист театра юного зрителя (ТЮЗа) Зиннатулла Гумеров, показала несколько спектаклей в рабочих клубах Куйбышева. В творческую группу входили также Фатых, Марьям и Рауза Абдулловы, Шайхи и Файруза Низамутдиновы, Рашид Хабибуллин и другие. Артисты для реквизита спектаклей собирали у родных и знакомых национальную одежду, предметы утвари, распространяли билеты. Из столицы Татарской АССР через проводников поезда «Казань – Куйбышев» сюда передавались ноты, тексты сценариев, другие материалы для постановок. Самодеятельные артисты гордо называли свою творческую группу «Куйбышевским татарским театром».

Но инициативу татарской интеллигенции власти не поддержали и творческая группа вскоре прекратила существование.

Во второй половине 40-х – первой половине 60-х гг. национально-культурная, да и религиозно-духовная жизнь татар других городов (Ставрополя, Сызрани, Новокуйбышевска) носила практически бытовой характер.

Начиная с середины 50-х гг. под влиянием решений XX съезда КПСС и хрущевской «оттепели» представители татарской интеллигенции, в первую очередь, в ТАССР, а также других регионов страны выдвигали предложения по повышению государственного статуса республики, принятию решений по развитию национальной культуры и языка.

…30 апреля 1956 г. в почтовых ящиках 35 казанских квартир было обнаружено письмо объемом в 5 страниц с «воззванием антисоветского содержания». В нем содержалось обращение к различным учреждениям и лицам Татарской и Башкирской АССР, Арзамасской, Чкаловской, Куйбышевской областей, преимущественно татарским пединститутам, училищам и школам. Текст письма-воззвания был написан от руки на татарском языке печатными буквами и размножен при помощи копировальной бумаги одним лицом, подписавшимся, как И. Бикбулат от имени «комитета по организации мероприятий по вопросам национальной свободы».

Воззвание начиналось с заявления о притеснениях, которые «татарский народ терпел в течение 400 лет». Далее автор воззвания разоблачает политику русификации в области просвещения. Данная листовка любопытна тем, что ее автор в отличие от тех, кто письменно обращался в официальные инстанции, апеллирует, выражаясь его словами, к «чистым, свежим силам народа». Составитель (или составители листовки) не верил в созидательный потенциал власти, во всяком случае, при решении национального вопроса… [1].

Правоохранительным органам не удалось найти авторов и распространителей данного воззвания. Нам также неизвестно, дошло оно до адреса-

[1] История татар. Т. VII. Казань, 2013. С. 413.

тов в Куйбышевской области и как на него отреагировали компетентные органы. Но данный факт еще раз и наглядно продемонстрировал недовольство части татарской общественности состоянием национальной культуры, родного языка, перспективами их сохранения и развития.

Такие настроения в татарском обществе присутствовали (и нарастали) и позже, после времени надежд, связанных с хрущевскими переменами 50-х гг. Через много лет после описанных событий из Куйбышева в Президиумы Верховных Советов СССР и Татарской АССР, Татарский обком КПСС, а также, по распространенной в советские годы традиции, редакциям нескольких центральных газет («Правда», «Известия», «Литературная газета». «Советская культура») были направлены письма, в которых была выражена озабоченность и тревога за судьбы татарского языка и культуры, неудовлетворенность отношением государства к этим проблемам, выдвигались конкретные предложения по исправлению ситуации конкретно по нашей области. Их автором стал инженер-конструктор Куйбышевского авиационного завода А.К. Надиров.

Переписка с государственными органами и редакциями газет продолжалась несколько лет – с 1979 по 1981 гг. И окончилась встречей в облисполкоме, куда на беседу с Надировым были приглашены представтели облОНО, телерадиокомитета, отдела культуры и некоторых других ведомств. В целом со стороны областного руководства было выражено сомнение в выполнимости выдвинутых предложений. Для этого приводились причины организационного, финансового характера. Через некоторое время, как вспоминает Азат Камилович, по областному телевидению были показаны два коротких концерта татарских артистов. По всей видимости, для отчета о «реакции на письма трудящихся»…

Жизнь шла своим чередом. Период середины 60-х гг. – середины 80-х гг. можно назвать временем наилучшей жизни советского народа. Росло материальное благосостояние и культурно-образовательный уровень граждан, развивалась социальная инфраструктура, благодаря выдвинутой партией и государством политики «сближения города и деревни», огромный шаг вперед в социально-экономическом развитии сделало село.

Страна превратилась в «самую читающую» в мире. Это в полной мере относилось также к татарам, башкирам, чувашам и другим народам СССР. Таблица, которую мы приводим в приложении 17, наглядно показывает, насколько люди были заняты чтением, в том числе, газет и журналов на родном языке.

В этих условиях, хотя сохранение национальной культуры не было в числе приоритетов Советской власти, она продолжала жить и развиваться в силу объективных причин: высокой рождаемости и прироста населения, улучшения его благосостояния, повышения образовательного уровня и так далее… Нашему обществу в силу известных причин тогда не были известны такие явления, как массовая культура и глобализация. К тому же большинство людей в первые послевоенные десятилетия продолжало жить на селе – источниках и хранилищах родного языка и народного образа жизни, которые в естественной форме обеспечивали воспитание подрастающего поколения в традиционной национальной атмосфере.

Но с конца 50-х гг. XX в. урбанизация стала принимать ускоренные темпы, в результате чего соотношение сельского и городского татарского населения начало постепенно, но нуклонно меняться в пользу второго. Окончательный перелом произошел в 70-е гг., между Всесоюзными переписями населения 1970 и 1979 гг.

Таким изменениям способствовало бурное развитие промышленности в Куйбышеве, Новокуйбышевске (нефтехимия), Сызрани. Но особенно подхлестнуло этот процесс строительство с конца 60-х гг. Волжского автозавода по производству малолитражных автомобилей. Всесоюзная стройка, а потом и работа на новом современном предприятии привлекли в новый молодежный город Тольятти десятки тысяч бывших сельчан, в том числе татар Куйбышевской области и соседних регионов. Например, татарское население города Тольятти с 1970 до 1989 гг. увеличилось в три раза (см. приложение 1 9), а Автозаводского района города – в 4 раза.

Таким образом, огромное количество татар – жителей сел и малых городов влились в городскую среду, которая, с одной стороны, обеспечивала более высокие стандарты жизни, и с другой – способствовала усилению процессов ассимиляции и потери родного языка, традиций и национального самосознания.

Урбанизация привела в города значительное количество татар и представителей других народов, которые, получая среднее и высшее образование, доступ к достижениям современной культуры и трудясь на различных участках народного хозяйства, оставались в то же время в первом поколении носителями родного языка. Это уникальное сочетание в сравнительно большой массе людей нескольких качеств стало основной предпосылкой и условием возникновения в Куйбышеве и (позже) других городах простейших форм татарской культурно-бытовой жизни, которые в народе получили название «пятачков». В Куйбышеве молодежь в послевоенные годы стала собираться на них сначала на площади Кирова – точная дата не поддается определению, потом местом сбора на импровизированную танцплощадку стал Загородный парк.

Зато известнен день, когда в первые собрался татарский «пятачок» в Тольятти – 1 мая 1967 г. в центральном городском парке.

Стали появляться неформальные объединения более высокого уровня – самодеятельные творческие коллективы, малые и большие, талантливые и не очень. В середине 60-х гг. при ДК на площади Кирова г. Куйбышева был организован татарский ансамбль под руководством Розы Шайхутдиновой. В начале 80-х гг. новокуйбышевская молодежь тоже создала творческий коллектив, получивший название «Дуслык».

Самую долгую и счастливую жизнь (в творческом смысле) проживает ансамбль «Ялкынлы яшьлек», появившийся (по инициативе группы молодых энтузиастов национальной культуры – Ильгиза Колючева, Шамиля Сатдарова, Камиля Шамкаева, Мидхата Галимуллина) в 1970 г. и фактически служивший в те годы татарским национально-культурным обществом. Вокруг него объединялась не только молодежь, пробующая себя на концертной сцене, но и представители татарской обществен-

ности постарше, находившие здесь единомышленников и общение в родной среде. Кстати, многие из них в конце 80-х гг. стали родоначальниками татарского национально-духовного движения нового времени.

Массовый приход в 50-60-е гг. из деревни в города людей, воспитанных в национальном мусульманском духе, умножил и укрепил религиозную общину, приведя к открытию в областном центре в 1967 г. мечети (в 2017 г. ей исполняется 50 лет). Мечеть на Малом Тупике, 127 (вначале имевший статус молельного дома) взяла на себя роль центра духовной жизни татар Куйбышева и области.

Постоянными, правда, далеко не частыми, стали в эти годы в Куйбышеве, Тольятти и Новокуйбышевске (здесь местом их выступлений был клуб «Слава») концерты татарских артистов (намного реже – гастроли театров). Эти гастроли пользовались огромной популярностью татарской публики, почти всегда заполнявшей залы. Например, зрители областного центра старшего поколения начиная с 50-х гг. застали еще выступления в Куйбышеве таких звезд татарской эстрады, как Усман Альмеев, Зифа Басырова, Габдулла Рахимкулов, Венера Шарипова, Мухтар Ахмадеев, Айрат Арсланов, Файзи Юсупов и других. А также первые шаги молодых артистов – Ильгама Шакирова, Флеры Сулеймановой, Альфии Авзаловой, Тагира Якупова, Рамиля Курамшина… Эти концерты проходили обычно в старой части города – филармонии (еще старом здании), Доме офицеров, клубах имени Дзержинского и «Звезда».

И только потом, в начале 70-х гг. татарскими артистами начала постепенно «осваиваться» рабочая Безымянка. Первый концерт прошел там в ДК на пл. Кирова в сентябре 1973 г. – в нем участвовали Сара Садыкова, Зулейха Хисматуллина, Рафаэль Ильясов.

В начале 70-х гг. возникла традиция показа в городском Дворце спорта большого концерта татарских певцов, танцоров и мастеров художественного слова. И в январе каждого года, после новогоднего праздника, на досках объявлений по всему Куйбышеву появлялись огромные афиши синего цвета «Зур концерт», извещавшие о большом культурном «десанте» из Казани. На каждый из этих двух или трех концертов выходные дни собиралось до 4 тысяч зрителей.

Объявление в газете «Волжская комунна» от 6 января 1974 г.

Примерно в то же время, в 1973 г. при Куйбышевской филармонии был создан татарский ансамбль «Дуслык», им руководил известный композитор и исполнитель Риф Сафиуллин. Коллектив состоял из 10 человек – артистов разного жанра. Среди них была и ныне заслуженная артистка Республики Татарстан Гульзада Сафиуллина. Ансамбль просуществовал до 1979 г. После того как скоропостижно скончался Риф Сафиуллин – руководитель и душа коллектива, артисты разъехались из Куйбышева.

Областное управление культуры по случаю юбилейных дат в истории проводило фестивали народного творчества с участием профессиональных артистов и национальных коллективов художественной самодеятельности. Такие мероприятия проходили в зале филармонии – самое большое из них проходило в апреле 1970 г., в дни празднования 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. 21 июня 1970 г. Куйбышевский областной Дом народного творчества провел праздник народного искусства, в котором приняли участие русские, татарские, чувашские, мордовские фольклорные коллективы из 13 районов области[1].

В ноябре 1972 г., в преддверии 50-летия образования СССР, в Куйбышеве состоялся настоящий праздник национального театрального искусства – куйбышевским зрителям показали спектакли Татарский государственный театр драмы и комедии (с 1988 г. – театр имени Галиаскара Камала) и Башкирский государственный академический театр драмы имени Мажита Гафури.

[1] «Волжская коммуна», 1970, 24 июня

Вслед за этим, 7-9 января 1973 г. во Дворце культуры «Звезда» состоялся праздник народного творчества, тоже приуроченный к 50-летию СССР. В зональном смотре сельских самодеятельных коллективов приняли участие более тысячи певцов, танцоров и чтецов из Волгоградской, Куйбышевской, Пензенской, Ульяновской областей, Башкирской и Татарской АССР.

Осенью 1987 г. (в год 70-летия Великого Октября) в рамках последнего в советское время Всесоюзного фестиваля народного творчества во Дворце культуры 4 ГПЗ куйбышевские зрители познакомились с творчеством казанского фольклорного ансамбля «Сорнай» и хора при ДК имени Орджоникидзе города Уфа.

Представители татарской общественности в 60-70-е гг. начали добиваться успехов на руководящих должностях в партийных и советских органах и различных отраслях народного хозяйства. Первым секретарем Челно-Вершинского райкома КПСС работал Г.З. Нафиков, председателем Кошкинского райисполкома – А.М. Хамидуллин, Клявлинского – Х.К. Камалеев. Директором завода «Продмаш» стал Ф.Х. Абдуллов, треста «Теплоизоляция» – Ф.В. Мифтахов, завода кабелей связи – А.К. Бульхин, филиала 4 ГПЗ – М.Ш. Мифтяхов, специализированного рыбного магазина «Океан» – С.И. Каюмова, филиала универмага «Самара» – У.А. Амиров, начальником управления треста «Куйбышевремстрой» – В.Г. Мухаметшин, куйбышевского управления треста «Южуралэлеваторстрой» – А.Ш. Тимербулатов, главным врачом клиник медицинского института – А.С. Ахметзянова,

заместителем председателя облпотребсоюза – А.М. Амиров, главным бухгалтером сначала сталелитейного, а потом металлургического завода – М.А. Узбеков и другие.

На ответственных должностях в системе потребкооперации, советской торговли и бытового обслуживания населения трудились Муталляб Аюпов, Закария Салюков, Шамиль Аюпов, Лябиб Мустафин, Али Вальшин, Усман Амиров и другие.

Воспитанник куйбышевской футбольной команды «Крылья Советов» Галимзян Хусаинов стал капитаном московского «Спартака» и ведущим игроком сборной СССР. Тогда же взошла новая звезда куйбышевского спорта под именем Хабиль Бикташев. В мае 1983 г. он на соревнованиях в Париже стал чемпионом Европы по дзюдо[1].

В середине 70-х гг. ведущим солистом Куйбышевского академического театра оперы и балета стал выпускник Пермского хореографического училища Наиль Гимадеев. В 1982 г. он удостоен звания заслуженного артиста РСФСР.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

…В начале 80-х гг. Советский Союз вступил в период глубокого системного кризиса. Необходимость перестройки всей жизни страны, объявленная в 1985 г. новым руководством СССР во главе с М.С. Горбачевым, всколыхнула и татарскую общественность. Летом 1988 г. в столице Татарской АССР Казани группа представителей национальной научной интеллигенции во главе с доцентом исторического факультета КГУ М.А. Мулюковым (1930-1997 гг.) выступила с предложением создать, как тогда говорили, неформальную Всетатарскую национальную организацию – Татарский общественный центр (ТОЦ).

Инициатива получила широкую поддержку во многих городах, областях и республиках, где проживали деятельные представители интеллигенции. В Куйбышев новость об идее казанских интеллектуалов привез летчик Приволжского управления гражданской авиации Фаик Фарукшин, уроженец Татарстана, направленный после окончания Киевского института инженеров гражданской авиации на работу в аэропорт «Курумоч».

Он стал искать будущих соратников в мечети и во Дворце культуры металлургов нашел понимание и поддержку. А вскоре, в перерыве очередного концерта «Ялкынлы яшьлек», прямо за кулисами осенью 1988 г. собрались первые активисты национального движения: Фаик Фарукшин, инженер авиационного завода А. Надиров, инженер завода «Прогресс» А. Нафигин и представители религиозной общины – В. Кадыров, М. Сафин, Ш. Ягудин.

В то же время совершенно самостоятельно начала работу другая инициативная группа в составе коллег-юристов Ш. Ахмерова, А. Абдрафигова и Н. Шарапова. Они начали свою работу с очень важного этапа – с подготовки юридических документов к регистрации новой организации. А 5 декабря в маленькой квартире Фаика Фарукшина в двухэтажке на углу улиц Авроры и Дыбенко состоялось первое совместное заседание двух групп. На нем были приняты план совместных действий, обращение в обком КПСС и облисполком, в котором излагались цели и задачи татарского национально-культурного общества и просьба о содействии со стороны различных государственных органов. Первым председателем оргкомитета «Туган тел» стал Шамиль Ахмеров.

Следующим этапом в создании общества явилось собрание в актовом зале Дома молодежи 21 января 1989 г. На приглашение (афишу, написанную от руки и развешанную на больших остановках городского транспорта и у заводских проходных) отозвалось примерно 150 человек, было много выступавших с конкретными предложениями по возрождению некогда полнокровной татарско-мусульманской жизни в городе.

Тогда же энтузиасты татарской культуры познакомились и наладили отношения с директором радиоцентра № 3 Н.В. Бакумов, усилиями которого по нашей просьбе в 1992 г. было создано многонациональное «Радио-7 из Самары», выходившее в эфир до декабря 2002 г.

На первом собрании были выполнены необходимые юридические процедуры и избран оргкомитет по созданию Куйбышевского татарского культурного центра «Туган тел». В него вошли (список приводится по протоколу собрания): Ш. Ахмеров, юрисконсульт комбината надомного труда, Р. Абдулов, инженер ЗиМа, А. Абдрафигов, юрисконсульт объединения «Куйбышевразнобыт», Л. Галиева, учительница, Э. Кабиров, инженер КуАЗа, А. Надиров, инженер КуАЗа, Н. Шарапов, адвокат юридической консультации Советского района, Д. Субеева, преподаватель, Р. Сайдуллаев, мастер производственного обучения, А. Валишев, рабочий ЗиМа, А. Нафигин, инженер завода «Прогресс», Ф. Давыдов, журналист, Ф. Фарукшин, штурман Приволжского авиаотряда, Р. Ягудин, заместитель председателя кооператива «Сезон», Н. Галимова, художник 9 ГПЗ.Н. Шамаков, старший техник НИИ.Г. Камальдинова, библиотекарь, Ш. Галимов, корреспондент газеты завода «Прогресс», Г. Сайхутдинова, зубной врач, М. Сафин, рабочий автобусного парка, Ф. Валеева, пенсионерка.

Уже на второй день, 22 января, в воскресенье, центр фактически приступил к работе: в комнате № 26 на втором этаже городского Дома молодежи собрались те, кто пожелал заняться непосредственной работой по возрождению татарского языка и культуры. Сюда пришли Мансур Ямалетдинов, Эльсор Кабиров, Равиль Ягудин, Асия Нугманова, Рашид Абдуллов и многие другие. В их числе, разумеется, были и те, кто стоял у самых истоков национального движения.

17-18 февраля наша делегация (Вагиз Яруллин, Идеал Галяутдинов, Альфия Гиниятуллина, Мурат Сафин, Фаик Давыдов, Шамиль Ахмеров, Равиль Ягудин и Диляра Габбасова) приняла участие в работе первого съезда «Народного движения в поддержку перестройки – Татарский общественный центр», с большим подъемом прошедший в Казани, в здании театра имени Галиаскара Камала.

[1] Самара – Куйбышев, 1586-1986. Хроника событий. Куйбышев, 1986. С. 321.

О создании в Куйбышеве татарского национального общества сразу стало известно широкому кругу людей, которые, казалось, только и ждали этого. Третьего февраля около двухсот человек пришли в клуб «Аврора» на первый (снова уместно употребление этого слова) татарский вечер встречи. 27 февраля уже тысячи куйбышевских татар собрал «Зимний Сабантуй» во Дворце спорта КуАЗа. Тогда же по инициативе директора школы вечерней молодежи (ШРМ) № 15 Хариды Дашкиной началась работа по созданию в городе татарской школы – сейчас это муниципальное образовательное учреждение школа «Яктылык» на улице Александра Матросова (в этом году школе исполняется 20 лет).

Весной 1989 г. актив «Туган тел» пополнили Минахмет Сагиров, Шамиль и Наиля Багаутдиновы, Альфия и Фархат Махмутовы, Гельсина Нуруллина, Марат Гибадуллин…

В подготовке нескольких культмассовых мероприятий первых месяцев работы общества приняли участие Альфия Гиниятуллина, Идеал Галяутдинов, Раиля Галлямова-Сафина. С первых наших праздников и до сегодняшнего дня на культмассовом направлении татарских общественных организаций неустанно трудится руководитель ансамбля «Ялкынлы яшьлек» Ильгиз Колючев.

Процесс пополнения движения свежими силами происходил постоянно. Вскоре к нам присоединились Шаукат Хайбуллов, Рафик Абдеев, Гали и Хайдар Гареевы, Ильшат Каюмов, Асия Ахметова, Марат Ахтямов, Наиль Халиуллин, Гузель Ямалетдинова, Лилия Абдрафикова, Наиля Зимукова, Резеда Бадыкова, Вилия Хайбуллина, Нияз Хабибуллин, Рушания Мингазова, Райса Гибадуллина, Ринат Шарифуллин, Нил Шамаков, Назыф Ибрагимов, Мазгут Шакмаев, Фаима Рязапова, Розалия Халиуллова, Аклима Кантемирова, Сария Маннанова, Салих Валиахметов, Асфандияр Валитов, Джаудат Бурганов, Рафик Шафигуллин, Флорида Лукманова и другие. Многие из названных выше первопроходцев татарского движения на самарской земле до сих пор в той или иной форме участвуют в национально-духовном движении.

Окончательное юридическое оформление Куйбышевского татарского центра «Туган тел» было завершено на учредительной конференции 27 мая, в том же зале Дома молодежи, после чего организация получила в отделе юстиции облисполкома регистрационные документы и открыла расчетный счет.

Афиша научной конференции в Доме политического просвещения обкома КПСС, 1989 г.

24 июня на Куйбышевском ипподроме прошел первый в новое время Сабантуй, в 2017 г. он состоится уже в 29 раз.

17 сентября, 1989 г. на ул. Партизанской состоялся многолюдный митинг, положивший начало строительству в областном центре новой мечети. Позже место строительства было перенесено на площадку на углу улиц Стара-Загоры и XXII партсъезда.

В апреле 1990 г. вышел первый номер газеты «Бердэмлек» (главный редактор Р.Н. Аглиуллин), с августа 2003 г. – при Соборной мечети газета «Салям» (первый редактор И.Х. Сафин, сейчас работой газеты руководит Ш.С. Багаутдинов), с июня 1996 по июнь 2013 гг. на русском языке издавалась газета «Азан» (редактор Ш.Х. Галимов). С июня 1992 по декабрь 2002 г. в рамках многонационального «Радио-7 из Самары» (первый директор А.С. Шамсутдинова) вещала татарская редакция «Ак бэхет» (редактор Ш.С. Багаутдинов). В 1996 г. при Дворце культуры «Заря» г. Самары был организован и продолжает работать второй эстрадный ансамбль «Идель» (руководитель М.Ш. Аминов).

Несколько творческих коллективов работает при татарской национально-культурной автономии Тольятти, а также в Сызрани, Жигулевске, Нефтегорске. В настоящее время усилиями областного общества «Туган тел» действует национальный медиа-портал samtatnews (редактор Р.Р. Нуртдинова), издается двуязычный журнал «Самарские татары» (редактор Д.И. Сайфиев).

… Сейчас, по прошествии многих лет, анализ событий конца 80-х гг. показывает, что партийная власть Куйбышевской области сначала «с долей недоверия и скептицизма встретила активистов татарского населения, желавших создать общественную организацию»[1].

Но представители татарской общественной организации «выбрали правильную тактику: формулирование не ультимативных, а взвешенных требований, не захваливание власти, а стремление к достижению договоренности с ней, умелое подключение к переговорам, выражаясь современным языком, представителей татарской бизнес-элиты. И власть, оценив такой курс, стала помогать обществу «Туган тел». Обкому комсомола поручили «приютить» зарождающийся центр в «Доме молодежи». Это обстоятельство, пожалуй, сыграло решающую роль в выстраивании конструктивных отношений с различными органами власти и столь долгую эффективную деятельность татарских общественных организаций – «Туган тел» и всех, которые возникли позже.

Примерно по такой же схеме зарождалось татарское движение нового времени в других городах Самарского края. В качестве иллюстрации можно остановиться на втором по экономическому потенциалу и численности населения (в том числе и татарского) городе области – Тольятти.

Перестроечные процессы в татарской среде Автограда начали чув-

[1] Шакиров Р.М. Взаимодействие партийных, советских органов и национально-культурных организаций Куйбышевской области в деле возрождения культуры и традиций нерусских народов Самарского края в годы перестройки (1985-1991 гг.) // В сб. «Национально-духовное возрождение мусульманских народов конца XIX и конца XX вв.: перекличка эпох. Самара, 2016. С. 80.

ствоваться раньше других городов области. Сначала при отделе культуры ВАЗа возник татарский эстрадный ансамбль «Гульшан» (художественный руководитель Яхья Мязитов), начавший успешную концертную деятельность. Коллектив составили талантливые артисты: Фаниль Лотфуллин, Наиль Загретдинов, Талгат Нигматуллин, Хеллия Абдуллина и другие.

Но самым первым толчком к всплеску общественной инициативы стало проведение в 1987 г., в рамках празднования 250-летия города, первого в истории Тольятти праздника Сабантуй. Он прошел на площадке у магазина «Русь», руководителем оргкомитета стал мастер спорта СССР по самбо и вольной борьбе Ш.М. Гайнуллов. Главным событием праздника стали соревнования по татарской национальной борьбе «керэш», в котором участвовало 30 борцов.

В следующем 1988 г., Сабантуй состоялся у рынка Автозаводского района «Пирамида». А с 1989 г. он приобрел постоянное место – живописный парк неподалеку от берега Волги. Первыми его спонсорами стали Джамиль Валиуллин (фирма «Правит»), Ирек Галимов, Рашит Насыров («Юнис-групп»), Рахим Гизатов («Эффект»), администрация города и другие. Благодаря их помощи праздник – важнейшее мероприятие ежегодного Дня города сразу же приобрел широкий размах, который сохраняется до сих пор.

За два с лишним десятилетия Сабантуй вТольятти завоевал огромную популярность, поучаствовать в соревнованиях по татарской борьбе приезжают со всего Поволжья, Приуралья, стран СНГ. Аксакал татарского Сабантуя Шамиль-ага Гайнуллов стал за это время одним из самых авторитетных специалистов в национальной борьбе «керэш» во всей России и судьей республиканской категории по этому виду спорта.

В нынешнем году Тольяттинский Сабантуй будет проводиться в **?** раз!

А тогда, в 1989 г., возникла инициативная группа по созданию татаро-башкирского центра «Туган тел». Инициаторами его создания и первыми активистами стали Исмагиль Аминов, Ирек Ситдыков, Валиян Ахмадеев, Луиза Насырова, Нурмухамет Ярмеев, Роза Загидуллина, Танзиля Хайруллина, Хаким Хайруллин, Сагит Хужакаев, Минегель Мухитова, Нурислам Хусаинов, Наиля Аблатипова, Габбас Латыпов, Ахмет Аминов, Кирам Исмагилов, Талгат и Миннури Зиятдиновы, Харис Хисамутдинов, Али Тугушев, Файзехан Аминов, Рашида Гилязова, Рафик Чулаков.

Общество «Туган тел» начало активную работу по привлечению внимания татарской общественности к необходимости сохранения татарского языка и культуры в условиях города, а также проведению культурно-массовых мероприятий. Осенью 1989 г. в заполненном до отказа зале ДК «Юбилейный» прошел вечер, приуроченный к 1100-летию принятия ислама на Волге. В нем участвовали председатель куйбышевского общества «Туган тел» Рашид Абдуллов, казанские ученые-историки Фаяз Хузин и Гамиржан Давлетшин, имам куйбышевской мечети Вагиз-хазрат Яруллин. Праздник закончился большим концертом тольяттинских артистов. Потом состоялись фестиваль «Играй, гармонь!», Навруз, детские Новогодние елки, молодежные дискотеки и многие другие мероприятия. Они вызывали большой интерес татарского населения города.

Через некоторое время в трех школах возникли факультативные группы по изучению татарского языка – № 37 (преподаватель Гульшат Тугушева), № 57 (Гульшат Саниева), № 74 (Минегель Мухитова). В них занималось в общей сложности около 100 детей.

Заявления родителей активисты «Туган тел» собирали, обходя квартиры тольяттинских татар и ведя большую агитационную работу среди населения.

Вместе с пробуждением инициативы татарской общественности начался работа по строительству мечети (попечительский совет возглавили члены татаро-башкирского общества «Туган тел» Ирек и Роза Каримовы). Первая очередь Тольяттинской мечети была введена в эксплуатацию в 1997 г.

Через шесть лет, в 2003 г. были начаты работы по реконструкции Соборной мечети, которые завершились торжественным открытием комплекса 8 декабря 2007 г.

В это же время в Тольятти возник новый ансамбль «Ялкнын» (руководитель Наиля Аблатипова), в который вошли самобытные артисты различных жанров: Хатижа Гиниятова, Наиль Насыров, Равиль Туймакаев, Рашит Нурмухаметов, Луиза Насырова, Лилия Валеева. Коллектив выступал не только для тольяттинской публики, но и в Самаре, Сызрани, татарских селах Самарской, Ульяновской и Оренбургской областей. Солистка ансамбля «Ялкын», автор лирических песен Хатижа Гиниятова стала лауреатом и дипломантом песенных фестивалей.

Жизнь тольяттинских татар с конца 80-х гг. преобразилась. Вошло в привычку посещение национальных праздников, стали обычным делом гастроли артистов эстрады из Татарстана и Башкортостана.

…К концу 90-х гг., в силу разных причин, движение за сохранение татарской культуры в Тольятти начало ослабевать. Возникла реальная угроза потери достигнутого за первые годы татарского возрождения. Нужны были новые подходы к делу, и они были найдены: группа татарских бизнесменов и активистов общества «Туган тел» решила создать национально-культурную автономию. Ее учредительная конференция состоялась 22 февраля 2001 г. Десять лет ее возглавлял Д.Р. Валиуллин, потом Р.Р. Нурмухаметов (1965-2017 гг.), а сейчас на этой важной общественной должности трудится Р.К. Кирасиров.

…С начала возрождения татарского национально-духовного движения конца 80-х гг. прошло более четверти века. Татарская жизнь нашей области изменилась до неузнаваемости, многочисленные общественные объединения при содействии Правительства Самарской области, администрации города Самары, исполнительных и законодательных органов других муниципальных образований ведут широкую работу культурно-массового и духовно-просветительского характера. Благое дело, начатое в Куйбышеве в 1989 г., стало мощным толчком к возрождению добрых традиций татарского меценатства. Десятки и десятки деловых людей в Самаре, Тольятти, Сызрани, других городах и районах области стали бескорыстно, из самых лучших побуждений помогать проведению праздников Сабантуй, Навруз, детских фольклорных фестивалей, образовательным учреждениям, строительству мечетей, изданию газет, книг, журналов, участвовать в благотвори-

тельных акциях. Это – У. Амиров, Р. Ягудин, В. Мухаметшин, А. Горланов, М. Халиуллов, И. Шакуров, Ф. Канюкаев, Р. Хузин, Ш. Хисамутдинов, А. Бульхин, Н. Вахитов, Р. Аюпова, Ф. Хакимова, Х. Бикташев, Р. Латыпов, Д.А. Валиуллин, Д.Р. Валиуллин, Х. Юзеев, И. Галимов, Р. Насыров, С. Рафиков, И. Гильманов, Х. Иксанов, Х. Аюпов, И. Шамсутдинов, Д. Шарапов, Г. Батршин, М. Латыпов, Р., Хакимов У. Илингин, В. Фатыхов, Г. Шайхутдинов, Й. Мингачев, А. Аглиуллин, И. Давлетшин, С. Каюмова, А. Ибрагимова, И. Бикташев, Т. Аюпов, Х. Гиниятуллин, Х. Шарифуллин, Н. Рахматуллин, М. Мухаметшин, Т. Хузин, А. Сулейманов, Н. Сайфутдинов, Р. Давлетшин, Н. Тахаутдинов, Н. Феткуллов, Р. Салахов, В. Сайфутдинов, Р. Назиров, И. Гильманов, К. Бурундуков, М. Шабуров, Р. Курбаналиев, С. Краснова-Игенбетова, М. Хасянов, Р. Абдуллов, Д. Вагапова, М. Гарифуллин, Р. Хузин, А. Мухаметгалеев, Р. Харисов, Х. Шабаев, Р. Салюков, Д. Гайсин, Я. Насыров, М. Бирюков, Г. Каюмов, С. Хайруллин, Х. Шарипов, Д. Сулейманов, И. Латыпов, Р. Гильманов, Р. Шамионов, Р. Абдрахманов, М. Харисов, Х. Каюмов, Р. Сулейманов, Ш. Мингачев, Г. Замалетдинов, С. Шакуров, А. Абдразаков, Р. Зилялетдинов, Р. Кадямов, Р. Хакимов, М. Бикташев, Ш. Закиров, Р. Абдрашитов, Н. Ибятуллин и многие другие. Говоря по большому счету, на активистах национально-культурных и мусульманских организаций и финансовой помощи деловых людей в основном и держится общественная жизнь татар Самарской области.

В 90-е и последующие годы в татарской общественной жизни в составе разных организаций («Туган тел», «Азатлык», «Дуслык», Самарская областная и городская национально-культурные автономии и других) активное участие принимали десятки человек: Фарида Зиннатуллина, Гельфия Азизова, Наиль Загретдинов, Рамиль Тухвачин, Алсу Баязитова, Ринат Ишмеев, Марс Бикбаев, Фарид Биктимиров, Фания Биккулова, Равиль Вагапов, Талгат Гареев, Данияр Сайфиев, Риф Назмеев, Аняс Мингалеев, Альбина Махмутова, Руслан Умяров, Лилия Рахмаева, Анвар Махмутов, Резеда Алешева, Рустам Мухаметжанов, Ринат Ямалетдинов, Гелия Сарварова, Юсуф Сайфутдинов, Гелия и Гузель Аллабирдины, Наиля Низамова, Рузалия Курамшина, Гельфия и Райса Халиуллины, Галия и Райса Бадретдиновы, Гузалия Махмутова, Лилия Мильгизина, Раиль Минибаев, Гузель Рахматуллина, Талгат Хасянов, Джамиль Махмутов, Гузель Залялетдинова, Ригиль Курмаев, Джамиль Шарипов, Альфия Кирасирова, Лилия Бикбаева, Гали Чукмаров, Гузель и Фирюза Мустафины, Джамиль Махмутов, Эльмира и Ильнар Сулеймановы, Мидхат Абдульманов, Анвар Шакиров, Раиль и Ильфат Гариповы, Юлия Хасаншина, Альберт Гареев, Ильдар Маннанов, Азамат Илалов, Зульфия и Алсу Сафиуллины, Гузель Асадуллина, Гузель Мустафина, Ислам и Румия Сабировы, Радик Минахметов, Алсу Латыпова, Гельфия Каримова, Винер Нурмухамитов, Ринат Сафин, Гузель Галимова, Юлия Карипова, Гульшат Зимнурова, Лилия Мавлютова, Зульфия Галимов и многие другие.

За это время Самарское областное татарское общество «Туган тел» возглавляли Р.Ф. Абдуллов, А.К. Надиров, В.Г. Мухаметшин, Ш.С. Багаутдинов, А.К. Бульхин, Ф.Б. Канюкаев, И.И. Колючев, сейчас президентом является И.Г. Шакуров. В областном

центре позже выросли и состоялись как самостоятельные организации и составные части татарского движения Самарская областная татарская национально-культурная автономия (первый председатель М.М. Халиуллов, теперь им руководит А.И. Горланов), городская татарская национально-культурная автономия (первый председатель Д.А. Валиуллин, нынешний – Р.Т. Хузин), творческая общественная организация «Дуслык» (президент Ф. Б Канюкаев), историко-культурный фонд «Булгарское наследие» (председатель Г.М. Батршин), женская организация «Ак калфак» (председатель Р.А. Аюпова).

В 1989 г. вслед за Самарой и Тольятти татары самоорганизовались и в Сызрани. Первым руководителем городского общества «Туган тел» стал ветеран Вооруженных Сил СССР, полковник в отставке Г.Г. Габдрашитов. С 2007 г. ведущей татарской общественной организацией здесь стала национально-культурная автономия (первый председатель И.Г. Гильманов, сейчас организацию возглавляет Р.И. Шарафутдинов).

Несколько лет в райцентре Похвистнево работало общество «Туган тел», которым руководил Б.А. Хамитов, сейчас в районе существует другая организация под таким же названием (ее возглавлял Р.М. Латыпов в 1965-2017 гг.). В Шентале многие годы успешно действует общество «Нур», которое было создано по инициативе музыканта М.Б. Расулова. Несколько лет назад образовались и начали работать татарские организации в Новокуйбышевске (первый председатель Р.С. Ситдыков, сейчас на этой должности трудится Р.А. Азизов) и Жигулевске (И.Б. Шарафутдинов).

…Конечно, новый этап в истории нашей страны и, как следствие этого, период активизации национально-культурной жизни самарских татар ни в коем случае нельзя считать эпохой сплошных побед и достижений. Причина этого состоит в том, что возможности гражданского общества и общественности во многих сферах ограниченны, в удовлетворении многих национально-культурных потребностей татарского населения решающая роль принадлежит государству. Только поэтому работа в таком важнейшем направлении, как восстановление системы национального образования в Самаре, существовавшей в дореволюционное время и межвоенный период, ограничилась открытием одной-единственной для миллионного города муниципальной школы с татарским этнокомпонентом «Яктылык», расположенном на улице Александра Матросова. А в сельских районах области (в связи сокращением людей, занятых в сельхозпроизводстве и резким изменением демографической ситуации в пользу городского населения) за эти годы закрыты два десятка школ с преподаванием татарского языка и литературы. Если в 2001-2002 учебном году в области действовало 23 школы с татарским этнокомпонентом, то в 2015-2016 г. их осталось только 13. Соответственным стал и уровень руководства со стороны областных органов образования: вместо отдельного и полноправного кабинета национального образования при облОНО в 50-е – 80-е гг. теперь при Самарском областном институте повышения квалификации работников образования (СИПКРО) работает небольшая лаборатория межнациональных ком-

муникаций с крайне ограниченными функциями и штатом.

В последние десятилетия абсолютное большинство детей школьного возраста стало жить в городах. Между тем, несмотря на процессы глобализации, наступления массовой культуры и другие угрозы потери национальной идентичности (в значительной степени и как естественное противодействие этим явлениям) потребность в изучении родных языков в условиях современного города сохраняется. Недавние социологические исследования ученых позволяют «сделать вывод о социальном заказе на изучение предметов и тем этнокультурной направленности. Так, каждый второй эксперт отметил, что ближайшие годы в Самарской области будет достаточное количество родителей, заинтересованных в обучении своих детей родным языкам, предметам этнокультурной направленности. Более трети экспертов уверены, что такой же интерес родители проявят к изучению предметов на родных языках и предметов религиозной направленности. Учитывая, что 94 % респондентов из группы учащейся молодежи продемонстрировали готовность изучать этническую (народную) культуру, более 97 % респондентов – родителей поддерживают изучение в школах предметов либо тем этнокультурной направленности, рекомендуем управлениям образования, администрациям общеобразовательных школ и вузов активно использовать возможности учебных программ, ресурсы внеклассной и внеаудиторной образовательной и воспитательной деятельности. …В образовательном пространстве региона существует запрос на изучение родных языков»[1].

Мы же можем уверенно утверждать, что это в первую очередь относится к татарскому населению, которое в силу ряда объективных причин (исторических и современных) больше, чем остальные нерусские народы, России сохраняет элементы национальной самобытности и культутры – язык, традиции, религиозные обычаи и так далее.

В Самаре, Тольятти, Сызрани попытки татарской общественности расширить национальную образовательную сеть были, и не раз. В областном центре, например, еще в первые годы возрождения уроки татарского языка начинались в школах № 85 (преподаватели Амина и Дамир Гатин), № 8 (Р. Кузнецова)… Но не встретив должной поддержки от органов образования, они не получили развития.

Работа по изучению возможностей открытия татарских классов в школах № 40 на улице Ново-Урицкой (директор Г.Н. Синцова) и № 139 на улице Солнечной (И.В. Раткевич) позволила выявить главное желание родителей и самих татарских детей относительно формы изучения родного языка. Суть ее сводится к следующему – изучать татарский язык и литературу не на факультативах, не на дополнительных уроках, после основных, не в воскресной школе, а в рамках нормальной, дневной, общеобразовательной программы. По аналогии со школой «Яктылык».

Татарские организации и родительская общественность постоянно поднимают вопрос об открытии в Самаре и других городах общеобразовательных школ с изучением татарского языка и литературы. Но эти просьбы натыкаются на пресловутые «возможности системы образования», оговоренные во многих законодательных актах, фактически отменяющих 3 ст. 68 Конституции Российской Федерации («Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития») и делающих невозможным реализацию одного из статей Основного Закона нашей страны на практике.

…Есть и вопросы, решение которых зависит не столько от государства, а являются большей частью внутренним делом татарской общины. Говоря об областном центре, за эти годы мы «потеряли» фестиваль «Играй, гармонь!», детские коллективы «Сабый» («Малышок», руководитель Румия Валькаева) и «Тан йолдызлары» («Утренние звездочки», Халида Валеева). Между тем они для взрослых и маленьких артистов были хорошей возможностью показать и развить свой талант, украсить нашу культурную жизнь.

Также мало кто помнит теперь и о детских фестивалях татарской музыки, проходивших в начале 90-х гг. В них участвовали учащиеся музыкальных школ города и музыкального училища, независимо от национальности. Они играли произведения татарских композиторов и народную музыку. Фестиваль вызывал большой интерес преподавателей и учащихся, пропагандировал лучшие образцы татарской национальной музыки. Инициатором их проведения и главным организатором был Мансур Ямалетдинов.

…Татары занимают заметное место в истории, современной экономической, общественной, культурной жизни Самарского края. Благодаря многолетнему добросовестному труду на ответственных должностях в различных сферах экономики, военной службе, медицине, науке, а также достижениям в национально-культурной и духовно-образовательной деятельности, спорте, литературе и искусстве, большую известность завоевали генералы Ахметгерей Рамазанов и Хаживали Ибрагимов, доктора медицинских наук Альфия Ахметзянова и Ильдар Шакуров, директор завода «Продмаш» Фатых Абдуллов, генеральный директор фирмы «Океан» Сания Каюмова, партийные и советские работники Фазыл Шагимарданов, Файзерахман Фахретдинов и Габделхай Нафиков, организаторы сельхозпроизводства Бурхан Абузяров, Фатых Тарзеев, Равил Нурмухаметов, директор школы «Яктылык» Харида Дашкина, председатель совета директоров ЗАО «Самарская кабельная компания» Анвар Бульхин, президент группы компаний «Прогресс» Вазых Мухаметшин, генеральный конструктор ракетно-космического центра «ЦСКБ – Прогресс», доктор технических наук Равиль Ахметов, уроженцы Самарского края – ученые казанских вузов Ибрагим Нуруллин, Гумар Сабирзянов и Джамиль Гильманов, руководители финансовых учреждений Самарской области Дания Вагапова, Наиль Вахитов, Ильяс Шакуров, мусульманские религиозные деятели – Ибрагим Ганеев, Вагиз Яруллин, Талип Яруллин, ветераны потребкооперации и активисты мусульманской общины советской эпохи

[1] Мухаметшина Н.С. Татары и ислам в контексте современности В сб. // Национально-духовное возрождение мусульманских народов конца XIX и конца XX вв.: перекличка эпох. Самара, 2016. С. 48-49.

Абдулкадыр Амиров и Абдулла Аюпов, активисты национально-духовного движения Азат Надиров, Джамиль Валиуллин, Галиулла Габдрашитов, мастер по изготовлению татарской гармони «тальянка» Гали Гаряев, поэты Гакиль Сагиров и Рустам Мингалимов, художники Нурхатим Бикулов и Ринат Бикташев, доктор технических наук Кямиль Аширов, доктор исторических наук Наиля Тагирова, отважный моряк Асхат Зиганшин, заслуженный мастер спорта СССР Хабиль Бикташев, заслуженный тренер РСФСР Наиль Гареев и мастер спорта международного класса Рамазан Галялетдинов, депутаты областного и городских законодательных органов Шамиль Хисамутдинов, Гумар Валитов, Рифкат Хузин, братья Ильдус и Ильсур Гильмановы, Рауф Кирасиров, а также предприниматели Равиль Ягудин, Хамит Аюпов, Анвер Горланов, Умяр Амиров, Талгат Хузин, Минахмет Халиуллов, Фахретдин Канюкаев, Ирек Галимов, Гамаль Замалетдинов, Али Сулейманов, Джаудат Шарапов, рукводители сельхозпредприятий нового типа Фоат Гарифов и Масгут Ибятов, заслуженные артисты Республики Татарстан Рашид Шамкаев и Рустам Валеев, художественные руководители ансамбля «Ялкынлы яшьлек» Ильгиз Колючев, Камышлинского народного театра – Атлас Тухбатшин и многие другие.

…За последние четверть века в нашей жизни многое изменилось: страна, экономика, общество, люди… Национальные традиции и родные языки подвергаются невероятно сильному влиянию массовой культуры и глобализации. Татарская деревня, как чистый природный, прозрачный ключ, в течение многих веков питавший свой народ чистой водой, – исчезает. Меняются задачи, стоящие перед татарским национальным сообществом. Необходимы другие общественные инструменты для консолидации татарского народа в современных условиях ради сохранения родного языка, культуры и традиций. Теперь необходимо привести в движение другие механизмы и условия роста. В первую очередь – это человеческий, кадровый, научно-образовательный потенциал, который в среде татарского народа в последние десятилетия заметно укрепился. И теперь настало время поставить их на службы выполнения самого главного для нас национального проекта – сохранения татарской идентичности и сохранения татар как нации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Указ Именной 3 ноября 1713 г. – О крещении в Казанской и Азовской губерниях Магометан, у которых в поместьях и вотчинах находятся крестьяне православной веры.

Великий Государь указал в Казанской и Азовской губерниях басурманам Магометанской веры, за которыми есть поместья и вотчины и в тех их поместьях и вотчинах за ними крестьяне и дворовые и деловые люди Православной христианской веры, сказать свой Великого Государя указ, чтобы они басурманы крестились конечно в полгода; а как воспримут святое крещение, и теми поместьями и вотчинами, и людьми, и крестьянами владеть по-прежнему. А ежели они в полгода не крестятся, и те их поместья и вотчины с людьми, и крестьянами у них взять и отписать на него Великого Государя, и без указу никому не отдавать; а сколько человек из тех басурман воспримут святое крещение и сколько человек не крестятся, и что у таких поместий и вотчин отписано будет: о том в Канцелярию Сената прислать из тех губерний ведение.

Печатается по: Полное собрание законов (далее ПСЗ) Российской империи. Собрание первое, 1713-1719. СПб., 1830, т. 5. С. 66.-67.

Приложение 2

Указ Сенатский 19 ноября 1742 г. «О недопущении в Казанской губернии строить мечети, и о разведывании Губернаторам и воеводам о обращенных в магометанский закон новокрещенных людях».

…Все имеющиеся в Казанской Губернии новопостроенные за запретительными указами мечети, по силе Святейшего Синода определения и в Казанскую Губернскую Канцелярию указа, а наипаче в таких местах, где воспринявшие веру греческого исповедания жительство имеют, сломать и впредь строить отнюдь не допущать, и того Казанской, Сибирской, Астраханской и Воронежской Губерниям накрепко предостерегать; ежели ж где оные Татары жительство свое имеют в отдалении от новопросвещенных жительств, и особливыми от них деревнями и селами состоят, а в них есть же, оные описав, сколько где ныне таковых есть, а когда построены оные описав, сколько где ныне таковых есть, а когда построены и каком одна от другой мечети расстоянии, и при скольких дворах, и должно ль им впредь быть, или кои разломать, или без разломки для неминуемой жителей Татарских законной нужды оставить надлежит: о том о всем тем Губернским Канцеляриям с Епархиальными Архиереями согласиться, и на мере постановя, в Правительствующий Сенат донести, и ожидать конфирмации.

О превращенных в Магометанский закон, согласно губернаторской инструкции 19 пункта, Губернаторам и тех Губерний Городовым и Провинциальным воеводам всеми удобовозможными способами разведать, а кто явится, сыскивать накрепко, кем и из какой веры или народа к Магометанскому закону обращены

и в вере их утверждены, и по следствию на кого покажут и сыщется про то допря-ма, чинить с таковым, как вышеозначенным пунктом поведено, а чувашам и другим всякого звания превращенным, ежели они по призыванию и добровольному увещанию креститься не пожелают, чинить штраф по указам же…

Печатается по изданию: ПСЗ Российской империи. Собрание первое, 1713-1743. СПб., 1830, т. 11. С. 719.-720.

Приложение 3

Татары Симбирско-Самарского Приволжья в конце XVIII века

«…Вид и нрав симбирских татар не токмо с другими сходен, но изо всех их редко кто бывает ростом очень велик. Они худощавы лицом и продолговаты и кажутся здоровы. Нос у них сухощавый, рот и глаза малые, но вострые и по большей части черные, волос русый и начинает уже в средних летах седеть. Сложение их вообще не дурное, походка добрая. А прямое и худощавое тело и соединение с кротким и как будто несколько робким взглядом, придает им милый вид.

Они до бесконечности любопытны, хитры, льстивы, святостью обрядов и закона надменны, горды, пронырливы и другие нации презирающие.

Татары за великое бесчестье и обиду себе поставляют, если кто из них кого назовет черемисиным *(марийцем – прим. авт.)* Ибо они себя почитают не только лучше оных, но и превосходнее других народов.

Они столь любопытны, что не только не пропустят ни единого проезжающего, дабы об нем не выведать, кто он таков и для какого дела едет, но и в самое рабочее время, собравшись на улице, целую часть дня уделяют на разговоры и слышание один от другого разных неважных и никакого любопытства нестоящих новостей. Что самое примечательное – наиболее неумеренный платеж за взятие денег и содержание их. Кои по большей части также к покойной жизни и нежности более склонны, нежели к обрабатыванию полей и прочим трудам, как и их мужья, делают многих должными.

Татары мало склонны к хлебопашеству и прочим земледельческим трудам и рукоделиям, а по большей части упражняются они в отправлении разных, позволенных торгов, подрядов в скотоводстве.

Да и то более производят они работниками. Ибо из татар и малоимущий человек, заняв сам деньги, сыскивает за весьма низкую цену при случившейся кому из других в соседственных деревнях живущих народов в нужде, нанять себе работников.

Странноприимство почитается у них за первое набожное дело. И они не только своего одноверца, но из других народов проезжающего человека не иначе на своем языке называют как кунак, что значит гость. Однако странноприимство их более состоит на словах, нежели в действительном угощении. И если они иногда своих проезжающих и угостить стараются, то таких только, о коих они по любопытству своему разведыванию узнают, что им в них есть или неминуемо будет надобность…

Татары, почитая пьянство за грех, у себя весьма редко таковых гостей имеют, а тем не менее напиток приготовляют. Но, узнав в соседственных деревнях, а особливо у чуваш или черемис какое празднество, к ним без всякого зову

в гости поспешают. Приехав татары к чувашенину в дом немалым количеством ласковых слов хозяина и гостей осыпая, не дожидаясь дальнего приветствия и потчевания, по простоте народа и добродушию первое место у них занимают и с такою жадностью пьют, что в короткое время сделаются весьма пьяным.

Татары в домах своих противу мордвы, чуваш и черемис отменную чистоту и опрятность имеют. И случается, что в один день для приезжающих хозяин и хозяйка дома лучшее платье раз до 8 и до 10 сверх обыкновенной своей одежды одевают и опять скидывают.

Но из них живущие в уездах и в ближних от городов жительствах родственного состояния люди мужчины, имея на себе кафтан хорошего сукна, а женщина шелковое платье за стыд не почитают в лаптях ходить не только дома, но и выезжать во всенародные собрания.

Пища у них лучшая, изо всего скота почитается лошадиное мясо. И по большей части колют лошадей престарелых и к работе неспособных… Симбирского наместничества в деревнях бывает от 10 дворов до 100. И всякая почти деревня знает свои происхождения, а иногда имеет оное и на письме.

В прежние времена имели они подвижные станы, стадопасов, подобные болгарским. Но как со временем при умножении народа, пределы их стеснились, то мало помалу принялись за землепашество.

Женщины их больше здорового, нежели пригожего сложения, и привыкают с мала к скромности, уединению и повиновению. Упражняются в пряже и тканье льна, пеньки и шерсти собственного своего приобретения.

Симбирского наместничества татары несут одинаковую с природными российскими подданными тягость, состоящую в небольшом подушном окладе, в давании некоторого числа рекрут и особенную в исправлении адмиралтейских работ.

Дворы деревенских татар одинаковые не только в другом чем, но и в самой величине. Они все деревянные, во всякой избе есть очаг и полати, которые шириною занимают третью часть, а иногда и половину избы.

У зажиточных людей в избах порядочные, но малые окна, составленные из стекол и слюды. У бедных обтянуты прорубленные для свету отверстия налимовыми шкурами и окунутыми в постное масло тряпицами и бумагами.

Жилища скудных людей состоят из одной только избы, которой дверь вышла на улицу, и по причине плоской кровли представляют четвероугольник. А как изба сия служит им вместе и стряпущею, то обыкновенно бывает в ней закладенный кирпичами котел.

Мужичий двор состоит кроме избы из нескольких малых, особо построенных чуланов и хлевов, которые, однако, и двора кругом не загораживают. Россияне называют такие татарские хижины юртами. Слово ж сие есть татарское, и значит простожилые.

Татарский жилой скарб составляет по большей части необходимые только надобности. Небольшое число поваренной, столовой и чистой посуды, также земледельческой и ремесленной снасти. Несколько сундуков, насланных на полатях (которые служат им вместо кроватей, стульев и столов). Ковры, войлоки и циновки, а иногда тюфяки. В чем самом заключается весь их домашний прибор. А столы и стулья держат только некоторые, обращающиеся с иностранцами.

Татары все вообще магометанского закона – бреют головы, носят рубахи холстиновые, кожаные чулки и бахилы. А скудные люди лапти легкие, халаты долгие восточные широкие, верхние рубахи, у которых рукава суживаются и притом иногда делаются с прорехами… Голову покрывают скуфейками, на которую надевают плоскую шапку с круглым, наподобие начиненной кошки околышем… Нижнее одеяние шьют скудные из холста или китайки, а богатые из шелковых или дорогих материй, а верхнее из толстого и тонкого сукна просто и с оторочкою. А иногда и золотом вышивают, у иных под серебряным окладом.

У всех народов, которые покупают себе жен, ходят бабы нарядные, нежели девки, потому что бабий наряд приносит мужьям честь и славу, а девичий при продаже в замужество идет ни за что. Весь бабий наряд подобен мужскому. В рассуждении рубах, чулков, туфель, также нижнего и верхнего платья нарочито. Сапоги носят они востроносые. Покрой платья от мужеского несколько отменит.

Богатая татарка носит нижнее платье сборами и вышивает оное на груди, где оно и застегивается. Верхнее одеяние шьется из простых шелковых, а иногда дорогих материй или из тонких сукон с бахромками, шнурками и золотыми петлицами просто и с оторочкою. Пояс же носят шелковый, или серебряным набором украшенный. Грудь покрывают косынкой, снизанной из корольков, или устланной чешуйчато монетами.

По большей части носят они с плеча насквозь пущенную перевязь, усыпанную корольками или золотыми, а иногда и одними только серебряными монетами. Шею украшают бисерные нитки, а уши и пальцы распещрены кольцами.

Простые женщины носят одеяние китайчатое и из сукна собственного рукоделия. Голову покрывают шапками, унизанными корольками или фатами, которые висят по спине распростерто, и употребляются богатыми женщинами.

А повседневно в летнюю пору ходят они, как черемисы и прочие, в белых и крашеных, по большей части узорчато вышитых и крепко подпоясанных рубахах.

Алкоран запрещает им употреблять крепкие напитки, как-то виноградное и хлебное вино и пиво. Но как также и все почти народы любят в употребление свое подпивать, то некоторые преступают и самый сей закон.

Прочие же все пьют мед, не почитая того за грех. Простой мед заводят они на опаре, составляемой из муки, крупы и меду сырцу, которую кладут они в теплую сыту, прибавляя против опары в восемь раз больше воды. Когда мёд таким образом устоится, то они, сцедя оный, наливают вновь на гущу простую только сыту. И так он никогда у них не переводится.

Симбирские и вообще магометанские татары обходятся как между собою, так с чужими людьми весьма вежливо. Когда они здороваются, то подают взаимно обе руки и, протянув одну на другую, говоря притом: да будет с тобою мир (Салам маликум). В ответ на такое приветствие говорят те же самые слова.

Из учтивости никогда они голову не обнажают. И потому тогда только снимают шапки, когда боятся, чтоб не столкнуться с другими.

Счисление времени магометан, следовательно, и симбирских татар обще с другими, начинается с Магометова побегу *(из Мекки в Медину – прим. авт.)* которое называется у татар Гегирою. А по нашему летоисчислению с 622 г. от Рождества Христова. Почему нынче наш 1783 г. у них есть 1197 г.

Новый их год начинается с равноденствия в марте месяце. Весь их месяцеслов основан на счислении и именовании лунных течений, и по ним все у них располагается и определяется.

По причине обращения с соседями имеют они и для наших месяцев особые названия. Неделя их начинается с пятницы.

Аккоран приучает их наблюдать чистоту, которая, кажется, непомерна. Они должны ежедневно несколько крат мыться, не обход притом и задницы. А дабы во время испускания мочи не осквернить, то отдают они сей долг всему телу, присев на цыпки и так далее.

Обыкновенно едят они в день 4 раза, при чем сидят на полатях около яств на цыпках же. Как пред едою, так и после оной моются и молятся.

У зажиточных людей живет и ест женский пол особливо. Когда идут женщины их по улице, то лицо занавешивают. Да и дома не кажутся, разве муж прикажет то сделать в отменную почесть своему гостю. Бедные люди и челядинцы не столько дичатся и ходят везде попросту.

Доживших честно до старости людей весьма они почитают. И поскольку бороды у стариков седеют, то знающих и разумных стариков величают белобородыми – аксакал и приглашают охотно их в советы и заключают через них свадебные и другие договоры. Они заступают места священнослужителей, садятся всегда выше прочих и решают не важные распри и так далее.

Когда отрок достигает совершенного возраста, тогда отец оного посылает из соседей сватать за него невесту в ту деревню, где жительство имеет ее отец. Ибо у татар бывает, что невест берут из других деревень верст за десять и за сто. И сватание у них бывают весною и летом.

Посланный сват, переговорив о том с невестиным отцом и стребовав от него согласия и, известясь сколько он желает на приготовления невесте приданого получить денег, а также в почесть себе скота и меду, что называется на их языке калым, уведомляет женихова отца.

Будучи они оба на требования свои согласны, приуготовляются к брачной церемонии. Приуготовясь же уведомляют друг друга, жених с отцом и с поездом приезжают в деревню к невестину отцу.

В тогдашнее время, невесту, одетую в лучшее платье и покрытую покрывалом, отводят в отделенный на некоторое расстояние от дома холодный покой с нижеследующей церемонией: четыре женщины, держа по верху над нею высоко с четырех сторон другое большое покрывало, идут. Из них первые две впереди, а последние позади невесты.

Она в препровождении молодых девиц, идя в середине под покрывалом, поет тихо приличествующую на тогдашнее время песню и плачет. Молодые девицы своими голосами в пении ей несколько помогают. Сие пение происходит весьма тихо и с некоторою приятностью голоса.

По провожании невесты в сказываемый покой входит мулла с двумя из мужчин свидетелями и две родственницы и проговорив невесте, что отец ее отдает за такого то жениха замуж, за столько то калыма, выходят вон. И стоя у стены того покоя с жениховым отцом и с прочими родственниками, слушают.

А две сродницы, оставшись, желает ли она вступить в брак с назначенным ей от отца женихом, невесту спрашивают. И когда невеста отвечает, что она имеет желание, тогда начинается свадьба. И отец женихов невестину отцу отдает в задаток калыма несколько денег. А между тем к невесте входят в покой девицы и полегоньку молодые мужчины, из коих знающие грамоту поют некоторые стихи.

Потом те сродники вводят уже невесту в дом ее отца. И тут мулла по их закону и с женихом сочетает. Пред которым они в присутствии их отцов, сродников и всех находящихся в церемонии в верности друг другу делают присягу.

По окончании сего сочетания бывает брачное торжество, причем играет музыка. /Татарскую музыку составляют скрипки, гудки и деревянные гусли/. Но девицы и женщины при оном не бывают.

Новобрачный молодую свою жену от тестя не прежде взять должен, как по заплате всего калыма. В рассуждении чего молодая его жена по выходе за него замуж живет у своего отца до заплачения калыма не малое время. А по малоимуществу женившегося год и более. К которой муж ездит в гости каждый месяц, а иной и через неделю.

Тесть и теща принимают и потчуют своего зятя так, как приезжающего гостя.

По заплате всего калыма бывает пир как у тестя, так и по всей деревне той, в продолжении которого играет музыка, и девицы одна с другою или мужчина с мужчиною попарно пляшут. Потом уж с молодой посаженного ее отца жена, сняв девичий убор, одевает в женский. Тогда молодые, севши с девицами в приготовленную коляску и с стоящими назади двумя молодыми мужчинами, которые имея у себя в рукавах книжки, поют стихи, отъезжают в дом посаженного отца. И тамо молодой с молодою, дружка и одни только женщины и девицы обедают.

Напоследок муж жену со всем приданым и с пожитками с нею, если случится, и с детьми отвозит в свою деревню и всем своим родственникам дает обед. Свадебное их увеселение состоит в пиршестве, музыке и пляске и продолжается иногда несколько дней.

Имена заимствуют они от названия турецкого месяца. Следовательно, мужеских и женских имен было бы вообще только 30, если бы отцы на родины не давали детям своих и других имен, заимствуемых от сродственников.

Когда младенцу исполняется от роду двенадцать месяцев, тогда призывается особый мастер, называемый по-татарски абдалла или бабасы и в присутствии муллы и сродственников младенца обрезывают.

После чего бывает обед. Но напитков никаких тогда не употребляют.

Татары имеют веру магометанскую, которую составляет известная книга, называемая Алкоран.

Но и сверх оной довольно в них находится суеверия. Как то гоняние в первых числах апреля из жительств своих нечистых духов и отпущение на волю изловленных диких птиц. Очищивание в лесных дорогах упадших от ветра на землю сучьев и мазание имеющихся под кровлею их домов гнезд птиц маслом.

У престарелых людей, ослабевших или совсем пришедших в бессилие членов для приведения их в действие вороньим мозгом и прочие, нестоящие внимания мелкости, почитаются у них богоугодным делом.

У татар в год бывает три поста, называемые: 1-й Курбан-бейрем,2-й – Ураза-бейрем, 3-й – Мавлют-бейрем и малый Гашура-бейрем. И по три дня в начале каждого месяца. Татары постятся только в продолжение дня, но по захождении солнца с вечера в ночное время, вставая раз до 4-х и до 5-ти, с жадностью едят молоко, лошадиное мясо и другие приуготовленные пищи.

Из коих пост Курбан-бейрем посвящен у них в честь Авраамом в жертву приносимого сына Исаака. Они постятся девять дней, а в десятый закалывают овцу и празднуют. А снятые с зарезанного скота кожи отдают мулле.

Ураза-бейрем постановлен в удовлетворение Всевышнему за грехи. Они тогда постятся двадцать девять, а в тридесятый день разговляются и носят в свой мизгит разные хлебенные и из говядины приготовления, где и едят.

Мавлют же бейрем – трехдневный пост – у них бывает в честь Магометова рождения.

В Шура-бейрем девятидневный, пред празднованием новомесячения. После чего в десятый, то есть в начале их года, отправляется у них торжество.

А прочие малые посты для удовлетворения Всевышнему за грехи.

Сверх сего бывают у них праздники весною пред начатием яровой пашни, называемой сабан, которой они в сей праздник ставят пред свой мизгит в некотором от него расстоянии столы и на них из разных круп молочные приготовления.

Около 2-го часа пополудни, севши за те столы и держа каждый из них пред глазами своими руки, раскрытыми наподобие книги, поют молитвы.

И после едят, уделяя из сей пищи женщинам и девицам, кои севши на траве, едят же. А потом девицы и молодые женщины на пространном месте около мизгита по их обыкновению играют разные игры.

А мужчины ездят верхами по деревне и, приезжая к каждому двору бьют длинными палками по крышам дома, спрашивают, не скрылся ли в оном какой нечистый дух. За что по требованию их, дабы ими из деревни был он выгнан, дают яйца и пироги.

Объехав же всю деревню, скачут во весь опор в поле и кричат изо всей силы так, как бы кого они выгоняют. И спустя несколько времени из поля возвращаются, сказывая, что они чорта прогнали.

Также бывают у них с половины мая месяца до окончания июня увеселительные собрания, называемые зийыны. Тогда выезжают они на степь, и там молодые люди проезжаются на иноходцах и рысаках. А некоторые из знающих грамоту поют стихи. А также выезжают на степь женщины и девки.

Во время то, как больной приближается к смерти, мулла читает из Алкорана статьи и делает разные поучения. Когда ж умрет, то омыв тело, надевают с плеч до ног некоторое сшитое из холста одеяние и пеленают в холст или бумажную материю так, что одно только лицо видно.

Потом вспрыскивают водою, в которой растворена камфора. Мулла пристегивает на грудь покойнику ярлык со следующею арабскою надписью: Есть один только Бог, да Мухамет его пророк.

Кладбище их бывает не в деревне и без всякой ограды. Умершее тело, которое провожают одни только мужчины и несут к могиле во гробе, называемом жиназа, а в могилу опускают без него.

Могилы бывают глубиною до пяти футов и располагаются с северо-востока на его запад продолговато и имеют в одной стороне пещеру, в которую укладывают покойника так, что земля, которую после могил закидывают, до него не касается. Ибо они верят, что скоро придут два ангела и поведут умершего на суд.

Как скоро опустят покойника в могилу, то мулла творит молитву, а по окончании оной засыпают могилу.

В том доме, из коего вынесут покойника, в течение четырех недель после кончины отправляются два раза торжествования за упокой. Потому, что они думают, что столько времени производится над ним суд и расправа. Между прочим, содержатся в молитве их следующие слова: «Боже, не оставь его во аде – тамуг, но пересели его скоро в рай – ужмах».

Зажиточные люди отличают могилы своих родственников небольшими бревенчатыми избушками или расставными вокруг каменьями или столбами с небольшими надписями.

А иногда кладут в той стороне, в которой положен покойник над головою и надгробный камень с высеченною надписью или с одним только заручительным его знаком тамга, который прикладывал он вместо подписи своего имени.

Времена, в которые сооружали они надгробные здания, давно уже прошли.

Высеченные на надгробных каменьях надписи содержат в себе на арабском и татарском языке имя и звание покойника, также год его кончины и краткое увещение, такое, например: «Сей камень положен Миньке Арысову в 1112-м году по Хиджре. Всякий смертен, бог один бессмертен и пророк. Кто богу поклоняется и живет непорочно, то я кровный друг».

Состоящие в деревне молебны их храмины обширны и чисты, но без всякого украшения. И в иных сделано только возвышенное место, с которого читают и толкуют Алкоран.

Пол в молебных их храминах устлан коврами или войлоками. А перед входом построены сени, где всяк складывает башмаки. У которых вверху сделаны небольшие башни, и с сего места скликает пономарь на молитву.

Духовенство их состоит из верховных священнослужителей (ахун), из которых живет один в Казани, а другой в Тобольске, а третий в Астрахани. Из священнослужителей простых – мулла, из школьных учителей абзы, из пономарей – муазин.

Священнослужители их не берут никакого жалования, но получают по несколько от миру подаяний за отправление своей должности. Однако при всем должны для пропитания своего отправлять промыслы, торги и прочее.

Магометанцы вменят себе за осквернение всякому, кто к мертвому прикоснется. Также нечистые яствы и все естественные испражнения и так далее. Очищаются же они омовением и молитвою.

А вход же в царство небесное уготовляют себе кротостью и добрыми делами.

Омовение бывает у них разное, однако больше очищаются они водою. И в случае недостатка перетирают руки землею или песком.

Добрые дела заключаются особливо в подавании милостыни и в постах.

Верование, что судьбы наши неминуемы, и что всякого смертоносный ангел, в определенное время из мира сего переселяют, укрепляет их противу всяких несчастий и предохраняет от самоубиййства.

Всякий день бывают они по пяти раз на молитве. На которую скликает их пономарь с башни, выпевая изречение: «Есть один только бог, да Магомет его пророк».

От молитвы никто нарочно не отгуливается. Если же надо что-нибудь в том кому воспрепятствует, то он молится, по крайней мере, уединенно в доме или в поле при восхождении и захождении солнца, притом скидывает с себя башмаки и становится иногда на разосланное по земле свое одеяние. Когда кто молится усердно, обратя лицо свое в ту сторону, где Мекка их, не из чего молитвы своей не прерывает.

Обыкновенные моления происходят при восхождении солнца – Иртенге намаз, около полудня Уля намаз, после полудня Икенде намаз, к вечеру – Ахшам намаз и ночью – Ясих намаз.

Моление произносится на арабском языке по четкам с чрезвычайным благоговением. Священнослужитель, сидя перед мирянами на цыпках, читает молитвы убедительным и тихим голосом, которые миряне отчасти за ним пересказывают, а отчасти подтверждают словом «Аминь».

Как скоро помянет священнослужитель имя божие – Алла, то с стонанием зажимают уши и поглаживают, как недостойные слышать сие имя и открывать глаза, обеими руками по своим глазам и по бороде, говоря молитву своим ангелам-хранителям, оглядываются они на обе стороны.

Впрочем, сидят они притом больше на цыпках, а иногда встают и кланяются низко. И долго в сем положении пребывают, да и сверх того приклоняют лицо свое несколько крат и к самой земле».

Из сборника «Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нем инородцев. СПб., 1785».

Приложение 4

Татары на рубеже XIX – XX вв.

Татары – потомки приволжских орд Казанской и Астраханской, числом свыше 1.200.000 человек – живут во всех губерниях области, главным же образом в Казанской, где их более половины общего числа татарского населения края. Второе место по численности татар занимает Самарская губерния, затем следуют Симбирская, Саратовская и, наконец, Астраханская. В Астраханской губернии татар сравнительно немного (не более 50.000); астраханские татары разделяются на юртовских и кундровских…

По своему *физическому типу* татары должны быть признаны самыми красивыми изо всех инородцев края. Сложены они хорошо; рост средний; широкая плечи, высокая грудь и толстая, короткая шея обнаруживают силу, здоровье и крепость; продолговатый овал лица, пропорциональный прямой нос, умные, выразительные черные глаза с правильным разрезом и клинообразная негустая борода – придают типу татарина красоту, общая гармония которой несколько нарушается слегка выдающимися скулами и толстыми губами.

Татарки, красивые собой, также не редкость, но, к сожалению, многие из них портят свою красоту: густо намазывают лица белилами и румянами, сурмят брови и ресницы, чернят зубы и красят ногти.

Одежда татар – восточная, отличающаяся своей длиной и шириной. Рубашка – белая или цветная, ситцевая или же из синей крашенины, с широкими рукавами, спускается ниже колен и не подпоясывается; штаны, также широкие, запускаются за сапоги или завертываются за онучи. Поверх рубашки татары носят безрукавный камзол, или зилян, доходящий до колен и сшитый обыкновенно из нанки, а у богатых из пестрой шелковой материи, затем халат, подпоясываемый гарусным или шелковым кушаком – и, наконец, шубу. Казанские татары-купцы носят обыкновенно поверх зиляна нанковый или суконный кафтан с опушкой, похожий покроем на русский купеческий. Эта скромная одежда отличается у богатых только тем, что сукно тоньше и кафтан вообще опрятнее; зато они носят много драгоценностей: золотые перстни, кольца с бриллиантами, массивный золотые цепи и пр.

Выбритая гладко голова татарина покрывается тюбетейкой, иногда расшитой золотом и жемчугом, затем шапкой, у богачей опушенной бобром. Муллы и хаджи, т.е. совершившее путешествие в Мекку, и вообще почетные татары носят белую чалму (зеленые чалмы присвоены только одним потомкам Магомета), масса же татар поверх тюбетейки носит белые поярковые шляпы.

Женская одежда состоит из длинной и широкой ситцевой рубашки с нагрудником и шаровар. На рубашку татарки надевают зилян, а на голову накидывают полотняное или ситцевое покрывало, заменяемое иногда простым платком; богатые вместо зиляна носят халат из парчи, из шелковой материи или из китайки с длинными рукавами; халат накидывается прямо на голову и служит таким образом вместо чадры (покрывала). Головным убором служат шелковые или бархатные колпачки, с дорогой бахромой, позументами, мелкими серебряными монетами и драгоценными камнями, или же бархатные круглые шапочки с плоским верхом, отороченные соболем. Кроме того татарки очень любят разные украшения из благородных металлов и самоцветных камней: ожерелья, массивные серьги, браслеты, перстни, в косы вплетают разные металлические подвески, монеты и пр. Через левое плечо татарки носят перевязь с карманом для хранения алкорана или амулета, украшенную каменьями и монетами. Обувь богатых татар и татарок составляют сафьянные ботинки – ичеги с галошами разных цветов, вышитые шелком или золотом, и туфли красного сафьяна, вышитые также серебром или золотом.

Особенности татарского *жилища* заключаются лишь в том, что печь всегда отделяется от остальной части избы занавесью, за которой обыкновенно скрывается женская половина населения, и у передней стены устраиваются широкие нары для спанья, с пышными перинами и многочисленными подушками за занавесью. Необходимой принадлежностью татарской избы являются также медные кувшины и большой таз для омовений, имеющих религиозный характер, а также самовар, так как татары слывут большими любителями чая, преимущественно кирпичного. У более состоятельных жилище делится на две половины, с сенями между ними, где обыкновенно совершается домашнее богомолье. Комнаты устилаются коврами, вдоль стен ставятся красиво обитые сундуки, на окнах горшки с бальзаминами и пр. Татарское жилище у зажиточных содержится весьма опрятно. Простонародье же в общем живет довольно грязно…

Дома расположены беспорядочно, так что татарская деревня похожа на случайно разбросанный табор: улицы кривы, узки, дома не выходят на улицу, а, по восточному обычаю, прячутся за заборами во дворах.

Питаются татары лучше не «только остальных поволжских инородцев, но и русских. Татарин – большой любитель поесть и на пищу тратить большую часть своего бюджета, чем его соседи других народностей; мясом он лакомится чаще своих соседей. Любимым и наиболее употребительным кушаньем служит *салма*– похлебка с мучными шариками, в которой варится баранина, козлятина или конина, а также кумыс, молоко, пироги, лепешки, разные печенья, большей частью сдобные. Очень любят белый хлеб, который покупают при малейшей возможности, и едят с чаем, до которого также больше охотники.

Татарским лакомством служит обыкновенное кухонное коровье масло, которое намазывают на хлеб и едят. При употреблении мяса требуется, чтобы животное было заколото непременно татарином; свинина татарам запрещена кораном. Вино татарам также запрещено; зато разрешен «бальзам», под видом которого нередко идет обыкновенная водка; часто вино заменяется и пивом (кабацким), которое пришлось татарам особенно по вкусу.

Главным *занятием* массы татарского населения служит земледелие, хотя справедливость требует заметить, что татары – плохие земледельцы, несмотря на то, что занимают сравнительно хорошие земли. Причин этого несколько: прежде всего недостаточность наделов, обезлесение местности, служащее причиной частых засух, и плохая техника земледелия. Татары расселились громадными селениями по нескольку сот дворов, вследствие чего поля их раскинулись на десятки верст, и дальние полосы не могут быть удобряемы; кроме того, среди татар наблюдается наибольший процент безлошадных, которым приходится или отдавать свои наделы за ничтожную плату въ аренду, или обработывать кое-какъ наймом, что также дает мало дохода. Будучи именно такими земледельцами, татары– такие же плохие и плательщики податей. Задолженность татарского населения – податная и продовольственная – громадна и значительно превышает задолженность остальных народностей края. Недоимки и ссуды для татарина составляют уже нормальное явление, и редкий год не обращается в земство за ссудой, вполне уверенный, что «русского царь бугата – курмить». Но если татары плохо организуют свое собственное хозяйство, то в чужом хозяйстве являются очень хорошими работниками. Вообще татары способны ко всякому труду. Поступая в услужение, в виде кучеров, дворников, сторожей, скоро приобретают полное доверие своей честностью, исправностью, услужливостью и готовностью на всякое дело. В физическом труде отличаются большой силой и необыкновенной выносливостью; на волжских пристанях считаются самыми лучшими крючниками и грузчиками, свободно таская на себе тюки с тяжестями по 12-18 пудов. Но, в общем, татарин, сибарит по натуре, любит и предпочитает всему легши труд, особенно торговлю, к которой он, подобно еврею, чувствует большую склонность и способность. Стоит татарину скопить несколько рублей, как он пускается в торговлю. Торгуют татары решительно всем, чем только нежно, и с большим уменьем и выгодой для себя. Многие из них скоро обогащаются; в Казани есть татары-миллионеры. Некоторые отрасли торговли в крае монопо-

лизированы татарами, как, например, торговля фруктами, скупка по деревням яиц, скупка в городах старья («шурум-бурум»).

Не ограничиваясь торговлей на местах, татары отправляются даже в отхожие промыслы по торговой части: всем известны столичные скупщики старья («халат-халат») и ресторанные лакеи.

Татары, как известно, исповедуют магометанскую *религию* суннитского толка, т.е. признают не только коран, но еще и сунну – сохраненные преданием изустное учение, и деяния Магомета, собранные первыми халифами: Абу-бекром, Омаром и Османом. Лишь очень небольшая часть казанских татар (тысяч до сорока) – христиане. Они крещены были в два приема: вскоре после покорения Казани (еще при Грозном) и в половине XVIII в. Первые называются старокрещенными, последние – новокрещенными. Большинство из них были христианами лишь по имени: старокрещенные татары, как неуспевшие еще хорошо освоиться с магометанством, более держались языческих обрядов, новокрещенные же, оторванные от магометанства уже после того, как последнее укоренилось среди татар, держались более магометанских обрядов. Неудивительно поэтому, что в начале XIX столетия стали наблюдаться массовые отпадения крещеных татар от христианства и продолжались вплоть до 60-х годов. Всех отпавших в настоящее время насчитывается до 30 тысяч. Зато магометанство среди татар все более и более укореняется. Большинство из них предано своей религии до фанатизма; религия проникает все существо татарской жизни – нравы, обычаи, язык, просвещение, литературу, характер, тип и ставит татарской народ совершенно особняком среди других народностей края. Нет магометанского селения, в котором не было бы мечетей и молитвенных домов с многочисленным духовенством – муллами, ахунами (благочинными), имамами (начальниками прихода), муэдзинами (пономарями), мюдариссами (учителями) и др. Все они, вместе взятые, представляют из себя стройную организацию, которая, вместе с богатыми и влиятельными татарами, держит въ руках все татарское население и воспитывает его в духе преданности магометанству. При каждой мечети у татар существуют училища (медресе и мектебе). Муллы и их многочисленные помощники, вполне обеспеченные сбором десятины от своих прихожан, учат мальчиков, а жены их – девочек, вследствие чего среди татар грамотность распространена гораздо больше, чем среди русских. Дети принимаются в школу семи лет и остаются в ней 5 лет; те же из них, которые желают быть священнослужителями, продолжают свое учение еще несколько лет и затем, для окончания курса, отправляются на некоторое время в Бухару, либо в другие среднеазиатские города, а также в Египет. Обучение в школах состоит в усвоении татарской азбуки, после которой переходят к чтению сокращенного корана и затем читают разные татарские книги, печатаемый главным образом в Казани.

Наконец, ученикам дают понятие о торговле. Верхом татарской учености служить употребление в речи арабских и персидских слов, хотя и безо всякого смысла. Русский язык в татарских школах не преподается. Говорить по-русски татары-мужчины выучиваются уже по необходимости, вследствие постоянных сношений, и притом говорят с сильным акцентом, почти никогда не достигая правильного выговора, а татарские женщины в большинстве случаев совсем

не знают русского языка. Вообще направление татарской учености и народного образования носит на себе резки магометанско-обособительный характер. Руководящим просветительным центром для татар не только нашей области, но и всего магометанского населения Империи, служит Казань. Здесь муллы получают образование и общее направление своей деятельности, отсюда же пользуются советами и указаниями во всех важнейших делах, находясь со своими руководителями в постоянных и тесных сношениях. В Казани же ежегодно печатается масса татарских книг и распространяется более чем в миллион экземпляров.

Татары очень набожны и отличаются сильной приверженностью к обрядам своей религии, исправно посещают богослужение и обязательно пять раз в день совершают моление, которому всегда предшествует омовение. Нахождение даже в пути не освобождает татарина от исполнения религиозных обязанностей, и он свято выполняет их. Самым важным в религиозном отношении у татар считается месяц рамазан – девятый месяц в лунном году мусульманского летоисчисления, так как, по словам Корана, в этом месяце основатель ислама начал получать откровения Божии, и потому все мусульмане, кроме детей, престарелых, беременных женщин, больных и путешественников, обязаны держать в этот месяц пост. Пост состоит в том, что с появлением утренней зари все воздерживаются от употребления пищи и питья, курения и пр., а с наступлением вечерней зари разрешают себе не только принятие пищи и питья, но и удовлетворение других потребностей человеческой природы, без каких-либо ограничений.

В виду несовпадения лунного года с солнечным, пост этот начинается из года в год одиннадцатью днями раньше, и, следовательно, может приходиться во всякое время года. Когда он случится зимой, то не представляет для постящихся большого лишения, так как зимний день краток, а в течение длинной ночи мусульманин может есть и пить сколько угодно. Зато летом, при длинноте дня и зное, рамазан очень тяжел, особенно для рабочих, вынужденных целыми днями находиться на солнце и испытывать сильную жажду. В течение всего рамазана в мечетях совершаются ежедневные богослужения.

Другой важный татарский *праздник – Курбан-байрам* – установлен в память жертвоприношения Авраамова и празднуется чрез два месяца после рамазана; он продолжается 11 дней; накануне его татарами соблюдается строгий пост, а с рассветом совершается богослужение, и каждый татарин должен собственноручно заколоть одно или несколько животных, по числу членов семьи. К народным праздникам принадлежит *сабантуй* (соха, плуг), сохранившейся от древних времен и установленный в честь весны и начала весенних работ. Праздник этот справляется обыкновенно в конце апреля, вслед за сходом снега и перед началом весенней пахоты. Время празднования сабана в той или другой деревне устанавливается с общего согласия деревенской молодежи целого околотка деревень поочередно. Праздник этот состоит в том, что татарская молодежь собирается на каком-нибудь поле и предается разным играм и физическим упражнениям, как-то: борьбе, состязанию в беге, скачкам и проч. В играх принимают участие только мужчины, женщины же лишь издали смотрят. Победителей награждают мелкой серебряной монетой, полотенцами, платками и другими ве-

щами. Полотенца обыкновенно собираются со всех женившихся в течение года после предыдущего сабантуя.

Свадьбы татар устраиваются почти исключительно через свах-старух. Последние необходимы в силу магометанского обычая, ибо жених не должен видеть своей невесты прежде, чем она сделается его женой. Однако, проворные парни и любопытные девушки, при помощи старух, находят случай еще и до сватовства взглянуть на своих суженых. Получив некоторое понятие о намеченной девушке, жених, а чаще его отец, отправляет к ее родителям сваху. Первый ответ родителей обыкновенно бывает уклончивый: «надо подумать, – приходи через несколько дней, а тем временем собираются всевозможные сведения о женихе: о его летах, о состоянии, поведении и т.д.; тогда же посылают мулле рублевку, с просьбой, чтобы он записал свой сон в следующую ночь и объяснил его предзнаменование. В случае благоприятных предзнаменований и удовлетворительных сведений о женихе, родители невесты дают сватающемуся согласие и вступают с родителями жениха в торг о калыме и приданом. Размер калыма колеблется в зависимости от состоятельности родителей жениха – от нескольких рублей до нескольких тысяч. Когда все переговоры о калыме и приданом будут окончены, происходит обручение.

Обручение бывает двоякого рода. Первое – чисто народного происхождения -состоит в обмене подарками: через сваху жених дарит невесте материи на платье, белила, румяна и фрукты, а невеста отдаривает белье, или шлет жениху подстилку под ноги во время молитвы, тюбетейку, сукно для казакина, бухарской материи для халата, или карманные часы. Это обручение не налагает на жениха и невесту никаких правовых обязательств. Другое обручение носит на себе уже религиозный характер и представляет собой прототип свадьбы: мулла спрашивает при свидетелях через родителей согласие жениха и невесты, читает молитву. После этого обручения, если бы жених и невеста разошлись, то они расходятся уже по праву, как муж и жена, хотя на деле таковыми не были.

От самого дня помолвки жених почти ежедневно посылает своей невесте подарки, а в день свадьбы обязан непременно послать ей кадку меду и кадку коровьего масла. Масло и мед составляют необходимость и первое кушанье свадебных пиров. Кроме того, от жениха посылаются пироги, жареные утки, гуси, индейки, белый хлеб в виде огромных караваев с изюмом; все это должно быть в четном числе. Свадебных пиров бывает несколько. Первый свадебный пир устраивается в доме невесты в день свадьбы. Собираются несколько мулл и знакомых мужчин со стороны невесты. Приятели жениха между тем съезжаются к нему на квартиру и затем все вместе на четном числе экипажей отправляются к невесте, ко без жениха: он остается дома. У невесты жениховых гостей принимают с особенным почетом. Наконец, приезжает главный мулла, который после обычных приветствий усаживается в переднем углу на пол, устланный коврами или кошмами, и все следуют его примеру: сложив ноги по восточному, садятся и образуют круг; при этом отец жениха сидит на особой подушке, которая нарочно приготовляется невестой и поступает ему в дар. Мулла спрашивает отца невесты о калыме, затем выбирает кого-нибудь из присутствующих и посылает их спросить невесту, согласна ли она выйти замуж за такого-то. Когда выборные свидетели возвратятся с утвердительным ответом, то мулла читает на арабском языке молитву, в которой испрашивает у Бога благословения вступающим в брак, а затем торжественно допрашивает сначала отца невесты, согласен ли он выдать дочь за такого-то, а затем отца жениха, согласен ли он взять дочь такого-то в замужество за своего сына. Тот и другой дают ответы в прошедшем времени: «выдал», «взял». Таким образом, в татарской свадьбе ни жених, ни невеста не присутствуют; взамен их присутствуют, в качестве доверенных, их родители или ближайшие родственники.

После молитвы и допроса мулла записывает новобрачных в книгу и делает в ней отметку о том, сколько уже выплачено магяра и сколько еще следует уплатить, в случае развода. Тут же расписываются и свидетели, уполномоченные со стороны невесты и жениха. Этим и заканчиваются брачные формальности, после которых начинается свадебный пир. Прежде всего, подаются на двух блюдах масло и мед, которые намазываются на хлеб и съедаются каждым из присутствующих с торжественным видом священнодействия.

Затем подаются другие блюда, число и разнообразие которых поистине удивительны. После продолжительного обеда подают гостям кружку разведенного на воде меда (шербет); каждый из гостей выпивает из кружки по глотку или по два и кладет на поднос с шербетом денег, смотря по состоянию, от мелкой монеты до 5 рублей и более. После меда подается чай. Окончив чаепитие и дружно прочитав про себя краткую молитву, гости разъезжаются.

Так кончается свадебный обед. Но новобрачный еще не является к своей молодой: соединение их пока лишь только формальное. В один из следующих дней устраивается другой свадебный пир – исключительно для женщин; называется – он «смотреть подарки». Каждая приехавшая гостья должна сделать невесте подарок. Богатые родственницы дарят для камзола парчи или бархата, шелковой материи на платье, дорогие платки и т.п.; подарки менее богатых состоят из недорогих материй, вышитых колпачков, лент, позументов для обшивки и т.д. Все подарки раскладываются на столе, и сваха показывает их вновь прибывшим и объясняет, кто что подарил. Пока продолжается приезд гостей и рассматривание подарков, начинается угощение: сначала подается чай, затем следуют лакомства, наконец – обед. Обед начинается обязательным свадебным блюдом – маслом с медом, съедаемым с такой же благоговейной важностью, как и во время мужского свадебного пира. После обеда, такого же обильного и продолжительного, как и первый, гостьи разъезжаются.

Проходит еще неделя, а иногда и более. Наконец настает заранее условленный день соединения новобрачных. Часов в 9-10 вечера сваха отправляется за молодым; для него от жены посылается особая лошадь. При входе в комнату, где находится молодая, в сенях молодого останавливают мальчики – братья или родственники жены – и пускают в комнату не прежде, чем он заплатит им выкуп. Молодая встречает своего мужа, одевшись в лучшее платье. В Казани перед первым приходом мужа новобрачная надевает меховой камзол и закрывается большим парчовым пологом. В некоторых деревнях молодая прячется под кровать, под перину или подушки; мужу следует найти ее и открыть ей лицо. Часто случается, что в этот момент он в первый раз видит свою жену и впервые разговаривает с ней. Затем молодые молятся, пьют чай, едят мед и масло, причем муж должен положить денег в пользу жены. Прислуживает молодым сваха, она

же устраивает и брачную постель, за что получает от молодого особую плату. Когда молодые покончат ужин и помолятся еще раз, сваха желает им спокойной и приятной ночи, гасит огни и уходит. На другой день рано утром молодые идут в баню, которую топят родственники или сваха; муж оставляет там деньги в пользу тех, кто готовил баню. После бани являются подростки-родственники справляться о здоровье новобрачных; молодая дарит им рубашки.

Тогда же супруг делает своей жене самый богатый подарок, по своему состоянию; но бывает и так, что, не встретив в новобрачной желаемых качеств, на другой же день оставляет ее и берет у муллы разводную. Если же все обстоит благополучно, то молодой остается у жены три дня; за это время к ним никто не входит, кроме свах: она подает молодым чай, пищу, воду и все необходимое. На четвертый день утром молодой уезжает к своим родителям. Вечером от жены за мужем посылается лошадь, иначе он не поедет, как бы не желанный. Так повторяется каждый день в течение нескольких месяцев. В это время молодой избегает встречи с тестем и тещей, пока не будет устроено особое свидание этих новых родственников, причем они обмениваются подарками. Молодая остается жить в доме своих родителей и проводит у них еще год, два, три, иногда даже десять лет, в зависимости от их материального достатка.

Наконец, приходит время переехать жене в дом мужа. Начинается разборка приданого: накладываются сундуки, завязываются узлы, чистится посуда; затем все это ставится на подводы. По переезде новобрачной к мужу, начинаются свадебные пиры в доме молодого. Особенность их заключается лишь в том, что после многочисленных блюд подают на трех подносах громадной величины пирожное – коктыш; отведав этого пирожного, каждый из гостей часть его берет с собой, чтобы привезти домашним свадебного гостинца.

Развод у татар совершается очень легко, по желанию одной из сторон, заявленному муллой, который дает разводное письмо. Разведенные, по желанию, могут снова вступить в брак, но для этого требуется, чтобы жена побыла за кем-нибудь другим замужем, хотя самое короткое время.

Магометанский закон дозволяет татарам многоженство; каждый татарин может иметь по четыре жены, но на практике многоженство встречается не часто; эту роскошь позволяют себе главным образом богатые татары. Первая жена считается старшей и имеет право на особое почтение к ней со стороны младших жен. Ведение хозяйства и ласки мужа все жены делят между собой по очереди.

Из сборника «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», СПб., 1901.

Приложение 5

(Начиная отсюда материал приводится по оригиналу и сопровождается нашими комментариями – прим. Ш.Г.)

Татарское население Самарской губернии по итогам переписи 1857 г.

Древнейшими обитателями местности нынешней Самарской губернии, по свидетельству историков, являются булгары, еще до второго столетия до Рождества Христова распространившиеся по Волге, от ея устья до Камы, вблизи которой находились их главнейшие становища… От посетивших их в X веке арабов мы узнаем, что булгары стояли сравнительно на высшей степени развития, отличались торговой деятельностью, имели уже свои города…

В XIII веке здесь утвердилась Большая или Золотая Орда монголо-татарская.

Они уничтожили начатки благоустроенной гражданственности булгаров… Кроме ханской столицы Шери-Сарая, татары завели еще несколько городков. Настоящими из них можно считать лишь те места, где были построены мечети, при которых постоянно находились муллы и другие духовные лица. Осттаки подобных становищ встречаются в окрестностях Бугуруслана и Бузулука, отчасти на берегах Большого Иргиза. На месте нынешнего города Николаевска первыми русским поселенцами были найдены развалины трех мечетей, вследствие чего основанная здесь слобода получила название Мечетной.

Такая же причина послужила поводом и к наименованию речки Мечетки, впадающей в Большой Караман. Вообще в северной половине губернии, где татары смешались с булгарами, население их уселось видимо прочнее, потому что булгары народ был все-таки более домовитый**.**

Самарский уезд

Название селения и сословие крестьян	**Число дворов**	**Число жителей муж. пола**	**Число жителей жен. пола**	**Молитв. дома, ярмарки, торг. заведения**
Спиридоновка, удельные	20	76	87	Мечеть
Мулловка (Широкий Овраг), удельные	35	245	274	Мечеть
Нижний Нурлат, казенные и удельные	140	522	526	Мечеть
Иглайкино, удельные	90	332	336	Мечеть
Верхний Нурлат, удельные	67	167	291	Мечеть
Вороний Куст (Моисеевка), удельные	61	167	178	Мечеть
Старая Тюгальбуга, удельные	112	519	543	Мечеть
Новая Тюгальбуга, удельные	84	445	479	Мечеть
Фейзуллово, удельные и казенные	161	558	582	мечеть

Бугульминский уезд

Денискина, казенные	215	760	788	2 мечети
Карабикулово, казенные	31	170	171	
Абдикеево, казенные	93	249	271	Мечеть
Назаровка, государств.	53	168	159	

Бугурусланский уезд

Новая Мансуркина, казенные	160	581	621	Мечеть
Мочалейка, казенные	67	240	237	Мечеть
Новая Ермакова, башкирского ведомства	60	214	240	Мечеть
Нижняя Ермакова (Липовая Гора), казен. и башкир. ведомства	151	576	543	Мечеть
Давыдкина (Балыкла), казенные	143	473	501	Мечеть
Старая Усманова, казенные	49	168	171	Мечеть
Бакаева, казенные и башк. вед.	147	506	536	Мечеть
Новая Усманова, казенные и башк. вед.	158	498	542	2 мечети
Верхняя Ермакова (Байтуган), казенные	212	768	829	Мечеть
Камышлы, казенные и башк. ведомства	214	759	776	Мечеть
Аллина, башк. ведомства	92	262	290	Мечеть

Ставропольский уезд

Филипповка (татары, чуваши), удельные	178	710	798	Мечеть, почтовая станция
Мосеевка, удельные	145	465	443	Мечеть
Кубань-Озеро, удельные	47	210	235	Мечеть
Новое Урайкино, удельные	24	152	132	Мечеть
Елховый Куст, удельные	98	386	435	Мечеть
Новый Сентемир, удельные	44	216	262	Мечеть
Средний Сентемир, удельные	97	552	596	Мечеть
Нижний Сентемир, удельные	58	312	316	Мечеть
Старый Сентемир, удельные	68	244	264	Мечеть
Абдреева, удельные	89	368	412	Мечеть
Лабитова, удельные	88	381	405	Мечеть
Теплый Стан (Измайловка), удельные	162	590	669	Мечеть
Сабакаево (Сосновый Враг)	28	115	141	Мечеть

Из сборника «Список населенных мест Самарской губернии. Т. 36. Самарская губерния». СПб., 1864.

Приложение 7

Экономический обзор татарского населения 80-х гг. XIX в.

Самарский уезд

Селение	**Домохозяев**	**Жит.**	**Лош.**	**Коров**	**Душ. надел, дес.**	**Сгорело дворов за послед. 10 лет**
Спиридоновка Бобровской волости	40	204	35	35	6,5	7
Нижний Нурлат Шламской волости	94	520	142	115	7	-
Верхний Нурлат	149	825	217	136	7	11
Новое Иглайкино	148	839	204	132	6	6
Мулловка Елховской волости	161	870	170	145	8	-
Старая Тюгальбуга Степно-Шенталинской волости	329	1789	389	254	7	182
Новая Тюгальбуга	199	1138	290	164	7	108
Фейзуллово	254	1484	326	228	7	39
Моисеевка	91	476	113	72	7	20

Из сборника «Экономико-статистические таблицы по селениям и обществам Самарского уезда». Самара, 1883.

Ставропольский уезд

Из 85 сельских обществ, получивших лесные наделы после реформы, 28 вырубили лес, в их числе:

– Филипповка – лес вырубили лет десять назад под сенокошение;

– Лабиткино – весь лес вырублен на плетни;

– Теплый стан и Сабакаево – лес разделили по душам и вырубили еще в начале, а теперь там пасется скот;

– Елховый Куст – дровяной лес с первоначалу вырубили, поделив по душам[1].

Беспощадному истреблению лесов немало содействует и то обстоятельство, что по недостатку своих выгонов и пастбищ, крестьяне волей-неволей принуждены бывают пускать в кустарники скот, который еще с начала весны совершенно объедает и обгрызает все листья. Потом обыкновенно крестьяне делят и рубят мелкий кустарник на плетни, веники и пр., крупный же лес делят через более или менее продолжительное время.

Лет 10-15 тому назад, когда и надельного и частно-владельческого леса было вволю, следовательно, и ценность леса была ниже теперешней, все крестьяне отапливали свои избы собственными или покупными дровами. Сейчас для отопления служат реже кизяки, шеляхи, лебеда (деревни Кубань-Озеро, Елховый Куст, Новая Урайкина), в большинстве обществ – ржаной соломой («если урожай»), соломенными объедками от скота, летом – покупными дровами. Кизяковое отопление появилось в нашем крае недавно, в течение последнего пятилетия и обещает вырасти, так как соломенное отопление, в виду частых недородов хлебов, обходится дорого: на отопление одной избы требуется от 15 до 20 возов соломы или до 200 пудов[2].

Возделываемые растения. Пшеница, возделываемая почти исключительно на продажу. В Филипповской волости это относится к деревням Лабитово, Кубань-Озеро.

Другие культуры по всему уезду с небольшими исключениями – полба, ячмень, овес, просо, греча, лен и конопля. Недавно подсолнечник и картофель.

Горох перестали сеять из-за того, что «ему страшно вредит вошь».

Почти только один способ улучшения качества почвы – навозное удобрение.

Уход крестьянского скота отличается небрежностью, кормовые средства – малопитательностью[3].

Во многих многоземельных общинах татар просматривается явно спекулятивный взгляд на землю: многие даже из тех домохозяев, которые содержат достаточное количество скота и работников, часть земель ежегодно сдают[4].

Таблицы составлены по 88 показателям, полностью отражающим состояние крестьянских хозяйств: от количества ревизских душ до цен на десятину арендной земли.

Из таблицы видно, что в татарских селениях появляется новая отрасль – пчеловодство.

[1] С. 54.

[2] С. 56.

[3] С. 115.

[4] С. 163.

Селение, волости	Домохоз.	Жителей	Лошадей	Коров	Дворов с пчелами	Кол-во сгоревших хозяйств за 10 лет
Татарские Выселки Выселковской волости	458	1474	560	346	1	62
Елховый Куст Высоколковской волости	386	1242	357	251	4	45
Лабитова	368	1098	256	189	6	-
Теплый Стан	340	1769	281	181	6	3
Сабакаево	106	374	86	53	-	-
Кубань-Озеро Новобинарадской	134	717	219	134	-	3
Новое Урайкино	82	487	117	84	1	60
Старый Сентемир Старобесовской	127	701	233	102	8	36
Средний Сентемир	281	1502	416	279	7	110
Нижний Сентемир	169	848	190	131	3	31
Верхний Сентемир	121	579	129	81	-	20
Филипповка той же волости	258	1272	294	185	-	30
Моисеевка	219	1239	321	215	4	6

Источник: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 2. Ставропольский уезд. М. 1884.

Бугурусланский уезд

С поемных надельных сенокосов не менее 100 пудов на ревизскую душу собирается в Алькино Стюхинской волости[1].

Почти исключительное преобладание при содержании крестьянского скота соломистого корма весьма вредно отзывается на продуктивности и ценности самого скота.

Падеж скота: д. Алькино: «Коровы и лошади падают ежегодно весной, от шелудей и опухоли на шее». Но в деревне Мукменево Султангуловской волости крестьяне сказали, что у них падать не дают: «режут и ашают».

Много овец в сельских общинах – в каждой заметно больше, чем коров. Села не совсем мононациональные: в Старом Мансуркино мордва и татары. В Старом Усманово оставалось еще 14 русских домохозяев так:

Сдача надельной земли практикуется во всех общинах Бугурусланского уезда. Наибольшее распространение сдачи душевой земли наблюдается в общи-

[1] С. 37.

нах с татарским населением. Такие поселения, как Камышла, Балыкла, Старое и Новое Усманово для севера уезда стали для многих русских селений главным источником арендования земли.

Еще существует такая форма, как сдача в аренду земли, до этого взятой в аренду у своего у общества. Одно из хозяйств деревни Алькино Стюхинской волости, сняв 50 десятин общественной земли за 500 рублей, сдает эту же самую землю по 7-8 или даже 12 рублей под бахчи. Другие крестьяне этой деревни сдают луговые наделы по 2-3 рубля[1].

Местная сельская промышленность и отхожие промыслы.

Промыслы крестьянского населения. Плотники, валяльщики, горшечный, шерстобитный, рогожный промысел, производство из дерева (главным образом, саней), изготовление колес. Наиболее утомительный и вредный – выжигание известняка (под заказ купцам и подрядчикам на каменную кладку). Плитняк встречается на саженной глубине. На вырубку кубической сажени требуется от 6 (летом) до 12 (зимой) дней. Ломают камень исключительно безлошадные крестьяне, не могущие обзаводиться более выгодной работой. Добывание камня (плитняка) распространено больше, чем другие промыслы, но оно менее выгодно. Им занимаются жители татарских и башкирских селений, расположенных вдоль реки Кинель, где и залегает известняк.

Летом масса народу уходит на сенокос и жнитво.

Всего учитывается 152 вида местных и отхожих промыслов. По ним можно делать определенные выводы по развитию отраслей народного хозяйства.

Их названия – от самых обычных, знакомых современному человеку, до самых забавных. Например, продавцы кислых щей. Здесь есть и солерубы, табаководы, келейницы, строители изб из воздушного кирпича, нищие и многие другие. Кстати, адвокатура (ходатайство по делам) и учительство тоже считались отхожими промыслами.

Отхожая торговля, требующая большого капитала, привлекает не многих крестьян. Но есть местности, где тот или иной вид торговли представляет довольно распространенное явление.

В деревне Камышла некоторые крестьяне перекупают хлеб на местных базарах и перепродают в Чистополе, Бугуруслане и Самаре.

Благодаря центральному положению между Уральском и Казанью с одной стороны, между Уфой, Уральском, Мензелинском и Бирском с другой, Бугурусланский уезд издавна отличается широким развитием извоза. Крестьяне деревень Султангулово вместе с жителями нескольких сел Стюхинской волости освоили перевозку крупчатки из Бугуруслана в Сарапул (300 верст), Каракуль (Вятской губернии, 280 верст), Елабугу и Мензелинск (280 верст). На 300 верст уходит две с половиной недели. Назад чаще идут порожняком. Из Мочалеевки дворов десять ездят в Симбирск на ярмарку[2].

Промышленные предприятия в волостях с татарским населением: помол зерна на водяных и ветряных мельницах, кузницы, кожевенные (в Байтуганской). Вво всех татарских деревнях бакалейные лавки.

[1] С. 68.

[2] С. 92.

Очерк грамотности. Между татарами русская грамота не преподается и, таким образом, знающий русскую грамоту между ними явление чисто случайное и достаточно редкое[1].

Таблица Бугурусланского уезда состоит из 99 статей обследования, здесь приведены наиболее важные.

Селение. волости	**Домохозяев**	**Жителей**	**Лошадей**	**Коров**	**Дворов с пчелами**	**Сколько дворов сгорело за 10 лет**
Байтуган Байтуганской	148	811	227	96	10	47
Балыкла	276	1464	528	192	17	37
Старое Усманово	119	582	167	93	6	6
Новое Усманово	291	1479	343	75	18	7
Мочалеевка Подбельской	142	564	407	156	18	2
Бакаево Сок-Кармалинской	292	1572	553	251	-	-
Старое Ермаково Старо-Сосниской	317	1635	775	483	23	20
Новое Ермаково	134	753	253	149	17	-
Камышла	449	2316	737	488	20	42
Алькино Стюхинской	210	1207	283	153	6	6

Источник: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. IV. Бугурусланский уезд. Самара, 1886.

Бугульминский уезд

В одном Бугульминском уезде татары (вместе с башкирами) составляли половину населения.

Подробная характеристика почвы. В целом почва по всему уезду – тучный чернозем. Из других видов – хороший суглинистый чернозем глубиной от 6 до 8 вершков и более расположен на красновато-желтом или белом суглинке, в том числе в деревне Денискиной Четырлинской волости.

Чернозем с белиной, по местному названию, глинистый чернозем, глубина от 1 до 5 вершков, встречается, в том числе, и в Абдикеевской волости.

В Абдикеево и Карабикулово много каменистых мест, невозможных для распашки[2].

Севооборот трехпольный – паровой (зеленый пар), озимый, занятый исклю-

[1] С. 122.

[2] С. 46.

чительно озимой рожью и яровой. Границы клиньев чаще определяются рельефом местности, фигурой дачи (леса), живыми урочищами, нежели требованиями сельскохозяйственной экономии.

Озимые – одна рожь, среди яровых культур перечень шире – овес, греча, полба, пшеница, горох, просо, ячмень, яровая рожь (ярица), лен, конопля, чечевица, мак, корнеплод – репа. Распределение культур зависит от природных условий и качества почвы, например, проса совсем нет в Абдикеевской и некоторых других соседних волостях.

Промыслы. Плотничество особенно распространено в волостях с преобладанием татарского населения, в том числе Абдикеевской. Вот как это происходит: татары, вооружившись топорами, поперечной пилой, настругом, долтом и закорюшником, ежегодно ходят весной артелями в 3-4 человека по соседним деревням, верст за 20-30 от своего селения, предлагая строить избы из новых или старых бревен или «чинить» существующие… Сделать целую избу требует времени 3 недели, а поставить срубы 4-5 дней. Работа довольно выгодная, так как пища при этом выговаривается хозяйская. Эти работы, как и все остальные промыслы, служат для татар лишь подспорьем к земледельческому хозяйству, потому что ими занимаются до и после пашни.

В татарских деревнях еще «водят гусей на продажу, осенью до 50 или 100 штук. Осенью их режут и продают на базарах в Альметьеве и Бугульме скупщикам, которые отправляют их дальше партиями в Казань, Самару и Симбирск. Пуху с одного гуся собирается от одной восьмой до четверти фунта» [1].

На летние работы – жнитво и покосы к Самаре, Уральску и Бузулуку, в соседние уезды уходят целыми семьями пешком. Среди этих людей больше всего татар. Причем малолетков и грудных детей женщины везут на 2-колесных маленьких тележках. Наиболее выгодной оказывается страдная работа у уральских казаков[2].

При подворной переписи татарского населения вопросов о грамотности его не задавалось, за исключением одной Тумутукской волости, данные о грамотности которой вполне пригодны для характеристики татарской грамотности вообще. При этом зная религиозность татар и обрядность их учения, быт и экономическое положение – величины так мало изменяющиеся, то с уверенностью можно сказать, что данные по Тумутукской волости могут быть приложимы ко всему татарскому населению.

Особенно бросается в глаза грамотность женщин: она в татарском населении оказывается выше, чем грамотность мужчин, что, по нашему мнению, стоит в теснейшей связи с особенностью занимаемого татарской женщиной положения в семье и большей ее религиозностью. У татар женщина имеет более досуга, чем у русских; внесемейная жизнь ее, хотя и менее развита, чем у русской женщины, за то она свободнее чувствует себя в семье, в дому и грамотность восполняет ей ту сторону жизни, от которой она отрезана – общество.

Татарская грамота – по преимуществу грамота религии и вследствие обязательных требований последней знать каждому правоверному молитвы и целый кодекс обрядов – татарское население в этом весьма грамотно.

[1] С 101, 102.

[2] С. 103.

Обязанность преподавания татарской грамоты в каждом обществе лежит на мулле, обучающем мальчиков, и его жене, преподающем грамоту женщинам. В тех обществах, где население велико, мы встречаем частных учителей и учительниц, выполняющих свою работу за известное небольшое (больше хлебом и картошкой) вознаграждение. Училище обычно помещается в общественном доме; по большей части малопоместительное, с крайне недостаточным отоплением. Размещение учащихся в школе отличается крайней неприхотливостью: за неимением столов, а нередко и лавок, учащиеся располагаются по всей площади пола, в самых разнообразных положениях – стоя, сидя на полу, лежа на животе, кому как удобно. Мулла не получает никакого вознаграждения за свой труд по обучению учащихся… Содержание татарской школы для общества не стоит ни копейки: отопление жертвуется «по усердию», освещение (во время зимних вечерних занятий) настолько мизерно, что бывает достаточно одного фунта керосина, приносимого в течение зимы каждым учащимся мальчиком для школы[1].

В 1875 г. Бугульминское уездное земское собрание впервые подняло вопрос о татарских школах, в смысле необходимости «заведения» в них русской грамоты, что «желают и сами татары, видя преимущество русской грамоты при отбывании воинской повинности».

Но «население было враждебно настроено агитацией местных указных мулл». Должно быть, благодаря муллам в факт открытия у них русской школы открыли подход к тому пресловутому «окрещению», которое так еще недавно волновало их умы.

В следующем году, на деньги, ассигнованные на татарскую школу и не использованные по назначению, была открыта школа в с. Спасском.

Таблица по 132 пунктам, с выходом каждого тома «Сборников…» охват статистического обзора расширяется – по Бугульминскому уезду уже 132 пункта.

Селение волости	**Домохозяев**	**Жителей**	**Надел. земли на 1 работ.**	**Лошадей**	**Коров дойных**	**Овец**
Абдикеево Абдикеевской вол.	116	666	15,2 дес.	155	87	378
Малое Карабикулово вол.	8	50	22,4	12	7	408
Денискино Четырлинской вол.	746	2460	11	665	353	1157
Назаровка (чув.тат.рус.) Сходневской вол.	107	609	10,5	284	115	629

Источник: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. V. Бугульминский уезд. Самара, 1885.

[1] С. 142, 143.

Приложение 8

Татарское население Самарской губернии по переписи 1897 г.

Большинство татар, которые живут в северных уездах Самарской губернии – Бугульминском, Бугурусланском и Ставропопольском, принадлежат к туземному населению этих местностей, входивших когда-то в состав Казанского царства; со времени завоевания этого царства они никуда не уходили из этих мест… Все татары родственны между собою и происходят, по-видимому, из одного племени, входившего в состав Казанской орды… [1].

Население по городам:

Самара: татар – 2216, магометан – 2803, магометанских молитвенных домов – 1.

Ставрополь – татар – 19;

Бугуруслан – 959;

Бугульма – 365;

Бузулук – 416;

Николаевск – 1942;

Новоузенск – 520;

Самарский уезд

Название селения и волости	**Дворов**	**Муж. пола**	**Жен. пола**	**Итого жит.**	**Кол. над. земли сель. общ-ва десятин**	**Молит. дома, школы, ярмарки, мельн, вол. правл. и пр.**
Спиридоновка Бобровской вол.	45	134	124	258	490	Мечеть
Мулловка Елховской вол.	194	538	545	1083	1723	Мечеть, магометанская школа
Фейзуллово Старое Степно-Шенталинской вол.	203	544	565	1109		2 мечети, 2 маг. школы, ветр. мельн.
Фейзуллово Новое Степно-Шенталинской вол.	111	343	313	656	2942 (совместное владение с обществом Старое Фейзуллово)	Мечеть, магом. школа
Моисеевка Степно-Шенталинской вол.	98	235	228	463	819	Мечеть, магом. школа
Старая Тюгальбуга, Степно-Шенталинской, татары и рус. вол.	362	976	1016	1992		3 мечети, 2 магомет. школы, базар
Новая Тюгальбуга, Степно-Шенталинской вол.	234	600	650	1250	6223 (в совместном владени с обществом Старая Тюгальбуга	2 мечети, 2 магомет. школы
Нижний Нурлат, Шламской вол., тат. и чув.	275	809	855	1664	2355	2 мечети, школа, вод. мельница
Верхний Нурлат Шламской вол.	173	476	481	957	1917	Мечеть, школа, вод. мельница
Новое Иглайкино Шламской волости	192	489	533	1022	2195 (вместе со Ст. Иглайкино)	Мечеть, магометан. школа

Бугульминский уезд

Денискино, Четырлинской вол.	357	996	1035	2031	6182	2 мечети, земская станция, 2 вод. мельн., урядник
Абдикеево, той же волости, тат. и чув.	189	596	574	1170	4272	Мечеть, земская станция, вол. правл., 2 вод.мельн.
Карабикулово, Абдикеевской, мордва и тат. вол.	89	271	288	599	1373	Вод. мельница
Назаровка	124	353	369	722	1044	Школа грамоты, 4 вод. мель.

Ставропольский уезд

Выселки Выселковской, татары, чуваши русские	943	2411	4813	7814	7946	2 мечети, 2 тат. школы, базар, вол. правл.
Елховый Куст Высококолковской вол.	274	649	687	1336	2754	2 мечети, вод. мельн.
Лабитово Высококолковской вол.	202	514	515	1029	3341	Мечеть, вод. мельн.

[1] стр. 24

Абдреева Высоко-колковской вол.	242	591	618	1209	2839	Мечеть, вод. мельн. базары по субботам
Теплый Стан Высо-коколковской вол.	365	903	950	1853	4426	Мечеть, 4 ветр. мельн.
Сабакаево Высоко-колковской вол.	75	201	186	387	821	Ветр. мельн.
Кубань-Озеро Ново-Бинарадской вол.	151	443	435	878	3096	Мечеть, татар. школа, ветр. мельн.
Урайкино Ново-Бинарадской вол.	104	293	286	579	905	Мечеть, 2 ветр. мельн.
Филипповка (татары и чуваши) Ново-Майнской вол.	400	1044	1069	2113	7539	4 мечети, 2 магомет. школы, 7 ветр.мельн.
Моисеевка Ново-Майнской вол.	322	733	743	1476	3240	Мечеть, магомет. школа, ветр. мельн.
Старый Сентемир Старо-Бесовской вол.	178	428	453	881		Мечеть, тат. школа, вод. мельн.
Средний Сентемир Старо-Бесовской вол.	349	870	895	1765		2 мечети, татар. школа, ветр. мельн.
Нижний Сентемир Старо-Бесовской вол.	219	445	506	951		Мечеть, тат. школа, базары по четвергам
Верхний Сентемир Старо-Бесовской вол.	132	328	316	644	8522 (в совместном владении с 3 предыдущими обществами)	

Бугурусланский уезд

Татарский Байтуган Байтугановской вол.	165	493	466	959	6898	Мечеть, магом. школа, кож. завод, 2 вод. мельн.
Ново-Усманова Байтугановской вол.	282	861	784	1645	3681	4 мечети, магомет. школа, 2 вод. мельн.
Старо- Усманова Байтугановской вол.	117	332	364	696	1908	Мечеть, магом. школа, вод. мельн.

Балыкла Байтугановской вол.	328	912	982	1894	5363	Мечеть, 2 магом. школы, вод. мельн.
Ново-Ермаково Вечкановской вол.	149	409	421	830	4930	Мечеть, магом. школа, вод. мельн.
Мочалейка Подбельской вол.	201	668	693	1361	4126	2 мечети, 2 магом.школы, 2 вод. мельн.
Камышла Старо-Соснинской вол.	491	1272	1187	2459	12214	5 мечетей,3 магом.школы, 4 вод. мельн.
Старая Ермакова Старо-Соснинской вол.	349	1075	982	2057	11667	2 мечети, 2 магом.школы, вод. мельн.
Алькина Стюхинской вол.	304	842	866	1708	3679	2 мечети, магом. школа, вод. мельн.
Ново-Мансуркино Сосновской вол.	352	1032	1057	2089	4307	Мечеть, 2 вод. мельн.
Бакаевка Сок-Кармалинской вол.	331	906	926	1832	5549	2 мечти, 3 вод. мельн.

Усадьба Х. Шарафутдинова на земле Старо-Соснинской волости, 357 десятин в собственности, один двор, 13 человек.

Из сборника «Список населенных мест Самарской губернии». Самара,1900.

Приложение 9

Татарское население
по «Списку населенных мест Самарской губернии» 1910 г.

По % по удельному весу больше всего татар проживает в Николаевске – 15 процентов (из 14908 чел.). На втором месте Мелекесс – 7 % из 9878, потом Бугульма – 6 % из 8282. В Самаре второе место после русских 2.25 % из 95461.

Самарский уезд

Спиридоновка Бобровской вол.	47	120	133	255	556	Мечеть и др.
Мулловка Елховской вол.	206	620	650	1270	1723	Мечеть, магом. школа, ветр. мельн.

Старое Фейзуллово Степно-Шенталинской вол.	240	688	583	1271	1377	2 мечети, 2 ветр. мельн., 2 магом. шк.
Новое Фейзуллово Степно-Шенталинской вол.	139	433	433	866	1311	Мечеть
Моисеевка Степно-Шенталинской вол.	108	297	294	591	622	Мечеть

Старая Тюгальбуга Степно-Шенталинской вол.	485	860	989	1849		3 мечети, базар по пятницам, 2 магом. шк.
Новая Тюгальбуга Степно-Шенталинской вол.	308	798	571	1569	622 (в совместном владении с обществом Старой Тюгальбуги)	2 мечети, 2 магомет. шк.
Нижний Нурлат Шламской вол.	385	829	859	1688	2355	2 мечети, школа, вод. мельн.
Верхний Нурлат Шламской вол.	233	529	564	1093	1917	2 мечети, школа, вод. мельн.
Новое Иглайкино Шламской вол.	238	572	654	1226	2022 (в совместном владении с обществом Старого Иглайкино, чуваши)	Мечеть и школа

Ставропольский уезд

Выселки (тат., рус., чув.) Той же волости	1039	2939	3158	6097	9135	3 мечети, тат. школа, 13 ветр. мельн. и пр.
Елховый Куст Высококолковской волости	280	806	843	1649	2654	2 мечети, 1 вод. 1 ветр. мельн.
Лабитово той же волости	238	720	710	1430	3341	Мечеть, 1 ветр., 2 вод. мельн.
Абдреево той же волости	245	752	767	1519	2839	Мечеть, ветр. мельн.
Теплый Стан той же волости	400	1352	1469	2721	4482	3 мечети, 6 ветр.мельн.

Сабакаево той же волости	78	294	297	591	836	Мечеть, ветр. мельн.
Пос. Елхово-Кустинские Выселки той же волости	12	28	32	60	192 (в собственности)	
Кубань-Озеро Ново-Бинарадской	202	450	438	888	3096	2 мечети, тат. школа, 2 ветр. мельн.
Новое Урайкино той же волости	130	338	342	680	918	Мечеть, 3 ветр. мельн.
Филипповка (тат., чув.)	505	1392	1419	2801	7593	4 мечети, 2 магом. школы, 4 ветр. мельн., 4 обдирки
Моисеевка той же волости	349	980	950	1930	4243	2 мечети, магом. школа, 2 ветр. мельницы
Старый Сентемир Старо-Бесовской волости	197	491	521	1012		Мечеть, вод. мукомол. мельн.
Средний Сентемир той же волости	397	1079	1100	2179		2 мечети, ветр. мельн.
Нижний Сентемир Той же волости	225	559	579	1548		3 мечети, базар по четвергам
Верхний Сентемир той же волости	146	389	409	797	8524 8522 (в совместном владении с 3 предыдущими обществами	Мечеть

Бугульминский уезд

Абдикеево (чув., тат.) той же волости	252	725	743	1469	4732	2 мечети, магом. школа, земская станция, 2 вод. мельн., мыловарня и пр.
Карабикулово той же волости	120	352	362	711	1483	1 вод.мельн.
Хутор Карабикулово той же волости	11	30	30	60	181	

Денискино Четырлинской волости	650	1801	1703	3504	6172	4 мечети, зем. стан.2 вод. мельн.3 тат. шк. базары по четвергам, ярмарка.
Назаровка	195	635	670	1305	???	Церковь, шк. грам., 3 мельн.

В источнике, очевидно, по ошибке указано, что в Назаровке живут русские и чуваши. Это – село крещенных татар.

При селе Выселки существуют 2 отрубных поселка, магометанских – общей площадью земли 416 десятин, 16 и 47 дворов, жителей 39 и 85. А также при Черном улусе русско-татарский отрубной поселок 17 дворов, 88 жителей, 289 десятин.

На земле сельского общества Денискина располагалась мельница М. Тазетдинова, 1 двор, 3 жителя.

Бугурусланский уезд

Татарский Байтуган Байтугановской волости	189	555	531	1086	1977	Мечеть, магом. школа, кож. завод, 2 вод. мельн. сель. общ.
Ново-Усманово той же волости	363	996	1130	2126	3680	2 мечети,2 магом. школы, 2 ветр. мельницы
Старо-Усманово той же волости	142	442	467	909	1913	Мечеть, магом. школа
Балыкла той же волости	397	1009	937	1946	5364	2 мечети, 2 магом. школы, вод. мельн.
Ново-Ермаково Той же волости	160	510	621	1131	4930	Мечеть, магом. школа, вод. мельн.
Мочалеевка Подбельской вол.	355	745	691	1436	4126	Правление кресть. тов -ва, 2 мечети, 2 магом. школы,2 вод. мельн., хлеб. торг.

Ново-Мансуркино Сосновской волости	436	1228	1245	2473	3307	3 мечети, 2 магом. школы, 4 вод. мельн.
Камышла Старо-Соснинской волости	620	1698	1638	3736	10389	3 мечети, 3 магом. школы, 6 вод. мельн.
Старое Ермаково той же волости	473	1327	1226	2656	10637	3 мечети, 3 магом. школы, 2 вод. мельн., кирп. завод
Алькино Стюхинской волости	281	842	866	1708	3679	3 мечети, магом. школа, вод. мельн.

Хутор Х. Шарафутдинова, в Старо-Соснинской волости, 4 двора. 31 житель, 579 дес. в собственности.

Приложение 10

Обзор населения Самарской губернии (извлечение)

Среди крестьянского населения татары (вероятно, вместе с башкирами) занимают второе место – 3,6 процента[1].

Колонизация *(русская – прим. авт.)* Самарского уезда, и вообще Среднего и Нижнего Поволжья началась не ранее конца XVI века, вслед за завоеванием Казанского ханства. В X веке все пространство Самарской Луки вплоть до реки Самары населяли волжские болгары, которые уже в то отдаленное время занимались хлебопашеством и сеяли пшеницу, жито, просо и ячмень. О развитии у них скотоводства можно заключить по их обуви, как описывает древнерусская летопись, на которую ссылается Перетяткович: «суть все в сапозех». И по подати, которую платили болгары своему царю, и которая состояла из бычачьей шкуры от дома[2].

Несколько позднее сюда стали приходить переселенцы из южной Руси, спасаясь в лесах от опустошений половцев и разорительных междудусобных войн половцев. Русские поселенцы были здесь скорее случайными, временными гостями, нежели постоянными оседлыми насельниками, тем более с половины XIII века, как известно, весь край очутился во власти монголов. Остатки татарских городищ до сих пор встречаются в окрестностях Бугуруслана и Бузулука и отчасти на берегах реки Большой Иргиз в видее развалин каменных мечетей.

С покорением Казанского царства, в половине XVI века началась колонизация Поволжья. Первыми колонизаторами края были мордва и чуваши. Они самовольно селились по лесам во внутренней части Луки, завладев «бортною вотчи-

[1] С. 8.

[2] Перетяткович. Поволжье в XV – XVI веках. С. 39.

ною и звериными и рыбными ловлями изстари… многие годы, как город Самара стал…»[1] И вносили за эти земли ясак. На владение этими угодиями мордва имела еще грамоты от казанского хана Сафы Гирея, подкрепленные потом Борисом Годуновым[2].

Только после этого на Самарской Луке возникли села Рождествено, Выползово, Новая Караульная, Осиновый буерак, Моркваши. Никаких других русских поселений в Самарском уезде в конце XVI – начале XVII веков не было[3].

…Сабан уже издавна составляет принадлежность земледельцев Самарского края. Тучная земля поддается только его богатырскому напору. В настоящее время *сабан* играет первенствующую роль, но во многих местах оттесняется сохой. Везде где *плуг* заменяется сохой.

Отхожие промыслы Самарского уезда. Перевозкой зернового хлеба из частно-владельческих экономий в города Самару, пригороды Мелекесс, Чистополь, Сызрань, Черкассы. Этитм занимаются, в том числе, крестьяне татарских деревень Новое Иглайкино, Верхний и Нижний Нурлат.

Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Выпуск первый, Самарский уезд. Самара, 1912.

Приложение 11

Количество
мусульманских школ Самарской губернии
в 1913 г. и учащихся в них
(Из таблицы «Низшие светские школы, подведомственные дирекции народных училищ Самарской губернии на 1 января 1913 г.)

Назв. Школ	**Самара**	**Сам. уезд**	**Ставр. уезд**	**Бузул. уезд**	**Бугур. уезд**	**Бугульм. уезд**	**Никол. уезд**	**Н-уз. уезд**	**Итого**
Кол-во	3	21	50	29	58	117	18	22	319
Учащ.	381	1300	5957	Свед. нет	5072	16717	810	1651	32019
В т.ч мальч.	209	978	3904	Свед. нетф	3850	12132	810	1488	23441

Распределение учащихся низших школ
(кроме городских и ремесленных) по национальностям

Нац-ть	Губ. город	Сам. уезд	Бузул. уезд	Бугул. уезд	Бугур. уезд	Ставр. уезд	Никол. уезд	Н-уз. уезд	Итого
Русских	8585	11479	14244	4072	6954	8760	12-55	17532	83681

[1] Перетяткович. Поволжье в XVII – начале XVIII века. С. 232

[2] С. 9.

[3] С. 8.

Немцев	65	11479	485	7	6	38	9655	22928	33746
Поляков	79	22	13	4	14	2	-	227	361
Евреев	167	3	33	-	12	3	8	6	232
Татар, башкир, киргизов	412	1313	138	16922	5283	5969	817	1695	32549
Иногородцев: мордвы, чувашей, вотяков и пр.	70	900	637	1566	1844	1384	493	156	7050
Иных нац.	17	398	5	-	97	39	-	197	753
Итого	9395	14677	15555	22571	14210	16195	23028	42741	158372

Земско-статистический сборник по Самарской губернии. Самара, 1914.

Приложение 12

Статистические сведения по Самарской губернии 1920-х гг. (извлечение)

Население Самары 175819 чел. Всего по городам 337116, по уездам – 24866355, по губернии итого – 2823471.

Татары. Самара –3383, Пугачев – 2565, Бугуруслан – 1774, Мелекесс – 1174, в других – незначительное количество. Всего в городах – 11563. В целом в губернии 151980[1].

Органы периодической печати, 17 издаваемых на русском языке и одна на татарском – «Аул», издается с 1918 г. (скорее всего, ошибка). Издательство Татбашбюро губкома РКП(б), издается с июня 1918 г., тираж – 800 экз. «Коммуна» выходит с 1 декабря 1918 г.

Техникумы. Татаро-башкирский педтехникум. Язык преподавания татарский, преподавателей – 17 человек, студентов – 150 (мужчин – 62, женщин – 88)[2].

В сборнике присутствует как район статистического обследования – Магометанский поселок[3].

Татары города Самары по переписи 1926 г.

Самара. Перед войной на 1 января 1914 г.– 170645 человек. Перепись 1917 г. – 206 тыс (без гарнизона). К 1920 г. город «разгрузился» до 173149 чел. 1923 г., после голода и массового отъезда населения – 148817. Перепись 1926 г. дала цифру 171952 человека.

(Через 5 лет по налоговому учету 1931 г. население Самары (вместе с пригородными поселками Безымянка, Кряж и Томашов Колок) составляло 220386 чел.)

[1] Стр. 74-75(Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Выпуск I. Самара, 1924)

[2] Стр. 33

[3] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. III. Самара, 1924.

Магометанский поселок так же как район обследования наряду с другими городскими районами, поселками, слободами, дачами и т.д. В Магометанском поселке (после 1923 г.), как и в лесных и дровяных пристанях, замечено энергичное заселение[1]. В Магометанском поселке население выросло за три года с 437 до 728 человек[2].

Приложение № 13

Татары Самарского края на рубеже 20-30-хх гг.

Количество татарского населения в губернии в процентном отношении с 1920 до 1926 г. уменьшилось с 5, 38 до 5,08. Сельского соответственно с 5,65 до 5,34. Но в Самаре обратная тенденция: за 6 лет удельный вес татарского населения губернского центра увеличился с 1,93 до 2,22 процента. Характерна ситуация в уездах: в Мелекесском доля татарского населения за 6 лет уменьшилась с 13, 92 до 11, 64, в Бугурусланском – с 9, 43 до 9, 36 процента. В Самарском, Пугачевском, Бузулукском уездах ситуация особых изменений не претерпела. На тот момент татары занимали второе место (после русских) только в Мелекесском уезде. В остальных – места пониже.

Самарский уезд

(Типы населенных пунктов в статистических сборниках 1928 и 1931 гг.: село, деревня, поселок, коммуна, сельхозартель, хутор, мельница, пикет, колония, совхоз, пчельник, станция, железнодорожный разъезд)

Населенный пункт, какой волости	**Количество дворов**	**Количество населения**
Мусульманский поселок Кинельской вол.	26	109
Муратчинский	37	169
Кондурчинский Красноярской вол.	35	162
Лунеевка	21	107
Межевой	11	58
Угловой	4	21
Кубань-Озеро Ново-Буянской вол.	194	851
Лесная Кубань	20	103
Мулловка	157	871
Ново-Урайкино	104	450
Тат. Выселки Нижне-Санчелеевской вол.	511	2196
Карамышевка	26	137
Нов. Бритовка	23	139
Султановка	22	100

Мелекесский уезд

Населенный пункт, какой волости	**Количество дворов**	**Количество населения**
Абдреево Елховской вол.	210	929
Идея	15	78
Лабитово	131	563
Теплый Стан	280	1329
Сабакай	105	482
Моисеевка Мелекесской вол.	236	1095
Филипповка (тат., чув.)	372	1693
Средний Сантемир Ново-Малыклинской вол.	360	1666
Старый Сантемир	216	1019
Нижний Сантемир	133	641
Верхний Сантемир	121	557
Заиткино Седелькинской вол.	95	498
Благодатная (рус.-тат.)	109	582
Моисеевка Степно-Шенталинской вол.	114	520
Нижняя Тюгальбуга	40	211
Новая Тюгальбуга	269	1311
Старая Тюгальбуга	383	1938
Старое Фейзуллово (тат., чув.)	309	1550
Ахметовка	9	51
Верхний Нурлат Шламской вол.	220	1147
Кашкар	38	214
Нижний Нурлат	343	1685
Ново-Иглайкино	177	813
Ново-Фейзуллово	170	877
Светлое Озеро	45	298
Тукаевка	28	143
Новый Нурлат	35	171
Елховый Куст Ново-Малыклинской вол.	272	1277

[1] С. 8.

[2] С. 19(Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Самарской губернии. Самара, 1927).

Примечание: сразу же после составления этого «Списка...» на основании постановления Президиума ВЦИК СССР от 23 сентября 1928 г. селения Шламской волости Мелекесского уезда – Верхний и Нижний Нурлат, Ново-Иглайкино и станция Нурлат Волго-Бугульминской железной дороги были переданы в состав Чистопольского кантона Татарской АССР.

Бугурусланский уезд

Населенный пункт, какой волости	**Количество дворов**	**Количество населения**
Ново-Мансуркино Аманакской волости	447	2312
Балыкла Байтугановской вол.	434	2272
Давлеткулово	78	394
Камышла	618	3109
Новая Камышла	65	300
Ново-Усманово	394	1880
Старое Ермаково	588	3098
Старое Усманово	196	1081
Татарский Байтуган	187	920
Красный Яр	26	127
Золотая Гора	15	78
Досаево Клявлинской (тат., чув.)	19	132
Карабикулово хут.	9	54
Алькино Кротковской вол.	391	1937
Мало-Алькино	37	167
Ново-Мочалеевка	28	158
Чулпан	60	342
Сукаевка	15	95
Ново-Ермаково Микушкинской вол.	247	1256
Нугайка Пригородной вол.	58	278
Каран-Юлга	17	69
Юлдуз Передов. сельсов.	7	41
Мочалеевка Саврушской вол.	212	1137
Образец	141	885
Пример	25	131
Бакаево Сок-Кармалинской вол.	533	2625
Новое Бакаево	26	97
Абдикеево Шенталинской вол.	200	1017
Денискино	455	2293
Мельн. Зарыпова	2	6
Карабикулово (тат., морд.)	142	801

В 1928 г. почтово-телеграфные отделения существовали в наиболее крупных селах – волостных центрах, в том числе Байтугане.

Народное образование. Практикум при татаро-башкирском педтехникуме, 170 студентов (ул. Уральская, 140), (для сравнения: в русском педтехникуме на ул. Чапаевской, 225 было 297 студентов), школа имени Туктамышева, 167 учащихся (ул. Ульяновская, 33).

На улице Самарской, 184 располагался татаро-башкирский детский дом, в котором на тот момент находилось 39 воспитанников.

Школы в татарских селениях Самарской губернии

Селение и волость	**Тип школы**	**Кол-во групп**	**Кол-во учащихся**
Кубань-Озеро Н-Буянской вол.	I ступени	2	45
Мулловка	-	1	37
Ново-Урайкино	-	1	42
Тат. Выселки Н. Санчелеевской вол.	-	4	182
Лабитово Елховской вол.	-	3	82
Абдреево	-	3	77
Теплый Стан	-	3	122
Сабакаево	-	1	52
В. Сантимер Малыклинской вол.	-	2	48
Ср. Сантимер	-	4	97
Ст. Сантимер	-	1	48
Н. Сантимер	-	1	25
Елховый Куст	-	4	76
Филипповка тат. Мелекесской вол.	-	3	129
Моисеевка	-	4	94
Благодатное Седелькинской вол.	-	1	40
Алькино Кротковской вол.	-	4	118

Н-Мочалеевка	-	3	40
Н-Ермаково Микушкинской вол.	-	4	122
Бакаево Сок-Кармалинской вол.	-	3	131
Тат. Абдикеево Шенталинской вол.	-	2	62
Денискино	-	2	51
Н-Мансуркино Аманакской	-	3	103
Тат. Байтуган Байтуганской вол.	-	2	55
Балыкла	-	2	110
Давлеткулово	-	3	46
Камышла	-	3	135
Н. Усманово	-	3	95
Ст. Ермаково	-	4	194
Ст. Усманово	-	2	58
Мазгут	-	1	18
Юлдуз	-	1	20
Чулпан	-	1	45
Мочалеевка	-	2	77

Кроме школ первой ступени (с 4-классным образованием), в Бугурусланском уезде существовало несколько 7-летних школ, в том числе в Камышле. В 1928 г. в них обучалось 121 учащийся.

Избы-читальни работали в татарских селах Нижний Нурлат, Тюгальбуга, Филипповка, Камышла, Старое Ермаково, Теплый Стан.

Многолавочные общества – в селах Тюгальбуга, Байтуган. В Байтугане располагался также агрономический пункт[1].

Более полные и уточненные данные на 1928 г. дает «Список населенных мест Бугурусланского округа Средне-Волжского края» 1929 г. издания. К тому времени были упразднены уезды и волости, области и края поделены на округа и районы с сохранением сельских советов.

По данным профессора П. Преображенского, пишут составители сборника, напоминая основные вехи истории северо-восточной части нынешней Самарской области и соседних регионов, Бугурусланский край в прежние времена составляли часть башкирских владений. Здесь тянулись обширные леса, перемежаемые участками степи. Башкиры вели кочевой образ жизни, промышляли бортничеством и звероловством. Подчинившись после падения Казанского царства русской власти, башкиры платили правительству ясак медом и мехами. Москва закрепила за ними их земли, сторонние люди не могли их покупать и даже арендовать. Такое земельнное приволье башкир манило к себе переселенцев: русских, татар, тептярей, чувашей, мордву, вотяков **(удмуртов – прим. авт)** из Казанской, Симбирской, Нижегородской губерний. Башкиры охотно принимали таких «припущенников». Многие селились и самовольно.

[1] Список населенных пунктов Самарской губернии. Самара, 1928. Список населенных мест Бугурусланского округа Средне-Волжского края» Самара. 1929.

С 1732 г. проведена Ново-Закамская линия и вскоре вдоль нее появились слободы, заселенные «ландмилицкими» людьми и часть украинцами. А после того, как был отменен запрет на приобретение башкирских земель, колонизация края пошла усиленным ходом. На жалованные и купленные земли перевозились крестьяне из внутренних губерний. В XIX в. правительство продолжает заселять пустующие казенные земли военными людьми – отставными солдатами и отводят земли переселенцам из внутренних губерний.

Татар больше всего проживало в Байтуганском районе – 48,89, в Асекеевском – 28, 95 % всего населения. В городе Бугуруслан татары занимали второе место после русских, составляя 10 % от общего количества жителей.

Движение грамотности среди татар Бугурусланского округа (извлечение из общей таблицы)

Г. переписи	**Мужчины**	**Женщины**
1920 г.	24,8	15,4
1926 г.	54,4	33,7
Процент изменения	29,6	18,4

Наибольший темп роста грамотности дает татарское население и особенно заметна грамотность среди женщин. Первое место по женской грамотности среди остальных народностей занимают татарки, обогнав в своем росте грамотность украинской и русской женщины, в то время по грамотности мужчин татары стоят ниже общей грамотности по округу. Эти и другие данные сборника говорили о широком поле деятельности советских органов и населения в деле ликвидации неграмотности по всем возрастным группам. Поскольку школами первой ступени были охвачены только 50 процентов мальчиков в возрасте от 8 до 13 лет, а девочки – вообще только 20 процентов.

Также «Сборник населенных мест Бугурусланского округа» дает дополнительную информацию по селам и поселкам, которые не вошли в большой «Сборник…» 1928 г. Нижеследующая таблица восполняет этот пробел.

Насел. пункт района	**Количество дворов**	**Количество населения**
Новая Балыкла Байтугановского р-на	49	275
Мазгут	49	253
Рысайкино (чув., тат)	330	1789
Чулпан Бугурусланского р-на	19	87

Лечебная сеть Бугурусланского округа: в Камышле амбулатория (врач, фельдшер, акушер – все по одной единице) и оспопрививочный пункт (один работник). Врачебно-ветеринарный пункт в Камышле.

Потребительские общества в Байтугане и Старом Ермаково.

Кредитное общество в Байтугане Почтово-телеграфный (или телефонный) узел в Камышле.

Татарские села Средне-Волжского края в 1931 г.

Район, насел. пункт	**Количество хозяйств**	**Количество населения**
Байтугановский р-н		
Бакаево	113	512
Балыкла	485	2345
Новая Балыкла	54	290
Бузбаш	114	492
Давлеткулово	98	472
Камышла	674	3149
Юлдуз	55	229
Ново-Ермаково	297	1418
Ново-Усманово	469	2014
Старое Ермаково	642	3110
Чулпан	65	352
Старое Усманово	239	1161
Мазгут	47	229
Золотая Гора	11	54
Красный Яр	33	51
Татарский Байтуган	198	955
Бугурусланский р-н		
Юлдуз	13	58
Кинельский		
Петро-Мурачинский	42	188
Спиридоновка (мусульман.)	31	133
Кинель-Черкасский р-н		
Мочалеевка	383	2075
Пример	31	175
Клявлинский р-н		
Новый Кувак	417	1718
Светлый Ключ	22	124

В. – Хмелевка	27	178
Кузнецовка (арт.)	5	28
Н. Шентала	103	497
Фадеевка	8	53
Хмелевка (арт.)	3	35
Поляево	26	156
П. – Павловка	107	865
Клявлино (ст.)	101	332
Карабикулово (морд., тат.)	142	801
Карабикулово (хут.)	9	54
Тат. Абдикеево	255	1304
Кошкинский р-н		
М. Нурлат	23	108
Сов. Иглайкино	27	112
Кашкар	52	262
Азат	57	294
Ахметовка	4	17
Моисеевка	123	493
Ниж. Тюгальбуга	36	170
Ново-Фейзуллово	225	1043
Верх. Сантимер	138	635
Ниж. Сантимер	160	779
Ср. Сантимер	353	1721
Ст. Сантимер	222	1075
Ст. Тюгальбуга	Данные отсутствуют	
Н. Тюгальбуга	794	3958
Ст. Фейзуллово	279	1280
Алмалы	49	288
Теплый Стан	447	2125
Сосновый Враг	29	137
Чишмалы	39	183
Сов. Нурлат	34	165
Красноярский р-н		
Кондурчинский	46	187
Луневский	17	103
Межевой	14	69

Угловой	17	62
Кубань-Озеро	210	1051
Лесная Кубань	27	105
Мулловка	212	1036
Н. Урайкино	119	531
Мелекесский р-н		
Абдреево	283	1132
Идея артель	19	92
«Красная заря» артель	23	101
Лабитово	160	585
Елховый Куст	310	1409
Урняк	30	147
Филипповка (тат., чув.)	564	2557
Моисеевка	286	2788
Сергиевский р-н		
Алимовка	42	222
Ставропольский р-н		
Тат. Выселки	605	2741
Карамышевка	26	117
Нов. Бритовка	24	108
Султановка	25	113
Сталинский р-н		
Алькино	255	1289
Бухара	44	212
Мал. Алькино	29	111
Тургай	99	447
Урняк	29	153
Чулпан	12	77
Нов. Мочалеевка	33	177
Нов. Мансуркино	447	2312

(«Населенные пункты Средне-Волжского края»». Самара, 1931).

Приложение 14

Татарские (или с преобладанием татарского населения) населенные пункты Куйбышевской области на 1961 г.

Ставропольский район

Наименование населенного пункта	**Тип населенного пункта**	**Количество населения**
Татарские Выселки	село	2217
Карамышевка	поселок	155
Ново-Бритовка	поселок	275

Челно-Вершинский район

Благодаровка	село	420
Заиткино	село	522

Шенталинский район

Кордон 37 кв.	кордон	8
Водяная мельница		6
Карабикулово	деревня	631
Татарское Абдикеево	село	956
Лесной кордон 17 и 22 кв.	кордон	8
Татарское Абдикеево	деревня	37
Лесной кордон 51 кв.	кордон	5
Денискино	село	1902
Ж.-д. полуказарма		56

Волжский район

Нур	поселок	160

Елховский район

Теплый Стан	село	1461
Алмала	поселок	299
Чишмалы	поселок	71
Лесной кордон	кордон	3
Кубань-Озеро	село	356
Идея	деревня	155
Бахчисарай	поселок	21

Камышлинский район (общее количество населения 22737 чел.)

Золотая Гора	поселок	75
Красный Яр	поселок	197

Лесная будка Каюмова	будка	4
ОТФ колхоза «Россия»	поселок	13
Полевой стан	поселок	4
Татарский Байтуган	село	676
Мазгут	поселок	203
Новая Балыкла	поселок	252
Старая Балыкла	село	1121
Чулпан	поселок	352
Старое Ермаково	село	2171
Новое Ермаково	село	782
Буз-Баш	поселок	393
Давлеткулово	поселок	373
Камышла	село	4256
Кордон Рахманкулова	кордон	7
МТФ к-за «Яна тормыш»	поселок	40
ПТФ к-за «Яна тормыш»	поселок	24
Пастбище к-за «Октябрь»	сторожка	4
Пищепром	поселок	24
Юлдуз	поселок	156
Бакаево	село	902
Бригада № 5	сторожка	2
Зерикла	поселок	230
Мельница № 17		4
МТФ к-за им. Куйбышева	поселок	10
Новое Усманово	село	2260
Ново-Усмановская МТС	поселок	30
ПТФ к-за им. Куйбышева	поселок	6
Старое Усманово	село	554
Таш Кису	поселок	111
Тургай	поселок	309
Якты Куль	поселок	209

Клявлинский район

Назаровка	деревня	570

Кошкинский район

Верхняя Константиновка	деревня	73

Любимовка	деревня	165
Моисеевка	деревня	256
Ново-Фейзуллово	село	622
Березки	село	278
Булатовка	деревня	101
Муравьевка	поселок	31
Студеный Ключ	поселок	152
Малый Нурлат	поселок	96
Советский Нурлат	поселок	208
Советское Иглайкино	поселок	73
Азатовка	поселок	28
Старое Фейзуллово	село	654
Ибрайкино	поселок	78
Кошкар	поселок	110
Новый Нурлат	поселок	139

Красноярский район

Лесная сторожка	сторожка	5
Кондурчинский	поселок	195
Линевый	поселок	78
Угловой	поселок	94

Куйбышевский район (центр – село Кротовка)

Ж.-д. будка 197 км	будка	4

Ново-Буянский район

Ново-Урайкино	село	543
Отд. № 2 с-за им. Горького	поселок	266
Мулловка	село	819

Подбельский район

Мочалеевка	село	2034
Пример	поселок	255

Похвистневский район

Алькино	село	1866
Каран Юлга	поселок	109
Красный Мост	поселок	161
Нугайка	поселок	375

Ново-Мочалеевка	поселок	227
Черемиска	поселок	67
Ново-Мансуркино	село	1945
Пасека к-за им. Ленина	пасека	6
Сукаевка	поселок	199

Сергиевский район

Алимовка	поселок	181

Справочник административно-территориального деления Куйбышевской области на 1 января 1961 г. (Численность населения указана по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). Куйбышев, 1961 г.

Издание исполнительного Куйбышевского областного совета депутатов трудящихся, статистического управления Куйбышевской области.

Не подлежит опубликованию в открытой печати

Приложение 17

Количество
специалистов с высшим и средним специальным образованием
(по данным Куйбышевского областного статистического управления, на начало 1967 г.)

С высшим образованием Со средним спец. образованием

Национальность	**Всего**	**В том числе женщин**	**Всего**	**В том числе женщин**
Чуваши	669	304	1722	986
Мордва	663	308	1921	1003
Татары	875	412	1481	844
Башкиры	45	19	69	27
Казахи	10	-	21	8

В области имеется 96 научных работников – представителей нерусских народов.

Из них:

- чувашей 21, в том числе 5 кандидатов наук;
- мордвы 16, в том числе 1 кандидат наук;
- татар 54, в том числе 1 доктор наук и 10 кандидатов наук;
- башкир 4, в том числе 2 кандидата наук;
- и 1 казах.

Количество
студентов нерусских национальностей вузов и техникумов
Куйбышевской области в 1966/1967 учебном году
В вузах В техникумах

Национальность	**В вузах**		**В техникумах**	
	всего	**В т.ч. женщин**	**Всего**	**В т.ч. женщин**
Дневные	1200	418	1883	1069
отделения:				
	275	104	441	240
Чуваши	302	122	635	387
Мордва	521	176	683	387
Татары	47	13	29	14
Башкиры	55	3	95	41
Казахи				
	289	24	513	190
Вечерние				
отделения:	104	19	75	25
	131	33	183	60
Чуваши	238	69	249	104
Мордва	11	3	6	1
Татары	5	-	-	-
Башкиры				
Казахи	1102	344	1358	512
Заочные	215	78	228	91
отделения:	270	90	370	108
	515	157	596	276
Чуваши	83	16	80	21
Мордва	19	3	84	16
Татары				
Башкиры				
Казахи				

Количество
периодических изданий на языках народов СССР,
выписываемых из союзных и автономных республик
(по данным Куйбышевского областного управления связи на 1967 г.)

Язык издания	**Газеты**	**Журналы**
Татарский	1236	4095
Чувашский	413	6104
Мордовский	750	16
Башкирский	182	169
Казахский	66	1778

Жители Куйбышевской области выписывают также издания на азербайджанском, киргизском, узбекском, таджикском и туркменском языках[1].

Приложение 18

Татарские (или с преобладанием татарского населения) населенные пункты Куйбышевской области (по данным на 1 января 1975 г.)

Клявлинский район

Населенный пункт	Тип населенного пункта	Количество населения
Мазгут	поселок	146
Новая Балыкла	деревня	195
Старая Балыкла	село, центр с/сов.	876
Чулпан	поселок	297
Золотая Гора	поселок	47
Красный Яр	поселок	156
Тат. Байтуган	село	546
Новое Ермаково	село	636
Старое Ермаково	село, центр с/сов.	2193
Бузбаш	поселок	384
Давлеткулово	деревня	325
Камышла	село, центр с/сов.	3922
Юлдуз	поселок	97
Старое Усманово	село	451
Новое Усманово	село, центр с/сов.	1893
Назаровка	село	582

Кошкинский район

Идея	деревня	172
Кубань Озеро	село	271
Кармала	ж.-д. разъезд	34
Моисеевка	деревня	183
Кшкар	поселок	126
Новое Фейзуллово	село	563
Березки	село	307
Студеный ключ	поселок	46
Надеждино	Село, центр с/совета	1362

[1] Тарзиманов Ф.В. Торжество ленинской национальной политики. // Краеведческие записки, Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 103, 104

Старое Фейзуллово	село	673
Мулловка	село	770
Алмала	поселок	234
Теплый Стан	Село, центр с/совета	1593

Красноярский район

Кондурчинский	поселок	148
Линевый	поселок	79
Угловой	поселок	262
Ново-Урайкино	деревня	591

Похвистневский район

Алькино	село, центр с/совета	1959
Каран Юлга?	поселок	40
Красный Мост	поселок	98
Нугайка	поселок	311
Ново-Мочалеевка	поселок	281
Мочалеевка	село, центр с/совета	2607
Пример	поселок	306
Ново-Мансуркино	село, центр с/совета	1978
Сукаевка	поселок	196

Сергиевский район

Алимовка	поселок	128

Ставропольский район

Выселки	Село, центр с/совета	3403

Челно-Вершинский район

Новый Нурлат	поселок	147
Советский Нурлат	поселок	238
Советское Иглайкино	поселок	52
Благодаровка	деревня	339
Заиткино	село	640

Шенталинский район

Денискино	село, центр с/сов.	2161
Татарское Абдикеево	село	936
Карабикулово	деревня	399

Абдикеево	ж.-д. разъезд	24
Шелашниково	станция	239

Из: «Справочник административно-территориального деления Куйбышевской области на 1 января 1975 г.». Куйбышев, 1975.

Приложение 19

Татарское население Куйбышевской (Самарской) области по материалам переписей населения послевоенного времени

Города	**1970 г.**	**1979 г.**	**1989 г.**	**2002 г.**	**2010 г.**
Всего по области	93687	103605	115280	127931	126124
Куйбышев-Самара	24916	32912	38448	40327	39408
Тольятти	7886	13447	21077	26920	28631
Сызрань	6158	6511	7073	9346	8842
Новокуйбышевск	2266	2131	2308	2504	2179
Похвистнево	1485	1702	2532	3143	3144
Чапаевск	1048	1129	1363	1147	1164
Отрадный	982	940	1079	1186	1053
Жигулевск	846	811	861	777	942
Кинель	579	640	583	830	1115
Нефтегорск	269*	261	340	374	692
Октябрьск	238	195	219	345	345

По итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. известно только общее количество татарского населения Куйбышевской области – 74 226 чел., другими данными (по гордам и районам) мы не располагаем. Известно также количество татарского населения Куйбышевской области, выявленное в ходе переписи 1939 г.– 130471 чел., но здесь следует иметь в виду то обстоятельство, что тогда в нее целиком входила вся нынешняя Ульяновская область.

***В 1970 г. Нефтегорск был поселком городского типа и сведения на этот год даются в целом по району.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аблязов К.А. Историческая судьба татарского народа: В 2 т. Саратов, 2012.
2. Аверкиев С.С. Влияние татар на жизнь русского народа. Казань, 2015. Алишев С.Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. Казань, 2009.
3. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья, XV – нач. XIX в.в. М., 1990.
4. Алишев С.Х. Москва и Казань: межгосударственные отношения в XV – XVI в. Казань, 1995.
5. Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.
6. «Азан» уполномочен заявить. Под общ. ред. Ш.Х. Галимова Самара, 2014.
7. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII – XIV вв. о татарах. «Исторический архив». Том III. М. – Л., 1940.
8. Алихова А.Е. Отчет о раскопках Усинского отряда Куйбышевской экспедиции в 1951. Эл. ресурс – *http:/archeo.narod.ru imperium/Arxiv/report-old/567/Alixova.htm* Аминова Г. Территория Казанского ханства на русских и европейских картах XV-XVII веков // Журнал «Эхо веков – Гасырлар авазы» Казань. 1999. № 1/2. С. 75-86.
9. Амирханов А.У. Татарская дореволюционная пресаа (в контексте «Восток – Запад»). Казань, 2002.
10. Арсланов М.Г. Татарская драматическая студия. «Гасырлар авазы – Эхо веков». № 3/4. 2014 г.
11. Атласи Х. Казан ханлыгы (тарихи әсәрләр). Казан, 1911., (на тат. яз).
12. Ахмаров Г.Н. Болгар тарихы. Казан, 1918 (на тат. яз).
13. Әхмәров Г.Н. Казан тарихы. Казань. 1910 (на тат. яз.).
14. Ахмаров Г.Н. Тептяри и их происхождение. Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1907.
15. Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәте (на тат. яз.) В сб. «Из истории Золотой Орды». Казань, 1993.
16. Әхмәтжанов М.И. Татар кулъязма китабы. Казан, 2000 (на тат. яз.)
17. Ахметов А.А. История заселения Симбирско-Ульяновского Заволжья (XVII – XX вв.). Ульяновск, 2002.
18. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков татар Волго-Камья). Самара, 1998.
19. Багров Л. История русской картографии. М, 2005.
20. Bagrow L. Histori of Cartography of Russia up to 1600. Wolfe Island, Ontario, 1975.
21. Байрамова Ф.А. Татарская история на Самарской Луке. Эл. ресурс, режим доступа: mtss.ru'pages/f_bajram/samar-r.html
22. Баллод Ф.В. Две столицы Золотой Орды. «Новый Восток», № 3. М.1923.

23. Баллод Ф.В. Культура Золотой Орды. «Новый Восток», № 6. М, 1924.
24. Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной саратовско-царицынской полосы). М. – Пгр.,1923.
25. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара. 1996.
26. Барашков В.Ф. По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск. 1994.
27. Бариев Р.Х. Волжские булгары. История и культура. СПб. 2005.
28. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского высшего педагогического института. Ташкент. 1928.
29. Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана. Записки Восточного отдела Русского Географического общества. Вып. X. СПб., 1897.
30. Бартольд В.В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. XXXIV, вып. 3-4.
31. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900.
32. Бартольд В.В. Этнографический состав мусульманского мира. Соч.т. VI/
33. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
34. Башкиров А.С. Памятникик булгаро-татарской культуры на Волге. Казань. 1928.
35. Болтин И.Н. Примечания на Леклерка. В кн. Сочинения. т. II. СПб., 1779.
36. Бурмистрова Л.Р. Сохраняя вековые традиции. Алькино – 400 лет. Похвистнево. 2010.
37. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев. 1986.
38. Вискалин А. В. К вопросу о формировании важнейших путей Симбирско-Ульяновского Заволжья. «Краеведческие записки». Вып. 10. Ульяновск. 2005.
39. Витевский В.Н. – И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань. 1897. Т. I.
40. Воробьев Н.Е. Поволжские татары. Народы Европейской части СССР. Этнографические очерки. М. «Наука», 1964.
41. Ведерникова Т.И. Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии) в XVIII – XIX вв. Проблемы истории СССР, 1982, 12 вып.
42. Ведерникова Т.И. Аграрное освоение и формирование населения Самарского Заволжья в сер. XVI – сер. XIX вв. Классы и сословия в период абсолютизма. Межвузовский сборник статей. Куйбышев. 1989.
43. Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. В 3-х частях М. 1863-1866.
44. Военные действия на территории Самарской губернии 1918-1921 г.г. Самара. 1927.
45. В память столетия Оренбургского Магометанского Духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. Уфа. 1891.

46. Всероссийское Учредительное собрание. Энциклопедия. М. 2014.
47. Габдрафикова Л.Р. Татарские граммафонные записи начала XX века. «Гасырлар авазы – Эхо веков», № 3/4, 2013 г.
48. Гайнетдинов М.В. Без элек тэ без идек (на тат. яз.). Казан. 2014.
49. Гайнуллин М.Х. Татарская публицистика и литература начала XX века. Казань. 1966.
50. Галимов Ш.Х. Возвращение родной речи. Самара. 2014.
51. Галимов Ш.Х. Живое творчество масс. Самара. 2014.
52. Галимов Ш.Х. История села Ново-Урайкино. Годы. события, люди. Самара. 2006.
53. Галимов Ш.Х. Очерки истории села Мулловка (с начала XIX века до наших дней). Самара. 2009.
54. Галимов Ш.Х. Перекличка эпох. К 125-летию Самарской Исторической мечети. Самара. 2016.
55. Галимов Ш.Х. Пока мы помним, мы живем. Самара. 2013.
56. Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. Самара. 2011.
57. Галимов Ш.Х. Самарские татары: с гордостью за прошлое и надеждой на будущее. Самара. 2013.
58. Галимов Ш.Х. Седая древность и вечная молодость народного праздника. Самара. 2013.
59. Галимов Ш.Х. Сохранить и приумножить. К 10-летию Татарской национально-культурной автономии Тольятти. Самара. 2011.
60. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежд и прочих достопримечательностей. (Пер. с нем.), СПб., 1776-1777.
61. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов. 1923.
62. Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы Самарской губернии в середине XIX-XX вв. Нижний Новгород. 2008
63. Гилязов И. А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны. Казань. 2014.
64. Гимади Х.Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. Материлы по истории Татарии. Казань. 1948.
65. Голод в Средневолжском крае в 20-30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-30-е годы XX века. Самара. 2014.
66. Города Поволжья в средние века. М., 1974.
67. Город Сызрань. Очерки географии, истории, кульутры, экономики. Сызрань. 2008.
68. Госманов М., Мәрданов Р. «Шура» журналының библиографик күрсәткече (на тат. яз.). Казан. 2014.
69. Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. – Л., 1950.
70. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
71. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
72. Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Куйбышев. 1986.
73. Гурьянов Е.Ф. Как начиналась Самара. Самарский краевед. Куйбышев.

1990.
74. Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. Казань. 2004.
75. Дәүләтшин Г. М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. Казан. 1999 (на тат. языке).
76. Дубман Э.Л. Понизовое Поволжье в составе Российского государства во второй половине XVI – первой трети XVII вв. «Краеведческие записки», вып. IX, Самара. 2000.
77. Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. Самара. 2012.
78. Духовенству Самарской губернии. «Самарские епархиальные ведомости». Часть неофициальная. 1870, № 1.
79. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном экономическом и бытовом значении. Т. 8, ч. 1, Среднее Поволжье. СПб., 1901. Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 г. СПб., 1832.
80. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Учредительного собрания. Июнь – октябрь 1918 г. В кн.: Архив новейшей истории России. Под общей редакцией В.А. Козлова и С.В. Мироненко М., 2011.
81. Журналы Бугульминского уездного земского собрания 1877-1913 гг. Самара. 1878-1914.
82. Журналы Бугурусланского уездного земского собрания 1877-1916 Г.г. Самара. 1878-1916.
83. Журналы Самарского уездного земского собрания 1877-1917 гг. Самара. 1878-1918.
84. Журналы Ставропольского уездного земского собрания 1877-1915 гг. Самара. 1878-1916.
85. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части и Сибири. Казань. 2007.
86. Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860-1905 гг. Казань. 2014.
87. Закиев М.З. История татарского народа. Этнические корни, формирование и развитие. М., 2008.
88. Заляй Л. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка). «Советская этнография», 1946, № 3.
89. Записки о Московии барона Герберштейна. Перевод с латинского издания 1556 г. И. Анонимова. СПб., 1866.
90. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
91. Земско-статистический справочник по Самарской губернии. Самара. 1914.
92. Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Вып. I – III. СПб., 1914-1915.
93. Золотарев Д.А. Этнографический очерк Поволжья. Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. Л, 1925.
94. Ермолаев И.П. Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии. Куйбышев. 1965.
95. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII в.в. Казань. 1982.
96. Fraehn Ch. M. Uber die ehemalige mongolicshe Stadt Ukek. Im suden von Saratov und einen dort unlanst gemachten fund. SPb., 1834.
97. «Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста. Извлечения. Под ред. Д.А. Хвольсона. СПб., 1869.
98. Иванов А. Фанатизм татар-мусульман, как главное препятствие успешной проповеди христианской веры среди инородцев. «Самарские епархиальные ведомости». 1906, № 23.
99. «Идегәй». Татар халык дастаны (на тат. яз.) Казань. 1989.
100. Илларионов И.И. Национальные меньшинства Средней Волги: наши достижения, недостатки и перспективы работы среди национальных меньшинств Средне-Волжского края. Самара. 1931.
101. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель Д.Ю. Арапов. М, 2001.
102. «Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления в XX – XXI веках». Составитель А.Б. Юнусова. Уфа. 2009.
103. «Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущеее. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 4-6 июня 2015 г.г. Саратов. Под редакцией К.А. Аблязова. Э.С. Кульпина-Губайдуллина. Ф.А. Рашитова. Саратов. 2016.
104. История Золотой Орды. Сборник материалов. СПб. 2003.
105. История Самарского Пволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. Наука. 2000.
106. История татар. В 7 тт. Казань. 2002-2013.
107. Источниковедение истории СССР. В 2-х тт. М. 1940.
108. Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVI I-XIX вв. «Советская этнография». 1960, № 4.
109. Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография (Этническая история донационального периода). Казань. 2005.
110. Исхаков Д.М. Тептяри: опыт этностатистического изучения. «Советская этнография». 1979, № 4.
111. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция. 1917-1918 гг. М., 2004.
112. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. [в 7 т.] Т. 5: Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства. ЦСУ при Совете Министров СССР. – Москва: Статистика. 1973.
113. Ишболдин Б. Очерки по истории татар. Второе издание. Сент-Луи. 1973.
114. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII –первой половине XIX вв. М,

1963.
115. Каменецкий А. Местные условия деятельности Самарского духовенства в отношении распространения и утверждения христианства. «Самарские епархиальные ведомости». Часть неофициальная, 1867, № 6.
116. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М. 1988.
117. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. Казань. 1988.
118. Карта административного деления Средне-Волжского края. М. – С. 1930.
119. Карта Средне-Волжского края. Самара. 1930.
120. Картографические материалы 70-х г.г. XVII в. как источник по истории крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева. «Вопросы истории», 1958, № 4.
121. Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). Под научной редакцией П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара. 2007.
122. Ключевский В.О. Курс русской истории. М. 2011.
123. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991.
124. Книга памяти. 1923-1939. М., 1998.
125. Ковалевский А.П. Книга Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков. 1956.
126. Колесников И.А. Военные действия на территории Самарской губернии. Самара. 1927.
127. Краеведение. Часть I. Природа и население Самарского края. Самара. 1924.
128. Красная летопись. Материалы к истории советского строительства в Самарской губернии (9 октября 1917 г. – апрель 1921 г.). Самара. 1921.
129. Красноперов И. Самарская губерния. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. т. 56. СПб., 1900.
130. Красовский В.Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии 1372-1901 г. Симбирск. 1901.
131. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.). Сборник документов. Куйбышев. 1966.
132. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.). Документы и материалы. Самара. 1995.
133. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Приуралья. М. 1992.
134. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905.
135. Купечество Среднего Поволжья в XVIII – начале XX вв. В сб. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.) Под ред. Кабытова П. С., Дубмана Э. Л.
136. Кучкин В.А. «Samar», Самара и поволжские города в XIII-XVI в. //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49).
137. Лаврентьевсая летопись. Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ), М., 1962.
138. Латыпова Г. Организация советских органов управления народным образованием в Казанской губернии (1917-1918 гг.) Журнал «Гасырлар авазы – Эхо веков» № 1/2, 2015 г.
139. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 20.
140. Леопольдов А.Ф. Исторические заметки о Самарском крае. СПб., 1860.
141. Леопольдов А.Ф. Пчеловодство в Самарской губернии. «Самарские губернские ведомости». Часть неофициальная, 1853, № 51.
142. Леопольдов А.Ф. Молотьба в Самарской губернии. («Самарские губернские ведомости». Часть неофициальная, 1854, № 2.
143. Леопольдов А.Ф. Народы. населяющие Самарскую губернию. Самарские губернские ведомости, часть неофициальная, 1854, № 34.
144. Leo Bagrov. A History of the Cartography of Russia. Ontario, 1975.
145. Лепехин И. Дневниковые записки путешествия доктора Академии наук, адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 г. СПб., 1795. Лядов В. Европейская Россия в физическом и этнографическом отношениях. СПб., 1861.
146. Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии. Журнал Министерства внутренних дел, 1860.
147. Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. В 3 тт., Л. 1961. Мәржани Ш. Казан вә Болгар хәллэре турында файдаланылган хәбәрләр (на тат. яз.), Казан. 1989
148. Марданов Р.Т. Край мой родной. Происхождение татарских сел Камышлинского района. Эл. ресурс, реж. доступа: *http://samtatnews.ru/2014/02/21/*
149. Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нем инородцев. СПб., 1785.
150. Матвеева Г.И. Экспедиция в прошлое. Записки археолога. Самара. 1998.
151. Матвеев П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии. Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии, СПб., 1878. Отд. 1.
152. Материалы по истории Узбекской. Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1 Торговля с Московским государством и международное полжение Средней Азии в XVI – XVII вв. Л. 1932.
153. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). Саратов. 1974.
154. Медресе Казанской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Сборник документов и материалов. Казань. 2012.
155. «Мир ислама». Журнал министерства внутренних дел. Под редакцией Димитрия Поздеева.СПб., 1906-1914.
156. Михеев В. К. и др. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ. «Этнографическое обозрение», 1994, № 4.
157. Моисеенко П.Л. Дальний кумыс. В кн. «Забытое прошлое», Самара. 2011.
158. Морозов В.И. Топография кладов и случайных находок монет на территории Куйбышевской (Самарской) области. Краеведческие записки, выпуск VII. Самара. 1995.
159. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М. 1996

Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М., 1972.
160. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. Казань. 2012.
161. Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира. «Библиотека для чтения». СПб., 1837. № 22.
162. Набиев Р.Ф. Государство джучидов в XIV веке. Проблемы экономического развития. Казань. 2014.
163. «Национально-духовное возрождения мусульманскиxx народов конца XIX и конца XX вв.: перекличка эпох. К 125-летию Самарской Исторической мечети». Сборник материалов научной конференции. Самара. 2016,
164. Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854.
165. Невоструев К. И. О городищах древнего Волго-Болгарского и Казанского царства в нынешних губерниях Казанской. Симбирской. Самарской и Вятской. М., 1871.
166. Никонов В.А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимики. «Вопросы географии», М, 1960. Вып. 50, Историческая география.
167. Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XI. СПб., 1897.
168. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906 (другой источник: эл. ресурс, режим доступа: *http://wwwbibliotekar.ru/rus/27.htm*)
169. Орлов А.М. Мещера. мещеряки, мишаре. Казань. 1992.
170. Паллас П.С. Путешествие по различным провинциям Российского государства. – СПб., 1773-1788. Часть 1.
171. Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919-1920 гг.) М. 1964.
172. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой:1489-1549 гг. Подготовка текста Н.М. Рогожина. Махачкала. 1995.
173. Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края, Самара. 1919.
174. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Записки историко-филолгического факультета Петроградского университета. CXXXIII, СПб., 1916.
175. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества и дорожная карта для русских людей. Т. 6: Среднее. Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901.
176. Проблемы историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. Казань. 1974.
177. Поволжье в средние века. М., 1970.
178. Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск. 1900.
179. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI века. Очерки по истории края и его колонизации. Москва. 1877.
180. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Очерки по истории колонизации края. Одесса. 1882.
181. Переходы земельных имуществ по сведениям нотариального архива с 1870 по 1911 г. Самарский уезд. Самара. 1912.
182. Периодическая печать Средне-Волжской области 1838-1928 гг. Библ. справочник под ред. А.Д. Михайлова. Самара. 1929.
183. Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.А. Котова. Кн.4, СПб., 1911.
184. Писцовая книга Казанского уезда. Казань. 1978.
185. Подвиг огненных лет. Под ред. Галяутдинова И.М. Самара. 2015.
186. Поездки к бывшим волжским столицам к развалинам близ г. Царева и села Селитренного. Издатель Ф. Сурин. Казань. 1896.
187. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М. 1978.
188. Попов Ф. Г. 1918 г. в Самасркой губернии. Хроника событий. Куйбышев. 1972.
189. Порунов А.Н. Стратиграфия топонимов Средней Волги. «Гасырлар авазы – Эхо веков», № 1/2, 2015.
190. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Самарской губернии. Самара. 1927.
191. Проблемы историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. Казань. 1975.
192. Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся по Высочайшему повелению Царствующей Императрицы Екатерины Второй. СПб., 1787.
193. Протопопов И. Краткий историко-статистический очерк Самарской губернии. (В кн. «Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г.»), Самара. 1901. Путешествие Абу Хамида аль Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). М., 1971.
194. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
195. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М. – Л., 1939.
196. Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии (30 дек. 1850-31 декаб. 1990 гг.). – Самара. 1901.
197. Рихтер А. Исследование о влиянии монголо-татар на Россию. СПб., 1825.
198. Rotlich A. A. The Volga Tatars in national resilience. Stanford. 1986.
199. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.В. Семенова. Т. IV. СПб., 1901.
200. Рубинштейн Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века как памятники географического и экономического изучения России. «Вопросы географии. Научные сборники Московского филиала Географического общества СССР». Сб. 31. М, 1953.
201. Рыбаков С.Г. Статистика мусульман в России. «Мир ислама». 1913, т. 2. вып. 11.
202. Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767.
203. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1887.
204. Самара – Куйбышев. 1586-1986. Хроника событий. Куйбышев. 1986.
205. Самарец. 1889 г. Изд. И. Щепкинского.
206. Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов. Самара. 2014.
207. Самарская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864.
208. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. В двух книгах. Под общей редакцией профессора П.С. Кабытова и профессора Л.В. Храмкова. Самара. 1993
209. Самарский областной краеведческий музей имени П.В. Алабина. История

и современность. Самара. 2011.
210. Самарское Поволжье в XX в. Сборник документов и м аетриалов. Под редакцией П.С. Кабытова. Самара. 2000.
211. «Среднее Поволжье в контексте средневековой российский истории на перекрестке культур (конец XIII – XVI в.). Самара. 2012.
212. Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в. М. 1938. (Научная библиотека МГУ, рукопись).
213. Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века. Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института. Саранск. 1949.
214. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960.
215. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Выпуск I и II. Самара. 1924.
216. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Том 5. Бугульминский уезд. Самара. 1885.
217. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 4, Бугурусланский уезд, Самара. 1886.
218. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 5. Самарский уезд, Самара. Самара. 1886.
219. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 6. Ставропольский уезд, Самара. 1885.
220. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Выпуск первый, Самарский уезд. Самара. 1912.
221. Свет Ислама. Автор-составитель Галяутдинов И.М. Самара. 2010.
222. Синельник А.К. История осовения и градостроителсьтва Самарского края. Самара. 2002.
223. Служим вечности. К 90-летию государственной архивной службы Росиии. М., 2008.
224. Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1948.
225. Смирнов А. П. К вопросу этногенеза татар Поволжья «Советская этнография» 1946, № 3.
226. Смирнов А.П. Отчет о Куйбышевской экспедиции за 1950 г. Эл. ресурс – *http:/archeo.narod.ru imperium/Arxiv/report-old/ 567/smirnov.htm*
227. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара. 1997.
228. Смолицкая Г.П. Горбаневский М.В. Топонимия Москвы.М., 1982.
229. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1851-1879.
230. Спасский Н. А. К юбилею Самарской губернии. (Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г.), Самара. 1901.
231. Список волостей и гмин Европейской России на 1 января 1875 г. СПб., 1875.
232. Список мировых участков и волостей по 1 января 1870. Самара. 1873.
233. Список мировых участков и волостей по 1 января 1872. Самара. 1873.
234. Список населенных мест Бугурусланского округа. Бугуруслан. 1929.

235. Список населенных мест Самарской губернии. Самара. 1900.
236. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 г. Т. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1864.
237. Список населенных мест Самарской губернии на 1889 г. Самара. 1890.
238. Список населенных мест Самарской губернии. Самара. 1900.
239. Список населенных мест Самарской губернии. Самара. 1910.
240. Список населенных пунктов Самарской губернии. Самара. 1928.
241. Список населенных пунктов Средне-Волжского края. Самара. 1931.
242. Справочник административно-территориального деления Куйбышевской области на 1 января 1961 г. (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.) Куйбышев. 1961.
243. Справочник административно-территориального деления Куйбышевской области на 1 января 1975 г. Куйбышев. 1975.
244. Справочник административно-территориального деления Куйбышевской области на 1 января 1986 г. Куйбышев. 1987.
245. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 3. Материалы для исследования кустарной промышленности в России. Под. ред. Л. Майкова. Ч. . СПб., 1872.
246. Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
247. Средняя Волга. Социально-экономический справочник с 84 краевыми и районными картами. М. – С. 1932.
248. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266-1359 гг.). Казань. 2011.
249. Схема округов Средне-Волжской области. Карта. Самара. 1928.
250. Тарзиманов Ф.В. Торжество ленинской национальной политики. «Краеведческие записки», вып. 2, Куйбышев. 1971.
251. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М. «Наука», 1967. Золотой Орды
252. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды т. I, извлечение из арабских источников. СПб., 1884.
253. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды т. II, извлечение из персидских источников. Издание Академии наук СССР. М., 1941.
254. Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М, 1947.
255. Тихомиров М.Н. Записи XIV-XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960.
256. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV – XV вв. М., 1957.
257. Троепольская О.В., Троепольская Н.Е., Руденко К. А. О памятниках археологии в бывшей Казанской губернии из показаний крестьянского населения. «Гасырлар авазы – Эхо веков», № 1/2, 2015 г.
258. Файзрахманов И.З. Семейные разделы в татарских деревнях в 1820-1864 гг. Журнал «Гасырлар авазы – Эхо веков» № 1/2, 2015 г.
259. Улицы Самары. Справочник. Составитель Суровиков В.Я. Самара. 1997. Фахретдин Ризаэддин. Асар. Т. I – IV. (на тат. яз.) Казан. 2008-2010.
260. Фахретдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии. ее территория. Издание Казанского отделения Академии Наук СССР, Казань. 1975.

261. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 2001.
262. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
263. Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1 и 2. Казань. 1920.
264. Френ Х. Монгольский город на реке Волге: пер. а.а. Гераклитова.
265. Фукс К.Ф. История города Казани. Казань. 1817.
266. Фукс К.Ф. Казанские татары. Казань. 1843.
267. Хабутдинов А.Ю. От общины к нации. Казань. 2008.
268. Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань. 1992.
269. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Волжская Булгария. Казань. 1994.
270. Халиков А.Х. Татар халкының килеп чыгышы. – Казан. 1974. (на тат. яз.)
271. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. – Казань. 1989.
272. Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX вв. – М. 1981.
273. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.
274. Хмелевский Г. Мировая империалистическая война 1914-1918 гг.: Систематический указатель военно-исторической литературы. М., 1936.
275. Хождение купца Федота Котова в Персию. М. 1958.
276. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. Казань. 1990.
277. Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время. Казань. 2007.
278. «Циркуляр по Казанскому учебному округу», 1913, № 8, Казань. 1913.
279. Чекалин В.В. Саратовское Поволжье по картам XV века: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. II, вып. I. Саратов. 1889.
280. Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 г. по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам. поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г. М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960.
281. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памяники в Казанской губернии. Казань. 1877.
282. Щепукова Н.М. Изменения в размещении и социальном составе населения России в XVIII – первой половине XIX вв. М., 1967.
283. Этносы Самарского края. Историко-этнографические очерки. Самара. 2000.
284. Юзеев А.Н. Татарская религиозно-реформаторская мысль. Казань. 2012.
285. Юрченко А.Г. Монгольская империя на Каталонском атласе 1375 г. // Mongolica – VIII: сборник статей: Посвящён 190-летию Азиатского музея – Института восточных рукописей РАН (СПбФ ИВ РАН). СПб.: Петербургское Востоковедение. 2008.
286. Якубовский А.Ю. К истории топографии Итиля и Болгар // Советская археология. Т. 10. М., 1948.

Сташенков Д.А.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

На протяжении тысячелетий на территории Самарского Поволжья сменяли друг друга представители самых разных культур. Охотники и рыболовы, скотоводы и земледельцы, купцы и ремесленники, воины и служители культа – все они оставили свой след в виде археологических памятников. И чем ближе к нашим дням, тем больше сохраняется артефактов. Казалось бы, от средневековой эпохи их должно остаться не так много, что для археологов и историков не составит никакого труда подробно описать жизнь всех проживавших в крае народов. На самом деле не все так просто.

Мы в общих чертах представляем себе жизнь средневекового оседлого населения Волжской Болгарии и Золотой Орды, но порой совсем немного можем рассказать о кочевых народах, которые жили с ним по соседству – венграх, гузах, печенегах, половцах… Еще сложнее говорить о более ранних эпохах, от которых у нас нет достоверных письменных свидетельств.

О том, как происходило взаимодействие представителей разных культур в различные периоды средневековой эпохи, мы можем узнать с помощью археологии. К сожалению, сведения древних авторов о народах, живших в степной зоне Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья, очень отрывочны. Даже в описании путешествия Ахмеда Ибн-Фадлана 922 г., которое является основным для реконструкции истории Волго-Камья в средневековую эпоху, рассказ о народах, занимавших земли Самарского Поволжья, более чем краток.

Такое невнимание древних авторов к Самарскому региону обусловлено его географическим положением. Расположенный на границе степной и лесостепной зон, Самарский край находился и на границе двух миров – кочевого и оседлого. А на границе люди, стремящиеся попасть в определенное место, обычно долго не задерживаются.

Сегодня северную границу степной зоны можно условно провести по реке Самаре. Территория к северу от р. Самары входит в зону лесостепи, и археологические памятники в этой части представлены преимущественно поселениями, расположенными вдоль сравнительно небольших рек. В степной зоне, южнее р. Самары, и на пограничной кромке степи-лесостепи известны отдельные кочевнические захоронения. Судя по редким находкам, эти земли долгое время не входили в зону основных кочевых маршрутов средневековых номадов. Только на Самарской Луке имеются крупные раннесредневековые некрополи – курганные и курганно-грунтовые могильники новинковского типа, однако насколько подвижный образ жизни вело новинковское население – это вопрос, на который еще нет однозначного ответа.

Материалы археологических исследований свидетельствуют о том, что на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. на территории Самарского Поволжья происходила регулярная смена насе-

ления, которое вело различный образ жизни. Кочевники – сначала савроматы, а затем и сарматы, граничившие с оседлыми белогорскими и городецкими племенами, сменялись земледельческими племенами, оставившими в III-IV вв.н.э. памятники типа городища Лбище и памятники киевского круга, а затем и многочисленные поселения именьковской культуры. В свою очередь, земледельцы уступали место новым кочевым группам, а те – новым оседлым народам.

В самом начале эпохи раннего средневековья, в IV-V вв.н.э. через Среднее Поволжье прокатилась волна гуннского нашествия. Материальное свидетельство его осталось в виде уничтоженного в ходе вражеского нападения городища Лбище на Самарской Луке[1], а также ярких погребальных комплексов гуннов в степной зоне – Федоровского и Владимировского погребений[2]. В этих погребениях найдены предметы вооружения, конской сбруи и упряжи, украшения из драгоценных металлов[3]. Судя по находкам, в гуннское время в регионе находились и профессиональные воины-всадники. В очень редких случаях археологам удается чуть приоткрыть завесу, скрывающую от нас тайную часть духовного мира древних кочевников. Несколько лет назад на территории современной Самары была исследована площадка, на которой в древности совершались некие сложные обряды. Во время проведения обрядовых действий был разбит и брошен в сильный огонь крупный бронзовый котел гуннского типа[4]. Интересно, что наиболее близкие аналогии этой находке – хорошо сохранившиеся бронзовые котлы с декором в виде горизонтальных валиков, украшенные грибовидными выступами, имеются на территории современных Венгрии, Румынии и Молдавии[5]. Эти котлы настолько выразительны, что сходство их заметно даже не специалистам. К сожалению, пока не установлено, где именно изготавливались бронзовые котлы с грибовидными выступами и где раньше они появились – в Поволжье, на Днестре или на Дунае, но сам факт наличия контактов между этими регионами в конце IV – середине V в., когда там властвовали гунны, кажется очень вероятным. Видимо, с появлением новых материалов археологи смогут установить, через Поволжье ли поступали гуннские котлы в центральную Европу или, напротив, они попали на Волгу уже вместе с возвращающимися после распада державы Аттилы кочевниками.

Движение гуннов открыло путь в волжские степи для кочевников Востока. Многие из них говорили на языках, относящихся к тюркской группе алтайской языковой семьи. Представители тюркоязычных народов проживают в Поволжье и сегодня (азербайджанцы, башкиры, казахи, киргизы, татары, узбеки, чуваши). Многие из них ведут свою родословную от легендарного прародителя тюрок – Ашины. Название ***«тюрк» впервые зафиксировано*** в V в.н.э. *для* племенного союза, сложившегося где-то на Алтае. В VI в. этноним «тюрк» был перенесён на народы, вошедшие в состав созданного тюрками государства – ***Тюркского каганата.*** В середине VI в. после успешных войн, которые вели тюрки под предводительством своего правителя – кагана Истеми, под их властью оказалась практически вся Центральная Азия. К 571 г. тюрки заняли Северный Кавказ и вышли к границам Византии на Боспоре.

Начавшаяся в 584 г. в Тюркском каганате гражданская война в конечном итоге привела к его распаду в 604 г. на ***Восточный*** и ***Западный каганаты.*** В 630-е гг. уже в Западном каганате разразилась междоусобица, которую вели друг с другом два главных племенных союза каганата – ***дулу и нушиби***. Вскоре на территории бывшего каганата возникли новые государственные образования, крупнейшими из которых стали ***Великая Болгария*** и ***Хазарский каганат.***

Археологические комплексы, которые можно было бы соотнести если не собственно с тюрками, то с кочевниками тюркской эпохи, в Поволжье немногочисленны. Лесостепная часть этой территории была занята оседлым многокомпонентным населением именьковской культуры. На северной кромке степной зоны имеются отдельные кочевнические захоронения, совершённые в насыпи курганов предшествующих эпох. Так, погребение тюркской эпохи исследовано в кургане у с. Красный Ключ в Кинельском районе Самарской области. Погребённый, ориентированный головой на север, лежал вытянуто на спине. Справа от головы погребённого находились кости ноги барана, в районе пояса погребённого – железная ремённая пряжка, которая датирует погребение временем не позднее рубежа VI-VII вв.

В засушливые годы кочевники заходили со своими стадами далеко на север: погребения тюркского времени найдены у с. Тургенево в Ульяновской области[1] и у д. Новосёлки на территории Татарстана[2]. Вероятно, в первое время отношения между немногочисленными кочевниками и оседлым населением в Среднем Поволжье были мирными. Интересно, что при исследовании Коминтерновского II могильника на территории Татарстана казанский археолог Е. П. Казаков выявил наряду с именьковскими кремационными и целый ряд погребений, совершённых по обряду трупоположения. Эти захоронения Е. П. Казаков связывает с хионитами, вытесненными тюрками из Приаралья, и предполагает, что население, оставившее этот могильник, входило в сферу влияния I Тюркского каганата[3].

Вместе с гуннами в Поволжье появились не только тюркоязычные кочевники, но и представители других этнических групп. Были среди них и угры, с которыми исследователи связывают население саргатской и бакальской археологических культур, памятники которых изучены в Зауралье и Западной Сибири. Характерная для этих культур круглодонная орнаментированная в верхней части лепная керамика зафиксирована при раскопках Пролетарского городища на севере Самарской области.

[1] Матвеева, 1998. С. 90-91.
[2] Богачев, 2000. С. 135-144.
[3] Рис. 1, 1 в цветной вкладке.
[4] Сташенков, 2007.
[5] Рис. 1, 2; Засецкая, 1994. Рис. 20; Нудельман, 1967. С. 306-308.

[1] Халикова, 1972.
[2] Богачев, 1990.
[3] Казаков, 1998. С. 110.

В IV-VII вв. в регионе проживало также многочисленное оседлое население, сформировшее самобытную именьковскую культуру. Возможно, его появление в Поволжье связано с изменениями природных условий. По данным В. В. Седова, с конца IV в. на протяжении двух столетий в Европе наблюдается резкое похолодание и увлажнение климата. «Период от конца IV до последних десятилетий VI в. в лесной зоне Европы во всех отношениях был крайне неблагоприятным для земледельческого населения. Многие поселения римского времени в результате повышения уровней рек и озер и подъема грунтовых вод оказались затопленными, а значительные участки пашенных угодий стали непригодными для земледелия»[1]. Поэтому некоторые народы вынуждены были оставить прежние места обитания.

На протяжении нескольких десятилетий ученые вели дискуссии об этнической принадлежности населения, оставившего памятники именьковской культуры. В настоящее время многочисленных сторонников приобрела точка зрения, впервые высказанная в 1962 г. А. П. Смирновым, затем разработанная Г. И. Матвеевой и активно поддержанная В. В. Седовым, о славянской принадлежности носителей именьковской культуры.

В первой половине VII в. в Поволжье произошли некие события, после которых племена именьковской культуры в основном покинули свои земли, а их территорию вскоре заняли кочевники, которых самарские археологи традиционно отождествляют с тюркоязычными болгарами.

В Восточной Европе болгары появились вместе с гуннами в IV в.н.э. О болгарах писали византийские историки Иордан, Агафий, Иоанн Антиохийский, Захарий Ритор. Первоначально болгары населяли степные районы Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Прикаспия. В VI в. главенствующее положение в союзе болгарских племён заняли ***утигуры и кутригуры***. В 630-е гг. ***хан Кубрат*** – потомок одного из знатных тюркютских родов, вождь унногундуров (оногуров) – объединил под своим началом племена болгар, кутригур, утигур, оногур, сабир и других, став первым и последним ханом ***Великой Болгарии.*** После смерти своего основателя Великая Болгария распалась. В «Краткой истории» константинопольского патриарха Никифора сказано, что сыновья Кубрата «по прошествии недолгого времени отделились друг от друга, и каждый из них отделил себе свою часть народа. Из них первый сын, по имени Баян, остался, согласно приказу отца, на родной земле по сию пору. Второй, именуемый Котрагом, переправившись через реку Танаис, поселился напротив него; четвёртый перешёл через реку Истр в Паннонию, которая ныне находится под властью аваров, и поселился путем заключения союза среди местных племён; пятый же, обосновавшийся в Равеннском Пентаполисе, стал подданым ромеев. Последний из них, третий брат, по имени Аспарух, перейдя реки Данапр и Данастр, поселился в местности около Истра…»[2]. Подобное же описание приводятся и в сочинении современника Никифора, Феофана Исповедника[3].

[1] Седов В. В., 1994, с. 297.
[2] Никифор…, 1950. С. 363.
[3] Феофан…, 1980.

Нужно отметить, что в ранних письменных источниках нет упоминания о том, что какая-то группа болгар оказалась на Средней Волге. Сделать такой вывод археологи смогли на основании анализа археологических материалов.

Основным источником изучения истории и культуры населения VII-VIII вв. являются курганные могильники, обнаруженные на Самарской Луке (в Поволжье переселенцы продолжали вести полукочевой образ жизни, долговременных поселений они не оставили). Первые раскопки этих памятников были проведены ещё В. В. Гольмстен в 1922 г. После исследований 1980-1981 гг. у сёл Рождествено и Новинки Г. И. Матвеева связала их с ранними болгарами. Выделенная ею новая группа археологических памятников Поволжья получила название памятников новинковского типа[1]. Впоследствии раскопки подобных курганных могильников, расположенных у сёл Брусяны, Выползово, Малая Рязань, Новинки, Рождествено, проводились самарскими археологами Р. С. Багаутдиновым, А. В. Богачёвым, С. Э. Зубовым, Н. А. Лифановым, Д. А. Сташенковым.

Особенностью новинковских курганов является наличие камней в их насыпях. Размеры курганов небольшие: при диаметре 10-16 м высота насыпи редко превышает 1 м. В курганах бывает до 12 захоронений, совершённых в овальных или прямоугольных в плане ямах. Иногда в могилах делались подбои или устраивались ступени. Погребённые лежали вытянуто на спине, головами они были ориентированы на восток, север, реже – на запад.

Высота отдельных курганов, возводившихся над могилами наиболее выдающихся соплеменников, достигала 2-3 м, а диаметр – 30-50 м. В центре насыпи одного из курганов III Брусянского могильника находилась круглая в плане погребальная камера диаметром 5,4 м и глубиной 1,5 м, перекрытая двойным слоем брёвен. У края могильной ямы на подстилку из древесной коры был уложен конь, а дно ямы было устлано красной тканью. Хотя могила в древности была ограблена, сохранились отдельные предметы, дающие возможность представить себе набор погребальных даров – позолоченная бляха-решма, детали конской упряжи и поясного набора, двуручная глиняная амфора, железные подсвечник-шандал и наконечник копья, бронзовый кистень, игральная кость[2].

Археологи отметили, что описанное выше погребение из III Брусянского курганного могильника было ограблено в древности. Нарушение целостности погребений зафиксировано практически во всех памятниках новинковского типа. Случайно ли это? И только ли в ограблении дело? Вероятно, все гораздо сложнее и существовал особый ***обряд ритуального разрушения*** захоронений, основной целью которого была защита живущих от умерших соплеменников. Эту же цель преследовало и помещение крупных камней в закладках могил и насыпях курганов. Даже в немногих не потревоженных погребениях можно проследить следы этого обряда – например, иногда ноги покойника туго связывались или археологи находили остатки деревянного кола,

[1] Матвеева, 1997.
[2] Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 190-192.

вбитого в землю в районе грудной клетки погребённого. Из погребений также мог изыматься погребальный инвентарь, особенно оружие, а оставшийся в могиле – разламываться на части или каким-то иным образом выводиться из строя.

Несмотря на различные постпогребальные обряды и последующие ограбления, в некоторых мужских захоронениях сохранились предметы вооружения (сабли, топоры, наконечники стрел и копий, костяные накладки от сложносоставных луков, бронзовые кистени) и орудия труда (мотыжки, кузнечные клещи), предметы конской упряжи, а также остатки поясных наборов – серебряные или бронзовые пряжки, наконечники ремней и ременные накладки. В погребениях представителей воинской верхушки найдены также серьги, служившие знаком принадлежности к высшему сословию.

В женских погребениях обнаружены глиняные пряслица, бронзовые иглы, положенные в железные коробочки-игольники, металлические зеркала, бронзовые пинцеты, украшения – стеклянные бусы, серьги, браслеты.

В погребениях взрослых и детей встречены также горшки и кувшины, в которых находились напитки и остатки заупокойной пищи.

Антропологи, изучавшие краниологические серии из могильников Самарской Луки, пришли к выводу, что в них погребены люди монголоидного, европеоидного и смешанного (европеоидно-монголоидного) типа. Следовательно, население региона в хазарское время было неоднородным. Археологические материалы также показывают, что истоки формировавшейся в это время культуры нужно искать в разных местах – в Сибири и на Алтае, в Крыму и Предкавказье, в Подонье и Поднепровье. Видимо, в конце VII-VIII в. на Самарскую Луку перемещались группы населения из разных мест, не только с территории бывшей Великой Болгарии. Сюда попадали и тюркоязычные кочевники (потомки пришельцев с Алтая), и ираноязычные аланы (потомки сармат, обитателей Северокавказских и Волго-Донских степей). Поэтому связывать новинковское население только с болгарами или каким-то иным этносом было бы не совсем корректно. Уверенно можно говорить только о внеэтничной культуре кочевников хазарского времени, так как именно Хазарский каганат определял развитие степной полосы Восточной Европы на протяжении как минимум двух столетий, начиная со второй половины VII в.

Важно отметить, что основная часть новинковских погребений, исследованных на Самарской Луке, была совершена в конце VII – середине VIII в., в то время как к северу от Самарского региона самые ранние памятники хазарского времени датируются уже второй половиной VIII в. или даже рубежом VIII-IX вв.

Что же привело в середине VIII в. к серьезному изменению этнокультурной ситуации на территории Среднего Поволжья?

Объяснений может быть несколько. Это могут быть и климатические изменения, и отголоски государственной политики Хазарского каганата по расширению своих северных рубежей. А может быть и так, что причина очередного перемещения населения связана с крупнейшим из событий военно-политической истории Восточной Европы VIII в. К этому времени уже несколько десятилетий шли следовавшие одна за другой войны между двумя крупнейшими, незадолго до этого возникшими государствами эпохи раннего средневековья – *Хазарским каганатом* и *Арабским халифатом.* Пожалуй, наиболее важные последствия для истории Восточной Европы имели события 737 г. В этом году состоялся поход арабского полководца *Мервана ибн Мухаммеда*, будущего халифа, в центральные земли Хазарии. Несмотря на то, что в арабских источниках сохранилось несколько упоминаний об этом событии, о точном направлении похода до сих пор ведутся споры. Часть исследователей считают, что ареной сражений служил бассейн реки Дон. А археологи и историки М. И. Артамонов, С. А. Плетнёва и С. Г. Кляшторный считали, что решающие события этой войны произошли на Волге (Артамонов, 1962; Кляшторный, 1964; Плетнёва, 1986). В их трактовке события выглядели следующим образом. Собрав 150-тысячную армию, Мерван двинулся к хазарской столице ал-Бейда (или таинственному городу Итиль, остатки которого до сих пор не могут обнаружить археологи). Хазарский каган, с запозданием узнавший о начавшемся арабском походе, по левому берегу Волги двинулся на север для формирования армии из вассальных и союзных ему племён. Мерван отправился за ним в погоню по правому берегу, разорив территорию, занятую народом, который разные источники называют *буртасами или сакалибами*. Хазарская армия из столицы выступила за своим вождём также по левому берегу, и некоторое время обе армии шли параллельно друг другу. Наконец арабская армия переправилась на другой берег Волги, где в крупном лесном массиве среди гор и долин уничтожила не ожидавшую нападения хазарскую армию. После этого кагану пришлось заключить мир с арабами, одним из условий которого явилось принятие каганом и его окружением ислама – что, по сути дела, означало признание власти Багдадского халифа.

Земля буртас, по данным арабских источников, позднее, в IX в., располагалась вдоль Волги на протяжении 15 дней пути (около 450-600 км), в 15 днях пути от земли хазар (в 20 днях от хазарской столицы) и в 3 днях от земли болгар. Судя по всему, это территория современной Саратовской и Самарской областей.

Если идти от низовьев Волги, то первый крупный лесной массив, в котором 40-тысячная армия могла не заметить начавшейся переправы арабской армии, находится около современной Самары. Имеющимися в описании горами могут быть Сокские горы – отроги Жигулёвских гор. Таким образом, поход Мервана вполне мог завершиться в районе Самары. Если принять эту гипотезу, то объясняется исчезновение памятников новинковского типа на Самарской Луке. Мерван возвращался из похода, ведя с собой массу пленных (20 тыс. семей) и многочисленные табуны лошадей, захваченных на этой территории. Размещённые в Кахетии буртасы вскоре взбунтовались и были истреблены арабами. Возможно, поэтому своеобразный погребальный обряд новинковцев не известен в других регионах.

Предположив, что хазарский правитель отправился за сбором войск в район Среднего Поволжья, мы должны объяснить, почему эта территория могла входить в зону хазарского влияния.

Данные археологии свидетельствуют, что, помимо новинковских комплексов, здесь известны и другие памятники периода становления Хазарского каганата – например, Березовский курганный могильник в Самарской области (Скарбовенко, Сташенков, 2000) и Шиловский курганный могильник в Ульяновском Поволжье[1]. Оставленные на рубеже VII-VIII вв., они явно были устроены для нерядового населения. Возможно, погребенные в этих курганах мужчины-воины составляли воинскую верхушку общества. В таком случае логичен будет вывод о том, что в Среднем Поволжье размещались воинские подразделения Хазарского каганата, которые должны были обеспечить контроль над прилегающей территорией, сбор дани и сопровождение торговых операций.

Вероятно, хазарский каган мог рассчитывать не только на свои пограничные отряды и на кочевавшие в районе Средней Волги болгарские и хазарские группы. Его союзниками могли быть и кочевники-угры.

Угры, к числу которых относятся древние венгры, в Среднем Поволжье и Приуралье появились уже в гуннскую эпоху. Ко времени не позднее второй половины VI в. относится появление населения, оставившего памятники ***кушнаренковской*** и ***караякуповской культур***, которые археологи связывают с венграми. Основная масса этих памятников обнаружена на территории современной Башкирии. В Самарском Поволжье материалы кушнаренковско-караякуповского круга встречены при исследовании средневековых поселений у д. Пролетарий на р. Большой Черемшан и у с. Рождествено на Самарской Луке. Однако самые яркие находки происходят из погребальных комплексов, датирующихся IX столетием. Их на территории Самарского Поволжья найдено несколько: погребения на 116 км г. Куйбышева (ныне Самары), у разъезда Немчанка[2], на 23-24 км г. Самары[3], Ромашкинское[4] и Палимовское[5], Лебяжинское[6].

В этих погребениях найдены предметы вооружения – сабли, боевой топор, наконечники стрел, украшения – перстни, браслеты, элементы поясного набора, а также удила, стремена, предметы конской упряжи и сбруи. По составу погребального инвентаря и деталям погребального обряда эти захоронения близки погребениям из могильников Прикамья и Приуралья, связываемых с мадьярским этносом[7]. Однако они отличаются одним принципиальным моментом: на исследованных памятниках Татарстана, связываемых с мадьярским этносом (Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках), число захоронений измеряется десятками и сотнями, в то время как все известные погребения этого типа, обнаруженные в восточной части Самарской области и западной части Оренбургской области, являлись ***одиночными***. Может быть, такая ситуация могла возникнуть при

[1] Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998.
[2] Матвеева, 1976; 1977.
[3] Сташенков, 2012.
[4] Иванов, 1996.
[5] Перепелкин, Сташенков, 1996.
[6] Сташенков, Турецкий, 1999.
[7] Иванов, 1996.

быстром продвижении крупной массы людей через чуждую им территорию, куда они не предполагали возвращаться? Тогда возможно, что население, оставившее Больше-Тиганский и подобные ему могильники, и было той группой, которая под натиском ***печенегов*** совершила миграцию на Запад через районы Самарского Поволжья.

Это предположение будет верным, если удастся подтвердить, что все вышеперечисленные погребения совершены единовременно, причем не позднее начала-середины IX в. Но таких доказательств пока нет, и не исключено, что по крайней мере часть погребений могла быть оставлена и населением, постоянно кочевавшим в Среднем Поволжье и позднее, в X в. и известным Ибн-Фадлану под именем ***башкортов***. Возможно, под этим именем фигурируют оставшиеся в Поволжье мадьяры.

Во второй половине IX – X в. на территории Среднего Поволжья появляются новые группы населения, пришедшие с территории ***салтово-маяцкой культуры*** – центральной части Хазарского государства. Пришельцы-болгары начинали переходить к оседлому образу жизни. Самарское Поволжье явилось одним из тех мест, где начался процесс оседания вчерашних кочевников на землю. При раскопках в разных местах области (на Пролетарском городище, селищах Севрюкаевском, Малорязанском, Власть Труда) обнаружены фрагменты амфор и керамики салтово-маяцкого типа, свидетельствующие о существовании там кратковременных поселений хазарской эпохи[1].

А уже в середине X столетия в Поволжье возникли многочисленные города нового государства – Волжской Болгарии.

К этому времени в степной зоне Поволжья властвовали новые кочевники – огузы и печенеги, которых затем сменили половцы. Волжские болгары, сами кочевники в недавнем прошлом, видимо, сумели дать отпор своим подвижным соседям. По крайней мере, у границ Волжской Болгарии каких-либо постоянных кочевий со своими родовыми некрополями так и не появилось. Видимо, узкая кромка границы леса и степи, проходившая по территории Самарского Поволжья, служила и политической границей. В эпоху Волжской Болгарии вплоть до монгольского нашествия основная часть Самарского Поволжья (за исключением региона Самарской Луки и земель по реке Большой Черемшан), являлась своеобразной буферной зоной и, вероятно, осознавалась именно таковой как болгарами, так и кочевыми племенами. Показательно, что, несмотря на многолетние археологические исследования в степных районах Самарского Заволжья, где поселения эпохи раннего средневековья отсутствуют, до настоящего времени известно всего несколько кочевнических погребений, датируемых домонгольским временем[2]. Эти погребения, чаще всего одиночные, являются впускными в курганы более ранних эпох или вообще не имеют видимых наземных признаков, что свидетельствует именно о пограничном характере территории, не входившей в зону основных кочевых маршрутов.

[1] Сташенков, 2010
[2] Васильева, 1979.

Что же мы знаем о кочевниках – современниках волжских болгар?

О печенегах сохранились подробные сведения в письменных источниках – русских, византийских, арабских. Печенегами называли их на Руси, византийцы – пачинакитами, арабы – баджнак. В VIII-IX вв. они кочевали на территории между Аральским морем и Волгой. Вероятно, в состав печенежского объединения, помимо тюркоязычных групп, входили и угорские племена. В конце IX в. под давлением ***огузов*** печенеги перешли Волгу и, вытеснив кочевавших между Доном и Днепром мадьяр, заняли Северное Причерноморье. Разрушив многие поселения Хазарского каганата и прервав существовавшие торговые пути, печенеги положили начало упадку Хазарии. Те же печенеги, которые остались в Заволжье, попали под власть огузов.

С начала X в. печенеги совершали регулярные набеги на Киевскую Русь. Русские летописи отмечали их походы в 915, 920, 968 гг. Кроме обычной добычи в виде ценностей, предметов роскоши, ремесленных товаров, печенеги уводили с собой массу пленных. Захваченных в набегах пленников продавали в рабство, чаще всего на Ближний Восток, или отпускали на родину за выкуп. Часть пленников принимали в состав родов на условиях равноправия.

Русские князья не только воевали с печенегами, но и использовали их в своих целях. Так, в 944 и 971 гг. киевские князья Игорь и Святослав во время походов на Византию и Дунайскую Болгарию в состав своих отрядов включали и печенежские подразделения. Византийцы, в свою очередь, уделяли печенегам особое внимание. Византийский император Константин VII Багрянородный в сочинении «Об управлении империей» несколько разделов посвятил печенегам[1]. В стратегических построениях правителей Византии этот народ, занимавший степное пространство от Днепра до Дуная, приобрёл особое значение из-за того, что сдерживал военную активность славян и прочих варварских племен, совершавших нападения на византийские земли. Но печенеги не отличались особой щепетильностью в соблюдении договоров. Их расположение можно было и перекупить. Показательно, что в 972 г. по наущению византийцев печенеги устроили засаду на днепровских порогах, в которой погиб киевский князь Святослав Игоревич, заключивший только за год до этого заключил союз с печенегами для совместного похода именно на Византию.

С печенегами было сложно иметь дело, так как единой жесткой политической структуры у них не было. В X в. печенеги делились на восемь племён (колен), каждое из которых подразделялось на пять родов. Во главе племён стояли «великие князья», во главе родов – «малые князья». Границы печенежских племенных владений часто менялись в зависимости от взаимоотношений с соседями.

В 1036 г. Ярослав Мудрый нанёс решающее поражение западному объединению печенегов. В середине XI в. под натиском огузов, торков и половцев печенеги отошли к Карпатам и Дунаю, откуда стали тревожить Балканские провинции Византии. Судя по всему, на новые земли уходили целые племенные группы, с семьями и имуществом. Показательно, что когда

[1] Константин Багрянородный, 1991.

в апреле 1091 г. в битве при Левунионе под Константинополем печенеги потерпели крупное поражение от византийского императора Алексея I Комнина, выступавшего в союзе с половцами, то в ходе последовавшей после битвы резни византийцы уничтожили многие тысячи пленников, причем убивали не только мужчин-воинов, но и женщин и детей[1]. После этого поражения как самостоятельная политическая сила печенеги в источниках больше не фигурируют. Уйдя в Венгрию, Болгарию и Македонию, они растворились среди местного населения. Часть печенегов подчинилась половцам, другая часть, осев на границах Руси и слившись с другими тюркоязычными кочевниками (торками, берендеями и коуями), создала вассальный киевским князьям ***черноклобуцкий союз*** племён для обороны южных границ Киевской Руси от половецких набегов. Для чёрных клобуков были отведены специальные территории, где можно было вести привычный кочевой образ жизни.

Археологически культура печенегов представлена небольшими земляными курганами и впускными погребениями в насыпях более ранних эпох. Характерным признаком погребального обряда является размещение на дне могильной ямы слева от умершего шкуры или чучела взнузданного и осёдланного коня. Среди вещевого материала в погребениях преобладают предметы конской сбруи и вооружения (наконечники стрел, костяные обкладки лука). В погребениях встречаются железные сабли, стрелы, кольчуги, стремена, удила, глиняные сосуды, бронзовые или серебряные поясные пряжки и накладки[2].

На территории Самарской области известно несколько кочевнических захоронений X-XI вв., среди которых могут быть печенежские[3]. Пожалуй, наиболее выразительные материалы обнаружены при исследовании одиночного кургана Красный Октябрь. В двух печенежских захоронениях там были найдены части туши коня, стремена, удила, берестяные колчаны с железными наконечниками стрел, бляхи-решмы и ремённые накладки.

Печенегов в волжских степях сменили половцы или кыпчаки.

В середине XI в. степи Восточной Европы стали заселять пришедшие с востока кочевые тюркоязычные племена, которые русские летописцы называли ***половцами***, средневековые европейские авторы – ***команами***, арабо-персидские – ***кыпчаками***, тюрки именовали их ***сирами***. Предки половцев в IV-VII вв. обитали в степях между отрогами Монгольского Алтая и Тянь-Шаня. После распада в 630 г. I Тюркского каганата сиры создали свой каганат, который уже в 647 г. был уничтожен Китаем и союзными ему уйгурами. Сиры, изменившие племенное название на кыпчаки («злосчастные»), откочевали в верховья Иртыша и в восточноказахстанские степи. В IX в. кыпчаки вошли в состав ***Кимакского каганата***.

В начале XI в. кыпчаки и подвластные им племена под давлением монголоязычных киданей двинулись на запад, контролируя степи от Иртыша

[1] Анна Комнина, 1965. С. 237-238.
[2] Плетнева, 1958.
[3] погребения у сёл Александрова, Волчанка, Гвардейцы, Кировский, Покровка, Утёвка – см. Васильева, 1979; 1985; 2000.

до Волги. В середине XI в. большая часть кыпчакских племён ушла за Волгу и заняла степи Восточной Европы вдоль южных границ Киевской Руси. Огромная территория евразийских степей, занятая кыпчаками, стала называться ***Дешт-и-Кыпчак***, или ***Половецкой степью***, «полем половецким» русских летописей.

По отношению к кочевникам южнорусских степей обычно используется этноним «половцы», возможно, из-за светлого цвета волос (русское слово «полова» означало солому. Источники свидетельствуют, что среди кыпчаков встречалось много голубоглазых блондинов). Для районов, расположенных к востоку от Волги, чаще употребляется название «кыпчаки». По отношению к кочевому населению Самарского Поволжья XI-XIII вв., в очередной раз оказавшемуся в пограничной зоне, используются оба этих термина.

Первое упоминание о половцах в русских летописях относится к 1055 г.: «Приходи Блуш с половци и створи Всеволод мир с ними и возвратишася восвояси»[1], а уже с 1060 г. половцы совершали регулярные набеги на Русь. Особо тяжёлыми для Руси были последствия половецких походов 1068, 1092, 1093, 1096 гг. В эти же годы половцы нападали на Венгрию (1070, 1091, 1094 гг.) и Византию (1087, 1095 гг.). В 1091 г. они помогли византийскому императору Алексею Комнину разгромить печенегов, но вскоре сами были разбиты венгерским королем Ласло[2].

Вероятно, на рубеже X-XII вв. у половцев сложились определенные центры, в которых проводила зимовку основная часть населения. В начале XII в. киевским князьям Святополку Изяславичу и Владимиру Мономаху удалось организовать ряд успешных походов против половцев – в 1103, 1106, 1107, 1109, 1111, 1116 гг.[3], в результате которых в Подонье осталась кочевать только небольшая орда хана Сарчака. После смерти в 1125 г. Владимира Мономаха половцы вновь возвратились на Дон, но сыновья Владимира продолжили активную политику отца и уже Мстислав Владимирович, умерший в 1132 г., по словам летописца, из южнорусских степей загнал половцев «за Дон, за Волгу, за Яик»[4].

Половецкие семьи объединялись в роды, возглавляемые беками. Роды объединялись в орды, несколько орд образовывали племя. Племенами управляли ханы. Единого государства у половцев не было, отдельные племенные объединения: днепровское, донское, нижневолжское и восточное возглавлялись своими ханами. Основным занятием было кочевое скотоводство. Важную роль в их жизни играли грабительские войны. Половецкие отряды, состоявшие из лёгкой и тяжёлой конницы, отличались большой подвижностью.

Восточные (заволжские) кыпчаки были тесно связаны со Средней Азией, особенно с Хорезмом, западные постоянно контактировали с государствами Закавказья, Русью, Византией, Болгарией, Венгрией. Иногда половцы нанимались на службу к соседним правителям. Так, в 1118 г. грузинский царь Давид IV Строитель при подготовке войны против тюрок-сельджуков пригласил к себе 40 тыс. воинов-кыпчаков во главе с ханом Атраком, предоставив им земли для поселения в Грузии, и даже выдал за Атрака свою дочь Гурандухт[1].

Родственные связи в эпоху средневековья казались самым надежным способом обеспечить лояльность новых союзников. На знатных половчанках женились и русские князья, которые также поселяли половцев в пределах Руси, давали им города и использовали их как военную силу.

У границ Волжской Болгарии кыпчаки (половцы) впервые появились в середине XI в. Судя по всему, кыпчаки, жившие в поволжских степях, совершали военные набеги не столько на русские княжества, сколько на волжских болгар. В русских летописях сохранились упоминания о части этих набегов. Так, под 1117 г. Ипатьевская летопись сообщает: «Тогда же приидоша Половци к Болгаром, и выслa им князь Болгарьскыи питие с отравою и пив Аепа и прочии князи вси помроша…»[2].

Участвовали половцы и в походах на Волжскую Болгарию, организованных русскими князьями. В Лаврентьевской летописи под 1183 г. приводится рассказ о походе князя Всеволода Большое Гнездо на Великий город. В этом походе на стороне русских участвовали и «Половце Емякове», которых привёл один из болгарских князей[3]. Казанский исследователь И. Л. Измайлов считает, что «половци Емякове» – искажённое написание этнонима «йемеки» (йемак, кимак), одного из главных племён половецкого союза, кочевья которого находились в Заволжье[4]. Интересно, что половцы пришли не с русскими, а именно с болгарами. Неудивительно, что в Волжской Болгарии, так же, как и в Киевской Руси, во время междоусобной борьбы использовался высокий военный потенциал половцев.

Последний известный русско-половецкий поход на Волжскую Болгарию относится к 1220 г., когда Владимиро-Суздальские отряды совместно с половцами захватили и сожгли дотла г. Ошель, перебили всех мужчин, а женщин и детей увели с собой[5].

В XI-XIII вв. активными были и болгаро-половецкие торговые и политические контакты. В Биляре – столице Волжской Болгарии – постоянно проживала некая половецкая группа. В XI в. в Биляре даже появилась керамика, прототипы которой московский исследователь Н. А. Кокорина видит на поселениях кыпчаков Казахстана и Хорезма[6]. Возможно, половецкое население имелось и среди обитателей Муромского городка на Самарской Луке. При раскопках Муромского городка были найдены лазуритовые подвески – украшения, которые для домонгольского времени могут быть маркерами половецкого присутствия в регионе[7].

[1] Плетнева, 1990. С. 24.
[2] Плетнева, 1990. С. 47-48.
[3] Типографская летопись… С. 72-73.
[4] Плетнева, 1990. С. 65.

[1] Плетнева, 1990. С. 46.
[2] Смирнов, 1951. С. 44.
[3] Смирнов, 1951. С. 39; 45.
[4] Измайлов, 1984. С. 103.
[5] Сабирзянов, 1995. С. 45.
[6] Кокорина, 1993. С. 57
[7] Матвеева, Кочкина, 2005. Цветная вклейка после с. 22.

Умерших половцы хоронили в узких прямоугольных ямах головой на запад. В могилу помещали шкуру или чучело взнузданного и осёдланного коня, над погребениями насыпался курган. В мужских погребениях находят сабли, берестяные колчаны со стрелами, ножи, кресала; в женских – бронзовые или серебряные серьги, перстни, подвески, зеркала, железные ножницы.

В XIII в. путешествующий по евразийским степям францисканский монах Вильгельм де Рубрук видел, как половцы насыпали над умершим большой курган, а около погребенного «на высоких жердях повесили 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен»[1].

Иногда на вершинах курганов водружались каменные изваяния. Особенно многочисленны они в южнорусских степях, где их называют ***половецкими бабами***[2]. ***Несмотря на такое название,*** каменные статуи изображали как женщин, так и мужчин, стоящих или сидящих, держащих ритуальный сосуд у живота. Изображения реалистичны – на мужских изваяниях можно различить шлемы, сабли, луки, колчаны со стрелами, подвешенные на пояс. Иногда к поясам крепились кожи, гребни, кошельки. Одеты воины в длиннополые кафтаны, штаны и сапоги.

Женщины носили шляпы разных фасонов, иногда с полями, иногда с козырьком или с капюшоном, косы прятали в футляр. На статуях отчётливо видны серьги различных типов и бусы.

На территории Самарского края также встречались каменные антропоморфные изваяния. Одно из таких изваяний, найденное у с. Ново-Троевка Алексеевского района, хранится в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П. В. Алабина. Около этого же села было обнаружено погребение, которое можно связать с половцами. Погребённый, ориентированный головой на запад, располагался вытянуто на спине. В погребении были найдены крупные золотые серьги с напускными полыми бипирамидальными бусинами, стеклянная и сердоликовая бусины и пять лазуритовых привесок-амулетов ромбической формы, украшенных орнаментом в виде чередующихся косых насечек. Интересно, что подобные серьги продеты в мочки ушей женщин, изображённых на каменных половецких изваяниях. На этих же изваяниях изображены и лазуритовые подвески, аналогичные найденным в Ново-Троевском погребении.

Длительные болгаро-кыпчакские контакты в XI-XIII вв. привели к тому, что в период монгольского нашествия болгары и кыпчаки совместно участвовали в боевых действиях против монгольской армии. А уже после монгольского завоевания кыпчаки вошли в состав Золотой Орды. Большинство их переселилось в Заволжье и Южное Приуралье, и в золотоордынскую эпоху оставаясь самым многочисленным населением степи. Побеждённые кыпчаки стали также источником рабов для стран исламского мира. Кыпчакские рабы-мамелюки, служившие в армиях Египта и Сирии, сыграли исключительную роль в истории этих стран, сформировав государство Мамелюков, просуществовавшее до XIX столетия.

После распада Золотой Орды кыпчаки вошли в состав многих народов – башкир, казанских татар, казахов, карачаевцев, кумыков, узбеков. От 200 до 600 тыс. человек – кунов, потомков одной из групп половецкого союза, до сих пор живут в двух областях в Венгрии – Надькуншаг («страна больших кунов») и Кишкуншаг («страна малых кунов»)[1].

[1] Цит. по: Плетнева, 1990. С. 139.
[2] Плетнева, 1990. С. 99-101

Литература

1. Анна Комнина. «Алексиада» / Вступ. статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. Отв. редактор А. П. Каждан. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965.
2. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
3. Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
4. Богачев А. В. Погребение VI века на юго-западе Татарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
5. Богачев А. В. Древности кочевников гуннского и постгуннского времени (V-VI века н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
6. Богачев А. В. Печенеги «отрезанные» Самарского Заволжья (в свете новых археологических источников) // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006. С. 397-400.
7. Боталов С. Г., Костюков В. П. Кыпчакские погребения XI – XII вв. в Южном Зауралье // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
8. Васильева И. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
9. Васильева И. Н. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.
10. Васильева И. Н. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
11. Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М., 1993.
12. Евстигнеев Ю. А. Кыпчаки (половцы) куманы и их потомки: к проблеме этнической преемственности. СПб., 2010.
13. Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994. 224 с.
14. Иванов В. А. Урало-Поволжская часть мадьярского пути на запад // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
15. Измайлов И. Л. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских булгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.
16. Казаков Е. П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале

[1] Евстигнеев, 2010. С. 84-89.

Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
17. Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи Тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 97-150.
18. Ключникова Р. М., Сташенков Д. А. Ново-Троевское погребение // Краеведческие записки. Вып.VIII. Самара, 1996. С. 239-248.
19. Кляшторный С. Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М., Наука, 1964. С. 15-18.
20. Кокорина Н. А. Керамика Биляра и Иски-Казани (к вопросу о преемственности булгарской и булгаро-татарской культур) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань, 1993.
21. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Древнейшие источники по истории народов СССР. М.: Наука, 1991.
22. Матвеева Г. И. Погребение VIII-IX веков в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 1. Куйбышев, 1976.
23. Матвеева Г. И. Погребения VIII-IX веков у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
24. Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
25. Матвеева Г. И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 87-96.
26. Матвеева Г. И., Кочкина А. Ф. Муромский городок. Археологические памятники Самарской области. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Самара, 2005.
27. Никифора, патриарха константинопольского «Краткая история» со времени после царствования Маврикия [Бревиарий] / Пер. с греч. и коммент. Е. Э. Липшиц // Византийский временник. Т. 3. М., 1950. С. 349-387.
28. Нудельман Г. А. Гуннский котел из Молдавии // Советская археология. 1967. № 4. С. 306-308.
29. Патриарх Никифор (ок. 758-829). «Хроника» // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора» (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1980.
30. Перепелкин С. Б., Сташенков Д. А. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
31. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М. – Л., 1958.
32. Плетнёва С. А. Хазары. М., 1986.
33. Плетнёва С. А. Половцы. М., 1990.
34. Сабирзянов Г. С. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала в панораме веков (синхронистические очерки по истории этнокультурного и политического взаимодействия с начала новой эры до второй половины XVI в.). Казань, 1995.
35. Скарбовенко В. А., Сташенков Д. А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Вып.IX. Самара, 2000. С. 166-187.
36. Смирнов А. П. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. М., 1951.
37. Сташенков Д. А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье в начале эпохи великого переселения народов // Средневековая археология Евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1. Казань, 2007. С. 75-81.
38. Сташенков Д. А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 118-127.
39. Сташенков Д. А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара, 2012.
40. Сташенков Д. А., Турецкий М. А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
41. Типографская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том XXIV). М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
42. Феофан Исповедник (ок. 760-818). «Хронография» // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора» (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1980.
43. Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
44. Халикова Е. А. Отчет о частичных раскопках могильников булгарского времени в Татарской АССР и Ульяновской области в 1970 г. Казань, 1972.
45. Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. 1976. № 3.

Кочкина А.Ф.

ЮЖНЫЕ ЗЕМЛИ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

(БОЛГАРСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ)

Введение. В конце VII-X вв. в Среднем Поволжье происходили сложные этнические процессы: различные по языку и происхождению группы населения, преимущественно тюркоязычные, сливались в болгарскую народность. Пройдя сотни километров по степям Нижнего Поволжья, они обрели новую родину в лесостепях по берегам крупнейших рек Волги и Камы, которые в средневековье имели одно название Итиль. Первоначально они инстинктивно искали такие места, которые хотя бы отдаленно могли им напомнить о прародине – Северном Кавказе. Самарская Лука с горным рельефом и буйной растительностью в долинах вполне соответствовала этим представлениям.

Группировка болгарских племен на Среднюю Волгу, которая хронологически относится уже к X в., была, видимо, самой мощной, она окончательно определила последующую историю уже волжских болгар. Для исследователей пока этот период остается во многом неясным и еще долго, скорее, будут продолжаться дискуссии о времени появления городов и селищ на Волге, а разобраться в этом можно только в процессе археологических раскопок.

Волжская Болгария в X – начале XIII вв. На основе симбиоза различных культурных и этнических традиций сложилась удивительно единообразная в своих основных чертах материальная культура одного из крупнейших раннефеодальных государств Восточной Европы – Волжской Болгарии.

Болгарское государство охватывало обширную территорию по нижнему течению р. Камы до низовий р.Белой, Чувашское Поволжье, правобережье р.Волги до Самарской Луки и на юго-западе включало в себя поселения в междуречье рек Суры и Цны.

В начале X в. по письменным источникам население Волжской Болгарии состояло из четырех племенных групп, – болгар, сувар, эсегель и берсула, которых объединил болгарский хан Алмуш (исламское имя – Джафар ибн Абдаллах), опираясь на поддержку багдадского халифа Муктадира. Ибн-Русте сообщал, что «все болгарские племена относительно образа жизни стоят на одной ступени». Однако же не всегда отношения между племенами были мирными. В значительной степени консолидирующим фактором явилась мусульманизация болгарского общества. Археологические исследования свидетельствуют о том, что основная часть населения Волжской Болгарии уже к концу X в. исповедовала ислам (Халикова, 1986).

Участие в формировании населения Волжской Болгарии при господстве тюркоязычных болгар принимали финно-угорские, в том числе мадьярские, племена. На территории государства проживали выходцы из Руси, восточных стран, печенежско-кыпчакские группы, придававшие особый колорит многокомпонентной культуре государства. Ученые относят болгарский язык к болгарской группе тюркских языков (наряду с исчезнувшим хазарским и современным чувашским). Язык междиалектного общения, вероятнее всего, имел общетюркский характер.

На рубеже X-XI вв. возникли многие болгарские города, в их числе – Болгар на р. Волге, Биляр на р. Малый Черемшан, столица государства в период расцвета XII-начала XIII в. (Смирнов, 1951), а также Сувар, Ошель, Джуке-Тау, «Муромский городок». В настоящее время на территории современных Республик Татарстан, Чувашии, Ульяновской, Самарской и Пензенской областей известно около 2000 археологических памятников Волжской Болгарии, в том числе более 170 городищ (Фахрутдинов, 1975; Хузин, 2001. С. 16). О событиях начальной истории Волжской Болгарии, ее экономическом укладе, культуре, нравах и обычаях народов, населявших страну, относительно подробно рассказывается в записках Ахмеда Ибн-Фадлана, секретаря багдадского посольства, посетившего земли болгар в 922-923 гг. по приглашению хана Алмуша. Сведения о болгарах и их стране содержатся также в трудах восточных авторов, в русских летописях, в европейских источниках (Хузин, 1997. С. 127-182).

К концу X в. процесс централизации завершился, болгары прекратили платить дань Хазарскому кагану. Устанавливаются связи с другими странами, преимущественно с мусульманскими странами Востока, о чем свидетельствуют археологические находки на памятниках того времени. В 1006 г. был заключен первый русско-болгарский договор, который, правда, не раз прерывался военными походами (Моця, Халиков, 1997).

Города Волжской Болгарии были центрами ремесла и торговли. Раскопки городов Болгара, Биляра, Сувара, Муромского городка и др. дали тысячи предметов ремесленного производства, высокий уровень развития практически всех видов ремесел: металлургического, кузнечного, бронзолитейного, ювелирного, гончарного, деревообрабатывающего – документируется археологическими находками с болгарских памятников (Хузин, 1997). О развитии архитектуры свидетельствуют остатки кирпичных и каменных зданий в ряде городов Болгарии, причем не только в крупных. Показателем высокого уровня развития ремесла у болгар является стеклоделие, наличие которого зафиксировано в крупнейших болгарских городах (Валиулина, 2005). Немало кузнецов, гончаров, медников и других ремесленников жило в деревнях, занимаясь удовлетворением нужд сельских жителей.

Таким образом, во всех районах Волжской Болгарии в X-XII вв. складывается характерная материальная культура, представленная изделиями ремесленников.

Расположение Волжской Болгарии на Великом торговом волжском пути способствовало развитию как международной, так и внутренней торговли (Валеев, 1995). В X в. был налажен даже чекан серебряных дирхемов на основе куфических монет Арабского халифата (Янина, 1962). Находки серебряных куфических монет известны широко по территории Восточной Европы, среди них встречаются монеты

болгарского чекана. Однако серебряный кризис в XI в. приводит к прекращению не только собственного чекана монет, но и поступлений монет с Востока. Центральные площади больших городов занимали обширные рынки, в городах имелись караван-сараи для приезжих купцов.

В основе сельского хозяйства домонгольской Волжской Болгарии лежало земледелие, сочетавшееся с мясо-молочным скотоводством. Основными орудиями обработки почв был тяжелый сабан и легкая соха. На болгарских памятниках часты находки таких сельскохозяйственных культур, как пшеница, просо, ячмень, встречаются зерна огурцов, малины, косточки вишни, яблок, черемухи.

Хорошим качеством изготовления, многообразием ассортимента характеризуется круговая керамика ремесленного производства (Хлебникова, 1984). Болгарская посуда преимущественно красновато-коричневого цвета, лощеной поверхностью, пышностью декора парадной посуды, заметно отличается от керамики других культур. Изделия болгарских гончаров были известны далеко за пределами Волжской Болгарии.

В эпоху средневековья славились изделия болгарских ювелиров – особенно выразительны золотые и серебряные височные трехбусинные серьги, серебряные плетеные многовитковые браслеты и гривны, бронзовые зеркала, замочки и др.

Духовная культура. На развитие культуры волжских болгар определяющее влияние оказывала общегосударственная религия – ислам (Давлетшин, 2004). Согласно письменным источникам, уже в начале X в. ислам был распространен среди болгарских племен. Со временем сформировались институты права и образования в соответствии с канонами ислама. Арабский язык стал основой государственной письменности, что подтверждают и археологические находки. Религия определяла и повседневную жизнь, и обряд захоронения. Принятие ислама ханафитского мизхаба (толка) явилось не только явлением, консолидировавшим все общество, но и укрепившим Волжскую Болгарию на международной арене (Измайлов, 2011). Это обеспечило болгарам тесные связи, в первую очередь, со среднеазиатскими странами. Однако в обществе в течение всего домонгольского периода сохранялись культурные традиции, уходящие своими корнями к истокам племен, сформировавших болгарскую общность. Например, встречены предметы с руническими надписями, а также гончарные клейма и знаки на основе рун на керамике (Кочкина, 1985). Уникальным образцом традиции рунического письма у болгар является находка на Билярском городище ручки от парадного сосуда, на верхней части которой сделана руническая надпись (Кочкина, 1985).

XII век – расцвет болгарского государства, наивысшего развития достигают ремесла, торговля, духовная культура. Дальнейшее упрочение и развитие государства было прервано монгольским нашествием.

Волжская Болгария первая из государств Европы испытала ужас монгольского нашествия. В 1236 г. монгольские войска вторглись в пределы государства (Халиков, 1994). Очевидец событий араб Джувейни писал: «От множества воинов земля стонала, и от громады войск обезумели дикие звери и ночные птицы», следы страшного разрушения открыты во время раскопок в Болгарах, Биляре, на Муромском городке и других поселениях, большинство городов были уничтожены полностью и больше не восстанавливались.

Болгарские земли вошли во вновь созданную обширную империю. В эпоху Золотой Орды некоторые волжские города возродились, появились многие новые города. В XIV в. отмечается подъем ремесла, сельского хозяйства и торговли, но это уже история другого государства.

Муромский городок – центр южных земель Волжской Болгарии

Самарская Лука была южной окраиной Волжской Болгарии, граничащей со степным кочевым миром. К югу и востоку от нее болгары не селились, видимо опасаясь нападения кочевников. Самарская же Лука, защищенная с трех сторон Волгой, была недосягаемой для врагов, поэтому здесь с середины X в. начали возникать болгарские поселения. Интересно их расположение. Укрепленные валами и рвами городища-убежища, возникшие еще до прихода болгар, видимо, ими использовались. Почти все они располагались по берегам Волги: Каменная Коза близ Винновки, Ош-Пандо близ Шелехмети, Манчиха и, возможно, Белая Гора близ Подгор. В непосредственной близости от городищ находились неукрепленные селища: Подгорское, Мордова поляна, Торновское III и др. в южной части Самарской Луки, недалеко от Волги. Особенно много болгарских селищ в центральной и западной части Луки – у сел Валы, Жигули, Александровки и у г. Жигулевска.

Кроме городищ-крепостей и неукрепленных поселений сельского типа в западной части Самарской Луки вырос большой болгарский город, древнее название которого нам неизвестно. По местному названию урочища, где находится этот город, он вошел в историографию как «Муромский городок» (Валынское городище). Это название связано с легендой о якобы жившем здесь некогда народе – муромце. Попытки связать его с каким-либо городом, известным по письменным источникам, пока не увенчались успехом.

Роль центра болгарских земель в пределах Самарской Луки принадлежит Муромскому городку не случайно. В определенной степени она обусловлена его географическим положением. Он находится в центральной части Самарской Луки, в 6 км от ее северной оконечности и в 12 км от южной, в месте наибольшего сближения двух огромных оврагов – Яблоневого на севере и Сухая Брусяна на юге. Муромский городок расположен в 12 км к юго-западу от г. Жигулевска, в 3 км к западнее от с. Валы и в 3 км к северо-востоку от с. Жигули.

Район расположения городища входит в геоморфологический район Самарской Луки, называемый Восточным плато. Это наиболее высокая часть Самарской Луки. Особенностью ее ландшафта является глубоко врезанные древние долины, протянувшиеся от балок Яблоневой и Отважненской долины до Южной Волги.

Территория городища представляет собой равнину с волнистым рельефом. На северо-востоке и на юго-востоке она пересекается многочисленными овражками, по дну которых протекают ручьи, а склоны

в основном задернованы и заросли кустарником и деревьями. Самая высокая точка находится за укреплениями города в северо-западном районе пригорода. Замечательный обзор открывается отсюда. На юго-западе просматривается долина р. Усы и современный Усинский залив. С севера и востока городище опоясывают леса. Рельеф и ландшафт использовались болгарами в системе оборонительных укреплений города, остатки которых в виде валов и рвов слабо прослеживаются сейчас на южной окраине.

Муромский городок – один из крупнейших городов Волжской Болгарии. К началу XIII в. его площадь составляла 150 га. С самого момента возникновения Муромский городок играл роль важного стратегического пункта на южной границе болгарского государства, а также являлся административным, торгово-ремесленным и культурным центром региона (Кочкина, 1998). Именно поэтому изучение памятника и воссоздание его истории очень важно для истории Самарского края.

История изучения болгарских памятников на Самарской Луке. Изучение Муромского городка началось сравнительно недавно – в 20-х годах XX столетия, но известен он был гораздо раньше. Впервые его описал академик И. И. Лепехин, совершивший в 1750-1772 гг. путешествие по России. Во время пребывания в Поволжье он посетил Муромский городок и составил описание его оборонительных сооружений. И. И. Лепехин отметил умелое использование трех оврагов, точнее трех отрогов Яблоневого оврага: «От концов противолежащих буераков начинаются три нарочито высоких вала с принадлежащими канавами (рвами), из которых средний вал всех ниже, а западный, или внутренний – выше. Они ведены наподобие полукружие, так что если избрать среднее место в укреплении, то середина валов будет соответствовать юго-западной стороне. Рытвины, с которыми соединяются валы, продолжаются к Яблоневым горам, далее Волги верст на 10, на которых есть другое укрепление» (И. И. Лепехин, 1771).

Сведения о Муромском городке есть в книге другого участника академических экспедиций П. С. Палласа, который называл Муромский городок «татарским шанцем», состоящим из трех валов со рвами и имеющими несколько верст в окружности (П. С. Паллас, 1776).

Таким образом, в XVIII в. исследователи засвидетельствовали наличие трех оборонительных валов и рвов, защищавших Муромский городок.

Описание ряда городищ Самарской Луки, в том числе и Муромского городка, содержится в работе историка К. И. Невоструева «О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств», опубликованной в трудах Первого археологического съезда (Невоструев, 1871). Довольно подробное описание Муромского городка дается в книге В. Н. Поливанова «Археологическая карга Симбирской губернии» (Поливанов, 1900. С. 29): «На северо-восточной стороне от с.Валы тянутся Яблоневые горы, параллельно которым идет буерак. К нему примыкает четырехугольный городок длиной 200 сажен, шириной 100 сажен. Городок окружен с северо-запада и юго-востока оврагами, а с юга тремя высокими валами со рвами, из которых средних выше всех. Валы проведены полукругом. Овраги, с которыми

соединяются валы, продолжаются до Волги верст на 10, где оканчиваются также городком, названным местными жителями Муромским. Этот городок расположен недалеко от с. Валы, на одной из Яблоневых или Волжских гор. Он укреплен с одной стороны валом, имеющим длину 400 саженей, с другой стороны он окружен оврагом». Не вполне ясно, о каком втором городке говорит В. Н. Поливанов, важно отметить, что и он в конце прошлого века видел три вала и рва.

В 1923 г. Муромский городок был обследован группой слушателей Высших этнолого-археологических курсов под руководством В. В. Гольмстен. В 1928-1929 гг. экспедиция Общества истории, археологии, этнографии и естествознания под ее руководством произвела раскопки на Муромском городке. В западной части, недалеко от внутреннего вала, было заложено 6 траншей, соединенных затем в раскоп, который проходил через южную половину всхолмления. В результате раскопок выявлены два соединенных между собой здания, сложенных из кирпича и известнякового камня. Однако результаты этих исследований опубликованы лишь частично. В. В. Гольмстен правильно определила культурную принадлежность городища болгарам и датировала его X-XII вв. (Гольмстен, 1924; 1925).

В 1971 г. Средневолжская археологическая экспедиция Куйбышевского государственного университета под руководством Г. И. Матвеевой возобновила раскопки на городище. Они проводились в течение 9 полевых сезонов. На 24 раскопах исследовано около 4 тыс. кв.м. В результате этих работ получен богатый материал, позволяющий восстановить картину жизни обитателей Муромского городка, выявлены остатки кирпичных зданий, бревенчатых и глинобитных жилищ, хозяйственные ямы, производственные сооружения: металлургические печи, гончарные горны, кузницы. Подтверждена датировка, предложенная В. В. Гольмстен, выявлены торговые и культурные связи обитателей города.

С 1992 г. возобновились и ведутся планомерные исследования на городище сначала экспедицией Самарского госуниверситета, затем Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина под руководством А. Ф. Кочкиной. В 1993 г. были начаты исследования на северной окраине Муромского городка в том месте, где на аэрофотоснимке 1964 г. прослеживаются остатки укреплений, которые в настоящее время не имеют каких-либо наземных признаков. Участок в этом месте примыкает восточной стороной к оврагу, задернованному и поросшему кустарниками и деревьями. В 1993-1996 гг. здесь были вскрыты остатки насыпи вала, часть рва, выявлены и изучены сооружения, большинство из которых представляли собой остатки зерновых ям, обнаружен многочисленный керамический и вещевой материал, который позволил внести некоторые коррективы в хронологию и планировку памятника.

Планировка и оборонительные сооружения города. Некоторая удаленность городища от Волги создавала более безопасные условия его существования. Подступ к Самарской Луке с запада затруднен самым узким местом между р. Волгой и р. Усой, там расположено Междуреченское городище (Зубов и др., 1995), овраги сами

по себе представляли относительно надежную защиту. Возможно, верховья оврагов были соединены валом, не сохранившимся до наших дней. К западу от городских укреплений находится возвышенность, с которой хорошо обозревались окрестности на много километров вокруг, отсюда просматривалась р. Уса и ее долина. Использование рельефа местности в целях обороны поселения было типично для болгарских городов.

По предположению Г. И. Матвеевой, самой древней частью являлся внутренний город, заключенный между двумя отрогами оврага, культурный слой здесь отличается большей мощностью, обильно насыщен находками. Внутренний город был защищен с юга и севера оврагами. С западной стороны первоначально был прорыт ров до 3 м глубиной. Затем этот ров был засыпан, а вместо него сооружен внутренний вал (Васильев, Матвеева, 1986. С. 170-171; Матвеева, 2000. С. 253).

Вокруг внутреннего города располагался внешний, он делился на северную, южную и западную части. Северная часть внешнего города была защищена с северо-востока оврагом, а с севера и северо-запада – валом и рвом. Вал был разрушен, вероятно, в начале XX в., так как В. Н. Поливанов еще видел его, а к моменту работ В. В. Гольмстен вала уже не было. Культурный слой здесь составляет 40-80 см.

Застройка участка, прилегающего к оврагу, отделяющего северный город от внутреннего, вероятно, началась одновременно с внутренним городом (Васильев, Матвеева, 1986. С. 168). Однако основная территория северного города, судя по данным последних раскопок, была освоена не ранее XI в. и жизнь здесь продолжалась вплоть до разрушения города (Кочкина, 1999).

Наиболее обширна южная часть внешнего города. Она прорезана двумя отрогами оврага и защищена с юго-востока оврагами, а с юго-запада – двумя валами и рвами, которые идут параллельно друг к другу. В XI в. в его восточной части у оврага существовал ремесленный район, где был выявлен и исследован гончарный горн (Васильев, Матвеева, 1986. С. 186-187).

Древнейшим оборонительным сооружением, относящимся, по предположению Г. И. Матвеевой, к X в., является ров, соединявший овраги, ограничивающие внутренний город с севера и с юга (Васильев, Матвеева, 1986. С. 170). Выкид из рва лежит непосредственно на древней почве, на дне рва – следы сгоревшего дерева. Глубина его 2,2 м от современной поверхности, ширина 8-8,4 м. С внутренней стороны рва обнаружены две параллельные канавки шириной 0,2-0,5 см, вырытые в погребенной почве и заполненные материковой глиной. Возможно, это основания глинобитных стенок, шедших параллельно рву. Судя по находкам, ров был засыпан приблизительно в конце XI в., а вместо него был сооружен вал и ров, глубина которого составляет 3,1 м, ширина 5,3-7 м от современной поверхности. Ров мог быть заполнен водой, так как водоносный слой здесь залегает высоко. Возможно, он одновременно служил водоемом, снабжавшим водой металлургическое производство, расположенное в западной части внутреннего города. На дне рва найдено большое количество шлаков. Далее к югу на территории южного города ров имел глубину 2,3 м, ширину 4,3 м. В настоящее время сохранились лишь небольшие участки вала в северо-западной части внутреннего города, а также с южной стороны, где первый и второй валы идут параллельно рядом друг с другом.

Внутренний вал имеет высоту 1,2 м, ширину 9,2-10 м, ширина следовавшего за ним рва 6 м. Насыпь вала состояла из перемешанного суглинка из культурного слоя. Вероятно, на вершине вала стоял частокол, т.к. во время раскопок на валу было найдено истлевшее дерево.

Второй вал пока не исследовался, он сохранился только с южной стороны, где шел параллельно внутреннему валу, на юго-западе этот вал резко под углом поворачивал к северу. В 1970-х гг. эта часть вала уже была распахана, однако следы вала в виде коричневой глинистой полосы прослеживаются на пашне.

На основе данных аэрофотосъемки, на северной окраине города был заложен рекогносцировочный раскоп, на котором выявлены фрагменты вала и рва, смыкавшегося с действующим оврагом. Почвоведческие исследования позволили реконструировать некоторые особенности строительства укреплений (Офман и др., 1995. С. 185-189). Выяснилось, что площадка под вал предварительно разравнивалась, сопровождаясь скальпированием почвы. Затем производилась утрамбовка котлована вала грунтом, вынутым при рытье рва, и возведение насыпи вала из грунта, содержащего хозяйственный мусор, с последующим укреплением его внешней стороны оплеткой из тонких деревянных жердей (Офман и др., 1995. С. 188).

Что касается даты строительства укреплений этой части внешнего города, то, вероятно, ее следует относить к более позднему, чем XI в., времени, так как несколько сооружений были перекрыты насыпью вала. Эти данные свидетельствуют о том, что формирование территории города происходило неодновременно, а строительство укреплений внешнего города осуществлялось уже тогда, когда город существовал в своих максимальных размерах. Видимо, сооружение укреплений внешнего города было предпринято только в тот период, когда появилась реальная угроза безопасности города, а это могло быть в начале XIII в. Для уточнения этого предположения необходимы исследования укреплений на разных участках.

Кирпичные здания. Подтверждением городского характера городища является наличие объектов кирпично-каменной архитектуры. На Муромском городке исследованы остатки фундаментов нескольких зданий, сложенных из кирпича и известняковых камней. Два таких здания, примыкавших друг к другу, были частично исследованы в 1928-1929 гг. В. В. Гольмстен (Матвеева, 1975. С. 134-136). Для кладки использовался кирпич размерами 25х24-25х5 см на глиняном растворе. Топки, стенки которых были сильно прокалены и ошлакованы, располагавшиеся с внешней стороны зданий, соединялись магистральными каналами с системой дымоходов. Местами в зданиях сохранились участки водонепроницаемого пола из известняково-алебастрового цемента.

Г. И. Матвеева в 1973 г. раскопала остатки здания, расположенного с внешней стороны у оврага, отделявшего внешний город от внутреннего, недалеко от северо-западного въезда. Здание имело прямоуголь-

ную форму размером 10,8х10,0 м, было ориентировано с северо-востока на юго-запад (Васильев, Матвеева, 1986. С. 175-178). Это здание имело все характерные черты построек домонгольского времени, выявленных на других памятниках Волжской Болгарии: размеры кирпича, подпольное отопление, внутренняя планировка и др. Судя по планировке, здание, скорее всего, являлось баней, как и большинство кирпичных зданий в болгарских городах.

Жилища. Несмотря на плохую сохранность наземных деревянных построек, на Муромском городке удалось выявить остатки таких строений, найдено большое количество железных гвоздей и скоб. Жилища срубового типа открыты на территории центральной части города (Васильев, Матвеева, 1986, с. 172-173). Нижний венец сруба одного из жилищ имел размеры 3,9х3,5 м. В северо-восточном углу жилища находилась печь овальной формы. С запада и востока к жилищу примыкали обмазанные глиной площадки, видимо, глиной был вымощен двор. Другое жилище имело размеры 4,0х4,0 м. От него сохранился слой деревянной трухи и печь-каменка прямоугольной формы. К входу вела дорожка, подмазанная глиной светло-желтого цвета. В жилище найдены жернов, топор, коса в деревянном футляре, пряслица.

Кроме деревянных жилищ, выявлены постройки из глины и сырцового кирпича, они представляли собой площадки прокаленной глины толщиной до 28 см, под ними черные сажисто-углистые прослойки – возможно, остатки пола. Сохранность этих домов очень плохая, поэтому восстановить их конструкцию не удалось (Васильев, Матвеева, 1986. С. 174).

Остатки жилищ выявлены также в северном городе (Кочкина, 2005). От жилища, расположенного практически у городских стен, остался котлован, углубленный в материк на глубину 9-43 см, имеющий неправильные очертания, с входом в северной части. Размеры его по линии север – юг – 3,5 м, по линии запад – восток – 3,0 см. В северо-западном углу находилась печь-каменка с округлой предпечной ямой. В южной части исследованы остатки очага, обогревавшего лежанку, располагавшуюся вдоль южной стенки. Общая площадь постройки составляет около 10 кв.м. Надежных датирующих материалов при исследовании постройки не обнаружено, однако стратиграфические наблюдения позволяют предположить ее сооружение в последний период существования города.

Реконструировать стены и перекрытие постройки затруднительно, так как не выявлено каких-либо четких конструктивных элементов, за исключением неширокой ступеньки вдоль южной стенки котлована. Довольно многочисленные куски глиняной обмазки, заполнение, содержащее в целом много глинистых включений, допускают возможность предположить применение в строительстве стен постройки каркасно-плетневые конструкции, обмазанные глиной. Определенная легкость подобных конструкций позволяла не углублять в материк их несущие элементы. Конструкция постройки оригинальна, подобных пока не обнаружено на болгарских поселениях. Дальнейшее развитие близких типов построек с обогреваемыми лежанками – суфами наблюдается в золотоордынское время.

Остатки другой жилой постройки исследованы в восточной части северного города в ремесленном районе. Она представляет собой слабо углубленный в материк котлован неправильно овальной формы с сужением в средней части, со ступенькой в юго-восточной стенке, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Котлован состоит из двух частей: северная часть представляет собой овальное углубление размерами 2,4х1,8 м, уровень дна повышается к югу. Северная часть неправильно овальной формы имеет размеры 2,4 х 1,2 м. Общая площадь постройки составляет около 6,5 кв.м.

Сооружение, судя по планировке и характеру заполнения, а также составу находок, скорее всего, являлось котлованом жилой двухкамерной постройки юртообразного типа с входом в южной стороне. Очаг, вероятно, был открытым или даже переносным, о чем можно судить по сажистому пятну в центре северо-восточной части сооружения. Какие-либо прямые данные о конструкции стен и перекрытия отсутствуют. Косвенными свидетельствами о конструктивных особенностях постройки могут служить остатки заполнения сооружения. Большое количество кусков глиняной обмазки в заполнении (на некоторых из них отчетливо видны следы прутьев) позволяет предположить наличие плетневого каркаса в конструкции стен и перекрытия, обмазанного с внешней и внутренней стороны глинистой массой. Однако сажистое гумусированное заполнение самого котлована и прилегающей к нему территории допускает возможным использование в качестве дополнительного материала при строительстве постройки органических материалов типа войлока, возможно, для внутреннего убранства постройки.

Постройки типа юрты известны на территории Волжской Болгарии не только по письменным источникам (Хузин, 1995. С. 84-85). Однако признаки классических юртообразных построек, изученных на памятниках салтово-маяцкой культуры (Винников, 1984. С. 96-97), в сооружении на Муромском городке не обнаружены. Наше сооружение имеет наибольшее сходство с юртообразными постройками Маяцкого селища (Винников, 1984. С. 96-99, рис. 1-3).

Вероятно, эта постройка погибла в последний период существования городища и была сожжена при взятии города войсками Батыя в 1236 г. Это предположение подтверждается обнаруженными здесь двумя наконечниками стрелы, косвенно об этом могут свидетельствовать копоть и сажа на керамике, следы сожжения в заполнении и на прилегающей территории.

Материалы Муромского городка свидетельствуют о многообразии традиций домостроительства волжских болгар в домонгольский период, связанных с различными этнокультурными компонентами в составе населения города, причем некоторые их них имеют глубокие корни в кочевнической культуре предшествующего периода.

Ремесла. На Муромском городе выявлены следы различных ремесленных производств, в том числе металлургического, металлообрабатывающего, гончарного, плотницкого, косторезного, ювелирного и других. Эти данные свидетельствует о том, что Муромский городок был не про-

сто большим поселением, а именно городом, крупнейшим ремесленным центром на юге Волжской Болгарии, снабжавшим своей продукцией сельскую округу.

Металлургия. Горны для получения железа на Муромском городке пока не обнаружены, но имеются свидетельства получения железа более простым способом, каким была варка в горшках в домашней печи: найден кусок железа, по форме воспроизводящий нижнюю часть горшка.

Кузнечное дело. Об уровне кузнечного дела на городище свидетельствуют многочисленные типичные изделия из железа. Металлографический анализ этих вещей свидетельствует об овладении кузнецами различными техническими приемами (Толмачева, 1982). Одним из направлений кузнечного ремесла являлось изготовление предметов вооружения для болгарских воинов, соответствующего всем требованиям средневекового военного дела.

Меднолитейное и ювелирное дело. В юго-западной части внутреннего города исследованы медеплавильные печи (Васильев, Матвеева, 1986. С. 183-184). Здесь же находилась мастерская медника, где найден развал печи и собраны обрезки листовой меди, фрагмент мерного сосуда и гирька – развеска. В последние годы в восточной части северного города выявлены и исследованы остатки нескольких производственных сооружений – развалы печей, расположенных в углубленных ямах и предназначенных, вероятно, для плавки металла.

Гончарство. Муромский городок – пока единственный болгарский памятник, где исследован горн для обжига кирпича (Васильев, Матвеева, 1986. С. 185-186; Васильева, 1993. С. 156. Рис. 29,1). От него сохранилась только топочная камера, она представляла собой котлован квадратной формы размером 2,2х2,2 м. Горн был двухъярусным: внизу находилась топочная, вверху – обжигательная камера. Он был сложен из кирпича, размеры которого стандартны 25х24х5 см. Близки к этому горну печи Херсонеса XI-XII вв., предназначенные для производства черепицы.

В юго-восточной части южного города был исследован второй горн для обжига посуды. Он имел круглую форму и был двухъярусным, соответствовал всем стандартам гончарным горнов, исследованных и на других болгарских памятниках (Васильев, Матвеева, 1986. С. 186).

Сосуды, изготовлявшиеся муромскими гончарами, имеют стандартизированные формы, они представляют все основные формы, типичные для массовой посуды (Васильева, 1988; Матвеева, 1988). Сосуды имеют линейный, волнистый или зубчатый орнамент, встречаются изделия с зооморфным декором. Особенностью является практически полное отсутствие нелощеных изделий, даже среди кухонной посуды. Цвет большинства сосудов красный или коричневый, на днищах встречаются клейма.

Керамические изделия болгар не исчерпывались посудой. Значительное число их имело другое хозяйственно-бытовое назначение: среди них – глиняные напрясла, грузила, дымогарные и водопроводные трубы, кирпичи, а также игрушки, ритуальные предметы и т.д.

Другие ремесла. Среди других ремесел, наиболее развито было косторезное. Следы косторезного производства фиксируются в виде заготовок предметов, спилов костей, отходов производства. Костяные наконечники стрел применялись при охоте на пушного зверя, костяные костыльки использовались в качестве застежки верхней одежды.

Известно было на городище и производство дегтя, необходимого в кожевенном производстве, для смазки колес, при лечении животных и пр. Об этом свидетельствуют находки днищ сосудов с отверстиями в центре со следами спекшегося дегтя. Обнаружена яма, которая могла быть предназначена для его производства.

К сожалению, до настоящего времени нет достаточных данных, чтобы обоснованно говорить о социальной организации ремесла в городе, о планировочной структуре ремесленных производств. Изучение комплекса производственных и жилых сооружений в северном городе позволяет только уверенно предположить наличие многопрофильной ремесленной деятельности в пределах одной усадьбы (владения?): обработка цветных металлов, ювелирное дело, косторезное и др.

Торговля. В экономической жизни Волжской Болгарии в целом и Муромского городка в частности большую роль играла торговля.

На городище найдено много вещей восточного происхождения: поливная посуда среднеазиатского и кавказского производства, иранская фаянсовая посуда с орнаментом, нанесенным золотистой краской – люстром, сфероконусы, разнообразные бусы, фрагменты стеклянной посуды и т.д. (Матвеева, 1976).

Взаимоотношения с Русью на далекой южной окраине Болгарского государства подтверждаются находками, наиболее частыми из которых являются шиферные напрясла. Интерес представляет фрагмент каменной литейной формы, найденной в северном городе. Она предназначена для отливки двух типов браслетов, которые хорошо известны по древнерусским древностям (Седова, 1981. С. 103-119), на боковой поверхности формы отливали, видимо, накладки. Связи с Русью осуществлялись не только путем распространения ремесленной продукции, но и обменом человеческими ресурсами. Присутствие русских ремесленников в болгарских городах документируется археологическими материалами. Дополняют их данные с Муромского городка, на котором, кроме единичных фрагментов древнерусской керамики, обнаружены кости свиньи.

На городище встречены изделия прибалтийского и западно-европейского происхождения, германская монета – денарий XI в.). К числу редких относятся предметы византийского и причерноморского происхождения, среди них – фрагмент темно-синего стеклянного сосуда с инкрустацией из бирюзового стекла в виде растительного узора, фрагменты амфор.

На территории города, несомненно, были рынки, но археологически они пока не выявлены.

Сельское хозяйство. Жители Муромского городка, как и всех средневековых городов, занимались сельским хозяйством. Ведущую роль в жизни болгар играло пашенное земледелие. Они возделывали просо, пшеницу, рожь, овес, ячмень, гречу и огородные культуры. Довольно часто встречаются обугленные зерна этих злаковых растений. На Муром-

ском городке найдены земледельческие орудия: плужные лемехи и резаки, серпы, косы, мотыги и т.д. Для хранения зерна были предназначены большие ямы цилиндрической формы, облицованные деревом или глиной, в которых обнаружены обугленные зерна проса, пшеницы, ржи, полбы, Вероятно, в северном городе вблизи укреплений располагалось крупное хранилище зерновых запасов, здесь было исследовано более 20 зерновых ям, некоторые их которых содержали еще остатки обуглившегося зерна. Рядом с одной из них прослежен интересный обряд ритуального захоронения собаки, засыпанной зерном. Подобные факты известны по материалам предшествующей салтово-маяцкой культуры в Подонье. Для размола зерна применялись ручные жернова, на Муромском городке найдено большое количество жерновов и их обломков.

В рационе питания жителей города определенную долю составляло мясо, о чем свидетельствуют анализ костных остатков в культурном слое. Среди находок костей немногим менее половины составляют кости мелкого рогатого скота, треть – крупного рогатого скота, кости лошади – пятую часть всех находок. Кости диких животных встречаются гораздо реже, чем домашних, среди них встречены кости зайца, лося, волка, кабана, медведя. Как и на всех других болгарских памятниках встречены кости верблюда, попавшего, видимо, в Среднее Поволжье с купеческим караваном.

Духовная культура. Археологические исследования дают возможность получить свидетельства не только материальной жизни обитателей древнего болгарского города. К числу сравнительно редких находок относятся игрушки, которые иногда выполняли и роль ритуальных предметов. Ценность подобных находок неоспорима, так как они позволяют создать представление об особенностях повседневной бытовой и духовной культуры горожан эпохи средневековья.

Интерес представляют находки керамических плиток с процарапанными изображениями на обеих сторонах с Муромского городка. На обеих сторонах первой плитки (размерами 3,0-3,3 х 2,9 х 0,8-0,9 см) прочерчены линии, составляющие достаточно сложные композиции. На одной стороне нанесена сетка, или решетка, состоящая из семи продольных и четырех поперечных линий. Это регулярная сетка с неограниченными сторонами, имеющая 18 ячеек (6х3 ячейки по 3х3 мм и 5х3 мм). На другой стороне более тонкими линиями нанесен замысловатый рисунок, состоящий из подтреугольных фигур и пересекающихся линий.

Вторая плитка (4,3х4,0х0,7 см) представляет собой подквадратной формы фрагмент из стенки кругового сосуда с процарапанными линиями. На одной стороне, которая соответствует внешней поверхности сосуда, прочерчен сложный крест, на другой – ограниченная сетка, или решетка, размеры ячеек от 0,2-0,6 см до 0,6-0,7 см. Судя по расположению линий сетки, вероятно, произошло наложение одной сетки на другую.

Аналогичные предметы в болгарских материалах пока не известны. Но подобные граффити на различных изделиях сравнительно широко встречаются в древностях Хазарии, Дунайской и Волжской Болгарии, Золотой Орды (Нахапетян, 1990. С. 45-46. С. 80. Рис. 2, №№ 25, 26. С. 83. Рис. 4, №№ 49-54; Нахапетян, 1997. С. 28-29, 56-57, Полубоярinova, 1980. С. 190. Рис. 6-1-6).

Более частой находкой являются так называемые астрагалы (таранные кости овцы, иногда коровы) с просверленными отверстиями или прочерченными знаками. Внутрь отдельных экземпляров заливали свинец, а иногда даже изготавливали бронзовые имитации астрагалов. Игра в кости – традиционная игра эпохи средневековья, до сих пор существующая у потомков кочевников. Использовали болгары и гадательные кости из лопатки овцы с процарапанными руническими знаками или отверстиями. О знакомстве болгар с шахматами свидетельствуют находки костяных шахматных фигур, встречаются и шашки.

На Муромском городке найдены целые экземпляры и фрагменты глиняных погремушек. Это предметы, изготовленные на круге в виде небольшого узкогорлого сосудика, наглухо закрытого удлиненной ручкой. Внутри полого тела находился шарик.

Встречены глиняные предметы, вылепленные от руки, в виде различных геометрических тел: шаровидных, грушевидных, конусовидных, таблетковидных, кубиков и др. На некоторых изделиях имеются трещинки, встречаются ногтевые вдавления, отпечатки пальцев. Кроме использования их во время игр детей и взрослых, не исключено ритуальное назначение. Найдены также фигурки животных. Все они имеют выраженные индивидуальные черты. Выразительна почти целая фигурка, вероятно, лошадки или жеребенка без головы. Длина туловища составляет 2,0 см, высота – 2,0 см, сохранившаяся высота с шеей 2,5 см. Хвостик очень короткий, переднее и задние ноги попарно соединены, разделение их только намечено.

Образцы письменности на археологических предметах встречаются очень редко. Арабское письмо, вошедшее в практику письменной культуры болгар после принятия ислама, вероятно, было сравнительно широко распространено среди населения. Но по традиции продолжала использоваться руническая письменность, чаще в ритуальных целях и как знаки или пометки на предметах. Интерес представляет фрагмент кринки с руническим знаком на ручке с Муромского городка.

Городские некрополи. Одним из признаков крупнейших городов домонгольской Волжской Болгарии является наличие нескольких городских мусульманских кладбищ. На Муромском городке в настоящее время обнаружены и частично исследованы два некрополя.

Они расположены вне укреплений городища: один – на юго-западе, другой – на северо-востоке. Предположительно площадь первого могильника составляет 10 га (Кочкина, 2002, с. 125). Он частично перекрывает поселение именьковской культуры – Муромское I селище. Раскопки на могильнике проводились Р. М. Ключниковой (Юнусовой) и Н. П. Салугиной в 1973 г., 1975-77 гг., в 1999 г. А. Ф. Кочкиной. Всего исследовано около 100 погребений по мусульманскому обряду, встречаются захоронения в гробах, о чем свидетельствуют находки древесного тлена и железных гвоздей.

Муромский II некрополь выявлен в 1996 г. за северо-восточной окраиной городища на отдельной площадке между оврагами. На могильнике

раскопано 30 погребений по мусульманскому обряду захоронения. Своеобразной деталью обряда является наличие в насыпи погребений угольков, единичные вещи в погребальном инвентаре. Глубина могильных ям от материка в среднем составляет 50-60 см, но встречается и до 70 см. Не исключено, что этот могильник является более ранним и синхронен первоначальному периоду существования городища (Кочкина, 2013).

Гибель города. Город погиб в 1236 г. в ходе монгольского нашествия на Восточную Европу и уже не возрождался, так же, как и многие другие города Волжской Болгарии. Мощный слой пожарища и найденные экспедицией 1928-1929 гг. костяки людей с застрявшими в костях наконечниками стрел являются свидетельствами трагической гибели города.

Заключение

Волжская Булгария X – начала XIII в. оставила глубокий след в истории Поволжья, сыграла важную роль в исторических судьбах тюркоязычных и финно-угорских народов обширного Поволжско-Уральского региона. Большинство болгарских поселений, в том числе на Самарской Луке, было уничтожено, но на некоторых из них вновь возникли поселения уже следующей эпохи, которая связана с вхождением бывших болгарских земель в состав огромной империи – Улуса Джучи (или Золотой Орды).

Список литературы

1. Валеев Р. М. Волжская Болгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань, 1995.
2. Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии. (По материалам Билярского городища). Казань: Издательский Центр Казанского университета, 2005.-279 с.
3. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.
4. Васильева И. Н. Керамика Муромского городка (результаты технико-технологического анализа) // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
5. Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М., 1984.
6. Гольмстен В. В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Ч. I. Самара, 1924.
7. Гольмстен В. В. Материалы по истории Самарской губ. Керамика древних поселений Самарской луки // Бюллетень ОАИЭиЕ при Самарском университете. Самара, 1925
8. Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление, развитие). Казань: Тат. книж. изд., 2004.
9. Зубов С. Э., Матвеева Г. И., Приказчиков С.И. Междуреченское городище // Краеведческие записки. Вып.VII. Самара.
10. Измайлов И. Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 34-51.
11. Кочкина А. Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. 1985. № 4. С. 75-80.
12. Кочкина А. Ф. Муромский городок – региональный центр Волжской Болгарии домонгольского времени на Самарской Луке // Вопросы археологии Поволжья и Приуралья. Вып.1. Самара, 1999.
13. Кочкина А. Ф. Некрополи Муромского городка // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002.
14. Кочкина А. Ф. К истории домостроительства в Волжской Болгарии X – начала XIII вв. (по материалам Муромского городка) // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Болгарии и Золотой Орды). Казань, 2005.
15. Кочкина А. Ф. Муромский II могильник // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета. Казань, 2012.
16. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч.I-3. СПб. 1771-1786.
17. Матвеева Г. И. Изучение болгарских памятников домонгольского периода на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев, 1976.
18. Матвеева Г. И. Связи Волжской Болгарии со Средней Азией, Ираном и Закавказьем (по материалам Муромского городка) // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа: Препринты докладов и сообщений. Уфа, 1976.
19. Матвеева Г. И. Гончарная керамика Муромского городка // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
20. Матвеева Г. И. Волжская Болгария (X век – 1236 г.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. М., 2000.
21. Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев, 1997.
22. Нахапетян В. Е. Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы советско-болгаро-венгерской экспедиции. М, 1990.
23. Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-болгарского и Казанского царств // Труды I АС. Т.II. М., 1871.
24. Офман Г. Ю. Пономаренко Е. В., Пономаренко С. В. Реконструкция истории природопользования на Самарской Луке в эпоху средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1995.
25. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, Ч.I. СПб., 1773.

26. Поливанов В. Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.
27. Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
28. Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X – XV вв. М., 1993
29. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука, 1981.
30. Смирнов А. П. Волжские болгары // Труды ГИМ. Вып.19. М., 1951.
31. Толмачева М. М. Техника металлического производства в Волжской Болгарии в X-XIII вв. по данным металлографии // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.: Наука, 1982. С. 56-62.
32. Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
33. Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань. 1994.
34. Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: издательство Казан. университета, 1986.– 159 с.: ил
35. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М., 1884.
36. Хузин Ф. Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). Казань, 1997.
37. Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань, 2001.
38. Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА, 111. М., 1962. С. 179-204.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. АС – Археологический съезд
2. ГИМ – Государственный Исторический музей
3. ОАИЭиЕ – Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете
4. МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

Гатин Д. Ю

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ САМАРСКИХ ТАТАР

Исторические данные свидетельствуют о том, что татары издавна отличались высокой грамотностью. Еще волжские булгары обладали достаточно развитой письменной культурой. До проникновения письменности, основанной на арабском алфавите, в Волжской Булгарии было известно древнее тюркское письмо, которое лишь в IX-X вв. заменяется международной для стран мусульманского Востока арабской графикой.

Известно, что духовное и светское образование для мусульман всегда были неразрывны. Обучение вменялось в обязанность каждому мусульманину. Как правило, первоначальные знания дети получали в школах при мечети.

До нас дошли сочинения средневекового автора Ибн Русте, где он сообщает, что не только в городах, но и во многих населённых пунктах Поволжья еще в IX в. имелись мектебе (начальная мусульманская школа, после 1917 г. название сохранилось за общеобразовательной школой) и медресе (среднее и высшее мусульманское учебное заведение, дающее религиозное, а позднее и светское образование)[1].

Некоторые жители Волжской Булгарии получали образование в странах мусульманского Востока, такая тенденция сохранялась и в более поздние времена.

1730 - 1940-е гг. – время работы Оренбургской экспедиции (комиссии), одним из руководителей которой был известный государственный деятель, историк В. Н. Татищев. Долгое время руководство комиссией базировалось в Самаре. Именно по Татищеву большое внимание уделялось изучению истории и языков народов Поволжья. Так, в Самаре была открыта татарско-калмыцкая школа. Это заведение возглавляли опытные знатоки восточных языков Иван Ерофеев и Махмуд Абдурахманов. В тот же период в Самаре составлен «Российско-калмыцко-татарский словарь»[2].

В 1739 г. во главе Оренбургской комиссии становится В. А. Урусов, который принял на себя заботу о татарско-калмыцкой школе, основанной его предшественником. В 1741 г., извещая Татищева об успехах школы, он писал также о работе над татаро-калмыцко-русским лексиконом.

О высокой грамотности татар в XIX – начале XX в. повествует многочисленная литература: материалы статистики, работы различных авторов. Даже активный и ярый миссионер Я. Коблов, далеко не симпатизировавший татарам, был вынужден признать, что «при каждой мечети имеется непременно школа. Школьное дело у татар очень развито, и неграмотных

[1] Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X вв. // Советская археология. Т. 10, М., 1948. С. 270.

[2] Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII в. Самара, 1997. С. 75.

среди них почти нет: школы строятся на общественные средства и пожертвования»[1].

О том, что это соответствует действительности, говорят наблюдения и оценки высокой грамотности татар, данные многими учёными в разные периоды. К таким ученым принадлежат И. Георги, К. Фукс, П. Знаменский и др[2].

М. Пинегин, председатель Казанского временного комитета по делам печати, отмечает, что «татарская масса не лишена, конечно, способности к восприятию новых идей, они доходят до неё через те школы, через молодых мулл и едва ли не главным образом через татарские газеты и журналы, проникающие в самую гущу населения, 80 процентов которого по-своему грамотно»[3].

В одном из первых статистических сборников Самарской губернии – «Памятной книжке за 1863-1864 гг.» в главе «Состояние народной грамотности» составители отмечают: «В сельском населении первое место в отношении грамотности будут занимать немцы-колонисты и за ними татары». Согласно принятой в то время системе определения уровня охвата учёбой, в немецких поселениях (небольшая их часть находилась на территории Александротальской и Константиновской волостях – 24 колонии-поселения, в настоящее время эта территория входит в состав Кошкинского района Самарской области, а основная часть таких поселений располагалась в Новоузенском уезде, теперь эта территория входит в состав Саратовской области) один ученик приходился на 5,9 жителей.

«В татарских селениях отношение числа учащихся к числу жителей также весьма благоприятно, – сообщается далее в документе. – Так только в одних удельных селениях Самарской губернии, в которых татар до 20000 человек, существуют приличных 24 школы, в них 1690 мальчиков и девочек, из них мальчиков 999. Из этого на мужское население в девять с лишком тысяч человек даёт отношение как 1 к 9… К сожалению, состояние татарских школ и ход преподавания в них совершенно недоступны нам. Но 19 учеников из татар и башкир являются лучшими учениками Бугульминского уездного училища».

Далее составители отмечают: «В наших русских селениях… ни число школ, ни число учеников в них, по отношению к числу жителей, не представляет тех результатов, какие мы видели в немецком и даже в татарском населении: местами дело только начато, а местами и совсем не начиналось». Общий итог обзора таков: по удельным селениям государственных и временно-обязанных русских крестьян отношение учеников к общему количеству населения составляет 1 к 133[4].

По сведениям немецкого этнографа Отто Гетча, которые, в частности, были использованы В. И. Лениным, «у казанских татар приходится сейчас (к концу XIX – началу XX в. – Д.Г.)… одна школа на 100 душ обоего пола, у православных – одна на 1500-3000 человек. Распространение книжной и газетной литературы у мусульман-татар ещё более высокое»[1].

Известны другие многочисленные факты и свидетельства очевидцев о высоком уровне образованности татар.

Так, врач Спасский, проводивший историко-этнографическое исследование татар, пишет, что «грамотность среди татар сильнее, чем среди русских». Автор приходит к выводу, что по уровню культуры и быту татары «бесспорно должны быть поставлены на первое место из всех инородцев»[2].

С. Чичерина, специально изучив образование среди народов Поволжья того же периода, писала: «…татары-магометане создали большую литературу и настолько развили самостоятельные школы, что числом учащихся превосходят русских»[3].

О высоком уровне образования татар подчеркнуто большим числом историков, этнографов, статистов, путешественников, составителей различного рода справочников, путеводителей в дореволюционной России, среди них, например, знаменитый Карл Фукс, проживший большую часть жизни в Казани и написавший фундаментальную этнографическую работу о татарах[4].

В результате интенсивной колонизации к середине XIX столетия в Самарском крае сложилось чрезвычайное этнокультурное многообразие. Татары занимали преимущественно северо-восточную часть губернии: Бугульминский и Бугурусланский уезды. Численность их достигала 131974 человек (8,6 %), из них 95454 собственно татар, ничем не отличавшихся по своему укладу от казанских и нижегородских. На бывших башкирских землях жили тептяри, беглецы из казанского ханства, поселившиеся среди башкир.

К 1858 г. в учебных заведениях ведомства народного просвещения обучались исключительно дети дворян и чиновников, купцов и мещан – всего 894 мальчика и 58 девочек.

В 70-80-х гг. XIX в. у передовой части мусульман – волжских и крымских татар, башкир, кавказских и других народов – возникло движение за обновление системы национального образования. В истории педагогики оно получило название «джадидизм» (от арабского «джадид» – «новый»). Его идеологи выдвигали в качестве своих главных задач – борьбу за национальную школу, равенство языков и свободу вероисповедания. Реформа мусульманского школьного образования в России была направлена на включение в учебные программы медресе светских дисциплин – арифметики, всемирной истории, географии.

Начавшись в сфере педагогики, джадидизм вскоре превратился в общественно-политическое движение, которое охватило многие стороны жизни татарского общества: быт, нравы, культуру, религию и др.

В конце XIX столетия в медресе и мектебе (вторая ступень в структуре татарской конфессиональной школы) нашего края стал проникать дух татарского обновленческого движения, носителями которого здесь, как

[1] Коблов Я. Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910. С. 3.
[2] А. Г. Каримуллин. У истоков татарской книги. Казань, 1971. С. 34-36.
[3] Центральный государственный архив Республики Татарстан, ф. 420, д. 258, л. 5.
[4] Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг.». Самара, 1864.

[1] Ленин. Полн. собр. соч. Т. 28. С 514-515.
[2] Спасский А. Казанские татары. Казань, 1916. С. 16.
[3] Чичерина С. В. Положение просвещения у приволжских инородцев. СПб., 1906. С. 54.
[4] Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844. С. 21.

и в других местах, стали прогрессивная татарская интеллигенция и передовые священнослужители. В результате в программы инородческих татарских школ пришли светские дисциплины – арифметика, русский язык (с «объяснительным чтением»), рисование, география России и пяти частей света, история России и другие. Мектебе, которое возникло в Самаре на Казанской улице в 1889 г., было уже учебным заведением нового типа. Долгие годы заведующим школой и медресе «Шихабия» при мечети на улице Казанскаой был Мирза-Абдрахман Минюшев. Он часто выступал со статьями по вопросам образования и самарском опыте народного просвещения во всероссийских журналах – оренбургском «Шура» и уфимском «Мэктэп».

В начале XX в. в городах министерством народного просвещения Российской империи стали создаваться русско-татарские школы. В Самаре их было две и над обеими взяли попечительство приходы двух мечетей. Здание одной из них на улице Саратовской (ныне Фрунзе, 145) сохранилось, второй – на улице Александровской (Вилоновская, 16) было снесено в 2005-2006 гг. В нем 70-80-е гг. располагалась контора торгового объединения «Куйбышевмебель». Архивные документы сохранили бесценные списки учителей дореволюционных татарских школ Самары – они несли знания в широкие татарские массы…

В мусульманских селениях, казенных и удельных, почти всюду дети обучались у приходских мулл. Во многих медресе, кроме религиозных дисциплин, изучались арифметика, география, русский язык и другие светские предметы.

Эти классы не подчинялись никакой администрации и существовали на пожертвования населения. Татарские школы размещались в крестьянских избах, при мечети или даже в самой мечети. Они содержались исключительно на средства сельских общин и долгое время не получали от государства никакой дотации.

На развитие народного образования выделялась мизерная сумма. Так, в 1905 г. по бюджетам волостных и сельских обществ Самарской губернии на содержание волостных и сельских управлений было израсходовано 1268,2 тысячи рублей, а на народное образование выделено лишь 296,5 рубля.

Самарская губерния тех времен не знала специалистов-националов: врачей, инженеров, агрономов. Редко встречались учителя, окончившие казанскую татарскую учительскую школу, медресе «Галия» (Уфа), «Мухаммадия» (Казань), «Хусаиния» (Оренбург). В 1909 г. единственному татарину из обеспеченной семьи удалось окончить фельдшерскую школу.

В конце XIX в. татарское просветительство все увереннее пробивает себе дорогу, находя горячую поддержку прежде всего в народно-демократическом направлении национального движения мусульман.

Эти процессы были характерны и татарскому обществу Самары и губернии. По ходатайству мусульманского благотворительного общества, за счет которого в губернском центре содержались две приходские школы, медресе и библиотека. В 1910 г. были организованы двухмесячные курсы по обучению татарского населения русской грамоте, которые окончили около 40 человек. В 1913 г. по распоряжению Министерства внутренних дел

мусульманское благотворительное общество и библиотека были ликвидированы как учреждения, опасные для государства и могущие принести вред обществу.

Пристальное внимание татарская буржуазия уделяла к упомянутой выше так называемой новометодной школе («ысул джадид» – новый метод). Специфика метода заключалась в обучении прогрессивным звуковым способом. В школах, кроме языков (татарского, русского, арабского и др.) и многочисленных религиозных дисциплин, широко изучались светские науки (история, математика, география, физика и др.). Новометодные школы сыграли в целом положительную роль в деле образования татарского народа. Благодаря активному участию в деятельности этих школ разночинной интеллигенции, учащиеся получали элементарные научные знания.

Некоторые элементы светского образования и культуры татарская молодежь получала в так называемых министерских и русско-татарских школах, а также в организованных при некоторых медресе и мектебе особых классах русского языка.

Русско-татарские школы возникли в 70-е гг. XIX в. вследствие реформ 60-70-х гг. и преследовали цели русификации татар. Мысль о подобных школах для «восточных инородцев» возникла в министерстве народного просвещения как противовес движению мусульманской общественности за право получения современного качественного образования, что, по мнению властей, могло способствовать росту национального самосознания народа и укреплению ислама.

Директор народных училищ Самарской губернии М. Н. Грифцов в докладе «Господину начальнику Самарской губернии» от 15 ноября 1913 г. сообщал: «Новометодные школы стремятся к светским наукам, преподают предметы, наряду с религиозными, арифметику, историю, географию, физику, естествознание, изучают по этим предметам много руководств, в составлении их авторы стараются пользоваться современными методами, а в обучении грамоте держатся современного звукового метода, совместного обучения чтению-письму».

Рассматривая деятельность современных медресе и мектебе, автор доклада далее пишет: «Прогрессивная часть мусульманского духовенства видоизменила обычный курс преподавания предметов введением предметов светских – арифметики, географии, истории и т.п., приближением своих школ к общему типу начальных, высших народных училищ и даже средних классов гимназии».

Вместе с тем, повышение качества образования мусульманских народов не только не поощрялось государством, но и вызывало крайнее недовольство. М. Н. Грифцов резюмирует: «Образуя наиболее приспособленных к жизни, но пропитывая их духом исключительного национализма, возбуждая через чтение газет мечту о всемирном культурном пробуждении мусульманства для возвращения исламу былой мощи, новометодная школа в целом опаснее старометодной… Ввиду всего изложенного следует признать следующее: новометодные медресе и мектебе отнюдь не заслуживают поддержки»[1].

[1] Национальный архив Республики Татарстан, фонд 92, опись 2, дело 19435.

Вышеупомянутый Я. Д. Коблов в отчёте «О татаризации инородцев Приволжского края» также с тревогой сообщает о том, что, будучи грамотным народом, татары «развращают» чувашей, марийцев, удмуртов, мордвин, увлекая их в мусульманство … своей грамотностью.

Министр народного просвещения граф Д. А. Толстой в докладе ясно заявляет: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом».

В связи с откровенно выраженным обрусительным характером русско-татарских школ население в целом проявляло отрицательное отношение к ним, и они не имели большого успеха. В Самаре эти школы получили распространение лишь через несколько десятилетий.

В дореволюционный период духовное образование предшествовало светскому, определяло его необходимость. Стремление к знаниям приветствовалось и поощрялось духовенством.

Первоначально мектебе и медресе располагались в сёлах – местах компактного проживания мусульманского населения. Со временем они стали возникать и в городах – по мере увеличения в них, начиная с конца XIX в., численности мусульман.

Так, в Самаре, при мечети на Казанской улице, после первой русской революции возникла школа для мальчиков и девочек. К 1910 г. в Самаре их было три.

Благодаря мечети на Казанской (ныне Историческая мечеть на улице А. Толстого, 61) Самара стала своего рода региональным учебным центром для мусульман. В начальной – мектебе и средней – медресе школах, расположенных в этой мечети, за весь период их существования проучились около 1000 учеников. Слушателями Самарского медресе были не только выходцы близлежащих уездов Самарской губернии, таких как Самарский, Бугурусланский, Бугульминский, но даже некоторых уездов Симбирской и Казанской губерний.

Историческая мечеть также стала центром выпуска литературы. В 1908-1913 гг. здесь располагалась редакция первого в дореволюционной России уникального общероссийского издания на татарском языке – общественно-политического, научного и культурно-просветительского ежемесячного журнала «Икътисад» («Экономика»). Его редактором, издателем и автором большинства статей был имам мечети Мухаммет-Фатых Муртазин.

По мнению историка Р. Амирханова, «Икътисад» вошёл не только в ряд флагманов татарской передовой печати, где стояли такие известные издания, как газеты «Юлдуз», «Вакыт», «Тарбия», «Магариф», журнал «Шура», но и явился первенцем российской мусульманской экономической периодики.

Как первенец татарской периодической печати в Самаре журнал «Иктисадъ» сыграл определенную положительную роль в жизни местного татарского населения города и губернии.

Других газет на татарском, чувашском и мордовском языках в Самаре не издавалось.

С первой мечетью в значительной степени связано культурное развитие общины мусульман города и губернии в последней четверти XIX – начале XX в.). Муртазин стал инициатором создания в городе первого мусульманского культурно-просветительского общества.

Согласно § 1 Устава Первое общество мусульман ставило своей целью просвещение лиц мусульманского вероисповедания путем распространения образования, всестороннего и точного знакомства их с политическими и экономическими правами.

За обществом признавалось право издания трудов своих членов, а также произведений, распространение которых допускалось законом, открытия ремесленных и других школ, что в будущем позволило бы мусульманам – недавним выходцам из деревень, адаптироваться в городской поликультурной среде, содержать стипендиатов в высших и специальных учебных заведениях, проводить публичные лекции, литературные вечера, курсы прикладных знаний. Деятельность общества распространялась на всю Самарскую губернию.

За короткий срок существования Общество способствовало развитию национально-культурного и духовного возрождения мусульман, просвещения татар города и всей губернии. Его усилиями в 1907 г. в Самаре открылась бесплатная библиотека для мусульман, в помещениях мусульманских школ в первом и третьем приходах в 1908 г. было организовано вечернее обучение взрослых татарской грамоте, для нуждающихся приобретались ученические пособия. Летом 1908 г. при медресе были устроены классы русского языка.

В 1913 г. мусульманское общество выхлопотало от Самарского самоуправления разрешение иметь 4 русско-татарские школы с количеством учащихся: 90 мальчиков и 70 девочек.

В том же 1913 г. попечитель Казанского учебного округа (Самарская губерния входила в указанный округ) по просьбе мусульманской общины Самары и представлению городской управы принял решение об открытии в городе двух земских русско-татарских школ. Они стали первыми в истории самарских татар государственными учебными заведениями, подведомственными дирекции народных училищ губернии. Школы располагались на улице Саратовской (ныне Фрунзе), 145 и Александровской (ныне Вилоновская), 16. Здание второй школы до нашего времени не сохранилось.

Таким образом, мечети являлись не только культовым учреждением, но и очагом духовной и культурной жизни мусульман. Духовенство заботилось об образовании сограждан, формировало национальную элиту.

В конце XIX – начале XX в. в учебных заведениях шла непрерывная борьба между консервативным и прогрессивным направлениями в педагогике. Национальная буржуазия выступала против демократической культуры. Передовая интеллигенция, тесно связанная с демократами, требовала коренной перестройки народного образования. Она добивалась всеобщего начального образования на родном языке, открытия школ для девушек, создания учебников по всем светским предметам, включая естественно-научные. Кроме того, демократическая интеллигенция требовала передачи национальных школ из подчинения мусульманского духовенства в ведение Министерства просвещения[1].

[1] Махмутова А. Х. Становление светского образования у татар: борьба вокруг школьного вопроса. 1861-1917. Казань: изд-во Казанского университета, 1982.

После революции 1905 г. по инициативе известного реформатора П. А. Столыпина была разработана программа создания системы татарского земского образования. В итоге, начиная с 1912 г. начали открываться земские татарские народные училища.

Самарская губерния по уровню грамотности населения стояла на 33 месте. К 1911 г. грамотного населения в губернии было всего 11,6 %. В 1912 г. в начальных школах Самары обучалось только 412 детей татарской, башкирской и казахской национальностей.

В городе и губернии не было ни одной татарской женской школы.

В Самарской губернии, занимавшей тогда огромную территорию, дети этих народностей были почти целиком лишены возможности обучаться в светских школах и в лучшем случае могли поступать только в медресе, в которых основное внимание уделялось не обучению грамоте и изучению основ наук, а вероучению и связанным с ним дисциплинам.

По понятным причинам самодержавное правительство не жаловало обучение инородцев: если на содержание каждой церковно-приходской школы губернии отпускалось ежегодно 5871 рубль 93 копейки, а на одного её ученика – 41 рубль 26 копеек, то на содержание одной татарской школы отпускалось 54 рубля 62 копейки, а на одного ученика – 3 рубля 99 копеек.

Большое количество детей нерусских национальностей оставалось вне школы. Ни одно татарское и башкирское селение губернии не имело среднего учебного заведения.

Среди коренного нерусского населения Самарской губернии тех времен не было лиц, получавших высшее образование.

В 1912 г. в русских средних учебных заведениях Самары обучалось только 8 татар, в том числе в коммерческом училище – 2, торговой школе - 1, гимназии – 4, реальном училище – 1.

В 1913 г. руководитель партии большевиков В. И. Ленин писал: «Такой дикой страны в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России».

По официальным данным, в 1914 г. во всех школах России обучалось только 8 млн. детей и подростков, а более 30 млн. оставалось вне школы, причем больше других были обделены дети малых народов, населяющих Россию.

Свыше 40 народов не имели своей письменности и назывались «бесписьменными», многие не имели представления о книге и печатном слове.

Огромное количество детей не училось в школах, крайне низкой была грамотность населения, в отдельных русских деревнях даже центральной России не было ни одного грамотного человека.

К 1915 г. детей 8-16 лет обучалось в школах только 25,4 %. Из-за отсутствия кадров почти во всех школах, где обучались дети нерусской национальности, русский язык не преподавался.

До 1917 г. в губернии практически не было ни одного подготовленного учителя для работы в светских национальных школах, поэтому принимаются меры по подготовке учительских кадров из числа национальных меньшинств.

В 1918 г. для оперативного руководства делом развития народного образования среди национальных меньшинств при губернском отделе народного образования создаются еврейская и татарская секции, а в 1919 г. организуются мордовская, польская, украинская и чувашская секции.

В 1919 г. принимается декрет о всеобщей ликвидации безграмотности. В 1920 г. при губернском отделе народного образования создается Совет национальных меньшинств.

По переписи 1920 г. грамотность населения губернии составляла лишь 25,3 %. Грамотность мордовского и татарского населения не превышала 13 %.

Примечательно, что критерием для определения грамотности татар, как и других нацменьшинств, в России являлось умение читать и писать исключительно по-русски. Умение читать и писать на родном языке в дореволюционной статистике за грамотность не признавалось.

Следует отметить также, что процент грамотности был бы намного выше, если бы доступ к образованию до 1917 г. не был крайне ограничен для татар.

Царизм всячески затруднял доступ к знанию демократическим слоям населения. В отношении татарского народа самодержавие соглашалось на открытие только религиозных школ, которые готовили мусульманское духовенство.

Казалось бы, значительным событием в научно-просветительской жизни татар начала XIX в. должно было явиться создание в 1804 г. Казанского университета, но и здесь для татар двери долгое время были закрыты. Только в 1836 г. дано разрешение на приём 20 мусульман на медицинский факультет. На другие факультеты их не принимали.

В послереволюционный период национальные школы получили развитие.

В 1920/21 учебном году в Самарской губернии числилось 205 национальных школ. Из них чувашских – 98, мордовских – 40, татаро-башкирских – 34, еврейских – 3, украинских – 22, польских – 7, литовская – 1.

В 1920 г. в Самарской губернии открывается мордовское педагогическое училище.

В 1921 г. в Самаре открылся татаро-башкирский педагогический техникум, который готовил национальные кадры для новой школы советского типа.

В первые годы советской власти в городе появились газеты на родных языках народов, населяющих Среднее Поволжье. К числу их относятся такие татарские большевистские газеты, как «Кинэш» («Совет»), «Яна Кеч» («Новая сила»), «Кзыл Идель» («Красная Волга»), татаро-башкирская газета «Кзыл донья» («Красный мир»), «Аул» («Деревня»), «Урта Идель» («Средняя Волга»).

В период гражданской войны издавались три национальные газеты: «Кызыл армия», «Авыл», «Яна кеч». Все они сыграли определенную роль в деле воспитания татарского населения Поволжья и Приуралья. В работе этих газет деятельное участие принимали представители передовой части татарской интеллигенции Самарской губернии.

Культурно-просветительская работа сосредоточилась в национальном отделе губкома ВКП (б) и клубе

нацменьшинств, его татаро-башкирским отделом руководил Х. Давыдов. В самой Самаре и по всей губернии открылись десятки татарских школ. С 1928 г. издавалась татарская газета «Колхозчы». Широкую популярность приобрёл самарский литературный альманах «Урта Идель» («Средняя Волга»).

С конца 20-х гг. политика Советской власти в области национально-религиозных отношений стала меняться. Сначала начали закрываться мечети, потом городские национальные школы (в советское время в Самаре их осталось три). 31 марта 1938 г. вышел последний номер краевой татарской газеты «Колхозчы».

Важнейшее значение далеко за пределами региона имело Камышлинское педагогическое училище, которое с 1942 г. (после перевода из Ульяновска) вплоть до закрытия в 1956 г. продолжало готовить учителей для татарских школ области.

В это время татарские школы выпускают десятки учащихся, многие из которых обучаются в вузах Российской Федерации. К примеру, по данным областного статистического управления на начало 1966/1967 учебного года обучалось в высших учебных заведениях 521 и в техникумах 683 представителя татарского народа.

В 1968 г. при нерусских школах, перешедших на русский язык обучения, были открыты подготовительные классы.

В 70-80-е гг. XX в. курс КПСС на создание в СССР новой исторической общности – «советский народ» – привёл к нивелированию национальных культур. В школах Куйбышевской области вновь стали закрываться национальные школы. Из учебных планов постепенно исключался родной язык и литература.

В Куйбышевской области перестали функционировать общеобразовательные школы с родным языком обучения, а также дошкольные образовательные учреждения с воспитанием на родном языке. Если в 60-е гг. насчитывалось 44 татарские школы, то в 1991 г. осталось 27 школ.

С середины 80-х по 90-е гг. XX в., так называемую эпоху перестройки, в обществе наблюдается интенсивный рост национального самосознания, идут процессы укрепления суверенизации и этнокультурного возрождения. В Самаре, как и по всей стране, появляются многочисленные национально-культурные объединения, основная задача которых сохранение родного языка и этнокультуры.

В этот период появляются разнообразные воскресные школы, активизируется система национального образования, в школах вводится изучение родных (нерусских) языков.

В соответствии с приказом Главного управления народного образования Куйбышевского облисполкома от 26.04.1990 № 185 в Куйбышевской области значилось 223 национальных (нерусских) школы: башкирских – 9, казахских – 8, мордовских – 52, татарских – 27, украинских – 4, чувашских – 94, школ со смешанным национальным составом (*в местах компактного проживания нерусского населения – Д.Г.*) – 29.

Родной (нерусский) язык в качестве предмета изучался в 79 школах: башкирский – 9, мордовский – 9, татарский – 24, чувашский – 37.

Среди школ с национальным уклоном яркое место занимает школа с углубленным изучением татарского языка и культуры «Яктылык». Как вспоминают первый директор этой школы Харида Дашкина, Рашид Абдуллов (тогда председатель татарского общества) и Мансур Ямалетдинов (куратор вопросов образования), после первой встречи 10 марта 1989 г. и последующего обсуждения в обществе «Туган тел» планов и идей работу решено было начать с наиболее простой формы обучения – воскресной школы. А в ее программу решили внести уроки родного языка, истории и культуры татарского народа и старотатарской письменности на основе арабской графики. Весной и летом совместными усилиями организовали сбор заявлений желающих учиться в воскресной школе. Особенно много заявлений было собрано на первом в Куйбышеве Сабантуе 24 июня.

Харида Дашкина составила по своей интуиции и опыту педагогической работы учебный план воскресной школы. Первый в области и в вообще в РСФСР. По этому учебному плану стали работать национальные воскресные школы других народов.

В первый раз будущие ученики и преподаватели собрались в здании ШРМ-12 вместе 9 сентября 1989 г. Занятия начались в трех группах, без оплаты труда педагогам.

Количество учащихся росло с каждым уроком. На занятиях присутствовали татары и башкиры – люди разного возраста (от 7 до 70 лет), разным уровнем образования и разных профессий. Часто семьями. За одним столом сидели инженеры, врачи, педагоги, директора магазинов, рабочие, учащиеся общеобразовательных самарских школ, студенты вузов и другие. Их объединяло общее желание – изучение языка, истории и культуры своего народа.

Люди старшего возраста с особенно большим желанием начали изучать арабскую графику. А детей и студентов очень привлекли занятия по татарской музыке.

Потом при ШРМ-12 была создан татарский класс, вскоре – татарское дневное отделение. А в 1997 г. после реконструкции бывшего ведомственного детского сада 9 ГПЗ рядом с вечерней школой открылось муниципальное образовательное учреждение средняя школа с углубленным изучением отдельных предметов «Яктылык».

Самарская земля – родина и колыбель классиков татарской литературы: Анвар Давыдов (с. Камышла Камышлинского района), Габдельхалик Садриев (Халик Садри) (с. Старое Ермаково Камышлинского района), Зия Насыров (Зия Ярмяки) (с. Старое Ермаково Камышлинского района), Фания Каримова (Камышлинский район), Гельсиря Гайнанова (Шенталинский район) – произведения которых по праву вошли в школьные учебники для национальных школ. Их гуманистические традиции продолжило современное поколение писателей и поэтов, уроженцев Самарского края: Рустам Мингалимов (пос. Юлдуз Камышлинского района), Гакиль Сагиров (с. Старое Фейзуллово Кошкинского района) и другие.

С конца XX – начала XXI в. в силу социально-экономических причин, демографической ситуации численность общеобразовательных учреждений, в том числе школ с русским (неродным) языком обучения, в Самарской области начинает резко сокращаться.

Например, несколько лет назад, в 2013-2014 учебном году родной (не-

русский) язык изучался в 49 общеобразовательных школах (в них 3795 учащихся):

- башкирский язык в 4-х школах (в 4-х школах как предмет, в 3-х школах как факультатив) – 67 учащихся;

- иврит – в 3-х школах (предмет) – 330 учащихся;

- татарский язык – в 12 школах (в 11 шк. как предмет, в 5 школах как факультатив) – 1729 учащихся;

- чувашский язык – в 22 школах (в 15 школах – как предмет, в 7 школах – как факультатив) – 1364 учащихся;

- эрзянский язык – в 8 мордовских школах (в 2 школах как предмет, в 6 школахкак факультатив) – 305 учащихся.

С каждым новым поколением уровень владения родным языком катастрофически снижается. В Самарской области, как и в большинстве российских регионов, молодежь практически не знает родного языка, национальной культуры. Нынешние родители разговаривают с детьми на русском языке. Дети перестают быть носителями родного языка, культуры, традиций. Говорят и мыслят на русском языке. Изменяется их национальное самосознание. Дети, владеющие родным языком, говорят с сильным русским акцентом. Процесс обрусения затронул и глубинку.

Перспективы сохранения родного языка не радуют: если в середине 70-х гг. еще 15 % читателей библиотеки брали книги на татарском языке, то сегодня таких читателей осталось крайне мало, национальная литература все менее востребована.

Известный общественный деятель и писатель Фаузия Байрамова заявляет, что татарский народ начал проявлять симптомы равнодушия к своей судьбе, к родному языку – своих детей он не отдает в татарские школы, книг на татарском не читает, на национальные газеты и журналы не подписывается.

Причиной сокращения и невостребованности изучения родного языка являются:

1. Сужение сфер и сред функционирования родного языка, система фактического государственного одноязычия. Печать, делопроизводство, вузовское образование являются исключительно русскоязычными. Довольно узкой остается сфера применения национального языка в науке, культуре, деловой жизни, в этноконфессиональной сфере. У нас отсутствуют общероссийские радио-телеканалы, по которым транслировались бы передачи на национальных языках, урезается время для местного и национального теле- и радиовещания. Снижаются наименования и тиражи татарских печатных изданий. Финансирование национальных газет, открывшихся в областях и краях за годы перестройки, остается на низком уровне и даже сокращается. В мечетях все чаще проповеди читаются на русском языке, так как прихожане большей частью не владеют татарским языком.

Государственная политика исключения национальных языков из общественных и административных сфер обусловила процессы быстрой языковой ассимиляции малочисленных народов России.

2. Мощная по своим темпам урбанизация ведёт к тому, что татар, в совершенстве владеющих родным языком и свободно общающихся на нем, с каждым годом становится меньше. Это связано, во-первых, с тем, что численность татарского населения, проживающего на селе, все более уменьшается, что в свою очередь негативно сказывается на сохранении и развитии татарского языка.

Во-вторых, современным татарам, проживающим в городах, свойственно на производстве, в общественных местах, транспорте разговаривать на русском языке. Для выросшей в городе татарской молодежи языком общения в учебных заведениях является также русский язык. К тому же если взрослое население дома ещё общается на своем родном языке, то значительная часть молодёжи, а также дети даже в семье практически пользуются русским языком. Не востребованный в семейном кругу, язык постепенно угасает.

Активно проводившийся процесс урбанизации повлиял на утрату понимания людьми необходимости и ценности родных языков. Сегодня родной язык не выбирают для изучения. Нет мотивации – нет потребности.

3. Демографическая ситуация. Ежегодное уменьшение численности детей и школ в районах компактного проживания татарского населения Самарской области. Ср.: в 60-е гг. – 44 татарских школы, в 1991 г. – 27 школ, в 2001 г. – 24 школы, в 2011–17 школ, в 2016–14 школ.

Итого в 2015-2016 учебном году в области насчитывалось 14 татарских школ, родной язык изучали 1882 учащихся.

В Самарской области отсутствуют общеобразовательные учреждения с татарским языком обучения, а также татарские дошкольные образовательные учреждения.

Имеет место отношение к обучению татарскому языку как к второстепенному делу. Непрестижность знания родного языка объясняется инертной позицией самих татар. Народ в большинстве своём не знает свою историю, культуру, происхождение… либо имеет искажённое, ненаучное представление. Отсюда состояние ущербности, ведущее к национальному нигилизму, в том числе отрицанию языка. Таким образом, идёт процесс утраты не только национальной культуры и истории, происходит деформация психологии татарского народа, что выражается в отказе от своей национальной принадлежности, мощном сопротивлении изучению родного языка.

Вместе с тем, статистика численности татар в Самарской области, как в целом по Российской Федерации, внушает некоторый оптимизм.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. выявила, что татары в Самарской губернии занимали пятое место – 2301 человек (11,2 % от всего населения).

Данные переписей населения последующих лет свидетельствуют о постоянном росте численности и удельного веса татар в Самарской (Куйбышевской) области. (см. приложение к разделу Татары Самарского края: историческая ретроспектива и опыт веков)

На протяжении последних десятилетий татары в Самарской области находятся на втором месте по численности после русских. Из них в г. Самаре проживает 41 тысяча татар (ср.: в 1979 г. – 33 тыс. человек, в 1989 г. – 38 тыс. человек, в 2002 г. – 40 тыс. человек), в г. Тольятти – 26 тыс. человек, в г. Сызрани – 11 тыс. человек. Всего в Самарской области теперь насчитывается 28 сёл с компактным проживанием татарского населения.

Начиная с 90-х гг. XX в. татарский народ прошёл колоссальный путь в направлении духовно-интеллекту-

ального развития. Широкую известность в мире получили казанские школы химиков, математиков, медиков, историков-востоковедов и лингвистов-тюркологов.

Уровень образованности российских татар за указанный период вырос многократно и имеет тенденцию роста в геометрической прогрессии.

Примечательно, что сорок процентов докторов и кандидатов наук в России приходится на татар[1]. Количество лиц с высшим образованием, кандидатов и докторов наук как минимум удваивается каждые три-четыре года. Этот процесс примерно в равной степени затрагивает различные отрасли знаний. В целом состав ученых таков: историки, философы, биологи, медики, экономисты, политологи, искусствоведы, филологи[2].

Общий уровень культуры и образования татар, духовное состояние нации и этническое самосознание народа вселяют веру на сохранение родного языка и этнокультуры.

Год	Число населения	Удельный вес в %
1900 г.	244577	
1959 г.	74226	3,3
1970 г.	93687	3,4
1979 г.	103605	3,4
1989 г.	115280	3,6
2002 г.	127931	3,9
2010 г.	126100	

[1] ФахрутдиновР. Что в душе у народа. Набережные Челны, 1993. С. 43.
[2] Макаров Д. Об интеллектуальном потенциале ислама в России// «Ислам в современном мире: внутригосударственный международно-политический аспект». 2007. № 7.

Гусева Ю. Н.

ИСЛАМСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА САМАРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Самарский край является одним из крупных мусульманских «анклавов» на карте современной России. Подавляющее большинство мусульман Самарского края – сунниты ханафитского мазхаба[1].

В настоящее время ядром «мусульманской Самары» и области являются татары: в 2002 г. городское мусульманское население было представлено татарами (89621), азербайджанцами (13016), узбеками (4695), башкирами (4.092), таджиками (3983), казахами (3273), в сельской местности также преобладали татары (42326), за ними следуют казахи (11971) и башкиры (4020). В 2010 г. в области проживало 126 124 представителя татарской нации, что составляет 4% всего населения региона. Мусульманская община постоянно растет, пополняясь мигрантами из Средней Азии, Северного Кавказа.

В применении к более ранним периодам истории Самарского края понятие «самарские мусульмане» обозначает разнородный сплав татарских, мишарских, башкирских этноэлементов со значительным этническим влиянием «переходной» группы тептярей, объединенный территориально и культурно-исторически в пределах Самарского края.

Рассмотрим основные этапы истории ислама в Самарском крае:

X – середина XVI вв. Ислам в период существования независимых тюркских государств: от эпизодического распространения ислама в Самарском Поволжье до формирования первых сохранившихся до настоящего времени мусульманских общин, абызы как духовные лидеры.

Середина XVI – конец XVIII в. Формирование общин (махалля), постройка первых мечетей, мулл, мектебе и медресе.

1788-1917. Период выстраивания местной системы религиозного образования, объединение сельских и городских мусульманских общин под эгидой Оренбургского Магометанского духовного собрания (ОМДС).

1917-1985. Советская эпоха противостояния государства и ислама, попытка мусульман сохранить религиозную традицию.

1985 – по настоящее время. Период исламского Ренессанса, существование исламской традиции в современных условиях.

В разделе кратко освещены вопросы современного взаимодействия с представителями иных конфессий, распространения радикальных идей, а также внемечетские духовные практики, связанные с бытованием суфийской традиции в Самарском Поволжье.

X – середина XVI в. Ислам в период существования независимых тюркских государств: от эпизодического распространения ислама в Са-

[1] Мазхаб – религиозно-правовое учение в исламе.

марском Поволжье до формирования первых, сохранившихся до настоящего времени, мусульманских общин.

Проникновение и расселение тюрок, как носителей исламских представлений, на земли Самарского края принято связывать с историей Волжской Булгарии, окраинами которой являлись Самарская Лука и бассейн р. Черемшан. Самое крупное известное поселение булгар на территории края – Муромский городок. Городок возник в X в. в западной части Самарской Луки, между современными селами Валы и Жигули, был одним из самых крупных городов Булгарии, центром духовности – в нем имелись мечети и медресе[1].

Имеются сведения о наличии артефактов древних тюркских (возможно, мусульманских) укреплений в других районах Самарской Луки (Междуреченское городище, в районе Виннов-ки, Шелехмети, Подгор, Бахиловой Поляны[2]), рядом с селами Васильевка Кошкинского района, Сухая Речка Похвистневского района[3], но они требуют дополнительной перепроверки.

Следующий этап проникновения тюрок-мусульман приходится на эпоху золотоордынского владычества. В край начали переселяться тюркские кочевники с юга и юго-востока. Согласно археологическим данным, заметную роль в истории Золотой Орды играли находившиеся на правом берегу Волги городища Переволокское[4], Костычи[5].

Впоследствии северо-западные районы будущей Самарской губернии (будущие Бугульминский, Бугурусланский уезды) входили в состав Казанского ханства и были заселены татарами, болгарами, чувашами, мордвой и марийцами. Вопрос о точных датах основания татарских селений на этих землях остается открытым, но есть версии, что крупные «старые» тюрко-мусульманские селения области (Байтутим[6], Камышла) ведут свою историю именно с середины XVI в.[7].

Подобно тому, как это было в других поволжских регионах, духовными лидерами общин (махалля) в этот период выступали абызы – хранители исламской традиции и образования, которые являлись интеллектуальной верхушкой общин, вступали в контакт с русской администрацией, в т.ч. расписывались в документах, участвовали в составлении шеджере (родословных), подписывали материалы переписей («ревизские сказки»), документы земельных межеваний[1].

Как справедливо указывает О. Н. Сенюткина, «Абызы избирались как духовные руководители членами мусульманских общин и являлись интеллектуальной верхушкой этих общин. Их никто официально не утверждал – они и без этого пользовались большим уважением и авторитетом среди прихожан. Если командиры боевых отрядов служилых татар имели функцию военного руководства отрядами служилых людей, то абызы выполняли работу духовников»[2]. Вероятно, именно потомки абызов впоследствии будут основоположниками династий «указных» мулл и неофициальными лидерами общин, т.н. ишанами[3].

К сожалению, имена самарских абызов нам не известны: это – перспективное направление работы для будущих исследователей. До настоящего времени мы также не имеем подтверждений о наличии в этот период мечетей в самарских пределах, но на соседних землях Казанского ханства их существование подтверждается документально. Более поздние данные дают нам основания предположить, что именно Казань как центр исламской учености, наследник духовной традиции Волжской Булгарии, заметно повлияла на распространение ислама на будущих самарских землях. Особенно заметным было это влияние в районе тюркских поселений на реках Большой Черемшан, Сок ввиду особенностей процесса колонизации и географической близости к землям Казанского ханства.

Середина XVI – конец XVIII в.: формирование общин (махалля), постройка мечетей, мектебе и первых медресе.

Новая массовая волна тюрок, заселивших северные самарские земли – это выходцы из Казанского ханства, беженцы, которые в 1552-1553 гг. стремились в лесные районы Волго-Вятского междуречья, в районы Вятки, на Среднюю и Верхнюю Каму. Они же оседали в уже существовавших селениях и основывали новые.

К этому периоду – 1563 г. – относится основание д. Теплый Стан (тогда Измайлово) на почтовом тракте Ногайской дороги из Казани в Астрахань[4]. С этой деревней связано одно из немногих дошедших до нас упоминаний о муллах в крае: в 1748 г., во время переселения в Теплый Стан татар из деревень Казанского и Симбирского уездов, среди 115 новопоселенных крестьян значился мулла Исмаил Салямов (1694 г.р.)[5]. Это означает,

[1] Подробнее см.: Храмков Л. В. Введение в самарское краеведение: учебное пособие.Самара: Изд-во «НТЦ», 2003. С. 89-90; Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Кн.изд-во, 1986. С. 216-217 и др.; Булгарская цивилизация на Волге: сборник научно-исторических фактов/ сост. Ф. Х. Ширияздановв. Самара: ООО «Книга», 2011.

[2] Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773 (Цит. по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 210, 217 и др.).

[3] Галимов Ш. Х. Счастье жить на земле предков. Татары Самарского края: краткая историческая справка// Самарские татары. 2012, декабрь. № 1(1). С. 7.

[4] Современное с. Переволоки. Золотоордынское название неизвестно.

[5] Находится в нескольких километрах выше г. Сызрани. Золотоордынское название неизвестно (подробнее см.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.: «Наука, 1985. С. 107).

[6] Ермак, Ермаково – татаро-башкирская, тептярская деревня на р. Сок, давшая начало поселениям: Старое Ермаково (Нижнее Ермаково), Татарский Байтуган (Верхнее Ермаково).

[7] Морданов Р. Происхождение татарских сел Камышлинского района// http://samtatnews.ru (дата обращения – 7 июля 2014); Галимов Ш. Х. Счастье жить на земле предков. Татары Самарского края: краткая историческая справка// Самарские татары. 2012, декабрь. № 1(1). С. 8.

[1] В середине XVI в. при описании Татарской слободы г. Касимова упоминались мизгити (мечети) и дворы абызов (Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Импер.Академии наук, 1866. Ч.III. С. 78). Наименование «мулла» в применении к исполнителю религиозных обрядов закрепилось позднее, в XVIII-XIX вв.

[2] Сенюткина О. Н. Мусульманское духовенство Нижегородчины: истоки, эволюция, трансформация// Известия СНЦ РАН. 2010. Т. 12. № 2. С. 103-106.

[3] Ишан (перс., «они») – суфий, суфийский духовный наставник; в среднеазиатской и волго-уральской традиции – синоним терминов муршид, шейх.

[4] Насыров А. Н. Течение жизни. Село Теплый Стан (1563-2004). Самара, 2005. С. 15-18.

[5] Книга переписная мужского пола душ Ставропольского уезда Оренбургской губернии. 1748 г. /РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3351. Л.606 об.

что в селе уже существовала махалля и, возможно, мечеть.

Поэтапное освоение самарских земель, связанное как явлениями «вольной» колонизации, так и государственной политикой выстраивания оборонительных укреплений, привело к бурному росту количества татарских, татаро-мишарских, татаро-башкирских селений на территории будущей Самарской губернии: к концу XVIII в. только на землях Бугурусланского уезда существовало 30 татарских и татаро-башкирских селений, в Бугульминском их насчитывалось 97[1]. Согласно данным четвертой ревизии (1782) в Симбирской губернии, в состав которой входили территории будущей Самарской губернии, насчитывалось 45 472 жителя-татарина (*Таблица 11 на стр. 408. Численность татар в Симбирской губернии. 1782*).

Особый интерес представляет сюжет формирования мусульманской общины в Самаре. Проникновение и оседание тюрок-мусульман в городе происходило различными путями. Первый по времени проникновения источник – служилый элемент (военные, чиновники), второй – торговый, который со временем и составил ядро городской общины.

Будущие земли Самарского края вплоть до середины XVII в. входили в зону влияния кочевых племен. На территориях севернее рек Самара и Кинель доминировали кочевые башкиры, южнее располагались владения ногайских мурз[2]. Именно на борьбу с ногайцами уже с начала создания самарской крепости и гарнизона в 1586 г. были мобилизованы служилые люди из разных мест Российского государства[3]. Среди них были те, кто впоследствии составил «тюркское» ядро города – это татары из г. Касимова и «мещерских украин»[4]. Сначала это были служилые касимовские татары[1], мещеряки[2], затем в XVIII в. – касимовские торговцы.

Касимовцы, находившиеся в Самаре, – по сути пограничном, небольшом в тот период городе – выполняли военные поручения русских царей, в том числе связанные с обороной от ногаев[3], часто сопровождали послов, направлявшихся в орды. Г. О. Засекин в 1587 г. в своей «отписке» государю Федору Иоанновичу отмечал: «А толмачей (*переводчиков – Ю.Г.*), государь, и переводчик татарской и вожов[4] у меня у холопа государева нету»[5]. Поэтому для сопровождения в Москву ногайских мурз из Самары были призваны мещеряки – проводники из служилых татар – Крым Беляков, Барак Боданин (всего девять человек)[6].

В наказе царя Федора Иоанновича князю Засекину 1587 г. значилось: служилый татарин Байсуб Девлет Козин с товарищами сопровождал русских послов в «нагаи» к ногайским князьям в Астрахань. При этом указывалось, что в зимнюю пору послы могут пройти по суше только в сопровождении служилых татар и стрельцов: «А Федору Гурьеву с товарыщи и служилым татаром велел в те поры побыти в Самаре»[7]. В документе «отписка русских послов к ногаям Федора Гурьева с товарищами о заговоре яицких казаков и части самарского гарнизона» (1587) указывалось, что «…всех улусов многие татарове (*ногайцы – Ю.Г.*) из зимовья[8] нейдут (*не идут – Ю.Г.*) в город

[1] Ведерникова Т. И. Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии) в XVIII-XIX вв. // Проблемы истории СССР. Вып.XII. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 87-95.

[2] Ногайцы (ногайские татары, крымские степные татары) – тюркоязычный народ, кочевавший в степях между Волгой и Яиком (Уралом) до середины XVI в, а также на северо-западе нынешнего Казахстана, на Северном Кавказе, в Крыму. До середины XVI в. владения Ногайской Орды доходили на северо-востоке – до Западно-Сибирской низменности, на северо-западе – до Казанского ханства, на юго-западе – до Приаралья и севера Прикаспия. В XVI – XVII вв. все, что лежало к югу от «синбирской черты» (а с 1648 г. и от самого Симбирска), называлось ногайской, крымской» стороной или просто «степью» (Никонов В. А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии: Историческая география. Сборник Пятидесятый. М.: Гос. Изд-во географ. лит-ры. С. 174).

[3] Дубман Э. Л. Служилые люди Южного Средневолжья в конце XVI-XVII вв.// Вестник СамГУ. 2013. № 8/2 (109). С. 13-25.

[4] Касимовские татары – группа внутри татарского этноса, чье наименование происходит от названия столицы Касимовского ханства – г. Касимова (другое название – Мещерский городок, Мещера, Мещерский юрт). Касимовское ханство существовало внутри Руси//России на территории современной Рязанской области в 1445-1681 гг. (Ислам в Центрально-Европейской части России: энциклопедический словарь. М. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 128-131). В настоящее время Мещерой называется западная часть Рязанской области, в средневековье Мещера – значительная по площади российская территория, южная граница ее доходила до р. Дон, западная – до р. Оки, северная и восточная – до р.Волги.

[1] Служилые касимовские татары – высшее военное сословие тюрко-мусульманского населения Касимовского ханства в XV - середине XVI вв. Участвовали в военных походах Московского государства в качестве автономного военного объединения (Ислам в Центрально-Европейской части России: энциклопедический словарь. М. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 123-124). Элита служилых татар именовалась «мурзы» и зачастую под угрозой потери земельных владений и социального статуса была вынуждена принимать крещение.

[2] «Мещеряками» в источниках того времени именовались не только касимовские татары, но и татары-мишари алатырской, арзамасской, темниковской, кадомской, уфимской округи (Об этом субэтносе татар см.: Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. Казань: Магариф, 2008). Вопрос о переселении татар-мишарей на самарские земли, степени их влияния на этнические процессы в регионе нуждается в дополнительном изучении.

[3] Еще до покорения Казанского и Астраханского царств касимовцы ходили «сторожить» Волгу от ногайцев. Любопытно, что в XVIII в. бытовало предание о том, что Царев курган «на Волге, близ устья р.Сока, получил прозвище от Царева от какого-то Касимовского царевича, который имел там свою усадьбу, от чего Царевщиною же звалось и находившееся при кургане село» (Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1866. Ч.I. С.III). Однако предание нуждается в тщательной проверке.

[4] Служилых людей, сопровождавших царских чиновников, в XVI в. именовали «вожами» (Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1866. Ч.I. С. 287-292 и др.).

[5] Там же.

[6] РГАДА. Ф.127. Оп.1. Д.4. Л.17 (Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 62).

[7] РГАДА. Ф.127. Оп.1. Д.8. ЛЛ.19, 20 (Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 52, 53).

[8] «Зимовьем» именовалось временное поселение в Самарском урочище, напротив Тушинского острова, которое было устроено российскими властями после падения Казани как место пребывания военных отрядов и судов, нуждающихся в зимовке.

(*Самару – Ю.Г.*). А князь Григорей (*Засекин – Ю.Г.*), государь, послал к татаром в зимовье сына боярского…»[1]. Тогда же в Самару приходила корреспонденция из Москвы «с толмачем (*переводчиком – Ю.Г.*) служилым Зингильдеем Исеневым».

Первые упоминания о татарах как постоянных жителях города можно отнести к первой половине XVII в. Тогда проблема переводчика была устранена окончательно: в разрядной книге 1624/1625 гг. в гарнизоне самарской крепости постоянно проживали два толмача[2]. В «Окладной расходной росписи денежного и хлебного жалованья за 1681 г.» содержатся данные о том, что по т.н. «сметному списку 187 г.» (1678/79 гг.) в городе находился «татарский толмач», переводчик, который за свою работу получал годовое жалование деньгами – 4 рубля и по четыре четверти ржи и овса.

В гарнизоне Самары тогда находилось 85 конных стрельцов и 288 человек пеших стрельцов. Причем часть тюрок – служилых людей была родом из упомянутого Касимова. В 1702 (1703?) г. комендантом самарской крепости Тарасом Бекетовым был верстан в Самару, чтобы «служить с отставными солдатами городовую службу», крещеный татарин Иван Григорьев, родом из г. Касимова»[3]. Еще один касимовец, крещеный татарин, Алексей Коробов, также служил в городском гарнизоне[4]. Всего в 1719 г. в городе проживало, кроме русских, мордвы, «татар и чуваш неросписных», – 295 мужчин[5].

Постепенное укрупнение татарских селений привело к формированию относительно устойчивых по численности мусульманских приходов и, как следствие, массовой постройке мечетей. Документально подтверждается, что строительство мечетей, основание мектебе на территории будущих Ставропольского, Самарского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского уездов велось уже с начала XVII в. По архивным данным, самые «старые» мечети имелись в селениях Ертуганово[6] (ок. 1615), Абдуллово[7] (ок. 1700), Балыкла (1745), Бакаево (1769), Камышла (1769), Старое Усманово (1766 или 1769), Старое Ермаково (1769), Новое Ермаково (1779).

По мнению И. Галяутдинова, не подтвержденному документально, наиболее старой мечетью в крае является мечеть в Татарском Байтугане (тогда деревня именовалась Верхнее Ермаково[1], Байтуган), построенная в 1743 г.[2] По нашим данным, она появилась позднее, в 60-е гг. XVIII в. (*Таблица. Даты постройки мечетей*). Однако это не означает, что ермаковцы-байтуганцы, как и их соседи, до этого времени не молились. Скорее всего, они делали это в местах, которые казались им наиболее подходящими: на кладбищах или в местах, где оседали первопоселенцы[3].

Обращает на себя внимание тот факт, что мечети селений камышлинско-байтуганского куста татарских деревень на р. Сок (Камышла, Балыкла, Верхнее и Нижнее[4] Ермаково, Надырово, которые были отмежеваны в 1730-е – 1750-е гг. из земель Надыровской волости[5]) по архивным сведениям были построены примерно в одно время, 60-е гг. XVIII в. и, по всей видимости, были схожи в архитектурном плане. Это дает основания предположить, что их строительство вели одни и те же мастера[6], а также позволяет сделать вывод, что эти селения стали относительно синхронно активно развиваться после припуска и переходов в XVIII в. татар, тептярей на башкиро-татарские земли «сокского» куста деревень Надыровской волости.

С 1738 г. к юго-востоку от Самары на р. Моче обосновался астраханский ногайский татарин Утуп Бекеев с «товарищами» – выходцами из татар, «уфимских мещеряков» и калмык. Так было образовано крупное татарское казачье поселение на территории Самарского края, созданное для защиты юго-восточных рубежей Российского государства. Вероятно, в нем также имелись мечети, которые, согласно устной традиции, после распада сло-

[1] Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч I. Яицкое войско от образования до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). Уральск, 1911. С. 858-859 (Цит. по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 59).
[2] Книги разрядные. Т.I. СПб., 1853. С. 1141-1142 (Цит. по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 79).
[3] Сказки, допросы отставных казаков и солдат г. Самары. 1724 / РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3789. Л. 195.
[4] Там же. Л. 293.
[5] Книга переписная населения г. Самары и уезда, положенного в подушный оклад. 1719/ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5.
[6] Сейчас в Старомайнском районе Ульяновской области. В середине XVII в. деревня Ертуганова на р. Кандала принадлежала татарскому помещику Ертугану Мурзе Тагоеву (В. А. Никонов. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии: Историческая география. Сборник Пятидесятый. М.: Гос. Изд-во географ. лит-ры. С. 185).
[7] В XIX в. – селение Ставропольского уезда Самарской губернии, ныне – в Чердаклинском районе Ульяновской области. О нем см.: Гусева Ю. Н. Родина З. Кадыри – село Абдуллово – в документах самарских архивов// Симбирский научный вестник. 2013. № 3(13). С. 160-163.

[1] Верхнее Ермаково – наименование в XVIII-XIX вв. современной д. Татарский Байтуган.
[2] Галяутдинов И. М. Свет Истины: история мусульманских общин Самарской области в документах, иллюстрациях, воспоминаниях. Самара: ООО «Офорт», 2009. С. 99.
[3] Не случайно, что во многих селениях сохраняется традиция почитания места, откуда начиналась деревня.
[4] Нижнее Ермаково – наименование в XVIII-XIX вв. современной д. Старое Ермаково.
[5] Надыровская волость – административно-территориальная единица, существовавшая в XVIII в. на землях современного Татарстана (Альметьевский, Черемшанский, Лениногорский, Бугульминский, Азнакаевский районы); Клявлинского, Камышлинского районов Самарской области. Получила свое наименование от имени «татарина Надыра Уразметева, который, отыскав еще до 1719 г. пустопорозжую землю между уездами Казанским и Уфимским, по рекам Заю, Шешме и Черемшану», поселился вместе с другими «инородцами». На территории волости, просуществовавшей до второй половины XVIII в., находился весь «сокский куст» самарских татарских деревень. Не случайно, многие из татарских селений на р. Сок имели второе или третье наименование – Надырово, Надыров-аул.
В волости проживали татары, башкиры, чуваши, мордва – припущенники, т.е. арендаторы земель у башкир. Элита проживавших здесь башкир после подчинения Казанского ханства и Башкирии получила право сдавать свои вотчинные угодья в аренду, но не продавать их (это право продажи появилось после 1736 г.). Эта элита именовалась «тарханы». Потомки башкир-тархан проживали в д. Ермаково (поселение дало начало деревням Татарский Байтуган, Старое Ермаково) и Алькино, что косвенно подтверждает следующее: 1) древность этих поселений; 2) присутствие башкир до оседания на этих землях татарского, русского, чувашского, мордовского населения (Амирханов Р., Габдуллин И. Надыровская волость // http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7 (дата обращения – 7 июля 2014; Этносы Самарского края: Историко-этнографические очерки. Самара: «Современник», 2003. С. 267).
[6] Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 100.

боды в середине XIX в. были переданы в села Теплый Стан и Филипповка[1].

То, что и в селах «сокского» куста существовали и муллы, и мечети, подтверждается свидетельствами очевидцев. Академик И. Лепехин, путешествовавший по этим местам в 1768 г., отмечал, что в татарских селениях[2] имелось по одному мулле, которые знают арабский и «магометанский закон» (шариат) и в соответствии с ним судят, исполняют обряды, а в больших деревнях мулл по двое-трое. Они избирались из своей среды и никем не утверждались. Ученый упоминает и иные категории религиозных лиц: ахуны, абызы, муэдзины, говоря, что они живут на пожертвования и не нуждаются в дополнительных работах и заработках[3]. Это, в свою очередь, говорит о наличии разветвленной сети религиозных деятелей разного уровня: от высшего (ахун) к низшему (муэдзин), а также о существовании при мечетях или в частном порядке учебных заведений, в которых преподавали абызы.

Документально подтверждается, что в наиболее старых и крупных селениях, в которых появились первые мечети (например, в упомянутом Абдулово, Старой Тюгальбуге и Старом Фейзуллово[4]), имелись и мектебе (*Таблица. Мектебе и медресе 1915*).

Как проводились религиозные обряды мусульман? Как выглядели их мечети? Какими были их представления о земном мире и загробной жизни, о добродетелях и поступках человека? Ответы на эти и другие вопросы можно почерпнуть в подробном и малоизвестном описании жизни татар Симбирской губернии, составленном в 1785 г. надворным советником Тимофеем Масленицким (*Этот документ – в «приложениях» к первому разделу нашей книги – прим. авт.*).

Поэтапное освоение самарских земель, рост количества татарских селений и постепенное их укрупнение привело к формированию относительно устойчивых по численности приходов. Большая часть переселенцев-тюрок (казанских, темниковских, касимовских, курмышских татар, татар-мишарей, часть чувашей) и автохтонов (татары, башкиры) исповедовала ислам.

Итак, можно констатировать, что к концу XVIII в., к моменту создания официальной структуры, призванной контролировать религиозную жизнь мусульманских подданных – Оренбургского Магометанского духовного собрания, – на самарских землях в течение несколько столетий существовали махалля, мечети, муллы, появились мектебе, продолжали свою наставническую деятельность вне мечетей абызы.

1788 - 1917 – период выстраивания местной системы религиозного образования, объединение сельских и городских мусульманских общин под эгидой Оренбургского Магометанского духовного собрания (ОМДС).

К концу XVIII в. в подавляющем

[1] Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2013. С. 197-198.

[2] Он посетил Бакаево (Бакай), Байтуган, Усманово и Камышлу.

[3] Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773 (Цит. по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 160, 178).

[4] Оба селения в XIX в. находились в Самарском уезде Самарской губернии. Сейчас Старая Тюгальбуга относится к Новомалыклинскому району Ульяновской области, Старое Фейзуллово – в Кошкинском районе Самарской области.

большинстве мусульманских селений края уже имелись мечети, оформился слой духовенства. Его формирование происходило под влиянием близлежащих центров исламской учености, в первую очередь, находившихся в Казанской губернии.

В наиболее древних и крупных тюркских самарских селениях (Старое Ермаково, Татарский Байтуган) в конце XVIII – начале XIX в. документально зафиксирована практика приглашения в махалля «указных»[1] мулл с «казанской стороны». Документы 1799 г. содержат имя староермаковского муллы Ахметуллы Абдрахманова, уроженца д. Нижняя Ширшимова[2]. В 1803 г. при размежевании владений д. Байтуган «вместо поверенного из татар М. Муксимова», который тамгу приложил, расписался арабской вязью мулла Габдул Якеев (Габдель Явкаев?)[3]. Материалы воспоминаний также подтверждают эту практику: в указанных селах в досоветский период имамами были династии мулл из д. Махтама [4].

Одним из первооснователей современного села Мулловка был Алимбек-мулла, в честь которого оно и было названо. По преданию, именно он, будучи наиболее активным и авторитетным членом махалля, в 1803 г. первым приехал, чтобы осмотреть место будущего поселения[5].

Во второй половине XVIII – начале XIX в. в Самаре уже существовало оформившееся тюркское ядро: в числе горожан отмечались торговые касимовские татары[6], которые, по всей вероятности, получили информацию о городе от своих «служилых» земляков. Причем, если знать служилых татар (мурзы) иногда была вынуждена для сохранения своего особого социального статуса в XVI - XVII вв. принимать христианскую веру, то рядовые касимовцы, как правило, были мусульманами[7].

Как значилось в сочинении П. С. Палласа, здесь «зимою собираются…касимовские татары, которые наперед при Урале выменивают у киргизов (*наименование казахов до начала XX в. – Ю.Г.*) и калмыков мерлушки (*выделанные овечьи шкуры – Ю.Г.*) и сюда привозят. Потом разбирают они оныя, и находящимся близ города калмыкам отдают выделывать и шить из них тулупы; а после сего уже отвозят их в Москву и другие города…». Арса-

[1] «Указной» мулла (имам, муэдзин и пр.) – духовное лицо, утвержденное официальным указом ОМДС.

[2] Полевая межевая записка Бугульминского уезда дер.Верхней Ермаковой Байтуган тож, владение из чуваш новокрещен, содержащих ям служилых и ясачных татар. 1803 / РГАДА. Ф.1334. Оп.1. Д.83. ЛЛ.5-5об.

[3] Алфавит дач межевания Бугурусланского уезда Оренбургской губернии, ч.II / РГАДА. Ф.1354. Оп. 1123. Д. 414/1.

[4] Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 100. Отметим также, что существование одного источника воспроизводства духовной традиции в рамках двух деревень косвенно подтверждает общность их исторических истоков, то, что изначально они выросли из одного «корня» – деревни Ермак, Ермаково.

[5] Галимов Ш. Х. Очерки истории села Мулловка. Самара, 2009. С. 6.

[6] Еще в XVII в. в Самаре была устроена таможня на торговом пути с Яика в Москву (Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII в. (Очерки из колонизации края). Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1882. С. 224).

[7] Подробнее о мечетях, категориях мусульманского духовенства в Касимове и его окрестностях см.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Импер.Академии наук, 1863-1887.

лом их размещения и деятельности, вероятно, являлись улицы Татарская (ныне Галактионовская) и Мечетная[1] (Самарская). Это – одни из самых старых и «узловых» улиц города, пересекавшие крупную торговую Троицкую площадь. Именно здесь вели торговлю и проживали касимовские татары.

Поэтому вполне объяснимо, почему в документах конца XVIII – начала XIX в. фигурирует городское татарское кладбище[2]. Наличие мусульманского некрополя свидетельствует, что происходила смена поколений, т.е. в городе на протяжении нескольких десятилетий существовало не большое, но относительно устойчивое ядро тюрко-мусульманской общины.

Данные картографии 1804 г. указывают на наличие дворового места для мечети[3]. Место мечети располагалось на «Городовом валу» на современной Самарской улице (тогда – Мечетной) «саженях в 20-ти от угла Воскресенской». Близлежащая улица Троицкая до середины XIX в. именовалась «Татарской»[4]. Рядом с мечетью располагалась религиозная школа[5].

Очевидно, что в городе в конце XVIII – начале XIX в. имелись жилые, торговые, молельные постройки (быть может, временные) купцов-мусульман. В двух планах 1804 г. отмечена как «проект для устроения» «мечеть для поселившихся купцов из татар». Этот же план приводит данные о наличии «выстроенных по плану купцов из татар домов»[6].

Итак, материалы свидетельствуют, что татары-мусульмане постоянно проживали в городе уже в XVII в., а в конце XVIII – начале XIX в. имели деревянную мечеть, мектебе, отдельное мусульманское кладбище.

Отсутствие большого количества мурз (элиты служилых татар), вынужденных принимать крещение, относительная компактность проживания, причастность исторической памяти предков подтверждается тем, что самарские татары в массе своей не принимали крещение. К 1792 г. в Бугульминском уезде было только около 3 % крещеных, в Бугурусланском – 5,2 %, в Бузулукском – 7 %, в Ставропольском – 1,2 %[7].

В 1866 г. к шести приходам Самарской епархии было приписано 902 человек крещеных татар (при общей численности татарского населения более 52 тысяч человек). А немногочисленные «отпавшие» зачастую не

[1] Эти названия были в ходу до середины XIX в.
[2] ЦГАСО. Ф.388. Оп.2. Д.385. Л.63.
[3] По данным 1795 г. и в подробнейшем описании г. Самары и Самарского уезда, ориентировочно датируемом 1824 г., мусульмане города не имели мечети, а мусульманское кладбище продолжало функционировать (Там же. Л.1).
[4] Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 165.
[5] Подробнее о татарской слободе в Самаре см.: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. Самара: ООО «Книга», 2011. С. 19 и др.
[6] ЦГАСО. Ф.815. Оп.2. Д.1. ЛЛ.11-13об.
[7] Этносы Самарского края: Историко-этнографические очерки. Самара: «Современник», 2003. С. 128.

выполняли православные обряды[1]. (В настоящее время село Назаровка (Урдалы авылы) является единственным местом компактного проживания крещеных татар на территории Самарской области).

Важную роль в удержании мусульманской традиции сыграли, кроме прочего, разноплановые усилия духовенства.

Архивные документы свидетельствуют, что на всем протяжении XIX в. на территории Ставропольского, Бугульминского, Самарского, Бугурусланского, Бузулукского уездов активно велось строительство мечетей[2] (*ТАБЛИЦА. Кол-во мечетей 1788-2013*). Неуклонно росло количество духовных лиц: к 1904 г. их насчитывалось 928 человек[3].

В период с 1788 г., когда приходы края находились в ведении Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (ОМДС, г. Уфа), ужесточился контроль над кадровым составом мусульманского духовенства Теперь имамы проходили обязательную процедуру регистрации, сдавали экзамены и становились «указными».

При этом сохранялся слой духовных лидеров – «неуказных» ахунов и абызов, которые, вероятно, являлись ишанами и нередко не признавали официальную власть Уфы (см. раздел – суфийская традиция Самарского Поволжья, с. 383). Анализ материалов сопредельных территорий показывает, что изначально обучением верующих занимались абызы как наиболее знающие люди. Не случайно в XIX в. термин «абыз» нередко употреблялся как синоним слова «мугаллим» (учитель).

Зачастую именно абызы стояли у истоков создания учебных заведений, так как были связаны с суфийской традицией, которая всяческие поддерживала распространение религиозных знаний (*см. раздел суфийская традиция Самарского Поволжья*). Многие из имевшихся до 1917 г. мектебе (начальное учебное заведение) и медресе (среднее учебное заведение) были основаны в XVIII – начале XIX в.: к примеру, в с. Теплый Стан (1829), Бакаево (1829), Алькино (1829). Со временем и официально утвержденные имамы начали уделять все большее внимание образовательной деятельности.

Во всех уездах Самарской губернии имелись «указные» ахуны – авторитетные «старшие» муллы, которые представляли интересы уфимского муфтия в пределах уезда, своим авторитетом направляли и поддерживали прихожан, разрешали конфликтные ситуации. Наиболее известны имена следующих ахунов: Зейнул Габеддин Абдряхимов Мельзетдинов (первый приход Самары), Шигабетдин Хуснутдинов Минюшев (второй приход Самары); Фасхутдин Муфтахутдинов

[1] Например, в 1858 г. новокрещены – жители деревень Ставропольского уезда Самарской губернии Сикам Аллямов (в крещении – Осип Осипов) из д. Аллагуловка, Рахметулла Рахманкулов (Герасим Романов) из д. Филиповка, а также переселенный в 1841 г. Абдулфарис Абдулатыпов (Степан Александров) просили об оставлении их в магометанской вере (ЦГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.16. Л.3).
[2] О динамике строительства мечетей в губернии и связанных с этим материальных, законодательных, демографических обстоятельствах см. в работе: Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы Самарской губернии в конце XIX – начале XX в. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2006. С. 71-81.
[3] Гибадуллина Э. М. Указ.соч. С. 83.

Муратов (Алькино), Хуснулла Багаутдинович Багаутдинов (Старое Ермаково) (*ТАБЛИЦА. Ахуны*).

В дореволюционный период в Самаре насчитывалось три махалли.

Первый приход был организован усилиями первого известного нам указного военного муллы[1] г. Самары, утвержденного в должности в 1852 г. Габеддин Юмангуловича Мельзетдинова[2]. Вскоре его пост занял сын – Зейнул Габдил Абдряхимова Мельзетдинов (Мяльзетдинов). В марте 1857 г. государственный крестьянин Индерского сельского общества деревни Индерки[3] Среднеалазинской волости Кузнецкого уезда Саратовской губернии З. А. Мельзетдинов обратился в Самарское губернское правление с просьбой утвердить его указным муллой при гарнизонном батальоне[4]. Будучи грамотным и уважаемым человеком, он был избран военным муллой мусульманами – нижними чинами 11 линейного Оренбургского батальона в Самаре[5]. Из ОМДС, от муфтия Сулейманова, было получено одобрение на утверждение его муллой.

24 апреля 1858 г. решением Самарского губернского правления он был утвержден в должности. Ему, как военному мулле, выдавалось денежное содержание[6]. До этого момента для проведения служб для самарских мусульман приходилось брать муллу за 80 верст в деревне Широкий Враг (деревня Мулловка[7] Самарского уезда Самарской губернии)[8].

Именно Зейнуль Габеддин Абдряхимов Мельзетдинов был организатором первого прихода в городе. Эта, первая по времени появления, самарская мечеть, чье существование подтверждается многочисленными источниками – молитвенный дом муллы Мельзетдинова, выстроенный в 1856 г. на ул. Саратовской[1]. Первоначально службы велись в этом доме муллы. А в 1865 г. указной мулла Самарской губернии З.-Г.А.Мельзетдинов получил разрешение на строительство каменного двухэтажного дома и деревянных строений в 1-й части 14 квартала по ул. Саратовской (дворовое место № 24)[2].

Первым приходом руководили два имама:

1) первый имам З.-Г.А Мельзетдинов (Мяльзетдин)[3];

2) второй имам – Фазлетдин Мельзетдинов (утвержден Самарским губернским правлением 16 мая 1875 г.), из той же д. Индерки, сын Зейнуль Габеддина[4].

Мечеть первого прихода просуществовала до начала 1890-х гг., когда община в силу объективных обстоятельств[5] была вынуждена искать новое место для молений.

«Сначала они (*мусульмане Самары – Ю.Г.*) устроили временно молитвенный дом на набережной р. Волги между Заводской и Панской ул[ицами]. Затем перешли на двор дома на углу Заводской и Преображенской ул[иц] и позднее выстроили более основательный молитвенный дом, где он находится и теперь, на Казанской ул[ице], между Заводс[кой] и Панской»[6]. Таким образом началась история второго прихода на ул.Казанской.

Вторая, т.н. Акчуринская или Историческая, мечеть Самары была построена в 1891 г. на пожертвованном симбирским купцом первой гильдии Т. Акчуриным[7] месте (домовое место № 73-75, 42-го квартала по Казанской улице, ныне – ул.А.Толстого)[8]. До 1892 г. муэдзином мечети был Магди Нигматуллин, которого сменил Хасанша Мухамедзянов Габдулбогатов.

В 1898 г. в списке чинов и учреждений значилось «Магометанское общество города Самары», молит-

[1] Об институте военных мулл и их обязанностях: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика)/ Сост., автор вводной ст., комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 262-266.

[2] О нем подробнее см: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 24-26.

[3] Сейчас село в Сосновоборском районе Пензенской области.

[4] Концентрация татар-мусульман в городах (Самаре, Сызрани) возрастала в периоды военных действий. Будучи мусульманами они старались соблюдать обычаи и религиозные требования, невзирая на условия военного времени. По воспоминаниям очевидцев, в годы Крымской войны 1853-1856 гг. самарские татары-рекруты настаивали на закупке и приготовлении провизии в соответствии с требованиями шариата, но формально они подчинялись общему порядку. Вопрос решался на усмотрение командования: Ю. Ф. Самарин, возглавлявший русско-татарскую роту, находившуюся в Сызрани, разрешил «особый котел» и «особого артельщика для закупки провианта», о чем впоследствии нисколько не пожалел (Самарские губернские ведомости. 1855. 10 дек. Часть неофиц. С. 262 (Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 355)).

[5] ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.1487. О его деятельности см.: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 28-29.

[6] ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.1487. Л.10.

[7] Историю Мулловки см.: Галимов Ш. Х. Очерки истории села Мулловки. Самара: ООО «Книга», 2009.

[8] На это место претендовали и другие муллы. Так, В 1859 г. в губернское правление поступило прошение от указного муллы д.Алеевой Кузнецкого уезда Саратовской губернии Хабибуллы Зябилева об определении его на должность муллы в Самару (ЦГАСО. Ф.1. Оп.10. Д.668. Л.1). Ввиду того, что в его деревенском приходе осталось всего около 80 душ, а 157 душ вышло в казацкое звание в Киргизскую степь, он пожелал перейти муллой в Самару, где «место указного муллы есть праздно» (Там же. Л.1об.). На это он получил отказ, так как 24 апреля 1858 г. на эту должность был утвержден З.Г.А. Мельзетдинов.

[1] По данным Э. М. Гибадуллиной, мечеть в 14-м квартале Саратовской улицы существовала в Самаре уже с 1844 г. (РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.683. Л.149. Цит.по: Гибадуллина Э. М. Указ.соч. С. 169), но это не подтверждается региональными архивными материалами и свидетельствами.

[2] ЦГАСО. Ф.1. Оп.12. Д.1391. Л.1. Место нахождения, примерный эскиз внешнего вида мечети приведены в работе Ш. Х. Галимова. Прошлое как вера в будущее. С. 31 и др.

[3] Уважаемый и авторитетный З. Г. Абдряхимов Мельзетдинов в декабре 1875 г. был утвержден ахуном Самарского уезда.

[4] ЦГАСО. Ф.1. Оп.10. Д.354. О клане Мельзетдиновых подробнее см.: Сафин И. Самарско-куйбышевские муллы – знаем ли мы их? // Самарские татары. 2013. № 1(2), январь, март. С. 54.

[5] По данным К. Головкина, это произошло из-за того, что мулла потерял авторитет у прихожан, а его наследники заложили молитвенный дом, который в итоге был продан в 1908 г. по постановлению Самарского окружного суда. (Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 232). О перипетиях судьбы первой мечети см.: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 36-39.

[6] Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 166.

[7] О влиянии Т. Акчурина на ситуацию в самарской общине см.: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 40-44.

[8] ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.4462. ЛЛ.1, 7.

венный дом по адресу ул. Казанская, д. 75, кв.42. В этом же доме проживал тогдашний ахун Самарской губернии, глава этого прихода Шигабутдин Хуснутдинович Минюшев[1]. В выполнении обязанностей имама и ахуна ему помогали: указной мулла – Мухаммед Фатых Муртазин (был утвержден в 1902 г., проживал по адресу: ул.Казанская, д. 85)[2] и указной муэдзин Хасанша Мухамедзянович Габдулбогатов (жил на ул. Заводская, д. 24)[3].

По данным ахуна Ш. Х. Минюшева, в городе на тот момент проживало около 3000 мусульман (из них – около 2000 мужчин), а молитвенный дом мог вместить только около 500 человек, в праздники в нем было совсем тесно[4]. Решением Самарского губернского правления от 26 августа 1903 г. было дозволено расширить существовавший молитвенный дом (Казанская улица, 1-я часть) и превратить его в соборную мечеть[5].

Строительство мечети было инициировано в августе 1903 г., когда в Самарское губернское правление поступило прошение, подписанное уроженцами разных уездов Самарской, Симбирской и Казанской и даже далекой Нижегородской губернии (всего 241 человек)[6]. Доверенным лицом общины являлся самарский мещанин Сунгатулла Хамидуллович Халфеев[7].

К началу XX в. количество мусульман, постоянно проживавших в городе, неуклонно росло и в 1897 г. составляло уже 2803 человека[8], поэтому появилась потребность в строительстве новой мечети.

Третья мечеть (на Оренбургском спуске, район современного цирка) была построена в 1912 г. в мавританском стиле по проекту архитектора Якунина (площадь участка составляла 600 кв. саженей)[9]. Мечеть по ул. Соборной была открыта 7 июля 1913 г.

Имамами прихода были: с 15 февраля 1913 г. по 20 сентября 1919 г. Гадиулла Фетхетдинович Батталов, после смерти которого имамом был избран Назиб (Наджип) Хабибуллин[1], муэдзином был Хамидулла Сабитович Сагидов (Сабитов)[2].

Первый этаж планировалось со временем превратить в медресе, а второй, непосредственно после строительства, использовать для молений[3]. Инициативную группу возглавляли мулла Г. Батталов и азанчей Х. Сагидов (оба были «грамотны по-русски»). Уполномоченным общества был самарский мещанин Махмуд Хусяинов Баишев[4]. М. Х. Баишев, избравшийся в сентябре 1913 г. в гласные Городской Думы, в своих выступлениях подчеркивал необходимость просвещения городских мусульман[5], призывал их занимать активную общественную позицию. Сам же М. Х. Баишев показывал личным примером образец гражданского служения своему народу[6].

В XIX в. на территории будущей Самарской губернии[7] было значительное число мусульман: к середине века насчитывалось 93 мечети и 52680 мусульман обоего пола. На рубеже веков число храмов достигло 110 (их посещало 87777 человек), а к 1915 г. их стало еще больше – 166 (*см. Таблица. Кол-во мечетей 1788-2013*).

Традиционно в архитектурном плане сельские мечети, как правило, были скромными типовыми деревянными сооружениями: они представляли собой срубную клеть, покрытую двух или четырехскатной крышей, которую прорезал восьмигранный (реже – цилиндрический минарет), завершенный высоким пирамидальным или коническим шатром. С южного торца примыкал прямоугольный в плане михраб, которым мечеть должна была ориентироваться на Мекку, однако, по данным специалистов, в Среднем Поволжье (Самарская губерния – не исключение) в дореволюционный период по объективным причинам это требование редко выполнялось. Вход в мечеть в зависимости от ситуации располагался на северном, восточном или западном фасадах.

Рассмотрим, как в городе и губернии в этот период развивалась система религиозного образования. В Самарской губернии, как и в других регио-

[1] Календарь и Памятная книжка на 1899 г. Самара: Тип. Губ. Прав., 1898. С. 12; Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2013. С. 192-193; Сафин И. Самарско-куйбышевские муллы – знаем ли мы их? // Самарские татары. 2013. № 1(2), январь, март. С. 55.

[2] О нем подробнее см: Гусева Ю. Н. Мухаммед-Фатых Муртазин (1875-1937): страницы жизни// Самарский краевед. Самара, 2011. С.137-147; Сафин И. Самарско-куйбышевские муллы – знаем ли мы их?// Самарские татары. 2013. № 1(2), январь, март. С. 55-56.

[3] Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. Самара: Губ.тип., 1904. С. 14.

[4] ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 4288. Л. 7.

[5] Там же. ЛЛ. 3,4.

[6] По примерным подсчетам в губернском центре проживало около 2 000 мужчин и 1000 женщин. Подобное гендерное соотношение косвенно свидетельствует о временности пребывания мужчин в Самаре, т.е. о том, что они приезжали в город на заработки.

[7] ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4462.

[8] По данным К. П. Головкина, количество мусульман в 1862 г. составляло 190 душ (150 мужчин и 40 женщин) и до конца XIX в. эта цифра постепенно росла (в 1886 г. уже насчитывалось 795 человек – 460 мужчин и 335 женщин) (Классика самарского краеведения…Выпуск 3. С. 233). Стоит обратить внимание на то, что по данным 1893 г. в губернии по официальным данным насчитывалось 2.366 «торговых татар»: 1.117 мужчин и 1.249 женщин – членов их семей (Адрес-календарь Самарской губернии на 1893 г. Самара: губ.тип., 1892. С. 103).

[9] Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 166.

[1] Сафин И. Самарско-куйбышевские муллы – знаем ли мы их? // Самарские татары. 2013. № 1(2), январь, март. С. 56.

[2] Памятная книжка Самарской губернии на 1910 г. Самара: Губ.тип., 1910. С. 79.

[3] ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 4909. ЛЛ. 1,7.

[4] Там же. ЛЛ.10-16. О подробностях строительства третьей мечети см: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 64-72; Гибадуллина Э. М. Указ.соч. С. 173-176; Гусева Ю. Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007. С. 52-54.

[5] В XIX – начале XX в. ни одно татарское и башкирское селение губернии не имело среднего учебного заведения, лиц с высшим светским образованием также не было. В 1912 г. в русских средних учебных заведениях г. Самары обучалось только 8 татар (Д. Гатин. Национальное образование татар (историческая справка) //Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 2006.№ 3. С. 33).

[6] О нем подробнее: Махмуд Баишев. Пример служения своему народу // Самарские татары. 2013. № 3(4), июль-сентябрь. С. 26-29; Сафин М. Во благо Самары и ее жителей // Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 193-201.

[7] Губерния была образована в 1851 г. и состояла из 7 уездов. В нее вошли из бывшей Оренбургской губернии – Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды; из Саратовской губернии – Николаевский и Новоузенский уезды; из Симбирской – Ставропольский и части уездов Самарского и Сызранского, лежавшие на левом берегу Волги (из них составлен Самарский уезд); из Казанской губернии – северная часть Ставропольского уезда.

нах Поволжья, религиозные учебные заведения чаще всего возникали вскоре после постройки мечети и зачастую располагались в ней или неподалеку. Как и мечети, учебные заведения по традиции содержались на добровольные пожертвования прихожан. Вакуфная собственность в губернии отсутствовала.

Интересно, что в воспоминаниях современников татары имели репутацию грамотных людей, что выделяло их из общей среды неграмотных граждан[1]. Соотношение обучающихся к общему числу жителей в татарской среде (1:9) было более выигрышным по сравнению с иными национальностями (татары уступали по этому показателю только немцам)[2]. В начале 1850-х гг. в Ставропольском уезде насчитывалось 16 мечетей, при каждой из которых имелось мектебе (в них обучалось чтению Корана и письму около 400 мальчиков)[3]. При этом наблюдатели отмечали, что «…все обучение в этих школах ограничено чтением для девочек и, кроме того, письмом для мальчиков, да и то не для всех»[4].

К 1880 г. в губернии функционировало уже 122 школы (среди них были учебные заведения для мальчиков и девочек) (*ТАБЛИЦА. Мусульманские школы_1880*).

Процесс религиозно-национального подъема, улучшения экономического положения махалля, имевший место во второй половине XIX – начале XX вв., отразился и на религиозных школах.

Во-первых, их количество заметно возросло. К началу Первой мировой войны их число достигло 134 (107 мектебе и 27 медресе, из них два – в Самаре) (*Таблица. Мектебе и медресе 1915*). По официальным данным за 1908 г., затраты на содержание «магометанских» школ губернии составляли ежегодно 4.300 руб. В это время в них обучалось 2.300 мальчиков и 438 девочек[5].

По данным И. Галяутдинова, в дореволюционный период наиболее известные медресе губернии располагались в селениях Ново-Урайкино (медресе Камалетдин-хазрата), Новое Усманово (медресе Нуретдина[6]-хазрата), Ново-Мансуркино (медресе Мирсалих-хазрата Хасанова), Денискино (Ахсан-хазрата и Кыяметдин-хазрата), Татарские Выселки (Сафа-хазрата), Абдикеево (Наджиб-хазрата)[1], с.Мочалеевка (Субеевых)[2].

Вторая тенденция, явно обозначившаяся в начале века, – это качественные изменения в преподавании: в губернии, как и во многих регионах Империи, появились джадидские учебные заведения. Учебная программа традиционной (старометодной, кадимистской) школы включала мусульманское право, догматику, коранические дисциплины, хадисоведение, арабский язык. Обучение было бесплатным или за небольшое вознаграждение мулле, и до конца XIX в. оно было доступно преимущественно мальчикам. Джадидские учебные заведения расширяли круг предметов за счет введения светских дисциплин, более глубокого изучения религиозных основ (математики, национального языка, географии – в мектебе; алгебры, всеобщей истории и истории ислама, географии, языков – в медресе). Допускалось обучение девочек.

Первым джадидским (новометодным) медресе в губернии было самарское городское медресе ахуна Ш. Минюшева. По данным М.-Ф. Муртазина, медресе было основано в 1888 г. Пристав 1-й части г. Самары 20 апреля 1914 г. докладывал: «По собранным сведениям в Самаре на Казанской улице в одном здании имеется магометанское духовное училище, имеющее собственно две школы: 1) называется «мектебе», по-русски, начальное училище, где преподается чтение и писание по-татарски в течение 3-4 лет; 2) называется «медресе» – нечто вроде духовного училища русского, где преподается закон Божий мусульманский, арабский язык, комментарии для Ал-Корана, Коран, изречения пророков, богослужение и вообще правила религии под общим названием «фикги» (*фикх – Ю.Г.*) – курс 8 лет. Преподавателями состоят ахун Шигабетдин Минюшев и указный мулла Мухаммед Фатих Муртазин…»[3].

За 25 лет работы медресе выпустило 737 учащихся (в среднем около 30 человек в год). Более 30 выпускников медресе связали свою жизнь со служением Аллаху, основали мектебе в селениях, где были имамами[4].

В сельских районах на рубеже XIX – XX вв. новометодными стали учебные заведения в Новом Ермаково (медресе Ризаутдина-хазрата и Сираджиддина-хазрата), Мочалеевке (медресе Лукман-хазрата Магдеева), Татарском Абдикеево (медресе Зуфар-хазрата). Наиболее известным в крае было медресе в Старом Ермаково, которым руководил ахун Бугурусланского уезда Хуснулла Багаутдинов, друживший с будущим муфтием ЦДУМ Р. Фахрет-

[1] В воспоминаниях дружинного начальника по ополчению 1855 г. отмечалось, что под командование Ю. Ф. Самарина попало «всего три грамотных татарина, умеющих кое-как писать по-русски; остальной строевой состав дружины оказался неграмотным» (Самарские губернские ведомости. 1855. 10 дек. Часть неофиц. С. 262 /Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 351).

[2] Для сравнения в русскоязычной среде это соотношение выражалось как 1:133 (Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг. Самара, 1864. С. 59-68 (Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 319)).

[3] Журнал Министерства Народного Просвещения. 1852 – окт. (Ч.LXXVI). С. 30-31 (Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 309).

[4] Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг. Самара, 1864. С. 59-68 (Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000.С. 309).

[5] Гусева Ю. Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007. С. 55.

[6] Нуретдин Субуханкулов, умерший в 1921 г., имел много учеников и являлся ишаном, как и многие основатели религиозных школ (см. раздел – Суфийская традиция Самарского Поволжья).

[1] Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 45.

[2] Его отец, мулла той же деревни Габдулхаир Субеев, был богословом, автором книг религиозного содержания. Габбяс обучался в Казани в медресе Мухаммада Карим хазрата, стал основателем медресе в Мочалеевке (между 1865 и 1875 гг.), был ахуном Бугурусланского уезда, дважды совершил хадж (Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 117). Также о положении мусульманских школ в губернии к началу XX в.: Гибадуллина Э. М. Указ.соч. С. 102-111.

[3] ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.5608. Л.158.

[4] Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 232.

дином[1]. За годы работы медресе выпустило более 200 мугаллимов (мальчиков и девочек) и имамов.

Однако если говорить о соотношении, то в губернии новометодные школы заметно уступали старометодным[2]. По данным 1913 г., в Самарском, Бузулукском уездах учебных заведений нового образца не было вообще, в Николаевском уезде было одно подобное учреждение[3]. Лучше обстояло дело в Бугульминском и Бугурусланском уездах, где насчитывалось три «новых» медресе (из общего числа 21) и 11 мектебе (из 218)[4].

По мнению специалистов, дореволюционных учеников (шакирдов) традиционного (кадимистского) медресе отличало неплохое знание мусульманского права и догматики, но слабое владение светскими дисциплинами, арабским языком, незнание классической исламской литературы[5]. Лишь на рубеже XIX – XX вв. появляются духовные лидеры, которые пытались создать новометодные медресе с изучением различных языков, светских дисциплин и пр. Однако для Самарской губернии были характерны низкие темпы развития новометодного образования ввиду традиционной хозяйственно-культурной замкнутости махалля, а также отсутствия экономических и организационных возможностей для реорганизации школ.

На рубеже XIX – XX вв. самарские мусульмане переживали те же процессы, что и все мусульманское сообщество Российской Империи: распространение джадидских идей и появление «мусульманских обществ», выход наиболее активных мулл «в политику» и ведение ими широкой общественной деятельности, заметный рост числа мечетей и религиозных учебных заведений.

Эти явления во многом были связаны и с экономической составляющей существования губернских и городских мусульман. К началу XX в. постепенно формируется не очень значительный, но заметный слой торговой городской и сельской татарской буржуазии, которая начинает осознавать свои национально-религиозные интересы и реализовывать их в доступной им форме[6].

Все больше прихожан могли совершить хадж. В архивах сохранились прошения самарских мулл, мещан, зажиточных людей, выезжавших в Мекку и Медину в XIX – начале XX вв[7].

Как и во многих других регионах России, после манифеста 1905 г. активные самарские мусульмане начали заниматься общественной работой. С 1907 г. в Самаре под председательством муллы Муртазина начало свою

[1] Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 45.
[2] Гибадуллина Э. М. Указ.соч. С. 111.
[3] ЦГАСО. Ф. 468. Оп.1. Д. 1792. ЛЛ. 19, 27.
[4] Там же. Л. 9.
[5] Мухаметзянова Д. С. Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. Казань: Институт истории АН РТ, 2008 и др.
[6] См. Гусева Ю. Н. «Пробуждение ислама» в конце XIX- начале XX вв. в средневолжских губерниях: к постановке проблемы// Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П. А. Столыпина. Самара, 2011. С. 243-246; Гибадуллина Э. М. Указ.соч. С. 134.
[7] ЦГАСО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 817; Ф. 3. Оп. 28. Д. 5; Ф. 3 Оп. 39. Д. 10а и др.

деятельность мусульманское общество[1], стали появляться книжные магазины, издавался журнал «Икътисад»[2]. В период 1907-1913 гг. в городе действовали мусульманская библиотека, обучающие курсы для взрослых; позже открылись две русско-татарских школы, в которых занимались 90 мальчиков и 70 девочек[3].

Усилия немногочисленных благотворительных обществ[4], новометодных мектебе и медресе, активизация издательской деятельности («Икътисад»), к сожалению, по разным причинам не могли способствовать заметному усилению общественных позиций мусульманской общины города. Это не означало, что в национально-религиозной среде отсутствовали яркие фигуры (М. Баишев, М.-Ф. Муртазин), но общий уровень политической культуры был невысок, не существовало заметного слоя национальной интеллигенции, осознававшей свою просветительскую миссию.

Этому не способствовала и позиция власти, общественности, которых настораживала приверженность тюрок-мусульман своим национальным и религиозным традициям, именовавшаяся в документах «фанатизмом»[5].

Еще одно заметное явление, имевшее место в мусульманской среде губернии в этот период, – это массовые миграции татаро-башкирского населения в Турцию. Неслучайно современные самарские мусульмане тяготеют к контактам с Турецкой Республикой.

В 1898-1900 гг. 395 мусульманских (татаро-башкирских) семейств из Самарской и Уфимской губерний планировали переселиться в Турцию[6]. По спискам Бугульминского уездно-

[1] Целью общества являлось просвещение и образование лиц «магометанского вероисповедания», ознакомление с политическими и экономическими правами, признаваемыми за ними существующими законами и оказание материальной помощи нуждающимся. Общество существовало до 17 марта 1913 г. и затем было закрыто по предписанию министра внутренних дел (ЦГАСО. Ф.171. Оп.1. Д.741).
[2] Подробнее см.: Подробнее см.: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 64-67; Гибадуллина Э. М. Указ.соч. С. 178; Гусева Ю. Н. Мухаммед-Фатых Муртазин (1875-1937): страницы жизни// Самарский краевед. Самара, 2011. С.137-147; Сафин И. Самарско-куйбышевские муллы – знаем ли мы их? // Самарские татары. 2013. № 1(2), январь, март. С. 55.
[3] Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 233.
[4] Всего до начала войны их было два. О них см.: Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2013. С. 9-10; Гибадуллина Э. М. Указ.соч. С. 178-180.
[5] Весьма провокационно выглядело замечание самарского епископа Гурия в ответ на запрос властей о разрешении строительства мечети на Казанской улице в Самаре: «…Горше всего будет то, что они (татары-Ю.Г.) будут следить за нашими действиями по обращению в христианство татар и, объясняя их по своему в духе фанатизма будут делать возмущения и т.п. С другой стороны, как татары посмотрят на разрешение постройки мечети в Самаре, если в ней нет существенной необходимости по малому числу мусульман? Пожалуй, им встрелит в голову видеть в этом разрешении не веротерпимость, а сознание высшего гражданского и церковного правительств правоту их ислама, и поддержку в его утверждении и распространении среди язычников – чуваш, мордвы и пр[очих] инородцев губернии. Е.Г. 1894 г. июня дня» (Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII-XX вв. (краеведческая картотека). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 234).
[6] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1498. Л. 268.

го исправника в 1898 г. готовились к отъезду 373 человека[1]. Их привлекала возможность получить в Турции землю, скот и инвентарь, которые, по словам ранее выехавших туда самарцев, получал любой эмигрант в дар от султана. Второй серьезный мотив – это возможность беспрепятственно исповедовать ислам.

Как показывает анализ документов, массовый выезд самарчан во многом был спровоцирован неграмотными и некорректными действиями властных органов различного уровня[2].

В условиях активизации панисламистских настроений в начале XX в. это было неприятным симптомом для властей, доказывающим, что мусульмане готовы на многое для сохранения веры, демонстрирующим важность религиозной самоидентификации.

В годы русско-турецких войн и Первой мировой войны в близкой самарцам Казанской губернии распространялись слухи, что «некоторые новобранцы из татар, служащие в полках, расположенных не в Казанской губернии, прислали письма к свои родителям, прося их, так сказать, благословения на побег из своих полков в турецкое войско»[3]. Турецкие эмиссары появлялись в Симбирской губернии, Бугурусланском уезде Самарской губернии[4]. Муллы, попадая под влияние части богатых татар, настроенных лояльно к Османской Турции, потенциально могли вести протурецкую агитацию, но документы свидетельствуют, что в губернии массовой поддержки воюющей с Россией державы не было.

Итак, как и в различных мусульманских частях Российской Империи, в начале XX в. самарские мусульмане переживали заметный религиозный подъем, базировавшийся на экономических и идеологических причинах. С одной стороны, постепенно увеличилось количество авторитетных, образованных, духовных лидеров. Заметно возрос уровень образованности имамов в целом: городские мечети постепенно становились центрами решения духовных, образовательных, организационно-административных вопросов. Однако этот позитивный процесс был прерван событиями Первой мировой войны и революции 1917 г.

Оставшиеся на Родине и не изменившие ей самарские мусульмане вместе со всеми народами Российской империи пережили драматичные события 1917 г. Им помогла в этом вера.

1917-1985 – эпоха противостояния государства и ислама. Попытка мусульман сохранить религиозную традицию.

В смутное время революций и Гражданской войны, несмотря на агрессивную антирелигиозную политику советского государства, имамы и верующие всячески пытались сохранить мечети как центры религиозного, национального единения общин, поддержать мусульманскую традицию.

Самарские мусульмане продолжали общаться с видными татарскими национально-религиозными деятелями, что также поддерживало их прорелигиозный настрой. В марте 1919 г. Самару посетил М. Султан-Галиев с целью «организации и восстановления Мусульманских военных частей»[1]. После съезда ЦДУМ 1923 г., проезжая из Уфы в Петроград, в Самаре несколько дней находился известный российский мусульманский деятель М. Бигиев[2]. «В Самаре он ночевал одну ночь у какого-то муллы[3], а также у содержащих кофейню бывших турецких офицеров»[4].

21 марта 1919 г. религиозное общество мусульман г. Самары было зарегистрировано по адресу ул. Казанская, д. 67, 69. Оно насчитывало 150 человек. Во главе его, как и до 1917 г., находились М. Муртазин, Ш. Минюшев[5]. Муэдзином являлся уроженец д. Ертуганово Хасанша Мухаметзянов. Община получила в пользование принадлежавшее ранее ей имущество[6].

В 20-е гг. XX в. религиозная жизнь самарских татар была организована в рамках нелегальных и официально зарегистрированных общин. Мечети губернии прошли процедуру перерегистрации. К 1928 г. договоры были заключены с 105 махалля. Действующими являлись 47 мечетей губернии[7].

Как и в других регионах страны, в период НЭП в губернии наметилась значительная активизация верующих[8]. Татарское население не было исключением. В селах значительно возросло число желающих получить религиозное образование[9] (тем более, что сеть светских школ была слабо развита), члены приходских советов, будучи авторитетными людьми, входили в состав сельских советов.

В 1923-1924 гг. в Москву направлялись ходатайства мусульман Самарской губернии с просьбами об открытии школ и освобождении духовенства от налогов: Камышла (подписались 305 человек), Старое Ермаково (478 подписей), Мочалейка (300), Татарский Байтуган, Алькино, Новое Ермаково, Давлеткулово, Новое Мансуркино, Старое Усманово, Новое Усманово. Всего ходатайства во ВЦИК были направлены из 17 деревень Самарской губернии[10].

[1] Там же. ЛЛ.466-474. (В деле имеются поименные списки мигрантов).
[2] Подробнее об этом сюжете: Гусева Ю. Н. Миграции средневолжских мусульман на рубеже XIX-XX вв.: причины, обстоятельства, последствия (из истории общин Самарской и Нижегородской губерний)// Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII-XXI вв.). С. 239-251; Тюркоглу И. Переселение из Волго-Уральского региона в Османскую империю и его причины (1876-1914 гг.) // Там же. С. 467-478.
[3] ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1875 г. Д. 84. ЛЛ. 255-256 об. (Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 377).
[4] ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1877 г. Д. 25. Л. 232-232об. (Цит.по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: Сб. док-тов и материалов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 442, 443).
[1] ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 17. Д.5. Л. 64.
[2] ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.656. Л.14.
[3] Речь идет о М. – Ф. Муртазине, который поддерживал с ним отношения вплоть до отъезда М. Бигиева из страны в 1930 г.
[4] Там же. Л.15.
[5] ЦГАСО. Ф.Р828. Оп.2. Д.16. Л.1.
[6] Там же. Л.4; Гусева Ю. Н. Ислам в Самарской области. С. 65.
[7] ЦГАСО. Ф.Р828. Оп.3. Д.11. Л.28.
[8] Подробнее об общероссийской ситуации см.: Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке. Самара: ООО «Офорт», 2013. С. 107-117.
[9] Призывы открыть школы при мечетях звучали все настойчивее (например, на волостных съездах Байтуганской волости Бугурусланского уезда). Верующие обращались с жалобами во ВЦИК («Коммуна». 1926, 18 ноября).
[10] ГА РФ. Ф.А353. Оп.7. Д.9. ЛЛ.102-177.

13 апреля 1923 г. во ВЦИК пришло групповое ходатайство от 1536 человек из деревень Старое Мукменево, Шаммасовка, Новое Мукменево Бугурусланского уезда Самарской губернии с просьбой разрешить преподавание религии без различия возраста. В прошении отмечалось, что 31 октября 1922 г. в этих селениях были закрыты школы, в которых 608 человек обучалось арифметике, чтению на арабском языке. При этом дети обучались одновременно «в правительственных школах» и никаких противоречий между школами не было[1]. Верующих не останавливали запреты: в Камышле в 1924 г. было «самовольно» открыто медресе[2]. Только в период 1925-1926 гг. на местах было открыто 57 религиозных школ[3], но административными усилиями к концу 1920-х гг. многие из них были закрыты (*Таблица. Мусульманские религиозные учебные заведения 1928 г.*).

Обследование состояния татарских селений Самарской губернии 1927 - 1928 гг. зафиксировало, что усилились позиции духовенства, и «в сравнении с иными национальностями в татарской среде очень крепко держится религиозный дух»[4].

Вот как описывали состояние дел в мусульманской среде региона работники Восточного отдела ОГПУ: «В Самарской губернии 59 религиозных школ, учащихся 1.545 человек, учителей – 63, из них 60 человек – муллы и трое – частные лица. Из указанного количества школ в настоящее время функционирует только одна школа в Самаре с количеством учащихся – 26 человек и учащих – 2 человек. Остальные школы бездействуют в виду тактичного оттягивания выдачи им разрешений»[5].

В отношениях с властями мусульмане показали себя с лучшей стороны – были корректны и лояльны (чего не скажешь о власти), и, вместе с тем, проявляли настойчивость в достижении своих целей.

В январе 1926 г. М. Муртазин и его единомышленники (в их числе стоит отметить новую фигуру – секретаря общества, муллу Салахетдина Джалали; в 20-х гг. упоминаний об Х. Аптекове нет никаких[6]) добились открытия при мечети медресе. С 1 февраля 1927 г. было разрешено преподавание в городской мечети мусульманского вероисповедания, годом ранее было дано добро на постройку минарета. При мечети действовало две школы: для мальчиков (мударрисом был сам М. Ф. Муртазин) и для девочек (им преподавала жена ахуна Минюшева – Хабибзямаль)[7].

В этот период в губернии функционировало несколько мухтасибатов. Мулла М. Муртазин в документах 1926 г. значился как «мухтасиб первого района Самарской губернии»»[8].

[1] Там же. Л.103.
[2] ГА РФ. Ф.А353. Оп.7. Д.9. ЛЛ.178об.
[3] «Коммуна». 1926.18 ноября.
[4] ГА РФ. Ф.1235. Оп.122. Д.69. Л.32.
[5] ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.6. Д.459. ЛЛ.5, 36.
[6] В 1929 г. ахун Минюшев по документам проходил как мулла мечети на ул.Казанской, 61, но уже не служил «по старости и по болезни» (ЦГАСО. Ф.Р828. Оп.2. Д.16. Л.88).
[7] ЦГАСО. Ф.Р828. Оп.2. Д.16. Л.32.
[8] Там же. Л.32.

30 ноября 1923 г. был утвержден устав мухтасибата третьего района Самарской губернии Бугурусланского уезда. Мухтасиб и его два советника (мушавира) избирались на три года на съезде духовных лиц и подчинялись непосредственно ЦДУМ[1].

Однако в советском обществе 1930-х гг. не было места мечетям, церквям и религии в целом. С 1930 г. начались массовые закрытия мечетей, репрессии мулл (*Таблица. Закрытие мечетей*). В итоге по состоянию на 1 января 1931 г. в числе действующих мечетей города отмечалась лишь мечеть по ул.Казанской. В ней – три имама. Договор регистрации был оформлен 27 июня 1930 г.[2]

Участь мечети по ул. Казанской, д. 61 (тогда – ул.Обороны, д. 2) была решена уже в 1932 г. Как значилось в документе, «учитывая настойчивые требования населения г. Самары (татар и башкир), незначительность религиозной общины (38 человек) и крайне острую необходимость в помещениях…закрыть под культурно-просветительные нужды нацмен…»[3]. До этого было подготовлено общественное мнение (как говорилось в документах «культштурм»), проведены многочисленные собрания среди трудящихся татар города (например, собрания в клубе нацмен им. Сталина, в редакции татарской газеты «Колхозчы» и пр.). В них говорилось, что «трудовая масса за пять лет в мечеть не ходит», а это место – место «сбора торгашей и антисоветчиков»[4].

Как и многие другие махалля страны, местные мусульманские общины были духовно обескровлены репрессиями 30-х гг. Лучшие из лучших были расстреляны или погибли в лагерях[5].

Первые административные и уголовные преследования ярких лидеров самарской махалля начались уже в первые постреволюционные годы. В 1921 г. по делу о принадлежности к «контрреволюционной повстанческой националистической организации в Средней Азии и Поволжье «Иттифак Ислам» («Общество спасения ислама») были арестованы мулла М.-Ф. Муртазин и другие.

В 1930-е гг. в отношении мулл и зажиточного крестьянства губернии была развернута мощная репрессивная кампания. По данным «Белой Книги» и архивных источников Управления ФСБ, в Куйбышевской области в этот период было репрессировано 68 служителей мусульманского культа: мулл и азанчеев. Основные статьи, по которым они обвинялись,– № 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) и № 58-11 (контрреволюционная деятельность). Явно выделяется две волны репрессий – 1930/1931 гг. и 1937 г.

Особое место в антиисламской кампании занимала т.н. контрреволюционные объединения, являвшиеся частью общероссийских антисоветских организаций: «мечетная группировка

[1] ЦГАСО. Ф.Р828. Оп.3. Д.12. ЛЛ.40, 42.
[2] Там же. Л.28.
[3] ЦГАСО. Ф.Р779. Оп.2. Д.2426б. Л.1.
[4] Там же, л.8.
[5] Подробнее см.: Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). М. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2013; Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 120-134.

г. Самары» (1932 г.) и «националистическая контрреволюционная организация Куйбышевской области – ячейка заграничной организации «Идель-Урал». По мнению чекистов, эти организации являлись разветвленными, возникали и формировались под идейным руководством лидеров Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) (в частности, К. К. Тарджиманова), а также видных эмигрантов – лидеров тюркистов, представителей татарской национальной элиты – М. Бигиева, Г. Исхакова и других. По данным ОГПУ, лично знакомые с ними муллы и мухтасибы проводили вербовочную работу и руководили действиями членов организации непосредственно на местах.

В десятистраничном протоколе допроса муллы М. Муртазина содержатся «признательные» показания о его работе с К. Тарджимановым на японскую, германскую и турецкую разведку, на организацию акций и подготовку антисоветских восстаний. Главной задачей организации, якобы созданной в 1935 г. при поддержке бывших членов Центрального Духовного управления мусульман, являлось создание независимого государства «Идель-Урал». В состав данной группы входило 42 человека, большинство из которых – имамы. Многие из них были репрессированы повторно. Постановлением «тройки» от 20 декабря 1937 г. 41 участник «группы Муртазина» был приговорен к высшей мере наказания и лишь один получил 10 лет тюрьмы[1].

Лишь малая толика тех, кто попал в жернова репрессий, смогла вернуться на родину после войны. Вернулись в села и продолжили свое духовное служение осужденные по «антисоветским» статьям: Зарипов Гильмутдин (1893 г.р., Бакаево), Нугман Бекеев (1894 г.р., Новое Усманово), Ильясов Сатдар (1876 г.р., Новое Усманово), Мухамед Сагдеев (1870 г.р., Татарский Байтуган), Гусамов Гусам (1883 г.р., Старое Ермаково), Гильманов Гирей (1878 г.р., Теплый Стан)[2].

Тяготы военного времени оживили религиозные настроения и заставили государство несколько смягчить свое отношение к религии и исламу в частности. В это время татары Куйбышевской области, подобно многим «советским мусульманам», заметно активизировались: стали регулярно собираться в мечетях, на кладбищах.

Оживление религиозной жизни, вызванное ослаблением внешнего контроля и объективными психологическими причинами, выразилось в том, что во многих мечетях области стали проводиться богослужения[3]. Настойчивость мусульман, смягчение законодательства вынуждала власти идти на уступки и регистрировать сельские махалля.

Пик регистраций пришелся на 1945-1946 гг., когда в сельских районах области была официально разрешена деятельность 17 из 20 мечетей, действовавших нелегально (с точки зрения властей) в военные и послевоенные годы[1] (*Таблица. Мечети и муллы_ 1945*).

Муллами религиозных организаций (так именовались официально действовавшие махалля и мечети), как правило, становились люди преклонного возраста с большим жизненным опытом, прошедшие горнило войны и репрессий. Анализируя возрастные и образовательные показатели духовенства (всего официально были зарегистрированы 18 имамов. (*Таблица. Мечети и муллы. 1951*) отметим, что все они были старше 50 лет (три человека – 1882 г.р., двое – 1887 г.р., двое – 1891 г.р., двое – 1870 г.р., по одному – 1861, 1868, 1869, 1875, 1876, 1877, 1883 г.р.).

Таким образом, самому возрастному мулле было 85 лет, самому молодому – 50. Из них занимались исключительно служением – пятеро, шестеро совмещали службу с работой в колхозе, четверо были крестьянами-единоличниками, двое – служащими. Из 18 имамов 11 имели начальное религиозное образование, шестеро окончили духовную школу, медресе[2].

В послевоенный период костяк верующих области составляли колхозники, рабочие и крестьяне-единоличники. Их всех, так же как и мулл, отличал преклонный возраст, но была и «прослойка» молодежи, которая ходила в мечеть редко, в основном по праздникам, чтобы, как говорилось в советских документах, «не обидеть стариков-родителей». «Поэтому неслучайно старики в мечети с. Камышла выдвинули передо мной (Уполномоченным – Ю.Г.) вопрос о необходимости обучения детей в школах чтению Корана, «иначе, – говорят они, – мы, старики, умрем, и Коран читать будет некому, так как молодежь Коран не изучает»»[3].

По подсчетам наблюдателей процент верующих в области был довольно высоким: колебался от 18 % (Алькино) до 36,1 % (Благодаровка). Поэтому неудивительно, что муллы имели общественный авторитет. Например, летом 1945 г. в Камышлинском районе «Во время празднования мусульманского праздника «Ураза-байрам», совпадающего с периодом уборки хлеба в колхозах, несмотря на ряд проведенных райкомом ВКП(б) собраний коммунистов, комсомольцев и сельского советского актива, с тем, чтобы в первый день праздника все вышли на работу по уборке хлеба, все же в этот день на полях татарских колхозов не было ни одного человека. Видя такое положение один из уполномоченных обкома ВКП(б), будучи в этот день в селе Ново-Усманово, решил обратиться к мулле с предложением, чтобы тот призвал стариков после молитвы выйти в поле на работу. И когда мулла обратился с этим призывом к мусульманам, находившимся в это время в мечети, то после молитвы все село вышло на работу»[4].

Приверженность религиозным воззрениям отличала не только селян. Верующие г. Куйбышева проявили изрядную настойчивость в попытках получить разрешение на открытие мечети. Осознавая тенденцию «смягчения»

[1] Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Указ.соч. С. 131-133; Галимов Ш. Х. Очерки истории села Муловка. С. 118-119; Его же. История села Ново-Урайкино. Самара: ЗАО «Типография «Сокол-Т»», 2006. С. 99-100.
[2] СОГАСПИ. Ф.656. Оп.123. Д.40.Л.76.
[3] Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке. С. 296-301.

[1] Организационно куйбышевские приходы входили в структуру Пензенского мухтасибата, подчинявшегося ЦДУМ (с 1948 – ДУМЕС).
[2] Там же. Л.3об.
[3] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.3. Л.2 об.
[4] Там же.

антирелигиозной работы, религиозной «оттепели» военного времени, уже в апреле 1945 г. куйбышевцы-мусульмане подали в горисполком ходатайство с просьбой о возвращении им здания мечети на Казанской (тогда – ул. Обороны), переоборудованного под детский сад № 55[1]. Второе здание бывшей мечети по Чкаловскому спуску № 13 было занято начальной школой № 11[2]. Неудачные попытки были предприняты в октябре 1956 г., в декабре 1957 г. Община пыталась самовольно построить мечеть на земельном участке по Глухому переулку, № 4. Решением народного суда Ленинского района здание было снесено как незаконное.

«Группа верующих пыталась еще раз самовольно построить здание мечети на земельном участке татарских кладбищ, согласно решению исполкома Пролетарского райсовета депутатов трудящихся, незаконно построенное здание снесено». В конце 1950-х гг. они старались получить в пользование здание, принадлежавшее ликеро-водочному заводу по адресу: ул. Арцыбушевская, д. 23[3].

Наиболее активными ходатаями были Якупов Юсуп (1893 г.р.), мулла Исмаил Хамзин[4], мулла Габбас Галиев, Хасан Галимуллин, Хасан Алмакаев, и член ДУМЕС, мухтасиб Пензенского мухтасибата, Ярулла Юсупов, мулла Хайрулла Гильманов[5] и исполнявший обязанности муллы на татарских кладбищах Кировского и Советского районов Галлям Сайфутдинов[6].

В годы войны и вплоть до времени получения разрешения на регистрацию общины в 1967 г. моления проводились в частных домах по адресу: Глухой переулок, д. 4[7]; ул.Плеханова, д. 32, ул.Полевая д. 26[8], ул.Молодогвардейская, д. 257, ул. Фурманова, д. 33. Городские мусульмане, как и сельские, собирались по домам группами по 20-35 человек на юмга-намаз под видом гостевания.

В середине 1950-х гг. в обществе мусульман г. Куйбышева согласно поименному списку числилось 127 человек. (Всего в городе тогда проживало 6250 татар).

Особенно много верующих (больше 2000 человек) ежегодно собиралось на праздники на татарских кладбищах. При этом куйбышевцы неоднократно испытывали терпение властей тем, что в праздники совершали шествие с громким пением такбира[9]. Вот как описывали это явление наблюдатели: «Верующие 10 групп в количестве от 10 до 50 человек организованно становились рядами у склада № 411 и двигались с запада на восток, через каждые 20 шагов останавливались и пели громко стихи из Корана, шли рядами до ворот татарских кладбищ, в т.ч. три группы верующих строились рядами от еврейских кладбищ с юга шли на север до татарских кладбищ также через 20 шагов останавливались и пели громко стихи из Корана»[1].

Мусульмане г. Куйбышева смогли добиться разрешения на проведение официальной религиозной деятельности только в 1967 г., когда городская община получила в пользование молельный дом в Малом тупике[2]. Во главе городского прихода в эти годы находились следующие достойные и уважаемые общиной муллы:

Ибрагим Ганеев[3] (до 28.06.1968)

Кашафутдин Шарафутдинов (с 28.06.1968 до 1976)[4]

Саид-Акрам Мустаев (с 1976 до октября 1983)[5]

Вагиз Яруллин (с 1 октября 1983), второй имам – Минавхат Мингачев.

С момента регистрации махалля хозяйственную и административную работу вели Хайрулла Гильманов (1967-1969), Газизулла Зиганшин (1969-1972), Шагит Абдуллов (1972-1980), Габдулбари Мухаммедгалиев (1980-1983), Вагиз Кадыров (1983-1990) и др.

В сравнении с другими областями страны по количеству официально зарегистрированных религиозных организаций Куйбышевская область значительно превышала все поволжские регионы (даже Татарскую АССР), а также Азербайджанскую АССР.

Уполномоченный по делам религиозных культов по Куйбышевской области указывал, что в первые послевоенные годы была допущена административная «ошибка», приведшая к регистрации такого значительного числа махалля. Власти считали причиной такой активности мусульман не объективный интерес верующих, а неразборчивость и попустительство местной администрации. Поэтому все последующие действия властей были направлены на исправление данного «упущения».

В 1959 г. административными методами был закрыт один из трех приходов в с. Алькино, но этого показалось недостаточно, и в 1960-е гг. власти настойчиво пытались закрыть одну из двух оставшихся в селе мечетей. На этой почве даже разгорелся конфликт между властями, муфтиятом (ДУМЕС) и жителями села: «Совет по делам религиозных культов удовлетворил просьбу облисполкома о закрытии одной мечети и передачи ее под школу, однако, при осуществлении этого решения оказалось, что Похвистневский райком КПСС и райисполком к вопросу о закрытии мечети подошли формально, без надлежащей подготовки и необходимой разъяснительной работы среди жителей села. Две попытки закрыть мечеть не увенчались успехами, так как было оказано противодействие со стороны верующих и хулиганствующего элемента. До настоящего времени окончательно

[1] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.2. ЛЛ.10, 23.
[2] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.30. Л.132.
[3] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.30. Л.132.
[4] Был избран официальным имамом городской общины в 1949 г. (ЦГАСО. Ф.4089. Оп.1. Д.15. Л.8).
[5] Он проживал на ул.Плеханова, д. 32, где проводились частные молебны.
[6] ЦГАСО. Ф.4089. Оп.1. Д.26. ЛЛ.21, 22.
[7] Дом принадлежал мулле И. Хамзину (ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.8. Л.4).
[8] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.30.Л.172.
[9] Об отношении ДУМЕС к этому см.: Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке. С. 361-362; Ее же. Борьба со «святыми местами» в Волго-Уральском регионе в 1950-1960-е годы в контексте государственной антирелигиозной политики // Исламоведение. 2012. № 4. С. 29-34.

[1] СОГАСПИ.Ф.656. Оп.128. Д.17.ЛЛ.72-73.
[2] О ситуации в общинах города и области также см.: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 135-151.
[3] О нем подробнее см.: Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. С. 202-209.
[4] Шарафутдинов Кашаф Шарафутдинович (1910-1984) – участник ВОВ, был в хадже (в декабре 1974 г.) (ЦГАСО. Ф.Р3219. Оп.1. Д.219. Л.121).
[5] См.о них: Сафин И. Самарско-куйбышевские муллы – знаем ли мы их? // Самарские татары. 2013. № 1(2), январь, март. С. 58.

мечеть под школу еще не передана»[1]. «Вопрос о закрытии мечети дважды поднимался на партийных собраниях, где большинство коммунистов рассуждали в том смысле, что мечети им не мешают и не следует обижать стариков»[2].

К началу 1960-х гг. официально действующими считались 19 религиозных организаций области, но впоследствии их число сократилось до 14 (*Таблица. Кол-во мечетей 1788-2013*): Камышлинский район – 9 (в с. Ново-Мансуркино – две, по одной в селениях Бакаево, Камышла, Давлеткулово, Старое Усманово, Байтуган, Старое Ермаково, Бузбаш); Похвистневский – 4 (в Алькино – 2, по одной в пос.Нугайка, Ново-Мансуркино); Шенталинский – 2 (Денискино, Карабикулово); по одной религиозной организации в районах – Челновершинский (Благодаровка), Ставропольский (Татарские Выселки), Елховский (Теплый Стан), Кошкинский (Новое Фейзуллово).

По состоянию на 1965 г. в Куйбышевской области имелось 63 муллы: из них 26 зарегистрированных (13 мулл и 13 муэдзинов) и 37 незарегистрированных. Все они были старше 60 лет и имели слабую богословскую подготовку (только четверо человек обучались в медресе, 7 – в мектебе, остальные – самоучки)[3].

В момент послевоенного упорядочивания государственно-исламских отношений, сопровождавшегося регистрацией религиозных объединений мусульман Куйбышевской области, фиксируется часть активных верующих, которые по различным причинам не могли претендовать на официальное узаконение своей деятельности. Этими причинами являлись – отсутствие постоянно действующего имама или необходимого количества прихожан, стабильности в финансировании, препятствие со стороны областного или сельского руководства, иные субъективные причины. Однако это не означало, что духовная жизнь в мусульманских деревнях области замирала, она лишь приобретала иную форму, которая в официальных документах именовалась «незарегистрированные группы мусульман».

Численность официально неоформленных групп не может быть однозначно установлена: они распадались, появлялись, стараясь избежать преследования со стороны властей. Нелегально собирались верующие в селениях Муратшино, Таш-Кустяново Алексеевского р-на; в казахском колхозе «Сталинский дром» Куйбышевского р-на; Мочаловка Богдановского р-на; Балыкла, Новом Ермаково Камышлинского р-на; Ново-Мочалеевке Похвистневского р-на. В этих и других селах мусульмане без оглядки на позицию местных властей организовывали религиозные праздники, проводили пятничные намазы и сборы-пожертвования «для бродячих мулл, которые исполняют религиозные обряды»[4].

Всего в городе и районах Куйбышевской области в 60-70-е гг. XX в. действовало 14 мечетей и столько же зарегистрированных религиозных групп. 18 приходов действовало неофициально.

Количество прихожан, посещавших мечети в середине 1970-х гг., имело тенденцию к незначительному снижению, но в целом оставалось стабильным. Максимальное количество верующих фиксировалось в дни крупных праздников: ураза- и курбан-байрам. Так, в 1974 г. в день ураза-байрама мечети области посетило 3061 человек, в 1985 г. эта цифра составляла 2554 человека. При этом стабильно росло количество средств, собиравшихся в пользу ЦДУМ и на собственные расходы: в 1974 г. по всем религиозным объединениям в день уразы было собрано 6 248 рублей, через 10 лет эта сумма выросла до 27 836 руб.[1]

К 1983 г. число зарегистрированных обществ увеличилось лишь на одно, а число незарегистрированных резко сократилось (до четырех)[2].

К середине 1980-х гг. в связи с усилением секуляризационных тенденций, полным отсутствием системы религиозного образования в Волго-Уральском регионе, сменой поколений и начавшимся процессом выхода религии «из тени», происходит заметное сокращение числа незарегистрированных групп. Их насчитывалось только три (селения Мочалеевка, Татарское Абдикеево, Шентала).

В последующие годы вследствие отсутствия в СССР развитой системы мусульманского образования и естественного ухода имамов, обладавших специальными знаниями, заметно ухудшилась кадровая ситуация. Как и во многих других регионах, в Куйбышевской области религиозную традицию поддерживали грамотные старики (аксакалы), которые в большинстве случаев брали на себя выполнение соответствующих функций (чтение Корана, проведение никаха, сунната и пр.).

Лишь события «перестройки» позволили значительной части татарского населения открыто заявить о необходимости возрождения мечетей как духовных центров. К 1990 г. было зарегистрировано уже 26 обществ (при них – 52 служителя культа)[3].

Современная история мусульманских приходов области неотделима от реалий постсоветской истории России. Как и тысячи махалля по всей бывшей РСФСР, они приветствовали начало «перестройки» и свободы слова, пережили радостные и сложные годы «мусульманского ренессанса» начала-середины 90-х гг. XX в. и сейчас продолжают выполнять свою высокую духовную и образовательную миссию.

В своем становлении и развитии структура РДУМ СО и махалля современной Самарской области прошли ряд этапов. Этот процесс был растянут во времени, связан с деятельностью наиболее значимых мусульманских лидеров Самары и общими тенденциями развития самарских и российских махалля. По нашему мнению, в нем следует выделить следующие этапы:

1 этап – с 1983 г. (момент избрания В. Яруллина в имам-хатыбом Куйбышевской мечети (Малый тупик, д. 127)) до 1994 г. (начало строительства Самарской соборной мечети);

[1] ЦГАСО. Ф.4089. Оп.1. Д.34. ЛЛ.2-3.
[2] СОГАСПИ. Ф.656. Оп.132. Д.12. Л.182.
[3] ГАРФ. Ф.6991. Оп.4. Д.442.
[4] ЦГАСО. Ф.4089. Оп.1. Д.26. Л.21.

[1] Подробнее статистику посещаемости мечетей, количество поступавших средств см.: Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке. С. 396-403.
[2] Там же.
[3] ЦГАСО. Ф.Р3219. Оп.2. Д.88. Л.2.

2 этап – с 1994 г. по 1999 г. – время строительства Самарской мечети;

3 этап – с 1999 г. до настоящего времени – налаживание деятельности Самарской мечети, медресе, областных мухтасибатов.

Ключевую роль в истории современных мусульман Самары и области сыграл в те годы муфтий и председатель РДУ.С. Вагиз хазрат Яруллин[1]. Его личные качества, усилия единомышленников, а также благоприятная внешняя ситуация, помогли возродиться многим мечетям и медресе Самарской области.

Именно с его именем можно связать начало первого этапа становления РДУМ СО и возрождения приходов области. В октябре 1983 г. Вагиз-хазрат Яруллин встал во главе городской общины, ему помогал молодой хазрат Аухат Мингачев[2]. Еще в 1967 г. под молельный зал был переоборудован дом (площадью около 80 кв.м) по адресу: Малый тупик, 127 (Советский район). В 1985 г. на него был установлен минарет и он обрел свой вид мечети. В дни праздников небольшой дом мог вместить около 270 человек.

Эта ситуация не устраивала мусульман – они стремились обрести новое просторное здание мечети. Верующие в сельской местности также продолжали надеяться на возвращение мечетей.

События перестройки позволили значительной части татарского населения открыто заявить о необходимости возрождения мечетей как духовных центров. В 1989-1990 гг. было зарегистрировано 26 религиозных обществ мусульман (при них – 52 служителя культа)[3]. В 1990 г. в пользование мусульманских общин области было передано девять зданий сохранившихся мечетей[4]. К началу 1991 г. в области действовало уже 30 мусульманских обществ[5].

Постепенно росло количество прихожан мечети г. Куйбышева: в 1990 г. ее посещало уже в среднем 200-250 человек, а в праздники – до 800[6], поэтому вопрос о строительстве нового здания становился все более актуальным.

«Перестроечные» реалии дали надежду городским и сельским мусульманам на выполнение задуманного. В 1989 г. власти предложили городским татарам начать строительство мечети на пересечении улиц Борской и Партизанской. Горсовет не намеревался возвращать единственное сохранившееся дореволюционное здание мечети (в историческом центре города на улице А. Толстого, 61), занятое детским садом.

Мусульмане одобряли решение властей и высказывали им полную лояльность. В своем интервью одной из местных газет В. Яруллин подчеркивал близость махалля к народу, заявлял о полной поддержке проводимых партией перемен[1].

Старания членов инициативной группы – В. Яруллина, В.М. Кадырова, М. С. Галялетдинова, Л. Ш. Мустафина, Х. Х. Гиниятуллина и других увенчались успехом. 17 сентября 1989 г. на месте пересечения улиц Партизанской и Борской состоялась церемония закладки первого камня в фундамент будущего храма. Но вскоре выяснилось, что данная площадка не совсем подходит для строительства культового сооружения. Самарским мусульманам было предложено построить мечеть на новом месте (угол улиц Стара Загора и XXII Партсъезда, рядом с кинотеатром «Шипка»).

Закономерно, что на протяжении 90-х гг. XX в. деятельность мусульманских лидеров Самары (РДУМ СО в целом) была сосредоточена на вопросе строительства мечети в областном центре. Процесс ее строительства был растянут во времени, в финансовом и организационном плане был весьма сложен. Однако и результат впечатляющий. Мечеть занимает площадь 1200 квадратных метров, высота минарета от основания здания до верхней точки полумесяца – 60 метров. Большой зал и два яруса могут одновременно вместить более тысячи человек.

С большим энтузиазмом и напряжением сил мусульмане и общественность принялись за строительство мечети. Земляные работы на котловане начались летом 1992 г., в апреле 1993 г. была забита первая свая, а 20 мая 1995 г. в торжественной обстановке в готовый фундамент заложены первый кирпич и капсула с посланием для потомков, а также принято решение, что строящаяся мечеть станет Соборной.

Весной того же года по инициативе молодого предпринимателя Зульфата Салахова *(он же основатель газеты «Азан» – Ю.Г.)* был создан Попечительский совет по строительству Самарской Соборной мечети, который занялся поиском средств[2].

Первоначально, по смете, строительство должно было обойтись в 8-9 млрд. рублей. Областная и городская администрации внесли серьезный финансовый и организационный вклад в постройку мечети. 500 млн. рублей было получено в начале застройки от областной администрации как компенсация за разрушенные мечети; еще 500 млн. рублей было получено как пожертвования от юридических и частных лиц. В 1997 г. областная администрация выделила еще 7 млрд. рублей «на завершение первой очереди» строительства. Слова о финансовой поддержке проекта высказывали президент Татарстана М. Шаймиев, Духовное управление мусульман Москвы и муфтий европейской части СНГ Т. Таджутдин[3].

14 ноября 1998 г. в строящейся мечети состоялся праздник-митинг по случаю поднятия минарета и установки полумесяцев, в котором участвовали Председатель ЦДУМ Талгат Таджутдин, Губернатор Самарской области К. А. Титов, Глава города Самара Г. С. Лиманский, другие почетные гости. Примечательно, что среди почетных гостей был тогдашний муфтий Чечни Р. Кадыров (он преподнес губер-

[1] Вагиз Летфуллович Яруллин – 1934 г.р., уроженец с. Старый Ибрайкино Аксубаевского района Республики Татарстан. С 1 октября 1983 г. – имам-хатыб Куйбышевской мечети (Малый тупик, 167); с января 1991 г. по июль 2012 г. – руководитель Куйбышевского мухтасибата ДУМЕС; в 1999-2012 гг. возглавлял РДУМ СО в составе ЦДУМ. 7 июля 2012 г. распоряжением муфтия Т. Таджутдина Вагиз Яруллин назначен казыем ЦДУМ. Заслуги В. Яруллина как лидера самарской махалля были отмечены орденом Дружбы, который был вручен ему 1 февраля 2004 г., в год семидесятилетия.

[2] «Азан».1997. № 12.

[3] ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 2. Д.88. Л.2.

[4] ЦГАСО. Ф.Р3219. Оп. 2. Д.57. Л.36.

[5] «Самарские известия». 1991. 27 февраля.

[6] ЦГАСО. Ф.Р3219. Оп. 2. Д.57. Л.36.

[1] «Волжская коммуна». 1989. 15 августа.

[2] www.islamsamara.ru

[3] «Вольнодумец». 1995.18 мая; 1997. 3 апреля.

натору ковер с изображением Дж. Дудаева, который окончил Сызранское вертолетное училище). В ответ губернатор подарил муфтию новую «десятку»[1]. (Второй визит в Самару муфтия Ахмада Кадырова был 11 мая 2001 г.).

День 28 ноября 1999 г. стал для самарских мусульман поистине историческим. Состоялась торжественная церемония открытия Самарской соборной мечети, были приглашены гости со всех приходов Самарской области, а также из Москвы, Ульяновска, Уфы и других городов. Самарская Соборная мечеть – образец мусульманской архитектуры конца XX в. как нельзя лучше вписалась в облик современного города.

Она стала воплощением дружбы и взаимопомощи представителей разных национальностей, вносивших посильный вклад в фонд строительства, объединивших свои усилия ради общего дела[2].

В конце XIX – начале XX в. постепенно возвращались мусульманам и отстраивались заново мечети в городах области и сельской местности. В период 1991 - 2010-х гг. они появились и возродились во всех крупных областных городах, районных центрах, во многих татарских селениях Самарского края.

Возведение районных и сельских мечетей, как и по всей России, велось по инициативе группы активистов, как правило, на средства, выделяемые руководством предприятий, администраций, спонсоров – выходцев из данного селения, пожертвования местных жителей. РДУМ СО также активно помогало и помогает строительству мечетей в районах, получая на это средства, в том числе из областного бюджета.

Вновь построенные в деревнях и селах мечети в архитектурном плане практически полностью копируют старые дореволюционные мечети. Их отличие заключается лишь в том, что часть из них построена из кирпича и больших размеров, увеличены количество и размеры окон. Они выше, поэтому внутреннее помещение гораздо больше, светлее, просторней. Пол мечетей застлан множеством ковров. Ковры приобретаются перед открытием на средства, собранные для мечети (от населения, организаций, частных спонсоров). Как правило, так бывает в мечетях кирпичных, в строительстве которых существенной была помощь администрации селений. В мечетях же, построенных по инициативе сельчан, обустройство поскромнее.

В октябре 1993 г. в г. Сызрани на молельном доме (бывшем здании железнодорожников) поставлен минарет[3]. 30 августа 2002 г. в Сызрани состоялось возведение купола третьей строящейся мечети, которая открыла свои двери для прихожан 1 декабря 2006 г. На сегодняшний момент в городе проживает около 11 тысяч мусульман, существует 5 приходов и три мечети. У двух приходов мечетей пока нет.

С 1994 г. усилиями активистов татарской общины г. Тольятти началось строительство единственной пока в городе мечети. Численность этнических мусульман составляет около 25 тысяч человек. Мечеть была построена в короткие сроки и уже через три года открыла свои двери для прихожан[1]. Таким образом, в этот период в г. Тольятти начали складываться условия для религиозного и национального возрождения.

В 2005 г. здание было реконструировано: достроен еще один корпус, который планируется соединить с первым. Значительную помощь в этом оказала администрация Самарской области. По словам тольяттинского имама И. Гумерова, мечеть сможет вместить до 1000 человек[2]. В 2007 г. в Тольятти действует три махалля: две из них по-прежнему не имеют храмов.

В 1998 г. мусульмане г. Новокуйбышевска начали подготовку к строительству новой соборной мечети. В Новокуйбышевске, при общем населении примерно в 110 тысяч человек, проживает не менее 2 тысяч татар-мусульман, но мечети до сих пор не было. Вся подготовительная работа заняла около 4 лет и стоила более 500 тысяч рублей. Из них 250 тысяч пошли на разработку проекта и 160 тысяч – на инженерно-изыскательные работы на месте строительства. Всего же планировалось, что постройка мечети обойдется в 3 млн. рублей – из этой суммы собрано меньше половины, ведь строительство велось на пожертвования. Планировалось, что работа продлится 3 г. Здание спроектировано небольшое, одноэтажное, с полуподвалом и рассчитано на 100 человек[3].

22 июля 2002 г. состоялась закладка первого камня будущей Новокуйбышевской соборной мечети по улице Молодежной, д. 5. На мероприятии присутствовали заместитель председателя РДУМ СО А. Канюкаев, представители общественности и администрации. На сегодняшний день строительство храма закончено и он успешно функционирует.

В конце 1999 г. в области было зарегистрировано 64 мечети, а в 2003 г. их число достигло 78. В настоящий момент в Самарской области зарегистрировано более 90 религиозных организаций. По-прежнему функционируют 78 мечетей[4] и семь молельных комнат.

Еще одним показателем современного развития религиозной, духовной сферы является система мусульманского образования.

Самарские мусульмане имеют богатый опыт налаживания образовательных процессов. Прежде всего, речь идет о медресе «Гали», которое возродилось в начале 1990-х гг. в селе Алькино Похвистневского района[5].

Это известное за пределами региона духовное учебное заведение было открыто при поддержке Т. Таджутдина и находилось под его покровительством. Будучи на самарской земле он не раз посещал Алькино и интересовался жизнью медресе и его шакирдов. В учебном заведении обучались учащиеся (шакирды) с разных уголков бывшего СССР: из Астраханской, Ульяновской, Пензенской, Саратовской, Самарской и других областей, из Башкирии, Татарстана, Туркмении, Крыма, Казахстана, Литвы.

К 1994 г. медресе выпустило около 40 воспитанников, 15 из них стали муллами[6]. На сегодняшний момент

[1] «Будни»,1999.30 ноября; «Самарская газета».1999.18 ноября.
[2] www.islamsamara.ru.
[3] «Азан».1996. № 1.

[1] «Азан». 2005. 5 августа.
[2] «Азан». 2005. 5 августа.
[3] www.islamsamara.ru.
[4] Пять культовых зданий находились на этапе строительства (по состоянию на апрель 2013).
[5] Повторимся, что до 1917 г. здесь работало три медресе.
[6] «Вольнодумец». 1995. 7 января.

в медресе прошли обучение более 200 шакирдов[1].

Медресе в с. Алькино, как и многие учебные заведения подобного рода, несмотря на имевшийся исторический опыт, в 90-е гг. XX в. находилось на этапе становления: не хватало кадров, не имелось качественных образовательных программ. Вероятно, с этим и были связаны поиски преподавателей из числа грамотных учителей из Турции, и, в конечном, счете, обретение статуса филиала уфимского Исламского университета.

Первым директором медресе был назначен Габделахат хазрат Мингачев. В конце 1994 г. в медресе «Гали» произошла смена директора: на место ушедшего хаджи Аухата Мингачева (уехал в Самару) пришел 23-летний Ясин-хазрат (родом из Турции, окончил исламский университет, работал в просветительско-оздоровительной фирме «Серхам», г. Кайсери)[2]. Затем эту должность занимали Ильгизар Ягфарович Сагдеев, Музагит Галиризович Латыпов, Рафгат Мухаметнурович Бадукшин, Наиль Курмаев.

В настоящие момент директором медресе «Гали» является Сиразов Минтагир Сагирович. 10 ноября 2012 г. в Алькино прошла научно-практическая конференция, посвященная 20-летию медресе[3].

В июне 2000 г. рядом с новой мечетью в Самаре началось строительство медресе. Оно было закончено в течение двух лет. К моменту открытия самарского «Нур» в области уже действовало два медресе – «Гали» (с.Алькино) и «Шарафутдин» (с.Кинель-Черкассы).

С первого апреля 2002 г. начался прием заявлений желающих учиться в исламском учебном заведении «Нур», имеющих образование не ниже среднего. Предполагалось преподавание арабского языка, фикха – основ ислама, уроков Корана и др. Набиралась специальная группа по подготовке преподавателей религиозных дисциплин для работы в медресе и других духовных учебных заведениях – в группу принимались лица с высшим образованием[4].

В 2002 г. в области действовало 4 медресе (в селах Алькино, Денискино, Камышла, Кинель-Черкассы). К 2007 г. налажена работа 5 воскресных школ (в городах Самара, Тольятти, Сызрань, деревнях Камышла и Шентала).

Для активизации работы по налаживанию системы исламского образования и просвещения в августе 2010 г. при РДУМ СО был создан Попечительский совет по образованию, науке и просветительской деятельности[5]. По данным РДУМ СО, сейчас действующими являются только два медресе – «Гали» и «Нур».

[1] http://tatar-duslyk.ru/%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B5-%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C-%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B8%D0%B9-%D0%BA-%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%83/ (дата обращения 10 июля 2014).

[2] «Вольнодумец».1995.7 января.

[3] http://tatar-duslyk.ru/%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B5-%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C-%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B8%D0%B9-%D0%BA-%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%83/ (дата обращения 10 июля 2014).

[4] www.islamsamara.ru.

[5] Галимов Ш. Самое слабое звено // «Азан» уполномочен заявить. С. 233-234.

Поэтому можно констатировать, что система мусульманского религиозного образования в городе и области находится на этапе становления. Отдельные разрозненные усилия двух медресе, одно из которых еще не наладило свою работу, не могут утолить кадровый голод, который испытывают самарские приходы. Проблема частично решается за счет привлечения людей «со стороны». Самарцы сталкиваются с типичными для многих регионов проблемами – набором и трудоустройством выпускников, отсутствием образовательных программ и педагогических кадров.

Заметно лучше обстоит дело с изданием духовно-просветительской литературы и периодики. В 1996 г. в Самаре была основана национальная народная газета «Азан». Первый номер вышел 5 июня 1996 г. Она была создана по инициативе Зульфата Салахова, предпринимателя, инициатора создания попечительского совета по строительству Самарской Соборной мечети.

В начале газета выходила один раз в месяц, но с 1998 г. редакции (редактор Шамиль Галимов) удалось наладить двухразовый выпуск, а с июня 1999 г. «Азан» выходил еженедельно. Публикуя свои материалы, главным образом на русском языке, газета рассказывала об истории и культуре мусульманских народов, философии ислама, способствовал созданию объективного общественного мнения об его приверженцах. Постоянный тираж газеты «Азан» – 1000 экземпляров[1]. К сожалению, 29 июня 2013 г. в свет вышел последний выпуск газеты, но ее материалы дают богатую пищу для размышлений и являются стимулом для дальнейших краеведческих исследований[2].

В начале июля 2002 г. в Сызрани вышел в свет первый номер мусульманской газеты «Булгар». Орган Сызранского мухтасибата призван вести религиозно-культурную просветительскую работу в городе, где проживает около 11 тысяч мусульман. Редакторские обязанности выполняет имам мечети Ильгизар Сагдеев. Тираж составляет 1000 экземпляров, а выходит газета два раза в месяц.

На базе Самарской соборной мечети и по инициативе имама И. Сафина с 2003 г. выходит газета духовно-просветительского содержания «Салям». В основном она содержит богословские материалы, статьи о жизни мусульман в разных уголках земного шара.

С 2002 г. функционирует официальный сайт Духовного управления мусульман (ДУМ) Самарской области (http://www.islamsamara.ru/). Здесь представлена большая часть содержательных материалов, новостей, объявлений, касающихся жизни самарской уммы. Кроме этого, на сайте размещены основные сведения о РДУМ Самарской области, о современном положении ислама в регионе, Закон о свободе совести, первоисточники – Коран и Хадисы, статьи, направленные на разъяснение основ религии.

Региональное Духовное Управление мусульман Самарской области (РДУМ СО) как глава мусульманских религиозных организаций области.

Новации начала 1990-х гг. создали предпосылки для создания системы

[1] www.islam.samara.ru.

[2] Наиболее интересные материалы газеты выпущены в виде издания: «Азан» уполномочен заявить/ Под ред. Ш. Х. Галимова. Самара: ООО «Медиа-Книга», 2014.

управления общинами, появления единого руководящего центра, коим является РДУМ СО. Напомним, что система мухтасибатов в Самарской области (тогда – губернии) функционировала еще в 20-е гг. XX в.

В связи с тем, что регистрировались и начинали свою деятельность новые религиозные объединения, необходимо было создать структуру, которая смогла бы управлять ими и направлять их деятельность. В январе 1991 г. в областном центре был образован Куйбышевский мухтасибат, подчинявшийся ДУМЕС. Мухтасибат возглавил имам-хатыб Куйбышевской соборной мечети В. Яруллин. С 2012 г. и по настоящее время лидером самарской уммы является Талип-хазрат Яруллин, который продолжает дело отца и организует духовное служение во благо самарских мусульман.

Следующий шаг на пути централизации был предпринят в 1994 г. 18 ноября 1994 г. в Самаре состоялся первый съезд мусульман Самарской области. На нем Куйбышевский мухтасибат был преобразован в Духовное управление и были приняты меры по предотвращению раскола внутри лидеров общины.

Тогда было создано Духовное управление мусульман Самарской области. Его главой стал имам Самарской мечети Габделахат Минавхат Мингачев.

ДУМСО во главе с имамом А. Ф. Мингачевым занимало активную общественную позицию. Так, в декабре 1994 г. в прессе были опубликованы обращения самарских мусульман к Президенту РФ Б. Н. Ельцину и к главе Чеченской Республики Ичкерия Д. М. Дудаеву. В них выражалась озабоченность в связи с военными действиями в Чечне и содержался призыв к мирному решению «чеченского вопроса». По поручению самарской мусульманской общественности оба были подписаны муфтием ДУМ СО Г. Мингачевым[1].

Параллельно с этим в мае 1994 г. Куйбышевский мухтасибат был преобразован в Региональное ДУМ Самарской области (РДУМ СО) в составе ЦДУМ, а В. Яруллин стал его муфтием.

С 1999 до 2012 гг. РДУМ СО возглавлял В. Яруллин. РДУМ СО входит в Центральное духовное управление мусульман России и европейских стран СНГ (под началом Т. Таджутдина).

2 июля 1999 г. в Самаре прошел второй мусульманский съезд, который ознаменовал начало плодотворной организационной работы Духовного управления. Строительство самарской мечети было окончено. Началось упорядочение отношений между местными приходами и центром. Решаются финансовые вопросы, связанные с открытием и функционированием сельских махалля.

В феврале 2004 г. на отчетно-выборном собрании общины были произведены серьезные организационные изменения, укреплена вертикаль власти. С завершением строительства мечети и медресе потребовалось закрепить принцип единоначалия: отныне имамы назначаются муфтием. Была введена должность заместителя руководителя общины по хозяйственной части (Иршат Сафин), а хозяйственные служащие мечети ежегодно подписывают контракт. Важный факт – впервые в состав совета махалля были введены представители народов Северного Кавказа (Мухтар Абдуллаев, Мурад Тупаев)[2].

[1] «Волжская коммуна».1994.16 декабря.
[2] Там же.

20 ноября 2004 г. прошел третий съезд самарских мусульман. Он был посвящен организационным вопросам и отчету РДУМ СО о работе за прошедший период. На этом представительном мероприятии присутствовали и губернатор К. А. Титов, и председатель Губернской Думы В. Ф. Сазонов, и заместитель председателя ЦДУМ, муфтий Чувашии А. Крганов. Кроме прочего, это свидетельствовало о партнерских и дружественных отношениях между властью и РДУМ СО.

На третьем съезде были внесены изменения в устав (скорректированы правила приема членов), избраны рабочие органы (президиум, ревизионная комиссия, совет улемов). Было принято обращение участников съезда с осуждением «псевдоисламских идей и терроризма», заявлена общая установка «за мир и толерантность».

На съезде было озвучено предложение ввести в президиум имама из Соборной мечети[1]. В результате был утвержден первый вариант, вариант муфтия Яруллина, и в состав президиума вошли:

Вагиз Яруллин – муфтий Регионального Духовного управления Мусульман Самарской области;

Аухадетдин Канюкаев – имам хатыб Самарской соборной мечети;

Расих Вакказов – имам мухтасиб Камышлинского района;

Ильгизяр Сагдиев – имам мухтасиб Сызранского района;

Набиулла Сайфутдинов – имам мухтасиб Челно-Вершинского, Шенталинского районов;

Джамиль Валиуллин – управляющий делами РДУМ СО, председатель татарской национально-культурной автономии г. Самары, с апреля 2007 г. – член Федерального Совета Федерации Татарских национально-культурных автономий (ФТНКА, Казань), директор автопредприятия.

26 сентября 2011 г. на внеочередном съезде мусульман Самарской области был окончательно утвержден в должности председателя РДУМ СО и звании «муфтий» – Талип-хазрат Яруллин. Тогда же было принято решение о расширении состава Президиума Духовного управления до 13 человек. В его состав вошли: В. Яруллин, Т. Яруллин, Д. Валиуллин, И. Сагдеев, И. Гумеров, Г. Каримов, Д. Шарапов, М. Латыпов. Н. Сулейманов, И. Сафин, Г. Яруллин, Н. Биктаев, А. Миникаев[2].

В деятельности РДУМ СО можно выделить ряд основных направлений. Прежде всего, это вопросы открытия, реконструкции и функционирования мечетей и махалля города и области; организация и финансирование издательских, образовательных программ; проведение общественных мероприятий (семинаров, конференций).

РДУМ СО проводит большую работу по возвращению и реконструкции молитвенных помещений общинам города и области, также активно помогало и помогает строительству мечетей в районах, получая на это средства, в том числе, из областного бюджета.

Например, с 2004 г. и по настоящее время активно идет работа по воссозданию здания мечети на ул. А.Толстого. Еще весной 2005 г. были начаты ра-

[1] «Азан». 2004. 3 декабря.
[2] Галимов Ш. По закону и в соответствии со здравым смыслом // «Азан» уполномочен заявить. С. 293-294.

боты по реконструкции и ведутся до настоящего времени[1].

В 2005 г. первый (открытый в советский период) приход на Малом Тупике, 167, преобразился: на здании был поставлен минарет, вокруг возведена ограда.

По инициативе РДУМ СО на Кировском рынке для членов киргизской общины было создано молельное помещение, в котором городские муллы проводят богослужения[2].

В начале 2007 г. РДУМ СО отчиталось о результатах своей работы в предыдущем 2006 г. На содержание и реставрацию культовых сооружений из областного бюджета было выделено 3.700 тысяч рублей. Все средства пошли на нужды 12 областных общин и покупку земли для мечети в пос. Зубчаниновка близ города Самары.

На материальной базе Духовного управления и при поддержке исламских лидеров выпускаются брошюры, книги по различным вопросам религиозной жизни.

Мусульманами ведется активная общественная деятельность. В сентябре 2004 г. в Соборной мечети был организован сбор средств жертвам трагедии в Беслане. Сумма в 14000 рублей была перечислена на специальный счет[3].

Активисты татарских общественных организаций совместно с РДУМ СО принимают участие в ежегодных форумах мусульман в г. Булгар. Самарцы высоко оценивают значимость Булгара как «столицы некогда мощного и высокоразвитого государства наших предков – государства, с которого началась мусульманская история нашего народа»[4].

Самарские мусульмане, Духовное управление в целом стараются по мере сил и возможностей обозначить свою позицию по сложным вопросам религиозного и светского образования. В этом направлении еще предстоит много поработать.

Подведем некоторые итоги. До 1998 г. Духовное управление мусульман Самарской области (ДУМ СО) было формальной структурой и не пользовалось влиянием за рамками двух приходов самого города. Помимо прочих причин, основанием для этого были и наличие двух параллельных структур управления, и сложности строительства новой Соборной мечети.

Отметим, что самарская городская махалля, по сравнению с некоторыми другими поволжскими общинами, была в невыгодном положении. На момент развала советской системы, в начале 90-х гг. местным мусульманам практически нечего было возвращать – лишь одно из трех зданий ранее существовавших в Самаре мечетей сохранилось, но местные власти не спешили передавать его общине.

Возросшая во второй половине 90-х гг. XX в. активность самарских мусульман была продиктована качественными изменениями в структуре конфессии. Окончательная организация самого Духовного управления, централизация власти была тесно связана с вопросом постройки мечети в городе и произошла лишь после окончания ее строительства. Планы по застройке были амбициозными

[1] «Азан». 2005. 18 февраля.
[2] «Азан». 2004. 15 октября.
[3] «Азан». 2004. 17 сентября.
[4] Файзуллов Р. Обретение истинной веры // «Азан» уполномочен заявить. С. 18-19.

и требовали больших капитальных вложений, потому и собственно духовно-просветительской деятельностью, плотной организационной работой с приходами на местах РДУМ СО занимается недавно – фактически с 1999 г.

Вероятно, этим можно частично объяснить невысокий уровень образовательных программ, ограниченную издательскую работу. Первые шаги делаются в направлении использования научно-методического потенциала самарских светских ученых.

Вышеуказанные проблемы, конечно, не перекрывают тот большой объем важной и значимой духовной, организационной работы, которую достойно выполняет РДУМ СО. В течение последних лет управление сумело не только выстроить вертикаль влияния в пределах области, но и произвести изменения в части мусульманских обществ, решая их финансовые проблемы, способствуя налаживанию их повседневной деятельности.

Межконфессиональное взаимодействие: исламские лидеры – представители Русской Православной церкви

С 1998 г., с момента относительной стабилизации внутри мусульманских дел в областном центре, отмечается возросшая активность исламских лидеров в установлении диалога с РПЦ[1]. На официальных фотографиях в газете «Азан» мусульманские лидеры запечатлены с главой иудейской общины[2].

В целом их взаимоотношения можно обозначить как нейтральные. Однако они не застрахованы от разного рода трений.

В феврале 2005 г., ориентируясь на предложения центральной власти, Самарская епархия выступила с предложением к властям ввести курс «Основы православной культуры» в общеобразовательных школах. В ответ на это администрация создала рабочую группу, которая рассматривала механизм возможного введения курса основ православной или иной религиозной культуры. В роли преподавателей этой светской культурологической дисциплины по замыслу должны были выступить учителя, а не священнослужители.

В свою очередь, прихожане Самарской мечети (с одобрения лидеров общины) написали открытое письмо в адрес вице-губернатора С. Сычева. В нем выражались опасения, что подобные действия могут спровоцировать раскол и конфликт в обществе, а также предлагалось вводить такие курсы только факультативно[3].

До этого в местной мусульманской газете «Азан» было опубликовано письмо в адрес администрации, с тем чтобы не вводились подобные курсы, так как они, в любом случае, связаны с постижением основ религии. В нем высказывалось мнение о необходимости сохранения светского характера государственной системы образования. Оно было подписано муфтием В. Яруллиным, председателем Лиги азербайджанцев области Ш. Керимовым, председателем курултая башкир С. Вилдановым, Президентом казахской НКА «Ак жол» Т. Дусенбаевым, директором Самарского областного татарского общества «Туган тел» Ш. Багаутдиновым, председателем

[1] Самарская область. Этнос и культура. 2005. № 4. С. 27.
[2] «Азан», 2004. 15 октября.
[3] «Волжская коммуна». 2006. февраль.

татарской НКА г. Самара Д. Валиуллиным[1].

В соответствии с коранических нормами и российской традицией мусульманские лидеры Самары и области имеют крепкие дружественные отношения с губернскими и городскими властями. Это проявляется во взаимной поддержке в различных вопросах.

Радикальные религиозные идеи в мусульманской Самаре

В связи с появлением в конце XX – начале XXI вв. в области представителей различных этнических групп из Средней Азии, Северного Кавказа в регион начали проникать идеи, нехарактерные для традиционного российского исламского мира.

В 2004 г. в Самаре сотрудниками областного УФСБ были задержаны трое членов «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». В распоряжении спецслужб оказалась информация о том, что в самарской мечети и на вещевом рынке Советского района города распространяются листовки с обращением партии «Хизбут-тахрир» к общественности.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий были задержаны двое граждан Киргизии, торговавших на рынке, и гражданин России. Все они являлись членами экстремистской организации «Хизбут-тахрир аль-Ислами», деятельность которой была запрещена решением Верховного суда России в 2003 г. При проведении обыска у задержанных были обнаружены граната Ф-1, около 200 книг и брошюр, более 700 листовок на русском, узбекском и арабском языках, памятки члену организации о линии поведения в ходе ареста, в частности перечень сведений, не подлежащих разглашению, и руководство по вербовке агентов.

По сведениям УФСБ, в состав группировки, действовавшей на территории Самарской области, входили 15 человек. Они вели отчет о проделанной работе и поддерживали связь с членами организации в других странах, в том числе и через Интернет. Во время предварительного следствия правоохранители задержали еще двоих агитаторов: в Самаре – Юсеф Киросиров, в Тольятти – Хабибулла Халиков. У них также была изъята запрещенная агитационная литература[2].

В 2005 г. члены т.н. инициативной группы по пятницам раздавали в мечети листовки, в которых содержалась жесткая критика деятельности руководства ДУМ Самарской области, в том числе его председателя Вагиза-хазрата Яруллина и также муфтия ДУМ Европейской части России Равиля Гайнутдина. Ими предпринимались попытки сорвать службы в мечети и пр.

Мусульманские лидеры Самары незамедлительно обозначили свою позицию. В своем телевизионном интервью муфтий В. Яруллин резко осудил «опасные действия группы молодых людей, объединившихся по сути в сектантскую, почти тайную организацию».

Газета «Азан» поддержала позицию муфтия, выступив с осуждением стремлений определенной части современных молодых мусульман почерпнуть «на стороне» исламские идеи[3]. В июньском номере «Азана» за 2005 г. было опубликовано обращение РДУМ СО к мусульманам области с резким осуждением действий представителей «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», которые пытались привлечь на свою сторону «неразборчивых людей, особенно молодежь», предпринимали попытки сорвать службу в мечети, распространяли среди молящихся свои листовки и угрожали духовным лицам.

В заявлении подчеркивалось, что «эти возмутители спокойствия… ни к Самарской мечети, ни к ее строительству, ни к общественным мероприятиям, проводимым махалля, ни, тем более, к оказанию ей финансовой помощи, отношения не имеют»[1]. Отмечалось наличие добрых и стабильных взаимоотношений с Правительством Самарской области и органами местного управления.

В августе 2005 г. на заседании совета мечети были приняты решения не допускать в мечеть людей, именующих себя «инициативной группой». Имамам было предписано активно проводить соответствующую разъяснительную работу[2].

В августе 2005 г. районный суд города Самары вынес приговор в отношении четырех членов организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Они обвинялись в разжигании национальной и религиозной вражды, попытке установления халифата на территории Самарской области и подрыва авторитета ныне действующей власти.

Организатор самарской ячейки «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» Гайнутдинов осужден к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Маматкаримов и Абдуллаев осуждены на 11 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении; поскольку ими наказание фактически отбыто, они были освобождены из-под стражи в зале суда. Булатов был приговорен к штрафу в размере 2 500 рублей, при этом суд учел, что Булатова использовали в силу его неопытности и набожности. «Булатов раскаялся, заявил, что никому не причинил вреда и что впредь будет внимательнее в выборе политических убеждений», – отметил судья[3].

В марте 2006 г. мировой суд Промышленного района Самары признал виновным в организации деятельности экстремистской организации 24-летнего Ю. Кирасирова. По данным УФСБ, подозреваемый распространял на территории Тольятти литературу и листовки организации «Хизб-ут-Тахрир», в том числе с призывом построения Великого исламского халифата, а также «проводил работу, направленную на вовлечение мусульманской молодежи в данную организацию»[4]. Суд назначил ему десять месяцев колонии-поселения.

Еще один активный участник экстремистской организации Х. Халиков в апреле 2006 г. был депортирован из Самарской области на родину в Узбекистан[5].

Усилия радикально настроенных молодых людей не увенчались успе-

[1] «Азан». 2005. 1 апреля.
[2] «Тольяттинское обозрение». 2004. 25 ноября; «Коммерсантъ – Среднее Поволжье». 2004. 26 ноября; 2005. 12 ноября; «Репортёр». 2004. 26 ноября.
[3] «Азан».2004.20 ноября.

[1] «Азан». 2005. 9 июня;
[2] «Азан». 2005. 5 августа.
[3] «Коммерсантъ – Среднее Поволжье». 2005. 12 ноября; «Тольяттинское обозрение». 2005. 12 ноября.
[4] www.religare.ru. (дата обращения: 09.03.2006).
[5] www.interfax.ru. (дата обращения: 20.04.2006).

хом. Они не получили поддержки со стороны молодежи и общественности в целом. Самарские мусульмане остаются глухи к подобным религиозно-политическим настроениям.

Зарубежные контакты самарских мусульман

Судить о контактах местных мусульманских лидеров с зарубежными деятелями достаточно сложно. Местная пресса слабо освещает эти вопросы, на сайте РДУМ СО информация такого рода также отсутствует. Однако это не означает отсутствия самих связей.

В отличие от махалля других регионов Поволжья (в частности, Нижегородчины) самарские мусульмане имеют давние и прочные связи с Турцией. Большую роль в их установлении в XIX в. и развитии в досоветский период играл религиозный, экономический фактор вкупе с не всегда корректной и понятной татарам-мусульманам и башкирам имперской политикой[1].

Эти контакты также питались (и до сих пор питаются) активностью самих турок и их интересом к мусульманам Средней Волги. Так, в начале 1992 г. В. Яруллин (тогда имам мечети в Малом тупике) сопровождал двоих самарцев, уезжавших на обучение в Турцию (ученики были родом из с. Алькино Похвистневского района). Они были направлены на учебу при поддержке Т. Таджутдина, который активно помогал открытию в с. Алькино медресе «Гали»[2]. В Турции В. Яруллин встречался с деловыми людьми и священнослужителями.

В апреле 1992 г. с визитом в Самаре были два турка, один из них – Арслан Торсун (имам-хатыб, преподававший в Стамбуле). Они встречались с В. Ярулиным, активистами мусульманской общины и с тогдашним главой Самарской администрации О. Сысуевым. Гости пообещали оказать помощь в постройке новой мечети в Самаре: в тот момент это был самый «больной» вопрос. Как сообщала пресса, всего в рамазан 1992 г. в СНГ прибыло 62 гражданина Турции, с тем чтобы потом рассказать своим соотечественникам о жизни своих единоверцев[3].

Поиск средств для строительства городской мечети велся и в других направлениях. Так, в январе 1994 г. председатель Совета мусульманских женщин Северной Америки Шарифа аль-Хатиб привезла в Самару партию книг по исламу на арабском и английском языках. Она встречалась с руководителями общины, которые пожаловались на нехватку средств для строительства новой мечети и медресе. «Местная небогатая диаспора», как сказано в сообщении прессы, обращалась с просьбой о финансовой помощи к мусульманам США[4].

С 2005 г. газета самарских татар-мусульман «Азан» стала поступать в библиотеку Конгресса США (вместе с литературой и периодикой из Республики Татарстан)[5]. Поддерживаются отдельные контакты с общиной татар, мигрировавших в Германию.

В 2012 г. делегация Духовного управления посетила Турецкую Республику по приглашению благотворительного фонда «Азиз Махмут Худаи» с целью обмена опытом в сфере просвещения, издания духовной литературы. Представители Фонда также посещали Самару[1].

Суфийская традиция Самарского Поволжья

На всем протяжении бытования исламской традиции в Поволжье ее воплощения были весьма разнообразными. В булгарский, золотоордынский и более поздние периоды истории Самарского края существовал т.н. внемечетский ислам, который в той или иной степени был связан с суфизмом и доисламскими верованиями народов, исконно проживавших на этих территориях.

В процессе появления и формирования тюрко-мусульманских поселений на территории края параллельно происходило становление мусульманских приходов. Изначально их возглавляли абызы, которые своим служением Аллаху и прихожанам закрепили мусульманскую традицию в сознании людей. Вероятно, многие из них были связаны с суфийскими тарикатами[2]. Именно они станут основателями крупных династий «указных» и «неуказных» мулл и впоследствии, с XIX в., многие из них будут именоваться «ишанами»[3].

По данным источников и современной историографии, в Поволжье «почти во всех случаях связь с тарика вела только к двум великим шейхам из Бухары и Кабула или же к их ученикам в Поволжье и Приуралье»[4]. Большинство поволжских (и самарские не были исключением) ишанов причисляло себя к братству накшбандийа-муджаддидийа[5] и по силсила[6] были связаны с Файзханом аль-Кабули или Найаз-кули ат-Туркмани. В рассматриваемый период доминирующей (и сохранившейся вплоть до середины XX в.) являлась ветвь накшбандийа-муджаддидийа, идущая от Кабули.

[1] Подробнее см раздел об историческом прошлом самарских татар-мусульман.
[2] «Ленинская правда».1992. 19 мая.
[3] «Вольнодумец».1992. 25 апреля.
[4] «Самарские известия».1994. 20 января.
[5] «Азан».2005.28 апреля.

[1] Галимов Ш. На людей посмотреть и себя показать// «Азан» уполномочен заявить. С. 276-286.
[2] Тарикат (Тарика) (араб. «дорога, путь») – термин, используемый приверженцами суфизма для обозначения братства (ордена) и для мистического пути, по которому посвященный движется к намеченной цели. Суфизм допускает множество таких путей и братств. Предполагается, что суфия ведёт по пути шейх, который имеет духовных учителей, восходящих к временам пророка Мухаммада.
[3] Ишан (перс., «они») – суфий, духовный наставник; в среднеазиатской и волго-уральской традиции – синоним терминов муршид, шейх.
[4] Кэмпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789-1889): Исламский дискурс под русским господством/ пер с нем. Казань: Российский исламский университет, 2008. С. 620.
[5] Накшбандийа-муджаддидийа – одна из ветвей тариката Накшбандийа, оформившаяся в Индии на рубеже XVI-XVII вв. (основатель – Ахмад Сирхинди (Имам-Раббани, ум. в 1624)). Для братства характерна активная жизненная позиция его членов, минимализация связей с официальными властями.
[6] Силсила (перс. «ряд, цепь») – документ или устная традиция, указывающая на преемственность шейха с предшествующими суфийскими наставниками данного ордена. Каждый предшествующий шейх является промежуточным звеном «цепи» и является духовным преемником, наследником суфийского учения от предыдущих шейхов, а также его передатчиком последующему шейху. Силсила поволжских, в том числе самарских, ишанов см.: Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2013. С. 165.

Судя по различным данным, самарцы были в числе учеников ишанов, проповедовавших в д. Парау (Боровка), г. Чистополь, с. Тархан (д.Большие Тарханы), с. Старая Кулатка, с. Зимницы.

Р. Фахретдин в знаменитом труде «Асар» рассказывает о деятельности ишана, имама и мугаллима родом из с. Алькино – Мурадбаки б. Ишали б. Ишмухаммед б. Юсуф б. Сулейман (жил во второй половине XVIII – начале XIX вв.). Ишан много проповедовал, писал сочинения. Его фигура вызывала неоднозначные оценки у современников, но в сознании последующих поколений он превратился в полулегендарную личность (аулийа[1]), ревнителя мусульманской традиции[2]. Возможно, именно этого ишана имели в виду алькинцы, когда назвали в честь него родник «Мурат-бабай» («Бабкай чишмасе» – «Родник Бабкая»)[3].

Однако основным центром притяжения для мюридов (ученик шейха) Самарской губернии в силу объективных географических причин было село Кизляу (Курманаево)[4]. Образование в кизлявском медресе, тарикате[5] получили многие духовные лидеры губернии, в частности, имамы-уроженцы села Теплый Стан: Мухаматжан Сабиров, Ахметгарей (Гирей) Гильманов, Шакиржан Гафуров, Махмуд Исхаков, Шакиржан Мардаев. Всего, по данным И. М. Галяутдинова, таковых насчитывалось 37 человек[6].

К числу выдающихся ишанов, происходивших родом из с. Байряки, относились Искандер аль-Байрякави, Мухаммедшариф аль-Байрякави (1785/1786-1841/1842) и дамелла[7] знаменитого местного медресе «Губайдийа» Губайдулла аль-Байрякави (1784/1785-1844/1845).

[1] Авлия (аулийа) (араб., мн.ч. «вали» – «святые») – 1) арабский эпитет, применяемый по отношению к людям и к Богу. В первом случае обычно переводится как «святой», во втором – «покровитель». Аулийа – люди, проводящие все свои дни в постоянных молитвах, ведущие праведный образ жизни, избегающие совершения грехов, совершенствующие свой духовный мир постоянным поминанием Аллаха. В суфизме есть представление о том, что баракат (божественное благословение) может передаваться через пророков и аулийа, которые, в свою очередь, передают его по наследству. Аулийа могут передавать баракат простым людям. Причем благословение можно получить не только от живого «святого», но и от его могилы, над которыми возводились сооружения и которые становились объектом паломничества; 2) место, где упокоился «святой».

[2] Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2013. С. 201.

[3] Согласно устной традиции, он был назван по имени жившего в этом селении благочестивого мусульманина. По легенде источник забил в том месте, где праведник молился о благополучии односельчан.

[4] Кизләү, Курманаево – сейчас село в Нурлатском районе РТ.

[5] «Кизляу тарикы» («тарикат Кизляу», «путь Кизляу») – суфийское братство волго-уральских накшбандийских ишанов из с.Кизляу (Кизләү, Курманаево, ныне в Нурлатском р-не РТ). Возводит свою силсилю к Пророку. Наиболее известными членами братства являлись шейхи Губайдуллиных, ишаны Благодаровки (В. Сабиров, А. Мулюков, И. Яхин) и духовные наставники г. Казани (И. Муштариев, А. Саматов). (Подробнее см.: Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2013).

[6] Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 126.

[7] Дамелла (дамулла) – в Центральной Азии в XVIII-XIX вв. обозначение учителя мектебе или медресе. В Волго-Уральском регионе наименование преподавателя, обучавшегося в Бухаре, и имевшего, как правило, собственное медресе.

Сын последнего, Габдельвали, наследовал дело отца и руководил этим крупным религиозным учебным заведением во второй половине XIX в. В начале XX в. сыновья ишана Габдельвали, вероятно, получившие иджазу[1] от отца, – Муксин и Масягут Губайдуллины[2], превратили медресе в джадидское, организовав в нем преподавание светских дисциплин. Заметим, что вплоть до 1920-х гг. оно оставалось одним из наиболее крупных и популярных религиозных учебных центров Казанской и Самарской губерний.

Особую роль в сохранении и преумножении суфийских традиций и ислама в целом в Волго-Уральском регионе в начале XX в. сыграл Зайнулла Расулев. Этот суфийский шейх принадлежал к направлению накшбандийа-муджаддидийа/халидийа и являлся действительным авторитетом в вопросах духовной жизни для многих мусульман Волго-Уральского региона (в особенности Приуралья), являлся сторонником джадидизма и реформирования ислама в сторону приспособления его к современным нуждам верующих[3].

Один из мюридов З. Расули, Шакир Ибрагимов[4], мулла с. Ново-Урайкино Ставропольского уезда Самарской губернии до Первой мировой войны и в 1920-е гг. был духовным наставником для многих верующих Самарской и Симбирской губерний. Сокурсником Шакира был сын шейха Зайнуллы, будущий муфтий ЦДУМ-ДУМЕС – Габдрахман Расулев[5].

Еще одним крупным духовным наставником мусульман Казанской, Саратовской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Астраханской губерний второй половины XIX в. следует считать ишана Хабибуллу Хансеярова, уроженца с. Зимница (Зимнича) Саратовской губернии[6].

Особый статус и отношение к авторитетным ишанам было также продиктовано тем, что наставники обладали конкретными знаниями, многие из которых были на определенном этапе развития общества востребованы. Причем не только обладали знаниями, но и в духе классической суфийской традиции стремились ими

[1] Иджаза – разрешение, получаемое мюридом от шейха, на собственную проповедническую деятельность и обучение.

[2] В документах Самарской жандармерии мулла Масягут Губайдуллин в 1913 г. значился «попечителем медресе и председателем мусульманского общества прогрессистов». Сохранился протокол собрания Байрякинского общества мусульман прогрессистов, на котором обсуждались вопросы финансирования местной ремесленной школы и было вынесено постановление о передаче части помещений медресе «Губайдийа» под классы для изучения русского языка (ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1792. ЛЛ.18, 35).

[3] О нем подробнее см: Фархшатов М. Н. «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872-1917). Власть и суфизм в пореформенной Башкирии. Сборник документов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009; Шейх Зайнулла Расулев. Божественные истины: Пер. с араб./ Сост., коммент. и перевод И. Р. Насырова. Уфа: Китап, 2008.

[4] Мулла имел связи с мусульманами зарубежья. В частности, в августе 1913 г. Ставропольский уездный исправник получил предписание проверить на месте, опросить свидетелей о деятельности муллы д.Ново-Урайкино Новобинарадской волости Шакира Ибрагимова. В частности, его интересовало: какой араб приезжал к нему село в 1911 г. (звание, фамилия, национальность) и где он сейчас находится (ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.5608. Л.189).

[5] Галимов Ш. Х. История села Ново-Урайкино: Годы, события, люди. Самара: ЗАО «Типография «Сокол-Т», 2006. С. 98-99.

[6] Подробнее о нем и его деятельности см: Сафин И. Великий наставник Хабибулла Хансояров. Самара: Самарское отделение Литфонда, 2005. 144 с. (на тат.яз.).

поделиться, обладая навыками и педагогическим талантом. Одаренные шейхи, ишаны создавали вокруг себя богатую духовную атмосферу – часто были организаторами учебных заведений. Неслучайно, подавляющее большинство упомянутых духовных наставников были создателями медресе и мугаллимами (учителями). Важно подчеркнуть, что к началу XX в. многие ишаны являлись официально утвержденными имамами, мугаллимами.

Кроме преподавательской деятельности, ишаны исполняли необходимые ритуальные суфийские действа (зикр[1], хатм[2], дуа-молитва[3], таубе кылу[4] и т.д.). Шейхи также могли выступать в роли казыев – судей по шариату, а постоянно открытые для всех места пребывания ишанов (дома, мечети, ханака[5]) служили местом ночлега для путников, питания для бедных, оставшимся без крова – приютом.

Явным проявлением «святости» ишанов, их особой духовной силы, для основной массы населения была способность ишанов к исцелению больных. По утверждению З. Музаффари, в начале XX в. муллы считали заговоры обязанностью ишанов[6]. Заметим, что обряд исцеления в том или ином виде сохранился в сельской татарской среде до сих пор[7]. Подобные практики не являются уникальными, типичны для многих народностей и не только тюркоязычных, что позволяет считать их неотъемлемой частью духовной народной культуры[8].

Атеистический штурм советского периода серьезно повлиял на деятельность ишанов. Мощный духовный центр в Курманаево был разрушен: в 1918 г. медресе Губайдуллиных было передано под советскую школу, а ишаны были вынуждены покинуть село. Однако влияние его на различные сельские махалля не ослабевало. Мюриды курманаевских ишанов организовывали духовную жизнь ряда деревень Стерлитамакского кантона БашССР, ТАССР, Куйбышевской области.

В статье «Зараженная деревня», опубликованной в газете «Красный Татарстан» в ноябре 1925 г., значилось следующее: «В Самарской губернии, в одноименной волости в деревне Туплы учебная деятельность не может продвигаться вперед. К этому есть огромная причина: муллы данной деревни, когда-то учившиеся в медресе знаменитого ишана из Кизляу[1], привязали народ суевериями… Ишан из Кизляу был одним из самых богатых людей и визит к нему заставлял не менее одного рубля. У кого не было одного рубля, те люди не смогли увидеться с ишаном»[2].

Авторитетный Губайдулла Губайдуллин неоднократно приезжал в селения Самарской губернии для совершения суфийских обрядов. В частности, есть данные о том, что до 1938 г. он проводил в с.Ново-Урайкино обряд покаяния (тэубэ кылу). По воспоминаниям жителей, каждый его приезд был важным событием для верующих[3].

Как свидетельствуют официальные данные, до 1929 г. в это село приезжало большое количество паломников «к святому месту». В качестве такового называлась могила новоусманского муллы-ишана Нуретдина Субуханкулова, который скончался в 1921 г. С этого времени вплоть до начала репрессий 1930-х гг. в село приходили паломники из разных населенных пунктов, которые ранее были учениками ишана, «давали клятву на верность», а также проповедовали от его имени в разных регионах губернии и Поволжья. Кроме того, отмечалось, что Н. Субуханкулов имел в Новом Усманово медресе, где его помощники обучали детей, а с мюридами он занимался самостоятельно[4].

Возможно, в конце 1920-х гг. в Ташкент бежал со своими мюридами ишан Хасан Губайдуллин[5]. Его брат, уважаемый Гатаулла Губайдуллин, не желая покидать свою паству, остался в Мелекессе (ныне – г. Дмитровград Ульяновской области) и в начале 1938 г. был расстрелян. Г. Губайдуллин значился одним из организаторов (наряду с М. – Ф. Муртазиным и М. А. Курмакаевым) «националистско-татарской контрреволюционной организации» Куйбышевской области, ставившей своей целью создание самостоятельного государства «Идель-Урала» и действовавшей под руководством казыя ЦДУМ К. Тарджиманова»[6].

Новоурайкинский ишан Шакир Ибрагимов был арестован в октябре

[1] Зикр (араб., «поминание, откровение») – специфический элемент суфийской практики, одна из ключевых ее форм. Заключается в многократном поминании одного или нескольких имен Аллаха или произнесения особых формул на сакральном арабском языке. Ритуал зикра предполагал овладение особыми ритмизованными движениями, особыми позами (джалса), методами контроля за дыханием (хабс ан-нафс, хабс-и дам) на выдохе-вдохе с целью концентрации сознания и координирования движений тела с мысленным повторением или произнесением вслух формулы зикра. Зикр может совершаться в уединении либо совместно с другими членами братства. Цель зикра – вызвать у суфия состояние экстатического транса (ваджд, факд ал-ихсас).

[2] Хатм-и Куран – коллективные чтения Корана на дому.

[3] Дога (Дуа)-молитва (араб.‌ «мольба, молитва») – произвольная молитва, являющая ситуативной, не требующей специфического состояния, времени.

[4] Таубэ кылу (тат., тәүбә -раскаяние, покаяние; кылу-делать, совершить) – волго-уральский вариант наименования суфийского обряда покаяния. Мюрид (последователь шейха) должен постоянно исповедоваться в своих грехах, в том числе и мысленных, либо перед шейхом, либо записывая их в особую тетрадь.

[5] Ханака – место приюта членов суфийского ордена (дервишей). То же самое, что завия, текке.

[6] Музаффари З. Ишаны-дервиши. Казань, 1931. С. 62 (на тат.яз.).

[7] Например, об известном в самарской округе татарском целителе из с.Абдреево см.: Галимов Ш. Тайна Кашмирской книги. Жизнь и судьба народного целителя Гилязетдина Фасхетдинова// // «Азан» уполномочен заявить. С. 108-111.

[8] О практиках см.: Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке. С. 57-82; Суфизм как социокультурное явление в российской умме: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань (21 ноября 2006 г.) / Отв. ред. и сост. И. К. Загидуллин. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007; Хисматуллин А. А. Суфийская ритуальная практика (на примере братства Накшбандийа). СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996; Bennigsen A., Wimbush S. Enders. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. London: C. Hurst&Company, 1985.

[1] Вероятно, имелся ввиду Хасан Губайдуллин.

[2] Музаффари З. Указ.соч. С. 82.

[3] Галимов Ш. Х. История села Ново-Урайкино. С. 109.

[4] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.32.Л.9.

[5] Миннуллин И., Минвалеев А. Суфизм в советском Татарстане: к постановке проблемы // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2007. № 1. С. 147.

[6] Архив Управления ФСБ по Самарской области. Д.П-7880, 578839. (5 октября 1956 г. Г. Губайдуллин был реабилитирован).

1929 г., но был спасен секретарем Елховского райкома, который распорядился выпустить муллу из здания новоурайкинского сельсовета. В ту же ночь ишан уехал в Самару, а затем перебрался в Ташкент[1].

В тяжелые 1930-е гг. наиболее важным центром деятельности суфиев в области и в Поволжье в целом становится другой населенный пункт Самарской губернии. Центр суфийских традиций переместился в село Благодаровка Челно-Вершинского района Куйбышевской области. В 1937 г. из Курманаево в Благодаровку приезжает выходец из Самарской губернии Коран-хафиз Валиахмет хазрат Сабиров, который (по сведениям информаторов) получил разрешение на обучение мюридов у Хасана Губайдуллина[2].

Те, кто посещал деревню, принимали участие в зикре, произносили покаяние, участвовали в чтении Корана. Люди прибывали из разных мест: из татарских селений Курманаево, Кривое Озеро, Старые Киязлы, Новое Узеево, Старое и Новое Ибрайкино, из Ульяновской области и юго-западных районов Татарстана[3].

Дважды (в 1930 и 1937 гг.) по обвинению в организации антисоветской деятельности был осужден ишан, мулла с. Теплый Стан Герей (Ахметгерей) Гильманов[4]. После отбытия сроков вернулся в родное село и до 1962 г. исполнял обязанности имама в т.н. Сабакаевской мечети.

В послевоенный период курманаевское братство в Благодаровке продолжало оставаться наиболее заметным. Под его влиянием находились Чувашия, Мордовия, Куйбышевская, Ульяновская, Горьковская и Пензенская области, Башкирия, Казахстан, Узбекистан.

Как уже отмечалось ранее, в Благодаровку в 1928 г. (или 1937 г.) приехал ишан, мюрид Хасана Губайдуллина, Валиахмет Сабиров. В годы войны и вплоть до своей кончины в 1951 г. он продолжал совершать специфические суфийские практики в здании мечети, которая стараниями верующих была передана в пользование общины 22 марта 1945 г.[5] Тогда же ишан вновь стал официально утвержденным имамом этой махалля.

То, что ишан Сабиров имел действительно высокий духовный авторитет подтверждается рядом объективных свидетельств. Еще в годы войны в деревне на кладбище были построены дополнительные молитвенные дома (скорее всего это была ханака, замаскированная под сторожку[6]) для проведения специфических суфийских обрядов: т.н.тихого зикра, инициации («дать руку святому»). Ишаном и его мюридами регулярно совершались следующие суфийские ритуалы. По четвергам проводился «ишанский сабак»[1], на который собирались группами по 20-30 человек. Ишан и его ученики практиковал т.н. тихий зикр, ими организовывалось чтение религиозных книг. В этих обрядах принимали участие и мужчины, и женщины (в официальных сводках они бесцеремонно именовались «сборищем сектантов-мюридов»). В. Сабиров лечил молитвами, проводил обряд покаяния («тэубэ кылу»). Некоторые обряды (к примеру, дуа-молитва) совершались на местном кладбище.

Однако в годы войны ханака (одна или несколько) была уничтожена и впоследствии все благодаровские ишаны совершали обряды в здании мечети, которая, как мы уже упомянули, открыла свои двери для верующих в 1945 г.

Особая религиозная атмосфера, царившая в Благодаровке, фиксировалась многими наблюдателями. Отмечалось, что родители не разрешают девушкам ходить в клуб и показывать молодым людям лицо. При этом до 1958 г., до старта антиишанской кампании, описания нравов и деятельности верующих благодаровцев были весьма нейтральными, и не становились предметом пристального изучения. Власти не задумывались о причинах роста верующих, особенно в дни религиозных праздников, а лишь констатировали, что в Благодаровку приезжали единоверцы из Татарской и Башкирской АССР[2].

Однако следует отметить, что ишана Сабирова по-прежнему характеризовали как вполне лояльного и трудолюбивого человека, который своим личным примером показывал образец служения обществу, государству и окружающим[3]. Исключительный религиозный и человеческий авторитет делали ишана духовным «маяком» не только для приверженцев суфийской традиции, но и для верующих, не входивших в братство.

Поэтому смерть В. Сабирова в сентябре 1951 г. привлекла в Благодаровку большое количество мюридов и рядовых верующих. В деревне собрались группы мусульман из различных областей Поволжья, которые стремились почтить память уважаемого ишана. На его могиле был установлена могильная плита с надписью «Шаишт» («Шейх»)[4]. С этого момента захоронение ишана становится местом паломничества для многих правоверных.

Несмотря на повышенное внимание властей к событиям в селе, суфийская

[1] Галимов Ш.Х. Указ. соч.

[2] Миннуллин И., Минвалеев А. Суфизм в советском Татарстане: к постановке проблемы. С. 147.

[3] Галяутдинов И. Указ.соч. С. 128.

[4] Был реабилитирован 18 сентября 1989 г.

[5] Заметим, что благодаровцы первыми в Куйбышевской области зарегистрировали мусульманское религиозное общество, что лишний раз подтверждает их особую приверженность религиозным взглядам.

[6] Практика использования в ритуальных целях сторожек на кладбищах, которые иногда строились не только для хранения погребального инвентаря и проживания сторожа, была широко распространена в Поволжье.

[1] Сабак – специфический элемент суфийской культовой практики: задание, которое дает учитель (муршид, шейх) для ежедневной практики. Обычно состоит из повторения особых религиозных формул (зикр) и цитат из Корана.

[2] В 1956 г. во время ураза-байрама в Благодаровке на молитве присутствовало 300 мужчин, 70 женщин, 25 молодежи (12 членов ВЛКСМ), 25 детей. «Из них 200 человек верующих мужчин и 20 женщин прибыли из других населенных пунктов и других областей и республик Башкирской и Татарской» (ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.26. Л.70).

[3] В этом не следует усматривать противоречия: очевидно, что демонстрируемая лояльность основывалась кроме прочего, на суннитском постулате вынужденного утаивания собственных религиозных убеждений в неблагоприятных условиях во имя интересов всей уммы (принцип «ат-такийа»).

[4] Очевидно, что термин должен был быть прочтен как «шейх». Советские работники имели такое трактование этого слова: «ишанские слова на арабском языке», означающие «руководитель поклонников, которые дали клятву быть верными «Святой книге» XV в. и всем «ишанам»».

традиция не только не сдавалась, но и крепла. 1 сентября 1951 г. в Благодаровку приехал второй известный авторитетный ишан – Габдулбари Мулюков. Его кандидатура как имама-хатыба Благодаровской мечети была утверждена ЦДУМ и прошла официальную процедуру регистрации в канцелярии Уполномоченного по делам религиозных культов по Куйбышевской области[1].

Информация о нем быстро распространилась по мусульманским регионам Союза и паломничество в Благодаровку приняло значительные масштабы: ширилась и география, и численность. «Богомольцы» приезжали из Октябрьского, Аксубаевского, Первомайского районов ТАССР, Башкирской АССР, Пензенской, Астраханской областей, причем зачастую из тех населенных пунктов, где имелись зарегистрированные религиозные общества и открытые мечети[2].

Вероятно, в 1954-1956 гг., то есть до того момента, когда был снесен мавзолей, зикр проводился в мавзолее на кладбище, затем муршид и мюриды проводили радения в здании мечети[3].

Третья заметная фигура среди наследников курманаевских ишанов – мулла Ибрагим Яхин, который появился в селении незадолго до смерти Г. Мулюкова в 1957 г. Его кандидатура также была поддержана духовным управлением, которое зарегистрировало его в должности «имама-хатиба». Причем Уполномоченный не обратил внимание на то, что в период с 1948 по 1957 гг. проживавший в с. Моисеевка Кошкинского района Куйбышевской области Яхин принимал учеников-мюридов из селений Карабикулово и Новое Фейзуллово[4].

После этого ишан Яхин разворачивает свою духовную деятельность в Благодаровке. Формы ее также были вполне типичны и наследовались от предшественников. Слово наблюдателям: «Мулла Яхин по четвергам встречает паломников из других населенных пунктов и после официальных молитвенных собраний верующих остается с паломниками в мечети – занимается вербовкой новых паломников (*обряд «дать руку святому» – Ю.Г.*). Паломники ему дают клятву быть верными Сабирову и Мулюкову». «Все паломники после молитвы в мечети, а иногда вместе с Яхиным идут на кладбище к могилам бывших мулл Сабирова и Мулюкова, там у памятника Сабирова Яхин проводит дополнительное молитвенное собрание»[5].

В 1956-1959 гг. в результате развернувшейся антиишанской кампании, проведенной и организованной совместными усилиями властей и ДУМЕС[6], деятельность ишанов была пресечена. По свидетельству очевидцев, мазар у могилы Сабирова был снесен

[1] ЦГАСО. Ф.4089. Оп.1. Д.15. Л.1.
[2] Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: Сборник законодательных актов, постановлений, распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX-XXI веках / Авт. – сост. А. Б. Юнусова; археограф Ю. М. Абсалямов. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. С. 284.
[3] Об этом см.: Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке. С. 108-120.
[4] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.32. Л.16.
[5] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.32.
[6] О ее содержании см.: Гусева Ю. Н. Суфийские братства, «бродячие муллы» и «святые места» Среднего Поволжья в 1950-1960-е годы как проявления «неофициального ислама» // Исламоведение. 2013. № 2. С. 35-43; Ее же. Борьба со «святыми местами» в Волго-Уральском ре-гионе в 1950-1960-е годы в контексте государственной антирелигиозной политики // Исламоведение. 2012. № 4. С. 29-34.

еще в 1956 г., но паломничество к памятнику умершего муллы Сабирова сохранялось до августа 1959 г.[1] Были планы у властей испортить надпись на могильном камне Сабирова, замарав надпись «шейх». После публикации в декабре 1959 г. в прессе обличительного фельетона «Под белой чалмой» ишан И. Яхин был вынужден покинуть Благодаровку.

В 1970-1980-е гг. в селе, по воспоминаниям очевидцев, продолжал суфийскую традицию Шакирджан-хазрат, но он не имел такого авторитета как предыдущие ишаны[2].

Таким образом, жесткими административными мерами искусственно была прервана суфийская традиция, связывавшая накшбандийскую традицию дореволюционного курманаевского братства с современными реалиями.

Исследовательский интерес также представляют и другие воплощения суфийских практик, которые имели место в данный период в Среднем Поволжье. Речь идет о т. н. святых местах и паломничествах к ним, а также о незарегистрированных муллах-«нелегалах», которые перемещались из одного населенного пункта в другой, совершая различные обряды. За это в официальных источниках они получили уничижительно-презрительное обозначение «дикие бродячие муллы» или «бродячие муллы».

В военный и послевоенный период сохранялась практика посещения «святых мест» не только в Челно-Вершинском районе Куйбышевской области. Так, до начала нового витка антирелигиозной борьбы конца 1950-х гг. жители деревни Татарские Выселки Ставропольского района Куйбышевской области группами в среднем по 10 человек ходили на поклонение святой могиле в г. Тетюши Татарской АССР[3]. В Теплый Стан на могилы ишанов приезжали верующие из Алмалы, Бормы и Кубань-Озера[4].

В 1950-е гг. властями была пресечена попытка организации массовых паломничеств к роднику в Алькино[5]. Так, в апреле 1959 г. областные власти писали местному руководству о том, на что «требуется обратить особое внимание: в селе Алькино имеется водный источник, где летом собираются верующие и называют его «святая вода» – «зямзям» – по словам верующих – эта вода славится не хуже, чем в Мекке, пока что посещают этот источник единицы. Вокруг него сооружена металлическая ограда. Считаю, что Райкому КПСС требуется обратить внимание и ликвидировать (*место сбора – Ю.Г.*), в начале местный мутавалиат и духовенство во время моей беседы в декабре и январе доказывали, что паломничества не наблюдается, но весной (*источник – Ю.Г.*)

[1] СОГАСПИ. Ф.656. Оп.128. Д.17. ЛЛ.101-102.
[2] Миннуллин И. Указ. соч. С. 147.
[3] ЦГАСО. Ф.4089. Оп.1. Д.9. Л.12.
[4] СОГАСПИ. Ф.656. Оп.123. Д.40. Л.129.
[5] Речь идет о сохранившемся до настоящего времени источнике Мурат-бабая («Бабкай чишмасе» или «Родник Бабкая»), который, согласно устной традиции, был назван по имени жившего в этом селении благочестивого мусульманина. По легенде источник забил в том месте, где праведник молился о благополучии односельчан. Вторая версия предания такова: в XVIII в. первопоселенцы Гали-Алькино (в частности, Гали Манашев) поселились у небольшой речки, которая ныне пересохла и превратилась в родник (Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 120).

посещают бродячие-дикие муллы (так в ист. – Ю.Г.) и проповедуют об этом святом источнике – «зям-зям». Мулла первого и мулла третьего прихода сообщили, что они не знают такого источника. Мулла второго прихода общества № 8 Сайфулла Ильясов заявил, что такой источник имеется, но он занесен снегом и покрыт льдом, в зимнее время к нему доступа нет. Мною было потребовано, чтобы этот источник был ликвидирован, а также категорически потребовано прекращение к нему паломничества»[1].

В незарегистрированных группах по пятницам и собирали средства для мулл-нелегалов, которые исполняли религиозные обряды. В 1947 г. и позднее в г. Куйбышеве верующие под их руководством собирались по пятницам. Неофициальные муллы Куйбышева – Галлеев Габбас (жил на Безымянке, 7-я Полевая, д. 55, кв.1), Исмагиль Хамзин (в Глухом переулке, д. 4) продолжали свою деятельность при «попустительстве финансовых работников, которые не желают портить настроение у диких мулл», что давало им «возможность обогащаться и приводило к увеличению молящихся на пятничных намазах»[2].

Среди наиболее известных мюридов Благодаровских ишанов значились куйбышевцы Хайдар Гильманов, его друг – Салих Кутдусов, бывший мулла Давлетша Тухватуллин, которые также являлись муллами без приходов.

В постперестроечный период имам нескольких крупных мечетей Татарстана, в начале 2000-х гг. казый Республики Татарстан, Габделхак хазрат Саматов, тоже был связан с Курманаево и Благодаровкой. В своем интервью, данном в 2003 г., Г. Саматов с благоговением говорил об ишанах вообще и о благодаровских наставниках[3]. Он же был муршидом некоторых современных самарских имамов: к примеру, Габделахата Мингачева[4].

Духовным наставником Т. Таджутдина являлся авторитетный духовный лидер г. Казани, бывший в 1970-1980-е гг. имамом казанской мечети «Марджани», Ахметзаки Сафиуллин (Ахмад-Заки-хазрат б. Сафиулла аль-Алиши аль-Мурасави, 1896-1995)[5]. А. Сафиуллин обучался в медресе с. Кизляу у знаменитого Хасана Губайдуллина.

Отец бывшего муфтия ДУМ Самарской области, ныне – казыя ЦДУМ, Вагиза Яруллина[6] – Лутфулла Яруллин[7] был мюридом Благодаровского ишана Габдулбари Мулюкова[8].

В начале 2000-х гг. в знаменитом Кизляве (Курманаево) попечением и инициативой бывшего муфтия Самарской области Вагиза Яруллина был облагорожен т. н. святой источник, к которому современные местные жители приходят за «святой водой».

Несмотря на это, следует признать, что к концу XX в. ишанизм как явление исчез, исчезло и обозначение «ишаны» применительно к религиозным лидерам, а суфийские традиции в Поволжье в целом были практически утрачены. Исключение составил лишь культ «святых мест», связанный с практическим (обрядовым) уровнем суфийской традиции, а также отдельные обрядовые элементы (хаер, мавлюд, целительство), которые в традиционно в массовом сознании были связаны с ишанами.

Полагаем, что официальное духовенство, имамы, которые показывают лояльное отношение к подобным явлениям, демонстрируют осмысленную стратегию привлечения людей, которые только встают на путь ислама, что вполне актуально в условиях современной религиозной ситуации. Заслуживает уважения то, что, избегая крайних оценок (обструкции или восхваления), духовные наставники фактически поддерживают традиционные формы религиозной жизни поволжских мусульман. В этом нам видится залог сохранения и самобытности татаро-мусульманских общин региона и неприятия разнообразных нетипичных идей и настроений.

[1] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.32. Л.12.
[2] ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.26; Сафин И. Самарско-куйбышевские муллы – знаем ли мы их? // Самарские татары. 2013. № 1(2), январь, март. С. 57.
[3] Минвалеев А. Когда настанет судный день? // Восточный экспресс. 2003. 14 февраля. № 6 (107) (http://subscribe.ru/archive/culture.world.tatarlar/ 200402/ 02000602. Html, дата обращения – 28 января 2013).
[4] Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 35.
[5] 33 г. служения Истине и Отечеству. Верховный муфтий России/ Сост. А. Б. Юнусова. Уфа: ГУП УПК, 2013. С. 21.
[6] С 7 июля 2012 г. в должности муфтия ДУМСО работает сын В. Яруллина – Талип-хазрат Яруллин.
[7] В 1970-1980-е гг. он был имамом одной из мечетей с. Старое Ибрайкино Аксубаевского района РТ.
[8] Галяутдинов И. М. Указ.соч. С. 126.

Таблица 1

Данные о количестве мечетей Самарской области

Год	Количество мечетей
До 1788	15
1859	93
1889	110
1915	166
1928	47
1951	19
1960-е – 1970-е	14
2007	71
2013	78

Таблица 2

Примерные даты строительства мечетей Самарской губернии (по состоянию на 1915 г.)

Уезд	Год постройки
Самарский уезд	
Иглайкино	1* (1885)
Мулловка	1 (1810)
Новая Тюгальбуга	1 (1825)
	2 (1891)
Новое Фейзуллово	1 (1888)
Старая Тюгальбуга	1 (ок. 1715)
	2 (1883)
	3 (1888)
Старое Фейзуллово	
	2 (1882)
Спиридоновка	1 (1832)
Ставропольский уезд	
Абдреево	1 (1830/1867)
	2 (1911)
	3 (1911)
Абдулово	1 (ок. 1700)
	2 (1901)
Аллагуловка	1 (1815)
	2 (1888)
	3 (1874)
	4 (1909)
Асаново	1 (ок. 1815)
	2 (1906)
Боровка	1 (1819)
	2 (1886)
Бритовка	1 (1840)
	2 (1830)
Верхний (Новый) Сентемир	1 (1829)
Елховый Куст	1 (1820)
	2 (1898)
Енганаево (Ентудино)	1 (1815)
	2 (1881)
	3 (1901)
Ертуганово	1 (ок. 1615)
	2 (1854)
	3 (1906)
Кубань Озеро	1 (1830)
	2 (1909)
Лабитово	1 (1829)
Моисеевка	1 (1775)
	2 (1901)
	3 (1912)
Мордовое Озеро	1 (1858)
	2 (1901)
	3 (1914)
Мулеев Враг	1 (1865)
Ново-Урайкино	1 (1855)
Новое Уразгильдино	288
Новые Уренбаши	1 (ок. 1839)
Сабакаево (Сосновый Враг)	1 (1824)
Сабакаево (Авраль)	1 (1829)
Пос. Сентемир	238
Средний Сентемир	1 (1830)
	2 (1890)
Старые Уренбаши	1 (1885)
Старый Сентемир	1 (1824)
Татарские Выселки	1 (1836)
	2 (1840)
	3 (1907)
	4 (1912)
Татарский Колмаюр	1 (1849)
	2 (1901)
Теплый Стан	1 (1829)
	2 (1886)
	3 (1905)
Уразгильдино	1 (ок. 1822)
	2 (ок. 1871)
	3 (1904)
Филиповка	1 (1830)
	2 (1874)
	3 (1876)
	4 (1890)

Чувашский Колмаюрт	1 (1840)
	2 (1862)
	3 (1899)
	4 (1904)
Бугульминский уезд	
г. Бугульма	1 (1899)
Абдикеево (Татарское Абдикеево)	1 (1829)
	2 (1911)
Денискино	1 (1837)
	2 (1852)
	3 (1906)
	4 (1907)
	5 (1911)
Бугурусланский уезд	
г. Бугуруслан	1 (1869)
Абдрахманово	1 (1901)
Азаматово	1 (1906)
Алькино	1 (1808)
	2 (1895)
	3 (1906)
Асекеево	1 (1769)
	2 (1874)
	3 (1889)
Бакаево	1 (ок. 1769)
	2 (1888)
Балыкла	1 (1745)
	2 (1902)
	3 (1909)
Верхне-Ново-Кутлумбетево	1 (1828)
Камышла	1 (ок. 1769)
	2 (1877)
	3 (1885)
	4 (1911)
Карамали Кутлуево	1 (1840)
Мочалейка	1 (1858)
	2 (1890)
	3 (1911)
Новое Аширово	1 (1848)
	2 (1902)

Новое Ермаково	1 (ок. 1779)
Новое Мансуркино	1 (ок. 1819)
	2 (1896)
	3 (1905)
Новое Султангулово	1 (1877)
	2 (1890)
	3 (1907)
Новое Усманово	1 (ок. 1766)
	2 (ок. 1819)
	3 (1910)
Новое Якупово	1 (1846)
	2 (1890)
Новый Тирис	1 (1797)
Старо-Кутлумбетево	1 (1845)
	2 (1903)
Старое Аширово	1 (1838)
	2 (1912)
Старое Ермаково	1 (ок. 1769)
	2 (1882)
	3 (1903)
Старое Султангулово	1 (1754)
	2 (1875)
	3 (1890)
Старое Усманово	1 (ок. 1769)
	2 (ок. 1819)
Старое Якупово	1 (1791)
	2 (1911)
Старые Шалты	1 (1804)
	2 (1905)
Татарский Байтуган (Верхнее Ермаково)	1 (1767)
Тирис Усманово	1 (1812)
	2 (1906)
Чеганлиха	1 (1799)
	2 (1906)
Шалтинский Выселок	1 (1859)

* Цифра перед датой означает порядковый номер мечети. Например, «1» означает «первая соборная (или пятивременная) мечеть».

Источники: ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. ДД. 1679 (1859), 3068 (1869), 3509 (1879), 4490 (1904), 5870 (1915); Оп.10. Д.354 (1876).

Таблица 3

Количество мечетей и приходов Самары и Самарской области (2013 г.)

Населенный пункт	Количество мечетей
Города и районные центры	
г. Самара	4
г. Тольятти	1
г. Новокуйбышевск	1
г. Отрадный	1
г. Похвистнево	2
г. Сызрань	3
г. Чапаевск	1
р.ц. Большая Глушица	1
р.ц.Камышла	2
р.ц.Кинель-Черкасский	1
р.ц. ст. Клявлино	1
р.ц. Шентала	1
Районы	
Безенчукский	1
Большечерниговский	1
Волжский	1
Елховский	5
в т.ч.с.Кубань Озеро	1
с.Мулловка	1
с.Теплый Стан	3
Камышлинский	11
в т.ч.пос.Бузбаш	1
д.Давлеткулово	1
с.Новое Ермаково	1
д.НовоеУсманово	1
с. Старая Балыкла	1
д.Старое Ермаково	1
с.СтароеУсманово	1
с.Татарский Байтуган	1
пос.Чулпан	1
Кинельский	1
Кошкинский	3
в т.ч. д.Надеждино	1
д.НовоеФейзуллово	1
с.СтароеФейзуллово	1
Красноярский	3
в т.ч. пос.Булак	1
д.Новоурайкино	1
пос.Угловой	1
Похвистневский	15
в т.ч. с.Алькино	3
д.Венера	1
д.Красный Мост	1
пос.Новомочалеевка	1
с.НовоеМансуркино	2
пос.Нугай	1
пос.Пример	1
д.СтараяМочалеевка	4
пос.Сукаевка	1
Ставропольский	2
Челновершинский	5
в т.ч. д. Благодаровка	1
с. Заиткино	1
пос.Малый Нурлат	1
пос.Новый Нурлат	1
с. Сов.Нурлат	1
Шенталинский	4
в т.ч. с. Денискино	1
с. Татарское Абдикеево	1
Итого:	**71**

Источник: справка РДУМ СО (2013 г.).

Таблица 4

О действующих имамах и молитвенных зданиях мусульман (1945 г.)

Местонахождение мечети	ФИО служителя культа	С какого времени функционирует мечеть
Алькино	Нет постоянного служителя, служат старики по очереди	Не закрывалась
Алькино	Нет постоянного служителя, служат старики по очереди	Не закрывалась
Алькино	Нет постоянного служителя, служат старики по очереди	Не закрывалась
Нугайка	Нет постоянного муллы	Не закрывалась
Ново-Мансуркино	Нет постоянного муллы	Январь 1944
Благодаровка	Валиахмет Сабиров	1892
Денискино	Нет постоянного муллы	Не закрывалась
Карабикулово	Нет постоянного муллы	Не закрывалась
Камышла	Шарипов Мухаметдин	1902
Бузбаш	Неофициальный мулла Садр-шаитов Кутдус	1929
Давлеткулово	Неофициальный мулла Даззян Аметзянов	1923
Старое Ермаково	Нет постоянного муллы	1894
Мазгут	Нет постоянного муллы	1925
Старо-Усманово	Нет постоянного муллы	1883
Бакаево	Галимов Гады	1895
Новое Усманово	Мингазов Дариф	1888
Татарский Байтуган	Сагдиев Фатых	1895

Составлено по: ЦГАСО. Ф.Р4089. Оп.1. Д.2. ЛЛ.2-2об.

Таблица 5

Справочные сведения о действующих зарегистрированных мечетях и имамах Куйбышевской области (1951 г.)

Район, населенный пункт	Когда открыта	Год постройки	Имам
Камышлинский р-н Пос.Бузбаш	5.07.1945	1929	Зиганьшин Халимша
Камышла	17.05.1945	1886	Шарипов Мухаммед Гали
Старое Усманово	25.06.1945	1900	Садриев Минутдин Сабурович
Татарский Байтуган	5.05.1945	?	Сагдеев Фатых
Новое Усманово	28.04.1945	1926	Хайбурахманов Хусаин
Новое Усманово (новое село)	26.03.1945	1930	Хуснутдинов Гариф
Бакаево	26.03.1945	1890	Зарипов Гильмутдин Фатхутдинович
Старое Ермаково	14.11.1945	1870	Гусалиев Хасим Гусамович
Давлеткулово	25.06.1945	1926	Хисамутдин Мифтахутдинович
Новое Мансуркино	28.04.1945	1850	Ильясов Сатдар
Новое Фейзуллово	14.03.1949	1916	Гайнуллин Насыбулла
Елховский р-н Теплый Стан	29.12.1946	1897	Гильманов Гирей
Челновершинский р-н Благодаровка	22.03.1945	1908	Сабиров Валиахмет Сабирович
Похвистневский р-н Алькино (первый приход)	26.05.1945	1912	Иоханов Кутлахмет
Алькино (второй приход)	4.06.1945	1890	Шангареев Калям
Алькино (третий приход)	8.06.1945	1908	Нуреев Салыдутдин
Нугайка	20.09.1945	1925	Шаниев Валиахмет
Шанталинский р-н Карабикулово	5.04.1947	1913	Нет имама
Ставропольский р-н Тат.Выселки	14.11.1945	?	Баталов Шагимердян Валиуллович

Источник: Государственный Архив Российской Федерации. Ф.6991. Оп.4. Д.27.

Таблица 6

Мусульманские религиозные учебные заведения в Самарской губернии (1927/1928 учебный год)

Район	Кол-во школ	Кол-во учителей	Кол-во учащихся	Кол-во мечетей
Мелекесский	24	24	876	105
Бугурусланский	2	1	50	105
Бузулукский	2	2	45	15
Самарский, Пугачевский	Не имеется	Не имеется	Не имеется	Нет данных
Итого:	**28**	**27**	**991**	**225**

Составлено по: Центральный Архив ФСБ. Ф.2. Оп.6. Д.459. Л.36.

Таблица 7

Ахуны Самарской губернии в XIX – начале XX в.

Уезд	Имя, фамилия	Имамом какого прихода являлся	Когда находился в звании ахуна	Примечания
Самарский	Зейнуль Габеддин Абдряхимов Мельзетдинов	Первый имам первой мечети г. Самары	С 1875	Родом из крестьян д. Индерки Среднеалазинской волости Кузнецкого уезда Саратовской губернии
	Шигабутдин Хуснутдинов Минюшев	Имам второй мечети г. Самары	С 07.04.1888	Мещанин, г. Буинск; в 1916 г. награжден золотой медалью МВД «за усердие»
Ставропольский	Мухамет Зариф Ибрагимов	Д. Филиповка	С 1836	С 1852 г. его помощник – Мухамет Абдулмязитов (сын А. Мавлютова)
	Абдулмязит Мавлютов	Д. Филиповка	ранее 1852	был ахуном до смерти в 1867 г.
	Мухамет Абдулмязитов	Д. Филиповка	утвержден 20.12.1867	сын А. Мавлютова
	Насретдин Шамшетдинов	Д. Старое Фейзуллово	ранее 1915	
Бугульминский	Хамидулла Сейфутдинов	нет данных	ранее 1883	
	Фаттахутдин Бикбов	Д. Токтарова Урдала	С 1860 по 1883	
	Галяутдин Фаттахутдинов Бикбов	Д. Токтарова Урдала	С 1884	сын Ф.Бикбова
	Миргаляутдин Шарафутдинов	Д. Каракашлы	С 1884	
	Масагут Габдулгалиев Губайдуллин	Д. Байряково	С 1914	
Бугурусланский	Фасхутдин Муфтахутдинов Мратов (Муратов?)	с. Алькино	С 1857 по 3.09.1871	из тархан-башкир той же деревни
	Аббяс Абдулхаиров Субеев	Д. Мочалейка	С 1861	неуказной ахун*
	Габдулмязит Габдулкадыров Габдулмязитов	Д. Асекеево	ранее 1898	
	Мухамет Гариф Хуснутдинович Рахманкулов	г. Бугуруслан	С 1902	
	Хуснулла Багаутдинович Багаутдинов	Д. Старое Ермаково	ранее 1915	
Бузулукский	Абдулмакур Абдряхимов		до 1851	
	Мувтахутдин Гадилов	Д. Мулюково	С 1851	из крестьян д.Камышла
	Мухамет Садык Салихов	Д. Кзыл Мечеть	до 1889	

* Ахун, не прошедший официальное утверждение в Оренбургском Магометанском Духовном Собрании и не имевший соответствующих документов.
Источники: ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. ДД.1679, 3032, 3068, 3685, 3985, 5430, 5870; Оп.10. Д.354.

Таблица 8

Ахуны Самарской губернии в XIX – начале XX вв.

Уезд	**Имя, фамилия**	**Имамом какого прихода являлся**	**Когда находился в звании ахуна**	**Примечания**
Самарский	Зейнул Габдил Абдряхимов Мельзетдинов	Первый имам первой мечети г.Самара	С 1875	Родом из крестьян д.Индерки среднеалазинской волости кузнецкого уезда саратовской губернии
	Шигабутдин Хуснутдинов Минюшев	Имам второй мечети г.Самара	С 07.04.1888	Мещанин г.Буинск; в 1916 награжден золотой медалью мвд «за усердие»
Ставропольский	Мухамет Зариф Ибрагимов	Д. Филиповка	С 1836	С 1852 г. его помощник – мухамет абдулмязитов (сын а. Мавлютова)
	Абдулмязит Мавлютов	Д. Филиповка	Ранее 1852	Был ахуном до смерти в 1867 г.
	Мухамет Абдулмязитов	Д. Филиповка	Утвержден 20.12.1867	Сын А. Мавлютова
	Насретдин Шамшетдинов	Д. Старое Фейзуллово	Ранее 1915	
Бугульминский	Хамидулла Сейфутдинов	нет данных	Ранее 1883	
	Фаттахутдин Бикбов	Д. Токтарова Урдала	С 1860 по 1883	
	Галяутдин Фаттахутдинов Бикбов	Д. Токтарова Урдала	С 1884	Сын Ф.Бикбова
	Миргаляутдин Шарафутдинов	Д. Каракашлы	С 1884	
	Масагут Габдулгалиев Губайдуллин	Д. Байряково	С 1914	
Бугурусланский	Фасхутдин Муфтахутдинов Мратов (Муратов?)	С. Алькино	С 1857 по 3.09.1871	Из тарханбашкирской же деревни
	Аббяс Абдулхаиров Субеев	Д. Мочалейка	С 1861	Неуказной ахун*
	Габдулмязит Габдулкадыров Габдулмязитов	Д. Асекеево	Ранее 1898	
	Мухамет Гариф Хуснутдинович Рахманкулов	Г. Бугуруслан	С 1902	
	Хуснулла Багаутдинович Багаутдинов	Д. Старое Ермаково	Ранее 1915	
Бузулукский	Абдулмакур Абдряхимов		До 1851	
	Мувтахутдин Гадилов	Д. Мулюково	С 1851	Из крестьян д. Камышла
	Мухамет Садык Салихов	Д. Кзыл Мечеть	До 1889	

* Ахун, не прошедший официальное утверждение в Оренбургском Магометанском Духовном Собрании и не имевший соответствующих документов.
Источники: ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. ДД.1679, 3032, 3068, 3685, 3985, 5430, 5870; Оп.10. Д.354.

Таблица 9

Данные о количестве магометанских школ и учащихся в Самарской губернии (1880 г.)

Уезд	**Кол-во школ**	**Мужчин**	**Женщин**	**Всего**
Самарский	8	278	160	438
Ставропольский	32 (14 мужских, 8 женских, 10 совместных)	635 в мужских, 210 в совместных	74 в женских, 117 в совместных	1136
То же	10 школ с преподаванием русского языка	370	70	440
Бугульминский	51 (48 совместных и 3 женских)	1 842	70 в 3 женских, 357 в совместных	2 269
Бугурусланский	9 (8 мужских и 1 совместная)	415 в мужских, 100 в совместной	Женских школ нет, в совместной – 50	565
Бузулукский	12	2 231	66	2 297
Николаевский	Особых школ нет, муллы обучают в домах безвозмездно детей обоего пола			
Итого:	**122**	**6 081**	**964**	**7 145**

Составлено по: ЦГАСО. Ф.3. Оп.28. Д.3.ЛЛ.2-16 об.

Таблица 10

Численность татар в Симбирской губернии по IV ревизии (1782 г.)

Адм. единица (округа)	Кол-во крещеных	Кол-во некрещеных	Итого			
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Алатырская	1	–	–	–	1	–
Буинская	639	588	8035	8525	8674	9113
Карсунская	18	24	896	811	914	835
Котяковская	37	23	368	392	405	415
Курмышская	127	131	3978	4010	4105	4141
Самарская	27	25	462	528	489	553
Сенгилейская	10	3	–	–	10	3
Симбирская	2151	2285	2759	2977	4900	5262
Тагайская	131	117	1546	1593	1677	1710
Итого:	3227	3269	19067	19909	22294	23178

Источник: Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 389.

Тагирова Н.Ф.

ВКЛАД ТАТАР В ЭКОНОМИКУ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Цель этого раздела – рассказать о жизни и хозяйственной деятельности татар Самарской области, о наследии, которое оставили наши предки, трудившиеся на этой земле издавна, и о тех, кто преумножает богатство нашей Самарской земли. Рассказать об этом не просто. Ведь экономика – это и хозяйство, и экономические отношения, и личные семейные истории. Времена сменяют друг друга, меняются эпохи, но есть устои семьи и быта и фундамент хозяйственной жизни народа, которые остаются неизменными во времени. Поэтому главной линией нашего изложения станет проблема «Человек и его время», хозяйственная, материальная жизнь его, его семьи, изменяющаяся во времени.

Для этого нам придется вспомнить о самых ранних периодах самарской истории. Но основная часть нашего рассказа будет касаться последних двух столетий. Девятнадцатого, двадцатого и немного двадцать первого. За это время на Самарской земле произошли огромные изменения. Немалую роль в процветании и развитии экономики Самарской области сыграли и татары. Хозяйственную деятельность татар мы рассматриваем на общем фоне социально-экономических преобразований России.

Непросто раскроить «бесшовную ткань» времени на части. В истории экономики, в зависимости от тех или иных признаков, можно выделить разные эпохи (периоды) – аграрную, промышленную и современную (информационную). Внутри каждой из эпох протекала экономическая жизнь, которая использовала свои формы производства, обмена: традиционный обмен продуктами труда, рыночный (капиталистический) и государственно-распределительный. Одновременно важно обозначить и государственные, политические изменения.

Хозяйственная жизнь протекает на фоне самых разных политических и военных событий, государственных преобразований и реформ, революционных потрясений, что, безусловно, оказывало сильное влияние на экономику. Ориентируясь на эти вехи, отправимся в прошлое, чтобы наиболее полно обрисовать вклад татарского народа в экономическое развитие и процветание родной Самарской земли.

Поволжье и Самарский край во внутренней политике Российского государства.

Обратимся к истории государства, к тем переменам, что влияли на жизнь народов, отельных семей. Ты помнишь, уважаемый читатель, что поволжские земли в разные века принадлежали разным государствам. В IX - XII вв. в нашем крае процветало государство Волжская Болгария. В XIII - XV вв. – этими землями владела Золотая Орда (XIII-XV вв.). В XVI в. это были земли Казанского ханства. После

его завоевания Иваном Грозным волжские земли стали российскими. Присоединение Поволжья к Российскому государству было начальным шагом в долгом процессе инкорпорации (вхождении, встраивании) этих земель к российским условиям. Он имел многоплановый характер, включая решение вопросов охраны, управления, хозяйственного освоения и развития, установления межнациональных и межконфессиональных вопросов. Все они взаимосвязаны, рассматривались властью не только в контексте укрепления государства, но и экономического, национального единения. В разные эпохи эти вопросы решались под воздействием господствовавших в обществе воззрений.

После падения Казанского ханства и присоединения Поволжья российское правительство ставило задачу укрепиться на многонациональной территории. Татарам, пошедшим на службу, была жалована земля на льготных условиях. Так появилась сословная этническая группа служилых татар на рубеже XVII – XVIII в[1]. В 1714 г. их было около 34 тыс.

Позже, уже в XVIII вв. они были переведены в разряд государственных крестьян с уплатой поземельного налога.

В Самарских краях, в районе реки Кинель в 1613 г. Булату Монашеву были пожалованы бобровые ловли[2]. Со временем вокруг этих территорий выросли многочисленные татарские селения. Э. М. Гибадуллина, анализируя их современные названия в районах Бузулука, Бугуруслана, отмечает их тюркское происхождение (слово «кандыз» в названии селений означает «бобер»)[3]. Мусульмане привлекались и к военной службе – охране крепостей на Волге. Так среди казаков появились мусульмане. На территории будущих уездов Самарской губернии – Бугульминском, Бугурусланском, районе г. Мензелинска появились селения, где проживали ясачные крестьяне (платили налог в форме ясака)

В XVIII в. было начато строительство оборонительных укреплений, линий. Восточные границы должны были иметь границу, города-крепости, таможенные посты. Вокруг же оборонительных линий возникали поселки с мирным населением. Татарские селения создавались в Самарском, Ставропольском уездах, ближайших районах – Спиридоновка, Мулловка, Нижний и Верхний Нурлат, Старая и Новая Тюгальбуга и т др. Одновременно с иммиграцией в начале XVIII в. заметно и дальнейшее продвижение татар в Заволжье, юго-восточные степи Оренбуржья, Зауралье и Сибирь.

Все эти миграционные процессы одновременно были и расширением Российской империи, завоеванием, и хозяйственным освоением волжских территорий. Временем распространения на волжские территории христианских воззрений, в том числе

[1] Эти реформы изменяли их хозяйственный статус, получение государственного жалованья означало сокращение землевладения, затем лишение права владеть крепостными крестьянами. По способу землевладения они были приравнены к крестьянам-однодворцам, платившим подушную подать. – Загидуллин И. К. История татарского народа (XVIII – начало XX в.): Учебное пособие для 11 кл. Казань, 2010. С. 14-15.

[2] На протяжении XVII-XVIII вв. потомки Монашева занимались бобровым промыслом. – См. Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX- начале XX вв. Нижний Новгород, 2008. С. 23-24.

[3] Там же. С. 24.

насильственными попытками изменения веры.

Продвижение из центральных районов страны на земли, заселенные местными народами, не было мирным. Наступление новых государственных установлений, введение налогов как бы надстраивалось на привычные формы жизни. Старые, привычные местным народам формы жизни, не отменялись сразу. Волжские земледельцы считались государственными крестьянами и должны были выплачивать поземельный налог. В 1722 г. для волжских крестьян была установлена отработочная повинность. Ее выполнение означала участие в строительных работах (в том числе в строительстве новой столицы Петербурга). Так же, как и во внутренних губерниях, крестьяне должны были выплачивать подушную подать.

Ответной реакцией местного населения (башкир и татар) на усиление налогового бремени, вмешательство во внутренние дела замкнутого сельского мира, невыполненные государственные обещания стали масштабные выступления против власти в 1704-1711 гг., 1735-1740 гг. Они охватывали большие территории Средней и Нижней Волги, Сибири. Во главе восставших сначала были представители старых ханских родов. Впоследствии они признали власть российского императора, перейдя на государственную службу.

По мере усиления насильственной христианизации мусульман число недовольных росло. Идея защиты ислама объединяли все большее число недовольных[1]. Сопротивление нарастало.

Военные крепости, появившиеся в это время (1730-1749-е гг.), дали жизнь татарским слободам Кондурча, Аманакская, Сарбайская, Криволуцкая, Кувацкая, Бугурусланская, Бугульминская. Самаро-Оренбургская линия крепостей, построенная в связи с башкирскими восстаниями 1736 г., дала жизнь селениям Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская, Новосергиевская. Здесь татары часто селились на башкирских вотчинных (наследуемых) землях. Татары, арендовавшие их, назывались припущенниками (арендаторами).

Административные реформы закрепляли позиции российской власти. В 1798 г. в Урало-Поволжье были созданы кантоны, особая система управления, просуществовавшая до 1865 г., которая позволяла поддерживать баланс в управлении многочисленными народами и сословиями с учетом самобытных традиций и норм жизни[2]. Со временем возникнет иная модель (форма) государственно-исламских отношений. Политика веротерпимости по отношению к мусульманам (при Екатерине II) даст возможность в перспективе соединить интересы власти и татарских купцов в торговле с южными государствами. Но это произойдет уже в XIX в.

Освоенная территория – территория с дорогами. Строительство дороги на Москву, именуемая Новой дорогой, или Большой, дало жизнь почтовому, транспортному сообщению в крае. Эти перемены давали жизнь новым группам населения. Ее составили строители дорог, которые на время строительства освобождались от уплаты на год всех государственных налогов сроком,

[1] Загидуллин И. К. История татарского народа. С. 16-35.

[2] Оренбургскими, уральскими казаками, башкирами и мишарами.

перевозчики – ямщики. Примерно 2 тысячи татар в середине XVIII в. проживали в пяти селениях Бугурусланского уезда Наурузово, Кутлумбетово, Якупово, Тирес-Усманово, Шалты и четверых селениях Бугульминского уезда (Альметево, Карабаш, Дымская и Кандыз Татарский). Все эти селения были чисто ямщицкими. И еще в округе, примерно в 16 селениях жили татары, занимавшиеся ямщицким промыслом.

Известны также ямские, или «чемоданные» татары, получившие название от самодельных кожаных сумок, в которых они возили почту (по указу 1829 г.). Ямщицкий извоз, почтовая гоньба – весьма значимый для управления империей вид работы.

На левом берегу Волги в конце XVIII в. сложилась особая сословная группа служилых татар – лашманов, занимавшихся тяжелой трудовой повинностью – заготовкой строевого и корабельного леса. Указ Петра 1718 г. «о рубке к теске и вывозке корабельных лесов и для других к тому принадлежащих работ» предписывал «брать на работу Казанской, Воронежской и Нижегороской губерний, также и с Симбирского уезда служилых мурз, татар, мордву и чуваш»[1]. Так возникала еще одна особая сословная группа. В конце XVIII в. лашманы в массовом порядке переселялись на левобережье Волги в селения Абдуллово, Фейзуллово, Нижний Нурлат, Моисеевка, Урайкино и др. Часто, в массовом порядке лашманы стремились записаться в казачество.

Эти крестьяне, предки современных татар, несли государственные повинности. Последовавшие позднее государственные реформы распространялись на эти категории волжского населения. На протяжении XVIII столетия на самарских землях число татарских селений значительно выросло.

В следующие пятьдесят лет, на протяжении жизни еще двух поколений, российское правительство содействовало дальнейшему заселению волжских и заволжских территорий выходцами из центральных районов империи[2]. Цель – развитие здесь земледелия и вытеснение кочевого хозяйства, особенно распространенного в степях Заволжья и Приуралья. Пестрота и многонациональный состав селений многократно возросли.

Государственная задача укрепления территории за Россией была решена, хотя и не всегда мирными средствами. В конце XVIII в. волжские жители, в том числе самарские крестьяне и горожане, оказывали поддержку бунтовщикам в борьбе против государственной власти[3].

Хозяйственное освоение территории продолжалось. Эти многообразные процессы, названные в научной литературе термином «колонизации и хозяйственного освоения Поволжья», довольно подробно описаны. Историки констатируют превращение дальней периферии во «внутреннюю окраину» Российской империи.

Подобную непростую государственную задачу решала не только наша страна. Истории известны пути вытеснения и часто уничтожения коренного населения Северной Америки, куда пришли европейские переселенцы, опыт создания европейскими державами заморских колоний, особенно развернувшийся в связи с индустриализацией, промышленной революцией XIX в.

В конце XIX в. внутренняя окраина довольно быстро стала одним из экономических районов Российской империи. Этому способствовали общероссийские социально-экономические реформы 1860 - 1880-х гг. А здесь, в Самарской губернии, богатые земельные ресурсы, наличие трудовых ресурсов, возможности водного, а затем и железнодорожного сбыта сельскохозяйственных грузов делали Самару и ее окрестности центром регионального рынка. И хотя это была молодая губерния с 1851 г.), ее экономическое значение быстро росло. На биржах (Самарская, Балаковская, Покровская) российские и иностранные покупатели, российское военное ведомство приобретали оптовые партии зерна и муки. Оборот капитала обеспечивали частные и государственные кредитные учреждения. Самара была вплетена в общероссийское рыночное пространство. Банки, государственные и частные, давали возможность получения кредита на короткий срок (коммерческий кредит до 9 месяцев) и долгий, до 66 лет. Учреждения мелкого кредита (кредитные общества, ссудо-сберегательные и кредитные товарищества, общества взаимного кредита и др.), Самарский купеческий банк (1908 - 1917 гг.), Самарский городской банк действовали наряду с крупными банками и торгово-промышленными фирмами.

Самарская губерния, охватывавшая большие левобережные территории вдоль Волги, благодаря степным и лесостепным пространствам, усиливала зерновую специализацию. Животноводство и скотоводство постепенно сокращалось. К началу XX в. Самарская губерния была, пожалуй, самой динамично развивавшейся частью Среднего Поволжья.

XX век для Самарской губернии стал временем стремительного наращивания промышленной мощи. Но мы наш рассказ пока остановим в этой точке. И обозначим другие ракурсы экономического развития, связанные с сельским хозяйством.

В согласии с природой

Самарская область, расположена в среднем течении величайшей реки Европы – Волги. Основные виды работ, хозяйственные связи и отношения выстраивались здесь в зависимости от географического рельефа, истории заселения и освоения этих земель, от государственной политики и той роли, что выпадала Поволжью в разные судьбоносные моменты времени. Административные границы Самарской области охватывали разные земли, изменяли свои контуры, различные населенные пункты переходили в подчинение разным губерниям, областям и автономным республикам. Предки современных татар проживали на этой земле издавна, со времен Волжской Болгарии. А потому для описания хозяйственной жизни наших предков обратимся к истории.

Ранние периоды в истории цивилизации связаны со становлением производительного хозяйства. В труде человек развивается, создает своим трудом продукт, который употребляет

[1] Цит. по Гибадуллина Э. М. с. 35., Загидуллин И. К. История татарского народа.XVIII- начало XX в. Казань, 2010. С. 44-47.

[2] Только в Нижнее Поволжье и Приуралье перебралось за XVIII- первую половину XIX в. более 1 млн. 220 тыс. Чел. Крестьяне из Литвы, Украины, Белоруссии становились волжскими жителями. [Кабузан В. М., 1971. С. 43].

[3] Во время восстания Емельяна Пугачева (1773-1775 гг.)

сам или обменивает на другие, нужные ему продукты. Работа на земле, выращивание хлеба и животных, изготовление орудий труда для этого, традиционный обмен и составили первые, основные занятия человека. Племена, жившие на волжских землях, занимались скотоводством (кочевым и оседлым), разными видами хлебопашества, ремесла и обмена (торговли). Для обмена использовали собственные меры веса, расчетов и т.д. Во времена Волжской Болгарии в качестве денежной единицы использовали меха куницы или белки (тиен). До сих пор это слово в татарском языке обозначает и мелкую разменную монету, и название зверька. Татарская половица «Тиен агачтан агачка, тиен кулдан кулга сикеря» (Белка прыгает с дерева на дерево, а деньги – из рук в руки) отражает двойное использование слова «тиен» и подчеркивает активность обмена на волжской земле с ранних времен.

Представь себе, уважаемей читатель, что ты живешь не в современном XXI веке, где есть возможность мгновенно связаться по телефону с родными, живущими на другом конце земного шара, или, к примеру, проехать на автомобиле по Поволжью, накручивая за день сотни километров. А совсем в другом мире, другом времени, где главное средство передвижения – лошадь, где мало городов, в которых к тому же нет электричества. Правда есть водопровод и баня. Жизнь протекала в природном ритме. Хозяйство, позволявшее жить, растить детей, было связано преимущественно с землей – выращиванием различных видов зерна и животноводством – выращиванием скота, обработкой шкур и мяса, выгоном сала и жира. Чтобы стать мастером кожевенного или ювелирного дела, надо было пойти в подмастерья, потратить несколько лет на обучение. Чтобы изготавливать орудия труда для земледелия и животноводства, орудия войны или охоты, нужна была физическая сила, сноровка, опыт и навык. Да и торговому делу приходилось учиться, языками и счетом владеть.

Везде работали наши предки – в земледелии, скотоводстве и животноводстве, торговле, занимались ремеслами.

Посмотрим, как выстраивалась жизнь тех, кто занимался выращиванием хлебов, вел земледельческое хозяйство.

На северо-западе обширной Оренбургской губернии, куда входили самарские просторы в XVIII в., земледельцы не испытывали здесь недостатка в земле, «кто хочет, тот и пашет. Сколько может» (П. Рычков). До конца XIX в. в Поволжье самым распространенным способом обработки земли было трехполье: часть земли засевалась осенью (озимое), часть весной (яровое), часть земли отдыхала под паром. Но трава этого поля кормила домашних животных. В этом отношении хозяйство татар не отличалось от других народов, проживавших рядом. Орудия труда, используемые при работе на земле, – самые разнообразные, но со своими особенностями. Во времена Волжской Болгарии наши предки использовали тяжелые плуги-сабаны, которые тянули несколько пар животных. И через тысячу лет самарские этнографы отмечали: «до сабана особенно охочи татары». Плуг-сабан использовали для первоначальной вспашки залежей, нетронутой, целинной земли. Почти полное сходство частей булгарского плуга-сабана и того, чем пользовались волжские татары в конце XVIII - XIX вв. – свидетельство генетического родства не только орудий труда, но и земледельческих традиций, передаваемых народом из поколения в поколение.

Сначала почву готовили для посева, ведь семена сажали в подготовленную почву (пашню). Для этого нужно вспахать землю не один, а два или три раза. Плугом проходили дважды, так как плуг взрезал землю в одном направлении, разбивал ее на куски. Второй ход плугом шел поперек первому, бывало, что и третий раз проходили. На подсохшую и согревшуюся после зимы и вспашки землю шли сохой, чтобы разрыхлить ее, разбить куски. Татары чаще использовали двухсошниковую соху с палицей. Сохой или косулей работали крестьяне, а потом еще и бороной («тырма»), чтобы разровнять поле. После бороны земля становилась как пух. Работа с бороной была самой легкой. И вот только теперь, можно сказать, совершен нулевой цикл работ – земля подготовлена к посеву.

Следующий этап работ заключался в посеве. Семена сеяли в теплую, согретую солнцем и трудом почву. Посевы под зиму, когда зерно зимует в земле, называют озимыми. Посевы, высаженные весной и согреваемые на яри – на солнце, – яровыми хлебами. «Лучше голодай, а добрым семенем засевай» – гласит старинная пословица. Далее надо было ждать созревания. Для каждого зерна – свое время сева, своя почва и условия. Быстрее всех растет гречиха – два месяца, 137 дней поспевает озимая и яровая рожь. Но яровая должна еще дозреть недели две (149 дней), чуть меньший срок созревают овес и озимая рожь, если температура немного повыше. Почти полгода надо ждать урожай. А потом еще следует досушить зерно на поле – в снопах, овинах.

Когда хлеб созрел, начинается новый этап работ. Хлеб надо сложить в скирды, или клади (суслоны), предварительно связав в снопы, свезти с поля и сложить неподалеку от места, где хлеб будут молотить. Молотьба связана с отделением зерен от колосьев. В старину молотили цепами, а в XIX – начале XX вв. использовали уже машинные молотилки. Этот процесс описывает наш земляк писатель Алексей Николаевич Толстой, выросший в деревне. В романе «Чудаки» он так описывает молотьбу:

«…На гладко убитом току гудит и пылит паровая молотилка. Бабы подхватывают снопы, летящие с телег, разрезают свясла серпами и подают задатчику. У него борода и волосы полны пыли, руки в голицах ходят вправо и влево, вдвигая в хрустящую пасть машины раскинутый полотном хлеб.

Барабан, пожирая колосья, глухо и ровно гудит: заторопится вдруг, когда задатчик, остановившись, отирает рукавом пот и грязь с лица своего, ухает от поданного вновь и, пережевав, переколотив, бросает в нутро молотилки солому, зерно и пыль. Соломотряс дребезжит, подпрыгивая, выкидывает солому на убитый ток, девки гонят ее граблями, конный возилыщик подхватывает ее доской и рысью едет к новому омету.

Зерно бежит на железные грохота, просеивается сквозь сита и сыплется золотыми струйками в мешок. Соединенный вечно бегущим ремнем, попыхивает длинной трубой зеленый

локомобиль, на колесах его и на меди блестит августовское солнце…»[1].

Средний урожай хлеба высчитывали по выходу зерна из снопов, умноженному на число снопов. Расчет строился разными способами в разных районах России, но всегда с одной десятины земли. Потом зерно провеивали и складывали в амбар, клети или сусеки. Лучшее зерно крестьянин оставлял на семена. И только потом определял, сколько на продажу и сколько можно употребить в пищу.

Самарские татары выращивали озимую рожь, овес, полбу, пшеницу, гречиху, просо, ячмень, горох, чечевицу. Авторы XVIII в. (И. Лепехин и П. Рычков) упоминают о высоких урожаях яровых культур в лесостепной зоне северо-запада Оренбургской губернии (стало быть, в Бугурусланском уезде). Это и неудивительно – такую урожайность обеспечивали очень плодородные залежные и переложные земли, которые только начали входить в стадию обработки и в течение продолжительного времени не теряли своих питательных свойств.

Картофель начал распространяться в России во второй половине XVIII в. Но путешествовавший по нашему краю в 1760 - 1770-е гг. И. Лепехин среди огородных культур татар и башкир картофель не упоминает, а П. Рычков прямо отмечал, что «картофель не знают совсем». И только к середине XIX в. картофель появился на огородах, а потом и на полях. Через полстолетия татары возделывали картофель повсеместно. Его урожайность достигала 700 - 750 пудов с десятины. Картофель стал главной пищей бедняков. С годами его популярность только росла, называли и называют его «вторым хлебом», подчеркивая значение данной культуры в структуре питания народов нашей страны.

Выращивание других овощей у татар менее распространено, чем у других народов края. Видимо, это связано ограниченными возможностями хранения и реализации. Играло роль и то, что в татарской кухне главные блюда – мучные изделия, продукты животноводства. Может быть, и в этом тоже память о кочевом образе жизни далеких предков. Немецкий исследователь И. Г. Георги, описывая жизнь народов Российского государства второй половины XVIII в.), отмечал, что многие татары Казанской, а также Оренбургской губерний сажали в огородах всевозможную зелень. И только к концу XIX века в огороды «пришли» лук, морковь, капуста, огурцы, свекла, редька, хрен, репа, тыква.

Садоводство также долгое время не было популярным. Сады держал достаточно ограниченный круг зажиточных людей.

Популярность пчеловодства заметно выросла во второй половине XIX в. По данным первой Всеобщей переписи 1897 г., 15,7 тыс. крестьянских дворов имеют в общей сложности 194,4 тыс. ульев, то есть в среднем по 12 на семью.

Животноводство было очень развито среди татар. В домашнем хозяйстве скот держали в стойле. Выращивали крупный и мелкий рогатый скот: коров и быков, овец, баранов и коз. Широко практиковалось разведение домашней птицы. Мясо лошадей у татар было излюбленной пищей. В соответствии с религиозными запретами не употреблялась в пищу свинина, из-за чего свиней практически не держали.

Крестьянское традиционное хозяйство – сложный и целостный организм, где все взаимосвязано, одно подчинено другому. И сегодня труд на земле, выращивание сельскохозяйственных животных остается важным делом татар, проживающих в сельской местности.

Тогда, в XIX в., помимо земледелия и скотоводства, на которые уходила наибольшая часть крестьянского времени, татары преуспели в разных видах ремесел. Ремесло (рукомесло) – то, что делалось руками и использовалось в хозяйстве для работы, дома – для удобства и красоты. Труд ремесленника разнообразен. Это могла быть добыча железной руды и изготовление металла для орудий и кузниц (во времена Волжской Болгарии и Золотой Орды). Изготовление изделий из дерева, металла, кож было индивидуальным делом, сродни искусству. Из более простых, но массовых видов ремесел – плетение лаптей, мочальных шлей, рогож.

Так, в XIX в. на севере губернии, Бугульминской, Альметьевской волостях, как описывали местные земские деятели, повсеместно крестьяне занимались изготовлением и сбытом изделий из липового дерева. Вот как они пишут об этом. Три-четыре двора общими усилиями покупали у казны (государства) делянку липового леса, платя примерно 80 руб. за десятину. Весной коллективным трудом своих семей они рубили липовые деревья, обдирали кору и свозили ее в воду для мочки. Мочальники обдирали ее до определенной длины (от 4 до 8 саженей). С каждого дерева можно приготовить 2-4 молчальника. Стоимость каждого такого мочальника на местном рынке примерно 2 коп. В день, таким образом, можно приготовить 20-25 мочальников, заработав 40 - 50 коп. Осенью, в ноябре, везли мочало в город на продажу купцу в Чистополь, где из мочала ткали мешки. Тканием рогож и кулей занимались другие крестьяне, из других деревень. Рогожу продавали на местных базарах, либо альметьевские татары возили их артелями по 5 - 10 возов в степные безлесные районы – Уральск, Оренбург, Заинск.

С этим промыслом был связан и другой, распространенный в соседних селениях – там плели шлеи для лошадей, лаптей, изготовления решет. Изготовление лаптей выгоднее, чем плетение рогожное, так как здесь могли работать малолетние обоего пола, а сам хозяин шил и сбивал одну голову-веревку, наплетённую часть (с. 91). Самая операция плетения шлей требовала работы 4 человек. Вечером, после основной работы, семья может сплести 2 шлеи. Лыки для лаптей и лубки для решет изготавливали и старики. В день – 4 пары за 14 коп. Заработок – ничтожный. Но бывает, что приработать возможно, обходя и предлагая услуги в соседних деревнях. Решета для просеивания муки и зерна тоже изготавливались из лыка.

Еще один промысел – гончарное дело. Начнем с того, что право на рытье глины по лощинам снималось в аренду у хозяина на несколько лет и оплачивалось. Повезло тому, у кого глина на своем надельном участке.

Для обжигания горшков каждый гончар имел вдали от жилых строе-

[1] Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. «Чудаки»// http://modernlib.ru/books/tolstoy_aleksey_nikolaevich/sobranie_sochineniy_v_desyati_tomah_tom_1/read_29/

ний, на огороде горн и рядом с ним специальное строение – горшенну. Она была устроена так: у задней двери устраивались яма для мочки глины, а в передней у окна «обделывали посуду». Ямы для мочки глины могли быть деревянные или каменные. А горн представлял собой большую круглую яму, сажень в окружности, выложенную кирпичом или диким камнем. Дно ямы – выпуклый из кирпичей свод с продольными отдушинами в печь, помещенную под горном в земле на 1,5 аршина длины. Вход в нее сбоку.

Гончар намазывает на дубовый круг слой глины определенной толщины и, опираясь правым локтем на колесо, обделывает формы («внутри пузо делает»), вертя в то же время круг левой рукой. Ножиком он подравнивает неровности, подбивает дно. Затем 4 дня посуда сушится на полатях в горшенной, а потом уже переносится в горн, в сушильню. Гончар укладывает посуду в горне вверх дном, чтобы между поход для огня. И только когда вся сушильня будет заполнена доверху, гончар вылезает из нее и в пустое отверстие, где стоял сам, докладывает посуду одной правой рукой уже сверху, стоя на коленях. В горне укладывается не менее 200 посудин разной величины.

Осенью по окончанию полевых работ вся семья, начиная с 10 - 12 летних детей кончая стариками, переселяется в горшенну для выделки гончарных изделий. Взрослые мнут глину, формуют посуду. Дети обмазывают края блюдечек белой глиной. Таким образом, благодаря коллективному труду ежедневно срабатывается до 25 штук мелких посудин и 10 крупных (с. 95)

В крестьянской семье все необходимое для жизни люди умели делать сами. Сельский быт не менялся столетиями, традиции хозяйствования на земле передавались от отца к сыну, от поколения к поколению.

XIX в. принес много новшеств в самарскую деревню. Век хозяйственных перемен менял все, что связано с процессом производства, сбыта продукции, отношений по земельным, трудовым вопросам. В первой половине столетия расширение земледельческого хозяйства, особенно на юго-востоке региона, меняло укоренившиеся традиционные отношения: земля, переходившая от отца к сыну по обычаю, теперь меняла собственника и хозяина. Землю можно было купить, хотя традиционные формы землевладения и землепользования с присущими им чертами обычного (вотчинного) права еще оставались (четвертное землевладение служилых татар, земли башкирских кантонных начальников, калмыцких нойонов).

Фактически совершался аграрный переворот. В большинстве государств Западной Европы он шел столетиями, сопровождаясь социальными столкновениями. Новую практику аграрных отношений фиксировали правовые, институциональные, организационные перемены. В Российской империи почти все эти перемены пришлись на XIX столетие, а в Волго-Уральском регионе совпали (или резонировали) еще с «волнами» колонизации и промышленного переворота.

Эпоха Великих реформ 1860 - 1880-х гг. – важная веха в истории страны, региональной истории Поволжья. Отмена крепостного права для всех категорий крестьянства, в том числе государственных крестьян, среди которых было много татар, постепенно унифицировала правовое положение сельских жителей разных национальностей. Введение земского и городского самоуправления, реформы образования, суда также создавали новые, более широкие рамки для хозяйствования, прежде всего для проявления деловой активности и предпринимательства.

В Поволжье реформы начались еще раньше – административные преобразования положили начало Самарскому губернскому правлению (1851 г. – образовалась Самарская, в 1865 – Уфимская губернии). Фактически это означало распространение на край внутренних общероссийских правил управления. В эти же годы правительство ликвидировало остатки прошлых самобытных отношений: отменена военная служба башкир, казаков, ликвидировалось четвертное землевладение служилых татар.

Национально-хозяйственные различия на законодательном уровне отменялись, но на уровне хозяйств сохранялись и проявлялись в повседневной жизни и быту.

1860 - 1890-е гг. – время появления железных дорог в Поволжье. Железные дороги, ставшие олицетворением промышленной революции, переворота, переводил на машинные основы не только ручное, мануфактурное производство и промыслы, но и со временем аграрный сектор. Это сложнейший процесс, который возможен при больших инвестициях, он требует централизации управления во всей производственной цепи, иной организации, квалификации работников. В Самарский край он пришел сначала в виде пароходного сообщения, затем фабрик, паровых мельниц, железных дорог. Этот процесс занял почти полстолетия, начиная с 1840-х гг.

Вплоть до 1930-х гг. все стадии технического развития – кустарное производство, которое мы описали на примере горшечного промысла, ручное производство (например, обработка шкур животных), первые фабрики – можно было увидеть на самарских предприятиях в конце XIX в. Да и виды управления, известные на тот момент (частные единоличные, семейные, государственные (казенные) предприятия, акционерные общества) составляли многоплановую панораму промышленного развития региона. В целом доля промышленности Среднего Поволжья в общероссийской была небольшой, но выросла за первую половину XIX столетия с 4 до 6,8 %. При этом большей частью ее простейшие виды развивали в сельской местности и без сильного государственного вмешательства[1].

В новые времена наиболее ценными становились черты принципиально иной культуры, нежели в аграрную эпоху. Организация сложного производства на фабриках и заводах, централизация перевозок, учет и хранение грузов на транспорте, обеспечение ремонтных работ – эти черты индустриальной культуры становились наиболее востребованными. Спрос на квалифицированные инженерные, технические, экономические кадры – реалии индустриальной эпохи. Не менее ценными становились предпринимательские навыки и умения.

Разветвленная сеть банковских и кредитных учреждений давала возможность получить значительные кредиты и ссуды в залог имущества

[1] Льготы и государственные заказы сохраняли предприятия оборонной ориентации (металлургия Урала, оружейные заводы Вятской губернии, суконные мануфактуры Поволжья).

или товара. В губернских центрах и крупных торговых центрах действовали отделения Государственных земельных банков (дворянского и крестьянского), Волжско-Камского коммерческого, Русско-Азиатского и Азовско-Донского, Санкт-Петербургского международного и Русского торгово-промышленного, Банка для внешней торговли и Северного, других столичных кредитных учреждений.

Волжская торговля и роль татар

Очертания обжитой и освоенной территории вокруг Волги, административные границы волостей, уездов и губерний не были постоянны во времени. Государственные реформы меняли статус разных групп населения, проживавших в нашем крае.

По отношению к обмену, торговле это были внешние перемены. Волга была неизменным стержнем этих территорий. Самара – город, стоящий на левом берегу Волги, вошел в орбиту торговых контактов достаточно давно. Официальная дата образования крепости Самара – 1586 г., но поселение было отмечено на картах путешественников итальянских и арабских путешественников гораздо раньше: братья Франческо и Доминико Фра-Мауро в 1367 г. Пицигано в1459 г.) отметили Samar. Арабские и итальянские путешественники, описывавшие наши края, были не просто путешественниками, но «разведчиками» торговли и обмена.

На протяжении многих столетий через Самарскую Луку проходили торговые пути. Волга, ее многочисленные притоки связывали многие народы и государства севера и юга Европы, севера Европы и Центральной Азии, Ближнего Востока.

Единое движение, связующее Балтийское, Черное, Азовское и Каспийское моря, также осуществлялось благодаря Волге, ее притокам и перевалочным сухопутным отрезкам между близлежащими реками и озерами. В разные эпохи этот путь называли Великим Волжским путем. Международный коридор действовал уже во времена Волжской Болгарии.

Вхождение Поволжья в состав Российского государства сделало Волгу рекой внутреннего сообщения. Международные торговые контакты России постепенно меняли направление. Южное и восточное направления (Иран, Среднеазиатские ханства, Индия и Китай) связаны с Волгой, Каспием. Водные пункты пересекались с сухопутными. Города, стоявшие на их пути, становились центрами торговли и быстро развивались. В XVIII – первой половине XIX в. это Казань, Оренбург, Астрахань.

Грузы, прибывавшие по реке, поступали на ярмарки. Сюда же везли товары и сухопутным путем. Международный обмен проходил на ярмарках – Казанской, Оренбургской, Ирбитской. Везде на них присутствовали татарские купцы. Нижегородскую ярмарку называли «меновым двором Европы с Азией». Ярмарочная цепь, то есть непрерывное движение торговавших купцов из одного города в другой, связывала в одну торговую линию Лейпциг – Нижний – Новгород – Ирбит – Тобольск – Иркутск – Тюмень – Кяхту. Эта цепь действовала согласованно круглый год, позволяя купцам последовательно совершать переезды, связывала Европу с Сибирью.

Юго-восточное направление международной торговли обслуживали Оренбургская, Казанская ярмарки, где торговали товарами из Средней и Передней Азии, Среднего Востока. В начале XIX в. в Оренбург приезжали купцы из Касимова, Нижнего Новгорода, Ростова Казани, Астрахани (до 150 чел.). Сюда 1,5 - 2 месяца шли караваны верблюдов из Бухары или Хивы, отсюда пролегал путь вдоль индийско-иранской границы в Калькутту (Индию). Здесь татарские купцы главенствовали. Они представляли российскую торговлю в целом. Можно сказать, были ее лицом.

Близ Оренбурга в Сеитовой (Каргалинской) слободе, еще в XVIII в. проживала группа торговых купцов из числа мусульман, которые, благодаря знанию языков, обычаев мусульманских государств, успешно вели торговлю. Одновременно, отправляясь в торговые экспедиции, они были проводниками Российской империи в странах Востока. Задачи расширения контактов России со странами Востока без татар-мусульман решить было нельзя. В некоторой степени изменение политики в отношении иноверцев (неправославных подданных), переход к практике веротерпимости по отношению к мусульманам при Екатерине II был связан с внешнеполитическими и внешнеэкономическими задачами Российской империи. Татарам были предоставлены льготы (3 % вместо 5 % с оборота по Торговому уставу) при торговле с купцами из Средней Азии, Индии и Ирана[1]. В новом, XIX столетии укрепление юго-восточного направления внешней торговли оставалось важным для Российской империи в контексте русско-английских противоречий из-за влияния на Иран, Индию. И хотя масштабы обмена со странами Востока тогда не были большими[2], торговля по линии Нижний Новгород, Казань, Астрахань и Оренбург делали юго-восточный регион важным элементом международного сотрудничества и соперничества.

Внутренняя торговля в волжских городах проходила также на ярмарках, базарах. Иностранные, восточные товары можно было купить в Гостиных дворах – торговых рядах, которые стали местом постоянной, магазинной торговли.

Сельские жители куплю-продажу вели на сельских, волостных, уездных ярмарках, собиравшихся в дни религиозных праздников. В селениях, где татары составляли большинство, Бугульминский уезд Самарской губернии, например, ярмарки проходили… Сезонные ярмарки[3] были привычным местом покупок и продаж разного уровня от простого менового обмена до скупок продукции большими партиями.

В XVIII – первой половине XIX в. Самара не была среди самых активных торговых городов.

Быстрый экономический рост, а вместе с ним прирост оборотов и форм торговли, ярмарок, лавочек, магазинов заметен в следующую половину столетия. Изменения в торговле был связаны с открывшимися

[1] Шкунов В. Н. Оренбуржье в системе торгово-экономических отношений со странами Востока (вторая половина XVIII- первая половина XIX вв. Саранск, 2002; Он же. Торгово-экономические отношения Российской империи в сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Самара, 2007. С. 23.

[2] В ней участвовало 150 - 200 чел., объемы не превышали 1 миллиона рублей.

[3] В 1863 г. в Российской империи насчитывалось 6287 ярмарок, в том числе 419 в волжских губерниях (Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Пензенская).

возможностями железнодорожного сообщения. Самара, Оренбург, Уфа, Казань стали железнодорожными центрами. Возможности дешевого, удобного, но сезонного сбыта обеспечивали пристани реки Волги и ее притоков. Железные дороги (Самаро-Златоустовская, Самаро-Оренбургская) давали возможность круглогодичного сообщения со всеми районами страны.

Рамки транспортных потоков определяла не только Волга, но и появившиеся железные дороги. Хозяйственное освоение империи перешагнуло Уральские горы. Движение вглубь страны, на восток, в Сибирь и Среднюю Азию обеспечивали Самара, Уфа и Оренбург. Каждая из станций формировала зону притяжения: Царицын – всего юга России и Придонья, Казань – Волжско-Камского региона, Вятской и Архангельской губерний. Линия Сызрань- Самара – Уфа – Челябинск – Златоуст формировала «коридор» в сибирском направлении. До 1908 г. это была единственная рельсовая дорога между Европой и Дальней Азией, Сибирью. Со Средней Азией связь осуществлялась через г. Оренбург, связанный в 1893 г. с Самарской дорогой. Дороги строились на государственные и частные средства, с привлечением кредитов из-за рубежа. Крупный государственный и частный капиталы, имевшие и прежде интересы в Волго-Уральском регионе, все больше укрепляли здесь свои позиции. А регион оказывался вплетенным в единую транспортную сеть страны и мирового хозяйства в целом. Былая окраинность стала далеким прошлым.

К началу XX в. в Поволжье и Самарской губернии, наиболее динамично развивавшейся в эти годы, стало крупным региональным рынком, который давал стране партии зерна, муки, разного вида мяса, кож, сукна и другой товарной продукции. Значимые точки регионального рынка – губернский центр, крупные железнодорожные станции и пристани, притягивавшие сюда грузы соседних деревень.

Промышленное развитие Самарского края и татарское предпринимательство

Изменения, привнесенные промышленной эпохой, наиболее заметны в городах. Их число оставалось неизменным, но росло число городских жителей, их национальное разнообразие. В середине столетия горожане составляли 3 - 8 % населения. К концу века (1897 г.) в Астрахани число горожан выросло с 42,8 тыс. до 113 тыс., в Казани с 63 тыс. до 131,5 тыс., в Саратове с 84,4 тыс. до 137,1 тыс. Они вошли в категорию 19 крупных городов Российской империи (с населением более 100 тыс.). Самара, Царицын (ныне Волгоград), несмотря на быстрый рост, не преодолели 100-тысячную планку: Царицын вырос с 8,5 тыс. до 55, 9 тыс. чел., Самара с 31,9 тыс. до 91,7 тыс.[1] Города пополняли преимущественно приезжавшие сельские жители.

Пореформенные годы – благоприятное время для развития национального предпринимательства. Но надо было суметь воспользоваться новыми возможностями. Ислам, как мы отмечали в начале нашего раздела, всячески поощряет развитие обменов, контактов, торговых взаимоотношений. В этом отношении в Поволжье у мусульманских предпринимателей XIX - начала XX вв. были славные предшественники.

[1] Россия в конце XIX века. С. 61 - 62

Российские предпринимательские династии вырастали быстро – на протяжении двух-трех поколений. Чаще за счет государственных откупов (покупка права на винную торговлю), казенных подрядов, различных посреднических операций. Посредничество – важный канал роста предпринимательства. Пользуясь возможностью скупать прямо на месте пушнину, шерсть, ткани, с учетом значительной разницы в ценах, купцы получали до 20 - 50 % прибыли от первоначальной стоимости, а иногда удваивали размер вложений, просто обменивая товар. Такие купцы, как правило, не имели специализации, действовали по обстоятельствам и на основе личных связей, с большим риском. К примеру, казанские купцы, известные в начале XIX в., создали свои богатства на основе бизнеса, заложенного их отцами, редко дедами[1].

В начале XIX в. купеческих сынов в крае постепенно стали теснить крестьяне, получившие разрешение заниматься торговлей (1804 г.) и записываться в купеческое сословие. В Оренбургском крае выходцы из крестьянского сословия составили 40 % от всех вновь приписываемых купцов [Банникова Е. В. С. 157 - 158]. В основе накопления и расширения капитала таких «новых купцов» лежали скупка и переработка продукции животноводства. Выработка кож, мыловаренное и салотопенное производство, изготовление сукна – типичный купеческий бизнес 1830 - 1840-х гг. Однако по мере расширения земледелия в юго-восточных районах наиболее прозорливые предприниматели развивали операции с недвижимостью, покупая земли, сдавая в аренду земельные угодья и торговые лавки.

Для поволжских мусульман, как отмечает Р. Р. Салихов, на протяжении XVIII – XIX вв. сложились благоприятные условия развития коммерческой деятельности: возможности включения в правовое поле предпринимательства (право получения звания купечества, коммерции советника, мануфактур-советника, потомственного почетного гражданина), отсутствие прямой национальной и религиозной дискриминации в предпринимательской сфере, возможность конкурентного взаимодействия с русской буржуазией, существование особой системы координат в экономической сфере.

Масштабы мусульманского предпринимательства в Самарском крае не были очень большими. Изначально невысокий уровень жизни крестьянства, не имевшего значительных капиталов, а потому и не помышлявшего о самостоятельной хозяйственной деятельности,[2] – общее явление для всех волжских губерний. В недавнем прошлом государственные, удельные или помещичьи крестьяне Поволжья, получившие личную свободу в 1860-е гг., оставались хозяйничать в общине, пользуясь небольшими наделами земли.

Однако часть татарского населения находила источники и возможности для предпринимательства. Торговля являлась главным видом

[1] Как отмечает Л. М. Свердлова, ни одна казанская династия петровского времени на дожила даже до начала XIX в., тогда как семейные формы, возникшие во второй половине XVIII в. удержались на рынке вплоть до 1917 г. // Свердлова Л. М. Купечество Казани: дела и люди. Казань, 1998. С. 8.

[2] Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX-начале XX вв.Н.Новгород, 2008. С 179.

татарского предпринимательства в Среднем Поволжье в начале XX в[1]. Л. Н. Гончаренко отмечал, что во всех губернских городах в конце XIX в. главенствовали три вида торговли (по числу занятых в ней): продукты сельского хозяйства, бессистемная торговля («без точного определения»), торговля тканями. В Самаре торговля тканями занимала второе место после сельскохозяйственной[2].

Раскроем страницы справочника «Коммерческая Самара» за 1911 г., где приведены все владельцы магазинов, складов и торговых лавок в отраслевом разрезе. Время первых автомобилей в Самаре еще не наступило, но керосин, жидкое горючее топливо–товар первой необходимости. Керосин – для домашнего употребления, так как в ходу еще керосиновые лампы, особенно в деревнях. Нефть – для промышленных машин и пароходов. Добыча, переработка, транспортировка и продажа нефтепродуктов были перспективными видами деятельности. Всего лишь несколько компаний в Российской империи фактически контролировали этот бизнес. Товарищество братьев Нобель имело главные позиции на Волге. При этом справочник «Коммерческая Самара» называет среди владельцев самарского магазина и нефтяных складов известного бакинского предпринимателя Ш. Асадуллаева. В Самаре действовало четыре транспортных агентства, фактически аналог современного такси. Из них одно принадлежало М. Т. Гарипову.

Бакалейную лавку содержал Мехти Аббасов, он же вел оптовую торговлю фруктами (товар хранился на складе на Троицком рынке). Здесь же ему принадлежала лавка персидских ковров. Рядом с ним находилась ковровая лавка Юнуса Абдуллаева.

Татарки Хуснетдинова, Рахматуллина на Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева) Самары имели фруктовые лавки. Пожалуй саммым известным торговцем фруктов был Маннафов: он имел магазин, оптовый фруктовый склад на той же Дворянской. Магазин восточных товаров – Бахчи-сарай действовал на Воскресенской площади[3].

Исследователи отмечают, что татарские купцы после соединения Средней Азии с Россией железнодорожным сообщением потеряли свою торговую монополию в этом регионе. Постепенно они переориентировались на свой регион, внутреннюю торговлю[4]. По подсчетам Х. Хасанова чисто коммерческой торговой деятельностью в России занималось 136 предприятий из 154, принадлежавших татарским предпринимателям. В каждом волжском городе (Казань, Бугульма, Чистополь, Нижний Новгород, Астрахань, Оренбург, Троицк, Орск, Самара, Саратов и др.) действовали магазины, где торговали фруктами, бакалейными и мануфактурными товарами, книгами представители татарских династий.

Известно также о наличии в каждом волжском городе бухарских дворов, где проживали торговцы из Средней Азии либо местные мусульмане-торговцы азиатскими товарами. Торговля велась 28 видами продукции. В Самаре «в руках татарских купцов находились все более или менее приличные лавочки до лотков включительно», – отмечала казанская газета «Каспий». «Памятная книжка Самарской губернии на 1913 г.» фиксирует в Самаре 10 фруктовых магазинов, из которых 8 принадлежало татарам[1]. Габд.Маннапова («бойкая торговля ташкентскими, крымскими, астраханскими фруктами»), Арслановых и др. имели большую известность в Самаре. Многие торговые дома, работавшие в губернских центрах, имели собственные отделения в Ташкенте, городах Сибири, иногда за рубежом[2].

Среди владельцев самарских магазинов встречались те, кто торговал импортными товарами – тканями, чаем, галантерейным товаром. «Календарь» и «Памятная книжка Самарской губернии» на 1903 г. упоминает лишь Н. Г. Габидуллова, имевшего магазин тканей на Панской улице Самары[3].

Краевед К. Головкин среди известных торговцев называл Х. И. Халфеева (угол Дворянской и Панской), С. Халфеева (на Панской, между Дворянской и Саратовской), Н. Габидулова (на ул. Панской между Николаевской и Соборной улицами), фруктовый подвал С. Манафова на Дворянской улице[4].

Еще одна значимая фигура самарского мусульманского общества и делового мира – Баишев Махмуд Хусаинович (1872 - 1943). Махмуд Баишев – самый известный ломовик начала XX в. Ломовик – перевозчик крупногабаритных грузов. Эту рыночную нишу в Самаре татары отстояли в конкурентной борьбе. Как пишет А. Н. Завальный, «в 1909 г. перевозка дров для самарских обывателей фактически перешла в руки татар. Это привело к ссорам и дракам извозчиков-татар с их русскими коллегами. Но иноверцев поддержало городское население. Интернационализм объяснялся просто: татары за извоз брали почти в два раза меньше»[5].

М. Баишев родился в Кузнеце Саратовской губернии. В раннем детстве семья переехала в Самару. Отец держал ломовой обоз, выполняя функции перевозчика крупных грузов – хлеба, леса, стройматериалов. С 16 лет М. Баишев, после смерти отца, продолжил его дело. Будучи самоучкой, при этом свободно общаясь на двух языках, сумел сохранить и расширить дело отца[6]. Развитие бизнеса шло по принципу связанных производств. Карета, кузница, мастерские – обслуживали извоз. Склады, сеновалы служили местом хранения товаров, перевозимых к определенному сроку. Одним словом, современные логи-

[1] Гибадуллин М. З. Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России (1861 - 1913 г.).: Дис… канд. экон. наук. Казань, 2001. С. 87.
[2] Гончаренко Л. Н. Указ.соч. С. 99.
[3] Коммерческая Самара и ея уезды. Самара, 1911. С. 17 - 30.
[4] Сенюткина О. Н., Загидуллин И. К. Нижегородская ярмарочная мечеть-центр общения русских и зарубежных мусульман. XIX-начало XX вв. Н. Новгород, 2006. С. 54.

[1] Памятная книжка Самарской губернии на 1913 г. Справочный отдел. С. 57.
[2] При дроблении Торгового дома Маннаповых в Самаре отделения в Ташкенте и Сибири делились между братьями. См.: Самарское купечество: вехи истории/ Под ред. Е. П. Бариновой. Самара, 2006.
[3] Календарь и Памятная книжка Самарской губернии на 1903 г. Самара, 1902. Рекламное приложение.
[4] Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. С. 231.
[5] Завальный А. Н. … С. 93.
[6] Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской исторической мечети (1891 - 2011 гг.) Самара, 2012. С. 193 - 201.

стичкеские маршруты с полным инфраструктурным обеспечением в пределах города.

М. Баишев известен и как координатор строительства мечети в Самаре на Оренбургском спуске, которая была открыта в 1913 г. (он был председателем Попечительского совета). Деловые люди Самары отстаивали свои интересы, интересы города и его населения через институты городского самоуправления. Единственный из татар М. Баишев вошел гласным в состав Городской думы, куда входили также – М. Д. Челышев, А. Ф. Вакано, В. П. Ушков. Будучи гласным думы, активно поддерживал строительство электрического трамвая. 12 февраля 1915 г. в вагоне первого рейса он был среди почетных пассажиров.

Но основные виды татарского предпринимательства в сфере производства – аграрного или промышленного – связаны с сельским хозяйством.

Мусульманский бизнес, по преимуществу – скотоводство, выработка мяса, обработка продукции животноводства (выделка кож, меха и др.), а также связанные с этими основными видами деятельности – отрасли вторичной переработки (мыловаренное, изготовление клея, желатина, производство сукна). В этом сегменте регионального рынка активно действовали в начале века татарские династии, проживавшие в Среднем Поволжье и Приуралье.

Особенности этого бизнеса – обязательное наличие большого поголовья скота, пастбищ, возможности быстрой первичной обработки шерсти (стрижка, мойка) на месте, в самой деревне. Заволжские степные просторы, изобилие сырья, наличие дешевой рабочей силы в лице крестьян, подрабатывавших побочными промыслами в зимние месяцы, – вот та благоприятная среда, в которой он развивался. Скот, скупаемый у киргизов, оценивался очень дешево.

Первичная переработка производилась быстро и дешево. Вторичная, более глубокая обработка связана уже с изготовлением шерсти, сукна, хлопчатобумажных тканей. В XIX в. были известны ситценабивная фабрика Ишмуратова, фабрика валяльной обуви Мулюкова, суконные и шерстомойные фабрики Дебердеева, Акчуриных[1]. Нам не известно, каков был на тот момент технический уровень всех производства, но их предпринимательский характер отрицать нельзя.

Наибольшее распространение в крае получило суконное производство. Здесь действовали предприятия всероссийского масштаба, можно говорить о наличии целого куста связанных между собой предприятий сукноделия. Производство сукна – разновидность текстильного. Это отрасль уже вторичной глубокой переработки. Спрос на различные виды сукна в России был всегда большой: из шинельного сукна изготавливалась одежда для российской армии, и главным заказчиком здесь выступало государство (в лице военного ведомства), а сукно других видов активно покупало мирное население. В Симбирской губернии уже в начале XIX в. действовала сеть суконных мастерских, обрабатывавших шерсть овец, верблюдов, привозимых из низового Поволжья. Мастерские работали преимущественно на военный заказ.

Симбирские суконные мануфактуры зависели от поставок сырья с животноводческих и скотоводческих фирм Среднего и низового Поволжья, где крупные торговые компании занимались перегонкой скота, стрижкой, мытьем шерсти, перетопкой, продажей сала.

[1] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 443, 450.

В конце XIX в. более прибыльным и выгодным становилось хлебное дело. Рост мировых цен на зерно, расширение посевных площадей и сокращение пастбищ ухудшили возможности для предпринимателей животноводческой отрасли. Многие самарские, саратовские купцы стали ориентироваться на хлебную торговлю, обзаведение земельными владениями или промышленную переработку зерна (мукомольный бизнес). Самарские хлеботорговцы Башкировы, Шихобаловы, Сурошниковы, Курлины, саратовские мукомолы Шмидт, Борель, Рейнеке были известны в начале века далеко за пределами региона. Мусульман, занимавшихся крупной оптовой торговлей хлеба, было мало. Судя по источникам, в «Списке фабрик и заводов России 1910 г.» среди 314 владельцев предприятий мукомольного и крупяного производства в Самарской губернии значилось 9 мусульман (2,8 %). Из них четверо проживали в Самарском, трое – в Ставропольском, двое – в Бугульминском уездах[1]. Попавшие в список российских фабрик предприятия имели механический двигатель и не менее 5 рабочих. Среди них С. Х. Муллинов, который рекламировал свой товар: доброкачественные хлебные и мучные изделия продавал в магазине при собственной мельнице в поселке Мелекесс[2]. Простейших мельниц было гораздо больше. Только в Бугульминском уезде губернии из 35 подобных мельниц 15 принадлежало мусульманам.

В начале XX в. производства, связанные с обработкой шерсти животных, производством сукна, стеариновых свечей, мыла, оленина, глицерина и других производств, основанных на переработке продукции животноводства, оказалось в сложных экономических условиях. Удорожание и сокращение пастбищ, сокращение поголовья оборачивались поисками новых источников сырья, новых рынков и партнеров. Мелкие предприниматели испытывали значительные затруднения, хотя и не закрывали его. Мыловаренное производство в поселке Мелекесс Ставропольского уезда организовал купец Шайдул Мухарлямов. Здесь было занято два рабочих, изготавливавших 400 пудов мыла в год на сумму 1500 руб. Купец И. Ибетуллин на хуторе Валеевых в Каратаевской волости Бугульминского уезда организовал производство восковых свечей, где два работника изготавливали 100 пудов продукции на 2000 руб. в год.

А вот предприятие более крупного масштаба. «Памятная книжка Самарской губернии на 1900 г.» разместила рекламное объявление Хасана Хусаиновича Алеева. Приведем его полностью. Оно не обычно по форме, но содержит подробную характеристику продаваемых товаров: «Сим довожу до сведения уважаемых моих покупателей, что на моей суконной фабрике, находящейся при с. Мулловка самарской губернии Ставропольского уезда. Вырабатываются следующие шерстяные изделия:

[1] Гибадуллина Э. М. Указ соч. С. 53.

[2] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на1902 г. Самара, 1901. Рекламное приложение

Из мериносной испанской шерсти сукна гвардейские и прочие всевозможных сортов и цветов, драпы, шевиоты и трико разных рисунков. Из овечьей шерсти: сукна серо-офицерские, серо-армейские. Черные и коричневые с ворсом и без ворса, желтое, меланжевое болгарское, белое онучное, цветные разных цветов, байки, бобрики гладкие и диагональные. Монтоньяк, вигонь, каразеи и трико, а также производится выработка одеял всевозможных рисунков и цветов, больших и малых размеров.

Торговля производится в ярмарках: Нижегородской, Мензелинской, Симбирской (Соборной), Самарской (Воздвиженской), Буинской (Покровской) и имеются все сорта в комиссии в Москве у Циммер и Ковалева (Ильинка, старый Гостиный двор), в Казани у Исмаила Иманкулова. Постоянные склады в Симбирске и посаде Мелекесс, Самарской губернии.

С заказами прошу обращаться по адресу: посад Мелекесс в Самарской губернии и в г. Симбирск, собственный дом. Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Ввиду технических усовершенствований в деле обработки шерсти на мое фабрике все вырабатываемые изделия по ценам и качеству стоят вне конкуренции.

Льщу себя надеждой, что уважаемые покупатели почтут меня своим благосклонным вниманием. Х. Х. Алеев»[1].

Хасан Алеев был известным предпринимателем в Ставропольском уезде. На его фабрике в деревне Мулловка, расположенной неподалеку от Мелекесса, было 275 взрослых и 60 малолетних работников, для которых при фабрике действовала школа, а также больница[2]. По данным 1901 г., здесь было зафиксировано уже 800 рабочих, которыми вырабатывалось сукна на 400 тыс. руб.

Купец второй гильдии Хасан Алеев также, как говаривали тогда, «прихватил» в Мелекессе всю торговлю скотом и кожами. Торговый дом Алеевых и Торговый дом Марковых, другой известной династии в уезде, конкурировали друг с другом. Марковым принадлежали ткацкая мануфактура, пивной и винокуренный заводы, хлебные амбары и доходные дома, мельницы и магазины – большая часть рабочих мест в Мелекессе. Не выдержал конкуренции с Марковыми владелец мануфактурных магазинов и хлебных амбаров другой «Торговый дом Бахтеева с сыновьями», которым управлял сын основателя предпринимательской династии Измаил.

Информация о мусульманском бизнесе в Самарском крае довольно разрозненна. Так, касимовские купцы держали отары каракулевых овец в Средней Азии, заводы по выделке мерлушек и овчин располагали в Казанской губернии, а магазины держали во всех крупных городах Поволжья[3].

В Самарской губернии (в конце XIX в.) и особенно в Башкирии было развито кумысолечебное дело. По воспоминаниям известного краеведа К. П. Головкина в городе Самаре в конце XIX в. кумысолечение было очень развито. Владельцами этих заведений были Хамидов (на даче купца Аннаева), Мухамедьяров (на Плешановской улице), Ишуков (в Молоканском саду) и Сагидов (на даче Ященко). Всего в конце XIX в. в Самаре, помимо известного кумысолечебного заведения Постникова, действовали еще 10, принадлежавших мусульманским бизнесменам. Однако в начале XX в. кумысный бизнес постепенно исчез[1], что также было связано с резким сокращением животноводства в крае. Кумыс стал дополнительным стимулом для приезда в Заволжье многих столичных деятелей, писателей, художников. Это был своего рода медицинский туризм как новое явление экономической жизни.

Вот как был организован этот вид лечения в соседней Уфимской губернии. Здесь в имении помещика А. П. Тевкелева еще с 1850-х гг. можно было приехать пить кумыс. «В деревнях моих будут приготовлены для помещений, на первый раз, чистые избы, а дли питья кумыз и необходимое для первоначального употребления молоко, также всякого рода съестные припасы». За приезжими будет наблюдать доктор медицины. Чистая изба с кухней обойдется в 20 руб. серебром, «кто пожелает иметь на дворе киргизскую кибитку», тому это удовольствие будет стоить в два раза дешевле. С приготовлением кумыза курс лечения определен в 15 руб. серебром, продукты продаются по вольным ценам, заезд с 1 июня по 1 августа. Для приготовления кумыза разводили специальных лошадей, главным образом башкирской породы[2]

Связи и контакты предприниматели-мусульмане, безусловно, поддерживали. Местом их встреч служили мечети, где собирались мусульманские приходы. Важно отметить позитивную роль мусульманских священнослужителей в развитии деловых контактов, инициировании предпринимательских и деловых начинаний.

Пожалуй, самый известный из них Муртазин М.-Ф. Ш. (1875-1938) – мулла, держатель книжного магазина, издатель журнала «Икътисад» на татарском языке[3]. Слово «Икътисад» в переводе самарского краеведа К. П. Головкина дано как «Экономия». Он отмечал, что журнал имел успех среди российских мусульман. Журнал выходил регулярно на протяжении 1908 - 1913 гг.

Представь себе, уважаемый читатель, книгоиздательский бизнес в России в начале XX в. Для татарского делового мира это было принципиально новое дело, в котором необходимо было решать не только литературные вопросы (темы, рубрики, подбор авторов, верстка номера, редактирование и т.д.), но и множество других чисто экономических задач – планирование количества номеров и тиража, финансирование. Набор текста, типографские работы, брошюровка – этим занимались в Оренбурге в типографии «Хусаинова и К». Но перевозку, распространение журнала надо было организовать. Высокое социальное служение, просветительские стремления

[1] Там же.
[2] Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. Нижний Новгород, 2008. С. 53.
[3] Амирханов Р. У. Указ. соч. С. 94.

[1] Классика Самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Самара, 2007. С. 230.
[2] Абсалямов Ю. М., Азаматова Г. Б., Гайнуллина А. В., Роднов М. И., Тагирова Л. Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 151 - 152.
[3] Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. М. – Самара, 1995. С. 102.

руководили этим человеком, который большую часть работ по изданию журнала брал на себя.

Журнал выпускался ежемесячно, имел 6 разделов: общий отдел, торговый, промышленный, сельскохозяйственный, а также разделы общей и местной хроники[1].

Современная исследовательница Г. Н. Хисматова (1973 - 1998) провела библиографический анализ 1062 статей, опубликованных в журнале «Иктисад». Она сделала тематическую подборку статей по 15 разделам, выделив, помимо общих (экономика, промышленность, торговля, деревенская жизнь), частные разделы журнала (банковская деятельность, страхование, медицина, выставки, советы по ведению хозяйства и др.), а также статьи, посвященные религии и религиозной жизни мусульман России, редакционные статьи. Эта подборка дает возможность представить круг тем, обсуждаемых на страницах журнала. Тематика достаточно разнообразна и показывает широкий спектр вопросов, интересовавших читателей: что такое вексель, как взять кредит в банке, чем была интересна промышленная выставка в Мюнхене и т.д[2]. Особый интерес представляет редакционная политика. Анализ заглавий статей, посвященных экономическим вопросам, свидетельствует о достаточно передовых взглядах издателей. Редакция ориентировалась на ознакомление читателей с новинками науки и техники (например, статья «Новости американской промышленности»), специфику экономической деятельности исламского мира (две статьи о мусульманских банках, информация о мусульманской торговой выставке в Мюнхене[3]), стремилась просветить читателей об особенностях современной денежно-кредитной системы (статьи о видах кредитных документов, акциях и облигациях, о дивидендах, гарантированных акциях и облигациях и т.д.). Часть статей рассказывала о направлениях экономической политики российского правительства (о таможенных пошлинах и протекционизме). В связи с осуществлением реформы П. А. Столыпина в 1909-1911 гг. были опубликованы заметки о земельном законодательстве, землеустроительных комитетах, кооперативах и по другим связанным вопросам.

Журнал постоянно информировал своих читателей о состоянии торговли в других районах Российской империи (состояние хлопкового и фруктового рынков в Фергане, Бухаре, Туркестане). Существовала постоянно действовавшая рубрика «Как торгуют в других районах».

Известными предпринимателями Поволжья и России была династия Акчуриных. Они организовали свой бизнес в распространенном для нашего края суконном деле, довели его до промышленных масштабов Акчуриных[4]. Энциклопедия «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.» посвятила им отдельную статью. Более раннюю информацию о зарождении этого бизнеса в Среднем Поволжье находим в многотомном издании «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», которое выходило отдельными томами в конце XIX – начала XX вв. под редакцией П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Это 22-томное издание посвящено разным историко-культурным областям и районам, оно представляет огромный интерес для современного читателя. Вот как описывал П. П. Семенов-Тянь-Шанский суконное производство Акчуриных, на основе материалов 1880 - 1890х гг. Расположено в деревне Старо-Тимошкино в 20 верстах от железнодорожной станции Лесное Матюхино по линии Инза-Рузаевка. «В деревне проживало более 5 тыс. жителей, действовало волостное правление, 9 мечетей и 2 суконных фабрики, выделывающее сукно армейское, верблюжье и крестьянское, урсов и бобриков на сумму более 500 тыс. руб. при 850 рабочих. Близ полустанка Акчуринский находится еще одна суконная фабрика Акчуриных, где занято 500 рабочих, изготавливается сукна на 300 тыс. руб., и деревня Гурьевка, где с 1823 г. работала большая суконная фабрика Акчуриных, изготавливавшая сукна на 750 тыс. руб. и имевшая 1170 рабочих». Кроме того, в 1880 г. купец Акчурин взял в аренду принадлежавшую И. Ф. Войкову фабрику»[1].

С началом промышленного переворота в отрасли конкуренция нарастала, требовались увеличения вложений в модернизацию производства. Устаревшие, не выдерживавшие конкуренции предприятия закрывались. Реально это были процессы концентрации производства и объединения из в монопольное владение и управление. К 1890-е гг. в Поволжье стал оформляться куст грубосуконной промышленности всероссийского значения из почти двух десятков предприятий Симбирской губернии, трех фабрик в Кузнецком уезде Саратовской губернии и Мулловской фабрики в Самарской губернии. К ним тяготели фабрики Пензенской губернии. В литературе отмечено, что суконная промышленность Поволжья в классическом виде отразила все стадии становления капиталистического производства[2]. Безусловное преимущество по сравнению с надомными кустарными мастерскими и фабриками на крестьянском труде имели современные технически оснащенные производства. Лучшей в Поволжье (наряду с фабрикой А. А. Протопопова) была Гурьевская фабрика Акчуриных, где в начале века было занято 1600 рабочих, 7 паровых и 3 водяных двигателя, 450 ткацких станков[3]. Большинство занятых на фабрике – крестьяне, которые летом уходили в деревни на сбор урожая. Сезонность – по-прежнему была характерной чертой суконной промышленности начала века.

Способы поставки сырья – тоже традиционные: большинство сделок заключалось на ярмарках, престижной считалась оплата наличными, широко использовалось посредничество мелких скупщиков при заготовке шерсти и оптовых торговцев при продаже

[1] Классика самарского краеведения, Антология. Вып. 3. К. П. Головкин. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) Под науч. ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. Самара, 2007. С. 232 - 233.
[2] Хисматова Г. Н. Журнал «Иктисад» (1908 - 1913) библиографический обзор //Эхо веков. 2000. № 8.С. 72 - 103 (на татарском языке).
[3] Икътисад. 1909. № 1.
[4] Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. первый. М., 2008. С. 62.

[1] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 443 - 444.
[2] Клейн Н. Л. Экономическое развитие Поволжья… С. 151.
[3] Там же.

сукна[1]. Изменение рыночной конъюнктуры в конце XIX в. и сокращение поголовья овец заставляли искать новые рынки, доля местного сырья значительно уменьшилась. С 1890-х гг. сырье закупали на Нижегородской ярмарке и в Средней Азии. Рынок сбыта симбирского сукна – Среднее и Нижнее Поволжье, Средняя Азия.

В 1895 г. семейное дело было преобразовано в паевое Товарищество, что влекло за собой участие других партнеров, способных увеличить инвестиции в производство. В начале XX в. (1907 г.) суконные капиталисты Поволжья в целях оптимизации рыночных контактов и ликвидации излишнего посредничества объединились и создали монополистическое объединение. Совместно распределяли и государственные заказы на поставку сукна для армии. Возглавил «Союз симбирских фабрикантов сукон» Ибрагим Курамшевич Акчурин[2].

Обозначим на примере династии Акчуриных характерные черты мусульманского национального бизнеса.

1. Накопление капитала и в течение двух-четырех поколений. Мусульманский бизнес в основном формировался поколениями. Известные в начале XX в. династии татарских предпринимателей были представлены чаще всего внуками и детьми их основателей. Эффект семьи, семейного бизнеса срабатывал через два-три поколения, когда накапливался капитал, опыт ведения предпринимательской деятельности, формировались институциональные сети семейного характера. Дело продолжали один-два представителя нового поколения. По мере роста бизнеса усложнялись его организационные формы и расширялись сетевые контакты, выходившие за этноконфессиональные границы.

2. Совмещение торговли с промышленным производством – российская черта, особенно проявлявшаяся в аграрном Поволжье. Как разновидность – сезонный характер промышленного производства и зависимость от сельскохозяйственного года, определявшего как платежеспособность крестьянства, так и возможности получения сырья, а также наличие рабочей силы.

3. Ранняя монополизации бизнеса по отраслевому, но не национальному признаку, широкая география формировавшихся социальных сетей.

4. Основной формой организации бизнеса были торговые дома и семейные предприятия. Именно они представляли оптимальную модель согласования индивидуальных и групповых интересов, дававших к тому же полный юридический контроль и необходимую защиту бизнеса[3]. При этом все большее распространение получили более сложные организационные формы бизнеса, призванные увеличивать и концентрировать капитал (товарищества на вере, на паях, акционерные общества), однако и они часто сохраняли семейно-родственные связи: в Кузнецком уезде Саратовской губернии Ишмухамед Тибердеев с тремя братьями купил 3286 дес. земли, организовал суконную фабрику в селе Верхозим, ткацкое отделение в селе Пендель. В акционерном обществе 4 брата имели по 46 паев, в 1916 г. в АО было 14 акционеров. В конце XIX в. в Казани действовало Торгово-промышленное товарищество «Ахметзян Сайдашев с сыновьями и Баки Субаев»[1].

[1] Клейн Н. Л. Экономическое развие Поволжья в конце XIX- начале XXвв. Саратов, 1981. С. 153.
[2] Лаверычев В.Я, Монополистический капитал в текстильной промышленности России. М., 1964. С. 99.
[3] Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования. / М. Н. Барышников, В. Ю. Гессен, А. Л. Дмитриев, Т. М. Китанина, А. А. Семенов; Под ред. А.Л.Дмитриева, А. А. Семенова. СПб., 2007. С. 56 - 57.

В начале нового века в ряде акционерных компаний шли процессы концентрации производства и капитала, монополизации различных рынков. Тенденции к монополизму, независимо от этноконфессиональной принадлежности, отмечены среди торговцев – оптовиков яиц (Фаткуллин, Терешин, Селивановы, агенты фирм Гильвина, Гольтадта и др.), производителей и торговцев сукна. Торгово-промышленные товарищества складывались в связи с организацией международной торговли. Однако подробной информации о деятельности акционерных компаний, созданных мусульманскими предпринимателями, пока нет[2].

А теперь немного статистики. В целом по Российской империи, по подсчетам известного казанского историка Х. Х. Хасанова, которые впоследствии утвердились в историографии, в конце XIX в. татарам-предпринимателям принадлежало не более десятка торговых домов, в 1911 г. – уже 90, в 1914 - 154. Подавляющее большинство из них (136) были чисто коммерческими (торговыми). 89 (57,8 %) торговых предприятий имели небольшие капиталы – до 25 тыс. руб., 39 (25,3 %) – были средними по оборотам (капитал от 25 до 50 тыс. руб.). Крупными предприятиями можно считать тех, у кого размеры капитала колебались от 50 до 100 тыс. руб., таковых насчитывалось 18 предприятий (11,7 %). Капиталами свыше 100 тыс. руб. располагали владельцы 8 предприятий (5,2 %)[3]. Капиталы всех торговых домов в 1914 г. составляли 5 млн. руб., в том числе тех, кто занимался исключительно торговлей 4 млн., промышленным производством – 1,02 млн. руб. В отечественной историографии имеются сведения о 141 промышленных предприятиях, принадлежавших татарам на 1914 г. с годовой производительностью 72 предприятия (по которым есть сведения) 10, 3 млн. руб. на 110 предприятия 12 тыс. рабочих. Наибольшие капиталы (4,5 млн. руб.) были сосредоточены в суконной промышленности, годовое производство товаров оценивалось в 10 млн.руб[4].

В целом, организационные формы мусульманского бизнеса не отличались от общероссийских. Мусульманский бизнес в Самарской губернии в начале XX в. развивался в русле общемировых и российских экономических процессов. В этот период Среднее Поволжье занимало главным образом нишу поставщика сельскохозяйственной продукции на всероссийский рынок. Именно в этом сегменте региональной экономики были заметны результаты предпринимательской деятельности мусульман. Заметным

[1] Высочайше утвержденного Торгово-промышленного товарищества «Ахметзян Сайдашев с сыновьями и Баки Субаев в Казани» за 1895 г. (с 23 апреля 1895 по 1 января 1896 г.) – Казань: типография И. Н. Харитонова, 1896. 27 с.
[2] Амирханов Р. У. Указ. соч. С. 94.
[3] Хасанов Указ. соч. С. 222; Амирханов Р. У. Указ. соч. С. 98.
Загидуллин И. К., Сенюткина О. Н. Нижегородская ярмарочная мечеть – центр общения русских и зарубежных мусульман. XIX- начало XX вв. Н. Нивгород, 2006. С. 53.
[4] Амирханов Р. У. Указ. соч. С. 102; Хасанов Х. Х. С. 218.

направлением предпринимательства были животноводство и переработка продукции животноводства: выделка кож, мехов, суконное и мыловаренное производство, а также торговля этими и другими, привозимыми в Поволжье мануфактурными и бакалейными товарами.

Поволжское предпринимательство, в целом по отраслевой направленности, можно разделить на сельскохозяйственное, промышленное и торговое, превалирующим являлось аграрное, что было обусловлено хозяйственной специализацией региона. Предпринимательская деятельность по мере развития приобретала комплексный, торгово-промышленный характер, эволюционировала в направлении усложнения организационных форм. Этноконфессиональная специфика торговли сохранялась, но не ограничивалась местным мусульманским обществом. Стремление развивать бизнес в общероссийском и общемировом пространстве, в соотнесении его с общеэкономическим процессами при сохранении религиозных и духовных ценностей можно считать отличительной чертой мусульманского бизнеса в Поволжье.

Татарское предпринимательство и активная благотворительная деятельность очень тесно взаимосвязаны. И это не удивительно, правоверный мусульманин, в соответствии с нормами ислама, обязан заботиться о своих соплеменниках. Возможность проявить о них заботу, помогать и поддерживать – легче организовать при мечети. Построить мечеть, поддерживать ее – доброе и богоугодное дело. В середине XIX в. мечеть и школу построил на хуторе при селе Савинке в Новоузенском уезде Джангир Букеев. Его потомки, крупные землевладельцы, содержали эти заведения последующие годы. В Ставропольском уезде (д. Уразгильдино) купец И. Юсупов построил новую мечеть вместо старой. Хасан Алеев в деревне Мулловка Ставропольского уезда также построил и содержал молельный дом. Здесь же, в поселке Новая Бритовка (1915 г.) финансирование строительства мечети вели два зажиточных крестьянина Исмагил Хусаинов и Сафиулла Салимжанов[1]. Добровольные пожертвования для благого дела (деньгами, материалами) делали не только татары, но и предприниматели других национальностей[2].

Мусульманские религиозные деятели были заметными фигурами в губернии, играли важную роль в общественной жизни города Самары. Ш. Х. Минюшев в 1888 - 1929 гг. был имом первой мечети Самары, ахуном Самарского уезда. По его инициативе и с его помощью действовали в Самаре два культурно-просветительских общества. В городе, где в начале века проживало 2803 мусульманина (или 3 % городского населения) культурная и просветительская работа велась очень активно[3]. Татары-предприниматели были активными в помощи своим соплеменникам.

Предпринимательская деятельность, ориентированная на получение прибыли и ведение доходного хозяйства, с одной стороны, унифицировала бизнес, делала его наднациональным. И, в то же время, при сохранении глубоких традиционных институтов (культура поведения, религиозность, образ жизни, национальные особенности, языковые различия) в бизнесе проявлялась этноконфессиональная специфика. Изучение этого феномена совмещения экономических и этноконфессиональных интересов (конгломерата, синтеза или вытеснения одного другим) представляет собой одну из интересных страниц экономической истории нашей многонациональной страны.

[1] Гибадуллина Э. М. Указ соч.с. 73.
[2] Там же. С. 74.
[3] Гмбадуллина Э. М. Указ соч. С 201 - 211.

Век двадцатый. Становление советского строя, экономическая политика и экономическое развитие Самарской (Куйбышевской области)

Для нашего края первая треть XX в., 1900 - 1930 гг., как и для страны в целом – период коренных перемен в государственном строе, смены правил экономической жизни. В эти десятилетия «уложились» только три российских революции, мировая и гражданская войны, смена государственного режима и образование новых, советских органов государственной власти. В реальной жизни на эти годы пришлась активная жизнь всего одного поколения.

Последующие годы советской страны были не менее сложным напряженным временем. Военный коммунизм и строгая централизация жизни в годы гражданской войны. Голод первых послевоенных лет. Лишь в небольшой период времени начальной поры Советской власти, в годы новой экономической политики (1921 - 1928 гг.), были разрешены самостоятельное хозяйствование на земле, частная торговля и предпринимательство.

В национальной жизни эти годы можно назвать расцветом, характеризовавшимся открытием национальных школ, издания национальной литературы[1], публикациями произведений татарских классиков. Основу культурного развития определяла Декларация прав народов России (2 декабря 1917 г.), которая провозглашала «равенство и суверенитет народов», а также «право наций на свободное самоопределение вплоть до отделения и создания национальных государств».

Другая сторона духовно-нравственной жизни народов – отношение к религии и вопросы вероисповедания власть решала однозначно отрицательно. Декретом 13 января 1918 г. церковь была отделена от государства, школа от церкви, а религиозные учреждения – церкви, мечети, синагоги закрывались.

Поворот в экономической, культурной, религиозной жизни открыл новый период в жизни страны и ее народов. 1930 – 1940-е гг. – время становления и укрепления тоталитарных методов управления прежде всего экономической сферой. В 1929 г. экономическая политика с опорой на рыночные принципы хозяйствования и торговли изменилась. На смену НЭПу пришла другая политическая линия – коллективизация, «массовая и сплошная». Непростое время для всех – сельских и городских жителей, для многочисленных народов. Таковы были внешние условия, обстоятельства, которые определяли повседневную жизнь татарских семей, так же как и других народов нашей страны.

[1] В 1928 - 1938 гг. издавалась татарская газета «Колхозчы».

Глубокие потрясения переживала деревня: беззаконные методы, крайне сжатые сроки «добровольного» объединения в колхозы, уничтожение крепких крестьянских хозяйств называлось «ликвидацией кулачества как класса». Образование колхозов сопровождалось изъятием имущества и скота материально обеспеченных крестьянских хозяйств (это называли тогда раскулачиванием). Зажиточные крестьяне в колхозы не допускались, наоборот, их выселяли за пределы деревни, в отдаленные районы Сибири. Многие крепкие крестьянские семьи с малолетними детьми, захватив домашний скарб, уезжали в районы Сибири, Средней Азии. «Ташкент – город хлебный», далекий и теплый край, приютил многие татарские семьи. Спустя десятилетия, в 1990-е в связи с распадом Советского Союза, потомки уехавших тогда татар возвращались в родные места.

В 1930-е гг. в жизнь вступило поколение, родившееся уже при советской власти, воспитанное в духе «победителей». Наука, техника, образцы которой становились все совершенней, казались молодому поколению чудесной палочкой, с помощью которой можно преобразовать мир и природу. Большевики видели в развитии промышленности и техники залог безопасности страны.

«Пятилетка», «индустриализация», «план», «Темпы решают все!», «Кадры решают все!», «Догнать и перегнать!» – самые звучащие слова и лозунги того времени. Но самым популярным лозунгом (и одновременно приказом) стал призыв «Пять – в четыре!», т.е. выполнение пятилетки в четыре года.

Поворот в экономике Самарской области в сторону промышленного развития наметился уже в 1920-е гг. Техническая модернизация, быстрое развитие машинного промышленного производства в Самарском крае были начаты еще в 19010 - 1911 гг., в советские годы они приобрели ускоренный темп.

Разведка полезных ископаемых (горючие сланцы, нефть), строительство машиностроительных заводов, по производству строительных материалов, электрификация – все это реалии экономической жизни области в довоенный период.

В 1930-е гг. в Самаре (в 1935 г. переименованной в г. Куйбышев) открылось несколько высших учебных заведений. Кадры для машиностроения, авиационной, нефтяной, электротехнической промышленности готовили здесь же.

В начале 1930-х гг. в области началось активное промышленное строительство, были открыты месторождения нефти. Крупные перемены в экономике области происходили в годы Великой Отечественной войной. Были построены новые электростанции, в том числе Безымянская ТЭЦ.

Для нашей области и г. Куйбышева период тяжелых военных лет не только время потерь, как и для всей страны, но, прежде всего, время активного созидания, самоотверженного труда для Победы. В нашу область в первые месяцы войны было эвакуировано 80 крупных фабрик и заводов, которые начинали свою работу сразу же по прибытии на новое место. Предприятия – это оборудование, техническая документация, кадры. За несколько недель на огромных площадях Безымянки выросли предприятия, работавшие на Победу. После войны все они составили мощный военно-промышленный

узел Куйбышевской области. Сколько здесь работало татар? Нужно ли подсчитывать? Работали все.

За годы войны объемы промышленного производства в Куйбышевской области выросли в 7 раз, а в городе Куйбышеве – в 11. После войны на уже имевшейся промышленной базе выросли мощные предприятия, формировавшие вокруг себя промышленные узлы, которые были тесно связаны практически со всеми народнохозяйственными центрами Советского Союза, оборонным сектором.

Столько судьбоносных событий. А ведь все они пришлись на жизнь и работу всего двух поколений – отцов и детей. Совершенно разные эпохи – 1900-е и 1930-е гг. Разные экономические ориентиры и акценты при решении одной задачи – создание индустрии, формирование преимущественно промышленного сектора экономики страны. Ставка на разные экономические методы (с опорой на рыночные отношения либо их полное отвержение) не меняла общей направленности деятельности самарских татар.

Хозяйственная деятельность самарских татар в довоенные годы

Мирная жизнь в Поволжье началась с голода 1921 г. Ухудшение сельскохозяйственного производства за долгие годы войны, неурожай и засуха 1921 г. сделали продовольственную ситуацию в Самарской губернии чрезвычайно тяжелой: более 86 % населения голодало. Помощь голодающим оказывала стран, международные благотворительные организации. Помогали все, кто мог. Самарский предприниматель М. Аишев, продав фамильные драгоценности, организовал перевозку из Ташкента в Самару целого вагона муки, которая пошла на выпечку хлеба, распространяемого через систему общественного питания.

В 1920-е гг., в период действия рыночных отношений, самарские татары продолжали работать в привычных для себя сферах – торговле, животноводстве, сфере обслуживания.

«Памятная книжка Самары на 1925 г.» дает перечень всех магазинов и чайных, которые действовали в губернском центре. Приведем фамилии их владельцев, среди которых не только татары, но и другие мусульмане:

- чайные и хлебопекарни: Мирзаль Якуб Магометович (на углу улиц Ленинградской и Казанской), Ахметов Мустафа (ул. Самарская, 6а), Мерзяев Мамед (угол улиц Льва Толстого и Казанской), Худояров Якуб, Камеев Ахмет (Предтеченская – Некрасовская, 17), Замалетдинов Низаметдин (Водников, 65), Ахметов Мустафа (Самарская, 69);
- кожтрест: заведующий торгово-заготовительной частью Чекушев Хансеяр Ибрагимович;
- кожевенно-обувной магазин: М. Н. Кутуев и Арсланов (Троицкий базар);
- кожзавод № 8, близ станции Кряж – Кутуевых.

Приводятся также сведения о сандальщике М. Ибрагимове (Самарская, 46), торгующем электротехническими принадлежностями указан А. Х. Айсин (Ленинградская, 32).

В разделе «Торговля фруктами» указаны торгующие татары Валитов Насыбулла, Сафиуллин Мутыгулла. Мириназитов Мирандулла. Турабов Ирзаул, Хусейнов Абдул торговали также и овощами. Действовал также торговый дом, «Бахин-Сарай», вла-

дельцы которого Ибрагимов Мамед и Н. Харис[1].

Чайные в Самаре содержали Латыпов Шагит (на набережной Волги), Сатар Мамед-оглы и Сулейман оглы Мамед[2]. Чаще все это были мелкие торговые лавочки, оптовая торговля была государственной. Конкурировать с государственными трестами и синдикатами не было смысла. Часть нэповских предпринимателей была связана не с торговлей и сельским хозяйством, а с производством промышленной продукции. Фруктовая торговля по-прежнему находилась в руках мусульман: Мириназитов, Турабов, Хусейнов, Ибрагимов – были известными в городе торговцами. Фуражем торговали Н. Валитов и М. Сафиуллин.

Маленькие мастерские, кустарные заведения, где шили сапоги или лудили кастрюли всегда имели клиентов, хотя и не были в чести у власти. Их мастерские не учитывались государственной статистикой, но для повседневных надобностей они были незаменимы. В Самаре Самкожтрест возглавлял Чекушев Хасвяй Ибрагимович, сапожные мастерские – Машкатов Агабек, Рамиз Али оглы. Усманова Кашафетдина Справочник именует их кустарями.

Большим спросом пользовался труд лудильщиков. Ремонт металлических изделий, кастрюль, самоваров и чайников довоенной поры имел постоянный спрос. Среди лудильщиков Самары были мусульмане: Мачай оглы, Хамизатов Магомед, Гусейнов Мамед, Галантов бек Мухамед, хаджиев Маомет, Курбан Мухамед, Садыков Закир. Усман Уразгильдев был владельцем мануфактурной лавки, галантерейного магазина – Сулейманова и Хакимов. Зинятуллов владел писчебумажным магазином[3].

Уже в конце 1920-х гг. дети крестьян, рабочих, торговцев жили в другой информационной среде. Новые, незнакомые, завораживающие слова «планирование», «пятилетка», «индустриализация», колхоз» вызывали интерес. На смену слову «торговля» пришли «товарообмен», «снабжение», «распределение».

Небольшой временный отрезов нэповской свободы и рынка закончился. Самарские крестьяне восстановили довоенный уровень сельского хозяйства. Улучшилось их материальное положение. Возрождалась кредитная и потребительская кооперация, появились сельские товарищества (к 1928 г. их было 1660).

В татарских селениях, как и по всему Поволжью, 1929-й год стал «годом коренного перелома». Так, вслед за выражением И. В. Сталина стали называть процесс быстрой ликвидации остатков рыночных отношений в деревне и начало массовой коллективизации сельского хозяйства. Для сельских жителей она означала вновь коренную перемену в жизни. Процесс объединения крестьянских земель в общую колхозно-кооперативную, по сути, единую пашню, означал свертывание собственного хозяйства. Скот, орудия труда также должны были составить общий колхозный фонд. Весь цикл сельскохозяйственных работ, который составлял процесс постоянного воспроизводства, перестал быть подвластным крестьянину. Централизованное планирование и контроль колхозного строя растянулись на десятилетия. История большинства татарских сел еще ждет своих исследователей. Но отдельные фрагменты по истории отдельных деревень уже доступны читателю.

[1] Вся Самара на 1925 г. Самара, 1925 С. 128 - 129, 165 - 166.
[2] Там же. С. 180.
[3] Там же. С. 140, 172, 177, 180.

История образования колхоза в селе Ново-Урайкино Елховского района описал Ш. Галимов. Вот как он описывает процес коллективизации в этом селе: «Несогласные с созданием колхозов были причислены к кулакам и выселены из родных мест. Среди них Г. К. Калимуллин с женой, дочерью и двумя сыновьями имели кожевенную фабрику в Самаре (до 1919 г.) с оборотом в 30 тыс. руб. в год. После революции вернулся в родную деревню, где засевал 40 га земли, имел молотилку, жнейку, сеялку, нанимал до 20 рабочих на уборку урожая. Поголовье скота составляли 3 лошади, 2 коровы, 8 овец. А. Сибагатуллин имел две мельницы, кирпичное предприятие, Г. Сатдаров – 2 лошади, 45 коров, 40 овец. Он засевал ежегодно 10 га земли, арендовал вдвое больше». Все эти люди активно выступали против советского строя и колхозов. «Ш. Ибрагимов с женой и тремя сыновьями засевал 25 га земли, имел дом, амбар, баню. конюшню. Батраков не имел, но, будучи муллой, «эксплуатировал религиозных» (таковы сводки донесений из Ново-Урайкинского сельсовета)[1]. Собрание крестьян по вопросу создания колхоза было бурным, моментами доходило до драки. «И тогда выполнять государственное решение о создании колхоза прибыли начальник милиции еще три человека. По их приказу к сельсовету стали пригонять скот: лошадей, коров, овец».

В Похвистневском районе также был создан колхоз, который позднее был назван в честь земляка Ф. Ш. Тарзеева. Автобиография Ф. Ш. Тарзеева – типичный документ того времени со всеми атрибутами официальных текстов. Читаем: «Я, Тарзеев Фатых Шакирович, родился в 1903 г. в деревне Медеведка Матвеевской волости Бузулукского уезда Самарской губернии в семье крестьянина. Родители мои имели одну лошадь, одну корову на 13 человек семьи… В 1913 г. полдуши (полдесятины?) земли продали сельскому кулаку Ахиямову Гарифу ввиду того, что обрабатывать не имели возможности… В 1929 г. родители мои вступили в колхоз, где и состоят до настоящего времени. Я учился в сельской школе с 1910 г. по 1914. С 1914 г. поступил учиться в высшую школу в Сорочинске, где учился до 1918 г., жил со сторожем школы. В свободное от учебы время гонял лошадь в качестве ломового извозчика от станции Сорочинская до мельницы Соколова, за что получил плату от извозчиков по 5 - 10 коп. деньгами или продуктами. Летом 1915 г. работал у владельца кожевенного завода Тенчурина в качестве чернорабочего…». Далее – преподавательская и партийная работа со всеми чертами тех лет. Читаем дальше текст автобиографии. «Член ВЛКСМ с 1924 г., член ВКП(б) с 1926. В оппозициях не участвовал. В других партиях не состоял, родственников-лишенцев не имею. В 1937 г. был под следствием за задержку заработной платы учителям по статье 112. часть 2-я. Суд объявил общественное порицание». В октябре 1937 г. исключен из партии за «связь с врагом народа Каримовым», снят с работы. После войны, в 1954 г.

[1] Галимов Ш. Х. история села Ново-Урайкино. Годы. События. Люди. Самара, 2006. С. 99 - 101

Ф. Ш. Тарзеев был назначен председателем колхоза в селе Алькино.

К тому моменту колхозу было уже более 20 лет. Но на протяжении всего своего существования он был убыточным. История создания колхоза отражает общие тенденции того времени: создан на базе сельскохозяйственной артели нэповского времени. Инициаторы создания артели Х. Алтынбаев, Н. Валиуллин, М. Кайманов, Г. Латыпов, М. Газизов, А. Маннанов, Ш. Гареев и другие. Артели создавались путем конфискации скота и инвентаря зажиточных крестьян. 20 лошадей, 7 плугов, 1 жнейка, 10 борон – вот и весь перечень артельного имущества. Это совершенно недостаточно для эффективного хозяйствования. Подобных артелей было несколько. В 1950 г. они были объединены в один колхоз «Кызыл юл», где за 5 лет сменилось несколько председателей. При Тарзееве колхоз стал получать доход, стал колхозом-«миллионером», благодаря стремительному развитию молочного производства, выращиванию бахчевых культур, томатов, огурцов в открытом грунте. Для того времени – прорыв!!!

В 1970-е гг. в колхозе было 3742 гектара сельскохозяйственных угодий. в том числе 265 га – пашни. Возделывались зерновые, подсолнечник, сахарная свекла. Развивалось животноводство: была построена ферма на 1200 голов крупного рогатого скота, оборудованная аппаратами машинного доения. Надои достигали 4 тыс. литров молока в год.

Уникальным было подсобное хозяйство – столярный цех изготавливал все необходимое для колхоза, действовали швейная и художественная мастерские, спецодежда, постельное белье пользовалось большим спросом. На выставках экспонировались изделия художественной мастерской – посуда, ложки и другие изделия. Выручка от продажи изделий художественных промыслов составляла более 200 тыс. руб. в год, средства шли на развитие основного производства.

1970-е гг. Куйбышевская область – индустриальный гигант, где в городах насчитывалось 360 промышленных предприятий, более 40 производственных объединений. Здесь трудились наиболее квалифицированные, научно-подготовленные кадры.

Крупные предприятия машиностроительной, приборостроительной и металлургической отраслей (заводы: им. Масленникова, металлургический им. В. И. Ленина, два подшипниковых, станкостроительный, агрегатный, автотракторного оборудования и др.) располагались в Самарском промышленном узле. Здесь же были сосредоточены ракетно-авиационное (авиационный завод, «Прогресс», им. М. В. Фрунзе), химическое производства, предприятия деревообрабатывающей и легкой промышленности. Тольяттинский промышленный узел стал центром автомобилестроения (Волжский автомобильный завод) и химической индустрии (Синтезкаучук, Куйбышевазот, Куйбышевфосфор и др.). Сызранский промышленный узел был представлен в основном предприятиями машиностроения, химической и пищевой промышленности.

Особое место в областной экономике занимает нефтепереработка – в городах Новокуйбышевск, Отрадный, Сызрань. С начала XX в. в Чапаевске (Иващенково) оформилось химическое производство. Все эти промышленные гиганты расположены на огромных площадях. Человек, создавший их и работающий здесь, кажется песчинкой среди них. Тем не менее, вклад каждого труженика имеет значение.

Нефтедобыча и нефтепереработка. Развитие нефтяного комплекса в нашем крае имело огромное значение не только для экономики области, но всей страны. Ценнейший природный ресурс, освоение которого в начале XX в. велось только на Кавказе, Донбассе, делало уязвимым советскую армию и экономику. Поиски нефтяных месторождений в Поволжье и на Урале велись давно. Но перспективным нефтеносным районом Урало-Поволжье стало в конце 1920-х гг.: освоение обнаруженных нефтяных месторождений в Пермском крае началось в 1929 г., затем в 1932 г. в Башкирии. Нефтеносный район охватывал Башкирскую, Татарскую автономные республики, Куйбышевскую (Самарскую), Чкаловскую (Оренбургскую), Молотовскую (Оренбургскую) области. Весь он объединен понятием «Второе Баку»[1].

Стратегия советского руководства вокруг идеи «Второе Баку» стала формироваться в 1930-е гг. В годы войны доля добываемой урало-волжской нефти в общесоюзной выросла с 5 до 10 %[2]. Башкирская АССР и Куйбышевская область были главными центрами «Второго Баку». В 1950-е гг. регион вышел на первое место в СССР по объемам добычи. «Второе Баку» превратился в первую нефтяную базу страны (к 1955 г.). На протяжении всего двух десятков лет вокруг нефтеносного района вырос целый комплекс родственных отраслей, построены города (Похвистнево, Жигулевск, Новокуйбышевск, Октябрьск, Салават, Ишимбай и др.), где расположены предприятия нефтедобычи, первичной нефтепереработки, нефтяного машиностроения, транспортировки и сбыта нефти. В Уфе и Самаре (Куйбышеве) действует учебно-производственная и научная база, готовятся профессиональные кадры для нефтяной промышленности.

На протяжении всех этих лет в отрасли работали и наши соплеменники. Многие из них были известными передовиками производства, их труд был отмечен правительственными наградами. Трое получили самое высокое возможное в СССР звание за трудовые достижения – Героя Социалистического Труда. Первые шаги самарской нефтяной промышленности.

Журнал «Огонек» в 1946 г. в № 37 опубликовала дневник о нефтяных промыслах Жигулей. Приведем его начальные страницы. «Двадцатое августа. На восходе солнца подошли к устью реки Усы, к верхним воротам Жигулевских гор. Левый берег Волги, где раскинулся маленький город Ставрополь, оброс мелким кустарником и засыпан песками. По правому берегу тянутся каменистые Жигулевские горы, густо покрытое лесами, – любимое место волжской вольницы, первейшая красота Волги, воспетая в народных песнях и сказаниях.

Здесь, в Яблоневом овраге, не так давно родился и вырос самый замечательный в стране нефтепромысел «Ставропольнефть». Здесь впервые в СССР под руководством геологов А. Н. Мустафинова и И. С. Квиквидзе

[1] Курятников В. Н. Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30 - 50-ее гг. XX в.) часть 1: Монография. Ч. 1. Самара, 2008. С. 5.
[2] Курятников В. Н. Становление нефтяного комплекса. Ч. 2.Самапра, 2008. С. 334.

началась добыча нефти с девонских пластов, открывших грандиозные перспективы перед государством и нефтяниками. Жигулевская нефть – не случайная находка, не чудодейственный жар природы. Это плод мудрых предположений и кропотливых талантливых исканий ученых. Это жгучая мечта большевиков, воплощенная в действительность. Это воля Сталина и партии, упорный и самоотверженный труд нефтяников, это – одно из богатейших созвездий «Второго Баку»[1].

Среди лучших стахановцев треста «Сызраньнефть» объединения «Куйбышевнефть» за 1945 г. значатся татары: Ибрагимов – помощник мастера по подземному ремонту скважин по добыче нефти стахановец, большевик-активист трудового фронта, Бегишев Ф. А. – начальник геологического отдела треста Куйбышевнефтеразведка, Бабаев – зав. нефтепромыслом № 1 треста Ставропольнефть, Шубин А. П., буровой мастер, член ВКП(б) выполнил план на 122 %; старший плотник Ахмеров А. Ш. член ВКП(б), выполнивший план на 142,6 %[2].

В июне 1946 г. Постановлением Совета Министров СССР были присуждены Сталинские премии за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы за 1945 г.» в размере 150 тыс. руб., в том числе нашему соплеменнику Мустафинову Ахмету Нурмухаметовичу – главному геологу объединения Куйбышевнефть.

Об успехах наших земляков узнаем по данным о награждениях государственными премиями, медалями, орденами. В декабре 1949 г. приказом Министерства нефтяной промышленности о премировании геологов и разведчиков-буровиков Куйбышевской области за открытие месторождения нефти «Муханово» были награждены: Мустафинов А. Н. – главный геолог объединения «Куйбышевнефть», буровой мастер Сафиуллин, старший инженер отдела бурения «Главвостокнефтедобычи» Махмудбеков Э.А[3].

Мастер скоростного бурения Сафиуллин Н. С. был известным человеком в отрасли. Его трудовой почин и его товарищей состоял в том, что план бурения нефти он выполнял досрочно, к 10 декабря (к 32-й годовщине Великого Октября)[4]. А планы ведь были очень напряженными!

Наш соплеменник Сабирзянов А. С. (26 октября 1900 - 19 февраля 1973) получил наивысшее трудовое отличие – звание Героя Социалистического Труда. Родился он в крестьянской семье в селе Мочалей Дрожжанвского района Татарской АССР. По документам – Абдулкадыр, но все нефтяники звали его Абдуллой. В феврале 1917 г. он впервые опустился в шахту Донбасса, где работал по 10 - 12 часов. Затем, в гражданскую войну, был разведчиком. После войны работал в Баку, буровым рабочим на старых нефтяных промыслах треста «Грознефть». В 1930 - 1937 гг. – бурильщик нефтеразведок в тресте «Уралнефть». В Заволжье оказался благодаря академику Губкину И. М., который часто приезжал в Грозный и рассказывал о Волге, где надо искать нефть и создавать «Второе Баку». В 1937 г. Сабирзянов А. С. отправился на Волгу в трест «Сызраньнефть», где проработал два года уже буровым мастером, принимал участие в разведке новых площадей в Ставропольском районе. В 1944 года бригаду А. С. Сабирязнова направили на добычу большой девонской нефти. Именно в этот год были обнаружены перспективные запасы нефти. Заслуги бригады здесь неоспоримы. Сказывался и опыт бригадира. Его бригада пробурила глубокую девонскую скважину № 424 на 3-километровую глубину за пять месяцев со скоростью, вдвое превышавшую плановую. Как это удалось? За счет каких факторов? Организация труда на его буровых стала подлинной школой для буровиков треста. Ветеран труда НГДУ «Первомайнефть» В. М. Тихомиров с благодарностью вспоминал о времени учебы у знатоков своего дела Н. С. Сафиуллова, А. С. Сабирзянова «Как мы радовались, пишет он, – когда на поверхность поднимался кусочек нефти, его несли в будку и клали на раскаленную печку-буржуйку, сделанную из труды. Нефть вытекала и загоралась. И мы были счастливы – она есть!»[1].

В мае 1948 г. А. С. Сабирзянову присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1953 г. его, как опытного бурового мастера перевели на работу в трест «Первомайнефть», расположившегося около небольшого железнодорожного полустанка Муханово. Впоследствии здесь вырастет город Отрадный, где трудился известный нефтяник до выхода на пенсию применяя прогрессивные технологии, позволившие вдвое сократить срок проводки девонских скважин. Активный участник общественной жизни, делегат XX съезда КПСС, делегат III Международной конференции сторонников мира. За заслуги перед страной в деле добычи нефти, разведки новых нефтяных месторождений награжден двумя орденами В. И. Ленина, орденом «Знак Почета» и другими государственными наградами. В городе Отрадном одна из улиц названа его именем.

Главный геолог объединения «Куйбышевнефть» А. Н. Мустафинов звание Героя Социалистического Труда получил вместе со своим земляком А. С. Сабирзяновым В Указе о награждении записано «За выдающиеся заслуги в деле увеличении добычи нефти, разведки новых месторождений и бурения нефтяных скважин». А.Н. Мустафинов был известен как автор статей в различных научных журналах по нефтяной тематике. Всего в мае 1948 г. было награждено 22 работника объединения. Среди них – мастер скоростного бурения Н. С. Сафиуллин – орденом «Знак Почета», Г. Н. Гусейнова, зав. лабораторией – медалью «За трудовую доблесть»[2].

В записке заместителя управляющего трестом «Сызраньнефть» И. В. Шындряева в Сызранский обком КПСС в июне 1951 г. были представлены фамилии тех, кто заслуживал правительственных наград за добросовестный активный труд. Среди них и Сафа Ахмеджанович Рафиков, работавший в нефтяной промышленности с октября 1938 г. Он начинал простым

[1] Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30 - 50-е оды XX века. Сборник документов. Самара, 2005. С. 446.
[2] там же.с. 258.
[3] Там же.с. 511 - 513.
[4] Там же.с. 505.

[1] Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30 - 50-е годы XX века: Сборник документов. Самара, 2005. С. 617.
[2] Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30 - 50-е годы XX века: Сборник документов. Самара, 2005. С. 479.

рабочим, со временем стал старшим мастером Заборовского участка нефтепромысла № 1. Член ВКП(б) с 1931 г. награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.». Имея богатый опыт и знания, «повседневно оказывает практическую помощь всем трем бригадам по добыче нефти. Заборовский участок выполнил установленный государственный план. Тов Рафиков С. А. принимал активное участие во общественной жизни и все партийные поручения выполняет в установленные сроки. Награждён медалью «За трудовую доблесть».[1]

Самарские татары могут гордиться тремя земляками, ставшими Героями Социалистического Труда, это – Сабирзянов Абдулла Сабирзнович (дата присвоения звания 8 мая 1948 г.), Мустафинов Ахмет Нурмухаметович (8 мая 1948 г.), Мухаметдинов Шамиль Галиахметович (20 апреля 1971 г.)[2].

Среди почетных нефтяников – К. Б. Аширов (1912 - 2001). Доктор технических наук (1967), профессор, лауреат Ленинской премии (1966), заслуженный деятель науки и техники РФ (1972). Долгие годы К. Б. Аширов был заместителем директора научно-исследовательского института «Гипровостокнефть», где вел разработку, проектирование нефтяных и газовых месторождений, участвовал в организации нефтяной промышленности в Сирии, Алжире, Ираке, ГДР. Его знали во всех нефтедобывающих районах Советского Союза[3]. Долгие годы К. Б. Аширов возглавлял кафедру геологии нефтяных и газовых месторождений в Куйбышевском политехническом институте (ныне Самарский государственный технический университет). Сегодня в память об учителе вуз проводит Ашировские научные чтения.

Авиационная промышленность – флагман индустриальной экономики страны и нашей области. В 1950 - 1960-е гг. мощный авиационно-космический комплекс составляли более десятка промышленных предприятий. Наиболее зримо научно-технические достижения были видны в работе мощного аэрокосмического комплекса (заводы «Прогресс» и Авиационный, Куйбышевский авиационный институт, Центральное Конструкторское Бюро), где проектировались и выпускались самолеты ТУ-134, ТУ-154, ракеты-носители «Протон», «Энергия», ракетно-космические комплексы «Союз-Прогресс» и т.д. На всех этих передовых в промышленном отношении предприятиях работали наши соплеменники. В советское время не принято было выпячивать свою национальность. Наивысшую ценность во все времена имеют профессионализм, уровень квалификации, ответственное отношение к делу. В этом отношении самарским татарам есть чем гордиться.

На самых важных и ответственных участках, на каждом промышленном предприятии, других участках трудового фронта, как тогда говорили, успешно работали наши соплеменники. Квалифицированные кадры для них готовили многие вузы страны, но также и Куйбышевский авиационный институт, ныне Национальный исследовательский университет им. С. П. Королева.

Среди студентов, а затем и работников авиационной промышленности немало было и татар. О них подробно повествует журнал «Самар-татарлары»[1]. Один из ветеранов завода А. Надиров рассказывает о своих товарищах. По его рассказам, в начале 1990-х гг. на заводе «Прогресс» работало около 1000 татар. Ахмет Нафигин, Магариф Раянов, Равиль Насыров, Марат Гибадуллин, Кашаф Амиров, Мансур Ямалетдинов, Ильгиз Колючев, Асфанлияр Валитов, Рауф Хусаинов, Тахир Байбеков – работники предприятий авиационно-космического комплекса. Это были не просто ответственные и квалифицированные работники авиационной отрасли, но и активисты и родоначальник татарского общественного движения в конце XX в. Все они – выпускники Куйбышевского авиационного института.

А. М. Нафигин, выпускник КуАИ 1963 г. вплоть до 2011 г. работал в испытательном цехе космических объектов. Ему были свойственны высочайшая ответственность и исполнительность, риски и неопределенность, мобильность и умение держать удар. Вот как пишет А. Надиров: «…Обстановка высочайшей исполнительности по качеству и срокам учила умению уплотнять время, сплачивать трудовой коллектив, не разменяться по мелочам»[2].

Особенно хотелось бы рассказать о выдающейся программе «Лунный комплекс Н1-Л3». Ее основатель, академик С. П. Королев – руководитель проекта по созданию мощной космической ракеты, способной долететь до Луны. Высота ракеты составляла 105 м, ширина в диаметре у основания достигала почти 17 метров. В кон. 1960 – нач. 1970-гг. было проведено четыре испытательных старта ракеты, но в 1974 г. работы были закрыты.

Вместе с Нафигиным работал и Марат Гибадуллин – инженер-испытатель первой категории. Испытания оборудования для космического комплекса «Энергия- Буран» – программа особой государственной важности. На нее работало более тысячи предприятий страны.

На заводе «Прогресс» работали Магариф Раянов – инженер завода, участник подготовки к запуску космических кораблей, в том числе космического корабля многоразового использования «Буран».

Равиль Насыров трудился на заводе с 1970 по 1990 гг. сначала инженером-испытателем. Старшим инженером-испытателем первой категории и участвовал в запуске двух ракетоносителей – Н1 и первом запуске ракетного комплекса «Буран-Энергия» в 1987. Имя Насырова упоминается в книге «Незабываемые космические программы», которая вышла в Самаре к 25-летию успешного запуска Бурана (2013 г.)

И. И. Колючев – выпускник Куйбышевского индустриального института (ныне Самарский государственный технический университет) 1963 г. До 2010 г. – ведущий конструктор по системам автоматической защиты

[1] Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30 - 50-е годы XX века: Сборник документов. Самара, 2005. С. 561.
[2] Энциклопедия Самарской ой области. Том. 2. С. 14 - 15.
[3] Он был неистощимым генератором новых научных идей // Самарские татары. 2015. № 2(11). Июнь – август. С. 86 - 91.

[1] Надиров А. Они работали на космос и культуру своего народа//Самар татарлары. 2015. № 1 (10), январь – март. С. 19 - 23.
[2] Там же. С. 20.

и контроля авиационных и ракетных двигателей, кандидат технических наук, автор 7 изобретений, внедренных в практику. Награжден орденом «Дружба», нагрудным знаком Губернатора «За труд во благо Земли Самарской».

Асфандияр Валитов – выпускник КуАИ работал на заводе «Экран», на заводе им. Фрунзе инженером, начальником участка по производству и испытаниям двигателей для космических кораблей «Восток» и «Союз».

Мансур Ямалетдинов – инженер-конструктор авиационного завода, затем ЦСКБ «Прогресс». До 1994 – начальник группы по аэродинамике. А позже – ведущий инженер по общим характеристикам ракетоносителей. Участвовал в разработке проекта «Союз-Апполон». Участвовал во многих пусках на космодромах Байконур и Плесецк, где контролировал основные характеристики заправки ракетоносителей.

Татары работали на различных предприятиях области. Их отличали высокая ответственность, стремление качественно делать свою работу, интерес к новаторству и изобретательству. Все эти качества были востребованы временем, эпохой, названной впоследствии эпохой производителей. Среди тех, кто все свои силы отдал работе на промышленных предприятиях области, был и мой отец, Ф. Н. Амиров. В своих рассказах, а затем написанных воспоминаниях он писал о пуске Куйбышевского металлургического завода, в котором принимал участие. Его воспоминания полны теплыми словами о тех, с кем трудился, с кем переживал успехи и сложности развития куйбышевской промышленности[1].

[1] Амиров Ф. Н. Мои воспоминания. Самара, 2014. С. 70 - 80.

Изучая различные материалы о самарских татарах, которые жили и трудились в советское время, отмечаю их невероятную скромность. Делая будничную работу, а по сути, возводя промышленные предприятия, заводы-гиганты, космические ракеты, метро и дороги, они создавали свою эпоху – эпоху производителей. Их достижения стали базой для нового старта, который начался в конце XX в.

XXI век

Для поколения, которое живет и трудится на рубеже XX-XXI вв., выпало время серьезных испытаний, связанных с изменением стратегических целей развития экономики страны, методов их реализации. Они проходили на общем фоне перестройки мирового хозяйства, международных экономических отношений.

Индустриальные страны вступали в новую стадию своей истории, где уже обозначился дефицит сырьевых и трудовых ресурсов, где все сильнее стали заявлять о себе экологические проблемы. Под воздействием микроэлектронной революции 1970-х гг. структура мировой экономики менялась в сторону сокращения доли промышленности и сельского хозяйства и увеличения роли и места наукоемкого производства, информационной сферы и сектора услуг. Начиналась эпоха постиндустриального развития.

В СССР курс на перестройку социально-экономических отношений был начат в 1985 г. Экономические реформы, сначала реализуемые как программа «ускорения социально-экономического развития» (апрель 1985 г.), сопровождались изменением сложившейся и устоявшейся в течение десятилетий практики централизованного управления («ликвидация механизма торможения», июнь 1987 г.). В 1988 - 1989 гг. общественно-политическая мысль уже связывается с идеями рынка, развития рыночных отношений.

Фактически одновременно распался Союз Советских Социалистических Республик (декабрь 1991 г.). Россия, прежде крупнейшая республика СССР, в 1992 г. вступила на путь радикальных рыночных преобразований.

В начале 1990-х гг. областная экономика имела ту же структуру, что и народное хозяйство страны в целом: развитый оборонный комплекс в промышленности (и по количеству предприятий, и по уровню научно-технических разработок), незначительный удельный вес отраслей легкой промышленности (чуть более 25 % стоимости всей промышленной продукции), убыточное колхозное производство, недостаточно развитый третий сектор (сфера услуг и информации). При этом общий уровень экономического развития области в 1,5 раза превышал общесоюзный.

На протяжении 20 - 25 лет в экономике страны нашей области произошли важные перемены. В структуре областной экономики основную долю валового регионального продукта дают предприятия и фирмы информационного сектора и сферы обслуживания. Промышленность, сельское хозяйство – базовые сектора, составлявшие долгие годы основу областной экономики, пережили период сложнейшей реорганизации. Сегодня в области работают предприятия и организации самой разной направленности, разных организационно-правовых форм. Во многих из них работают наши соплеменники.

Вклад татар в развитие современной экономики области невозможно измерить цифрами. Поэтому расскажем о людях, деятельность которых наиболее заметна. В условиях социально-экономических преобразований рубежа XX-XXI вв. они сумели найти свой путь, создать собственное дело или реорганизовать производство на новых принципах хозяйствования, сплотить трудовые коллективы.

Возможность новым начинаниям давали изменения в законодательстве СССР 1987 - 1988 гг. В каждом секторе экономики – сфере промышленности, банковского дела, сельского хозяйства, торговли начались перемены. Провозглашенные принципы хозяйствования – принцип «трех С» – самостоятельность, самоокупаемость, самофинансирование предприятий при их внедрении в жизнь и постепенной законодательной легализации – реалии того времени. Многие решения о своей жизни, жизни своей семьи, трудового коллектива приходилось принимать каждому человеку самостоятельно.

Расскажем о нескольких наших соплеменниках, каждый из которых в своей сфере деятельности сумел добиться успехов.

А. К. Бульхин[1] прошел путь от рабочего, мастера, начальника цеха, начальника отдела, заместителя директора по капитальному строительству до генерального директора предприятия. 1975 - 1988 гг. – генеральный директор производственного объединения «Куйбышевкабель»; 1988-1993 гг. –

[1] Раздел об истории Куйбышеве с кого завода кабелей связи написан в соавторстве с М. В. Михейкиной.

директор, генеральный директор Куйбышевского завода кабелей связи; 1993 - 2003 гг. – генеральный директор ЗАО «Самарская кабельная компания»; 2003-г. по настоящее время – председатель Совета директоров ЗАО «Самарская кабельная компания».

Куйбышевский завод кабелей связи был создан в 1952 г., в 1970-е гг. – уже производственное объединение «Куйбышевкабель». А. К. Бульхин – его генеральный директор. Предприятие к моменту перестройки имело опыт работы в условиях экономического эксперимента (с 1984 г.), который заключался в расширении прав предприятия в планировании и хозяйствовании, повышении ответственности за результаты труда. В 1986 г. в производственном объединении около 60 % созданных бригад работало на полном хозрасчете[1]. С 1987 г. начался перевод предприятия на полный хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование[2], затем – переход на углубленную модель хозрасчета – коллективный подряд всего коллектива завода. Несмотря на успехи отдельных коллективов, предприятие в целом не могло выполнить план балансовой прибыли, дополнительную сложность составляли многочисленные согласования планов двух заводов производственного объединения в Министерстве и городском комитете КПСС[3]. В 1988 г. приказом Министерства производственное объединение «Куйбышевкабель» было ликвидировано, а Куйбышевский завод кабелей связи (КЗКС) и завод «Куйбышевкабель» преобразованы в самостоятельные предприятия. Дальнейшие шаги связаны с еще большей децентрализацией, созданием на базе производственных цехов производственных кооперативов (в марте 1988 г. создан первый научно-производственный кооператив «Автоконтроль», который должен был ускорить работы по созданию и освоению в серийном производстве принципиально новых средств автоматизации и приемочного контроля кабелей связи)[4]. Ситуация в стране приобретала все более неуправляемый характер, что было обусловлено в том числе реорганизацией союзных министерств и ведомств. В 1990 г. Куйбышевский завод кабелей связи после долгий, согласований с центром перешел на арендную форму работы: министерство передало заводу основные фонды сроком на 10 лет. Пользуясь этим правом, в течение второго полугодия 1990 г. основные фонды главных цехов были переданы их коллективам в субаренду для использования в кооперативной форме хозяйствования.

На КЗКС стали активно создаваться кооперативы: «Элка», «Строительные материалы», «Агат», «Пчелка», НПК «Прогресс» (цех № 4 по производству кабелей дальней связи), НПК «Дальняя связь» (цех № 21 по производству кабелей дальней связи), НПК «Кристалл» (цех № 10 по производству городских телефонных кабелей), НПЦ «СТЭКС». Прежние цеха преобразованы в кооперативы. К концу 1992 г. в состав предприятия входили 24 юридических лица: около 10 бывших заводских цехов основного производства, малое предприятие «Кабельснабсбыт», две агрофирмы и др[1].

Кооперативы являлись переходной формой организации производства и предпосылкой к созданию малых предприятий на базе КЗКС. При создании малых предприятий коллектив КЗКС выбрал государственную форму собственности, в качестве вида малого предприятия – научно-производственный центр. Малые предприятия создавались не только для более активного участия в рыночных отношениях, но и для удовлетворения собственных нужд предприятия в необходимой продукции (например, кооператив «Плутон» – производство кабельных барабанов; кооператив «Василиса» – производство спецодежды).

Однако процесс перевода цехов в кооперативы задерживался. Предприятие действовало в условиях правового вакуума, так как в 1993 г. еще не было документа, регламентирующего порядок перевода промышленных предприятий в аренду. Несмотря на активное развитие кооперативов, предприятию удалось сохранить ядро трудового коллектива, о чем свидетельствовала почти нулевая текучесть кадров[2].

Дальнейшая история завода в значительной степени обусловлена грамотной, продуманной политикой руководства предприятия, его генерального директора. В апреле 1993 г. арендное предприятие «Куйбышевский завод кабелей связи» было реорганизовано в Закрытое Акционерное Общество «Самарская кабельная компания[3]. Председателем совета директоров стал бывший генеральный директор предприятия – А.К. Бульхин[4].

Одной из главных целей Самарской кабельной компании в то время стал поиск рынков сбыта выпускаемой продукции. Распад СССР сопровождался разрывом прежних экономических и хозяйственных связей между сотнями промышленных предприятий. Первое послереформенное время дирекция предприятия стремилась максимально сохранить установленные еще при административно-командной системе хозяйственные связи с предприятиями-потребителями, но уже на рыночных условиях[5].

Похожие трудности переживал и Волжский автомобильный завод, утративший контакты с Украиной (Каменец-Подольским кабельным заводом). Ни одно российское предприятие не было способно заменить Каменец-Подольский завод с его уникальным технологическим оборудованием, закупленным советским государством по рекомендациям специалистов итальянской фирмы «ФИАТ».

Подобная ситуация заставила ВАЗ искать поставщика в Самарской области. В 1992 г. руководство автозавода обратилось к генеральному директору КЗКС с предложением по освоению производства автомобильных жгутов

[1] Волжская заря, 27 мая 1986 г.
[2] Более широкое распространение получила бригадная форма организации труда и его оплаты по конечным результатам труда работников и распределение заработков по коэффициенту трудового участия.
[3] Репортер, 23 августа 2002 г.
[4] Бульхин А. К. На крутых поворотах судьбы. Т. 2. Самара: Художественно-издательское предприятие «Арт-Про», 2006. С. 560.

[1] Волжская коммуна, 25 ноября 1992 г.
[2] Волжская коммуна, 25 ноября 1992.
[3] Перед акционированием государство имело свой 1 % в виде зданий и оборудования. Но за счет арендного дохода коллектив выкупил их за 38 млн. рублей. При акционировании привилегированные акции составили 42 %.
[4] Интервью Бульхина А. К. // Моя газета, 23 февраля 1994 г.
[5] Репортер, 23 августа 2002 г.

проводов. Дело было совершенно новым: инвестиции, технологии, организация производства, конкурентоспособность продукции – все задачи с множеством неизвестных.

Несмотря на все риски, руководство предприятия приняло решение начать работу над новым проектом. Его реализация была возложена на одно из подразделений завода – НПК «Элка», в котором в скором времени был создан технический отдел по развитию автокабельной техники. Новое подразделение должно было в течение года подготовить производство и начать поставку жгутов проводов на АвтоВАЗ. Коллектив составили специалисты завода, других ведущих предприятий Самарской области: ЦСКБ «Прогресс», завода им. Масленникова, Опытно-экспериментального завода Академии наук, Моторостроительного ОКБ им. Н. Д. Кузнецова. Коллектив блестяще справился с поставленной задачей: было спроектировано и самостоятельно изготовлено необходимое оборудование. До этого в России ничего подобного не производилось. В 1994 г. в Самарской кабельной компании был организован производственный участок по сборке жгутов проводов. Самарская кабельная компания стала поставщиком АвтоВАЗа.

Однако этим дело не закончилось. После разрушения административно-командной системы в страну хлынул поток зарубежных товаров, в несколько раз увеличилось конкурентное давление на предприятие. Это заставило руководство компании для упрочения своего положения на рынке автокабельной продукции ориентироваться на международные стандарты производства. Для этого начались поиски надежного западного партнера.

В начале 1990-х гг. мировая автомобильная корпорация «Дженерал Моторс» осуществляла поставки АвтоВАЗу комплектов электронных систем управления двигателем для экспортных автомобилей и также искала партнера среди российских предприятий для совместного производства жгутов проводов для российской автомобильной промышленности. При ознакомлении с потенциальными партнерами среди самарских предприятий «СКК» не оказалась в числе лидеров предпочтений. Но в дальнейшем, после более глубокого ознакомления с достижениями предприятия, американские специалисты изменили свое решение в пользу ЗАО «Самарская кабельная компания». Среди конкурентных преимуществ «СКК» перед другими предприятиями они отметили успешное самостоятельное освоение производством жгутов проводов, наличие грамотных специалистов по данному профилю, профессионализм и авторитет руководства[1].

Совместное предприятие получило название «Паккард Электрик Системз/ Самарская Кабельная Компания» («ПЭС/СКК»). Заслуженный авторитет руководителя предприятия А. К. Бульхина, доверие областной администрации позволили получить предприятию кредит от областной администрации, необходимый для внесения уставного капитала при создании совместного предприятия. Через два года после создания «ПЭС-СКК» у ЗАО «Самарская кабельная компания» появилось еще одно совместное предприятие, также с американской фирмой «Корнинг Инкорпорейтед». В результате было создано совместное предприятие по производству волоконно-оптического кабеля «Самарская оптическая кабельная компания» («СОКК»).

Компания вышла на рынок в 1998 г., в год дефолта, когда многие предприятия обанкротились. К тому времени телекоммуникационный рынок был сформирован: на нем уже работали 8 заводов по производству волоконно-оптического кабеля, в последующие три года на рынок пришли еще три таких предприятия, два из которых – совместные предприятия с ведущими иностранными производителями оптического волокна. Несмотря на это, «СОКК» за короткий срок не только смогла закрепиться на рынке телекоммуникационной продукции, но и стала одним из ведущих производителей волоконно-оптического кабеля связи, надежным поставщиком как традиционных операторов ОАО «Связьинвест», так и корпоративных, ведомственных – РАО ЕЭС, МТС, нефтяных и газовых компаний, альтернативным операторам сотовой связи: «Мегафон», «Вымпелком», «СМАРТС».

Созданные совместные предприятия стали ресурсом устойчивого развития в нестабильной экономической обстановке, а наличие иностранных партнеров позволяло предприятию выжить в период всеобщих неплатежей. Например, в 1996 г. иностранные партнеры буквально спасли СП «ПЭС-СКК», предоставив возможность работать на экспорт – производить жгуты проводов для сборки автомобилей «Опель-Астра» в Германии. Совместное предприятие с успехом осуществляло поставки в течение двух лет без единого сбоя и рекламации по качеству.

Генеральный директор ЗАО «Самарская кабельная компания» А. К. Бульхин понимал, что в условиях проводимых в России экономических реформ, необходимо приводить в соответствие с требованиями рынка не только производственную, но и организационную структуру предприятия. По его решению был создан отдел развития и мониторинга, который вел анализ деятельности предприятия, выявлял основные проблемы и вырабатывал меры и пути их решения. Так появился отдел контроллинга (управленческого учета). На «СКК» началось внедрение бюджетного метода управления. В результате расчета доходной и расходной частей бюджета рассчитывался финансовый результат – та чистая прибыль, которая может использоваться акционерами по собственному усмотрению. Большая часть прибыли направлялась на инвестиционные программы – закупку нового и модернизацию старого оборудования. Для успешной реализации инвестиционных программ было создано дочернее предприятие – лизинговая компания. Механизм лизинга позволял приобретать оборудование на выгодных условиях, относя все расходы на его приобретение на затраты предприятия. Используя механизм ускоренной амортизации оборудования, стало возможным в три раза быстрее осуществлять возврат денежных средств, потраченных на его приобретение. Более того, лизинговая компания имела льготы по налогу на имущество.

Эти новшества оказались не последними в истории «СКК». К 2003 г. назрело понимание того, что совмещение процесса стратегического

[1] Бульхин А. К. На крутых поворотах судьбы. Т. 2. Самара.: Художественно-издательское предприятие «Арт-Про», 2006. С. 612.

управления предприятием и процесса оперативного руководства является неэффективным. Это можно было решить посредством введения двухуровневой системы управления: Совета директоров и исполнительной дирекции во главе с ее генеральным директором. На собрании акционеров общества был избран новый состав Совета директоров компании. Генеральным директором ЗАО «СКК» стал В. Ф. Ключников На заседании Совета директоров ЗАО «СКК» А. К. Бульхин был избран его председателем.

В условиях трансформационного экономического спада особую роль играют управленческие решения. От эффективности и целесообразности данных решений зависит работа всех подсистем предприятия (производственная, материально-техническая, кадровая, сбыта, финансовая и т.д.), а также место предприятия в системе рыночных координат. Руководство Самарской кабельной компании смогло во время разлада всего экономического хозяйства страны достаточно быстро сориентироваться в сложившейся ситуации и постепенно перейти от решения преобладающих краткосрочных задач предприятия, главным образом направленных на самовыживание и сохранение целостности предприятия, к комплексному подходу учета всех сторон деятельности предприятия, разработке стратегии развития. В результате было свернуто производство нерентабельной и освоен выпуск востребованной рынком продукции, привлечены высококвалифицированные кадры, введены новые методы менеджмента.

Важную, если не решающую роль в успешной адаптации ОАО «Самарская кабельная компания» к рыночным условиям сыграла личность руководителя предприятия А. К. Бульхина Во многом благодаря его личным и профессиональным качествам Самарская кабельная компания до сих пор является лидером в своей отрасли.

В строительном секторе областной экономики хорошо известна фирма другого нашего соплеменника В. Г. Мухаметшина. История ЗАО «Ремонтно-строительное объединение «Прогресс» началась в августе 1988 г. Тогда при УКС Куйбышевского облисполкома был создан строительный кооператив «Прогресс» «(с 1992 – АОЗТ «Ремонтно-строительное объединение «Прогресс»). Инициатором создания и первым руководителем кооператива был В. Г. Мухаметшин. «Инженер-строитель» по образованию, выпускник Куйбышевского архитектурно-строительного института, свою трудовую деятельность он начинал плотником и мастером в Стройуправлении № 3 треста № 11. Затем прошел путь от мастера до начальника РСУ в тресте «Куйбышевгоргражданстрой», где проработал 23 года С 2008 г. по настоящее время Вазых Гатович Мухаметшин – президент АСП ГК «Прогресс – В».

Историю строительного кооператива «Прогресс» начинали творить несколько человек, занимавшихся ремонтно-строительными работами в разных организациях. Затем начались самостоятельные работы, число занятых выросло до двух с половиной тысяч. Работая на перспективу, все средства генеральный директор вкладывал в развитие. Начинали со строительства нескольких производственных баз, где размещалась строительная техника, материалы. На самой большой из них – размером свыше 5

га разместились Управление механизации и автобаза, котельная, растворобетонный узел, железнодорожный, лесопильный, деревообрабатывающий и столярный цех. Эти базы дали возможность обеспечить строительными материалами и механизмами не только собственное строительство, но и сторонних заказчиков. РСО «Прогресс» – первая из коммерческих строительных фирм, которая построила собственные офисные здания. Одно из них поострено (1998 г.) по европейскому стандарту: его фасад выполнен из тонированного стекла. Здесь и размещается фирма ООО «РСО «Прогресс-В». С В 1990 г. стали сдавать жилые объекты – дома в Студенческом переулке, по ул. Братьев Коростелёвых, Ленинской, а также здание Сбербанка по ул. Гагарина, 19.

Одним из этапных объектов для ремонтно-строительного объединения «Прогресс» можно назвать строительство Соборной мечети на улице Стара-Загоры. Духовное управление мусульман Самарской области во главе с хазратом Вагизом Яруллиным обращалось во многие строительные организации, но никто за столь грандиозное дело не брался. А РСО «Прогресс» за три года построило самую большую мечеть в Поволжье. Причем организация вложила в проект и собственные средства. Большое содействие в строительстве соборной мечети оказали также областные и городские власти.

И сегодня группа компаний «Прогресс-В» является крупным владельцем недвижимости и земельных участков в г. Самаре и области, инвестирует значительные средства в долевое жилищное и офисное строительство, в операции с землёй и недвижимостью, является заказчиком-застройщиком, генподрядчиком на разных строительных объектах города и области. Сотрудничает с крупными компаниями из Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Тольятти, Самары, а также с иностранными инвесторами.

Динамичное развитие в условиях реформ получил банковский сектор. В СССР банковское дело было монополией государства. Финансирование экономики осуществляли Госбанк СССР и Стройбанк СССР. Реформирование банковской сферы также началось с децентрализации. На базе имевшихся было создано 5 специализированных государственных банка. Один из них – Промстройбанк СССР, где работала Д. З. Вагапова. Дорогу первым коммерческим (кооперативным) банковским учреждениям открыл Закон «О кооперации в СССР». Первыми коммерческими банками в области стали появившиеся в 1989 г.– «АвтоВАЗбанк» и «Волгоинкомбанк». В 1990 г. на базе Промстройбанка СССР с уставным капиталом в 100 млн. руб. был создан Средневолжский коммерческий банк (СВКБ). Учредителями банка выступили Куйбышевское производственное объединение «Металлург», завод 9 ГПЗ, «Прогресс», научно-производственное объединение «Информатика», КМПО имени Фрунзе. Банк обслуживал крупные промышленные предприятия области, которые в условиях реформ часто оказывались без оборотных средств, испытывали трудности с выплатой заработной платы работникам, расчетами с поставщиками и потребителями. В 1994 г., когда в области работало уже более 25 самостоятельных и отделений центральных коммерческих банков, СВКБ, наряду с «АвтоВАЗбанком», «Лада-банком» и «Самараагробанком»

по рейтингу Центрального банка входили в 100 крупнейших банков страны. В 1991 г. Вагапова Д. З. стала заместителем председателя правления, а в 1994 г. возглавила его. Экономические трудности росли, ситуация в промышленности области осложнялась. В 1996 г. по инициативе руководства Средневолжский коммерческий банк был ликвидирован[1].

Дальнейшая карьера Д. З. Вагаповой связана с ипотечным кредитованием. Несколько лет она возглавляла Самарский областной фонд жилья и ипотеки (СОФЖИ). И здесь проявился ее характер – желание во всем дойти до сути, разобраться в тонкостях и деталях дела, которым занимаешься. В 2004 г. Дания Завдатовна защитила докторскую диссертацию по теме:» Модели финансовых потоков и механизмов принятия оптимальных решений в сфере долгосрочного жилищного ипотечного кредитования».

В конце XX в. экономика Самарской области испытывала серьезные перемены, связанные с изменением социально-экономического курса. Переход от плановой к рыночной организации к промышленности, сельского хозяйства, торговли и сферы услуг в регионе был быстрым и решительным. В ходе приватизации государственных предприятий появились предприятия самой разной организационно-правовой формы. Наиболее быстрыми темпами создавались банки, предприятия сферы услуг и торговли. Предприятия промышленности и сельского хозяйства, наоборот, переживали сложный момент глубокой трансформации. Молодой российский бизнес осваивал новые сегменты экономики, формировал рыночную среду и рыночные институты, переживал взлеты и падения.

На протяжении 1998 - 2015 гг. в области действовало ООО «Самарский ипотечно-земельный банк» («ИПОЗЕМбанк»), возглавляемый И.Г.Шакуровым. Банк был учрежден Администрацией области в 1993 г. как Самарский коммерческий «ФермерБанк» (ТОО) в целях льготного кредитования крупных сельскохозяйственных производителей. Председателем правления банка был Шакуров Ильяс Гумерович, имевший опыт работы в комсомольских организациях, затем бизнесе. Впоследствии он возглавил «ИПОЗЕМбанк». В конце 1990- х банк переориентировался на кредитование малого и среднего предпринимательства, работу с физическими лицами. Финансовый и банковский рынок – наиболее динамичная изменчивая сфера экономики. В 2015 г. в период активного государственного регулирования и оптимизации банковской сферы, «слабые игроки» (выражение Э. Набиуллиной, председателя Центробанка РФ) были закрыты. Среди них был и «ИПОЗЕМбанк». Руководитель банка И.Г. Шакуров, выпускник Самарского государственного университета, кандидат юридических наук (2004), доктор экономических наук (2009), также известен как активный общественный деятель, содействующий сохранению и развитию татарской национальной культуры и языка. Он является председателем НКО «Ассоциации содействия татарским предпринимателям» издателем журнала «Самар татарлары - Самарские татары» [2].

[1] История банковского дела в Самарской губернии. М., 2012. С. 156.
2 Золотая книга выпускников СамГУ. Вып. 1.Самара, 2014 с. 225

Процесс рыночных преобразований сельскохозяйственного производства коренным образом изменил состояние сельскохозяйственного рынка. Самарская область оказалась одним их нескольких регионов страны, где её руководители в начале 90-х гг. начали реализовывать рыночные реформы без государственной поддержки сельскохозяйственного производства. В условиях рыночных реформ реорганизация сельского хозяйства сопровождалась закрытием и банкротством колхозов, поощрялось создание фермерских и личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Развитие законодательной базы запаздывало, вопросы землевладения и землеустройства обсуждались в течение 10 лет в Государственной Думе, на уровне региональных органов власти принимались местные законы и о земле. Вместе с этим продолжался отток сельского населения. За эти годы вырасло целое поколение.

Мировые экономические отношения и социально-психологическая атмосфера вокруг аграрного сектора объективно создают чрезвычайно сложные условия для возрождения села. В 2012 г. ситуацию в татарских селах области изучала Ассоциация содействия татарским предпринимателям. Респондентам предложили ответить на вопросы анкеты из 24 вопросов, часть среди которых была связана с описанием сложившейся ситуации в населенном пункте, основных занятиях жителей.

Результаты анализа анкетирования, проведенного несколько лет назад, показывают, что большая часть татарских селений Шенталинского, Камышлинского, Кошкинского районов Самарской области, удаленных от областного центра, экономически тяготеют к соседним областям и республикам – Татарстану, Ульяновской и частично Оренбургской области. Села Похвистневского, Елховского и Челно-Вершинского района также расположены достаточно далеко от Самары. Из 24 сел на 1 января 2012 г. крупными селами с населением свыше 500 человек являются Камышла, Новое Мансуркино, Новое Усманово, Заиткино, Денискино, Теплый Стан, Мочалеевка, Балыкла, Старое Ермаково, Выселки, Алькино и Мулловка. В большинстве из представленных крупных сел развивается собственное предпринимательство (Камышла, Новое Мансуркино, Новое Усманово, Заиткино, Мочалеевка, Выселки, Татарское Абдикеево, Бузбаш, Алькино, Мулловка, Карабикулово). В небольших селах (Татарское Абдикеево, Бузбаш и Карабикулово) предпринимательская активность заметна, хотя численность населения не превышает и 200 человек. Села Камышла, Новое Мансуркино, Новое Усманово, Мочалеевка, Выселки, Алькино, Мулловка, по данным на 2012 г., имеют потенциал роста и развития.

Жизнь многогранна и не поддается однотипным и однообразным оценкам. Наряду с сокращением числа татарских деревень, старением населения, идет процесс возрождения сельскохозяйственного производства. Некоторые районы Самарской области сумели удержаться в трудный период перестройки аграрных отношений. Здесь сформировался новый социальный слой фермеров – сельских предпринимателей, сумевших в новых экономических условиях создать и поддерживать собственное дело. Уже можно анализировать и обобщать их опыт.

К 400-летию села Алькино Похвистневского района местная администрация и татарская общественность

издали книгу об истории своего села, о людях, которые здесь жили и работали. Здесь же представлены и краткие жизненные истории современных алькинцев, ставших предпринимателями. Основной вид сельского предпринимательства – производство, переработка мяса и мясной продукции, выращивание и сбыт овощей (помидоры), связанные с ними другие виды деятельности – перевозки, производство животноводческих кормов. Здесь зарегистрировано 14 фермерских и индивидуальных предпринимательских хозяйств.

Проследим первые шаги по их созданию.

Первым фермером в Алькино стал бывший председатель колхоза А. Гараев. В декабре 1991 г. по решению местной администрации, тогда районного исполнительного комитета трудящихся, получил в пожизненнонаследуемое владение 10,8 га земли, зарегистрировал фермерское хозяйство. Первые годы трудностей миновали. Потом А. Гараев стал засевать до 82 га пашни, большую часть которой арендует. Помимо зернового хозяйства занимается животноводством (10 - 20 голов скота), овощеводством (выращивание томатов).

М. Сафиуллин. Водитель колхоза, комбайнер после банкротства колхоза в течение трех лет вел торгово-закупочную деятельностью – продавал помидоры, выращенные в Кинель-Черкасском районе. Затем решил сам выращивать помидоры в теплицах. В 1996 г. на двух сотках земли построил первую теплицу, предварительно изучив технологию, получив консультацию у своего бывшего партнера. У него же покупали первую рассаду. Постепенно теплица расширялась. От посреднической деятельности фермер перешел к оптовым поставкам приезжавшим покупателям из Оренбургской и Самарской областей. Со временем стал консультировать своих соседей, вовлекая их в помидорный бизнес. Сейчас у М. Сафиуллина теплицы на 2200 корней томатов, у сына – еще на 5 тыс. корней, – на 3 тыс. корней Помидорная столица.

М. Саяров – в прошлом – мастер швейного цеха, столяр в колхозе. В 1990-е После банкротства колхоза выкупил столярку и некоторое время занимался столярным промыслом, затем три года работал в заготконторе. В 2002 г. занялся откормом лошадей. Сначала покупал скот в соседних областях, поставлял сырье в ООО «Халял», которое работает в Алькино. Поголовье бычков и лошадей доходило до 150 голов. Перевозки ведет на собственном ГАЗ-53 (солома, зерно, корма, отходы).

История других предпринимательских хозяйств К. Б. Исхакова, Н. И. Багаутдинова, М. Сиразова, Р. Мустафина и других деловых и активных людей села Алькино повествует о трудностях начального периода, о рисках, которые сопровождают собственное дело, о постепенном усложнении бизнеса. Успех приходит как результат веры, напряженного труда и обязательной поддержки родных, близких и друзей.

Сегодня в экономике Самарской области успешно трудятся наши соплеменники. На самых разных участках, в крупных государственных и частных корпорациях, в собственном бизнесе, в секторе жилищного и коммунального хозяйства. Рассказать о каждом из них невозможно. Но каждый из них вносит посильный вклад в развитие и процветание нашей родной Земли.

Земли, где много веков жили, трудились наши предки. Трудились и оставили наследникам словное наследие, которое не должно быть забыто.

Его изучению, сохранению и развитию способствует благотворительный культурно-исторический фонд «Булгарское наследие». Основал фонд Г. М. Батршин, ставший председателем Попечительского совета. Он известен как учредитель и директор ООО «Урожай», ООО «АгроСамара», ООО «Феникс». Фонд «Булгарское наследие» финансировал строительство мечети «Булгарское наследие» в поселке Зубчаниновка в Самаре, строительство и установку памятного знака «Летящий барс» на Поповой горе в районе села Ширяево Самарской области. Г. М. Батршин многое делает для популяризации средневековой истории родного края и туризма, издает исторические книги и документальные фильмы на тему «Булгарская цивилизация».

Возможно ли измерить и посчитать вклад татарского народа в экономическое развитие Самарской области? Может быть, если задаться такой целью, сосредоточиться на поиске статистических данных, их обработке, мы определим искомую величину. Но, думаем, этот подход вряд ли будет плодотворным.

Уважаемый читатель, надеюсь, ты согласишься с нами: экономику развивают люди. Каждый человек в отдельности и вместе со своим трудовым коллективом, своей командой каждый день, пусть на малую толику улучшают свою жизнь. Если не все, то наибольшая часть наверняка.

В каждую эпоху, в любое время человек встает перед выбором, он принимает решение, как ему жить и работать. Вклад татарского народа в экономику родного края, так же, как и у других народов, был связан с улучшением жизни, с заботой о себе, детях и престарелых родителях. В зависимости от условий и обстоятельств в народе вырастала торгово-промышленная, предпринимательская, инженерно-техническая, научная, управленческая, современная бизнес-элита татарского народа. На долю этих людей выпадает огромная ответственность – определять стратегии развитии предприятия, фирмы, региона, страны. Самарские татары могут гордиться своими земляками – Баишевым и Муртазиным, Бульхиным и Сабирзяновым, Шакуровым и Мухаметшиным, Вагаповой и Батршиным. Их вклад в развитие экономики области наиболее заметен. Их имена и фотографии документально зафиксированы в газетах и книгах, в благотворительных акциях и деяниях.

Пожалуй, не менее важен вклад в экономику Самарского региона многочисленных представителей татарского народа, чьи имена невозможно перечислить. Ежедневно в городах и деревнях они трудились и трудятся, для того чтобы улучшить жизнь своей семьи, своей родной местности. А значит, улучшить жизнь своего края, своего народа и своей страны в целом. И только благодаря такому совместному труду, общему стремлению людей разных возрастов, разных национальностей, их каждодневной деятельности жизнь и экономика развиваются.

Вместо заключения

Уважаемый читатель, мы пытались максимально показать вклад татар в развитие экономики нашего края с самых разных сторон. Это не так просто. Ведь в экономике, особенно современной, национальные различия вид-

ны меньше всего. Разве в Японии или Конго экономическая жизнь людей похожа? А в России, огромной и многонациональной стране?

География и история народов, проживающих в этих странах, разная. Но мы исходим из того, что принцип работы основных изобретений и достижений науки схож, технические и технологические процессы, которыми управляют люди, разворачиваются по одному алгоритму, в одной последовательности. Компьютеры и айфоны везде работают одинаково, но люди, занимающиеся этим, вступают в экономические отношения, не похожие друг на друга. Различия заметны в языке, мышлении, психологии, культуре деловых отношений. А потому и экономическая жизнь, обеспечивающая материальное благосостояние всего общества, представителями разных народов реализуется по-разному.

Люди, занимаясь той или иной деятельностью, опираются на духовные традиции и ценности своих народов, своей семьи. Что лежит в основе этих духовных ценностей? Как они передаются и наследуются? Ответить на эти вопросы непросто. Безусловно, что начальные навыки поведения человек получает в семье. Вместе с молоком матери, дающим жизнь, он впитывает и запоминает слова, осваивает родной язык, изучает окружающее его пространство и людей. Здесь ребенок видит и усваивает распорядок жизни, хозяйственной деятельности, главных занятий, дающих хлеб и пропитание. Семейные традиции, сказки и песни родного народа, религиозные молитвы – все это вместе формирует целый мир представлений, которых человек придерживается всю последующую жизнь. Семья вводит малыша в большой мир, где есть свои правила и нормы жизни. Заинтересованный читатель найдет возможность узнать об этом подробнее. Мы же лишь обозначили те, что служили и служат ориентиром в хозяйственной жизни татарам на протяжении долгой истории.

Духовные ценности татарского народа имеют глубинную основу. Для мусульманской семьи нормы жизни и поведения многие столетия определял и определяет ислам. Ислам поощряет активную хозяйственную деятельность, направленную на улучшение жизни. Для этого он предписывает заниматься торговлей и обменом, производительным трудом – земледелием и ремеслами. Ислам осуждает всякие виды ростовщичества и спекуляции, азартных и обманных операций, потворствующих человеческой жадности.

В современных исламских государствах на государственном уровне действует исламское право – шариат. Исламское право, законодательство, опирающееся на нормы ислама, изучают правоведы. Современные экономисты исследуют экономику исламских государств, исламский банкинг и нормы ведения бизнеса. Юристы исследуют их правовые основы, выделяя специальные разделы о собственности, предпринимательстве, страховании, благотворительности, финансово-кредитных отношениях. Изучаются правила исламского делового этикета и деловой культуры.

Историки обращаются к опыту мусульманских предпринимателей, активно проявивших себя в бизнесе и сфере благотворительности в период существования Российской империи. История создается нами, современниками. Какой вклад современные татары внесут в развитие экономики области – зависит о нас самих.

ИСКУССТВО СТРОИТЬ ЖИЗНЬ ОТ МИНАХМЕТА ХАЛИУЛЛОВА

Популярная фраза «Человек сделал себя сам» хорошо характеризует Минахмета Мидехатовича Халиуллова. Советское воспитание в рабочей семье, учеба в куйбышевской школе № 128, строительном техникуме, служба в армии, студенческие годы в Куйбышевском строительном институте и… работа, работа, работа. Сегодня Минахмет Мидехатович глава и председатель Совета депутатов Промышленного района, с которым неразрывно связана вся его жизнь. Именно здесь, в поселке Яблонька, жили его родители, и именно здесь в год легендарного полета Юрия Гагарина в космос он появился на свет. Для татарского же сообщества он – яркий общественный деятель, много делающий для сохранения и развития национальной культуры. В прошлом году, 9 сентября 2016 г. Минахмет Мидехатович Халиуллов отметил юбилей – 55 лет со дня рождения.

Строитель – профессия творческая

Призвание строителя всегда остается окруженным ореолом созидания, творчества и романтики. Иметь такую профессию – мечта многих, что доказывают огромные конкурсы на вступительных экзаменах в строительные техникумы и вузы. Минахмет Халиуллов уже в 15 лет выбрал свой жизненный путь и с тех пор не устает повторять: «Строить – это мое призвание».

«Суха теория, мой друг», – говорил классик. Свои знания студенты техникума закрепляли на практике – уже в семнадцатилетнем возрасте Минахмет Халиуллов работал на производстве: ученик плотника в тресте № 11, плотник второго разряда в тресте «Ремстрой», плотник третьего разряда в тресте «Промстрой», электромонтер-линейщик механизированной колонны треста «Волгоэлектросетьстрой».

В мае 1980 г. был призван в ряды Советской Армии, в мотострелковые

М.М. Халиуллов

войска. Как и многие его сверстники, мечтал попасть в Афганистан, на «настоящую войну», но армейское руководство посчитало целесообразным оставить его, старшего сержанта, для обучения молодых солдат. Контингенту в Афганистане требовались опытные и подготовленные военнослужащие, и Халиуллов спасал чужие жизни, обучая премудростям военного дела новобранцев.

После службы в армии Минахмет вернулся в родной Куйбышев, устроился на работу, поступил на заочное отделение инженерно-строительного института. В октябре 1982 г. он уже инженер, затем мастер, начальник участка в Куйбышевском РСУ пароходства «Волготанкер». Свой первый дом, начатый «с нуля», сдал тогда же – девятиэтажка на 171 квартиру на Сухой Самарке. Первый дом, как первая любовь, – навсегда остался в памяти.

После окончания института в октябре 1988 г. Минахмет Мидехатович нашел себя в Приволжском производственном жилищно-ремонтном тресте администрации Промышленного района, пройдя от начальника участка общеремонтных работ до заместителя гендиректора.

В 2001 г. Халиуллов стал генеральным директором ЗАО «Строительно-монтажное предприятие – 1». С августа 2007 г. является генеральным директором ООО УК «Приволжское ПЖРУ», которое обслуживает жилой фонд общей площадью более 3 млн. квадратных метров в Промышленном районе Самары. Это микрорайоны Приволжский, Солнечный, Метеоцентр, Ипподром – густонаселенные и «спальные». Тут-то и проснулся, помимо призвания строителя, в нем талант организатора. Приволжский стал первым районом Самары, где было запущено кабельное телевидение, а монтаж специальной антенной службы шел под непосредственным руководством Минахмета Халиуллова. Многое тогда в Самаре делалось впервые: для ремонта межпанельных швов начали приглашать альпинистов, создана единая районная аварийная служба и т. д. Халиуллов вообще любит современные технологии и новые формы работы – это его, как нынче модно выражаться, «фишка», или (если более официально) стиль.

«Освоили новые технологии в ремонте кровель. Перешли на новые материалы – с черного металла и оцинкованной трубы на полипропилен. Позже это подхватили и другие организации, управляющие компании. Когда по десятибалльной системе подводили итоги лицензирования, получили девять баллов по результатам опроса жителей. Это самая лучшая благодарность – похвальные отзывы жителей о работе», – уверен Минахмет Мидехатович.

Минахмет Халиуллов является Председателем совета директоров Группы компаний «Вира», которая не первый год занимается в Самаре проектированием и строительством жилых домов. Не скрывает гордости, когда говорит: «В 2016 г. мы сдали шестиэтажный паркинг на 280 машин в Советском районе, на улице Балаковской. Разрабатываются проекты на площадке у стадиона «Металлург», на пересечении улиц 8-й радиальной и Гастелло, на пересечении улицы Санфировой и проспекта Карла Маркса. Предприятие работает, развивается. Мы делаем ставку на молодых специалистов. Молодежь будет развивать наше предприятие. Наш девиз: «Каждой молодой семье – доступное жилье! Мы строим будущее!»»

Один из самых масштабных и уже реализуемых в Самаре группой компаний «ВИРА» проектов – жилой комплекс «Майский» в границе улиц Ставропольская, Майская, Нагорная, Советская. Все дома здесь строятся из кирпича, с остеклением лоджий раздвижными алюминиевыми конструкциями. Квартиры в этих домах очень теплые и уютные для проживания.

Человек живет для людей

Человек работает, чтобы жить, а не живет, чтобы работать. Минахмет Мидехатович нашел свое второе призвание в общественной жизни. Причем никогда не делил земляков на «своих» и «чужих»: в 1998-2001 гг. участвовал в строительстве Кирилло-Мефодиевского Собора на Барбошиной поляне, в 1998-2003 гг. был членом Попечительского Совета по строительству Самарской соборной мечети и медресе при ней. Ежегодно оказывает помощь в проведении областного татарского праздника Сабантуй. Помогает создавать первую большую татарскую энциклопедию Самарского края.

И, как говорится, добро не остается незамеченным – в 2007 г. за высокие результаты в общественной деятельности Минахмет Халиуллов награжден медалью ассамблеи народов России «Дружба народов – единство России», в 2013 г. – медалью Международного союза общественных объединений «Всемирный конгресс татар» «За большие заслуги перед татарским народом».

Талип-хазрат Яруллин, муфтий, председатель Регионального духовного управления мусульман Самарской области говорит: «Я хорошо знал его родителей. Это были люди, которые хотели помочь и помогали другим. От них перенял лучшие качества и Минахмет Мидехатович. Он делает многое для того, чтобы другим людям было хорошо. Он участвовал в строительстве мечетей, своими средствами, своими знаниями помогал возвести такие храмы. Мечеть – это дом Всевышнего, общий дом, куда приходят люди, чтобы поклоняться создателю».

С 2001 г. Халиуллов входит в президиум национально-культурной автономии татар Самары и Самарской региональной культурно-просветительной общественной организации «Туган тел». В октябре 2009 г. был единогласно избран председателем исполкома Татарской национально-культурной автономии Самарской области.

С 2009 г. Халиуллов – член Всероссийской политической партии «Единая Россия». Был избран в политсовет Самарского регионального отделения партии. В октябре 2010 г. Минахмета Мидехатовича выбрали депутатом Думы городского округа Самара по 22 избирательному округу, где он представляет интересы более чем 25 тысяч жителей. С осени 2015 г. он возглавляет Совет депутатов и является Главой Промышленного района.

Лежа на диване –
здоровым не станешь!

Заботится Халиуллов не только о душах своих земляков, но и о здоровье – по инициативе горожан он избран председателем Самарской региональной общественной организации по защите прав потребителей «Потребитель всегда прав!». Под его руководством эта организация проводит рейды и бесплатные консультации для жителей.

Здоровый человек здоров и душой, и телом – Минахмет Мидехатович уделяет большое внимание развитию детского и юношеского спорта. В 2002 г. он стал одним из учредителей самарского мотоклуба «Росток». Эта команда неоднократно становилась призером чемпионата России по ледовому спидвею. Под его руководством ежегодно в Приволжском микрорайоне проводятся хоккейные турниры и футбольные матчи среди юношеских команд общеобразовательных учреждений и ТОС. Халиуллов и сам с удовольствием играет в команде Приволжского ПЖРУ – в 2016 г. на Спартакиаде она завоевала второе место.

…Минахмет Мидехатович вместе с супругой Зульфией Минниахметовной воспитывает двоих сыновей. Супруга занимается гостиничным бизнесом, старший сын после окончания архитектурно-строительного университета трудится в строительной отрасли, младший – учится в школе.

***

Вот так и строит свою жизнь Минахмет Халиуллов – грамотно, профессионально, по плану, добросовестно и не только для себя, но и для тех, кто его окружает – родных, знакомых, земляков, всех самарцев. И получает самую важную и самую ценную награду – их любовь, признательность, понимание и поддержку. На таком фундаменте здание любой жизни будет крепким и счастливым!

ЭТНОГРАФИЯ САМАРСКИХ ТАТАР

Этнография («народоведение») изучает происхождение, расселение, а также особенности традиционной материальной и духовной культуры различных народов (этносов). Общие сведения о татарах, расселение их на территории Самарской области подробно освещаются в соответствующих разделах. В данном разделе представлены сведения по этническому составу, хозяйству, традиционной и современной культуре самарских татар. Раздел написан на основе работ исследователей из Республики Татарстан и местных краеведов, а также полевых материалов, собранных автором во время этнографических исследований в ряде татарских поселений Самарской области.

Этнический состав

Татары образуют четыре крупные этнотерриториальные группы: волго-уральских, сибирских, крымских и астраханских татар. Наиболее многочисленной из этих групп является первая, в состав которой исследователи-этнографы включают следующие общности: казанские и касимовские татары, мишари, кряшены.

В Самарской области в основном проживают представители двух общностей волго-уральских татар – казанские татары и мишари. Различия между ними наблюдаются в основном в языке – как отмечают лингвисты, на территории области так и не сложился единый татарский говор. В связи с тем, что многие переселившиеся в эти места татары были из числа «цокающих» мишарей, языковые особенности именно этой группы наблюдаются в говоре жителей татарских поселений на северо-западе Самарской области. Отмечается также, что в результате тесных контактов с мишарями, переселившимися из районов с «чокающим» говором, а также с говорами казанско-татарского диалекта и языками других соседних народов произошло формирование местной специфики. Указанный говор получил название мелекесского говора мишарского диалекта и получил распространение в деревнях бывших Ставропольского и Самарского уездов[1].

Кроме того, в восточных районах Самарской области есть населенные пункты с «чокающим» говором. По легенде, услышанной автором в селе Алькино Похвистневского района, именно этот говор является наиболее ранним, а «цокающий» появился позднее.

Исследователи относят язык татар Камышлинского района к говорам казанско-татарского диалекта, его особенности имеют связь с привнесением в него, в частности, элементов башкирского языка.

В Самарской области живут также кряшены. Село Назаровка Клявлин-

[1] Кирсанов Р. С., Махмутов Ф. С., Шакиров Р. М. Татары // Этносы Самарского края: Историко-этнографические очерки. Самара, 2003. С. 118.

ского района является единственным в области местом их компактного проживания, кроме того, кряшены есть и в городах. Существуют две основные точки зрения на этническую принадлежность данной группы. Согласно первой, наиболее распространенной, кряшены – это этноконфессиональная группа в составе татарского народа. Как этноконфессиональная группа татар они рассматриваются и в настоящем издании.

Сторонниками второй точки зрения сегодня являются в основном активисты кряшенского общественного движения. Кряшены, согласно ей, должны считаться самостоятельным этносом. Данная точка зрения обстоятельно изложена в работах нескольких авторов, которые были опубликованы в альманахе «Кряшеноведение». В том же альманахе опубликованы материалы других авторов, не разделяющих данную точку зрения, но считающих, что указанной проблематикой необходимо заниматься и в дальнейшем.

Хозяйство

Хозяйство самарских татар носило комплексный характер, сочетая земледельческие и животноводческие традиции. Его основу составляло пашенное земледелие, которое с XVI в. велось на трехпольной основе[1]. При земледельческих работах использовались такие орудия труда, как тяжелый плуг-сабан, двухсошниковая соха с палицей, плетеные и рамные бороны, серпы и косы. Сегодня такие орудия труда часто можно увидеть среди экспонатов в районных и сельских музеях. Серпы и косы используются в личных хозяйствах ив настоящее время.

Традиционно татары сеяли различные зерновые культуры: пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху, просо. Из технических культур получили распространение лен и конопля. Садоводство и огородничество до середины XX в. были развиты слабо. Из овощных культур следует отметить картофель, капусту, свеклу, редьку, огурцы, лук, морковь, тыкву, репу. Выращивались и бахчевые – арбузы. Например, в селе Мулловка Елховского района есть место под названием Карбуз елгасы («Арбузный овраг»), где в прошлом разводили арбузы[2].

Скотоводство носило пастбищно-стойловый характер. Одним из распространенных домашних животных являлась лошадь, игравшая большую роль в традиционном хозяйстве: она служила помощником при выполнении земледельческих работ, средством передвижения, а также источником молока и мяса. Татары бережно относились к лошадям, тщательно ухаживали за ними, а особую заботу проявляли к ним весной, при подготовке к земледельческим работам. Много было крупного и мелкого рогатого скота, различной домашней птицы[3]. В прошлом в хозяйствах самарских татар содержалось очень большое количество овец. Татары-мусульмане, в силу религиозных предписаний, свиней не держали, а кряшены разводили и свиней.

Любительский характер носила охота на различных зверей и птиц. Охотились с помощью силков, сетей, капканов, а позднее ружей. Рыболовство также являлось любительским, поскольку татарские поселения обычно располагались вдали от крупных рек. Издавна имели место лесные промыслы – сбор даров леса.

Среди ремесел большое развитие получила деревообработка, проявившаяся в создании различных построек, орудий труда и предметов быта из дерева. Другие распространенные ремесла – кожевенное, ювелирное, вышивка, ткачество, плетение.

Некоторые промыслы, связанные с производством деревянных изделий, возникли уже во второй половине XX в. Наиболее яркий из них появился в селе Алькино Похвистневского района. В начале 1970-х гг. в этом поселении был открыт небольшой столярный цех, в котором трудились несколько умельцев: сколачивали кормушки для овец, делали ящики для яблок, оконные и дверные рамы, половые рейки. Осенью 1971 г. работники цеха совершили поездку в Горьковскую область, где они переняли опыт изготовления художественных изделий из дерева. С этих пор на базе данного цеха стала действовать художественная мастерская. Сначала в ней изготавливали только деревянные ложки, но с каждым годом количество видов выпускаемых изделий стало увеличиваться. Чашки, рюмки, солонки, пиалы – все это производилось в мастерской Алькино. Роспись выпускаемых изделий сохраняла черты традиционного татарского орнамента (обычно изображались листья, ягоды и т.д.). Алькинская продукция направлялась в разные концы Советского Союза, а ложки даже шли на экспорт в Германскую Демократическую Республику. Согласно материалам периодической печати, в 1976 г. от реализации художественных изделий местный колхоз получил более 70 тысяч рублей чистой прибыли[1]. В настоящее время этот промысел, как и ряд других, к сожалению, угас.

В прошлом у татар изготовлением тканей занималась практически каждая хозяйка – оно носило характер домашнего ремесла.

Основным материалам для изготовления тканей издавна являлось как растительное (лен, конопля), так и животное (шерсть) сырье, что было связано с сочетанием земледельческих и животноводческих традиций в хозяйстве. Исследователи указывают на преемственность в технических приемах возделывания и переработки растительных волокон, которая прослеживалась со времен Волжской Булгарии до начала XX в. Вырабатывались самые разные виды тканей, которые можно было изготовить с помощью ручного ткацкого стана[2].

Изготовленная в домашних условиях пряжа, до распространения в конце XIX – начале XX в. анилиновых красителей, обыкновенно окрашивалась растительными красителями. Это придавало тканям своеобразную мягкую матовую окраску. Способы окрашивания тканей были схожими у разных народов нашего края, но татары больше использовали кору деревьев,

[1] Кирсанов Р. С., Махмутов Ф. С., Шакиров Р. М. Татары // Этносы Самарского края: Историко-этнографические очерки. Самара, 2003. С. 122.
[2] Полевые материалы автора (далее-ПМА) 2013. Самарская область: Елховский район, с. Мулловка.
[3] Татары Самарской области. Паспорт этнической группы / Ред. Ш. С. Багаутдинов, С. К. Жидкова. Самара: ГУ СО ДДН, 2008. С. 9.

[1] Аглиулин Р. Н. Алькинские сувениры // Волжская коммуна, 1977, 18 ноября. С. 4.
[2] Мишуринская Л. И. Ткань в культуре жизнеобеспечения татар Поволжья и Приуралья (XIX – начало XX в.). // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Материалы Девятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2010. С. 241.

в то время как представители других этносов – травы.

Вторжение фабричного производства в ткачество татар первоначально заключалось в распространении, начиная со второй половины XIX в., покупного хлопчатобумажного сырья, которое обрабатывали дома, и хлопчатобумажных нитей фабричного производства, которые стали вытеснять льняные и конопляные. Такое сырье давало возможность хозяйкам достичь разнообразия фактуры тканей и расширить их цветовую палитру благодаря большому количеству различных оттенков. Наиболее красочные ткани стали изготавливать, начиная с конца XIX – начала XX в., когда широкое распространение получили анилиновые красители ярких цветов.

Как и другие народы Поволжья, татары первоначально шили одежду из белого холста. Позднее белая рубаха стала считаться признаком бедности и сохранялась лишь в костюме пожилых мужчин.

Распространенным материалом домашнего производства, использовавшимся для пошива одежды, вплоть до начала XX в. являлась крашенина. Наибольшее распространение получила узорная ткань пестрядь (алача). Для ее приготовления обычно использовался лен, реже конопля, а с конца XIX в. стали использоваться хлопчатобумажные нитки фабричного производства. Такая пестрядь (киже) по своим качествам очень напоминала традиционную льняную, но отличалась от нее более яркой расцветкой, которая была обусловлена анилиновыми красителями и меньшей плотностью фактуры ткани. Пестрядь в клетку и в полоску шла на изготовление как одежды, так и предметов домашнего обихода – кухонных и гостевых салфеток, занавесок, скатертей и т.д. Сочетание полос и размеры клеток делались различными, что зависело от целевого назначения ткани. Обычно при изготовлении пестряди использовались две или три расцветки в сочетаниях синего, зеленого, желтого, бордового на темно-красном, а иногда на желтом или терракотовом фоне ткани.

Орнамент в тканях создавался с помощью разных техник – закладной, браной (выборной, настильной), многоремизной. По свидетельству исследователей, полный набор ткацких техник ярко демонстрирует такой элемент традиционного татарского костюма, как передник. При его пошиве применяли все виды материалов домашнего изготовления – от неокрашенного холста в повседневном костюме и до выборного ткачества в праздничном женском, а иногда и в мужском свадебном комплексе. В первые десятилетия XX в. фартуки принялись шить из ситца и сатина, отдавая при этом предпочтение прежней цветовой гамме.

Наиболее традиционной для татар является старинная закладная техника изготовления тканых изделий. Эта техника давала возможность создать многоцветный узор орнамента, цвета в котором могли располагаться свободно, в любом сочетании и ритме. Кроме того, сами возможности цветового решения ничем не ограничивались. В орнаментальном отношении закладные узоры состояли из простых и чередующихся полос, которые были заполнены геометрическими фигурами квадратов, треугольников, ромбов, многогранников, ритмично располагавшихся на цветном фоне. В конце XIX столетия эта трудоемкая техника

практически изжила себя, уступив место браной, но и сегодня узорные закладные полотенца встречаются в татарских поселениях нашей области – в селах Алькино, Старое Ермаково и др.

По композиции закладные узоры самарских татар исследователи разделяют на два вида. Первый, названный архаичным, является наиболее характерным для татар в целом и отличается особой монументальностью: большие геометрические узоры, расположенные на матово-красном фоне, в большинстве случаев помещаются на концах полотенца тремя бордюрными полосами. На более поздних закладах узоры состояли только из узких полос[1].

На закладных узорах самарских татар, в отличие от ряда других групп татарского населения, наряду с другими цветами присутствует и черный. Это роднит их с узорами приуральских татар – и объясняется некоторыми исследователями влиянием башкирских традиций.

С закладной техникой ткачества тесно связано безворсовое ковроделие, представляющее собой один из ярких видов художественного творчества самарских татар. Отмечается, что особое развитие это искусство получило в селах Камышлинского района – Старое Ермаково и Камышла. И сейчас в домах местных жителей можно увидеть палласы, созданные здесь. Преобладающими являются яркие тона: малиново-розовые, красные, зелено-голубые, бирюзовые, желто-оранжевые.

Прекрасные возможности получать ткани, разнообразные как по фактуре, так и по орнаменту, предоставляет техника одноуточного белого бранья. Нити узора здесь входят в основное переплетение нитей самой ткани. Поверхность тканей указанного типа отличается рельефностью и ажурной узорчатостью. Техника белого бранья в прошлом существовала в разных населенных пунктах самарских татар.

Исследователи отмечают, что из всех разновидностей бранного ткачества у местных татар в начале XX в. преобладало красно-белое двухуточное бранье – оно применялось, в основном при изготовлении декоративных полотенец: цвет фона был белым, а цвет орнаментного узора красным. Имели место также полотенца других расцветок – например, зелено-белый бранный орнамент на красном фоне.

Что касается самого орнамента самарских татар, то он в основном был геометрическим. Довольно распространенным мотивом основной полосы являлись ромбы, прямоугольники, треугольники и более сложные фигуры.

Большое распространение получило у местных татар также полихромное бранье (многоуточное, выборное). В данном случае многоцветные выборные узоры выкладывались на темно-красном, малиновом, желтом либо черном фоне ткани, выделяясь при этом яркостью своих красок. Такое полотно очень широко использовалось в интерьере: таким образом делались скатерти, занавески и т.д.

Одной из разновидностей выборной является настильная или стежковая техника, при которой тканый узор выкладывается стежками в виде

[1] Суслова С. В. Узорное ткачество татар самарского края. По материалам экспедиций в Камышлинский и Похвистневский районы // Самарская область: этнос и культура. Информационный вестник. № 1. 2001. С. 23.

одностороннего настила, в связи с чем сильно напоминает гладьевую вышивку. Такая техника долгое время сохранялась у самарских татар.

Наиболее долго приверженность традициям домашнего ткачества сохранялась в отношении свадебных полотенец. Вплоть до настоящего времени эти полотенца являются атрибутами свадебного обряда, их хранят в семье и передают по наследству.

В домах некоторых кряшен из Назаровки также сохранились предметы вышивки и ткачества, в том числе ковровые дорожки, созданные местными жителями в домашних условиях.

Сегодня в разных татарских селах живут мастера по деревообработке, вышивке, ткачеству и некоторым другим ремеслам. Это люди разных возрастов и профессий. Укажем лишь некоторых из них, с которыми встречался автор.

Так, в селе Камышла, являющемся районным центром, живет и работает преподаватель коррекционной школы Салават Фассахутдинович Шамсутдинов, который изготавливает из дерева различные изделия. Среди его многочисленных работ, а также работ, выполненных под его руководством, можно отметить небольшие расписные ведра, коромысло, макет колодца, предметы посуды, изображение лошадиных голов, изящные подставки, фигурки и т.д. С. Ф. Шамсутдинов передает свое умение учащейся молодежи[1].

В селе Мулловка Елховского района живет Зайняб Кяшафовна Туктарова, которая много вышивает, а созданными ее руками вещами пользуются дети и внуки[2].

Поселения и жилища

Татарские поселения обычно строились около проточной воды – по берегам рек, ручьев или ключей. Для них характерны широкие улицы, по обеим сторонам которых располагаются дома. В этом прослеживается отличие, например, от старинных татарских сел Предкамья, где традиционно дома располагались в глубине дворов, а улицы были узкими и извилистыми.

Традиционно усадьбы делились на две части: передний двор, где располагались собственно жилище, помещения для скота, амбар, и задний двор, где находились огород, гумно и баня. В расположении жилищных и хозяйственных построек прослеживается определенная локальная специфика. Так, для сел Камышлинского района характерна застройка двора с беспорядочным и раздельным расположением хозяйственных построек. В Похвистневском районе получили распространение усадьбы «П» и «Г» образной формы, в середине двора находились ворота, которые были либо глухими, на высоких столбах и без крыши, либо с двускатной крышей, глухими створками и калиткой. Последние были заимствованы от русских, что нашло отражение в их названии – урыс капка, т.е. «русские ворота».

Жилище раньше в основном строилось из дерева, встречались плетневые избы и хозяйственные постройки, а сегодня при строительстве часто используется кирпич. Сохранились сараи, сделанные из камня. Саманный кирпич редко использовался для строительства, хотя отдельные постройки, сделанные из самана, сохранились в татарских селах до сих пор.

[1] Кржижевский М. В. Камышлинские традиции. // Азан, 2010, 12 ноября. С. 4.
[2] Кржижевский М. В. Традиции сохраняются на местах // Самарские татары. Ежеквартальный журнал о жизни самарских татар. № 4 (5), октябрь-декабрь 2013. С. 61.

В прежние времена крышу часто крыли соломой, сверху клали жерди, теперь крыши кроют шифером или железом. К традиционным постройкам добавились гаражи для автомобилей, различные мастерские.

Древнейшим типом жилища самарских татар служил однокамерный дом прямоугольной формы, обращенный к улице своей узкой стороной. Под влиянием русского населения получили распространение двухкамерные дома, состоявшие из сеней, к которым пристраивалось крыльцо с навесом, и собственно избы (только она отапливалась зимой). В настоящее время наиболее распространены трехкамерные дома: изба-сени-изба или изба-сени-клеть, встречаются также дома крестообразной формы.

Дома обычно возводились на дубовых столбах или на бутово-цементном фундаменте, с подпольем под передней частью. Для пожелания дому и его жителям счастья и благополучия под фундамент или под один из углов дома клали монеты.

Традиционно дома украшались резьбой, представлявшей комбинацию различных геометрических фигур, растительного орнамента, солярных знаков.

Свои особенности имел и традиционный интерьер татарского жилища. Обычно дом отапливался печью, представленной комбинацией из русской печи и пристроенным к ней сбоку глинобитным очагом с вмазанным котлом. Сегодня в домах преобладают русские печи с дополнительно выстроенными «голландками» круглой формы. Печь обычно ставилась топкой к передней либо к боковой стене. Традиционное татарское жилище не знало четкого деления на комнаты. По линии печи изба иногда разделялась перегородкой или занавесью на кухонную (женскую) и гостевую (мужскую) половину.

Для интерьера были характерны встроенные лавки, полки, стулья. Широкие нары у передней стены являлись в прошлом универсальной мебелью – они использовались как кровати и сиденья. Постельные принадлежности складывались в шкафы или сундуки. Стены и углы избы обильно украшались ткаными и вышитыми полотенцами, салфетками, молитвенными ковриками. Ковры и дорожки покрывали пол[1].

И сегодня интерьер татарского дома сохранил многие этнические черты. Яркая раскраска обшивки, ажурная резьба наличников окон, цветные ткани разных тонов – все это создает неповторимый облик татарского жилища. Стены нередко украшаются вышитыми скатертями, молитвенными ковриками, домотканными полотенцами, а под стеклом на передней стене вешается красочно оформленное изречение из Корана. Традиционный интерьер жилища кряшен схож с мусульманским, только у них отсутствовал обычай огораживания избы занавесом, отсутствуют, естественно, изречения из Корана и молитвенные коврики, которые в домах мусульман, кроме своего основного назначения, выполняют также роль украшения.

Одежда

Татарская традиционная одежда отличается сочетанием различных цветов. Она имеет сходство с одеждой

[1] Кирсанов Р. С., Махмутов Ф. С., Шакиров Р. М. Татары // Самарская область: этнос и культура. Информационный вестник. № 3. 2006. С. 6,7.

других народов Урало-Поволжья, но есть и отличия.

Долгое время татарская одежда существовала как множество локальных традиций. Общим признаком одежды раннего периода является ее стиль, который специалисты называют монументальным. До середины XIX в. татары всех территорий (и мужчины, и женщины) носили длинные, широкие рубахи туникообразного покроя, а также длинную верхнюю одежду (камзол, бишмет) с цельным остовом. Женский костюм дополнялся большими нагрудными и накосными украшениями, широкими браслетами и перевязями, и сложными головными уборами. Локальное своеобразие наиболее ярко проявлялось в декоративном оформлении женских рубах, в формах женских головных уборов, в том числе, покрывал, и в способах их повязывания.

Во второй половине XIX в. происходит активизация утраты локальных специфических черт одежды, консолидация их в единую норму. В это время крупные города Урало-Поволжья, в том числе, Самара, становятся торгово-промышленными и культурными центрами татарской буржуазии. В таких условиях развитие традиционной одежды носило характер национального явления[1]. Как отмечают исследователи, в конце XIX – начале XX в. у татар формируется единый общенациональный костюм. В мужском костюме новому стилю соответствовали несколько укороченные, с выкроенными рукавами рубахи, также укороченные камзолы с приталенной спинкой, короткие казакины, шаровары общеевропейского образца, а зимой носились шубы и тулупы. Головным убором служила тюбетейка из черного бархата и с плоским верхом, поверх которой в холодное время надевали меховую или стеганую шапку, на ногах носили кожаную обувь. Все же в одежде самарских татар сохранились некоторые локальные особенности. В первую очередь, это относится к женской одежде.

Женская традиционная одежда отличалась, по сравнению с мужской, большим разнообразием. Она различалась не только по своему функциональному назначению (повседневная, праздничная, зимняя, летняя), но и по возрастному признаку (одежда девушек, молодых женщин, старых женщин).

В число элементов нижней женской одежды самарских татар входили рубаха (кулмэк), штаны (ыштан), нижняя нагрудная повязка (кукрэкчэ).

Традиционная рубаха самарских татарок была двух типов. Наиболее ранняя являлась туникообразной, а позднее получила распространение рубаха со скошенными и сшивными плечиками, а также закругленными вырезанными проймами[2].

У самарских татарок получили распространение два варианта туникообразной рубахи. Один представлял собой рубаху с укороченным остовом и пришитым к его нижнему краю широким воланом (подолом). В селе Мочалеевке Похвистневского района такую домотканую рубаху украшали лоскутным орнаментом из разноцветных кусков ситца. Другой вариант туникообразной рубахи представлял собой рубаху с отрезанным, немного ниже талии, остовом, широким подолом и широким воланом, пришитым несколько выше талии. Сама рубаха была широкой, длинной и свободной. Остов и пришивной подол шили, как правило, из пестряди в красно-синюю клетку, реже в полоску. Верхний волан часто шили из красного ситца. Такая рубаха обязательно украшалась специальным украшением изу, представлявшим собой позументный, украшенный атласными лентами и ювелирными поделками нагрудник.

В отличие от мужских, женские татарские рубахи являлись длинными. Локальную особенность таким рубахам придавало их декоративное оформление. Туникообразные рубахи оформляли вышивкой, нашивками разноцветных кусочков ткани и тканными узорами. Наиболее яркое оформление имели рубахи в татарских селах Камышлинского района, при пошиве которых использовалось домотканое узорное полотно.

В связи с распространением фабричной ткани происходит и распространение рубахи второго типа с круглой проймой и скошенными сшивными плечиками. Происходит постепенное укорачивание туникообразного остова до кокетки.

До недавнего времени пожилые татарки носили нагрудную повязку кукрэчэ. Нижняя поясная одежда представляли собой штаны с широким шагом, обычно однотонные, которые в старину шили из синей или темно-красной крашенины.

Обязательным атрибутом женской одежды становится со второй половины XIX в. передник – алъяпкыч, который надевается поверх рубахи. Если у женщин передники часто являлись рабочей одеждой, то девушки использовали их в качестве принадлежности праздничного костюма. Этим исследователи объясняют бытование на территории нашей области богато орнаментированных алмалы алъяпкыч, которые шились из узорного домашнего полотна, и чиккэн алъяпкыч, вышитых тамбурной вышивкой. Наиболее ранним покроем передника являлся кукрэкле алъяпкыч, состоявший из двух полос домашнего холста с небольшой грудкой. Более поздними по времени стали передники, которые крепились на плечах, с закрытой до талии спинкой, декорированные тамбурной, а затем и гладьевой вышивкой.

Женская верхняя одежда отличалась от мужской некоторыми элементами декоративного плана: позументом, вышивкой, художественной строчкой, дополнительной отдельной мехами.

Одним из компонентов домашней верхней одежды являлся камзол, который надевали поверх рубахи. Камзолы шили из бархата, парчи, шерсти, шелка, их обязательно делали на подкладке. Когда-то они были длинными, до колен, позднее – до бедер. Камзолы шили обычно без рукавов, иногда с короткими, до локтя, рукавами. Края бортов и подола, а также проймы рукавов украшали позументом, галуном, мехом и птичьими перьями. Летняя одежда жилэн по покрою была идентична камзолу, но имела длинные рукава. Кроме приталенного, имел место также прямоспинный жилэн, который использовался женщинами в качестве покрывала-накидки на голову при выходе из дома на улицу. Указанный

[1] Мухамедова Р. Г. Татарская народная одежда. Казань, 1997. С. 8.

[2] Суслова С. В. Женский костюм татар Похвистневского района Самарской области середины XIX – начала XX века: материалы к научной реконструкции // Самарская область: этнос и культура. Информационный вестник. № 2-3, 1997. С. 30.

жилэн был атласный, на хлопчатобумажной подкладке, с длинными узкими рукавами, которые не надевали, а связывали или сшивали на спине. Рабочей одеждой служил чекмень из домашнего сукна, который шили длиной до колен с глухим ворохом-стойкой на металлических крючках. В конце XIX в. такие чекмени вытесняются приталенными бишметами на вате, но они продолжали бытовать на территории нашей области до середины XX в. Белые суконные чекмени на легкой подкладке обычно носили невестки, и они входили в состав свадебных даров жениха.

Зимние шубы чабулы тун шили из овчины, иногда на лисьем меху. Их часто покрывали фабричной тканью.

Долгое время у самарских татар сохранялась дифференциация головных уборов на женские и девичьи. Последние имели форму шапки и надевались, в отличие от женских, без волосника. Девичий головной убор такья представлял собой шапочку с полужестким околышем и мягким плоским верхом. Ее шили из синего, зеленого, бордового бархата и украшали вышивкой, бисером, монетами. Похожий головной убор существовал у башкир и чувашей. С конца XIX в. такью стали носить и замужние женщины (в комплексе с платком). Когда-то у самарских татарок бытовал другой девичий головной убор – ак калфак, который присутствовал в традиционном костюме разных тюркских народов.

Женские головные уборы отличались большей сложностью и были более разнообразными. Комплекс татарского женского головного убора включал в себя нижний волосник, основное покрывало, и верхний убор – обычно шапкообразной формы. Волосник был необходим для скрывания волос, поэтому форма его была непосредственно связана с прической.

Одним из женских головных уборов, бытовавшим у татар нашей области, являлся полотенцеобразный тастар. Он плотно обертывался вокруг лица под подбородком и давал, к тому же, возможность женщине закрыть не только волосы, но и шею, спину и даже плечи.

Другим покрывалообразным женским головным убором являлся беркэнчек, который шили из ткани с преобладанием красного оттенка. Со временем традиционный домотканый беркэнчек вышел из употребления, но в конце XIX – начале XX в. вошел в моду похожий на него головной убор под названием француз яулык (франсуз яулык), который иногда также называли словом беркэнчек. Это был большой фабричный красный ситцевый платок (термин «франсуз» использовался в значении «красный») с белыми растительными узорами. К лобной части изнанки пришивалась подкладка, служившая основой для крепления подбородочной тесьмы, украшавшейся рядом мелких монет. Такой головной убор носили молодые женщины.

Верхние головные уборы татарки надевали или повязывали поверх покрывала, прочно удерживая на голове. К таким уборам относились матерчатые шапки: у пожилых женщин – вязаная из толстых крученых ниток, с остовом, заостренным кверху; у молодых – с усеченным остовом, плоским круглым верхом и меховым околышем. Эта шапка получила название камчат бурэк. К началу XX в. указанный головной убор теряет возрастную специфику – его стали носить только пожилые женщины.

Начиная с первой половины XX в. большое распространение получили бархатные головные уборы калфак. Шитая жемчугом, золотошвейной гладью эта маленькая шапочка воспринимается сегодня как неотъемлемый элемент общенационального костюма.

Значительным разнообразием отличался набор женских украшений самарских татар. Так, использовались накосники – девичий чэч тэнкэсе на матерчатой основе (в этих местах его носили и молодые женщины), и женский чулпы (без основы), собранные в виде композиций из монет, бляшек, бус, цепей (такой накосник вплетался в обе косы).

Практиковались кольцевые, монетные и миндалевидные серьги. Кольцевые серьги были пластинчатыми с гравировкой, и полыми, не имевшими орнамента. Что касается монетным серег, то они составлялись из одной или двух монет, иногда с подвесками из более мелких монет или бусин. Скаными миндалевдные серьги также имели большое распространение.

Шейно-нагрудные украшения включали муенса (собственно шейное украшение, ушитое монетами), яка чылбыры (украшение в виде обруча с подвесками), тушлэк (нагрудник лопатообразной формы), дэвэт (монетная перевязь). В качестве наручных украшений использовались пластинчатые браслеты и кольца из меди и драгоценных металлов, которые украшаются драгоценными камнями, растительным орнаментом и арабской вязью.

Татарской традиционной обувью служили кожаные сапоги ичиги. Их кроили цельными от головки и до верхнего края голенища, а к головке пришивалась отдельно выкроенная мягкая подошва, сделанная из той же кожи. При выходе из дома на ичиги надевали кожаную обувь на твердой подошве, зимой надевали полуваленки. Таким образом, как пишут исследователи, ичиги по своему назначению больше похожи на кожаные чулки, но, в отличие от чулок, они более универсальны и воспринимаются татарами как национальная обувь. К традиционной обуви относятся также сапоги с высоким голенищем и на твердой основе (итек, кун итек), обувь с укороченным голенищем (кэвеш, ката), кожаные башмаки без задников, как на жесткой, так и на мягкой основе. В качестве обуви использовались и лапти. По технике плетения татарские лапти относятся к типу лаптей с прямоплетеной головкой. Они надевались поверх суконных, холщовых чулок, иногда с портянками, закреплялись короткими оборками у щиколотки.

Традиционная женская обувь отличалась узорностью и многоцветием. Изготовленные из одного сафьяна ичиги обычно расшивались растительным узором. Были также ичиги, созданные из узорно вырезанной разноцветной кожи. Башмаки тоже украшались разнообразной вышивкой.

Традиционный комплект одежды кряшен отличался от мусульманского применением пояса (эзэр), более широким использованием аппликации. Головные уборы у мужчин в основном были тех же типов, что и у других татар, бытовали также русские малахаи, а позднее получили распространение городские фуражки. Девушки волосы не покрывали, а женщины носили сороку из волосника (меланчек) и повязки либо покрывала. Женские

украшения отличались большим разнообразием: кряшенки носили серебряные монеты, ювелирные поделки с использованием бисера и мелких кораллов, а также браслеты, серьги, накосники, головные повязки.

Старинные костюмы самарских татар можно увидеть в музеях Самары и сельских татарских поселений.

В настоящее время некоторые элементы традиционной одежды используются в повседневной жизни: например, мужчины иногда носят тюбетейки, а женщины – платки, широкие платья, камзолы. Во время проведения национальных праздников и фольклорных мероприятий используется стилизованная на традиционный манер одежда. Сегодня в Самаре и в Самарской области работают мастерицы, создающие традиционные костюмы, которые пользуются большой популярностью во время проведения праздничных мероприятий.

Такую одежду шьет в своей мастерской жительница Самары Алсу Гайсаевна Бабаджанова (девичья фамилия – Баязитова). Она является потомственной мастерицей – шили ее бабушка, мама и тетя. Алсу в основном изготавливает одежду с помощью швейной машины, но некоторые вещи делает вручную: вышивает платки, мастерит шкатулки, вяжет. Сшитую ею одежду надевают во время праздничных мероприятий некоторые активисты татарского общественного движения. Необходимо, как отмечает А. Г. Бабаджанова, сохранять элементы национальной одежды, несмотря на то, что в повседневном быту приходится пользоваться современными нарядами. Так, например, она сделала нашивки к шубе, доставшейся мастерице от бабушки, благодаря чему эта шуба приобрела национальный колорит.

Ее произведения пользуются большим успехом[1]. Они неоднократно демонстрировались на выставках, а также, как было отмечено, во время проведения праздничных мероприятий.

Пища

Поскольку хозяйство татар сочетало и земледельческие, и животноводческие традиции, то национальная кухня представлена различными блюдами мучного, молочного и мясного происхождения. Из муки пекли хлеб и лепешки, готовили пироги и пирожки из дрожжевого, пресного и сдобного теста (бэлеш, эчпочмак, кыстыбай и др.) с начинкой из картофеля, мяса, моркови, свеклы и т.д. Одним из любимых блюд являлись шишара – булочки из пресного теста. Баранина, говядина и мясо птицы шли на приготовление супов, бульонов и вторых блюд; конину солили, перерабатывали в колбасу.

И сегодня многие из этих блюд пользуются большой популярностью. Так, одним из любимых кушаний татар является бэлеш, который готовят из теста и баранины, с добавлением лука, картофеля, соли и перца. Кыстыбай включает муку, масло, сахар, яйца с добавлением молока или воды. Тутырма представляет собой блюдо из говядины, с добавлением лука, молока или бульона, яйца, соли, крупы.

Молоко в основном использовали в переработанном виде – из него получали катык (особый вид кислого молока), сметану (каймак), творог в его разновидностях. В жаркую погоду принято употреблять катык, разбавленный холодной водой. Свежее молоко давали пить детям, а также добавляли в чай[1].

Сметану (каймак) получали двумя основными способами. При первом способе цельное молоко отстаивали в кадушках или в глиняной посуде, а верхний сгустившийся слой собирали. При втором способе свежее молоко кипятили с добавлением сливок, а затем отстаивали в погребе. Собранный густой слой подавался на стол в том же виде либо с молоком. Оба вида сметаны применялись также для получения масла.

Как в обыденной, так и в праздничной пище активно использовались куриные яйца. Их ели вкрутую, в жареном виде, использовали в качестве начинки и приправы к супам.

Спецификой кухни кряшен являлось приготовление студня из головы и ног животных, а также наличие кушаний, приготовленных из крови. Последняя использовалась в колбасах, но более широко применялась в жареном виде. Во время забоя скота кровь собирали в посуду, процеживали сквозь сито и заправляли солью. В одних случаях кровь жарили, приправив ее мукой и кусочками сала, а в других в нее добавляли свежее молоко, сало, кусочки печени и легких. Следует также отметить, что кряшены, в отличие от других групп татар, широко использовали в пищу различные виды лесных грибов[2].

Любимым напитком татар является чай, который пьют горячим, заправляя молоком или сметаной. К нему подавали различные сладкие печеные блюда. Одно из них – кош теле, распространенное и сегодня: его готовят из муки, яиц, молока, топленого масла с добавлением соли и сахара. Излюбленным сладким печеным блюдом, подаваемым на свадьбу, являлся чак-чак. Сегодня он является обязательным блюдом на татарских праздничных мероприятиях. Праздничным напитком служил также щербет – мед, растворенный в воде.

Фольклор

Этнографическая литература, а также собственные полевые исследования автора свидетельствуют о сохранении и поддержании самарскими татарами различных особенностей традиционной духовной культуры, в том числе фольклора. В разных поселениях из поколения в поколение передаются различные фольклорные сюжеты. В них часто прослеживаются отголоски древних языческих верований.

В некоторых поверьях отражены реликты тотемизма. Так, самарские татары рассказывают о царице змей белой змее, которой нельзя причинять вред. Счастлив тот, кто найдет шкуру, сброшенную этой змеей: такую шкуру нужно принести домой, и тогда счастье и благополучие не покинут жителей этого дома.

В фольклоре также прослеживается деление птиц на хороших и плохих. Так, грач (вестник весны) считается хорошей, неприкосновенной птицей,

[1] Кржижевский М. В. С душой и сердцем // Самарские татары. Ежеквартальный журнал о жизни самарских татар. № 3 (4), июль-сентябрь. 2013. С. 31.

[1] Ведерникова Т. И. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара, 1991. С. 63.

[2] Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в). М., 1977. С. 136.

но появление ворона приносит, согласно поверьям, несчастье[1].

В поверьях сохранились и отголоски культа растительности. Не все деревья относились к благоприятным. Например, береза считалась раньше неблагоприятным деревом, которое нельзя было сажать в непосредственной близости от дома. Аналогичные поверья существуют у других тюркоязычных народов – башкир, чувашей. Не случайно в языках этих народов слова «береза» и «печаль» («грусть») очень похожи. В настоящее время это поверье забывается, и в татарских поселениях можно увидеть березы около домов. Ветки рябины и можжевельника традиционно считались оберегами и использовались для лечения больных.

К древним верованиям восходят и поверья о разных сверхъестественных существах, которыми так богат татарский фольклор. Наиболее известным из них является шурале. Ему посвящено одноименное стихотворение знаменитого поэта Г. Тукая, сюжет которого основан на народной сказке. Это существо обычно описывают похожим на дерево: «руки, ноги – точно сучья», иногда его представляют как половину человека (одна рука, одна нога, один глаз и т.д.), иногда – в виде бревна. Вероятно, в этом образе слились представления о духе леса и о душах людей, умерших неестественной смертью. Обычно шурале приносит вред – он пугает одиноких путников и даже может защекотать человека до смерти. Вместе с тем, этот персонаж отличается наивностью, его можно легко обмануть – например, шурале легко уговорить засунуть палец в расщепленное дерево, а потом выдернуть клин, и он, таким образом, окажется пойманным. Можно спастись и другим способом – стоит только, например, перейти через ручей – и шурале уже не тронет, поскольку он боится воды[2].

В татарском фольклоре также присутствует похожий на огромную змею дракон аждаха, который прилетает из-за гор и хватает детей (часто непослушных детей пугали этим существом). Указанный персонаж присутствует в фольклоре многих мусульманских народов, а восходит он к ужасному существу по имени Ажи Дахака, о котором упоминается в священной книге зороастризма «Авесте». Сегодня слово аждаха приобрело и нарицательный смысл – его используют для обозначения чего-то неуклюжего, несуразного…

Если аждаха доживает до ста (по другим сведениям – до тысячи) лет, то он превращается в еще более ужасное существо – юха (юха елан). Этот персонаж способен принять облик очаровательной женщины: такая женщина приходит к людям, соблазняет мужчину, вступает с ним в брак и может даже родить от него детей, но однажды вновь превращается в гигантскую змею и убивает этого мужчину. Уничтожить юха можно только в безводном месте. Этот персонаж известен также башкирам и народам Средней Азии.

Во дворе дома может поселиться другой отрицательный персонаж – албасты (существо, напоминающее женщину, с длинными светлыми распущенными волосами и длинными грудями до колен, которые албасты забрасывает за плечи). Албасты представляет опасность для людей, особенно для рожениц: насылает болезни, ночные кошмары и др. Это существо также очень любит кататься на лошадях и может загнать коня до изнеможения. Считалось, что если конь утром весь в пене, а его грива заплетена – значит, на нем катался этот персонаж. Албасты может превращаться в разные предметы и в животных. Указанное существо также присутствует в фольклоре ряда других мусульманских народов. Его образ, согласно одной из версий, восходит к древнемесопотамской богине Ламасту, по другим версиям – он имеет древнетюркское или древнеиранское происхождение[1].

Добрым существом является покровительница дома ий ана («мать дома»). Согласно рассказам, для того чтобы она приняла в дом нового человека, нужно дать ей свежего хлеба (положить хлеб в укромном месте, наверху).

Хозяйкой воды поверья называют су анасы («мать воды»), которая обычно представляется в человеческом облике. У нее есть муж (су бабасы – «водяной дед») и дети. Своих детей су анасы моет в полночь, выходя на мостик над водой. Чтобы хозяйка воды не причинила вред, молодая жена, впервые отправившись за водой из дома мужа, бросала в воду монету [16, с. 471].

Рассказы о сверхъестественных существах были записаны от людей разных возрастов, что свидетельствует о преемственности фольклорных традиций.

У самарских татар пользуются популярностью различные сказки – о животных, бытовые, волшебные. Одна из наиболее известных – сказка «Зухра» («Лунная девушка»). В ней рассказывается о девушке по имени Зухра, которая осталась без матери и была часто обижаема злой мачехой. Как-то раз последняя заставила Зухру принести воду в больших тяжелых ведрах. Над бедной девушкой сжалилась звезда – она унесла ее на небо, на Луну. С тех пор на Луне можно увидеть пятна – это девушка Зухра с коромыслом, а рядом с ней горит звезда, которая продолжает охранять девушку.

Кроме сказок, в татарском фольклоре широко представлены легенды, песни, загадки, пословицы и поговорки. Распространенным жанром народного творчества являлись баиты – произведения эпического и лиро-эпического характера, повествовавшие об исторических событиях.

Ислам оказал значительное влияние на татарский фольклор (за исключением кряшен). Получили распространение рассказы о двоюродном брате и зяте пророка Мухаммада Али, о различных мусульманских святых, почитаемых у разных народов.

Непременным атрибутом поселений татар-мусульман является мечеть – в некоторых населенных пунктах их две и даже три, а в селе Мочалеевка Похвистневского района – четыре.

Праздники и обряды

Самые известные красочные традиционные татарские праздники проходили в весенне-летний период. Из праздников, популярных в прошлом, можно отметить день ледохода – ташу карау, когда жители сел выходили смотреть на ледоход, на плывущие льдины бросали зажженную солому, устраивали на берегу игрища, водили

[1] ПМА 2009 а. Самарская область: Похвистневский район (с. Алькино).
[2] Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 654.

[1] Мифы народов мира: энциклопедия. – М., 1994. Т. 1. С. 58.

хороводы. Молодежь шла смотреть на ледоход, принарядившись. Юноши приходили непременно с гармонистом. С песнями, плясками и играми весело проходило время.

В 2013 г. в Самаре впервые на официальном уровне был проведен день ледохода под названием Боз азату («Проводы льда»). Он был организован Самарской региональной творческой общественной организацией «Дуслык» («Дружба») и Самарской городской творческой общественной организацией «Ак бахет» («Светлое счастье»), при поддержке Правительства Самарской области. Праздник проходил во Дворце спорта ЦСКА ВВС и собрал множество зрителей. Состоялась большая концертная программа. Среди выступавших было много известных исполнителей. Так, несколько песен исполнили Народная артистка России Надежда Бабкина и ее группа «Русская песня», причем, кроме русских песен, прозвучала песня «Тала-тала» на татарском языке. Выступила Заслуженная артистка Республики Татарстан, победительница проекта «Голос» на Первом канале Дина Гарипова – она исполнила несколько песен на французском, английском и, конечно, на татарском языке. Состоялось также выступление местных коллективов.

Татарские песни звучали и в фойе здания, там же демонстрировались предметы традиционной культуры.

Также весной, когда таял снег и появлялись проталины, проводились так называемые «игры с яйцами» (кукэйле уен, йомыркалы уен), в которых принимали участие дети и молодежь. Правила игры заключались в следующем: тряпичным или шерстяным мячом сбивали с определенного расстояния яйца, установленные в неглубокие лунки. Сбивший наибольшее количество яиц становился победителем и забирал эти яйца себе. Другой вариант: несколько яиц засыпали землей или прикрывали соломой, а выигрывал тот, кто смог угадать их местонахождение. Обычно такие игры совпадали по времени с Пасхой.

Наиболее ярким традиционным праздничным мероприятием татар является праздник плуга Сабантуй, который раньше не имел точной календарной даты, а праздновался в зависимости от готовности земли к севу. Первоначально целью проведения праздничных обрядов являлось задабривание духов плодородия, которые способствовали хорошему урожаю. Позднее магические обряды потеряли свой смысл, а Сабантуй превратился в веселый народный праздник, посвященный началу полевых работ. Подготовка к празднику проводилась заранее: люди наводили порядок в доме, готовили припасы и т.д. Сабантуй традиционно являлся праздником самих жителей поселения, на него не принято было приглашать гостей из других населенных пунктов – желающие сами приходили на место проведения праздника, а после его окончания обычно отправлялись домой, хотя иногда приглашались на обед или ужин своими родственниками или друзьями. За день или за два до праздника в домах красили яйца, которые потом (на следующий день) отдавали детям, ходившим по домам с этой целью и желавшим хозяевам благополучия. В некоторых местах, например, в селе Старое Ермаково Камышлинского района, сбор крашеных яиц не был напрямую связан с Сабантуем. В селе Старая Балыкла (Камышлинского района) традиционным днем сбора яиц было Благовещение – татары отмечали его как «день определения ноги». В этот день особое внимание обращали на то, кто первым войдет в дом. Если это был человек «с легкой ногой», то год предполагался благополучным. Старые женщины и больные в этот день старались не ходить в гости, чтобы не накликать на хозяев беду, но, если в этом все же была необходимость, поизносили, заходя в дом: «Пусть легкой будет моя нога», за что первому вошедшему хозяйка давала саадака – немного денег или угощения. Всем приходящим детям давались крашеные яйца[1].

Во всех деревнях в день сбора крашеных яиц дети выбегали на улицу, где взрослые играли с ними. Производился также сбор подарков для награждения победителей предстоящих состязаний. Наиболее ценным считалось полотенце, которое получали с каждой молодой женщины, вышедшей замуж после предыдущего Сабантуя. Она специально для этой цели готовила одно самых лучших полотенец из своего приданого. Если полотенце требовалось с молодой жены в обязательном порядке, то остальные выделяли подарки (скатерти, платки и т.п.) добровольно, но делали это с большой охотой, поскольку в противном случае могли прослыть жадными. Сбор подарков производился юношами, которые затем передавали их наиболее уважаемым старикам, выступавшим на состязаниях в качестве судей. Последние и выносили эти подарки на место состязания – майдан.

У каждого населенного пункта были свои места проведения Сабантуя – ложбина, поляна и т.д. Основными соревнованиями являлись борьба на кушаках (керэш), бег, скачки на лошадях. Борьба на кушаках проводилась на майдане. В качестве кушака использовалось полотенце, которое имел каждый из борцов – он обхватывал им противника за талию. Нужно было положить соперника на лопатки. После нескольких успешных поединков победитель становился претендентом на звание лучшего борца – батыра. Таких претендентов набиралось несколько человек, схватка межу ними становилась кульминацией состязаний по борьбе. Батыр получал в качестве приза одно из лучших полотенец. Бег проводился на небольшие дистанции – 1-2 километра, иногда короче. Если старт устраивали в отдалении, то финиш – на майдане. Скачки завершали спортивные состязания. Их обычно устраивали на дистанции 5-8 километров. В целях безопасности скачки проводились в стороне от основного места других состязаний, но награждение происходило также на майдане. Победителю скачек вручалось одно из лучших полотенец, а хозяину победившей лошади – сабан, борона и т.п. Награждали также и всех остальных участников скачек – даже на лошадь, пришедшую последней, повязывалось полотенце, специально оговоренное дарительницей как утешительный приз.

Вечерние молодежные игрища также служили неотъемлемым компонен-

[1] Уразманова Р. К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников татар (в деревнях Ст. Ермаково, Балыкла, Тат. Байтуган, Нов. Усманово и с. Камышла Камышлинского района Самарской области) // Самарская область: этнос и культура: Информационный вестник. № 2-3. 1997. С. 24.

том данного праздника. До глубокой ночи звучала гармонь, пелись песни и проводились пляски. Такие игрища начинали период весенне-летних игр, которые проводились на природе.

Сейчас Сабантуй обычно празднуется в июне в Самаре, Тольятти и в ряде других городских и сельских населенных пунктах области. Во время праздника устраиваются спортивные состязания: керэш – борьба на кушаках, бег на небольшие дистанции и т.д. Проводятся также и различные веселые соревнования: например, бег в мешках, доставание монеты ртом со дна посудины, наполненной кефиром, поединок на бревне, когда нужно свалить противника метким ударом подушки, и т.п. Выступают как эстрадные, так и самодеятельные татарские коллективы, звучит национальная музыка и исполняются традиционные и современные танцы. Участники мероприятий надевают стилизованную на традиционный манер одежду, а благодаря ярмарке зрители имеют возможность попробовать блюда национальной кухни. Сабантуй всегда собирает множество зрителей – это наиболее яркий и массовый праздник татарского народа. Из года в год этот праздник проводится и в сельской местности, приобретая все больший размах.

В мае 2010 г. в селе Алькино Похвистневского района впервые прошел Всероссийский сельский Сабантуй. На обширном поле за селом собрались тысячи зрителей. Состоялись соревнования по борьбе, скачки, бег в мешках и другие состязания, и, конечно же, на празднике выступили многочисленные творческие коллективы из Самарской области, Республики Татарстан и других регионов. Воздух наполняли звуки музыки, звучали голоса певцов, демонстрировались танцы. Надолго запомнится это грандиозное мероприятие всем присутствовавшим – как гостям, так и местным жителям.

Проводится также областной сельский Сабантуй. Так, автор в 2013 г. присутствовал на таком Сабантуе, состоявшемся в Камышле.

После Сабантуя начинался сев. Накануне выхода на него было принято истопить баню и вымыться, чтобы очиститься. Бедным жителям села относили подаяние в виде хлебцев, муки или яиц. Сеятель вместе с зерном бросал в поле яйца, которые тут же собирали дети. Засеяв небольшой участок, устраивали перерыв, расстилали скатерть и выкладывали на нее продукты, принесенные из дома.

К весенне-летним относится обряд вызывания дождя. Дождь необходим земледельцу для того, чтобы созрел хороший урожай, чтобы люди и домашние животные были сыты.

Обряд вызывания дождя был характерен для всех татар, но имел свои локальные отличия. В одних случаях, организаторами и главными действующими лицами были взрослые, в других – дети. Обряд вызывания дождя проводился летом или поздней весной, во время засушливой погоды, которая могла погубить урожай. Р. К. Уразманова зафиксировала около тридцати терминов, обозначающих указанный обряд[1]. В татарских поселениях Камышлинского района он бытовал под названием янгыр аши (янгыраш) – «угощение дождя». Дети ходили по домам и собирали продукты, а затем вместе с пожилыми женщинами шли в поле к роднику, где варили из собранных продуктов кашу. Женщины совершали моление, потом происходило коллективное угощение кашей, а завершалось мероприятие массовым обливанием водой.

В некоторых других татарских поселениях, например, в селе Алькино Похвистневского района данный обряд назывался янгыр ботка (янгыр боткасы) – «каша дождя». Со слов жителей данного села автор этих строк в 2010 г. зафиксировал такое описание обряда: весной или летом дети ходили по улице и обливали друг друга и всех встречных водой, а затем вместе с взрослыми варили кашу и ели – все эти действия должны были вызвать дождь.

Аналогичные обряды традиционно проводились и кряшенами. Жители села Назаровка сообщали автору о том, что летом, если долго нет дождя, люди идут к речке, варят кашу из пшена, угощаются ею, совершают молитву, прося дождь, а также обливаются водой. Такой обряд совершали, например, летом 2010 г., которое было необычайно засушливым.

Отмечено также проведение в летнее время, с целью повышения плодородия, обеспечения хорошего урожая, специальных обрядов, сопровождавшихся принесением в жертву домашних животных. Такие обряды в разных татарских поселениях тоже назывались по-разному: например, в селах Мочалеевка и Ново-Мансуркино они получили название янгыр келеве – «моление дождя». На средства местного населения покупалась овца или другое жертвенное животное, совершалась молитва, жертвенное животное забивали, варили и ели, а затем также обливались водой.

Весна и лето – это и время молодежных игрищ. У самарских татар они были разных видов: вечерние, пятничные, встречные. Вечерние игрища (кичке уен) проводили обычно в период между окончанием посевных работ и началом сенокоса, когда молодежь была более свободна от полевых работ. В теплые погожие вечера собирались девушки или юноши, живущие поблизости. Иногда собирались и те, и другие вместе.

Обычным местом встречи молодежи в татарских поселениях служили родники, куда под вечер шли за водой принарядившиеся девушки с коромыслами. Туда же приходили в это время и юноши. Происходили знакомства, общение, звучала гармонь, пелись песни, исполнялись танцы.

Пятничные игрища регулярно проводились после полудня, в них участвовала вся деревенская молодежь. Местом их организации служили луга, расположенные за поселением. Так, жители села Камышла эти игрища проводили на лугах реки Сок, а жители села Старое Ермаково – на поляне Юкеле тау.

Организаторами встречных игрищ (каршы уен) поочередно становились молодые люди того или иного татарского поселения. На них собирались жители разных сел. Например, на игрища, проводимые на лесной поляне между селами Камышла и Татарский Байтуган, приезжали жители не только соседних поселений, но и отдаленных (из села Алькино и др.). Другие знаменитые встречные игрища организовывала молодежь села Старое Ермаково. Местом их проведения являлась поляна Мукле кул («Моховое

[1] Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX – нач. XX вв). // Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2001. – С. 69-70.

озеро»), расположенная около озера. На них собирались жители нескольких поселений. Каждое поселение имело свое определенное место, где его жители водили свои хороводы, пели и играли на музыкальных инструментах. Молодежь собиралась на указанные игрища в самой лучшей одежде. Ехали на длинных подводах, запряженных тройками украшенных лошадей. Более богатые приезжали на тарантасах. Веселье продолжалось в течение нескольких часов. Благодаря встречным игрищам, молодежь всей округи знакомилась друг с другом, в результате чего вспыхивали взаимные чувства, намечались будущие семейные пары.

Что же касается осени и зимы, то в это время проводились гостевания, а также помочи – коллективные мероприятия, устраиваемые с целью более быстрого проведения определенных работ, проходившие в праздничной атмосфере.

С наступлением устойчивых холодов начиналось заготовление мяса впрок. Каждая семья для этого специально откармливала домашнее животное – лошадь, бычка и т.д. День закалывания этого животного превращался в небольшой семейный праздник, на который приглашали близких родственников.

В более позднее, удобное для себя время, хозяева приглашали к себе более широкий круг родственников и друзей, в том числе жителей других поселений. Такие гостевания носили обязательный характер и назывались мэжлес (пир, застолье, торжество, званый обед или ужин). Существовал четко выработанный этикет приема гостей. Их приглашали персонально и заранее, для чего совершались поездки по деревням. Обговаривалось время приезда, а также количество гостей из каждой семьи. Гости также тщательно готовились к поездке на такое мероприятие. По такому случаю надевали праздничные наряды, готовили специальное угощение – калачи, пироги с ягодными начинками, тушки вяленых гусей. Привезенное угощение ставилось на поднос или складывалось в особый сундук. Гости из своей деревни обычно не приносили угощения, но они должны были пригласить на застолье тех, кто прибыл с угощением. Поэтому гостей из других поселений нередко принимали в течение дня в нескольких домах. Ночевать они обычно оставались в том доме, где проходило вечернее застолье.

Проведение основного застолья в дни мэжлес включало в себя подачу традиционных блюд, которая предварялась выносом угощений, привезенных гостями, для всеобщего обозрения. Перед угощением проводилось чтение Корана.

На коллективные работы молодежь обычно шла охотно – ведь они носили взаимный характер, а после работы устраивались гулянья.

Наиболее значимыми среди татарской молодежи являлись помочи по обработке заколотых гусей. Их организовывали поздней осенью, когда наступали устойчивые холода. Помочи устраивали почти в каждой семье и приглашали на них девушек. Как отмечается в литературе, уже сам процесс труда становился праздником, поскольку давал возможность продемонстрировать умение и ловкость более опытным в этом виде работы девушкам, за что они заслуженно получали одобрение со стороны хозяев. Участие в таких помочах считалось престижным и желанным, поскольку они становились местом активного общения. Девушки обычно собирались с утра. Ощипывание гусей проводилось в доме, под смех, песни, разговоры. Потом обработанных гусей несли на коромысле к водному источнику, чтобы промыть их ключевой водой. При этом девушек обычно сопровождали юноши с гармонью. Ко времени возвращения девушек хозяйка готовила оладьи на гусином жиру. Устраивалось праздничное чаепитие. Деревенские дети с большим удовольствием собирали пузыри, получившиеся из очищенных гусиных зобов, которые затем надували и раскрашивали.

Широкое распространение получили помочи по изготовлению пряжи, на которую собирались девушки и молодые женщины. Работа проводилась за угощение, которое готовила приглашающая хозяйка, но на такую помочь люди приходили охотно как на место общения и веселья. На помочь по изготовлению шерстяной пряжи обычно приглашали более опытных, пожилых женщин. Проводились также помочи по изготовлению войлока. Традиционными являлись и помочи по обработке холстов, которые сопровождались песнями и игрищами.

Проводятся и религиозные праздники. Татары-мусульмане торжественно отмечают Уразу-байрам (окончание поста в месяц Рамазан), Курбан-байрам (праздник жертвоприношения), Маулид-байрам (день рождения пророка Мухаммеда) и др.

Как и у других мусульманских народов, у татар принято соблюдать пост во время месяца рамадан (рамазан), когда нельзя принимать пищу и воду до захода солнца. После того, как дневное светило заходит, читается вечерняя молитва, и начинается прием пищи – ифтар. Он происходит в торжественной обстановке: за одним столом собирается несколько семей – родственники, соседи, друзья.

После окончания поста, в первый день нового месяца шаввала, начинается праздник Ураза-байрам (Ид аль-Фитр), который продолжается в течение трех дней. В первый день этого праздника совершается специальная общая молитва. В число ритуалов Уразы-байрама входит праздничная трапеза, дарение подарков, посещение друзей, раздача милостыни неимущим[1].

Одним из главных мусульманских праздников является Курбан-байрам (Ид аль-Адха), проводимый через 70 дней после окончания поста и также, как правило, продолжающийся три дня. В первый день этого праздника приносятся в жертву домашние животные (обычно овцы), треть мяса которых обычно идет на семейную праздничную трапезу, а остальное раздается. В ритуал Курбан-байрама также входит праздничная молитва, люди ходят в гости друг к другу, дарят подарки. Справедливо отмечается, что в каждом доме царит дух гостеприимства и щедрости, и любой гость не выйдет из дома, не отведав праздничного угощения.

Во время празднования Маулид-байрама в течение нескольких дней люди также ходят друг к другу в гости, устраивают праздничную трапезу, беседуют на религиозные темы.

Кряшены проводят православные праздники – Рождество, Пасху и т.д. Например, на Пасху принято, как у русских, красить яйца, дети ходят по домам, и их угощают. Особенно ярко

[1] Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 89.

отмечают кряшены в селе Назаровка Клявлинского района праздник Троицы. Вечером, накануне Троицы, в Родительскую субботу, принято было жечь костры и бросать в огонь старые вещи. Во второй половине прошлого века этот обычай несколько изменился. Вместе старых вещей стали сжигать старые колёса. Для этого на горе близ села есть специальное место, где колёса складываются и поджигаются. Загоревшееся колесо с помощью длинных палок с двух сторон откатывалось и пускалось под гору. Этим «искусством» занимаются, как правило, юноши или мужчины, женщин и девушек к такому делу никогда не допускали. И по сей день эта традиция не утратила своей привлекательности. На «катание колёс» (так данное мероприятие называется у жителей Назаровки) собираются не только жители этого села, но и их родственники, друзья, жители соседних населенных пунктов, и даже гости из других районов. Современность внесла изменения и в это мероприятие – сейчас вместо колес обычно исполняют пустые баллоны, а во время гулянья работают магнитофоны. Во время Троицы проводится «праздник березы», когда девушки идут в лес «завивать березу»: это дерево украшали лентами, платками, полотенцами. Утром люди приносят из леса ветви березы и развешивают их в домах, на воротах и т.д. Характерным для Троицы также является обряд, когда пожилые люди срубают самую красивую молодую березку, украшают ее, приносят в село и носят по всему поселению с песнями, а затем опускают в воду.

Следует, однако, отметить, что береза у кряшен, как и у татар-мусульман, считается деревом печали, и ее не принято сажать около домов[1].

На Покров жители Назаровки ходят друг другу в гости, к ним также приезжают родственники из других населенных пунктов, в том числе из Татарстана. Готовится довольно много разных блюд, но главным украшением стола является курятина. По традиции после угощения хозяевам дома поются хвалебные песни.

На Рождество здесь принято проводить гадания на кольцах. По традиции эта церемония проводится в новом доме. Собираются девушки, в ведро с водой кидаются колечки, ведущая вытаскивает колечко, а другие в это время исполняют песни про любовь, рождение малыша и др.

На Пасху дети ходят по домам, говорят: «Христос Воскресе!», им отвечают: «Воистину Воскресе!» и угощают. У жителей Назаровки, как и у других православных, неотъемлемым атрибутом Пасхи являются крашеные яйца.

Традиционно отмечалась кряшенами также Масленица – время гуляний, катаний на санях и других приспособлений с гор. Одним из атрибутов этого праздника является чучело, которое затем сжигается, что символизирует прощание с зимой[2].

Рождество праздновали и татары-мусульмане, называя его Роштува, Раштуа, Раштва. В татарских деревнях Камышлинского района в это время хозяйки пекли множество мелких пресных булочек шишара, которые затем раздавали детям и скармливали домашней скотине с пожеланием хорошего приплода. Иногда по селению ходили ряженые в шубах, вывернутых наизнанку.

[1] Кржижевский М. В. Кряшены из села Назаровка // Самарские татары. Ежеквартальный журнал о жизни самарских татар. № 1 (2), январь-март. 2013. С. 53

[2] ПМА 2011. Самарская область: Клявлинский район, с. Назаровка.

Некоторые исследователи считают, что татары отмечали Новый год вплоть до XIX в. по древней традиции в марте, в день весеннего равноденствия, а сам этот день носил иранское название науруз[1]. Но, по крайней мере с XIX в., Новый год в народе, как и официально, начинался с 1 января, хотя далеко не сразу стал повсеместным праздником. Новогодний праздничный-обрядовый цикл сформировался у татар достаточно поздно, под влиянием русских и финно-угорских народов.

Многие праздничные мероприятия неразрывно связаны с музыкой и играми. Музыкальная культура татар близка к музыкальной культуре других тюркских народов, особенно башкир. Наиболее распространенными музыкальными инструментами являлись гармонь-тальянка, курай (род флейты), кубыз (губной варган), скрипка, гусли. Большой популярностью у самарских татар пользовалась, в частности, гармонь – играть на ней считалось престижным, гармонисты принимали участие в самых разных праздничных мероприятиях.

У татар существует целый комплекс традиционных игр, многие из которых имеют аналогии у других народов региона. Некоторые старинные игры отмечены выше, упомянем также игры, в которые играли дети и молодежь во второй половине XX в.

Много было игр с мячом. Когда-то мяч делали из шерсти, позднее получил распространение кожаный мяч, иногда его делали из тряпок. Вот одна из игр в мяч, пользовавшаяся популярностью у самарских татар – игра «штандер-штандер»: собирается группа ее участников, выбирается ведущий, который берет мяч, говорит «штандер-штандер» кому-то из участников и бросает в него мяч, а тот убегает, стараясь, чтобы мяч не попал в него, а иначе сам начинает водить.

Повсеместно у татар была распространена игра йозок салыш («класть кольцо»). Играли в нее и самарские татары. Сведения об этой игре были собраны автором со слов опрашиваемых информаторов 1980-х гг. рождения, игравших в нее в детстве. Участники игры садились в ряд, вытянув вперед руки с сомкнутыми ладонями. Ведущий с кольцом в руке подходил к каждому поочередно, размыкал ему ладони, а затем вновь смыкал и при этом незаметно оставлял кольцо в руке одного из участников. Обойдя всех, ведущий отходил в сторонку и говорил: «Колечко-колечко – выйди на крылечко!» Участник игры, у кого оказалось кольцо, должен был выбежать к ведущему, а сидящие рядом старались удержать его. Если обладателю кольца удавалось добежать до ведущего, то он сам становился ведущим.

Играли в городки, в войну, в догонялки и в другие игры, характерные для самых разных народов. Распространена здесь и игра в прятки – в эту древнюю и вечно молодую игру дети играли, играют и, надеемся, будут играть.

Семейный быт

У татар наиболее распространенной являлась малая семья, состоявшая из нескольких человек. В некоторых местах до первой половины XX в. существовали также большие нераздe-

[1] Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 320.

ленные семьи, включавшие три или даже четыре поколения ближайших родственников. В советское время стали характерными малые семьи, состоящие только из двух поколений.

Взаимоотношения членов семьи традиционно строятся на патриархальной основе. Младшие должны слушаться старших, дети – родителей, жена – мужа. Жительницы татарских сел области говорили автору, что главой семьи считается муж, ему следует советоваться с женой, но принимать решения самому. Имел место обычай избегания невесткой родственников мужа.

Браки в основном совершались по сватовству, хотя имели место случаи похищения девушки или ее уход к жениху без согласия родителей.

В семейной татарской обрядности особое значение отводится свадьбе. Весь цикл традиционных свадебных обрядов условно можно разделить на три группы: предсвадебные, свадебные и послесвадебные. К первой группе относятся сватовство и сговор-помолвка. Затем объявлялось о предстоящей свадьбе, начиналась подготовка к ней, жених собирал калым, невеста – приданое.

Основной свадебный обряд «туй» проводился в доме невесты. Свадьба начиналась с религиозной церемонии бракосочетания «никах», проводимой муллой, затем устраивалось угощение. Свадьбу играли в доме невесты два-три дня, а затем она продолжалась у родственников. В эти дни проводили обряды знакомства невесты с новой родней, а на третий день подавали «прощальные» кушанья – пельмени либо полбяную кашу.

В послесвадебных обрядах основными действующими лицами выступали молодожены: для них готовили специальное помещение в доме молодой, топили баню и т.д. Первая встреча молодого с родителями его избранницы сопровождалась их одариванием. Переезд молодой в дом мужа также проходил в торжественной обстановке и сопровождался обрядовыми церемониями[1]. На следующий день проводился обряд хождения молодой по воду к источнику, которым пользовалась семья мужа. Завершался цикл свадебных трапез скромными застольями.

И в современной татарской свадьбе присутствуют традиционные элементы. Иногда проводится сватовство – в случае согласия невеста дает платок. Совершается церемония «никах», а затем организуется гражданская свадьба, которая обычно продолжается в течение трех дней. Информаторы свидетельствуют, что нередко свадьбы проводят без спиртного.

В свадебных обрядах кряшен отсутствуют никах и калым, невеста также готовила приданое в сундуке. Следует также отметить церемонию выкупа невесты, проводившуюся в первый день. Затем совершался переезд в дом мужа. На второй день молодая готовила лапшу – таким образом, проверялось ее умение готовить пищу.

Обряды, связанные с рождением ребенка, должны были способствовать его дальнейшему благополучию. Новорожденного заворачивали в рубаху отца, чтобы он был счастливым, смазывали его рот медом и маслом – чтобы был богатым. Через несколько дней проводился обряд имянаречения

[1] Ягафова Е. А. Этническая история и культура народов Урало – Поволжья (мордва, марийцы, удмурты, чуваши, татары, башкиры): Учебно – методическое пособие. Самара: СГПУ, 2002. С. 113.

«исем кушу», на который приглашались мужчины. Особый праздник было принято устраивать в честь рождения первого ребенка.

Имя новорожденному традиционно давал отец. Как правило, имена у татар восточного происхождения, распространившиеся вместе с исламом.

Кряшены носят имена, распространенные у русских и других православных народов. Крещение детей кряшены Назаровки обычно осуществляют в Клявлино, в православной церкви.

Похороны стараются провести быстро – обычно на другой день после смерти. Покойника не принято оставлять одного – около него постоянно сидят люди, читая молитвы. В похоронной процессии принято участвовать только мужчинам. Покойника хоронят головой на юг, лицом в сторону Мекки, на боку. Могилу копают по размеру умершего, глубиной в его рост, а с правой стороны делают боковую нишу. На старых могилах находятся вертикальные каменные стелы, на современных устанавливают обелиски. Мусульманский символ полумесяц присутствует на намогильных сооружениях. На третий, седьмой и сороковой день, а также в годовщину смерти проводят поминки.

Кряшены проводят похороны по христианской традиции.

В заключение хотелось бы упомянуть о родословных. Знать свой род, помнить имена своих предков до седьмого колена считалось необходимым. У татар, как и у многих других народов, существовала традиция составления родословных, которая сегодня вновь возродилась. Во многих селах школьники под руководством педагогов составляют свои родословные. Некоторые из них включают много имен предков.

Изложенные выше материалы свидетельствуют о том, что татары Самарской области сумели сохранить многие особенности традиционной культуры и быта. Ученые-исследователи и активисты национально-культурных объединений должны и дальше проводить совместную работу по изучению культуры самарских татар. Целесообразно развивать в татарских поселениях области этнический туризм, являющийся весьма популярным во всем мире. Целью такого туризма является ознакомление туристов с особенностями традиционной культуры и быта различных этносов. Этнический туризм предусматривает посещение поселений, сохранивших такие особенности, национальные праздники и фестивали, этнографические деревни. Развитие указанного вида туризма поможет познакомиться жителям разных регионов с культурой самарских татар.

Библиографический список

Полевые материалы

1, Полевые материалы автора (далее – ПМА), 2009 а. Самарская область: Похвистневский район (с. Алькино).

2, ПМА 2009 б. Самарская область: Шенталинский район, с. Денискино.

3, ПМА 2010 а. Самарская область: Похвистневский район, с. Ново-Мансуркино.

4. ПМА 2010 б. Самарская область: Камышлинский район, с. Камышла.

5. ПМА 2011. Самарская область: Клявлинский район, с. Назаровка.

6. ПМА 2012. Самарская область: Камышлинский район, с. Старое Ермаково.

7. ПМА 2013. Самарская область: Елховский район, с. Мулловка.

Литература

8. Аглиулин Р. Н. Алькинские сувениры // Волжская коммуна, 1977, 18 ноября. С. 4.

9. Ведерникова Т. И. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара, 1991. 120 с.

10. Галимов Ш. Х. История села Ново-Урайкино. Годы, события, люди. Самара: ЗАО «Типография «Сокол-Т», 2006. 168 с.

11. Галимов Ш. Х. Очерки истории села Мулловка (с начала XIX века до наших дней). – Самара: ООО «Издательство «Книга», 2009. 296 с.

12. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука. 1991. 315 с.

13. Кирсанов Р. С., Махмутов Ф. С., Шакиров Р. М. Татары // Самарская область: этнос и культура. Информационный вестник. № 3, 2006. С. 3-15.

14. Кирсанов Р. С., Махмутов Ф. С., Шакиров Р. М. Татары / Этносы Самарского края: Историко-этнографические очерки. Самара, 2003. С. 111-138.

Кржижевский М. В. Камышлинские традиции. // Азан, 2010, 12 ноября. С. 4.

Кржижевский М. В. Кряшены из села Назаровка. // Самарские татары. Ежеквартальный журнал о жизни самарских татар. № 1 (2), январь-март 2013. С. 52-53.

17. Кржижевский М. В. С душой и сердцем. // Самарские татары. Ежеквартальный журнал о жизни самарских татар. № 3 (4), июль-сентябрь 2013. С. 31.

18. Кржижевский М. В. Самарские татары: страницы истории, особенности культуры, перспективы развития туризма. Учебное пособие по дисциплинам «Краеведение и туризм», «Народы России». Самара: Изд-во Филиал ФГБОУВПО «РГУТиС» в г. Самаре, 2012. 46 с.

19.Кржижевский М. В. Традиции сохраняются на местах // Самарские татары. Ежеквартальный журнал о жизни самарских татар. № 4 (5), октябрь-декабрь 2013. С. 61-62.

20. Мифы народов мира: энциклопедия. М, 1994. Т. 1. 671 с.

21. Мифы народов мира: энциклопедия. М, 1994. Т. 2. 719 с.

22.Мишуринская Л. И. Ткань в культуре жизнеобеспечения татар Поволжья и Приуралья (XIX – начало XX в.). // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Материалы Девятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб, 2010. С. 240-246.

23.Мухамедова Р. Г. Татарская народная одежда. Казань, 1997. 224 с.

24.Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в). М, 1977. 184 с.

25.Суслова С. В. Женский костюм татар Похвистневского района Самарской области середины XIX – начала XX века: материалы к научной реконструкции // Самарская область: этнос и культура. Информационный вестник. № 2-3, 1997. С. 29-36.

26. Суслова С. В. Узорное ткачество татар самарского края. По материалам экспедиций в Камышлинский и Похвистневский районы // Самарская область: этнос и культура. Информационный вестник. № 1, 2001. С. 21-27.

27. Татары Самарской области. Паспорт этнической группы / Ред. Ш. С. Багаутдинов, С. К. Жидкова. Самара: ГУ СО ДДН, 2008. 32 с.

24. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. 536 с.

28. Уразманова Р. К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников татар (в дд. Ст. Ермаково, Ст. Балыкла, Тат.Байтуган, Нов.Усманово и с.Камышла Камышлинского района Самарской области) // Самарская область: этнос и культура Информационный вестник. № 2-3. 1997. С. 23-28.

29. Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX – нач. XX вв). // Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2001. 196 с.

30. Этнические общественные объединения Самарской области. Самара, 2008. 48 с.

31. Этнические средства массовой информации Самарской области / Гл. ред. А. В. Свиязова. Самара: ГУ СО ДДН, 2008. 36 с.

32. Ягафова Е. А. Этническая история и культура народов Урало – Поволжья (мордва, марийцы, удмурты, чуваши, татары, башкиры): Учебно – методическое пособие. Самара: СГПУ, 2002. 170 с.

Ресурсы Интернета

33. http: www.tatar-duslyk.ru (дата обращения: 10.06.2017 г.)

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ТАТАРСКИМ НАСЕЛЕННЫМ ПУНКТАМ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

ЕЛХОВСКИЙ РАЙОН

Село Кубань-Озеро и поселок Идея

Время основания села Кубань-Озеро и происхождение его названия точно не установлено. Для этого предстоит внимательное изучение и анализ архивных документов. Пока же можно остановиться на тех версиях, что получили распространение в литературе.

Из некоторых исторических источников можно сделать предположение о переселении в 30-е гг. XVIII в. определенных групп ногайцев с Кубани на Среднюю Волгу – на свою прежнюю историческую родину. Поэтому вполне возможно допустить, что они стали первыми жителями данного поселения (вокруг которого располагались несколько полноводных озер), давшими ему название. А потом они смешались с подселившимся сюда местным татарским населением.

По мнению других ученых, напротив, данный топоним не имеет отношения к Кубани на юге России, а происходит от самоназвания кипчаков (половцев) – кубан (куман), которые являются одними из предков современных татар. В соседней Ульяновской области также есть село Губан. Таким образом, данное название означает – Половецкое озеро.

А по легенде, которая передается местными жителями из поколения в поколение, село Кубань-Озеро существовало уже в первой половине XVIII в., и в этих рассказах фигурирует дата 1723 г. На это время основания села косвенно указывает также и документ Центрального государственного архива Самарской области (ф. 5, оп. 9, д. 107, л. 44), составленный в 1882 г. В опубликованных здесь сведениях о деревнях Ново-Бинарадской волости Ставропольского уезда (без уточнения и конкретизации) в графе с какого времени существует деревня» сообщается, что «деревня Кубань-Озеро существует около 150 лет назад».

…Все рассмотренные версии, повторимся, требуют специального и глубокого рассмотрения и документального подтверждения.

В истории (в 60-е гг. XIX в.) отмечен такой примечательный случай, как перевод на некоторое время центра волости из Новой Бинарадки в Кубань-Озеро. Это свидетельствует если не о заметной, то не последней роли этой деревни в жизни волости.

Архивные документы зафиксировали также дату строительства в середине XIX в. одной из сельских мечетей – 1842 г. и имена религиозных деятелей, которые до этого времени и после в ней работали – Шамгун Валишев (указ Симбирского губернского правления о назначении на должность от 1830 г.), Рамазан Баширов (указ от 1833 г.), Мухаметсафа Шамгунов (указ от 1833 г.), Мухаметсадык Баширов (указ Самарского губернского правления от 1866 г.), Мухаметситдык Шамгунов (указ 1882 г.).

Из статистических таблиц, которые мы приводим в приложениях, видна тенденция роста села Кубань-Озеро Ставропольского уезда во второй половине XIX – начале XX в. – с 47 хозяйств в 1857 г. до 202 – в 1910 г.

Жители села выращивали хлеб, занимались торговлей. В этой связи на всю округу стало известным имя Кадыра Иксанова – Кадыр-бая.

Крупнейшие события в истории страны, связанные с Первой мировой войной, революцией и гражданской войной, не обошли стороной и село Кубань-Озеро.

Летом 1918 г. здесь бесчинствовали бойцы чехословацкого легиона. Осенью того же года через эту местность прошли отступающие из Мелекесса в сторону Самары отряды Народной армии Комуча и преследующие их части Красной Армии.

Известна фамилия и одного из младших красных командиров гражданской войны, уроженца Кубань-Озера – это Калимулла Мухаметов, 1887 г. рождения.

Еще один житель села – Вазых Абушаев стал в округе одним из первых советских активистов – в 1919 г. он работал секретарем сельсовета в соседнем Ново-Урайкино, потом вернулся на работу в свое село.

Активным пропагандистом за Советскую власть стал также Мирза Садыков (по другим документам – Ахмадуллин), жители окрестных сел называли «коммун Мирза». Он в одно время работал заместителем председателя Елховского райисполкома. Вскоре стало звучать также имя еще одного пропагандиста новой жизни – Насибуллы Рамазанова, инициатора создания в 1922 г. поселка с характерным для той эпохи названием Идея. В конце 20-х гг. он являлся членом Елховского райкома ВКП (б).

Советская власть принесла серьезные изменения в жизнь села. Борьба «нового» и «старого» один раз привела к трагическим последствиям: в одной из стычек между жителями села погиб

бедняк Насибулла Насибетдинов, что стало предметом серьезного разбирательства в Ново-Буянском волостном суде в начале 1926 г.

В середине 20-х гг. на базе бывшего медресе открылась начальная школа советского типа, и там и здесь учителем в ней был Бурхан Шамгунов. Потом многие годы на этой должности трудился Мисбах Батталов. Некоторое время здесь также работал Фатых Рамазанов. Эта школа в период становления советской системы национального образования была образцовой и служила методическим центром для татарских учителей всей округи.

После окончания четырех классов для дальнейшего образования дети из Кубань-Озера и поселка Идея ходили за 17 километров в Теплый Стан – в школу крестьянской молодежи (ШКМ).

После Великой Отечественной войны в кубань-озерской начальной школе учительствовали Хадыча Батталова, Мария Нуруллина, с 1959 по 1993 гг. – выпускница Оренбургского татарского педагогического училища Мугалима Нуретдинова – Батталова.

В то же время не прекращалась активная религиозная жизнь – в 1930 г. в Кубань-Озеро продолжали действовать две мечети. Последним служителем культа старого дореволюционного поколения стал Мухаметситдык Шамгунов, 1855 г. рождения. После оставления должности и переезда в Куйбышев, в 1937 г., в возрасте 83 лет он был арестован как член «исламской контрреволюционной организации» и в начале следующего 1938 г. расстрелян. При тех же обстоятельствах погиб еще один уроженец села – Хатимулла Батталов, бывший в 20-е гг. имамом мечети на улице Оренбургской.

Колхозы в здешних населенных пунктах образовались в 1930 г. В Кубань-Озеро он получил гордое название «имени Ленина – Сталина».

Первый советский и партийный актив Кубань-Озерского сельсовета (в состав которого вошли также село Новая Хмелевка, поселки Бахчисарай и Идея) и местных колхозов предвоенного периода, кроме перечисленных выше лиц, состоял из следующих жителей: Гата Рамазанов, Абдуляббар Сатдаров, Талип Гафаров, Махмут Шайдуллов, Фатых Кафиятов, Карип Латыпов, Гумер, Канафия, Мисбах Батталовы, Мингали Шамратов, Сагит Туктаров, Зиятдин Зилялетдинов. Большинство из них воевали в гражданскую войну, а после нее получили образование в Мелекесской совпартшколе. На различных должностях здесь работали также и присланные со стороны кадры: Исмагиль Кагарманов (из Елхового Куста) и посланец Елховского райкома партии Тимофей Машков. В начале 40-х гг. председателем сельсовета работал Сахаб Гильметдинов.

В годы Великой Отечественной войны 230 жителей села Кубань-Озеро и поселка Идея были призваны в Красную Армию. Многие из них погибли или пропали без вести. Некоторые вернулись с тяжелыми увечьями, как, например, Фаяз Багаутдинов, Гадиль Сагиров, Мазгут Фасыхов.

Село Кубань-Озеро дало многих известных защитников Родины, это – подполковник Ахметгерей Шамратов, майор Сафаргали Батталов, старший лейтенант Шанияз Шамратов, кавалер ордена Красной Звезды Нажип Нуруллин, работавший в послевоенные годы на ответственных партийных и советских должностях, и многие другие.

Ныне в живых остался только один участник Великой Отечественной войны, выходец из Кубань-Озера – Гумер Халиуллов, проживающий в Самаре.

В память о защитниках Родины в 2015 г. в центре нынешнего сельского поселения – в Березовке был установлен воинский обелиск с именами всех участников Великой Отечественной войны. Среди более чем 600 человек есть и имена фронтовиков – уроженцев Кубань-Озера и Идеи.

В то время, когда на фронте шли тяжелые бои с немецко-фашистскими захватчиками, в глубоком тылу весной 1944 г. случилась страшная трагедия – эпидемия септической ангины, которая коснулась и Кубань-Озера с Идеей. Несмотря на принятые меры (центром борьбы с болезнью стал лазарет в здании бывшей мечети) за какие-то полтора месяца здесь умерло 84 человек. Среди них – множество детей. Оставшиеся в деревне пожилые мужчины не успевали копать могилы. Бывало, что в один день приходилось хоронить по несколько человек, по три-четыре человека класть в одну могилу.

После войны труженики колхоза вернулись к мирной жизни. Во главе кубань-озерского колхоза в это время работали Сибгат Хайруллов, Аухат Ахметов, Кашаф Илялетдинов, Мирза Галлямов, Набиулла Туплейский, колхозным производством в поселке Идея руководили Тахир Рамазанов, Сахаб Туишев, Закир Сабиров, Хайрулла Рахматуллов.

Особой страницей в истории села стал период, когда председателем колхоза (с 1957 г. – имени Ленина) работал коммунист-«тридцатитысячник», участник Великой Отечественной войны Бурхан Абузяров, посланный в 1956 г. из Куйбышева в Елховский район для подъема сельского хозяйства. Под его руководством колхоз, в который к этому времени влился поселок Идея, за короткий срок повысил урожайность полей, увеличил надои молока, улучшил другие финансово-экономические показатели. Например, размер заработной платы, выдаваемый за один трудодень, за три года – с 1956 по 1958 года вырос с 41 копейки до 4 рублей.

Фотография доярки МТФ (молочно-товарной фермы) поселка Идея Затии Рахматуллиной за высокие надои была помещена на областную Доску почета. Передовой, известной на весь район дояркой была Зайтуна Асанова.

После войны многие выходцы из Кубань-Озера обрели новое место жительства и добились успехов в различных сферах народного хозяйства, партийной работы и государственной службы. Среди них – председатель комитета народного контроля Кошкинского и Красноярского районов Нажип Нуруллин, второй секретарь Кошкинского райкома КПСС и председатель райисполкома Андаржан Хамидуллин, ответственный сотрудник прокуратуры Узбекской ССР Рабига Нуруллина, начальник отдела уголовного розыска Железнодорожного РОВД г. Куйбышева Нажип Батталов, начальник автохозяйства в г. Димитровграде Рашид Фасыхов и другие. Многие десятилетия в школах татарских сел сопредельных районов Куйбышевской и Ульяновской областей плодотворно трудилась Халифа Нуруллина-Ганеева.

Возвращаясь к теме образования, надо отметить такой примечательный факт: сравнительно небольшая начальная школа Кубань-Озера дала

путевку в жизнь многим десяткам детей, к тому же часть из них пошла по пути своих первых учителей. Таких насчитывается более двух десятков – они не одно десятилетие плодотворно трудились на ниве народного просвещения в нашей и соседних областях.

В 1967 г. в связи с преобразованием нескольких местных колхозов и объединением их в совхоз «Березовский» колхоз «Победа» (так с 1961 г. стало называться Кубань-Озерское хозяйство) вошел в него в качестве третьего отделения. Руководителями местного хозяйства в последующие годы трудились Минсалим Камалетдинов, Мазгут Фасыхов (в период его работы в селе было развернуто крупное строительство и возведены новый коровник, птичник и другие объекты), Менир Ибятов. Целый ряд специалистов успешно работали на уровне совхоза, это – главный агроном Сахаб Кашапов, главный механик Равиль Валеев, заведующий гаражом и председатель рабочкома (комитета профсоюза) Мазгут Фасыхов, председателем рабочкома совхоза «Березовский» работала также и Рузалия Валеева. Почти десять лет председателем Березовского сельсовета трудился Дамир Батталов.

В 1962 г. в эти места пришло электричество, в 80-е гг. была проложена асфальтированная дорога, связавшая села с трассой Куйбышев – Ульяновск, в 2001 г. в Кубань-Озеро был проведен газ.

На жизнь села Кубань-Озеро и поселка Идея негативное влияние оказали процессы, начавшиеся в нашей стране в 90-е гг. Была разрушена система сельхозпроизводства, хозяйственная и социальная структура…

На начало 2017 г. в Кубань-Озеро имеется ФАП (фельдшерско-акушерский пункт), насчитывалось 27 дворов, 76 жителей, из них 5 детей школьного возраста (обучаются в центре сельского поселения – Березовке), в поселке Идея соответственно 14 хозяйств, 28 зарегистрированных жителей – постоянно проживают здесь 7 из них.

Мулловка

В основе названия села Мулловка лежит, в отличие от многих других топонимов, не личное имя, а профессия и занятие первого жителя. Согласно историческому преданию, в 1803 г. в эти места пришел Алимбек-мулла и поселился здесь, а затем его примеру последовали другие.

Есть у населенного пункта и другое название – Широкое, которое произошло от названия оврага, возле которого появилось это поселение. Впоследствии это название приобрело более «татаризованный» вариант – Ширукый.

Уже в 1810 г. в этом поселении появилась мечеть, при которой вскоре начало работать медресе. Население Мулловки быстро росло – по данным на 1892 г. здесь насчитывалось 181 хозяйство.

В 1897 г. состоялась Первая всероссийская перепись населения. По справке для Центрального статистического бюро МВД, составленной Елховским волостным старшиной Матюхиным, в Мулловке на 10 апреля 1897 г. значилось: дворовых мест – 183, мужского пола – 603, женского – 549, всего жителей – 1152, магометанская мечеть, школа, три хлебозапасных магазина, одна торговая лавка. Крестьянская община сеяла рожь, просо и другие культуры. Следует отметить, что условия жизни в то время были достаточно суровыми. И сегодня пожилые люди помнят те времена, когда у домов были соломенные крыши, а внутри имелись нары, заменявшие мебель и кровать. В неурожайные годы, которые нередко случались в наших краях, многие жители Мулловки, как и других поселений, были вынуждены недоедать, брать семенные и денежные ссуды.

В 1914 г. разразилась Первая мировая война. К лету 1915 г. из Мулловки были призваны и находились в Действующей армии: Агзаметдин Ахметов, Шагидулла Ишмухаметов, Хабибулла Шамшетдинов, Минигата Аюханов, Гайнетдин Мухетдинов, Шагит Нураев, Адиулла и Накетдин Мавлютовы, братья Минсафа, Сибгатулла и Хасиятулла Рязаповы, Агалюлла Сабитов, Гата Рахматуллин, Гаязетдин Аксянов и другие.

Первый период войны принес большие потери личного состава русской армии. И фронту требовалось все больше и больше живой силы. Поэтому 20 ноября 1915 г. вышел Высочайший указ о досрочном призыве новобранцев (1897 г. рождения), срок службы которых должен был начаться в 1918 г. По Самарскому уезду таковых набралось почти восемьсот человек, среди них 13 жителей Мулловки. Это Габдулкаюм Ахметов (он же Сейфульмулюков), Кияметдин Туктабаев, Минигаббаз Ишмухаметов (Габдулхакимов), Галляметдин Сейфульмулюков, Шайхетдин Абейдуллов (Динмухаметов) и др. Не все жители села вернулись с войны – документы называют имена погибших и пропавших без вести. Это Сайфутдинов Салаутдин, ря-

довой, 329-й Бузулукский пехотный полк, 20 октября 1914 г. в бою при деревне Рожинки (Виленской губернии) пропал без вести; Неуметов Нурулла, нижний чин, 3-й пехотный полк, убит 9 февраля 1916 г., Рязапов Хуснутдин Хисаметдинов, нижний чин, 318-й пехотный полк, 29 мая 1916 г. пропал без вести; Абдрашитов Карим Мухаметшин, ефрейтор, запасная артиллерийская бригада, 1-й батальон, ранен в бою 9 июня сего года, умер от заражения крови в лазарете; Мингазетдин Ягудин, стрелок, 11-й стрелковый полк, 3 июня 1916 г. пропал без вести в бою.

Неудачи на фронте, резкое ухудшение положения различных слоев населения – все это привело сначала к Февральской, а затем и к Октябрьской революции 1917 г. За короткий срок Советская власть была установлена на большей части территории бывшей империи. Пришла она и в Мулловку. До весеннего сева 1918 г. земля прежнего крестьянского общества деревни Мулловка была разделена. Основным принципом распределения стало количество едоков в семье. Все безземельные, с помощью новой власти, получили свои наделы, а также плуги, бороны, сбрую для лошадей.

Уже в апреле 1918 г. в Елховской волости прочно утвердилась Советская власть.

Однако новые преобразования приветствовали далеко не все. Сразу же после революции началась гражданская война, сопровождавшаяся иностранной интервенцией. Важным событием стал мятеж чехословацкого корпуса весной 1918 г. Солдаты этого корпуса дошли и до Мулловки. Очевидцы рассказывали, что непрошеные гости отнимали у местного населения продовольствие и ценные вещи, вместе с офицерами Комуча заставляли крестьян вступать в свою армию. Но новобранцы, под угрозой расправы сначала согласившиеся вступить в Народную армию, по пути в Самару при первой же возможности бежали.

Идеи большевиков в те годы были близки простому народу – лозунги об окончании войны, возвращении с фронта солдат, наделении их землей привлекли на сторону Советской власти огромные массы крестьянства.

Поэтому оно и встало на ее защиту. Из Мулловки добровольно на борьбу за народное дело в Красную Армию ушли Накетдин Мавлютов, Шайдулла Ишмухаметов, Нурулла Тимербулатов, Насибулла Бахитов, Герей Абдрашитов, Забихулла Зулькарнеев, Шагит Нураев, воевавший в 25-й Чапаевской дивизии.

Мулловка, как и другие населенные пункты края, сильно пострадала от голода, вспыхнувшего в 1921 г. В селе оставалась одна-единственная корова… В результате мер, принятых Советским правительством, и помощи международных организаций, последствия голода удалось преодолеть. Восстановление шло достаточно быстрыми темпами, и к 1925 г. большинство хозяйств мулловских крестьян вновь обзавелось коровами и лошадьми. Росло количество заключенных браков и родившихся детей.

В 1928 г. Мулловка насчитывала 175 дворов, население 871 человек (мужчин 415, женщин 456).

История организации колхоза в Мулловке, как и во многих других селах, достаточно сложная и противоречивая. Агитация за вступление в артель началась в конце 20-х гг., а в 1930-м стала наступательной и активно стимулировалась экономически. Государство всячески поддерживало колхозы, в то же время создавая препоны для развития единоличных хозяйств (в первую очередь высокими налогами). Были предприняты меры агитационно-массового характера: собрания, уговоры, власти не чурались даже мер принуждения. Народ колебался – крестьяне то входили в колхоз, то выходили из него, число коллективизированных хозяйств один раз за короткое время упало аж с 80 до 10…

Но в целом у людей росло и крепло понимание, что другого выхода все равно нет – надо вступать. Поэтому Мулловка избежала в это время таких катаклизмов, как конфискация скота упорствующих, массовых арестов «контрреволюционных элементов» и сравнительно безболезненно интегрировалась в колхоз.

Первыми заявления в коллективное хозяйство подали Нетфулла Шайдуллов, Габбас Ишмухаметов, Герей Абдрашитов, Адиулла Губайдуллин, Насибулла Мавлютов, Хайдар Насыров, Нетфулла Кагиров и некоторые другие – всего 12 хозяйств. За ними потихоньку потянулись остальные. 12 февраля 1931 г. Красноярский колхозный союз зарегистрировал мулловскую сельхозартель под названием «ВИЛ», в честь Владимира Ильича Ленина. К весне колхоз уже насчитывал 60 хозяйств.

Первым его председателем стал Нетфулла Кагиров. Позже на этой должности проработало несколько человек, в том числе двое присланных со стороны – Зиятдин Гайнетдинов (из Красного Яра) и Исмагиль Гайнуллин (из Ново-Урайкино).

А в целом, на 1 апреля 1931 г. в Мулловке числилось 236 хозяйств, из них 84 бедняцких, 145 середняцких и 7 кулацких.

Рубеж 1920-1930-х гг. ознаменован резким усилением антирелигиозной деятельности и закрытием культовых учреждений, в том числе мечетей. Мечеть в Мулловке, построенная в 1882 г., функционировала до лета 1935 г. В течение нескольких десятилетий, до самого ее закрытия имамом был Мингач Камалетдинов.

Религиозные традиции, однако, продолжали жить. После закрытия мечети основным местом совершения намаза в летний период становится лесок Каршы-урман.

В 1934 г. в мулловской школе училось 96, в 1935 г. – 117, в 1936 г. – 136 детей. Среди учителей следует отметить Анвара Кодрякова, Исмагиля Кагирова, Сахаба и Исхака Шариповых.

Перед войной в селе наблюдалось резкое увеличение рождаемости. Мулловка вместе с окрестными поселениями была прикреплена к Сухоаврал инскому фельдшерско-акушерскому пункту вместе с больницей.

…1930-е гг. – противоречивое время. Наряду с успехами народного хозяйства, подъемом жизненного уровня происходили жестокие репрессии. В круговерти репрессий погибли и многие уроженцы Мулловки: Мингали Абубакиров, Лукман Магдеев, Мирзажан Гайнуллин, Габдрахман Рязапов.

В этот период в стране происходила кампания переименований населенных пунктов. Мулловку руководители Куйбышевской области предложили переименовать в Октябрьское, но это название не прижилось, и очень скоро в употребление вернулось прежнее.

В годы Великой Отечественной войны многие жители села Мулловка

ушли на фронт, воевали в разных частях Красной Армии. По-разному сложились судьбы солдат, призванных на Великую Отечественную войну – одни погибли в бою и умерли от ран, другие вернулись с фронта инвалидами, третьи, проведя месяцы и годы в тяжком солдатском труде, под обстрелами и бомбежками каждый день смотрели смерти в лицо, теряли товарищей, но дожили до Победы… Были и те, кто попал в плен, испытал все ужасы фашистской неволи, а многие были замучены в концлагерях.

Не проходило и недели, чтобы в Мулловку не приходила горестная весть. Чаще всего – в дом, где жили Мардегалим и Гыйшкы Алиакберовы. В боях за Родину погибло трое их сыновей. Фалях и Мафруза Хисамутдиновы потеряли двух сыновей. Такие же потери понесли еще несколько семей. Всего же в Великой Отечественной войне погибло 75 человек, призванных из Мулловского сельсовета. Среди них Гимран Абдульманов, Зайнутдинов Ибрагим, Кимятов Фалях, Миникаев Хасян, Насыров Хайдар.

В 2015 г. в центре села по инициативе и на средства директора самарской строительной фирмы «ЭЛРИ» Шамиля Хисамутдинова был сооружен новый мемориальный обелиск в память о земляках, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Многие мулловцы, пройдя славный боевой путь, стали офицерами Красной Армии и были награждены орденами и медалями: Ибрагим и Салимжан Абдрашитовы, Ислям Абдряхимов, Кашаф Незаметдинов, Абзалетдин Узбеков, Шарифулла Сабитов. Боевых орденов были удостоены также Сахаб Шарипов, Минвали Галимов, Шамшетдин Измайлов, Шакир Валеев.

В суровые годы войны все колхозное хозяйство и все другие заботы полностью легли на плечи женщин, стариков и подростков. Солдатские жены и матери, каждый день с тревогой и одновременно с надеждой ожидая почтальона, день и ночь трудились ради победы. Трактористками стали девушки Вагиза Туктамышева, Харира Хайретдинова, Аниса Тимербулатова, ничуть не отставая от них, за рулем трудились14-летние мальчишки Каюм Рязапов, Давыд Мухаметзянов, Саитгерей Абдрашитов, Габдулажан Тазетдинов. Даже бригадирами стали женщины – Мугина Незаметдинова и Нурия Рахматуллина, а Мугина Туктамышева взяла на себя обязанности председателя колхоза. Сразу же после начала войны кладовщиком стал 70-летний Фалях Хисамутдинов.

Десятки женщин работали на ферме и в поле, убирали хлеб косами и серпами, а ночью запрягали своих коров и отвозили зерно в Ново-Буянский хлебоприемный пункт. Буренки – крестьянские кормилицы стали еще и основным рабочим скотом в колхозе, потому что на все большое хозяйство осталось всего 20 лошадей и 3 трактора.

9 мая 1945 г. навсегда вошел в историю как День Великой Победы. Война окончилась, солдаты возвращались с фронта – жизнь постепенно налаживалась…

1949 г. стал знаменательным в плане улучшения системы народного образования. Мулловская начальная школа уже не могла удовлетворить растущих потребностей села. Многолетние старания руководителей села и педагогов увенчались успехом, и областной отдел народного образования решил преобразовать местную

начальную школу в семилетнюю. Ее директором стал Саит Ганеев.

За короткий срок был собран педагогический коллектив, создана учебная база. Ново-Буянский райисполком выделил два барачных здания для оборудования пристроя к школе. Учащиеся старших классов были разных возрастов – от 12 до 17 лет. Мулловка серьезно засела за учебу. Тогда же в педагогический коллектив влились жена директора Халифа Ганеева (Нуруллина), Хеллия Узбекова, Аниса Мингазова, Дания Шарипова, Исхак Шарипов, Фатых Хакимов, Миниса Мингалимова, Равиль Усманов, Авхат Камалетдинов, Гельшат Мердеева. С военных лет продолжала работать Марьям Сафиуллина, в 1953-м – в школу пришел работать Габделахат Бикташев, в 1954-м – Минзада Муртазина.

Первый выпуск семилетки состоялся в 1952 г.

Особое место в жизни села занимал спорт. Участвуя в районных соревнованиях по лыжному спорту, неоднократно мулловские спортсмены периодически занимали призовые места.

Мулловский колхоз был одним из передовых в районе. На должности председателя плодотворно трудились Абзалетдин Узбеков, Зябих Рязапов, Амирхат Хайруллов, Наиль Мазитов, Рафаиль Салюков.

В 1966 г. было завершено строительство здания школы на 160 мест. Рядом с ней заложили фруктовый сад, который плодоносит до сих пор. За год до этого знаменательного события директором школы стал Ю. З. Зулькарнеев.

Как известно, самый главный результат педагогического труда – уровень знаний учеников, который во многом обеспечивает их дальнейший жизненный путь. Более 1000 мулловских мальчишек и девчонок получили необходимое образование, что помогло им стать настоящими гражданами своей страны. Среди добившихся особых успехов в жизни – директор строительной-монтажной производственной фирмы «ЭЛРИ», депутат Самарской Губернской Думы Шамиль Хисамутдинов, летчик морской авиации Нурахмет Узбеков, ветеран Вооруженных Сил СССР Накип Ахметов, генеральный директор предприятия «Самаратаксосервис» Нагим Феткуллов, главный архитектор Ставропольского района Ринат Бикташев, кандидат экономических наук, главный бухгалтер сталелитейного, затем и металлургического заводов Куйбышева Мухтасим Узбеков, профессор Куйбышевского медицинского института Касым Валеев, главный бухгалтер ряда промышленных предприятий Самары Ильдус Туктабаев, директор автотранспортного предприятия «Волгоэлекторомонтаж» Зиннур Зулькарнеев, кандидат военных наук, участник боевых действий на Северном Кавказе, полковник запаса Румиль Фахрутдинов, полковник в отставке Саит Хайруллов, подполковник Российской Армии Инсаф Хайруллов, в прошлом военный летчик, ныне успешный врач-стоматолог Наиль Каримов, подполковник МВД Авхат Шарафутдинов, бизнесмены Гумер Шамшутдинов, Амир Шарипов, Аняс Зулькарнеев, руководитель «Самарского сыскного бюро» Марат Валеев, начальник отдела ракетно-космического комплекса «ЦСКБ-Прогресс» Рауиль Нураев, следователь уголовного розыска Айрат Каримов, государственный инспек-

тор областного отдела контроля за землепользованием Фарид Кимятов и другие.

…Перемены 1990-х гг., в том числе разрушение аграрного сектора, непосредственно коснулись и Мулловки. Каждый из руководителей колхоза по-своему старался поправить положение. Но болезнь приобрела необратимый характер, и в итоге в упадок пришло все хозяйство, обветшали и разрушились хозяйственные постройки…

Сельскохозяйственную струйку в жизни Мулловки теперь поддерживают фермеры. Первопроходцем в этом направлении стал Амирхат Хайруллов, который еще в последние годы Советской власти смело начал осваивать новые методы хозяйствования и взял для обработки в аренду колхозные земли.

Его примеру последовали и братья Ильяс и Ильдус Давлетбаевы, Гусман Насыров, которым новое дело пришлось начинать уже в других, менее благоприятных условиях – сокращения финансовой господдержки.

По совершенно другому пути пошел директор ООО «Колос» Ильяс Фахрутдинов: он с каждым годом увеличивает посевные площади и объемы урожая с арендованных полей, его отрасль обеспечивает сезонной работой несколько жителей села.

В настоящее время в Мулловке, которая входит в сельское поселение Сухие Аврали (глава Наиль Хузин), насчитывается около 160 дворов, здесь проживает немногим менее человек, работает мечеть, построенная в 1993 г. Многие годы обязанности сельского муллы достойно исполняли заслуженные ветераны труда Амирхат Хайруллов, Каюм Рязапов, затем Гумер Валиахметов. Сейчас на этой ответственной должности работает выпускник самарского медресе «Нур» Ирек Насыров.

Теплый Стан

Село Теплый Стан расположено в Елховском районе Самарской области у истоков речки Кармалки. Этому населенному пункту посвящено немало материалов татарской периодической печати, а в 2001 г. вышла в свет книга на татарском языке «Тормыш агышы» («Река жизни»), автором которой стал любитель истории родного края Абдулла Насыров (в 2005 г. вышел вариант на русском языке).

Представляет большой интерес название села Теплый Стан. В отличие от многих других, односложных названий населенных пунктов, данный топоним состоит из двух слов – русского «теплый» и тюркского «стан». Согласно топонимической литературе, такое название было распространено в XVII-XVIII вв. и употреблялось со значениями «лагерь», «кочевье», «хутор на перепутье», а также «изба для обогрева в холодное, ненастное время».

Согласно преданию, село Теплый Стан было основано в 1563 г. По данной версии, после разгрома Казанского ханства, земли, на которых впоследствии возникло село, были переданы богатому человеку по имени Исмагиль. С ним прибыли еще три семьи, которые возглавляли Ибрагим, Шахбан и Салих. Таким образом, первыми людьми, обжившими данную местность, считались Исмагиль, Шахбан, Ибрагим и Салих со своими семьями.

Первая группа поселенцев была не менее 30 человек. Место, которое выбрали для поселения, представляло собой овраги. Поселенцы под руководством Исмагиля начинают создавать необходимые условия для постоя и отдыха купцов, путников.

Так возник Стан – в данном случае под ним подразумевалось большое длинное здание, где можно расположить несколько десятков лошадей одновременно. На левой стороне стана для кормления лошадей были сделаны желоба. В середине стана оставляли свободное пространство для загона и выгона лошадей. С правой стороны были специальные комнаты, где для отдыха стояли нары. Под нары складывали товары, которые везли с собой. Купцы и их слуги отдыхали в комнатах, расположенных напротив своих лошадей. Вначале стан был небольшим, потом его достраивали. Русские купцы, путники это место стали называть «теплое место» – «теплый стан».

Согласно другой версии, село возникло позднее – в XVII в., а точнее в 1682 г. (На эту дату указывает документ Центрального государственного архива Самарской области – ф.5, оп. 9, д. 107, л.47. – прим. Ш.Г.) Последнюю версию усиливает тот факт, поскольку именно в указанном веке происходила активная колонизация Самарского Заволжья. Село в этом случае было основано служилыми татарами.

Надо отметить, что эти версии совершенно не исключают друг друга и обе имеют право на жизнь. До фиксирования в официальных документах в 1682 г. деревня могла существовать в виде небольшого поселения в несколько дворов и жителей или,

как уже отмечалось, в виде почтовой станции, дорожного стана и не было населенном пунктом в привычном смысле слова.

В этой связи краевед Марат-ага Сафин (1931-2013 гг.) в свое время высказывал мысль о том, что на существование Теплого Стана и многих других населенных пунктов чиновники обратили должное внимание (и стали указывать в различных документах) только после крестьянских волнений последней трети XVII в., главным из которых было восстание под предводительством Степана Разина (1670-1671 гг.)

…В 1816 г. была проведена очередная ревизия – перепись населения. После нее окончательно был завершен переход жителей Теплого Стана из сословия служилых татар в удельных крестьян.

…Шли годы. Село разрасталось, увеличивалось количество его жителей. Некоторые из них стали весьма зажиточными. Так, в 70-е гг. XIX века в Теплом Стане своим богатством выделяются два человека. Это Нугман Вахитов, купец первой гильдии. Своими торговыми делами он был связан с Макарьевской ярмаркой, Казанью, Москвой, и даже с зарубежьем.

Нугман Вахитов построил в селе первый каменный дом, который в настоящее время является зданием сельского дома культуры. Еще рядом стоял «пятистенник», деревянный дом – здесь купец жил зимой. Стоящие там же 3 постройки из красного кирпича также принадлежала ему. С 1906 до 1917 гг. он скупил земли у односельчан площадью около 1000 га. В 1901 г. он построил в селе первую школу – медресе.

Второй богатый житель села – Садык-бай. Восточная сторона нынешнего магазина принадлежала ему. Этот человек также был купцом – занимался торговлей кожсырьем. Он вел торговлю с Казанью и Макарьевской ярмаркой, где продавал лошадей и шкуры животных и там же по оптовой цене покупал необходимые товары для населения и с выгодой перепродавал их в селе.

В 1880 г. из села Аллагулово (Грязнуха) в Сабакаевский приход (махаллю) на должность муллы прибыл Гильман Мухтаров. Он в доме старика Митая начинает обучать детей читать, учить азбуке. Методика обучения была очень простая: ученики повторяли наизусть все то, что говорил им мулла.

Жена муллы Махмуда-абыстай Мухтарова в 1898 г. организовала в своем доме учебу девочек – здесь занимались больше трех десятков человек. Как вспоминают старожилы, Махмуда учила только читать, поскольку писать девочкам тогда строго запрещалось. В те же годы жена муллы Ханафеева также начинает обучать чтению девочек в своем доме.

В просвещении теплостанцев заметный поворот происходит в 1898 г. Это связано с приездом из медресе Кизляу (Курманаево) Казанской губернии Валиахмета Сабирова, который был назначен муллой в махаллю под названием Мачинская мечеть. Купец Нугман Вахитов выдает свою дочь за Валиахмета, а когда она умерла – выдает замуж за него свою вторую дочь. Валиахмет, используя родственные отношения, просит у него построить школу-медресе для детей. Нугман-бай к юго-западу от Мачинской мечети построил в селе первую школу из двух классных комнат и одной небольшой комнаты для учителя-муллы. Учителями в этой школе стали работать слепой Сафиулла Сулейманов и человек по имени Абдеряш.

Осенью 1917 г. в школе появились новые учителя, которые стали обучать совместно девочек и мальчиков. Учителями здесь были Ханяф Насруллин, Ибрагим Гильманов, Шакирзян Мердеев. В 1919 г. начинают работать новые учителя Зиннат Нуруллин и Гайша Вахитова, в 1920-1921 гг. – Хадия Емеляева, Марзия Биктимирова, а в 1922-1924 гг. – Эфтябруй Галяков, Герей Губайдуллин, Вали Рахимов.

О мечетях села Теплый Стан. Сведения касаются только периода, начиная с XIX в. В 1827 г. была построена мечеть, которая функционировала около 20 лет и в 1847 г. сгорела.

Как известно, между Самарой и Кинелем в XVIII – XIX вв. существовала татарская казацкая слобода – Мочинская. В ней было две мечети. Когда татарских казаков решено было перевести в состав Оренбургского войска и им предстояло изменить место жительства, они одну из своих мечетей решили передать Теплому Стану – это произошло в 1840 г. Богатый человек из Казани по имени Айтугай решил оказать помощь – запряг 70 пар быков в ридваны и при помощи украинцев, живших в Водинке (близ Самары), перевез мечеть в Теплый Стан.

Оставалось получить разрешение от Магометанского духовного собрания на постройку вышеуказанной мечети на новом месте. Получив «добро» и план постройки, мечеть возвели в Теплом Стане и открыли в 1843 г. Эту мечеть и сегодня жители села называют Мочинской, расположена она в центре села на северной стороне.

В 1873 г. была построена деревянная мечеть, а в 1893 г. эта мечеть сгорела. В 1895 г. было решено построить новую мечеть – каменную. Жители села на общем сходе выделяют 400 десятин земли, и все доходы собранного с них урожая шли на строительство мечети. Так как не хватало средств, строительство мечети шло медленно, и лишь в 1904 г. оно было завершено. В 1905 г. плотники установили минарет, тем самым закончив полное строительство каменной мечети.

В 1921 г. наступило одно из самых тяжелых, драматических событий, связанных с засухой в Поволжье, уничтожившей весь урожай, что впоследствии привело к голоду. В Теплом Стане из-за нехватки хлеба и других продуктов многие жители, как старики, так и молодые, умирали медленной смертью. Доведенные до отчаяния люди теряли человеческий облик. В это время было зафиксировано два случая людоедства – родители съели своих детей! От голода в 1921-1922 гг. умерло несколько десятков человек, в том числе 64 ребенка.

В этом же году в селе случилось 13 пожаров, было уничтожено 318 домов.

Чтобы спастись от голодной смерти, люди уезжали в Среднюю Азию. Но из-за большого наплыва беженцев многих и там ожидала смерть– от дизентерии и других болезней.

…Первыми председателями теплостанского сельского совета являлись Минсафа Лукманов, Мотыгулла Полутаев, Имаметдин Мустаев.

Первыми руководителями колхоза были Николай Абрамов, Гарифулла Ибятов, Шакир Латыпов.

В годы Великой Отечественной войны многие жители села ушли на фронт. 323 человека приняли участие в войне, из них 166 погибли. Среди погибших – Султангали Шарафутдинов

(сгорел в танке в бою под Сталинградом), Герей Абдуллов, Ибрагим Баширов, Махмут Кабиров и другие.

Многие участники войны были награждены боевыми орденами и медалями. Боевой летчик, кавалер ордена Красной Звезды Гата Сатдаров 24 июня 1945 г. участвовал в Параде Победы на Красной площади.

Еще один участник войны Абдулла Насыров после войны был связистом в Нюрнбергском дворце правосудия – на суде над главарями гитлеровской Германии. После демобилизации он долгое время работал директором школы теплостанской средней школы.

Несколько человек стали инвалидами Отечественной войны, как, например, Исхак Сатдаров – он вернулся домой в 1943 г. после ампутации ноги, всю жизнь проработал в селе.

После Великой Отечественной войны село Теплый Стан, как и вся наша страна, переживала период наиболее поступательного развития. Особенно успешным периодом стали 60-70-е гг., когда председателем колхоза здесь работал известный организатор и руководитель сельскохозяйственного производства Бурхан Абузяров. В это время хозспособом было построено большое количество объектов хозяйственного и социально-бытового назначения. Именно тогда сельхозпредприятие стало высокорентабельным и называться «колхозом-миллионером».

После Б. И. Абузярова колхозом «Теплый Стан» руководили Масхут Киямов и Рифкать Харисов.

Пять юношей из Теплого Стана выполняли интернациональный долг в Афганистане. Один из них – Гильманов Хусаин погиб, не дожив до своего 20-летия. Как вспоминают жители села, он был самым обыкновенным парнем: родился и вырос в Теплом Стане, там же учился в школе. И отсюда повестка позвала его в дальнюю дорогу. Провожать парня пришли родные, друзья и многие односельчане. Прощаясь с ними, Хусаин Гильманов сказал: «Дорогие земляки, родные друзья! Всем вам большое спасибо, что пришли нас провожать. Я буду служить честно и добросовестно в нашей славной армии. Если потребуется, буду сражаться так же, как сражались наши отцы и деды на фронтах Великой Отечественной войны. Мы не запятнаем честь односельчан, района и области!». За стойкость, отвагу и мужество, проявленные в бою, Хусаин Гильманов Указом Президиума Верховного Совета СССР посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Ярким свидетельством любви теплостанцев к малой родине, их верности обычаям и традициям предков является участие в религиозных национальных мероприятиях. Например, в 2004 г. их силами за три месяца была восстановлена сгоревшая мечеть в восточной части села.

С Теплым Станом связана биография многих известных людей: это – доктор исторических наук, профессор Джамиль Ибрагимович Гильманов, доктор филологических наук, профессор Ибрагим Зиннятович Нуруллин, кандидат экономических наук, «Заслуженный экономист РСФСР» Гарифзян Нигметович Насыров (все они были участниками Великой Отечественной войны), врач, один инициаторов создания ансамбля «Ялкынлы яшьлек» Шамиль Галиевич Сатдаров, ветеран ленинградской милиции, подполковник Габдулла Лотфуллович Латыпов, председатель совета депутатов и глава Промышленного района города Самары Минахмет Мидехатович Халиуллов, председатель татарской национально-культурной автономии г. Самары, депутат Думы городского округа Самара Ривгать Туктарович Хузин, президент Самарского областного татарского общества «Туган тел», доктор экономических наук, профессор Ильяс Гумерович Шакуров, доктор сельскохозяйственных наук Исмагиль Насибуллович Хакимов, директор ЗАО «ВолгоПродМонтаж» Талгат Туктарович Хузин, доктор медицинских наук Ильдар Гумерович Шакуров, председатель совета Самарской Соборной мечети Джаудат Валиахметович Шарапов, организатор народного образования, ныне – предприниматель Исмагиль Лотфуллович Латыпов и другие.

Согласно последним данным, в селе Теплый Стан насчитывается 326 дворов, численность населения составляет 606 чел. В том числе:

- пенсионеры – 213;

-люди трудоспособного возраста – 312;

- учащиеся до18 лет – 81 чел.

Работают два магазина и сельский Дом культуры, школа.

В настоящее время функционируют три мечети, в которых в должности имам- хатыбов служат Хайруллин Шакир Шафигуллович, Муталапов Туктаргали Минвалиевич, Гиматдинов Наиль Гайнетдинович. Администрацию сельского поселения возглавляет Зайдуллин Минехат Саитгалиевич.

Основным занятием сельчан является ведение своего подсобного хозяйства. На территории села Теплый Стан работают 3 сельскохозяйственных предприятия: ООО «Игенче», ООО «Агро-Самара» и КФХ А. Ш. Юсупова

КАМЫШЛИНСКИЙ РАЙОН

Балыкла

История основания села Балыкла корнями уходит в далекое прошлое. Здесь в разное время жили народы разных национальностей. Об этом говорят мокша-эрзянские могилы и предметы, случайно найденные при сельхозработах, чувашско-болгарская топономика (речка Шарлама, в переводе – болото) и чувашско-булгарские захоронения.

В селе и сейчас живет немало потомков первых поселян. Это их предки переселились сюда по Указу царя 1652-1656 гг. для обеспечения продовольствием строителей Новозакамской укрепленной линии. Первые 5 дворов основаны в 1650-1660 гг. на речке Шарлама (Шерламе, Шарламабаш), а позже поселение было названо Давыдкино (РГАДА, ф. 558, оп, 2, д. 295, ф. 1355, оп.2, д. 1876, Ф. 350, оп.1, д. 440, ф-350, оп. 2, д. 3792).

В 1697-1695 гг. Кодрак Мурза Ишайев сын Мамин за верную службу царю получил в этих краях 282 десятины земли и 33 рубля деньгами и обосновался в Балыкле. Также из Пензы сюда переселился один из братьев князей Ангалышевых – Абдульман со своей семьей и единоверцами Ягудиными, Низамиевыми, Галлямовыми, Муллабаевыми, Гиматдиновыми и др. При-

чиной переселения явилось то, что он не смог простить брату того, что тот добровольного принятия им крещения. Это произошло в 1699 г., о чем говорят записи предков Ангалышевых.

По материалам ЦГИА республики Башкортостан, в этом селе жили люди по фамилии Чепчик (Воробей) и человек по имени Даут. П. Н. Рычков писал в дневниках, что Даут (Давид) – сын Мурзы Минкина Касаевича, вышедшего из Золотой Орды. Возможно, именно он считается основателем села или дал свое имя деревне Давыдкино. Он служил Великому князю Василию Дмитриевичу и принял при крещении имя Симеон. В селе Давыдкино (Балыкла) получил землю и выходец из Свияжского уезда Казанской губернии Гавриил Давыдов (1727-1774 гг.). Они со своими сподвижниками Юсуфом Ангалышевым и Аитом Уразметовым собрали ополчение из крестьян и воевали на стороне правительственных войск при подавлении Пугачевского бунта. Позже они стали выступать на стороне притесняемых помещиками крестьян, попали в плен к генералу Миллеру и Ангалышев был повешен.

Из других источников, согласно материалам Генерального и специального межевания по Самарской губернии, основателями или давшими название селу Балыкла являются ясачные и служилые крестьяне, переселенные из одноименного села Арского уезда Казанской губернии (РГАДА, ф. 1334, оп. 1, д. 86-1).

По сведениям Российского госархива, наиболее ранние сведения о селе Давыдкино (Балыкла тож) обнаружены в «Экономических примечаниях к планам Генерального межевания Бугурусланского уезда». Там приводятся сведения, что к середине 1790 г. в Давыдкино было 46 ясашных и 23 служилых двора. Первых было 158 мужчин и 158 женщин, а служилых 28 мужчин и 32 женщины. А в середине XIX века в деревне было уже 143 двора, в которых проживало 473 мужчины и 501 женщина, а также имелась мечеть.

По данным Центрального государственного архива Самарской области в 1889 г. деревня уже имела одно название – Балыкла и входила в Байтуганскую волость. Проживали там татары в количестве 1548 человек. В деревне имелась соборная мечеть, построенная в 1870 г. (по другим источникам в 1859), магометанская школа, водяная мельница, был развит рогожинный промысел. Известно, что с 1841 г. имам-хатыйбом и муаллимом служил Идрис Ихсанов, в 1885 г. указным муллой был утвержден Ахметшакур Абдуллин. Были еще указные муллы Шигабетдин Мигманов, Заки Мустафин и Саяр-мулла

К 1910 г. количество дворов увеличилось до 397 с населением 1894 человека. Была открыта еще одна школа и мечеть. Имелось 5300 десятин земли.

Есть сведения, что в 1919 г. Балыкла находилась на переднем фронте борьбы красных и белых и переходила из рук в руки. В доме Закира Вахитова был сначала штаб красных, потом белых. Была и перестрелка, в которой было убито 12 человек с обеих сторон. Сельчане похоронили всех в одну братскую могилу и огородили частоколом. К 50-летию Советской власти балыклинцы поставили памятник этим жертвам революции.

В 1928 г. дворов было уже 434 и проживало там 2272 человека. Основным промыслом сельчан было земледелие и скотоводство.

Весной 1929 г. из 14 хозяйств был организован совхоз-артель «Кызыл кряшче» («Красный борец») под председательством «двадцатипятитысячника» Сабира Мухтарова. Потом еще здесь организовывались колхозы «Путь Ленина» и им. XXII партсъезда. Колхозники работали с большим усердием, и часто колхоз в районных сводках числился в передовиках. Минахмет Хамзин, Вали Вахитов, Фарит Абаттаров, Рашит Билалов, Равиль Галиев, Хабибнур Харисов, Хабиб Нигматуллин, Зават Фатхутдинов, Файзулла Байбеков и Загфар Сибагатов были награждены орденами Советского Союза.

Первая советская школа под соломенной крышей была построена 1923 г. Там обучалось 20 мальчиков. Учителем у них был Гали Ягудин из Камышлы. В 1928 г. была построена школа-семилетка на 200 учащихся, а с 1967 г. она стала десятилетней. В 1974 г. по инициативе колхозников и председателя колхоза Х. Б. Нигматуллина хозспособом была построена кирпичная школа. Фундамент его закладывался при директоре А. В. Вагазове Первой учительницей с высшим образованием была Зифа Хасиятуллина из Казани, директорами в разное время работали Рафика-апа, Шамов, Ф. Ш. Шафигуллина, Т. З. Марданов, М. К. Хусаинов, Н. М. Ганиев, Ф. И. Манжукова, Т. Н. Абсаттарова.

136 балыклинцев из 230 ушедших на войну погибли на полях Великой Отечественной войны. А такие герои, как Зуфар Зайнутдинов, Марданша Ахметшин, Газиз Ахметов, Вали Насыров, Саляй Галимов, Бакир Багаутдинов, Исмагиль Сулейманов и другие вернулись героями, с наградами Советского Союза разной степени. Надо отметить, что 11 человек из призвавшихся воевали в звании офицеров Красной Армии.

В 2000-е гг. в горячих точках на Кавказе воевали Руслан Юсупов, Ра-

фаэль Рахматуллин, Расиль Юсупов, Ильдар Насыров, Евгений Борисов, Рамиль Хусаинов, Марат Каюмов, Ильфат Шайхутдинов, Рамиль Сафиуллин, Фархутдинов. А Рустам Гиззатуллин и Руслан Усманов участвовали в событиях в Косово. Но самым знаменитым бойцом считается участник трех войн Хамидулла Аглиуллин.

Сейчас в Балыкле имеются 283 двора, 71 из них нежилые. На учете состоит 597 человек, но многие работают в городе. До последнего времени существовал колхоз «Правда» зарегистрированный в 1993 г., но в 2016 г. его земли стал обрабатывать инвестор «СИНКО». Имеется один фермер Р. М. Хамзин, который работает с сыном и братом. Остальные жители держат крупный рогатый скот (66 голов коров), разводят гусей и другую птицу.

Поселок Бузбаш

Поселок Бузбаш возник в результате отделения части населения от села Камышла.

Летом 1911 г. в Камышле случился очередной большой пожар, при котором сгорело 315 дворов (из 620). После пожара было принято решение о том, что часть жителей, пострадавших от стихийного бедствия и пожелавших переселиться, могут обустраиваться на новом месте.

Постепенно на территорию поселка переселялись и другие камышлинцы, в основном те, кто отделялся от родителей. Земельные наделы для новых семей были отведены вдоль реки Сок.

Название поселку дала речка Бузбаш (от тат. «боз» – лед, т.е. «ледяное начало»). Вода в родниках, питающих эту речку, была студеная, что и послужило основой для его названия.

Постепенно образовались улицы Восточная, Родничная, Новая, а через речку – улицы Западная и Дружбы. Здесь приводятся современные названия улиц, которые были даны во второй половине XX в.

Основным организатором и идейным вдохновителем, агитатором и первым переселенцем на новое место был Шайхутдин Гилязетдинович Гилязов (умер в 1968 г.), который обосновался в конце ул. Восточной. Из потомков Гилязева Шайхутдин живы сын Набиулла (обосновался в г. Чапаевске), и внук Шайхутдинов Наиль Жагфарович, который проживает в Камышле.

В числе первых переселенцев были также братья Минахмет, Шаяхмет и Хузиахмет Валиахметовы. На другую сторону реки переселились и братья Гаттар, Минзакир, Гайнелгата Абраровы. Их внуки и правнуки тоже живут в Камышле.

В 1926 г. в новом населенном пункте была построена мечеть.

В 30-е гг., как и по всей стране, в поселке Бузбаш начался процесс коллективизации. К счастью, ни одну семью не сослали, бунтов среди населения не было. А вот раскулачивание, как неотъемлемую часть коллективизации, пришлось пережить и жителям поселка Бузбаш. Здесь жили трудолюбивые люди, потому и зажиточные по тем временам. Крестьяне из этой категории – Валиахметовы, Хуббатовы, Сафиуллины, Шакуровы, Абраровы были, против своей воли, вынуждены вступить в колхоз и делиться имуществом с отсальными членами артели, и тем самым миновали карательных мер со стороны властей.

Первым председателем колхоза был Галлям Шайхутдинович Халимов, выходец из села Камышла. В 1933-1940 гг. председательствовал Миргасим Хакимович Ханнанов. Он родился в 1898 г., стал одним из первых комсомольцев 20-х гг. Был демобилизован из Красной Армии по ранению, с началом колхозной кампании направлен партийными органами в п. Бозбаш председателем колхоза.

Колхоз «Октябрь», как самостоятельный коллектив, просуществовал до 1953 г., после чего его объединили с колхозом имени Молотова села Камышла.

Первым медицинским работником в поселке стала Яниахметова Зайтуна, первыми учителями – Амина и Загир Загировы. Во время Великой Отечественной войны в армию было призвано 87 человек – 41 из них погибли, 46 вернулись домой…

Из событий последних десятилетий следует отметить восстановление мечети в 2005 г. Инициаторами этой работы стали Талгат Хамидуллин, Карим Заляев, Бары Хуббатов, Минсахи Валиахметов, Минсагит Салахов, Сайфулла Шарифуллин, Мингали Давлетшин.

Ныне в поселке Бузбаш проживает 157 человек, из них трудоспособных – 66 человек, пенсионеров – 70, детей –19. Из объектов соцкультбыта функционирует сельский клуб. Основной вид деятельности – сельское хозяйство. Существует также крестьянское фермерское хозяйство Ф. М. Мухаметзяновой. Основная масса трудоспособного населения зарабатывает на жизнь за пределами поселка.

Давлеткулово

Село Давлеткулово, которое находится в одном из самых живописных уголков Камышлинского района, в 1920 г. возникло при следующих обстоятельствах.

…Осенью 1919 г. в селе Камышла случился очередной большой пожар, от многих хозяйств остался один пепел. Те, чьи дома сгорели, пришли к решению, что надо начинать хозяйства сначала и обосноваться на новом месте.

Один из погорельцев, Абугали Шавалиев, отправляется в Самару с ходатайством от имени земляков, к губернским властям и получает разрешение выделиться в отдельный поселок.

Новую деревню решили строить в 7 километрах от родного села. Уже через год чуть выше по течению реки Камышлинки стояли 82 новых дома, а 18 декабря 1920 г. сюда переехали 450 человек. Из них 187 человек старше 20 лет, а 263 человек – молодежь до 20 лет.

Вот имена первых переселенцев: Галялетдин, Шайхутдин Хайрутдиновы, Абугали, Шакургали Шавалиевы, Лотфулла, Мингаряй, Гайфулла Сагидуллины, Гайфулла Гиззатов, Габделгазиз Гарипов, Кашафетдин Мансуров, Фасиха Фаттахова, Шайхутдин Шатдинов, Шайхутдин, Фаляхутдин, Мингали Рафагутдиновы, Миргабизян, Мубаракша, Надерша Фаретдиновы, Гарифулла, Мингали, Минлесалим Гилязовы, Шайсултан, Махмутсултан Биктахировы, Нургали Шавалиев, Гайфутдин Рафагутдинов, Набиулла Аглиуллин.

27 ноября 1920 г. состоялось первое собрание жителей села, в котором участвовало 52 человека. Председателем собрания был избран Нургали Шавалиев, секретарем – Гали Ахметов. Обсуждались разные вопросы сельской жизни, в том числе и о том, что новое село нуждается в мулле. На эту должность сельчане единогласно выбрали Хариса Сафуанова, жителя соседнего села Новое Усманово, который, отслужив 7 лет, недавно пришел из армии. Сафуанов переехал в Давлеткулово и, наряду с выполнением своих прямых обязанностей, начал записывать сведения о жизни нового населенного пункта.

Весна и лето 1921 г. выдались сухими и жаркими. Хлеб не уродился, трава «сгорела» даже на заливных лугах. Страшный голод в Поволжье не миновал, конечно, и Давлеткулово. Было немало случаев, когда люди умирали от голода…

В 1922-1923 гг. давлеткуловцы, как и крестьяне других сел, собрали хорошие урожаи, что позволило преодолеть последствия голода. Сельчане активно начали разводить скотину, и село начинает процветать.

В 1929 г. в Давлеткулово образовался колхоз, в который вошли первые 14 хозяйств. Председателем колхоза крестьяне выбрали Мухамматвали Хузиева. В 1930-1931 гг. к ним присоединились еще 16 хозяйств. Артели дали название «Кызыл Куч» («Красная сила»), возглавил ее Давлетша Надыршин.

В 1932 г. хозяйство продолжает крепнуть, и по всем показателям вышло в передовые. Об этом говорят материалы районной газеты того времени. Например, в номере от 30 мая 1934 г. районная газета писала, что колхозу «Красная сила» вручено переходящее Красное Знамя Самарского краевого комитета ВКП (б) и крайисполкома, а передовые колхозницы Минжихан Фарукшина и Минниса Биктагирова награждены денежной премией в размере 80 рублей каждой.

В 1935 г. председатель колхоза Мухамматвали Хузиев и Шахида Гарипова едут в Москву на второй Всесоюзный съезд ударников-колхозников представлять самый татарский район Куйбышевского края.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Из села Давлеткулово на фронт уходят 77 человек, из них 43 не вернулись с войны.

Послевоенные годы были очень трудными. Только со второй половины 50-х гг. в колхозе появилась возможность строить новые дома и хозяйственные объекты. В 1952 г. председателем давлеткуловского колхоза стал Нурсахи Камилов. За 4 года его работы хозяйство по основным отраслям – животноводству и растениеводству стало одним из передовых в районе.

В те годы колхоз «Красная сила» объединял два села – Давлеткулово и Юлдуз. В Давлеткулово проживало 442 человека. 278 из них трудились в колхозе. Из 2094 га земельных угодий пахотными являлись 1357 га.

В ноябре 1957 г. колхоз «Красная сила» был присоединен к колхозу «Новая жизнь». В 1962 г. к ним присоединяют и колхоз «Октябрь». «Новая жизнь» переименовывается в колхоз «Мир», а Давлеткулово становится его 4-й бригадой.

Период укрупнения сельскохозяйственных предприятий оставил глубокий и тяжелый след в истории малых сел. В начале 60-х гг. в Давлеткулово насчитывалось 115 домов, а в соседнем поселке Йолдыз – 56. Но когда главное внимание государства переключилось на развитие центральных усадеб колхозов, начался отток на-

селения из так называемых «неперспективных» деревень. Молодежь, в первую очередь механизаторы, стала переезжать в райцентр, а этим двум селам грозило вымирание.

Так оно и случилось: в 1976 г. перестал существовать поселок Юлдуз. Та же участь могла постигнуть и Давлеткулово. Председатель колхоза «Мир» Сазит Галимуллин приложил много усилий, чтобы не допустить такой ход событий. В первой половине 1980 гг. в 4 бригаде строится большой гараж, животноводческий комплекс, клуб. Село воспрянуло духом и снова начало жить надеждами на будущее.

Но грянула перестройка и страна погрузилась в хаос. Уже в 1990 г. в Давлеткулово насчитывалось всего 67 домов, где проживало 76 человек, 37 из которых – дети.

В 1995 г. начались перемены к лучшему: в село провели газ, проложили асфальтовую дорогу. Но Давлеткулово постигли те же проблемы, что и другие села. В результате молодежь в поисках работы еще активнее стала уезжать в большие города, откуда она, как правило, не возвращалась.

…В 2000 г. в Давлеткулово организовался новый колхоз. Его руководителем стал молодой специалист Фанис Гиззатов. При нем снова наблюдается подъем хозяйства. Но опять ненадолго, общие проблемы экономики страны оказывают на маленькое сельхозпредприятие негативное влияние. Ф. Гиззатов был вынужден оставить должность, земли перестают обрабатываться, а ферма распадается. Тогда же закрываются продовольственный магазин, медпункт и школа.

Единственное здание, восстановленное за последнее время в Давлеткулово, – мечеть. Это красивое сооружение было построено еще в 1925 г. на деньги, собранные народом. В советские годы здание передавалось в распоряжение разных организаций, но дольше всего служило медпунктом. В 1990 г. мечеть снова открыла свои двери. После того, как первый мулла Зиннатулла-хазрат Хайбрахманов ушел в мир иной, его место занял Фаляхутдин Инсапов. После него обязанности имама исполнял Мухаммат Валиахметов. Село как будто ожило – и стар, и млад стали посещать мечеть.

В 2001 г. мечеть была отреставрирована с помощью Регионального Духовного управления мусульман Самаркой области. Оказали большую помощь также и выходцы из села – Рафис Гиззатов, Радик Дарземанов, Равиль Сагидуллин, Агдас Гиззатов.

Новое Ермаково

Село Новое Ермаково расположено на правой стороне реки Сок, которая берет свое начало в Оренбуржье, течет с северо-востока на юго-запад и впадает в реку Волгу.

Оно, как сообщает архивный документ 1882 г., было основано в 1781 г. (ЦГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 109, л. 21). Сюда из села Старое Ермаково первыми переселились две семьи – Яриахметовы и Аглиуллины. Потом к ним присоединились еще несколько семей. Новая деревня получила название «Новое Ермаково». В архивных документах XIX в. при этом употребляется второе название «Утар елга».

Кровавые события начала XX в., связанные с революцией, Первой мировой и гражданской войнами, коснулись всей страны, включая самые маленькие ее уголки. Такие жители Нового Ермакова, как «нижние чины» – рядовые российской армии Хаммат Хусаинов (1896 г.р.) и Инсаф Низамов, не один год воевали на фронтах, как раньше говорили, германской войны. Еще один фронтовик – Вафа Абдеев (1901 г.р.) – командир отделения 26 Туркестанского полка в г. Черкассы после демобилизации стал на родине активным строителем новой жизни.

В 1927 г. образовалась активно работающая комсомольская организация, в составе которой состояли Ф. Гарипов, К. Сабитов, Х. Юсупов, М. Якупов, Н. Галлямов, М. Сабитов, Х. Диндаров …

Когда в 1929 г. в Новом Ермакове началась коллективизация, крестьяне сначала объединились в два колхоза, которые через несколько лет были слиты в один. Тогда в селе народу жило много, соответственно было и много рабочих рук, поэтому их хватало на организацию четырех бригад. История зафиксировала многочисленные примеры добросовестной работы колхозников на полях и фермах. Бывали случаи, когда земледельцы, чтобы выйти в передовики, запрягали лошадей и выходили на пахоту или боронование даже ночью.

До 1930 г. в селе было две мечети. Одну из них, самую красивую, что стояла в центре села, плотники из Казанской губернии построили незадолго до этого – в 1914 г. В 1938 г. по приказу властей был спилен ее минарет. С этого дня здание мечети служило зерновым складом. В 1950 г. здесь разместили сельскую библиотеку, тут же проводились партийные собрания и другие подобные мероприятия.

Вторую мечеть разобрали и из ее бревен построили сельский клуб, где были также изба-читальня, правление колхоза, медпункт и радиоузел.

Во время Великой Отечественной войны на фронт было призвано 176 человек, 90 из них не вернулись. На 1 января 2017 г. в Новом Ермаково остался только один живой участник войны – Ризатдин Мифтахов.

В годы войны в глубоком тылу случилось множество трагических событий, в их числе эпидемии септической ангины 1943 и 1944 гг. Новое Ермаково больше пострадало в сорок третьем. В тот год десятки жителей села, употребивших отравленный хлеб, умерли, в том числе несколько семей целиком.

Несмотря на то, что в советское время, начиная с 30-х гг. в селе не было мечети, религиозная жизнь не прекращалась. Намазы и другие мусульманские обряды проводили уважаемые в Новом Ермаково люди, верой и правдой служившие богоугодному делу. В послевоенный период, в 50-е гг., обязанности сельского муллы исполнял аксакал по имени Закир, позже и до эпохи демократии и возвращенной религиозной свободы – Шамсутдин Мифтахов, Ахат Гиниятуллин, Хазиахмет Габдрафиков, Рамис Гафуров, Рахимзян Мифтахов, Хамит Хусаинов, Раис Валиахметов.

Первая советская школа была открыта в здании бывшего медресе при мечети. В 1959 г. восьмилетняя школа разместилась в новом здании. Директорами школы работали Магсум Хисматуллин, Миргабизян Рахимов, Акрам Багаутдинов, Ринат Нуриев. Затем Новоермаковская школа стала филиалом Староермаковской средней школы.

В 1963 г. новоермаковский колхоз имени Коминтерна объединили с соседним староермаковским. И так работали до 1988 г. в качестве третьей бригады объединенного колхоза. Потом было решено выделиться в самостоятельное хозяйство – колхоз «Родина», который возглавил Дамиль Хасаншин, а после него – Халит Шайдуллин.

Во время председательства Д. Хасаншина было построено 8 объектов – 3 кирпичных дома, кормоцех на ферме, автовесы, машинно-тракторные мастерские, складские помещения. Был проведен газ для населения, водопровод, проложена асфальтированная дорога, обновлена электролиния. А в 1990 г. была построена школа в комплексе с детским садом.

В 1989 г. началась реконструкция здания мечети: заново возвели минарет, покрыли крышу. С тех пор мечеть является духовным центром села, объединяющим верующих людей.

В 2005 г. за восстановление хозяйства взялся инвестор, уроженец села – Хайдар Сафиуллин. Он вложил свои средства в развитие сельхозпредприятия. Жизнь села оживилась: начали работать инкубатор, птицеферма. Но этот процесс продолжался только 6 лет, после чего работы сошли на нет.

Из стен новоермаковской школы вышли такие замечательные люди, как доктора биологических наук Ильяс Шайдуллин и Хайдар Сафиуллин, сотрудники органов внутренних дел Раис Арсланов, Минсалих Валиахметов, Ким Диндаров, Табрис Гатауллин, Рамис Арсланов, офицер Советской Армии Ильдус Ибатуллов, специалист сельского хозяйства Минахсан Сагиров и многие другие.

В «горячих» точках выполняли воинский долг новоермаковцы Рамиль Хаматшин, Ильсур Сабитов, Руслан Шарафиев, Анвар Хабибуллин, Ринат Ахметов и Руслан Файзуллин.

По состоянию на начало 2017 г. в селе имеется 170 дворов, проживает 428 человек, 81 из них люди преклонного возраста, 156 – трудоспособны, 74 – люди с ограниченными возможностями, 30 – дети дошкольного возраста, более 40 человек обучаются в вузах и других учебных заведениях.

В селе имеется два магазина, фельдшерско-акушерский пункт, филиал Староермаковской школы, клуб и в нем библиотека с фондом 7000 книг. С 50-х гг. прошлого века до 2015 г. почтальонами в селе служила династия Валиевых – Гата, Бадар, Амина. Лишь в последние два года почтальоном работал Шарипова Альфия. После того, как в селе провели газ, долгое время газовиком работал Габидуллин Нурсахи, теперь Мифтахов Рафгат.

На сегодняшний день в Новом Ермаково осуществляют деятельность три фермерских хозяйства в качестве индивидуальных предпринимателей: ИП «Габидуллин», ИП «Гатиятов», ИП «Пулатханов». Два первых обрабатывают землю, выращивают культурные растения, третий специализируется на выращивании крупного рогатого скота мясной и молочной пород.

Основная часть населения живет на средства, добываемые в личном подсобном хозяйстве: выращивают овощи, содержат скот. В селе много пасечников, реализующих качественный мед. Летом помногу выращивают гусей и другую домашнюю птицу.

С 2013 г. в Новое Ермаково стали прибывать мигранты узбекской национальности из Республики Кыргызстан. Местный народ принял переселенцев равнодушно. С тех пор живут здесь люди разных национальностей, но одной веры, которая их объединяет.

Новое Усманово

Точная дата возникновения села Новое Усманово неизвестна. Только существует легенда, что в начале XVII в. человек по имени Усман, живший на земле, где сейчас расположено село Старое Усманово, потерял лошадей. В поисках он добрел до реки Сок. Здешние места ему так понравились, что он, недолго думая, вместе с тремя сыновьями перебрался на правый берег реки Сок и обосновался на горе Торым тау («Гора для стоянок»).

По данным из книги историка Л. Балтаева « Еллар һәм язмышлар» («Годы и судьбы»), которые требуют дополнительного анализа и подтверждения, временем основания села значится 1762 г.

В начале здесь было три дома, поэтому старожилы окрестных сел называли это место Эч иле авылы – деревня Три дома. У основателя села на новом месте дела пошли на лад, хозяйство расширялось, понадобились дополнительные рабочие руки. Стали нанимать работников из Пензенской, Нижегородской и других губерний. Для них местное общество выделяло земельные наделы.

Уже в середине XVII в. в селе жили башкиры, татары, и мишари. Та часть села, где поселились башкиры (так называемое Старое село), называлась Ямангулово (в архивных документах употребляется вариант «Емангулово» – прим. Ш. Г.). Восточная сторона села, где в основном жили татары, в том числе и мишари, называлась Яхшыгулово. Со временем, с ростом населения, эти села соединились. Село стало называться Новое Усманово.

Одной из достопримечательностей села является «Родник святых». Его появление связано с тем, что в давние времена при эпидемии тифа в деревне в мучительных страданиях умерло очень много людей. Среди них было несколько проповедников, которые незадолго до этого поселились в Новом Усманово. В народе их называли святыми, хоронили этих людей отдельно, на высокой горе. Соответственно и родник, бьющий здесь, получил название «Родник святых». Эти погребения в настоящие время аккуратно огорожены, и народ называет их могилами святых.

Было время, когда в Новом Усманово действовали четыре мечети и при них медресе. Но до настоящего времени сохранилась только одна – центральная.

В 2013 г. на этом объекте на средства ООО «Байтуган сервис» (генеральный директор Зарипов Рамиль Талгатович) была сделана реконструкция.

Здесь можно привести некоторые цифры XIX в. по народонаселению:

- 1870 г., всего населения –1138, из них татар – 561, башкир – 567 душ.

- 1872 г., государственных крестьян 272, башкир 202 души мужского пола

- 1882 г., дворов было 212, жителей: татар – 601, башкир-549, всего 1180, грамотных – 1.

…В 1885 г. один русский псаломщик по фамилии Аввакумов из села Михайловка Мензелинского уезда неосторожно высказался по поводу переписи населения и сборов налогов, называя это началом работы по крещению магометан. Весть быстро разошлась по округе, и в нескольких татарских селениях Бугульминского уезда начались волнения. После принятия властями разносторонних мер, волнения вроде бы утихли.

Но вскоре в селе Новое Усманово разгорелся новый бунт, связанный с кампанией по переписи владельцев скота. В село приехал сам самарский губернатор А. Д. Свербеев с военной командой, но, несмотря на угрозы и наказания, народ категорически воспротивился описи скота и уплате налога за него – население под влиянием местных агитаторов считало, что губернатор прибыл крестить их… В селе объявили военное положение, было запрещено собираться на улице, многих заставляли стоять на коленях на горохе и гречке, запирали в сарае, не давали пищу, воду, применяли силу. В итоге в наказание новоусмановцев и в назидание другим селениям весь скот села Новое Усманово был угнан, продан на рынке Кинель-Черкасской слободы, а вырученные средства пошли на погашение задолженности крестьян по налогам (все перипетии этой истории в свое время были подробно описаны в газете «Азан»)…

В 1900 г. в селе Новое Усманово Байтугановской волости Бугурусланского уезда насчитывалось 282 двора, населения –1645 чел., всего земли – 3681 десятин, 1 школа, 2 мельницы и 4 мечети.

В 1914 г. с началом Первой мировой войны свыше ста человек из села были призваны на фронт, многие погибли в боях с германскими и австро-германскими войсками.

После революции 1917 г. советская власть в Новом Усманвово пробивала дорогу с большими трудностями. Первым председателем сельского совета был избран зажиточный крестьянин Хасаншин Мухаматша. Бедные крестьяне организовали комитет бедноты, куда вошли Гаряев Шакирзян, Мухаметзянов Гали, Галиева Шамсеруй и другие.

В конце 1918 г. началась добровольная мобилизация в Красную Армию. На призыв коммунистической партии одними из первых отозвались Ахмадулин Исмагил, Фаттахов Гуллюм. Они и другие добровольцы ушли на фронты гражданской войны.

Весной и летом 1919 г. в селе стояли части колчаковской армии. Солдаты грабили крестьян, угоняли скот, преследовали активистов и сторонников Советской власти, жестоко наказывали их. Белый террор закончился только когда Красная Армия освободила Бугурусланский уезд и погнала колчаковцев в сторону Уфы.

В 1924 г. сельский совет располагался на ул. Советской, в здании, в котором в настоящее время находится центр социального обслуживания. Председателем сельского совета тогда работал Гумеров Закир Мухаметгалиевич (1894 г.р.). В 1932 г. он был «раскулачен» и выселен в Караганду.

В дальнейшем председателями сельсовета и других органов местного самоуправления работали Загретдинов Маувли Фаляхович, Ахметов Зуфар Мусаипович, Мингазов Хамза Глюмович, Зарипов Фаниль Рустамович, и с 2010 г. по настоящее время главой сельского поселения Новое Усманово является Зарипов Айдар Растямович.

…В первые же годы советской власти началась борьба с безграмотно-

стью. Среди первых учителей местной начальной школы была Закия Гайнуллина, активный агитатор за новую жизнь, и ее слова дела нравились не всем. Однажды во время весеннего сева, после очередного собрания по вопросу создания колхоза, утром её бездыханное тело нашли в овраге на берегу реки Сок. В память о З. Гайнуллиной ее именем названа одна из сельских улиц.

Школа с 1932 по 1936 гг. существовала как начальная, а в 1936 г. была реорганизована в семилетнюю. Первым инициатором и организатором открытия семилетней школы был Юсупов Шагит – умный, глубоко образованный, исключительно одаренный педагог, учитель русского языка и литературы (он погиб в 1944 г. при освобождении Одессы).

Следующим директором семилетней, а потом и средней школы стал его сын Рашит Шагитович. В 1950-1960 гг. количество учащихся в школе дошло до 640. Четыре деревянных учебных здания располагались в разных частях села, что было крайне неудобно.

Под руководством Юсупова Рашида Шагитовича в 1968 г. (всего за 6 месяцев) было построено новое типовое здание школы. Но самому Р. Ш. Юсупову не суждено было войти во вновь построенное здание школы – 30 апреля 1968 г. он скончался от ран, полученных в боях Великой Отечественной войны. Первые ученики пошли в новую школу в октябре 1968 г.

Первым директором новой школы в 1968-1971 гг. был Шарафиев Асгат Шагалиевич. Потом Новоусмановской школой руководили Яриахметов Камиль Замилович (1971-1987 гг.), Фарзутдинов Рифгат Ризатдинович (1987-2005 гг.). С 2005 г. по настоящее время директором является Маннапова Гюзель Камиловна.

Сельхозартель в Новом Усманово была создана по инициативе Ганиева Абдуллы в 1927 г., в ней было 25 дворов и 14 га земли. Но артель быстро распалась. Весной 1929 г. жители организовали первое коллективное хозяйство. Колхоз назвали «Красный Октябрь», председателем избрали Ганиева Абдуллу. К концу того же года организуется еще один колхоз «Август». В начале 30-х гг. колхоз стал объединенным и получил название «Красный Октябрь». Его председателем в одно время работали Хасаншин Ахметсафа, Балтаев, Сабитов и другие.

В 1950 г. колхоз « Красный Октябрь» переименовывается в колхоз «Победа». Председатели Багаутдинов Киямутдин Фаретдинович, Инсапов Сагит Разиевич, Насыров Махмут, Шарипов Фагим.

С 1972 по 1975 гг. колхозом руководил Загретдинов Ядкар Инсафович. При нем была отсыпана дорога с трассы до села грунтом и щебнем, проложен мост через реку Сок, открыты механические мастерские, зернохранилище, впервые началась работа по орошению полей. В 1974-1975 гг. построили новый сельский дом культуры, где разместили также сельскую библиотеку и правление колхоза «Победа».

Далее председателями трудились Сафин Равиль Кашфиевич, Файзуллин Халил Аглиуллович, Гайнутдинов Фагим Валиевич, Минутдинов Минсазит Минзагитович, Гайнутдинов Фагим Валиевич, Зарипов Фаниль Рустамович, Зияков Магдан Киямович, Гиниятов Минасхат Гайзуллович. В 2002 г. колхоз «Победа» преобразовался в ООО «Усмановское», просуществовавшее до 2013 г. В настоящее время в аграрной сфере занят ИП – глава КФХ – Гиниятов Ильшат Минасхатович.

В эти годы за высокие показатели в труде орденами СССР были Халимов Камиль Газизнурович, Зарипов Мирсалих Салихович, Мингазов Габдулхалик Сиразетдинович, Зарипов Салих Сафович, Сафуанова Анися Мингалимовна, Фартдинов Халит Нафикович, Садриев Минсагит Асбахович, Сафуанов Фахрази Валиевич.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. из Нового Усманово на фронт было призвано около 500 человек, из них 234 погибли. В числе награжденных орденами за боевые заслуги Хисамутдинов Минахмет Хисамутдинович, Шаймарданов Асфандияр Кашфиевич, Шаймарданов Рафак Шайхутдинович, Зиганшин Абубакир Давлетшинович, Аскаров Мирза Нигматзянович, Багаутдинов Киямутдин Фартдинович, Фатин Парфирий Иванович, Сафиуллин Рахимзян, Галимуллович, Гайфуллин Абдулла Гайфуллович, Каримов Кадир Каримович и другие.

Начиная с 80-х гг. многие новоусмановцы выполняли воинский долг в локальных конфликтах и «горячих точках»:

- в Афганистане: Фатин Виталий Евгеньевич, Минибаев Шамиль Шакирзянович, Шаймарданов Наиль Минуллович, Бадридинов Сабир Гафурович;

- на Северном Кавказе: Гайфуллин Ильдус Ахатович, Билалов Ильдус Ильясович, Мухаметвалиев Руслан Талгатович, Хайретдинов Фаиль Фаритович, Сафиуллин Фархат Назибович, Галимуллин Равиль Нафигуллович, Креймер Алексей Александрович, Бадыков Рамиль Римович.

Здравоохранение. В 1948-1950 гг. в с. Новое Усманово была построена больница. Первым заведующим врачом-терапевтом была Лобанцева, её сменила врач-терапевт Бабина Елизавета Ивановна. В 1957 г. здесь начал работать врач-хирург Житков Виктор Борисович. С 1960 г. больницей руководил Калимуллин Радифан Мингаряевич.

В 1995 г. больницу закрыли и в селе остался только ФАП, расположенный в здании дома культуры. В 2008 г. был построен также офис врача общей практики, которым сначала заведовал врач-терапевт Меньшаев Сергей Николаевич. С 2014 г. по настоящее время врачом общей практики работает Гибадуллин Риф Хайдарович.

Торговля. Сельское потребительское общество было создано в Ново-Усмановском сельсовете еще до Великой Отечественной войны. Оно размещалось в соседнем селе Бакаево. Первым председателем сельпо был Шайдулов Захит, который в дальнейшем стал продавцом магазина. Работниками сельпо были Поморзин, Гимаев Фассах (Фассах-мулла), Шайхутдинов Габдулхамит…

В 1950 г. сельпо перевели в Новое Усманово. В последующем были построены административное здание, складские помещения, конюшни, большой гараж для автомашин и овощехранилище. Там же хранились горюче-смазочные материалы, керосин для продажи населению. Наладили выпечку хлеба, открыли столовую. Пекарь Гильманов Сабир был знаменит на всю округу. В столовой поварами в разное время работали Фархутдинова Сагдия Исламнуровна, Шарафутдинова Альфия Билаловна и другие.

Председателями сельпо были Бадыкшанов Фассах, Калиновский Вла-

димир Емельянович, Мухлюков Саит, Хисамутдинов Минахмет Хисамутдинович.

В 60-х гг. в новоусмановском сельпо было 2 грузовые машины, 1 трактор, 6 лошадей.

Первые автомашины появились в сельпо в конце 50-х гг., однако основным видом транспорта долгое время по-прежнему оставались лошади.

В 1977 г. сельпо перевели в Клявлино. В 90-х гг. система потребительской кооперации прекратила свою деятельность.

В послевоенное время в селе Новое Усманово действовали также пекарня, цех по производству масла (маслопром), общественная столовая, обозный цех, пилорама, мельница, цех по ческе шерсти, швейная мастерская, парикмахерская.

В настоящее время в селе Новое Усманово торговой деятельностью заняты предприниматели Гарифуллин Ильдар Фаридович, Ахметзянова Альбина Загфаровна, Гиниятова Раиля Гайзулловна, Мухаметвалиева Рахиля Ахтямовна, Гиниятов Минасгат Гайзуллович, Маннапов Ильдар Ришатович, Хуснуллина Лариса Нафиковна, Шатдинов Ильдар Минуллович, Зарипов Линар Ильгизович, Ильматов Рашит Асфирович, которые постоянно обеспечивают население необходимыми товарами.

В 1946 г. в районе села Новое Усманово организовали нефтепромысел № 4, началось бурение и добыча нефти. Первым директором нефтепромысла был И. М. Чумаков. Для обеспечения работы нефтепромысла была создана автотранспортная контора, где был большой парк машин и тракторов. Были открыты также новые подразделения и службы: контора для строительства жилья, «Спецстрой» – для строительства объектов нефтепромысла, «Дорстрой» – для строительства дорог, контора ЖКХ, узел связи, пожарная инспекция, больница. Предприятие также стало строить жилье для рабочих и ИТР. Потом построило детский сад.

В 1971 г. жилье было газифицировано баллонным газом, а через несколько лет от котельных во все жилые дома провели отопление. В 1995 г. нефтепромысел № 4 полностью отошел от системы НГДУ «Бугуруслан-нефть» и на его базе было создано российско-американское предприятие ООО «БайТекс».

Руководил Галиуллин Мадхат Яруллович. Сегодня ООО «Байтекс» – действующее предприятие группы компаний MOL. В 2008 г. сервисное обслуживание нефтепромысла перешло к ООО «Байтуган Сервис» (генеральный директор Зарипов Раиль Талгатович), в последующем руководителем организации стал Зарипов Рамиль Талгатович и организация переименовалась в ООО «БайтугаНефтеСервис».

В 1997-1998 гг. проведена большая работа по газификации села – теперь во всех жилых домах есть постоянный газ.

… До этого, в 1985 г. вступил в эксплуатацию детский сад «Ляйсан». Первой заведующей была Бадертдинова Хания Шамсутдиновна, затем Сафина Альфия Валеевна, Абдулбарова Гульфия Хамитовна.

В 1993 г. в Новом Усманово открылся филиал районного центра социального обслуживания (ЦСО). Первой заведующей была Зарипова Сания Мияссаровна, ее сменила Мингазова Халися Гайзулловна. Сейчас на этой должности трудится Зарипова Гулюся Рашитовна.

За последние годы село Новое Усманово стало заметно краше и благоустроеннее. Построена универсальная спортивная площадка, проложена асфальтированная дорога к школе, приобретена техника для работ по благоустройству села, при поддержке спонсоров смонтированы двухскатные перекрытия здания сельского ДК, школы, детского сада, гаража и так далее.

В 1999 г. начало работать медресе. Преподавателем основ ислама является Калимуллин Ринат Ягфарович.

В 2000 г. местный предприниматель Мингазов Загфар Глюмович заложил фундамент новой мечети имени Минзады Мингазовой, она начала функционировать в 2013 г.

На сегодня в селе работают следующие организации: администрация сельского поселения Новое Усманово, средняя школа, детский сад «Ляйсан», отделение почты, отделение Сбербанка, аптека, СДК, офис врача общей практики, ФАП, стоматологический кабинет, КФХ И. М. Гиниятов, ООО «БайТекс», ООО «БайтуганНефтеСервис, ООО ЧОП «Торнадо», ОАО «Северо-Западные магистрали нефтепроводов» Ромашкинское РНУ – Районное нефтепроводное управление, пожарная часть, цех по переработке мясо-молочной продукции, столовая, библиотека, отделение ЦСО, 2 мечети, 1 медресе, 8 магазинов, мебельный цех, пилорама. Население 1495 человек. В обработке находятся 1500 га посевных площадей.

Старое Ермаково

Село Старое Ермаково было основано на берегу реки Сок в 1737 г. В 2017 г. ему исполняется 280 лет.

Основные сведения по истории села сохранились благодаря стараниям одного уникального человека. Это – самобытный историк, участник Первой мировой войны, потом секретарь сельсовета Гатиятулла Ахмадуллин. Он переписал, систематизировал и сохранил для потомков многие ценные сведения предшественников, которые до начала XX в. вели летопись событий, происходивших в Старом Ермаково.

Земли крестьянского общества Старое Ермаково тянулись на несколько десятков километров с востока на запад – от нынешнего Байтугана и до села Каргалы. В первое время владелец этих земель Ярмухаммет проживал в нынешнем селе Старое Ермаково, которое тогда называлось Нижний Ярмак. Предполагается, что он прожил здесь примерно до 1850 г.

Первыми жителями села стали 12 семей из разных сел и городов Уфимской, Казанской и Пензенской губерний. Были также переселенцы из Польши. Судя по дошедшим до наших дней архивным сведениям, в 1748 г. в новопоселенной деревне насчитывалось 24 двора, в которых проживали 129 мужчин. А вот как выглядел национальный состав жителей к концу XVIII в. – в 1800 г. село населяли казанские татары, арабы, башкиры, поляки, чуваши, впоследствии принявшие ислам. Основным занятием крестьян были земледелие и скотоводство.

Самая первая в Старом Ермаково мечеть появилась примерно в 1750 г.

Она была небольшая, с соломенной крышей, а первым ее имамом был Исмагиль- хазрат. Новая, большая по размеру и с минаретом мечеть была построена в 1790 г., и указным имамом был назначен уроженец села Нижние Мактама Казанской губернии Габденасыйр-хазрат. В последующем духовную деятельность из поколения в поколение продолжали его потомки – сын Галялетдин, внук Шайхутдин, правнук Ахметзыя-хазрат (более известный, как поэт Зыя Ярмяки). В 1857 г. в селе уже проживали 1119 человек. Основное население села составляли татары, башкир насчитывалось 527.

Медресе в Старом Ермаково, как и любом другом татарском селе, существовало всегда, а в 1887 г. по инициативе известного религиозного деятеля, просветителя и активного сторонника джадидизма ахун Хуснулла Багаутдинова оно начало трансформироваться в конфессиональную школу нового типа. В ней, наряду с изучением религиозными предметами, стали преподаваться светские дисциплины. В 1910 г. открылся русский класс, с этого времени школа начала финансироваться из средств земской управы.

В годы гражданской войны 150 человек из села ушли на войну. Из них 63 человека погибли в боях, 87 вернулись.

Сразу же после революции началось формирование новых советских органов власти. Самым первым председателем Староермаковского сельского совета стал Абдурахим Халимов, первыми организаторами партийной ячейки были Зиятдин Абдрахимов и Исмагиль Узбеков. Чуть позже, в начале 20-х гг. образовалась комсомольская организация, которую возглавил Мухамметгали Идиятов. С созданием пионерской организации, агитационно-массовая работа развернулась и среди детей. Ее главным организатором стала Хаят Хуснутдинова.

Также в первые годы советской власти была реформирована прежняя земская школа. 5 февраля 1918 г. учитель Хамит Багаутдинов стал заведующим первой в Старом Ермаково советской начальной школы.

В целях помощи голодающим в 1921 г. в селе организовывается детдом, который работал несколько лет (заведующий Бари Хакимов). При детдоме действовал питательный пункт. В 1926 г. население Старого Ермакова составляло 3065 человек.

В конце 20-х гг. в жизни села Старое Ермаково произошло несколько знаковых событий. 1928 г. был заложен фундамент нового здания школы. После сдачи его в строй стало понятно, что для того времени было большим шагом вперед – в нем, в отличие от старой школы, было целых два учебных класса, учительский кабинет и умывальная комната.

В том же году 50 хозяйств выделились из Старого Ермаково и основали поселок Чулпан. И тогда же здесь, как и по всей стране, началась агитация за колхозы. В Старом Ермаково организация этой работы была поручена директору школы Игзазу Мунирову. В этот процесс активно включаются члены партии, комсомольцы и беспартийные активисты.

Властями было принято решение о выделении земли для организации сельхозартели. Агитация имела успех – в числе первых вступивших в колхоз было 43 семьи. Колхоз был назван именем большевика Николая Баумана. Сельский совет вел активную борьбу с противниками колхозного строя, решал вопросы по сбору налогов, заготовке хлеба (в том числе путем изъятия его у зажиточных крестьян) и расширения колхозного хозяйства.

В 1930 г. в колхоз вступило еще 91 хозяйство. Артель к этому времени имела 337 гектаров посевных площадей, 115 лошадей, 20 дойных коров, 58 овец, 32 конных плугов, 11 конных сеялок, 23 пары железных борон. В 1931 г. количество вступивших в колхоз достигло 410 хозяйств, а колхозников – 1400 человек. Посевные площади увеличились до 2566 гектаров. Были организованы 16 полеводческих бригад. Это означало практически полный перевод сельского хозяйства в Старом Ермаково из единоличной в колхозную форму, которая в зависимости от обстоятельств менялась и совершенствовалась. Например, в годы войны в селе функционировали два колхоза – «Большевик» и «Кызыл Байрак» («Красное знамя»). В каждом колхозе работали по 4 полеводческие бригады.

В годы Великой Отечественной войны из Старого Ермаково на фронт ушли 681 человек, 316 из них погибли или пропали без вести.

Уроженцев села, проявивших образцы героизма и отваги на фронтах в годы Великой Отечественной войны, немало. Здесь приводятся только те имена, кто был награжден орденом Красного Знамени: Габидуллин Миргасим Садершаитович, Юсупов Ибрагим Исмагилович, Валитов Зуфар Шаяхметович, Идиятов Гаряй Минегалиевич. А также и орденом Красной Звезды – Салахов Гатаулла Фассахович, Габидуллин Миргасим Садершаетович, Зиятдинов Миргасим Зиятдинович, Башаров Габдулхак Газизович, Вафин Салих Абдрахманович. Кашапов Махмут Кашапович, Нагимуллин Гата Абдуллович, Рахматуллин Гиният Рахматуллович, Низамутдинов Загретдин Хисамутдинович, Халиуллин Рашит Шайдуллович, Хуббатов Гиззат

Аглиуллович, Газизов Шаяхмет Ахмедович, Салахов Низам Галлямович.

По сведениям, которые представил местный краевед Мазит Юсупов, после войны, когда удалось восстановить сельское хозяйство Камышлинского района, в основном победить послевоенную разруху и нищету, началось преображение села. Исключительно важным событием стало строительство на реке Сок гидроэлектростанции на 50 кВт, которая позволила обеспечить электроэнергией жилые дома, колхозные здания и объекты соцкульбыта.

В 1954 г. принимается решение об объединении колхозов «Кызыл Байрак» и «Большевик». Новый колхоз сохранил название «Большевик». Его председателем избирается Султан Газизович Ахметов, уроженец села Балыкла. Именно в его бытность руководителем начинается активное строительство. Главным результатаом этой работы стало то, что 1960 г. все животноводческие объекты (молочно-товарная ферма и другие) компактно располагаются в одном месте – к северу от села.

В 1963 г., когда во всей стране происходило массовое укрупнение районов (в результате чего был упразднен Камышлинский район, а его территория была присоединена к Похвистневскому), а также сельскохозяйственных предприятий, состоялось объединение колхозов Старого и Нового Ермаково. Новое хозяйство получило название «Колхоз имени Коминтерна». Председателем колхоза был избран Абдулхай Закиевич Нафиков, ранее работавший первым секретарём Камышлинского райкома комсомола. Это был руководитель новой формации: грамотный, интеллигентный, выдержанный, вдумчивый и обходительный. При нем в 1963-1964 гг. строятся мастерские по ремонту техники – машинно-тракторные мастерские (МТМ). Со временем здесь появились токарный, аккумуляторный, слесарный цеха и цех по ремонту двигателей, а позже «красный уголок». К мастерским было подведено тепло и тем самым созданы нормальные условия для работы людей.

Через два года, в 1965 г. прошла новая волна перекраивания административных границ, и населенные пункты бывшего Камышлинского раойна вошли в состав Клявлинского района и пробыли в нем до 1991 г.

В 1965-1969 гг. председателем ермаковского колхоза работал Сави Фатыйхович Ахметсагиров. Потом в течение 15 лет, в 1969-1984 гг. – Эдуард Зуфарович Ганеев. В этот период колхоз имени Коминтерна был в числе передовых в районе. Количество дойных коров перевалило за 1000 голов, колхоз получал стабильные урожаи, были построены кормоцех, коровник и мост через реку Сок. От трассы была проложена дорога с асфальтовым покрытием протяженностью 4 км, построено новое здание правления колхоза, тёплый гараж на территории МТМ и другие объекты. За высокие результаты в работе Эдуард Ганеев был награждён орденом «Знак Почёта».

Долгие годы, начиная с 50-х гг., строительную отрасль возглавлял Наиль Абдулхакович Рафиков, и это время совпало со временем активного становления колхозного производства. Многие здания и сооружения различного назначения спроектированы им и построены под его руководством.

С 1984 по 1989 гг. председателем колхоза работал Мазит Закиевич Юсупов. В эти годы хозяйство имело уже солидный машинно-тракторный парк с обширной ремонтной базой. Тогда же были построены 25 новых объектов. По итогам 1986 г. колхоз имени Коминтерна занял в Клявлинском районе первое место по производственным показателям, получил переходящее Красное Знамя райкома КПСС, райисполкома и райкома ВЛКСМ и был занесен на Доску почёта района с вручением первой премии.

В 1987 г. по инициативе председателя колхозные земли расширяются за счет присоединения части земель колхозов «Октябрь» и «Аврора». Таким образом, к прежним земельным угодьям было добавлено 8000 га пашни и 19 га сенокосов.

В 1988 г. колхоз разделился: на базе бригады в селе Новое Ермаково создаётся колхоз «Родина», председателем которого избирается Дамиль Хасаншин. В 1988-1989 гг. по инициативе Мазита Юсупова разрабатывается проект газификации села Старое Ермаково.

В 1989 г. председателем колхоза имени Коминтерна был избран Дамиль Хасаншин. Под его руководством были построены цех по ремонту комбайнов, склад, здание спорткомплекса, пищекомбинат, двухэтажное кафе и многие другие объекты. Но самым главным достижением была прокладка в село газопровода 12 км и водопровода. Надо отметить и особые заслуги мастера по газоснабжению Сазита Гильмутдинова, а также всех тех, кто работал под его руководством.

В 1991 г., когда страна стремительно теряла привычные ориентиры, председателем колхоза стал Каримов Ринат Равгатович. Начинается процесс реформирования предприятий агропромышленного комплекса. На базе колхоза Коминтерна организовался АКХ (Ассоциация крестьянских хозяйств) «Ермаковский». В 1992-1993 гг. завершается газификация домов, МТМ, школы, котельной, свинофермы.

В 1995 г. АКХ «Ермаковский» снова возглавляет Дамиль Хасаншин. По его инициативе в село проводится водопровод протяжённостью 6 км. Уникальность его состоит в том, что родниковая вода в село подаётся самотёком.

С 1997 г. хозяйство возглавляли Расих Зияевич Габидуллин (ныне – глава сельского поселения) и Масгут Шагитович Рахимов – до тех пор, когда в 2007 г. в русле углубляющегося экономического кризиса АКХ «Ермаковский» с кредиторской задолженностью в 19 миллионов рублей было признано банкротом.

В 90-х гг. прошлого века наиболее важным событием в жизни села стало строительство мечети. Большую помощь при строительстве мечети оказывали местный колхоз, сельские жители и уроженцы села. Имамом новой мечети стал Габдулла-хазрат Мухамматкарим (Рамиль Каримов), на этой должности он трудится до сих пор.

В 1995 г. в администрации села Старое Ермаково принимается решение о создании центра по социальному обслуживанию населения, который возглавил Тагир Рахимов. Руководитель сумел подобрать способный коллектив и настроить его на создание в ЦСО атмосферы милосердия.

Офис врача общей практики в Старом Ермаково открылся в 2006 г. (врач Азат Исмагилович Аглиуллин). В то же время продолжает работать и фельдшерско-акушерский пункт.

Старое Ермаково – село с богатыми культурно-образовательными традициями. Здесь родились поэт

Зыя Ярмяки, заслуженный артист Республики Татарстан Рашид Шамкаев, популярный артист самарской татарской эстрады Рифкат Фаретдинов, доктор сельскохозяйственных наук Хайдар Валитов, депутат Самарской Губернской Думы нескольких созывов Гумар Валитов, ветераны нефтегазовой промышленности Западной Сибири Фагим Юсупов и Рустам Шагиеев, на весь татарский мир прославил себя и свою малую родину Гали Гаряев – знаменитый мастер по изготовлению гармоней-тальянок,

При сельском доме культуры с 1970 г. работает народный фольклорный ансамбль «Ак каен» («Белая береза») – лауреат и дипломант многочисленных фестивалей и конкурсов. Коллектив бережно собирает и ярко пропагандирует лучшие образцы национального вокального и хореографического творчества. Многие годы его возглавлял Гамиль Сахапович Галиуллин, теперь ансамблем руководит Наиль Набиуллович Галимуллин.

Старо-Ермаковская школа дала знания и путевку в жизнь многим сотням и тысячам детей, которые нашли себя в разных отраслях народного хозяйства, науки, культуры… Этому благородному труду отдали силы и энергию десятки учителей: Абдулла и Суфия Шагиевы, Булат Аглиуллин, Хаматнур Ширияздановы, Сахия Шавалеева, Салих и Райса Шарафутдиновы, Гали Галлямов, Рахима Баширова, Гельсина Гайсина, Аклима Гатиятуллина и многие другие.

Сейчас местная средняя школа (директор Масхуда Минегалиевна Габидуллина) является образовательным центром для трех татарских сел: кроме, собственно, Старого Ермаково, это Новое Ермаково и Чулпан. В ней сейчас обучаются более 250 детей.

В настоящее время в селе имеется 615 дворов, из них около 90 пустуют. В селе работают несколько крестьянских фермерских хозяйств, которые возглавляют Ильшат Жаватович Каюмов, Фанис Салихович Калимуллин, Ильдар Карямович Ганеев, Мухаммет Мубинович Фатхутдинов, Ильдар Салихович Шарафутдинов, Дамиль Давлетшинович Хасаншин и другие.

Старое Усманово

Различные данные об основании села сходятся на 1660-х гг. Легенда, передаваемая из поколения в поколение, гласит: сюда первым с берегов реки Бугульминки приехал жить некрещеный чуваш по имени Матвей. Вскоре к нему подтянулись его сородичи. Поэтому новопоселенная деревня сначала носила название Мәтәби.

Через некоторое время из Казанского уезда на эти земли вместе с тремя сыновьями приехал татарин (по другим сведениям – башкир) по имени Усман и построил здесь три дома. К ним присоединилось несколько русских и мордовских семей.

Как-то раз Усман и его сыновья в поисках пропавших лошадей дошли до реки Сок. Увидев благодатную пойму, широкие луга и богатую растительность здешнего места, они решили перебраться сюда. Разобрали свои дома и перенесли их на новое место – на правый берег Сока. Отсюда и получило начало Новое Усманово. А деревня, откуда они ушли, стала называться Старым Усманово.

Через несколько лет чуваши решили уехать в Никиткино, русские – в Русский Байтуган и Дмитриевку. В память о тех временах в селе до сих пор одна из улиц называется Русской, есть возле села также и Чувашская гора.

Таким образом, Старое Усманово стало чисто татарским, таковым остается до сих пор.

О времени постройки в Старом Усманово первой мечети точных сведений не имеется. Сохранившаяся до наших дней мечеть была возведена в 1876 г. Все расходы при этом взял на себя один состоятельный человек по имени Юнес из Казанской губернии, совершивший до этого хадж в Мекку.

Мечеть с тех пор работает исправно, и этому не помешали ни многочисленные пожары, которые часто случались в Старосм Усманово, но обходили ее стороной, ни воинственная атеистическая политика советского государства, ни другие напасти.

В конце XIX в. имамом мечети был Гилязетдин Фахретдинов, назначенный на должность указом ОМДС 14 июня 1865 г., родом из Мензелинского уезда Казанской губернии. При мечети функционировало медресе, в котором учителями работали сам Гилязетдин-хазрат и его сын Юсу Адылов, достаточно молодой, но грамотный для того времени человек. Известно, что Г. Фахретдинов умер в 1896 г.

В довоенную пору имамом сельской мечети работали уважаемые аксакалы Хаматсалих-бабай, Гапсамат-бабай из Нового Усманово, его зять Габдельхалим-бабай. После войны, с 1945 по 1995 гг., на этой должности трудился Миннетдин Садреев.

Благодаря стараниям этого человека, мечеть пережила вторую волну гонений на религию в начале 60-х гг.

и снова избежала закрытия. Чтобы со стороны властей не было лишних претензий, Миннетдин-бабай упорно трудился на сенокосе и заготовке соломы. После его кончины обязанности сельского муллы попеременно исполняли несколько авторитетных жителей села, а с 2002 г. имамом мечети Старого Усманово является Анвар Рамазанов.

В старые времена село пережило несколько крупных пожаров. Сплошь деревянные постройки и соломенные крыши являлись легко воспламеняющимся материалом. Так, сгорела почти вся Русская улица. Через несколько лет огонь уничтожил все постройки «Верхнего конца» Старого Усманово. Оба раза все работоспособные люди трудились в поле, вернуться сразу, спасти дома и имущество не смогли. Многим домохозяевам пришлось заново строить свои дома и обустраивать дворы.

Низкие урожаи и неблагоприятные погодные условия приводили к неурожаям и голоду. Самый сильный голод случился в 1921-1922 гг. В Старом Усманово, как и во всем Поволжье, умерло очень много людей. Чтобы прокормить семью мужчины уходили на заработки, часто в далекие города, даже в Среднюю Азию.

Зловещей бурей пронеслась над Старым Усманово и всей округой гражданская война.

В местной топонимике представлены богатая история села и имена людей, оставивших в ней свой след. В Старом Усманово и его окрестностях есть Хуторская улица, Казенный лес, Мустай-река, Байтуганская гора, колодец Миргасыма, родник Минажи-бабая и многие-многие другие достопримечательности.

Был в Старом Усманово еще один уникальный человек, имя которого известно во многих уголках нашей необъятной страны. Это Яниахмет Шакиров. До войны он с семьей проживал в Уфе, где Яниахмет-ага научился у знаменитого мастера Акчурина секретам изготовления татарской гармони-тальянки. Вернувшись в родные края, Шакиров многие годы занимался любимым делом, произведя на свет десятки экземпляров уникального инструмента. А также передал свой опыт Гали Гарееву из Старого Ермаково (который потом превзошел своего учителя) и Мухамммету-ага Шакурову из Камышлы.

В Старом Усманово были развиты местные промыслы. Крестьяне, кроме традиционных для нашего региона культур, выращивали лен и коноплю, на станках из них ткали холст и каламянку, из которых шили себе одежду. Знатными ткачихами в памяти людей остались Хайрамал Файрушина, Минжан Гиниятуллина, Фания Хисамутдинова и другие. Жители села вручную валяли войлок, валенки и плели лапти. Хозяева покрепче обрабатывали шкуры крупного рогатого скота, шили из них шубы, тулупы, брюки.

В 1919 г., после окончания в нашем крае гражданской войны, в Старом Усманово начала по-настоящему устанавливаться Советская власть. Первыми советскими активистами стали братья Зинганша и Мубаракша Зиганшины, Тухбатша Файрушин. В 1930 г. крестьяне объединились в колхоз, получивший название « 8 Марта». Первым его председателем стал крымский татарин по фамилии Нигматуллин, сделавший много для становления хозяйства. Успешный колхоз имел 600 гетаров посевных площадей. Бригадирами в первые годы работали Минахмет Фазалов, Абугали Шагалиев, Талип Нуретдинов, Харис Саяров, заведующим фермой – Зуфар Муниров, на ферме был также ветврач по имени Шайхайдар. Известны имена передовых животноводов тех лет: Хуббетдин Гильметдинов, Вали Фатхуллин, Ярулла Гарифуллин, Шамстабан Сабирова, Магмура Газизьянова, Фахригалям Сафина.

Начиная с 1936 г. руководителями староусмановского колхоза работали Г. С. Сагидуллин, М. З. Ханнанов, М. Г. Гилязев, А. Шигапов, Ш. А. Сагирова, В. Е. Николаев, З. С. Салахов.

В начале 60-х гг. в Старое Усманово и Никиткино объединились в один колхоз под названием «Дружба», его центром стало Никиткино. Во галве хозяйства встал Гата Багаутдинов. Потом в период с 1963 по 1970 гг. колхоз возглавлял Сагит Шамсутдинов (или Багутдинов), направленный из Старого Ермаково. В эти годы в колхозе были построены зерновые склады, мельница, коровники и овчарни.

В последующее десятилетие колхозом «Дружба» руководили Загфар Салахов (во второй раз) и Ирек Гилязев. Их работа увенчалась строительством в Никиткино свинофермы, мельницы, 2-этажного административного здания, а в Старом Усманово – магазина, клуба, здания сельсвсовета, зерновых складов, большой машинно-тракторной мастерской. В 1980 г. И. Гилязева сменил А. П. Мамонов.

В 1989 г. колхоз разделился на два самостоятельных хозяйства. Возрожденный самостоятельный староусмановский колхоз получил название «Звезда», пердседателем был избран М. Н. Каримов, проработавший на этом посту до 1995 г. В это время колхоз добивался высоких показателей в производстве продуктов земледелия и животноводства. Село было газифицировано, до него с трассы была проложена асфальтированная дорога, был построен детский сад и несколько домов для молодых семей.

В период с 1995 по 2004 гг. колхозом руководили А. М. Нурутдинов, Х. С. Валеев и снова Нурутдинов.

Начиная с 1935 г. председателями сельского совета работали Яппарова, Г. Г. Гарифуллин, Д. Мифтахов, Х. Г. Мингазов, М. Г. Гилязев, М. Г. Нурутдинов, М. А. Хисамов, И. И. Гилязев, М. Н. Каримов, Х. С. Валеев, с 2005 г. сельское поселение возглавляет Мидхат Исламутдинович Шайдуллин.

Образование. После революции 1917 г. на базе закрытого медресе была открыта советская школа. Учителем математики и русского языка в ней стал Юсуп Адылов. Он обучал и взрослых, а во время организации колхоза работал секретарем сельского совета. Женщин грамоте обучала Магзума-абыстай. Платой за эту работу первым учителям полагалась охапка дров от каждого ученика.

С 1927 по 1932 гг. в Старом Усманово учительствовал сын Закир-хазрата – Касым Хасанов, приезжавший на лошади из Саврухи. Потом деревенских детей грамоте стал обучать выпускник годичных учительских курсов при Ульяновском педучилище Саит Мирсаипов, а с 1933 г. – староусмановский парень Миргабиджан Кагиров. С началом Великой Отечественной войны он ушел на фронт, был политруком, погиб в 1943 г.

Школа продолжала свою работу в предвоенные и военные годы. В мирное время, с 1946 г. в школе стал работать Миргабиджан Рахимов, а в 1949 г. после окончания Камышлинского пе-

дагогического училища Хаджар Гатауллина.

В 1951 г. в Старом Усманово открылась 7-летняя школа, ее директором стал Мирсалих Хисамов из Чулпаново. В 1968 г. староусмановская школа была перобразована в среднюю. В последние десятилетия в педагогическом коллективе трудились З. Ш. Балтаева, М. Ю. Багаутдинова, М. Багаутдинова, Н. Хисамова, М. Ш. Хафизова, З. Х. Файрушина, Р. Мунирова, Х. Н. Ахмадуллин (в 1985-2011 гг. проработавший директором школы), С. Сафина, Р. З. Шайдуллина, Ф. А. Нурутдинова, Ф. Н. Гилязева, И. М. Нуретдинов, З. К. Хисамутдинова, В. Г. Нурутдинова, Г. Г. Нурутдинова, З. З. Каримова, Г. А. Хайсанова, Т. А. Бурганова.

Татарский Байтуган

Село Татарский Байтуган расположено в 10 километрах южнее села Камышла на берегу живописной реки Сок, между отрогами Бугульминско-Белебеевской возвышенности, на высоте от 150 до 2134 метров над уровнем моря.

Исследователь Э. Н. Мурзаев в книге «География в названиях» так объясняет происхождение основного названия села – Байтуган: «Это историческое языческое Бай, ту (туй) – гора, лингвистическое ан – родник, речка Байтаг, Байту – высокая гора. Байтуган – родник высокой горы». Действительно, село Байтуган на берегу реки Сок, которая расположена в горах Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Кроме этого, есть родники, берущие свое начало под горой и протекающие через село.

По преданиям село было основано в 1533 г. старшиной Ярмухамедом Туйбакты из рода Хусаина, присланным для дальнейшего освоения юго-восточных земель Казанского ханства самим ханом, и некоторое время носило название Надырово, позже – Верхнее Ермаково.

Деревня постепенно росла и развивалась. По одному из архивных документов 1748 г. в ней насчитывалось 24 двора, в которых проживало 129 человек мужского пола, иначе говоря, по меркам того времени это было довольно крупное поселение, насчитывающее около 300 жителей. Следующее свидетельство XVIII в. относится к 1762 г. В «Сказках о тептярях и бобылях, служилых мещеряках и татарах, ясочных татарах Казанской, Московской и Ново-Московской дорог Уфимского уезда» этого периода говорится: «В деревне Ермаково, что на Соку реке и речке Байтуган, тоже проживало две семьи: Алтынбека Ермакова и Косима Исюнтиева» (данные архивных материалов в период проведения второй ревизии между 1719 и 1769 гг.).

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Бугурусланского уезда Уфимской губернии (1798-1842 гг.) отмечается, что в это время, в начале XIX в. в деревне Верхнее Ермаково (Байтуган) насчитывается 100 дворов, в них проживают 254 мужчины и 232 женщины. 48 дворов принадлежит ясачным татарам, 4 двора – татарам, содержащим ям (почтовый пункт, небольшая почтовая станция).

Через Байтуган проходил торговый путь, соединявший Симбирск с Уфой, Казань с Оренбургом. В книге С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова внука» есть такие строки: «В первый же день мы ночевали возле татарской деревни Байтуган на берегу полноводной и очень рыбной реки Сок».

С годами изменяется национальный состав жителей села. С годами в здешние места, к татарам и чувашам из Пензенской, Курской губерний переселяются русские. Село разделяется по национальному признаку на три части: Татарский Байтуган, Русский Байтуган, Чувашский Байтуган. Татары и чуваши расселяются на правом берегу реки Сок, а русские остаются на левом берегу.

С образованием Самарской губернии изменяется территория волостей. Территория нынешнего Камышлинского района входила в состав нескольких волостей. Так, в 1852 г. в Старо-Соснинской волости были селения Новое и Старое Ермаково, Камышла, Сидяково, Неклюдово и другие селения этого куста. Остальные же села входили в состав Байтуганской волости, где центром был Байтуган.

Мечеть Татарского Байтугана является одной из самых старых в Самарском крае. Она была построена в 1743 г. Начиная с 50-х гг. XIX в. ее имамом был Ахметсафа Хисамутдинов. В 1895 г. здание мечети подвергается большому ремонту, с тех пор она исправно служит мусульманам. В конце XIX в. имамом служил Габдулнасыр-хазрат, потом многие годы представители этого рода – его сын Баттал, внук Садыйк, далее Сагди, Сафа… И так до 1958 г. – в это время духовную работу в Татарском Байтугане исполнял Фатых-мулла, тоже потомок Габдулнасыр-хазрата. После 1958 г. сельскими муллами являлись Абугали Ганиев, Абдулла Сафин, Гимаделислам Бадриев, Мингазиз Гарифуллин, Газизнур Бадриев.

В 1962 г. мечеть была закрыта и стала местом для размещения колхозного роддома, ФАПа, детского сада. Здание (с минаретом) удалось сохранить благодаря тому, что умные люди повесили на нем табличку «Краеведческий музей» – своего рода «охранную грамоту». И поэтому здание старой мечети благополучно простояло до новых времен и в 1989 г. вновь была открыта. В настоящее время имамом мечети является Мухаметнур Газизнурович Гарипов. Тарземан Гаязов и Магсумгали Валиев являются активистами мусульманской жизни села.

Во время мусульманских праздников мужское население, в том числе дети, охотно посещают мечеть, приезжают односельчане, живущие в городах. Также в лучших традициях татарского села все население села провожает в последний путь ушедших в мир иной.

С 2013 г. начало функционировать медресе, где изучаются основы мусульманской веры; на уроках занимаются женщины и дети. Ведет обучение Фания Хайруллина. Помещение для медресе арендовала администрация сельского поселения Байтуган.

Наиболее важные имена и события истории советского периода следующие.

Председатель первого ревкома Байтуганской волости Бугурусланского уезда – И. С. Васильев. В 1925 г. в селе появился первый трактор американского производства «Фордзон».

В январе 1926 г. постановлением Самарского губисполкома была в числе многих создана особая административная единица – Байтуганская татарская национальная волость. А через три года в 1929 г. по постановлению ВЦИК СССР на ее базе возник национальный татарский район с одноименным названием, первым председателем райисполкома стал Абдулла Ганиев, секретарем райкома ВКП(б) – Бадретдинов.

Школа-четырехлетка в селе Татарский Байтуган открылась в 1928 г., учителем был Салим Мутагиров, к этому времени в селе были два водяные мельницы, кожевенная мастерская, мечеть с медресе при ней, большой базар.

В 1930 г. на территории Байтуганского сельского совета организуется три колхоза, создается МТС – машинно-тракторная станция, обслуживавшая несколько колхозов, начинается добыча полезных ископаемых – нефти, битума и торфа. Один из колхозов в Татарском Байтугане назывался «имени Ворошилова», первым председателем был Самат Гататов.

В 1929 г., после сильного пожара, случившегося в Байтугане, встал вопрос о переносе уцелевших домов в соседнюю деревню Камышла. Так, Камышла стала районным центром. Но район до 1937 г. район носил прежнее название, и только с этого времени принял новое – Камышлинский.

Тяжелейшие годы Великой Отечественной войны стали серьезным испытанием для сельчан. В это время председателем Байтуганского колхоза работал Гайзулла Калимуллин, трактористами – братья Назип и Нурмухаммат Гайнуллины, а также Камал Мугинова (Ахмадеева). Все колхозники самоотверженно трудились над выполнением государственных заданий по поставке сельхозпродуктов и внесли свой вклад в Победу. Несколько женщин, в их числе Мархума Вагапова и Миннур Гарипова (солдатская вдова), добивались больших урожаев пшеницы, за что в 1947 г. были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В Великой Отечественной войне погибли 160 жителей Татарского Байтугана. Один из участников войны – житель села Файзулла Абсалямов принимал участие в Параде Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади в Москве.

Многие десятилетия население в основном было занято земледелием, изготовлением саней и телег. Еще сравнительно недавно были развиты многие местные ремесла. В Татарском Байтугане были свои жестянщики – Исхак-бабай и Абдулла-бабай; валяльщики валенок – Минтдин-бабай, Сарим-бабай, Шарифулла-бабай. Ремесло Шарифуллы-бабая передалось сыновьям Шайхаттару и Минибулле. Были свои портные: Ашрабзян-бабай, Исламнур-бабай, Камиля-апай.

Совсем молоденькой приехала после окончания медицинского училища Раиса Субеева (в замужестве Калимуллина) работать фельдшером. Не одно поколение сельчан стало пациентами ФАП в период ее многолетней работы.

В памяти народной сохраняются также имена учителей, отдавших всю жизнь благородному делу народного образования. Это – Басыр Фаттахов, Халима Гилязева (Шаймарданова), Фаузия Мутагирова.

Библиотека в селе открылась в 1955 г., первым библиотекарем была Гамира Тимергазина, после перевода ее в Русско-Байтуганскую библиотеку в 1959 г. на эту должность заступила Каусар Садыкова, проработавшая здесь до 1984 г. Многие годы заведующей клубом проработала Минсафа Вильданова, затем Фания Мингазова (Гайнуллина).

В ноябре 2016 г. в Татарском Байтугане открыт музей автора учебника татарской азбуки «Элифба» С. Г. Вагизова. Это учебное пособие уже многие десятилетия (с начала 60-х гг.) остается самым востребованным в татарской системе национального образования. Соавтором татарского Букваря является его жена и коллега Рамзия Гилязевна Валитова. Кроме этого, Салей Гататович написал 43 учебно-методических пособия по изучению татарского языка, а в 2000 г. в возрасте 92 лет создал учебник «Элифба» на латинской графике. Огромную роль в открытии музея знаменитого земляка сыграла горячий энтузиаст национальной культуры и истории родного края, селькор многих печатных и электронных изданий Нурания Абзалова.

Переломный период 80-90-х гг. отмечен не только сплошными потерями и отступлениями. Когда в Татарском Байтугане председателем колхоза был Мазгут Сагитович Ибятов, в селе были проведены газопровод, асфальтированная дорога. Сейчас М. С. Ибятов работает исполнительным директором фирмы «Байком-Сервис».

Но с наступлением новых времен село Татарский Байтуган, как весь аграрный сектор, вошел в стадию кризиса, повлекшего ликвидацию колхозов и других прежних форм управления и хозяйствования.

Современное состояние села: количество дворов – 166, население – 293 чел.: пенсионеров – 86 чел., трудоспособное население – 163 чел., детей до 15 лет – 44 человека.

Трое байтуганцев, начиная с 90-х гг., служили в «горячих точках» на Северном Кавказе.

Основное занятие сельчан – работа в личном подсобном хозяйстве.

Молодое трудоспособное население работает в ООО «Байком» (гостиничный комплекс) и ООО «Байком-Сервис» (сельское хозяйство), у ИП Якуповой Г. Г. (станция техобслуживания автотранспорта); многие работают у нефтяников ООО «Байтуган-Сервис», ООО «Байтекс», охранное агентство «Торнадо», ездят на работу вахтовым методом на север.

Особо следует остановиться на фирме «Байком». Его руководителем является Наиль Гайзуллович Калимуллин, имеющий огромный опыт организаторской работы. Во время работы в нефтяной отрасли в советское время он прошел путь от рядововго оператора до главного инженера и заместителя генерального директора объединения «Коми-нефть», в 1976 г. был награжден орденом Трудового Красоного Знамени. Сейчас «Байком» занимается выращиванием элитных сортов пшеницы, которые пользуются большим спросом у сельхозпердприятий разных форм собственности. В начале работы по открытию музея Салея Вагизова ООО «Байком» стало первым спонсором этого проекта.

В сельском поселении функционируют средняя школа, детский сад, два фельдшерско-акушерских пункта (один из них в с. Татарский Байтуган, им заведует Гельфия Ибятова), отделение связи, отделение социального обслуживания пожилых людей и инвалидов, две библиотеки (одна в Татарском Байтугане), сельский дом культуры, несколько магазинов.

В Татарском Байтугане родились и выросли известный краевед Абузяр Хузеевич Бадретдинов (1936-2014), скоро должна выйти его книга – справочник по истории сел Камышлинского района; генеральный директор НГДУ «Бугурусланнефть» Раис Салимжанович Калимуллин; офицер-ракетчик, подполковник, кавалер ордена Красной Звезды, в последнее время проработавший военным комиссаром Клявлинского и Шенталинского районов Рифкат Назахович Назахов; военный летчик, подполковник Раис Назипович Маннапов (сейчас проживает в Оренбурге); заведующая перинотальным центром в Похвистнево Танзиля Мирзовна Шигапова и другие.

Поселок Чулпан

Поселок Чулпан расположен на живописном берегу реки Телегас. С северной части поселка возвышаются холмы, которые защищают село от северных ветров и в то же время являются источником стройматериалов (глина, песок, камни), а также пастбищами для выпаса скота. С южной стороны простираются бескрайние луга.

После большого пожара 1924 г. в Старом Ермаково, в результате которого выгорела вся юго-восточная часть села, у части населения возникла идея отселится куда-то на выселки. Возглавил это движение Фаретдин Гильмутдинович Гильмутдинов, очень грамотный по тем временам человек. Он сумел собрать вокруг себя сторонников, которые также изъявили желание переселиться в другое место.

Организационные работы начались в 1927 г. Работая в аппарате Байтуганского волисполкома, Фаретдин Гильмутдинович подготовил все учредительные документы по основанию поселка и обеспечению его землей. В мае 1928 г. первые 57 семей, количестве около 300 человек поселились за нынешним мостом через реку Телегас на правом берегу реки в 7 км от села Старое Ермаково. Первые дома расположились в два ряда напротив друг друга. Когда начали искать название поселку, предлагались разные варианты. Название «Чулпан» предложил Харис Галимов. Это название пришлось по душе всем жителям и его единогласно поддержали. Чулпан – Венера – самая яркая звезда на небосклоне. Жители этого села свято верили, что будущее поселка тоже будет таким же ярким.

Первыми переселенцами были люди средних лет, работоспособные, трудолюбивые землепашцы, столяры, кузнецы, плотники, печники.

В первый же год после образования в поселке организовали семеноводческое товарищество по выращиванию и реализации яровой пшеницы. Инициаторами были Минахмет Каримов и Гази Хасаншин. Из города Бугуруслана на 35 повозках перевезли 120 ц семян яровой пшеницы. На следующий год, собрав хороший урожай, рассчитались с долгами, а часть продали соседним колхозам.

В 1930 г. в поселке Чулпан организовался колхоз. Записалось 16 хозяйств. В колхоз передали 50 голов овец, 3 коровы, 12 нетелей, образовав первую животноводческую ферму. Председателем колхоза избрали Зиятдина Насырова. Членами правления являлись Харис Галимов, Гусман Ахсанов, членами ревизионной комиссии стали Закир Марданов, Минахмет Мингазов, Фания Гильмутдинова, счетоводом – Хамит Багаутдинов.

В 1932-1933 гг., в связи с засухой, урожай был плохим, и некоторые засомневались в будущем колхоза. В итоге

в 1934 г. 10 семей покидают свои хозяйства и выезжают за пределы района, но вскоре возвращаются. Жизнь постепенно налаживается.

Открывается первая вечерняя школа-пятилетка. Первым учителем стал Хамит Багаутдинов. В школе учились 17 парней. Позже учащиеся этой школы Зиятдин Насыров, Харис Галимов, Фатхи Шарафиев, Кашиф Заляев, Нурсалих Сафиуллин работают председателями колхозов в разных хозяйствах Камышлинского района. В поселке образовывается и партийная группа, организатором которой стал Гусман Ахсанов. Активно работала и комсомольская организация, секретарем которой являлся Нурсалих Сафиуллин.

Из поселка Чулпан во время Великой Отечественной войны было призвано 80 человек, из них живыми вернулись – 44, погибли и пропали без вести 36 человек. На 1 января 2017 г. остался в живых только один участник войны – Нигматзян Галимович Галимов. 2015 г. в центре села чулпанцы поставили новый обелиск односельчанам, погибшим на фронте.

В 1953 г. начинается укрупнение колхозов. Не обращая внимания на желание жителей присоединиться к колхозу села Старое Ермаково, руководству района присоединяет их к колхоз имени Ленина, в который вошли 4 населенных пункта: Карамалка, Седяково, Чулпан и Чекмаловка. Председателем избрали Сагита Саматовича Кутдусова.

В 1962 г. колхоз имени Ленина получил новое название «Восток». Председателем стал Асхат Камилович Салахов, который 22 года трудился на этом посту. Во время его руководства колхоз «Восток» был передовым. Укреплялись производственные мощности хозяйства, увеличилось поголовье скота, количество крупного рогатого скота достигло 900 голов, из них 350 коров, 2 тысячи овец. Хороших результатов добивались и в растениеводстве. Так, комбайнер Мухтар Сафин, получив 600 ц зеленной массы (силоса) с 1 га, занял первое место в областном социалистическом соревновании и был награжден поездкой в Москву на ВДНХ.

В 1984-1995 гг. председателем колхоза работал Мадхат Гатаевич Каримов. В период его деятельности были построены многие социально-культурные объекты: более 20 квартир для колхозников, открылась 9-летняя школа, детский сад на 15 мест, магазин, машинно-тракторные мастерские, проложена грунтощебеночная дорога, проведен водопровод. В 1990 г. мобильный коллектив в составе бригадира Сагита Шарафиева, газовика Равиля Абунагимова и механизатора Магдана Мухаметзянова за короткий срок и одними из первых в районе провели газификацию поселка.

Колхозники добивались хороших результатов в растениеводстве и в животноводстве. Надои достигли до 3000 кг на фуражную корову, производство молока достигло 800 т, мяса – 100 т, шерсти – 3000 т, урожайность зерновых – 20 ц с 1 га. Агрономами тогда работали Анатолий Лазарев, Амир Галимов Фанис, Заляев, Марат Салахов, зоотехниками – Мадхат Каримов, Равгат Галиев, Асхат Жуматдилов, Раиль Каримов, ветврачами – Гумар Хисамутдинов, Ильгизар Хисамутдинов, Ринат Мухамадиев, инженерами – Ринат Габидуллин, Халит Шайдуллин, Агдас Заляев. В последующие годы – с 1995 по 2005 гг. – председателями колхоза работали Фанис Ахметзянов, Ильдар Каримов.

В 2006 г. колхоз «Восток» распался.

Много односельчан оставили заметный след в истории села. Учителя – участница Великой Отечественной войны Мунавара Гарифуллина, Бибинур Харисовна Заляева, медсестра Фания Махмутова, заведующая сельским клубом Мадина Сафиуллина, бухгалтеры Исхак Гадыев, Гумар Минибаев, почтальон Фатыма Нургалиева, много лет на лошадях перевозившая почту из села Балыкла – все они внесли свою лепту в жизнь поселка Чулпан.

Многие добились успехов в других областях. Наши односельчане Хайдар Хасаншин – член Союза писателей, Равиль Насыров – директор Сергиевского сельскохозяйственного (ветеринарного) техникума, Нурсахи Камилов – опытный организатор и заслуженный работник сельхозпроизводства, Зайнап Фаляхутдинова – председатель колхоза в Башкортстане, кавалер орденов Ленина и Октябрьской революции, Асхат Шарафиев – директор школы в селах Новое Ермаково и Балыкла, Сагит Инсапов – председатель колхозов в Клявлинском и Похвистневском районе, Мардегалим Каримов – мастер куйбышевского завода «Прогресс» с трудовым стажем более 50 лет, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», Агзам Заляев – председатель колхоза в Клявлинском районе и директор районной киносети, Мухтар Рахимов – главный инженер авиационного завода в г. Самаре, Гульнур Насырова – врач высшей категории в Тольятти, Ринат Габидуллин – главный инженер элеватора в Клявлино, Ринат Каримов – председатель колхоза имени Коминтерна.

На Северном Кавказе выполняли воинский долг Рамиль Габидуллин и Ринат Хакимов.

В 1990 г. в поселке Чулпан открылась мечеть (до этого верующие собирались в частном доме). С тех пор в мечети сосредоточена вся мусульманская жизнь поселка. Обязанности муллы исполняли самые уважаемые люди Нигматзян Галимович Галимов и Магдан Тагирович Мухаметзянов. Теперь в поселке Чулпан имеется 105 хозяйств, живут 295 чел., 18 детей из поселка Чулпан обучаются в Староермаковской средней школе, 10 студентов проходят обучение в различных учебных заведениях.

В поселке имеется один магазин, принадлежащий индивидуальному предпринимателю Д. Р. Габидуллиной. Действует ФАП, где с 2005 г. заведующей работает С. К. Абдрахимова, центром досуга для населения является сельский клуб, которым с 2001 г. заведует Г. С. Каримова. В том же здании находится библиотека с фондом 7 тысяч книг (библиотекарем с 1983 г. работает К. М. Сытдикова). С 2013 г. работает детский сад «Радуга» (заведующая А. М. Сафиуллина), почту разносит С. М. Мингазов, в отделе социального обслуживания населения работают Р. А. Жуматдилова, Ф. Ф. Салахова Ф. Ф. и С. И. Файрузова С.

На сегодняшний день в поселке Чулпан имеется два фермерских хозяйства: ИП Ф. И. Заляев занимается растениеводством, ИП Г. С. Каримова – молочным скотоводством.

Жители поселка трудятся в личных подсобных хозяйствах – содержат скот мясной и молочной породы, много пчел, уток, гусей, кур, на приусадебных участках выращивают картофель, различные овощи.

КЛЯВЛИНСКИЙ РАЙОН

Назаровка

Село Назаровка, расположенное в Клявлинском районе Самарской области, недалеко от границы с Республикой Татарстан, является местом компактного проживания кряшен. В научной литературе их обычно называют этноконфессиональной группой в составе татарского народа, которая представляет большой интерес. В то время как другие татары являются мусульманами, кряшены (или, как их еще называют, крещеные татары) исповедуют православное христианство. Как этноконфессиональная группа татар кряшены рассматриваются и в предлагаемом вниманию читателей издании.

Существуют разные версии происхождения указанной группы. Согласно одной из них, наиболее часто встречающейся в историко-этнографической литературе, кряшены – это потомки поволжских татар, принявших православное христианство в XVI-XVIII вв.[1] Отмечается, что произошло это по разным причинам: одни были обращены принудительно, в результате проводившейся царским правительством политики насильственного крещения, другие приняли христианство добровольно, часто желая избавиться от обременительных повинностей, или в целях более быстрого продвижения по службе. Имел место и условно-добровольный переход в православие.

Р. Г. Кузеев в своей фундаментальной работе по этнической истории и культуре народов Волго-Уральского региона писал, что кряшенская этноконфессиональная группа возникла в XVI-XVIII вв. в результате обращения в христианство части татар – как казанских, так и мишарей. Далее он указывает, что среди кряшен было немало отатарившихся удмуртов, марийцев, мордвы, чувашей, возможно, ранее мусульманизированных[2].

В других работах, развивающих данную точку зрения, также указывается, что в этногенезе кряшен, кроме тюркского, основного, принял участие и финно-угорский компонент. Отмечается, что известны случаи принятия христианства тюркскими феодалами в эпоху Волжской Булгарии и Золотой Орды, но основное влияние на формирование кряшенов, как отдельной общности, оказал процесс христианизации части татар Поволжья во второй половине XVI-XVII вв. (сформировавшаяся в это время группа носит название «старокрещённых татар») и процесс христианизации нерусских народов Поволжья в первой половине XVIII в. (новая группа татар, сформировавшаяся в это время, носит название «новокрещённых»[3].

Указывается также, что на рубеже XIX-XX вв. часть кряшен вновь возвращается в ислам, но, тем не менее, этноконфессиональная общность крещеных татар сохранилась. И сегодня кряшены поддерживают различные особенности традиционной культуры и быта.

[1] http: www.dic.academic.ru Энциклопедический словарь.
[2] Кузеев Р. Г. народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. С. 263-264.
[3] Татарская энциклопедия: В 5 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3. С. 462.

Вторая точка зрения получила распространение в основном среди активистов кряшенского общественного движение. Согласно ей, кряшены не являются группой в составе татар, а представляют собой самостоятельный этнос. Их предками сторонники этой точки зрения считают тюркское население Поволжья, которое не исповедовало ислам до принятия христианства, а само христианство было принято указанным населением до присоединения Казанского ханства к России. В последнее время появился ряд публикаций, где развивается данная точка зрения. В одной из них обращается внимание на наличие христиан в Волжской Булгарии, а затем утверждается, что «из части носителей булгаро-кыпчакской крови, но … не принявших ислам и оставшихся при своей прежней вере», выросли протокряшены, «от которых произошла народность, которую сегодня называют кряшены (керяшеннэр)[1]. Сторонники взгляда на кряшен как на самостоятельный этнос указывают, что, в отличие от кряшен, татары-мусульмане, насильственно крещенные после падения Казани, в абсолютном большинстве вернулись в ислам, как только к этому представилась возможность.

Данная тема требует дальнейшего углубленного изучения. Сторонники взгляда на кряшен как на самостоятельный этнос в своих публикациях часто отождествляют религиозную и этническую принадлежность, что далеко не всегда верно (в мире есть

[1] Малов А. М. Кряшены: исход и воплощение // Кряшеноведение: Научный альманах. 2014. Вып. 1. С. 15.

немало народов, отдельные группы которых исповедуют разные религии). Вместе с тем, следует учитывать и такой аргумент сторонников данной точки зрения, как отсутствие влияния ислама на традиционную культуру кряшен.

В одной из публикаций подчеркивается различие понятий «кряшены» и «крещенные татары» – именно к последним в этой публикации относят татар, обращенных в православие в XVI-XVII вв. (старокрещенные) и в середине XVIII в. и даже в последующее время (новокрещенные)[1]. Именно последняя группа крещенных татар со временем почти полностью возвращается в ислам. Автор указанной публикации, соглашаясь с тем, что старокрещенные татары послужили основой для формирования этноконфессиональной общности кряшен, в то же время призывает к дальнейшему изучению данной темы.

О культурных особенностях кряшен села Назаровка писали в газетах «Азан» и «Бердемлек», а также в журнале «Самарские татары». Отдельных изданий, посвященных Назаровке, нет.

В основе названия данного поселения, как и многих других населенных пунктов области, лежит личное имя. Из поколения в поколение передается среди жителей Назаровки предание о возникновении села. Согласно ему, начало поселению положили три брата Тазовы – Назар, Алексей и Тимофей, которые пришли со своими семьями в эти места с территории нынешнего Татарстана, из села Нарат Асты современного Сармановского района. Были они беглыми крестьянам, и покинули родной край, спасаясь от противопожарного (трубного) налога и от произвола своего барина. Сначала братья поселились севернее нынешней Назаровки, но их прогнали жившие там татары, когда узнали, что переселенцы – крещенные. Наконец, они оказались на территории современного Клявлинского района. Эти места очень понравились братьям – здесь было много родников, а вокруг шумел лес, полный дичи, грибов и ягод, и в нем легко было укрыться от возможных преследователей. В лесу, по преданию, находилось огромное болото, которое впоследствии высохло. Братья вырыли землянку и стали жить на новом месте. Затем к ним присоединились другие беглые. Постепенно появились избы, образовалось настоящее село, которое получило название по имени старшего брата Назара. И сегодня Тазовы – очень распространенная фамилия среди жителей Назаровки.

Спустя несколько лет недалеко от Назаровки образуется новое поселение – Сходнево, основатели которого были из числа переселенцев из города Пензы. Так как в новом поселении не хватало земли на строительство домов, то многие переселились в Назаровку.

Время шло… Постепенно росло население Назаровки, и село развивалось. Назаровка стала приходской церкви села Сходнево. В 1896 г. в деревне была открыта школа грамоты, находившаяся в собственном здании. Помещение для этой школы было построено на миссионерские средства. В 1900 г. указанная школа грамоты была преобразована в церковно-приходскую школу.

В начале прошлого века в поселении, кроме школы, имелись четыре водяные мельницы. На 1910 г. во владении Назаровки было 2044 десятин надельной земли: 1904 десятин удобной + 140 десятин неудобной. Население Назаровки неуклонно росло: если в 1859 г. здесь насчитывалось 53 двора (327 человек: 168 мужчин и 159 женщин), то в 1900 г. – уже 124 двора (722 человека: 353 мужчин и 369 женщин), а в 1910 г.– 195 дворов (1305 человека: 635 мужчин и 670 женщин).

С 1928 по 1941 гг. здесь происходили изменения административно-территориального деления. Так, в связи с ликвидацией Самарской губернии и образованием Средневолжского края населенные пункты Сходнево и Назаровка отошли в Шугуровскую волость Татарской АССР. А уже в 1930 г. в Клявлинский район из Шугуровского района были переданы села Сходнево и Назаровка бывшей Сходненской волости…

В конце XX в. происходит уменьшение численности жителей села. На 01.01.2013 г. в сельском поселении Назаровка муниципального района Клявлинский Самарской области проживает всего 467 человек (с. Назаровка – 390, с. Сходнево – 76, д.Дубенка – 1 чел.), пенсионеров в поселении – 122 чел (из них мужчин – 41, женщин – 81). Трудоспособного населения – 263 человека (из них женщин – 116, мужчин – 147). В поселении в настоящее время действуют: социальный приют для детей и подростков «Надежда», и девятилетняя школа.

В годы Великой Отечественной войны 1951-1945 гг. почти все мужчины села ушли на фронт. Некоторые женщины также принимали участие в боевых действиях. Не всем суждено было вернуться домой. В 2014 г. в Назаровке оставалось всего два фронтовика: инвалид Великой Отечественной войны Василий Иванович Савельев (1924 г.р.), и участница Великой Отечественной войны Татьяна Петровна Богатова (1925 г.р.), которая была в годы войны зенитчицей.

Жители данного села указывают, что они являются татарами, в быту говорят на татарском языке, принимают участие в проведении областного татарского праздника Сабантуй и татарских фольклорных фестивалей. С другой стороны, они подчеркивают, что их вера – русская, т.е. православная. Кряшены Назаровки в настоящее время носят русские имена и фамилии. В селе есть Афанасьевы, Даниловы, Ивановы, Макаровы и др.

Кроме кряшен, в настоящее время в Назаровке живут и представители других народов – русские, чуваши, мордва, азербайджанцы… В селе есть татарский и чувашский «концы». Нередко заключаются межнациональные браки. В стихотворении «Назаровка», которое сочинил местный житель, поэт и краевед Михаил Егорович Тазов (1939 г.р.), говорится о том, что русские, татары, чуваши живут здесь одной семьей.

Жители Назаровки сохранили многие особенности традиционной культуры. В домах есть старинные предметы быта. Отмечаются православные праздники – Рождество, Пасха и др. На Покров жители Назаровки ходят в гости друг к другу, а также принимают родственников из других поселений. На Рождество проводится гадание на кольцах. Любимым праздником жителей села является Троица, когда молодежь устраивает веселые гулянья, а ворота домов украшаются березовыми ветвями. О праздниках подроб-

[1] Баркарь Е. В. Кряшены и крещенные татары: сходства и различия // Кряшеноведение: Научный альманах. 2014. Вып. 1. С. 20.

нее рассказывается в разделе «Этнография». Необходимо отметить, что в домах сохранились многие традиционные предметы быта, различные изделия, сотканные или вышитые в домашних условиях. Среди современных умельцев следует отметить мастера по деревообработке Василия Петровича Афанасьева, который изготавливает прекрасные деревянные изделия.

Сегодня во многих поселениях Самарской области работают фольклорные коллективы. Выступая на праздниках в национальной одежде, исполняя традиционные песни и танцы, они активно способствуют сохранению и поддержанию родной культуры. Такой коллектив есть и в Назаровке. Называется он «Натукай» – такое имя носит старинная песня, которую пели только кряшены этого села. Указанный фольклорный коллектив был образован в 2011 г. в Назаровском сельском доме культуры, благодаря директору СДК Ульяне Ильиничне Веселовой и художественному руководителю Дарье Александровне Савельевой. Несколько лет назад о селе Назаровка узнал Виталий Васильевич Агапов, народный артист Республики Татарстан. Много лет он собирает историю, разыскивает по всей России поселения православных татар и объединяет их вместе на фестивалях, проводимых на различных уровнях. В конце 2011 г. он посетил Назаровку. Прославленного артиста приятно удивило то, как местные жители сумели сохранить особенности традиционной культуры кряшен. Встреча членов коллектива «Натукай» с В. В. Агаповым очень помогла дальнейшему творческому развитию этой группы. В 2012 г. «Натукай» по приглашению В. В. Агапова побывал на ежегодном песенном фестивале кряшен «Нардуган», где был удостоен грамоты. Затем коллектив из Назаровки принял участие в работе Пятого Всероссийского фольклорного фестиваля «Тугэрэк уен» и стал лауреатом второй степени. «Натукай» выступал на первом областном сельском Сабантуе в Камышле в 2013 г., а также на других праздниках.

КОШКИНСКИЙ РАЙОН

Новое Фейзуллово

В 1883 г. одна треть жителей села Старое Фейзуллово Степношенталинской волости Самарского уезда из-за нехватки земель решили покинуть деревню и поселиться подальше от родных мест. А уже в 1884 г. еще 80 семей перебрались на новое место жительства. Причем, переселялись не по своей воле, а тянули жребий. Жители села Старое Фейзуллово провожали своих односельчан со слезами на глазах. Нелегко было и переселенцам: на новом месте все приходилось начинать с нуля.

Но все же в память о своих родных местах новоселы решили сохранить название Фейзуллово с приставкой Новое. Деревней руководил староста, которого выбрал народ. Десятники собирали народ на собрания, где обсуждались проблемы крестьянского общества. На собрания ходили только главы хозяйств – мужчины. Определенную роль в слабом участии женщин в жизни села играло и то обстоятельство, что по исламскому обычаю женщинам нельзя было показываться перед чужими мужчинами. Народ исправно платил налоги. За одну десятину земли платили 5-10 рублей. Староста эти деньги сдавал в волостное правление. А там эти деньги пускали на разные нужды местного самоуправления: например, на строительство мостов, рытье колодцев, наем пастухов и другие расходы.

В 1914 г. началась Первая мировая война и все военнообязанные запасные «нижние чины» ушли на войну. Несмотря на всеобщую воинскую повинность, зажиточным крестьянам удавалось откупаться от призыва в армию.

На этой войне погибли Миначдин Кыяметдинов, Салих Гимальдинов, Сиразетдин Бадретдинов, Гаяз Замалиев. Оставшиеся в живых вернулись в деревню и, поменяв винтовки на лопаты и вилы, восстанавливали свои запущенные хозяйства.

Октябрьская революция 1917 г. изменила жизнь деревни. Перед этим, в 1915-1917 гг. сельским старостой был Нургали Зарипов, а волостным старшиной – Бадретдин Туктаров. На народном собрании их сместили и создали новый государственный орган – сельский совет, крестьянам дали в пользование землю. Чтобы обеспечить город и воюющую Красную Армию хлебом, крестьяне должны были сдавать государству почти все зерно (политика продразверстки). Это порождало среди крестьянства большое недовольство новым строем. На этой почве в Новом Фейзуллово даже случился народный бунт. Чтобы подавить сопротивление крестьян, в деревню прибывает «продотряд», в составе которого были и сельчане Мавлют Мифтахутдинов и Закир Ахметзянов. Отряд находился в деревне до 1919 г.

и выполнил свою задачу по изыманию хлеба у жителей села.

1921 г. нанес по нашей стране и ее народу и страшный удар – начался голод. Многие люди умерли. Для помощи голодающим была создана специальная комиссия, в составе которой были Бадретдин Туктаров, Хаматвали Шарипов, Сибгать Алимов и другие активисты. Комиссией и другими органами власти принимались разные меры по спасению людей, в первую очередь детей. Например, всем детям до 15 лет было решено выдавать дополнительные пайки. Так «дотянули» до осени 1922 г., когда поля дали хороший урожай хлеба и других культур.

Но в стране по-прежнему звучали отзвуки гражданской войны. Во многих деревнях орудовали бандиты и отряды дезертиров. В конце 1922 г. на северо-востоке от деревни в районе деревень Яновка и Супонево произошел бой с бандитами, в результате которого бойцы Красной Армии были вынуждены отступить, и уходили они через Новое Фейзуллово. Но на помощь им прибывает бронепоезд, который с разъезда Розовка шквалом огня вынудил врагов Советской власти отступить и бежать.

После гражданской войны началось перераспределение «кулацких» наделов и земель. Каждый из бедняков и середняков получили для себя участки, начали выращивать хлеб и продавать его по своему усмотрению.

Такая экономическая свобода просуществовала до 1928 г., пока государство не начало кампанию по коллективизации крестьянских хозяйств. Советские активисты села Ахмат Мингалиев, Марьям Сабитова, Сайри Сабирзянова, Билал Хайров и другие провели агитацию среди населения. Борьба сторонников и противников колхоза закончилась тем, что последние с семьями были вынуждены покинуть деревню.

В 1929 г. в Новом Фейзуллово создается колхоз «Красная Звезда», куда первыми вступили 19 семей. Среди них Мирзазян Ягудин, Исмагил Мирзазянов, Шараф Хайретдинов, Ярулла Галиев, Гиниятулла Хамадеев и другие. Первым председателем был присланный из города «двадцатипятитысячник» Ибрагимов, его помощником – Шафигулла Рахматуллин, секретарем была немка по национальности Софья Морайц. Председателем сельского совета стал Хаматсафа Миникаев, а правление колхоза располагалось в доме Банат Мурзахановой.

В то время деревенский народ в массе своей был неграмотный. Только один человек – Хаматсафа Сафаргалиев хорошо знал русский язык, поэтому писал за всех заявления и вел документацию в сельсовете. Читать и писать пытались учиться дома. В 1928 г. в деревню приезжала девушка по имени Мамдуха и на дому учила грамоте желающих, используя при этом старотатарский алфавит на арабской графике.

В 1929 г. начинается строительство начальной школы. Приезжают учителя Марьям Сабитова, Марзия Абзалимова, Джамал, Рокия и ведут занятия с детьми. В этом же году в Залесье открывается школа механизаторов. Мирзазян Ягудин, Гарай Хаертдинов, Хади Мирзазянов, Вали Ихсанов и другие первыми оканчивают это учебное заведение и возвращаются в колхоз трактористами. В 1930 г. колхозу дают трактор «Фордзон», за руль которого первым сел Мирзазян Ягудин.

Первыми коммунистами села были Сайри Сабирзянова, Салим Сабирзянов, Ярулла Садыйков, Салихзян Сабирзянов, а первыми комсомольцами – Гыймалетдин Бадартдинов, Хади Мирзазянов, Вали Гыйльмутдинов, Вагиз Шарафутдинов, Халима Залалдинова и другие.

В 1939-1940 гг. в советско-финской войне участвовали Замальдин Шияпов и Зариф Миникаев. Миникаев после демобилизации был избран председателем сельского совета.

С 1941 по 1945 гг. более ста человек из села ушли на фронты Великой Отечественной войны, из них около 60-ти человек не вернулись из боя.

В мирное время жители Нового Фейзуллово также участвовали в восстановлении и развитии страны. Например, Минзаки Иксанов и Замаль Шияпов в 1954 г. по комсомольской путевке поехали на освоение залежных и целинных земель. В 1957 г. им была вручена медаль «За освоение целинных земель». Вали Ихсанов после войны работал в Читинской области шахтером. В 1961 г. вернулся в село и работал водовозом. Гумер Галиев в 50-е годы работал шахтером на шахте «Северная».

(Информацию о более поздних периодах жизни села Новое Фейзуллово нам получить не удалось. Редакционный совет)

Старое Фейзуллово

Село Старое Фейзуллово основано в 1733 г. По рассказам старожилов, название села происходит от имени собственного «Фейзулла», которым звали основателя и первого поселенца населенного пункта.

Место для нового поселения было выбрано неслучайно. Рядом протекает река Кармалка, а также были небольшие озера и лесистый участок. Для постройки жилья, соответственно, была древесина, а в реке и озерах было достаточно рыбы для пропитания. Через полтора века, когда число поселенцев выросло до нескольких десятков семей, по неизвестной ныне причине внутри общины произошел конфликт, итогом которого стало переселение части жителей на правобережье реки Кондурча – в настоящее время это село с названием Новое Фейзуллово.

Крестьяне Старого Фейзуллово всегда были деятельным и трудолюбивым народом. Люди занимались птицеводством, животноводством, пчеловодством. Была распространена практика, когда наемным работникам, ввиду недостатка «живых» денег, платили натуроплатой – медом. Многие имели свое дело, например, М. Г. Курбанов и Г. Х. Камалетдинов владели ветряными мельницами.

Первые две мечети Старого Фейзуллово находились в центре села, они были построены еще до революции 1917 г. Также известно, что с приходом Советской власти одну мечеть стали использовать в качестве сельского клуба, а вторая была закрыта и опечатана. Муллы подвергались гонениям. Со временем здание, используемое в качестве культочага, стало разрушаться и проводить в нем какие-либо

мероприятия стало опасно. Поэтому было принято решение о его сносе. Теперь на этом месте цветет разнотравье.

Мусульманская жизнь в селе никогда не прекращалась. До 1987 г. сельским муллой был местный житель Г. М. Латыпов. Подрастающее поколение перенимало знания об исламе от дедов, отцов и матерей, то есть знания об исламской религии и обрядах получали в домашних условиях. В годы перестройки возникла народная инициатива о строительстве мечети – она была открыта 28 июня 1991 г. Ее имамом стал Халитов Габдулхак, который и в наши дни является духовным лидером и наставником сельчан.

В далеком 1910 г. в деревне Старое Фейзуллово Степношенталинской волости Самарского уезда была открыта первая начальная школа. Первым учителем, который преподавал деревенским детям грамоту, был Шаммасов Хаджа. В советское время, в 1936 г. была открыта школа крестьянской молодежи, ее директором был назначен Гизатуллин Гариф.

Во время Великой Отечественной войны, когда практически все мужское население было призвано в Красную Армию, весь нелегкий труд вынесли на своих хрупких плечах женщины, старики и дети. Как вспоминают ветераны села, время было очень голодное, и нередко приходилось варить супы из крапивы, сорняков, мерзлой картошки. Выживали как могли.

В 1941-1945 гг. на фронт из Старого Фейзуллово ушли воевать более 150 человек, из них 81 не вернулись домой. На месте старой школы стоит памятный обелиск с фамилиями не вернувшихся с полей сражений. Здесь ежегодно 9 Мая проводятся торжественные мероприятия, посвященные памяти павших защитников Родины.

И в послевоенное время Старое Фейзуллово несколько раз обдало дыханием войны: при исполнении

воинского долга в Афганистане погиб Мифтахутдинов Юнус Габбасович. В боевых действиях в этой стране участвовали Зайнутдинов Рашид Гумерович, Аглиуллов Рафаэль Равилович, Латыпов Харис Насибуллович, но все они вернулись живыми.

В послевоенную эпоху Старое Фейзуллово активно росло и крепло. И многие его жители вносили вклад в развитие местного хозяйства. В их числе – М. Х. Миннибаев работавший главным экономистом в объединенном колхозе «Шенталинский». Во многом благодаря его стараниям и организаторским способностям вышестоящими инстанциями было принято решение о строительстве (взамен старого деревянного) нового здания школы в два этажа из кирпича. Типовая полноценная школа (на 106 учеников) со спортзалом позволила десяткам мальчишек и девчонок получить хорошее образование и уверенно шагнуть во взрослую жизнь.

Здесь многие годы здесь преподавали татарский язык и татарскую литературу, проводили творческие и литературные вечера, посвященные видным татарским писателям и деятелям искусства (Габдулла Тукай, Муса Джалиль, Амирхан Еники и т.д.). Школа носила статус национальной. Но, в связи с новыми демографическими процессами в деревне в 2006 по 2011 гг. школа функционировала только как начальная, была одна учительница – С. С. Миннибаева. В настоящее время школа закрыта.

Со Старым Фейзуллово связаны жизнь и творчество известного татарского поэта и художника Гакиля Сагирова (1938-2009), человека удивительной и трагической судьбы. Основную часть своих произведений (стихи, прозу и графические рисунки) он создал именно здесь…

В годы председательствования С. А. Бисултанова в селе при финансовой поддержке колхоза было построено 8 кирпичных домов, что придало селу современный вид.

В 2002 г. в селе был поднят вопрос о строительстве нового здания дома культуры (клуба). На общем собрании жителей села под руководством главы сельского поселения Р. Х. Миннибаева было принято решение о начале строительства. Строительные работы инспектировал Р. Х. Миннибаев. Общими усилиями было отстроено замечательное здание, где проводятся концерты и праздничные мероприятия, смотры-конкурсы художественной самодеятельности, в которых неоднократно коллектив самодеятельных артистов занимал победные первые места. Старофейзулловские артисты активно участвуют в праздниках и фестивалях областного масштаба. И поныне ставятся театрализованные сценки, изучаются национальные песни и танцы, татарский народный фольклор. Сельчане всегда рады принять гостей и культурно проводить свободное время. В настоящее время домом культуры заведует Миннибаева Р. Р., которая с энтузиазмом и творческой ноткой подходит к своей работе. Активными участниками художественной самодеятельности являются Р. Р. Миннибаева, М. Ш. Аминов, Р. Р. Миннибаев, С. Х. Шарипова, С. Х. Туктарова, М. З. Шайхуллова, Р. Х. Миннибаев, М. Г. Сафина, Нургалеева Ф. М., Ягудина Х. А., Камалетдинова С. Х.

В настоящее время в селе (входит всельское поселение Степная Шенталла, глава Абдулганеев Р. С.), имеется около 130 хозяйств, из их числа 128

газифицировано. В селе проживают 352 человека, в том числе трудоспособного населения 127 человек. На пятничную молитву в сельской мечети собираются 15-17 человек, практически все пенсионеры. Основная часть сельчан занимается личным подсобным хозяйством.

КРАСНОЯРСКИЙ РАЙОН

Кондурчинский

Татарские поселки неподалеку от нынешнего райцентра Красный Яр стали продуктом политики аграрных реформ Петра Столыпина. Начало им положил Указ от 9 ноября 1906 г. о предоставлении крестьянам права выходить из общины. При этом вместо общинного надела они получали другие участки, которые получили название «отруба». В ходе реализации этого закона в пойме реки Кондурча возникло множество «отрубных» населенных пунктов. В том числе в Красноярской волости, недалеко от места слияния рек Кондурча и Сок, образовался новый поселок. Основными жителями которого стали выходцы из Мулловки Самарского уезда. Поэтому в некоторых архивных документах татарский поселок на берегах Кондурча в первое время назывался Новой Мулловкой.

В первое время крестьяне (за исключением единиц) там постоянно не жили, а просто выезжали на работу в сезон сельхозработ. То есть примерно на шесть месяцев – по-татарски «алты айга». По одной из версий с этим словосочетанием связывается возникновение татарского названия нынешнего поселка Кондурчинский – Ялтай.

Но 9 мая 1909 г. в Мулловке случился пожар, самый крупный в ее истории, в результате которого сгорело несколько десятков хозяйств. Часть пострадавших (47 домохозяев) решили начать с нуля, уехать на «отруба» и завести там новое хозяйство. Именно после 1909 г. население четырех кондурчинских поселков сразу и заметно возросло.

Таким образом, населенный пункт из трех поселков, к которому мы сейчас применяем объединенное название «Кондурчинский», сформировался к 1910 г.

Первыми жителями поселка Кондурчинский стали Береев Сагир, Мухутдинов Хуснутдин, Абдрашитов Махмуша, четыре брата Таламбировых, Нараев Габдрахим, Мавлихановы, Муратов Каюм, Яхин Тухфетдин; поселка Линевой – Ягудин Гафур, Миникаев Закир, Феткуллов Хамидулла, Насыров Хабибулла; поселка Угловой: – Тимербулатов Насибулла, Насырова Гандей, Низамутдинов Агзам, Низамутдинов Мингали; поселка Девятка–Айбетов Шафигулла, Айбетов Насибулла, Тимербулатов Гарифулла. (Последний из этого списка поселок в 1938 г. сгорел, и его немногочисленные обитатели перебрались на жительство в соседние населенные пункты).

После 1910 г. из Мулловки, Теплого Стана и некоторых других селений стали приезжать другие семьи. Кругом был лес и заливные луга, деревья вырубались и корчевались. Таким образом новопоселенцы отвоевывали себе жизненное пространство в виде участков для посева разных культур.

В реках Сок, Кондурча и озерах ловили рыбу, в лесу собирали ягоды и грибы, на лугах пасли скот и косили сено. В 1914 г., перед самой войной, кондурчинские татары успели построить мечеть (во время войны строительство храмов разных религий было прекращено).

В 1930 г. здесь образовался колхоз «Дамир», который возглавил присланный со стороны работник татарской национальности. Затем на эту должность заступил местный житель Абдрашитов Заки, проработавший до 1941 г. А когда его призвали на фронт, председателем колхоза стал Тимербулатов Насибулла. После войны колхозом несколько лет руководил Миникаев Риза, потом с 1955 по 1965 гг. – Иван Климентьевич Тоболец. В нач. 60-х гг. произошло объединение двух колхозов «Дамир» и «Луч». Новое хозяйство получило название «Дружба».

Первым комсомольцем поселка был Миникаев Мугин, впоследствии участник Великой Отечественной войны. Окончив Чкаловское летное училище, он стал летчиком дальней бомбардировочной авиации, участвовал в знаменитых налетах советских самолетов на Берлин летом 1941 г. Потом он попал в плен, почти четыре года провел в концлагерях. После освобождения М. Миникаев доказал свою невиновность, но не смог восстановиться в армии и получить заслуженные военные награды. На фронте воевала целая семья Миникаевых: кроме Мугина, Накиэтдин, Харис и Котдус (два последних погибли в боях за Родину).

А всего более трех десятков жителей поселков во время Великой Отечественной войны ушли на фронт: 18 из них погибли, остальные вернулись на Родину. Один из них Нурулла Мухаметгалеев в советские годы долгое время исполнял обязанности сельского муллы.

Народное образование. В архивных документах одной из первых советских учителей называют Фатыму Бакирову. В Кондурчинском школа получила свое отдельное здание только в 1935 г., в бывшей мечети. С детьми здесь стали работать Джамал и Муслима (фамилии пока установить не удалось). В 1937 г. в школе стала работать Факия Хамитовна Рамазанова, а после войны вместе с ней Нажия Мердеева и Галина Ивановна Федотова.

Школа находилась в поселке Кондурчинский, а из Линевого и Углового дети ходили сюда пешком. В начале 60-х гг. в колхозе «Дружба» было построило здание восьмилетней школы, которая открылась в 1963 г. Ее директором стала Мадхия Агзамовна Феткулова, педагог с высшим образованием.

В 60-70-е гг. больших успехов в спорте добился Борис Миникаев, чемпион РСФСР и Спартакиады народов СССР по боксу.

Житель Кондурчинского Мавлиханов Хайрулла (1963 г. рождения) в 1981-1983 гг. проходил срочную службу в составе контингента советских войск в Афганистане.

В самом конце советской эпохи бывший колхоз «Дружба» примерно на десять лет стал подсобным хозяйством Куйбышевского металлургического завода. В это время силами предприятия в Кондурчинском было возведено несколько хозяйственных объектов, отремонтированы школа, сельский дом культуры и построена мечеть. Имамом поселка более 20 лет трудится Сабиржан Махмутов.

В конце 90-х гг. подсобное хозяйство прекратило существование.

В последние десятилетия Кондурчинский, вошедший в состав сельского поселения Красный Яр, активно застраивается индивидуальным жильем и фактически превратился в коттеджный поселок. Сейчас здесь имеется филиал Красноярского центра социального обслуживания, ФАП, в котором по графику принимает также врач общей практики. Школа прекратила свое существование, дети обучаются в районном центре.

Ново-Урайкино

Архивные документы сообщают время появления на этом месте постоянных жителей – 1814 г. Ими стали отставные солдаты-башкиры, которым после окончания Отечественной войны 1812 г. были выделены земли вдоль реки Сухой Авраль Ставропольского уезда – в двух верстах севернее имения «отставного поручика», помещика Алексея Михайловича Мошенского, который в 1777 г. перевел сюда часть крепостных крестьян из Петровского уезда. Документы косвенно указывают также на то, что сначала на месте Ново- Урайкино поселились три семьи «водворенных на участок земли» бывших солдат. Потомки одного из них – Еналея Ахмерова до сих проживают здесь. Это – род Хасьяновых, по имени сына Еналея – Хасьяна, которому в момент поселения в 1814 г. было 12 лет. Следы двух других первопоселенцев сейчас не прослеживаются – видимо, они по каким-то причинам выехали отсюда и поселились в другом месте.

В период 1815-1817 гг. к бывшим рекрутам, ставшим земледельцами, стали подселяться крестьяне лашманного ведомства из села Татарское Урайкино Помряскинской волости Ставропольского уезда. Поскольку они составили основную часть новопоселенной деревни, она стала считаться поселком того, «старого» Урайкино и приняла, то же название с приставкой «Новое».

Насчет происхождения русского варианта названия «Урайкино» существует несколько версий. Самой объективной видится производное от имени собственного Уразмухаммет (или Уразгильде) и далее упрощенное, сокращенное употребление этого имени: Ураз, Урай… По данным ульяновского исследователя Амира Ахметова, в 70-е гг. XVII в. «служилые инородцы (татары) Алка и Кандорка Ураевы, выходцы из села Альмендер Свияжского уезда на реке Красная основывают село Урайкино и обязуются нести службу по Казанскому уезду».

Объяснение татарского варианта названия «Кызыл су» – буквально «Красная вода» кроется в природе указанного выше уголка Старомайнского района Ульяновской области. Дело в том, что несколько веков назад в летнее время вода в реке Красная приобретала ярко выраженный красноватый оттенок. Геологическая ситуация в районе протекания реки сложилась так, что в теплое время года из-под воды выделялись какие-то химические составы (специально их никто не изучал и не описывал), которые, распределяясь по дну реки, придавали воде четко выраженный красный цвет. Поэтому река и получила такое название. В наше время земные недра вдоль реки Красная ведут себя иначе, поэтому массовых, как прежде, выделений нет, и от указанных природных явлений остались только воспоминания старожилов и одинаковые названия двух родственных сел.

Первая мечеть (без минарета) в Ново-Урайкино была построена примерно в 1825 г. Более точных документальных подтверждений этому нет, в архивах обнаружено только постановление Симбирского Губернского правления от 7 февраля того же года о разрешении на постройку мечети в «деревне Новая Урайкина Пискалинского приказа» удельного ведомства. При мечети, как было тогда принято, открылось низшее учебное заведение – медресе по обучению вере, чтению и письму (по-татарски).

По народной ревизии (переписи населения) 1834 г. в деревне проживало 164 чел. К этому времени жители деревни относились к Пискалинскому приказу Самарской конторы Департамента уделов.

Много десятилетий между двумя деревнями Татарским и Новым Урайкино существовала тесная связь. Первым муллой в новой деревне до 1854 г. служил Ибрагим Файзуллов, числившийся лашманным крестьянином в старой деревне. В этом же году мечеть в Новом Урайкино была перестроена и на ней установлен минарет.

Время работы в качестве имама сына Ибрагима Файзуллова – Камалетдина (1836-1910) осталось в истории села временем активной учебы его жителей и распространения знаний. В документах и народной памяти сохранились рассказы об известном на всю округу медресе Камалетдин-хазрата Ибрагимова. В нем учились также и жители соседних сел – Мулловки, Кубань-Озеро и др. В самом конце XIX в. в этом учебном заведении начали внедряться современные методы и программы учебы, поэтому его можно назвать конфессиональной школой джадидистского типа. Сам Камалетдин Ибрагимов первым среди жителей Ново-Урайкино и соседних деревень побывал в Саудовской Аравии и совершил хадж.

Недавно энтузиастами истории малой родины на сельском кладбище была обнаружена его могила – на средства спонсоров она приведена в порядок, огорожена, а на металлическом заборе установлена памятная доска.

…14 мая 1879 г. в деревне Новое Урайкино, по причине неосторожного обращения молодежи с огнем, случился сильный пожар, за несколько часов уничтоживший 60 хозяйств из 72. К осени большинство крестьян, получив страховые суммы и опираясь на помощь жителей соседних сел (в первую очередь, самых близких Мошенок и Михайловки), оправились от беды и заново отстроились. Многие в поисках средств уходили на отхожие промыслы, в том числе на ближайшую волжскую пристань – Курумоч и нанимались на работу бурлаками.

После пожара крестьяне получили разрешение на строительство домов к югу, за березовым оврагом, и с этого времени село развивалось, главным образом, в эту сторону. В следующем году вместо сгоревшей мечети была построена новая, она простояла до 1962 г.

По Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. деревня Новое Урайкино Новобинарадской волости состояла из 100 хозяйств с населением 552 чел. обоего пола. В деревне имелись «одна магометанская школа грамоты», три ветряные мельницы, одна бакалейная лавка и хлебозапасный магазин.

В начале XX в. несколько жителей деревни открыли лавки – не только в своей деревне (Халиулла Галимов), но

и в других населенных пунктах Ставропольского уезда (Семерхан Карипов). Основным крестьянским трудом – выращиванием и продажей зерна успешно занимались Гарифулла Калимуллин (он имел также кожевенную фабрику в Самаре), Нетфулла Сафиуллин, Сафа Садыков, Сунгатулла Хасянов, производством кирпича – Калимулла Ахметжанов, Хайрулла Галиуллин, а Мухамет Абдуллов владел кумысолечебницей в Самаре. В годы Советской власти многие из них были «раскулачены».

На фронтах Первой мировой войны «за царя и Отечество» воевали Зябихулла Халиуллин, Калимулла Махмутов, Гата Серазетдтинов, Фазылжан Бильданов, Юныс Хузиахметов и другие, всего полтора десятка человек. Известно также имя одного погибшего на войне – Хуснулла Мухтаров.

В 1918 г. через село Новое Урайкино прошел фронт боевых действий между красными отрядами и армией самарского Комуча. В один из сентябрьских дней на северо-западной окраине села был жестокий бой, закончившийся победой красноармейцев. Погибшие с обеих сторон были захоронены неподалеку от места боя, на пустыре, на котором сейчас находятся личные огороды. Жителям села известно примерное нахождение этих братских могил.

В гражданской войне на стороне Красной Армии воевали Гизятулла Набиуллин, Нетфулла Галимов (погиб в бою), Юныс Хузиахметов и другие.

Голод 1921-1922 гг. тяжело отразился на жизни села. От недоедания и болезней погибли около 50 жителей, среди них много детей (по рассказам старожилов, документальные подтверждения пока не обнаружены). Несколько семей уехали в другие области страны и спасли себя от голодной смерти. Помощь государства и иностранных организаций помогла выжить остальным. Именно в это время здесь узнали, что такое яичный порошок, кукурузная и яичная мука, соевые бобы. Центром обеспечения продуктами этой части Самарской губернии была станция Мелекесс.

После преодоления голода в Новом Урайкино начали активно развиваться простейшие формы крестьянской кооперации, особенно при покупке и совместном использовании сельхозмашин, например, молотилок. В 1924 г. в доме крестьянина Забихуллы Халиуллина открылась первая советская школа, учительствовать в ней стали Фатыма Бакирова и Факия Рамазанова, приехавшие из поселка Ялтай (Кондурчинский). Потом, закончив в Самаре учительские курсы, в дело обучения детей включилась местная девушка Сакиня Муртазина. А до Великой Отечественной войны в школе, которая в 1932 г. переехала в здание бывшей мечети, попеременно работали приезжие учителя – Ахмет Мухин, Мусфир Туйметов, Юсуп Умряшкин, Кашшаф Муталлапов.

После революции имамами новоурайкинской мечети являлись сыновья Камалетдина Ибрагимова – Шагит и Шакир. В конце 20-х гг. из-за усиления давления государства на религиозные институты оба они покинули родные края и обосновались в Средней Азии. Благодаря этому, благополучно пережили репрессии 30-х гг. А муэдзин мечети Кашаф Ахметсафин в 1927 г. уехал жить в Самару, осенью 1937 г. он был арестован и причислен к членам «Контрреволюционно-националистической организации мусульман города Куйбышева», приго-

ворен к смертной казни и расстрелян 14 марта 1938 г.

Колхоз в Новом Урайкино создавался очень тяжело, при глухом, но сильным сопротивлении основной массы сельчан, и окончательно организовался только в 1931 г., первым его председателем стал Зиятдин Шайхутдинов. На руководящих должностях в колхозе и сельском совете работали коммунисты Забихулла Сибгатуллин, Исмагиль Гайнуллин, Вагиз Гимадетдинов. Активно проявляли себя, особенно на культурном фронте, первые члены комсомольской ячейки – Галим Халиуллин, Хабулла Ягоферов, Андаржан Мингалеев. В 1933 г. в колхозе «Труд» появился первый трактор «Фордзон», за руль которого вскоре сел местный механизатор Гарифулла Ахметжанов.

Начальная школа расширяла свою работу, в 1939-1940 учебном году в ней училось около 30 детей. Перед самой войной работать в ней приехали выпускницы Ульяновского татарского педагогического училища Халифа Нуруллина (в замужестве Ганеева) и Дария Рамазанова (Гайнуллина). А в 1944 г. в школе стала работать Назифа Галимова (Набиуллина), окончившая Камышлинское педучилище. Для продолжения учебы в старших классах дети ходили в Сухие Аврали или Новый Буян.

В августе 1939 г. в боях с японскими захватчиками на территории Монгольской Народной Республики, у реки Халхин-Гол погиб Закария Гайнуллин (1914 г.р.). В советско-финской войне 1939-1940 гг. участвовали и вернулись живыми Гусман Сулейманов, Галимжан Мингачев, Шарифулла Гарифуллин.

С началом Великой Отечественной войны непосредственно из Ново-Урайкино через Новобуянский районый военкомат в армию было призвано 58 человека. Погибли на фронте, в плену или пропали без вести 18 человек. За мужество, проявленное в боях, орденом Красной Звезды был награжден Гаяз Мингачев, орденом Славы III степени – Ибрагим Минсафин, многие удостоились медалей.

Кроме того, многие уроженцы села призывались на фронт из городов Куйбышева, Ленинграда, Средней Азии и других мест. В общей сложности почти 100 новоурайкинцев в годы войны защищали Родину. Их имена высечены на мемориальном обелиске, установленном в 2011 г. в центре села.

Десятки мужчин, женщин, юношей и девушек были мобилизованы на предприятия оборонной промышленности Куйбышева, рытье окопов в Сааратовоской и Сталинградской областях, строительство железнодорожных путей.

Весной 1944 г. село Ново-Урайкино поразила эпидемия септической ангины, которая унесла в сравнительно небольшом населенном пункте жизни 51 человека.

После войны значительно укрепилась материально-техническая база колхоза – были построены новая кузница, мельница, пилорама, молочно-товарные фермы (МТФ), а также клуб. В 1954 г. новоурайкинский колхоз был объединен с соседним, михайловским, а через два года – вновь получил самостоятельность. В 1958 г. колхозную дизельную электростанцию заменил постоянный ток Волжской ГЭС, в следующем году в село пришло радио. Руководителями различных отраслей колхозного (а позже и совхозного) производства трудились Шарифулла Ахметжанов, Юныс Гайнуллин, Шарифулла Набиуллин, Зяки Ибятуллин, Галлям Мингачев, Зякия Феткуллова.

В феврале 1959 г. колхоз имени XX партсъезда, вместе с несколькими другими хозяйствами, был передан новобуянскому совхозу имени Горького и стал его отделением.

Период 1960 – середины 1980-х гг. справедливо считается лучшим в истории советского общества. Так было и в селе Ново-Урайкино: именно в эти годы здесь школа стала восьмилетней, заметно выросло благосостояние сельчан, в их хозяйствах появились мотоциклы, автомашины, телевизоры. Строились также новые дома и современные производственные объекты (автовесовая, картофелехранилище, столярная мастерская и др.), типовое здание школы на 180 учащихся. В начале 70-х гг. в южной части села был возведен большой животноводческий комплекс с механической подачей кормов и воды, системой уборки навоза и т.д.

Новоурайкинская восьмилетняя школа дала знания сотням детей двух соседних сел. В 1975-1976 учебном году стараниями заведующего кабинетом национального образования Куйбышевского областного института усовершенствования учителей М. Ш. Нуртдинов в программу вернулись татарский язык и литература, исключенные в 1961 г., во время преобразования начальной школы в восьмилетнюю.

За четыре с лишним десятилетия, что в Ново-Урайкино существовала восьмилетняя (потом – неполая средняя) школа, на ниве народного просвещения ею руководили Юныс Гайнуллин и Шамштедин Гарифуллин, учителями работали Дария Гайнуллина, Назыфа Набиуллина, Хадича Валиахметова (Серазетдинова), Аклимя Хасьянова, Шарифулла Набиуллин, Венера и Габбас Сафины, Габделахат Бикташев, Диляра Мингачева, Дания Шарипова, Гельсем Габитова, Миннегель Сайфутдинова, Валентина Евсеева, Замзамия Ахметжанова (Шакурова), Хаербанат Кутлахметова, Гельфия Галиуллина, Гельсира Ахметова, Рахимжан Шакуров, Нина Анисимова, Рашид и Людмила Набиуллины, Нуржиян Шигабутдинова, Амир Карипов, Альмира Насыбуллина, Гелькэй Карипова, Гельфира Галиуллина, Флера Ибятуллина, Наталья Цалковская, Нажип Ахметов, Гелькэй Гарифуллина, Зельфира Галимова, Людмила Михайлова.

Два жителя – работники совхоза удостоились высоких государственных наград. Это бригадир тракторной бригады Авхат Калимуллин, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, и механизатор Минвали Хузиахметов – медалью «За трудовую доблесть». Руководителями местного хозяйства в послевоенный период работали Туктаргали Ахметов, Юныс Гайнуллин, Хайдар Галимов, Накетдин Галимов, Галляметдин Галимов, Амир Карипов, Минавхат Ахметжанов, Шавкет Шигабутдинов, Камиль Халиуллин и Хамзя Ибятуллин.

Несмотря на закрытие в 1930 г. деревенской мечети, мусульманская жизнь в Ново-Урайкино не прекращалась, а только приняла другие формы. Соблюдались посты в месяц Рамазан, отмечался Курбан-байрам, верующие собирались на меджлисы. Обязанности муллы в эти десятилетия выполняли авторитетные аксакалы Насибулла Тухватуллин, Динулла Калимуллин, Туктаргали Ахметов.

В 1989 г. в Ново-Урайкино, как символ нарастающих перемен в обще-

ственной жизни, на народные средства и помощь различных предприятий и организаций была построена новая мечеть. Первым его имамом стал Минвали Каримов, после него долгие годы на этой важной работе состоял Фоат Мингачев, сейчас обязанности муллы исполняет Шавкет Шигабутдинов.

Многие жители Ново-Урайкино или выходцы из него с честью исполняли воинский долг. В ноябре 1964 г., после получения увечья на службе, в родной деревне скончался моряк-подводник Минвали Зарипов. В событиях в Чехословакии в 1968 г. принял участие Шамшетдин Камалетдинов, в Афганистане воевали Габделахат Файзуллин и Шавкет Кадыров, в первой чеченской войне участвовал Джамиль Каримов, во второй – Ринат Гаязетдинов…

Многие новоурайкинцы добились успехов в различных сферах деятельности. Это – инженер телерадиосвязи Исламетдин Шайхутдинов (1933-2002), подполковник военно-космических сил СССР Гумер Камалетдинов (1937-1981), участник Великой Отечественной войны, после нее партийный работник и руководитель народного образования Юныс Гайнуллин (1925-1994), заслуженный строитель РСФСР Авхат Тимербулатов (1938-1994) и другие. Из наших современников это – известные художники, члены Союза художников Российской Федерации Котдус Гайнуллин и Ринат Бикташев, полковник МВД Шавкет Мингачев, генеральный директор АО «Гостиница «Россия» Альфия Ибрагимова, бизнесмен Юсуф Мингачев и многие другие.

Новое время, наступившее в постсоветской России, открыло простор для инициативы предприимчивых людей. Этим воспользовались и многие выходцы из Ново-Урайкино, живущие в Самаре и других городах. Кроме личного успеха, многие из них активно участвуют в мероприятиях по поддержке родного села. Особенно это проявляется в ремонте и обеспечении функционирования сельской мечети, проведении субботников по благоустройству и памятных мероприятий.

В начале 90-х гг. в село пришел газ, потом была проложена асфальтированная дорога. Но эти благоприятные изменения происходили на фоне нарастающих проблем в экономике и социальной сфере страны. Вскоре крупнейший в области (с посевными площадями в 25 тыс. га) картофелеводческий совхоз имени Горького вместе со всей производственной базой пришел в упадок, потом был ликвидирован, а животноводы, механизаторы и специалисты лишились работы.

В 2006 г. закрылась школа, дети школьного возраста стали ездить за знаниями в Новую Бинарадку (7 км) и Новый Буян (12 км).

Сейчас в селе проживают немногим более 200 человек, большинство из них составляют пенсионеры. Для более молодых семей способом получения дохода является личное подворье, торговля на рынке или работа на стороне. Имеются фельдшерско-акушерский пункт и библиотека.

ПОХВИСТНЕВСКИЙ РАЙОН

Село Алькино

Село Алькино расположено в Похвистневском районе Самарской области, недалеко от границы с Оренбургской областью. Оно является одним из наиболее колоритных татарских сел в нашей области, в нем сохранились многие особенности традиционной культуры и быта татар, проводятся яркие праздники и фестивали. Селу Алькино посвящены многие статьи в периодической печати, материалы о нем размещены на различных сайтах Интернета, а также вышла книга Л. Р. Бурмистровой «Сохраняя вековые традиции», в которой проводится экскурс в историю населенного пункта, подробно описывается современная жизнь села, представлены биографии наиболее известных сельчан.

В основе названия села Алькино, как и в основе названий многих других татарских сел, лежит личное имя. Али (Гали) – так звали основателя села. Существуют различные версии о времени возникновения данного села, как и ряда других населенных пунктов. Называются XVIII, XVII и даже XVI в. Такие значительные расхождения вызваны отсутствием единого ответа на вопрос о том, что следует считать датой основания села: время, когда данная территория стала принадлежать его будущим основателям и у них появились здесь временные поселения; время основания стационарного поселения; первое упоминание об этом населенном пункте.

По рассказам старожилов и материалам краеведов В. А. Ендураева, Я. М. Гараева выходит, что селу около 300 лет. Приведено историческое предание об основании Алькино, во-

шедшее в краеведческую литературу и в рефераты алькинских школьников, посвященных истории родного села.

Жили два брата Кутлугушевых. Однажды они поссорились, и младший Али ушел от старшего из Никольского на восток, чтобы подобрать себе хорошее место и там поселиться. Когда он дошел до территории нынешнего села Рысайкино, то встретился там с молодым чувашем Рзи. Рзи направлялся в сторону Оренбурга в поисках лучшей жизни. Али уговорил его остаться здесь, на его землях жить вместе, обрабатывать землю. На том они и порешили. С этого момента Али и Рзи стали большими друзьями. Рзи был богаче, чем Али, который, кроме земли, ничего не имел. Тогда Али щедро оделил своего друга и всех остальных чувашей землей. Рзи уплатил ему всего лишь 40 рублей. Таким образом, земля обошлась ему по одной копейке за десятину. Когда татары уходили от чувашей, они поселились на горке, находящейся западнее нынешнего Алькино. Там где оно находится сегодня, было непроходимое болото. Татары назвали свой населенный пункт Али аул, а чуваши Рзи Ял… В этом историческом предании рассказывается не только об основании Алькино, но и о возникновении соседнего чувашского села Рысайкино – сегодня они отделены лишь дорогой, фактически образуя одно поселение.

Согласно другой точке зрения, селу Алькино уже более 400 лет. Вот какие сведения приводит руководитель Центра этнологического мониторинга Института истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук Д. М. Исхаков.

Согласно документам, предки жителей села Алькино в 1613-1617 гг. жили (или числились) в деревнях Кугарчино Ногайской дороги и чалы Зюрейской дороги Казанского уезда, будучи сужилыми тарханами, но затем, в 1615 г., «сошли в Уфимский уезд» и стали «служить по Уфе в тарханах», оказавшись на территории «Кипчакской волости», т.е. в бассейне реки Кинель. Затем из-за набегов казахов они некоторое время жили в деревнях соседних башкирских волостей (Юрмийской, Балярской, Еланской), но в 1744 г. вернулись обратно на свои вотчинные земли в бассейне реки Кинель. Возможно, этот возврат происходил неоднократно, так как в грамоте за 1695 г., в которой упоминается один из потомков Миняша (Монаша) служилый тархан Кутлугуш Дюскеев, также есть примечание о том, что «наперед сего жили в разных волостях».

В целом, как считает исследователь, начальный период основания территории по реке Кинель предками татар села Алькино можно отнести к 1613 г. Однако не исключено, что эти земли, названные в документах «вотчинными», принадлежали данной группе населения и раньше – в частности, на это заключение наталкивает упоминание тарханного ярлыка казанского хана Ибрагима (1467-1479 гг.). Во всяком случае, в соседних районах современной территории Татарстана известны аналогичные пожалования времен правления казанского хана Сафа-Гирея. Полагаем, что на основе имеющегося комплекса исторических документов и материалов можно говорить о 400-летии со времени основания села Алькино (Али аул). Кстати, село названо по имени прадеда упоминавшихся в документах Килея и Булата Монашевых-Гали (Али), жившего в середине XVI в.

Одним из первых жителей села считался Мурат бабай. Согласно легенде, он увел жителей Алькино в болотистые места, где они прятались в камышах, опасаясь насильственного крещения. Мурата поймали, выкололи ему глаза и бросили. Целую ночь истекал он кровью, а там, куда капала кровь, образовался родник, к которому сегодня приезжают мусульмане из разных мест. В литературе имеются сведения о Мурадбаки, жившем и скончавшемся в деревне Гали Бугурусланского уезда и получившем религиозное образование.

В 1917 г. в Алькино был организован сельсовет, первым председателем которого стал Лутфи Риязетдинов. В 1924 г. при сельском совете появилась комсомольская ячейка, секретарем которой стал Газиз Латыпов.

Первая коммуна появилась в селе в 1924 г. по инициативе активистов Х. Алтунбаева, Н. Валиуллина, М.кайманова и др. Затем создаются сельскохозяйственные артели «Кызыл юл», «Тургай», им. М. В. Фрунзе. В 1950 г. они слились в коллективное хозяйство «Кызыл юл». В 1954 г. председателем данного колхоза стал тридцатитысячник Тарзеев Фатих Шакирович. Алькинцы первыми в районе стали выращивать кукурузу, принялись активно заниматься овощеводством. Колхозные торговые точки были не только в Похвистневе и в Куйбышеве, но и в Татарской АССР. От овощеводства в артельную кассу поступило 405 тысяч рублей. Животноводство тоже стало давать доходы. Как отмечалось, при Тарзееве за короткий срок колхоз стал миллионером. В1955 г. жизнь председателя неожиданно оборвалась. Чтобы увековечить его имя колхоз был назван им. Тарзеева. С 1955 по 1964 гг. дела колхоза опять пришли в упадок. Почти каждый год менялись председатели, колхозники не выходили на работу, потому что там не платили, искали заработок в других местах. Животноводство не приносило доходов.

В 1964 г. председателем избирается Сафиуллин Сайфулла Асадуллович. В годы его работы дела колхоза резко пошли в гору.

Были построены помещения животноводческой фермы, ремонтная мастерская, столярный цех, первая асфальтированная дорога, осуществлена газификация села.

В первые же месяцы Великой Отечественной войны многие алькинцы ушли на фронт. Не вернулись 285 человек. В числе погибших был гвардии младший сержант Юсуп Салимов. Уроженец Алькино, он погиб смертью храбрых 12 июля 1943 г. в сражении на Курской дуге, посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Многие ветераны войны впоследствии долгие годы жили и работали в родном селе. Один из них – Садриев Сагит Саразович. Он родился 21 января 1914 г. в с. Алькино. Учился сначала в медресе, который в 1923 г. переименовали в школу. После окончания школы С. С. Садриев закончил Бугурусланское педучилище в 1933 г. 16 ноября 1939 г. был призван в ряды Красной Армии. Сагит Саразович – участник Великой Отечественной войны. Он воевал на Крымском полуострове.

С 1 июня 1946 г., после окончания службы, С. С. Садриев вернулся в родное село, где стал работать преподавателем истории и географии, с 1950 г. – учителем биологии и химии, а затем – учителем труда.

В 1957 г. преподаватель ботаники С. С. Садриев и несколько членов

кружка «Молодые натуралисты» были награждены медалями «Участник ВДНХ».

До самой пенсии Сагит Саразович работал в Алькинской средней школе. Умер С. С. Садриев в 1982 г.

Некоторые жители села ушли на фронт совсем молодыми. Таким был Абубакир Шарипзянович Исхаков, родившийся в 1926 г. Когда началась война, на фронт ушел его старший брат Хакимзян, впоследствии пропавший без вести. В 1943 г. ушел на войну и Абубакир. Уже в конце войны он был ранен и контужен, вернулся в родное Алькино на костылях, но полный желания жить и работать. А. Ш. Исхаков возглавил овощеводческую бригаду, за высокие достижения в данной сфере в 1955 г. он был отмечен правительством и награжден путевкой на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства. Абубакир Шарипзянович работал также заведующим молочной фермой, бригадиром полеводства, механиком-оператором поливальных установок, мастером холодильного оборудования и доильных аппаратов. И даже будучи пенсионером, он продолжал работать в колхозе, а ушел на заслуженный отдых только после возвращения из армии младшего сына Камиля, сменившего отца. А. Ш. Исхаков нашел себе занятие и на пенсии – он занялся пчеловодством. Умер Абубакир Шарипзянович в 1993 г.

На фронтах Великой Отечественной войны воевали и алькинские девушки – Сарвар Башарова, Вазифа Низамова, Наиля Алтынбаева, Раиса Саниева.

В 2009 г. отмечалось 90-летие со дня рождения одного из старейших жителей Алькино – участника Великой Отечественной войны Мидхата Нурмахаметовича Саниева, девять лет прослужившего в рядах Красной Армии.

Среди жителей Алькино есть и участники более поздних военных конфликтов. Шамиль Гареев, Ильяс Исхаков, Фаргат Муллакаев, Хайдар Сагдиев, Рашит Сафиуллин, Зуфар, Расих и Рафаиль Латыповы, Анас Алтынбаев, Талгат Иксанов воевали в Афганистане. Рашит Абдулов, Ильфат Гарифуллин, Алмаз Саликов, Рифат Хайруллин, Шамиль Каримов, Радик Каскинов, Гали Алтынбаев, Искандар Самерханов участвовали в боевых операциях на Северном Кавказе. Рустам Мингазов был участником ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

По воспоминаниям пожилых людей, мечети работали в Алькино всегда, в том числе и в годы Советской власти. В настоящее время в селе есть три мечети. Одна из них – центральная – расположена на перекрестке улиц Учительской и Школьной. По словам местных жителей, она была построена одной их первых и, прослужив более столетия, была заново отстроена в конце XIX в. В 1904 г. на этом месте была построена новая мечеть, а сруб старой передали мусульманам соседнего села Рысайкино. Среди имамов этой мечети наиболее известны Ахметзакир Муратов, Вагиз Арсланов (расстрелян в 1938 г.), Мингазиз Мустафин, Расих Вакказов и др. Как отмечают жители села, в указанной мечети всегда было много прихожан, поэтому в 2004 г. было принято решение о строительстве для нее нового здания. Старый сруб был также сохранен – его передали для мечети одного из сельских населенных пунктов Асекеевского района Оренбургской области. Минарет мечети получил имя Дания.

На улице Советской расположена мечеть, прихода № 2. Согласно одной из версии, она была построена в 1912 г. но, по другим данным – несколько раньше, в 1904 или в 1905 г., просто она действовала без минарета до 1912 г. Мечеть существовала до начала 1960-х гг., а затем, несмотря на протесты сельчан, была разрушена. Долгое время это место пустовало – никто не желал здесь строиться, у жителей села была надежда на то, что со временем здесь вновь появится мечеть. Это произошло в 1992 г. Рядом с новой мечетью был построен дом для имама. Минарет мечети получил имя Гульсум.

Третья мечеть была построена в 1904 г. В 1937 г. была заново перекрыта ее крыша, а в 1973 г. произведен капитальный ремонт с заменой полов и кровли. В 1994 г., в связи с ветхостью здания мечети, а также его малых размеров, решено было построить новое здание. В 1996 г. строительство было завершено. Около новой мечети был построен дом для муллы. До революции имамом здесь являлся Ибрагим Муратов – правнук Мурат бабая. После революции он отказался от обязанности имама и, в силу своего преклонного возраста, сумел избежать репрессий. Но его преемнику Мухамметшафику Муратову репрессии избежать не удалось – он был расстрелян в 1937 г. В годы Великой Отечественной войны имамом был Зиганша Курамшин, затем до конца 1960-х гг. Саляхетдин Исаргапов. С 2004 г. имамом мечети является Шамиль Ахметгареевич Вакказов, который вместе со своей женой совершил паломничество в Мекку и Медину. Минарет мечети получил имя Марьям.

До революции в селе работало медресе, которое было закрыто после установления Советской власти, а в наше время вновь восстановлено. В 2009 г. здание медресе было капитально отремонтировано.

В селе существует средняя общеобразовательная школа с богатой историей и устойчивыми традициями. Многие из ее первых выпускников впоследствии стали учителями. Среди них – Софья Кинзябаевна Кабаева. Она родилась в Алькино в 1916 г., окончила местную школу, Бугурусланское педагогическое училище, училась в педагогическом институте. С 1940 г. Софья Кинзябаевна работала завучем в Алькинской школе, а с 1943 г. – директором школы. С. К. Кабаева преподавала родной язык, работала также парторгом колхоза. Скончалась она в 1992 г.

В селе даже есть улица Учительская, на которой поселилось много учителей, за что она и получила свое название. Здесь жила учительская семья Гилязовых; учитель истории Ибрагим Закирович Муратов, не вернувшийся с войны; учительница химии Марьям Мурзаханова; учитель труда Лутфулла Сафиуллин и его жена Халида – учительница начальных классов и др. И сейчас здесь живет немало учителей – Кавсар Шайхутдинова, Фания Мухамадиева, Ильсияр Амирова и др., так что улица Учительская по-прежнему оправдывает свое название.

В 1962-1963 учебном году учителем истории Ядкаром Мунировичем Гараевым при школе был создан краеведческий кружок, члены которого занимались сбором старинных вещей, устраивали туристские походы, концерты для учеников. Благодаря стараниям участников кружка, было

собрано много экспонатов, прекрасно иллюстрирующих традиционную культуру и быт татар, а также историю села. Все это позволило создать музей. В 2008 г. он переехал в комнаты. В здание администрации села. Сейчас музей возглавляет Сания Хайдаровн Амирова, которая также руководит краеведческим клубом «Поиск». Главой сельского поселения уже много лет работает Идрис Муллибаев.

Спор пользуется у жителей Алькино большим почетом. В Алькино родился и вырос заслуженный тренер РСФСР по греко-римской борьбе Наиль Мухаметгариевич Гареев.

В селе функционирует дом культуры, при котором активно работает творческий коллектив «Чишма» («Родник»).

В настоящее время Алькино является весьма успешным селом. Во многих подворьях имеются теплицы, в которых выращиваются овощи, пользующиеся спросом как в Самарской области, так и за ее пределами. Сегодня таких теплиц в селе насчитывается около пятисот. В основном в них выращиваются огурцы и томаты, а также лук, морковь и др. В селе активно производится и продукция животноводства. Откармливая скотину, жители Алькино полученное мясо или сдают в местный колбасный цех или продают за пределы своего села. Алькино часто посещают делегации из Республики Татарстан с целью ознакомления с работой фермерских хозяйств и использования их опыта.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в современных условиях для успешного развития населенного пункта, необходимо, наряду с традиционными, использовать и другие отрасли – в первую очередь туризм. Как известно, туризм давно уже стал неотъемлемой частью жизни миллионов людей, стремящихся провести отпуск или в других странах, или в иных регионах своей страны. Благодаря туризму развивается инфраструктура, повышается жизненный уровень местного населения, укрепляются межрегиональные и международные связи. Одним из наиболее популярных видов туризма является агротуризм (сельский, деревенский туризм), который предполагает посещение туристами сельских населенных пунктов, а также размещение их в селе с целью погружения в деревенский быт. С агротуризмом обычно тесно связан этнический (этнографический) туризм, предусматривающий ознакомление туристов с особенностями традиционной культуры и быта различных народов (этносов). Другой вид туризма, тесно связанный с сельским, – экологический, позволяющий туристам познакомиться с природными достопримечательностями. В современном мире многие сельские населенные пункты предлагают комбинацию указанных видов туризма.

Среди татарских сел Алькино с полным правом можно назвать лидирующим по развитию туризма. В этом поселении находится центр агротуризма «Сельский уют», уже получивший широкую известность. Идея создания такого центра агротуризма с татарским колоритом принадлежала местному бизнесмену и общественному деятелю Расиху Латыпову (1965-2017). Он же и сам активно воплощал эту идею в жизнь. Туристский центр был возведен в 2013 г. на личные средства предпринимателя.

Он включает в себя 13 гектаров земельных угодий, часть из которых уже активно освоена. На этой территории располагается гостиница, включающая в себя 10 двухместных номеров, татарское подворье, состоящее из избы, бани, дворовых построек и скотного двора, конюшни, стрельбища для любителей стрельбы из лука и метателей ножей, там же расположены искусственный пруд, игровая зона для детей, кафе, бар, банкетный зал, беседки.

Гостям указанного центра предлагается три варианта размещения: в двухместных номерах в гостинице, в избе на татарском подворье либо в палаточном лагере. Имеются все необходимые удобства. Что касается питания, то здесь также предлагается несколько вариантов. Так, можно организовать проживание с завтраком, трехразовым питанием или питаться в кафе. А можно и самим попробовать приготовить еду в печи и попить чаю из самовара – многие туристы в мире любят питаться таким способом.

В центре разбит символическая ферма, где можно ухаживать за местными животными – лошадьми, баранами, козами, кроликами и курами, птицами, а с недавних пор там живет еще и верблюд. Туристы, посещающие центр, при желании могут освоить сельскохозяйственные профессии: поработать ассистентами тракториста-комбайнера в фермерском хозяйстве или почистить конюшню на 400 голов в животноводческом комплексе того же фермера. Посетители могут участвовать в выращивании местных овощей в одном из многочисленных тепличных хозяйств села. Туристы имеют возможность попробовать себя в ловкости управления стадом, состоящим из настоящих баранов, бычков и коров.

Для тех же туристов, которых не интересует повседневный труд сельчан, вырыт пруд с проточной водой, на берегах которого прибывший в Алькино может расслабиться, забыть о городской суете и насладиться прекрасным видом природы, а в ста метрах течет речка Савруша, по берегам которой расстилается лес. В этом лесу растут дикая малина, душица и мята, а также различные грибы. В 50 метрах от «Сельского уюта» находится знаменитый святой источник «Бабкай чишмясе», которому местные жители приписывают целебные свойства.

Следует также отметить, что указанный центр агротуризма расположен у подножия «Кызыл тау» – «Девичьей горы». В настоящее время зимой здесь работает бугельный подъемник и с горы можно прокатиться на ватрушке, горных лыжах или сноуборде. Ну, а летом эти места – рай для пара-планеристов.

Предлагаются и другие услуги для туристов. Так, по живописным окрестностям села можно прокатиться на лошадях и квадроциклах. Дети могут получить здесь первые уроки верховой езды на пони или ослике. Любителей спортивного холодного оружия ждут ножи, топоры, луки и арбалеты. Есть также возможность поиграть в пейнтбол на импровизированном полигоне. Гости, предпочитающие более мирные виды отдыха, могут поиграть в настольный теннис, бильярд или волейбол.

В дальнейшем организаторы туризма планируют более подробно знакомить туристов с обычаями и бытом татар, возить на экскурсии

по селу, устраивать татарские свадьбы и прочие народные гулянья. Если еще совсем недавно люди приезжали в Алькино «на разведку» – узнать, что такое агротуризм, то теперь прибывают целыми семьями. Существует множество новых планов по развитию данного центра. Так, в 2013 г. на данной территории появился первый подъемник для горнолыжников, в будущем году число подъемников планируется увеличить до трех-четырех, что позволит активно развивать горнолыжный туризм и другие виды зимнего отдыха.

Алькино – село, которое дало жизнь и другим татарским поселениям. Так, в 1921 г. несколько молодых семей из села Алькино, отделившись от родителей, взяли земли вдоль реки Кинель у подножья горы Нугай и начали строительство своего поселка, который получил название Нугайка. Первыми переселенцами были братья Гирфановы – Шамсутдин, Асадулла и Шарифулла. В начале лета 1922 г. началось строительство мечети. В 1926 г. мечеть была открыта. Имамом был избран Котдус-бабай Манашев. Помощником был муадзин Ахмадулла Валиуллин (1867 г.р.), который впоследствии стал имамом, а муадзином стал Гизаметдин Манашев (1878 г.р.). Они оба в годы репрессий были арестованы и расстреляны в 1938 г.

В 1962 г. мечеть по решению властей была закрыта. Через тридцать лет в 1992 г. здание мечети было восстановлено на средства жителей. За эти годы имамами были Закир Гатауллович Калимуллин, Лотфулла Шарифуллович Гирфанов, Талгат Ахмедович Муллакаев.

Посёлок Красный Мост также был основан переселенцами из Алькино. В годы гражданской войны в этих местах шли бои. Отряды Красной Армии победили и погнали белогвардейцев – колчаковцев дальше на восток через мост. В честь этой победы посёлок около моста через реку Савруша получила своё название.

Мочалеевка

Сельское поселение Мочалеевка расположено в западной части Похвистневского района. Общая площадь поселения составляет 12650 гектаров. Согласно последним данным, численность населения составила 2230 человек.

Центром поселения является село Мочалеевка. Расстояние от него до областного центра составляет 180 км, до районного центра г. Похвистнево – 40 км, до ближайшей железной дороги – 9 км. Территорию поселения пересекают автомобильные трассы разных направлений.

В этом сельском поселении Мочалеевка, в которое входят села Мочалеевка, Первомайск и поселок Пример, живут люди разных национальностей, в основном татары, которых здесь насчитывается 80 процентов. Кроме них, здесь обрели место жительства русские (16 процентов), чуваши – 1,3, мордва –1,3, представители других народов – армяне, грузины, чеченцы, узбеки, казахи, корейцы, немцы – 1,4 процента.

Главой сельского поселения является Равиль Фаритович Уразметов.

Село Мочалеевка располагается вдоль реки Шарла, в зоне лесостепи. Согласно преданиям, подкрепленным историческими документами, оно возникло в середине XIX века. В сведениях Центрального государственного архива Самарской области указана точная дата его основания – 1857 г. (ЦГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 109, л. 29). В 1859 г. оно числилось в казенном ведомстве и называлось несколько иначе – Мочалейка. По административно-территориальному делению она входила в первый стан Бугурусланского уезда Самарской губернии, ее население составляли 240 мужчин и 237 женщин, проживающих в 67 дворах. В деревне была мечеть. В 1889 г. Мочалейка при очередном «волостном переделе» вошла в Подбельскую волость Бугурусланского уезда. Основную часть новой деревни составили переселенцы из Пензенской губернии.

Поселение росло достаточно быстрыми темпами. В 1901 г. в деревне Мочалейка насчитывается уже 201 двор с населением 1361 человек. Крестьянскому обществу принадлежало 4000 десятин земли. Здесь имелось две мечети, при них – две мусульманские школы, работали две водяные мельницы. Через десяток лет – в 1910 г. в Мочалейке было 355 дворов, в которых проживали 1496 человек. В деревне находилось правление крестьянского товарищества. Жители занимались хлебной торговлей и частным извозом, доезжая даже до ярмарок в Симбирске.

После Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны и голода, разразившегося в Поволжье в 1921-1922 гг., количество дворов и население в Мочалеевке резко сократилось. Так, в статистическом справочнике 1928 г. в Мочалеевской волости числилось 212 дворов и 1138 человек.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 367 мочалеевцев было мобилизовано в Красную Армию, 164 из них погибли в боях за Родину. Ради победы над ненавистным врагом трудились также и оставшиеся тылу жен-

щины, старики и подростки, не уступая фронтовикам в мужестве и стойкости. Они внесли достойный вклад в разгром фашистских захватчиков. Все они работали на полях и фермах, под лозунгом «Все для фронта, все для Победы».

Из жителей села, ветеранов Великой Отечественной войны, награждены орденом Красной Звезды пять человек, а два человека стали кавалерами солдатского ордена Славы.

В 2015 г. по инициативе и на средства одного из лидеров самарского татарского национального движения, члена бюро исполкома Всемирного конгресса татар, уроженца Мочалеевки Ф. Б. Канюкаева была выпущена книга «Подвиг огненных лет», в которой подробно рассказано о боевых и трудовых делах жителей Мочалеевки в годы войны.

…Село Мочалеевка – колоритное татарское поселение, сохранившее многие особенности традиционной культуры и быта.

Частью поселения является поселок Пример, в котором живут татары – выходцы из с. Мочалеевка. Следует отметить, что, живя в непосредственной близости с русским населением, они больше восприняли русскую культуру и образ жизни, при этом, однако, сохранили свой язык и традиции.

Село Первомайск (Первомайск – Керенка) – соседний населенный пункт.

Официальная дата основания села не установлена. По всей видимости, оно могло возникнуть во второй половине XVIII в.

В статистическом справочном материале «Список населенных пунктов Самарской губернии» 1864 г. издания имеется следующая информация о поселении Керенка: в 1859 г. значится деревня Керенка Бугурсланского уезда, в которой насчитывалось 45 дворов. В них проживало 349 человек. В деревне не было ни церкви, ни школы. А уже в 1910 г. в деревне было уже 143 двора, в которых проживало 1064 человека. Жили в деревне и русские православной веры. Из повествования старожилов известно, что первыми переселенцами были 6 супружеских пар, откуда и пошли династии Колесовых, Гусевых, Пертулисовых, Пивоваровых, Князевых. У одной семейной пары при переселении был ребенок по имени Вакат, что говорит о принадлежности переселенцев к разной национальности.

Переселенцы поселились в землянках: мужской и женской.

Первые казенные крестьяне приехали сюда на разведку в поисках новых земель для жительства. Земля понравилась: кругом был лес, речушка была полноводная, водилась различная рыба. Для постройки был лес.

Деревня разрасталась за счет освобожденных в результате отмены крепостного права в 1861 г. крестьян, которые расселились вдоль речки Токал.

Прибывшие жили сельской общиной, занимаясь пашенным земледелием. Распространено было свиноводство, молочное животноводство, выращивание домашней птицы.

Деревня росла, но жители были безграмотными. Только в 1912 г. была построена начальная школа.

Сегодня здесь успешно работает ООО СХП «Восток» (руководитель Р. З. Искандаров), ООО «ИРС» (М. М. Мусаев), сохранившие производства и рабочие места, несмотря на экономические проблемы, КФХ «Айбагар» (М. А. Канюкаев), КФХ (Р. Г. Бадамшин), КФХ (Р. М. Иваев), КФХ (Ю. В. Райков), занимающиеся производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. ООО «Кураж» занимается тепличным хозяйством. В поселении успешно работают 15 частных предпринимателей. Не сидят без дела и другие сельчане. В личных подворьях насчитывается более 250 голов крупного рогатого скота, более 16 свиней, около 220 голов птицы. Кроме того, в каждом хозяйстве выращиваются разнообразные овощи. Занимаются так же производством животноводческой продукции. Жители поставляют мясо высокого качества на рынки крупных городов Самарской области.

В сельском поселении Мочалеевка работают два Дома культуры, социальная служба, которая обслуживает более 100 пенсионеров, две школы и два детских сада, две библиотеки с книжным фондом более 30000 экземпляров, два почтовых отделения, пять мечетей, церковь, офис врача общей практики и фельдшерско-акушерский пункт, семь магазинов обеспечивают население продуктами питания и товарами повседневного спроса, одно футбольное поле и два спортивных зала.

Ясно, что все перечисленное выше не может функционировать без людей. В разные годы, в различных отраслях в каждом населенном пункте работали трудолюбивые, творческие личности.

Исмагилов Заки Сафукович (1928 г.р.) всю свою жизнь прожил в с. Мочалеевка и воспитал 5 детей. Все дети получили хорошее образование. Семья жила дружно, дети помогали друг другу. Заки Сафукович является членом общества «Дети – фронту». Имеет юбилейные медали, медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», является ветераном войны и труда. В 1973 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. 38 лет проработал шофером. Был одним из лучших водителей хозяйства.

Мамышев Тагир Губайдуллович (1928 г.р.) после окончания Камышлинского татарского педагогического училища работал учителем. Закончив Вольскую высшую школу авимехаников, посвятил свою жизнь делу обороны страны. За участие в освоении современных образцов военной техники награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды. Трудовую деятельность продолжил в должности представителя заказчика на заводе «Прогресс». А теперь, уже более двадцати лет принимает активное участие в национально-духовном движении самарских татар.

Еще один заслуженный житель – Аитов Абдулла Галиуллович родился в 1953 г. Окончил сельскую школу, отслужил в рядах Советской Армии пограничником. С 1973 по 1977 гг. учился в Сызранском высшем военном вертолетном училище. По окончании училища был направлен в Ленинградский военный округ для дальнейшей службы в вертолетный полк. Принимал участие в военных учениях. В августе 1982 г. в составе ограниченного контингента советских войск был направлен в Афганистан. Принимал участие в боевых операциях. За ратный труд в мае 1983 г. был награжден орденом Красной Звезды.

28 июля 1983 г. погиб на боевом посту при выполнении интернационального долга.

Ренат Зайнуллович Искандаров организовал сельхозпредприятие ООО СХП «Восток». Благодаря его усилиям, сельхозпредприятие развивается, по-

явились рабочие места. Он с большим вниманием и заботой относится к жителям поселения. Постоянно помогает в решении их проблем, которые появляются в поселении. Ренат Зайнуллович является спонсором всех мероприятий, проводимых в поселении.

Уроженцем села Мочалеевка является имам Самарской Исторической мечети Аухатдин Канюкаев.

В развитие сельского поселения Мочалеевка свой вклад внесли бывшие руководители местного самоуправления, а ныне ветераны труда Максутов Сафиулла Насыбуллович, Гладков Николай Алексеевич, Мамышев Галиулла Махмудзянович.

В поселении проводятся множество культурно-массовых мероприятий, в которых активно участвуют участники художественной самодеятельности. Благодаря стараниям директора сельского дома культуры Амировой Жанны Арслановны организован национальный хор.

Большое внимание уделяется в поселении вопросам развития физической культуры. Футбольная команда, выступая на соревнованиях, из года в год занимает призовые места. Капитаном команды является Искандаров Равиль Зайнуллович, который сплачивает вокруг себя молодежь поселения.

Один из самых любимых национальных праздников – Сабантуй, который ежегодно проходит после всех весенне-полевых работ. На праздничную площадку, где проводится традиционный праздник, собираются сотни жителей поселения и гости. Они сопровождаются национальной борьбой, скачками, различными конкурсами. Предприниматели села Бахтеева Альфия Хайрутдиновна, Хасанова Халидя Юнусовна, Исмагилов Наиль Рашитович, Шабаев Хасян Ахмидуллович, Ломакина Елена Александровна, Субеев Наиль Фаритович оказывают спонсорскую помощь при проведении различных массовых мероприятий в поселении.

В поселении Мочалеевка есть активисты религиозной жизни, активную гражданскую позицию которых можно ставить в пример молодым. Это Булатов Тагир Мингалеевич, Бахтеев Сайфулла Миргалифянович, Мамышев Галиулла Махмудзянович, Гайсин Аняс Тагирович (Алексей Григорьевич). Они, соблюдая религиозные и национальные обычаи, работали, растили детей, а сейчас в тех же традициях помогают растить внуков и правнуков.

Администрации муниципального района Похвистневский и сельского поселения Мочалеевка с особой заботой относятся к малозащищенным слоям населения и ветеранам. Многие участники и вдовы Великой Отечественной войны в последние годы улучшили свои жилищные условия, местные власти помогают им провести ремонт в своих домах.

Новое Мансуркино

В основе названия села лежит личное имя Мансур, а Новым поселение названо потому, что его основали выходцы из другого сельского населенного пункта – Мансуркино (теперь это село называется Старое Мансуркино).

Существуют разные версии о времени возникновения села, но официальной считается дата 1774 г. Хотя оно возникло не на пустом месте – задолго до этого в этих местах обосновались «беглые» поселенцы.

Обстоятельства основания и первые годы существования села передает такая легенда, которая излагается в версии. Человек по имени Мансур поселился в красивейших местах, на месте нынешнего села Старое Мансуркино. А его братья Исхак и Абдулла неподалеку: первый, где сейчас Исаково, а второй, – где находится Абдул-завод (винокуренный завод построил Абдулла).

Через некоторое время на место, где жил Мансур, приехали на жительство представители мордвы и татар, деревня стала смешанной. Недалеко отсюда находилась большая дорога, по которой перевозили различные товары. Она проходила по дремучему лесу, а на месте, которое теперь носит название «Камка тау» (с тат. буквально «Гора божьей коровки»), находился перевалочный пункт. И Мансур решил перебраться туда.

За ним потянулась и мордва. Часть деревни, где они поселились, получила название «Мордовский конец» (по тат. «Мукшы очы»). В центральной части села обосновались татары.

В деревне Старое Мансуркино тоже оставались татары и мордва. По прошествии определенного времени между двумя селами произошло «национальное размежевание»: так называемая «татарская улица» Старого Мансуркино перебралась в Новое, а мордовское население наоборот – из Нового в Старое Мансуркино. Отмечались случаи, когда некоторые представители мордовского населения принимали ислам и оставались жить среди татар.

После этих локальных переселенческих процессов в 1774 г. и было официально узаконено существование села Новое Мансуркино.

К этому времени здесь было две улицы, 120 дворов, четыре мечети

и четыре имама. В 1787 г. была построена Соборная мечеть. Первый утвержденный имам – Гатаулла Багаутдинов, младший мулла – Мухаметшафик Ахметсагиров, азанчы (муэдзин) Мухаметвали Ахметсагиров. Прихожан тогда было 700 человек.

Основными занятиями пришлых людей были сбор орехов, которые составляли основное питание, охота на зайцев, лис, волков. После раскорчевки леса новоселы стали заниматься хлебопашеством, сеяли рожь, овес. Излишки стали продавать на винный Абдул-завод, рожь – за 11 копеек, овес – по 7 копеек за пуд.

Было в деревне и медресе, детей там обучали только элементарным религиозным предметам, чтению и письму на родном языке.

Вот так повествует легенда…

Поселение Новое Мансуркино продолжительное время считалось экономически слабым. Между Абдул-заводом и селом Новое Мансуркино было много родников, ключей, болот. В окрестностях было 78 родников и ключей, населенный пункт окружало болото. По селу протекает река Верхний Аманак, на которой были построены 3-4 водяные мельницы. На мельницах вместо двигателя использовали естественные водопады.

В 70-е гг. XIX в. в селе Сосновка образовалась Сосновская волость, в которую вошло, в том числе, и это поселение.

В Новое Мансуркино изготавливали различные предметы: дровни, телеги, сани, колёса, глиняную посуду. Из липы изготовляли квашни, кадушки, маслобойки, бочки. Липовой корой стали покрывать крыши домов, но в основном крыши домов были соломенные. Изделия своего кустарного производства местные жители продавали на базаре в селе Сосновка.

До революции некоторые жители Новое Мансуркино считались богатыми. Одного из них звали Ахматша-бай. На него работали 6 батраков и 5 нянек, а сам он имел 27 лошадей и 32 коровы, а также 60 голов овец. Другой богатый человек – Хажи- бай – имел магазин в своем селе и в Бугуруслане. У него работало 9 продавцов.

В феврале 1918 г. был здесь создан новый орган власти – сельский совет. Земство в волости было полностью распущено. Однако обстановка на месте, как и во всей губернии, не стабилизировалась. Это было связано с мероприятиями новой власти по насильственному полному переустройству всей общественной жизни.

В годы гражданской войны многие жители села принимали участие в боевых действиях. В рядах Красной Армии воевали Гашигулла Ахметов, Гайфутдин Гафиятуллин, Мифтях Бигеев, которые сражались против Деникина; Абубакир Шарафутдинов, Бари Каримов, воевали против Колчака.

По воспоминаниям стариков, через Ново-Мансуркино прошли белые, увели лошадей, но людей не тронули.

Один из участников гражданской войны – Гашигулла Ахмедов – впоследствии воевал на фронтах Великой Отечественной войны, прошел нелегкий, но славный путь солдата от Москвы до Берлина, затем участвовал в войне с Японией и до самого ухода на пенсию работал председателем колхоза им. Ленина.

На смену одним бедствиям, вызванным гражданской войной, пришли другие. В 1921 г. в Поволжье вспыхнул страшный голод, от которого сильно пострадало и Новое Мансуркино. В то время от голода умерла четвёртая часть жителей села. Отмечались даже случаи людоедства в этих местах.

Так, рассказывают о человеке, которого звали Габидулла Фахрутдинов Он убил своего ребёнка, чтобы съесть его. Конечно, людоеда арестовали, но осталось выражение «ест, как Габидулла», применяемое к тем, кто много ест.

Во время голода сельчане ездили в поле и собирали там колоски пшеницы, а потом дома мололи её вручную. В пищу шло все, что можно было найти: трава лебеда, берёзовые листья, желуди, конский щавель и шишки. Из-за такой пищей распространились желудочные болезни. Катастрофически росли цены на хлеб. В семьях рождалось большое количество детей, только многие из них умирали от различных болезней, так как медицинскую помощь вовремя не получали ни взрослые, ни дети. А если родители в семье умирали, то детей разбирали родственники, несмотря на большее количество своих детей.

Решающее значение для спасения голодающего Поволжья имела помощь из районов России, которые не пострадали от засухи, и зарубежных стран.

В обеспечении питания детей, и больных взрослых приняла участие АРА (Американская организация помощи), также была оказана помощь Норвегией и другими государствами. Последствия голода были ужасными, но все же жители Нового Мансуркино и других поселений сумели выстоять в этой большой беде.

Но жизнь людей оставалась тяжелой. Например, в 1926 г. в Новом Мансуркино было всего шесть домов с железной кровлей.

В 1922 г. открылась первая советская школа – начальная. Учителями в ней работали Киям Вагапов, Касым Сагиров и Закир Миназеев. С 1936 г. школа стала семилетней, а с 1957 г. – средней.

В 1923-1924 гг. в селе был организован «Сельский крестьянский комитет», председателем которого стал Шарифулла Нигматуллин. Главная задача данного учреждения заключалась в оказании помощи в организации и создании колхоза.

В 1927 г. в селе Новое Мансуркино агитаторы развернули активную деятельность за колхозное движение. Это сопровождалось резким обострением классовой борьбы. Появились сторонники коллективизации. И тогда летом 1928 г. кулаки и зажиточные жители села, встревоженные таким положением, устроили поджог крестьянских домов. Сгорело 64 двора. Но в этом они обвинили агитаторов-коммунистов и комсомольцев и занимались подстрекательством крестьян, в связи с чем началось массовое избиение коммунистов и комсомольцев, которые чудом уцелели, укрывшись в окрестных лесах, в погребах и на крышах домов. Уполномоченный райкома ВКП (б) Газиз Латыпов был даже вынужден применить огнестрельное оружие. Но все же в 1928 г. колхоз так и не удалось создать.

Спустя короткое время коммунисты и комсомольцы вновь развернули активную работу по созданию колхоза. В числе сторонников новой жизни следует упомянуть таких коммунистов, как Сулейман Ярмухаметов, Саяр Каримов, Загфар Улкаев, Зорин Андриан, а также комсомольцев как Зыя Нуриев, Киям Искандеров, Хабиб Вагизов, Касым Тухватуллин.

На следующий год усилия районных властей и местных активистов увенчались успехом – в Новом Ман-

суркино был создан колхоз под названием «Восток», его сначала возглавил присланный со стороны работник, коммунист, «двадцатипятитысячник» Андриян Зорин, потом председателем стал Гашигулла Ахмедов.

Сначала в колхоз вступили 28 дворов. В нём было 15 лошадей, 6 конных плугов, 2 железные бороны и 3 деревянные. В 1930 г. в колхоз вошли 40 хозяйств. Первыми вступили в колхоз Ахметгали Галимов, Бадри Фахрутдинов, Шарафутдин Ибрагимов, Насибулла Гизатуллин, Гумер Хакимов, Замил Нафиков.

В 1930 г. коллективизация в селе Новое Мансуркино завершилась.

В процессе проведения сплошной коллективизации проводится раскулачивание наиболее крепких хозяев. Это сильно подорвало основы крестьянской жизни. Организация колхоза шла с трудом, крестьяне не хотели расставаться со своей землей, инвентарем, лошадьми, коровами. Не желавших вступить в колхоз арестовывали и выселяли в Сибирь, на Север или Дальний Восток.

Роста сельскохозяйственного производства в результате коллективизации фактически не произошло. Стимулов к труду почти не было.

Были репрессированы: Фардеттин Алтынбаев, Надрша Мухаметшин, Хамидулла Хакимов, Ахмед Шариев, Ахматша-бай с семьями. Их имущество конфисковали, назвали кулаками, врагами Советской власти.

На данный момент, в 90-е гг. они все реабилитированы.

Старожилы рассказывали, что обычно выселяли не по справедливости, а чаще всего того, кто просто по каким-то качествам не нравился сельскому активу.

Со временем увеличиваются поставки сельскохозяйственной техники в село. Начинается подготовка трактористов, комбайнеров, машинистов.

К радости колхозников в 1934 г. появились первый трактор и плуг. Первым трактористом в селе стал Абубакир Файрушин. В те далекие годы тракторы были без освещения, а так как работали в две смены, то борозду приходилось освещать фонарем.

5 сентября 1930 г. вышел первый номер районной газеты «Знамя колхозника». В том же году райцентр был переведён в Сосновку. Сосновка была переименована в Сталино, а район – в Сталинский. Газета стала называться «Сталинский колхозник». В 1933 г. район переместился на станцию Похвистнево, поменял название, став Похвистневским. В 1957 г. районная газета стала выходить под названием «Красное знамя», в 1962 г.– «Голос хлебороба», «Ленинская правда». С 1993 г. называется «Похвистневский вестник». Телефон в новомансуркинский сельский совет провели в 1935 г.

С 1936 г. до начала Великой Отечественной войны председателем Новомансуркинского сельсовета был Сулейман Ярмухаметов.

С 1938 г. в клубе начали показывать кинофильмы. Их привозили со станции Похвистнево. Население села заметно увеличилось. В селе, кроме двух существовавших ранее (ныне это улицы Ленинская и Школьная), появились ещё две новые улицы (ныне Колхозная и Полевая).

И вновь на долю страны выпали суровые испытания – началась Великая Отечественная война. Многие мужчины ушли на фронт, а на их месте в колхозе стали работать женщины, дети, старики. Работу бригадиров также выполняли женщины. Не покладая рук трудились женщины-колхозницы для обеспечения фронта хлебом: днем работали на полях, а по вечерам вязали тёплые носки, варежки, собирали посылки и отсылали бойцам. Марьям Вагизова, Зайнаб Мусина, Шамсиямал Файзуллина за четыре месяца выучились на курсах трактористов и стали работать на полях и фермах. Председателем колхоза был Миргарифан Низамов. Многих девушек отправили в фабрично-заводские училища и на строительство укреплений в прифронтовые районы. Среди новомансуркинцев – участников Великой Отечественной войны – Нагимулла Харисович Алимов, Мисбах Нуреевич Бадыков, Фатых Латыпович Галимов и др. Всего из Нового Мансуркино на фронт ушло 302 человек, 137 сельчанина не вернулись домой к своим родителям, жёнам, детям, невестам. Имена этих людей занесены в книгу памяти средней школы. Были среди участников войны и женщины – так, Гельминур Шарафутдинова (Миназеева) воевала в танковых войсках, сражалась на разных фронтах и была удостоена многих правительственных наград.

Из военного периода колхоз «Восток» вышел ослабленный. В селе насчитывалось 353 хозяйства, 258 трудоспособных колхозников, всего 34 головы крупного рогатого скота, в том числе 6 коров, а также 41 овца и 46 кур. Поэтому в 1946 г. было произведено только шесть центнеров мяса, четыре тысячи килограммов молока, 898 центнеров зерна, 134 – картофеля, 150 – сена. Поэтому со стороны районных властей работа колхоза была признана неудовлетворительной.

Немного о духовных делах. До революции в селе было четыре мечети, затем осталась лишь одна. Судя по документам фонда ЦДУМ Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), мечеть в Новом Мансуркино 1829 г. постройки – самая старая из сохранившихся на сегодня в Самарской области. По воспоминаниям старожилов, после революции она некоторое время не работала, но не была разобрана, а во время войны вновь открыта. В 1996 г. в селе была построена еще одна, новая мечеть. В последние десятилетия несколько новомансуркинцев участвовали в боевых действиях. В Афганистане воевали Фарит Файрушин и Риал Гайнуллин, на Северном Кавказе – Руслан Ахмадиев, Наиль Гайнуллин, Марс Казаков, Фарид Садреев, Наиль Фахрутдинов, Илья Федчун, Марсель Шайхутдинов, Раиль Каримов и Ильдар Аглиуллин.

Уроженцы Нового Мансуркино работали и работают в разных регионах страны. Среди них: член Союза художников Нурхатим Биккулов, капитан дальнего плавания Мустаким Якупов, летчик Рашит Алимов, врач Раис Низамов и многие другие.

В настоящее время в Новом Мансуркино насчитывается 450 хозяйств, 1200 чел. населения, среди них 555 пенсионеров, людей трудоспособного возраста – 525, учащихся школы – 65. В селе работает ФАП. В сельский дом культуры часто приезжают артисты из Республики Татарстан, имеется и своя самодеятельность. В селе проводится праздник «карга боткасы» («грачиная каша»): во время этого праздника устраиваются викторины, молодежные гуляния и др.

Население обслуживают семь магазинов: ИП Казаков Хабибулла Мых-

лисуллович (три магазина), а также «Олеся», «Асия», «Юлия» и ООО Кооператор «ТПС». Сельчане в большинстве своем занимаются личным подсобным хозяйством – выращивают крупный рогатый скот.

Новомочалеевка

Почти в двух десятках километрах от города Похвистнево раскинулся поселок Новомочалеевка, который берет свои истоки с первых лет столыпинской аграрной реформы. Начиная с 1907 г. из села Мочалеевка Подбельской волости на владениях помещика Львова были «водворены» первые пятнадцать хозяйств, получившие на обустройство дворов по 1 десятине и по 12 – для посевов и пастбищ. Поэтому новый населенный пункт получил такое понятное название.

Сначала новые хозяева ездили сюда только работать на новой земле, а 1910 г. в здесь началось возведение домов и хозяйственных построек.

Тогда же было начато строительство начальной общественной школы. Программа обучения здесь базировалась на программе Старо-Ермаковского медресе, где наряду с предметами мусульманского вероучения велись уроки русского языка и литературы, истории Российской Империи, географии, математики. Учителя также использовали программу Бугурусланского реального училища и здесь же преподавали бухучет и делопроизводство. Медресе проработало до 1922 г.

В конце 1929 г. в Новомочалеевке организовали колхоз имени Нариманова. Хозяйство было небольшое, земли плодородные, а крестьяне трудолюбивые. Все это определило высокие

показатели работы коллективного хозяйства. Зерно сдавали в Бугурусланский элеватор, получая за это от государства деньги и товары первой необходимости.

В 1939 г. трое сельчан были мобилизованы на советско-финскую войну, один из них погиб. А в годы Великой Отечественной войны из 43 дворов Новомочалеевки на фронт ушли 48 человека, половина из них – 24 погибли в боях за Родину. Один из погибших солдат – Идрис Газизов сложил голову осенью 1941 г. на подступах к Москве, еще один – Шайхутдин Рамазанов в Сталинграде, защищая знаменитый дом Павлова…

Ушедших на фронт заменили старики, женщины и молодежь. Именно они обеспечивали своевременное выполнение всех работ и сдачу сельхозпродуктов на нужды обороны и теплых вещей для воинов Красной Армии. После войны, в 1951 г. колхоз имени Нариманова объединили с колхозом «Кзыл партизан». В 1955 г. снова провели реорганизацию, и Новомочалеевка стала бригадой колхоза «Путь Ленина».

Расцвет поселка пришелся на 1970-1980-е гг. В нем тогда проживало 300 человек, молодежь оставалась в селе, ежегодно бригада выращивала 100-пудовые урожаи зерновых, была молочная ферма на 200 коров, сельчане занимались откормом скота, колхоз полностью перешел на денежную форму оплаты труда. В эти годы были построены новые фермы, медпункт, клуб, школа, колхозники активно возводили новые дома.

Заметный след в истории Новомочалеевки оставили такие люди, как многолетний председатель сельского совета И. А. Газизов, первые учителя М. Гайнуллин, З. Г. Ахметгареева, орденоносцы-доярки Г. В. Ярмухаметова, М. М. Рамазанова, Х. М. Фархутдинова, а также заведующий фермой М. А. Алеев и другие.

В начале 2015 г. в Новомочалеевке насчитывалось 53 дворов и 126 жителей, из них пенсионеров – 73, трудоспособного возраста – 39 человек, 14 детей школьного возраста. В поселке имеются фельдшерско-акушерский пункт, клуб, четыре КФХ – крестьянско-фермерских хозяйства, их руководители – А. Х. Амиров, Р. А. Амиров, И. А. Газизов, Ф. Г. Хамидуллин.

В 1990 г. в поселке была построена мечеть, активное участие в религиозной жизни принимают А. С. Латыпов, Р. А. Фаткуллин, С. Г. Халиков.

Основное занятие сельчан – ведение личного подсобного хозяйства.

Сукаевка

Среди татарских поселений Самарской области есть как крупные села с богатыми традициями, так и небольшие населенные пункты, которые, однако, также сумели сохранить особенности национальной культуры. К таким населенным пунктам относится поселок Сукаевка, расположенный в Похвистневском районе.

Данный поселок ведет свою историю с 1915 г. Первоначально он носил название Чулпан. Первым поселенцем считается Хамидулла Хамидуллович Тухватуллин, который пришел в эти

места из села Беркет Казанской губернии.

Население поселка быстро росло. Спустя два года, в 1917 г. в поселок Чулпан приехала семья Сукаевых – четыре брата. Они также были выходцами с территории современного Татарстана. В честь них поселок получил второе название – Сукаевка.

Наиболее зажиточными жителями поселка являлись основатель поселения Хамидулла Хамидуллович Тухватуллин и Хасан Зайнуллович Сукаев.

Как и в других татарских поселениях, в Сукаевке имелась мечеть, которая первоначально располагалась в доме Х. З. Сукаева.

На основе хозяйств указанных выше жителей поселка Х. Х. Тухватуллина и Х. З. Сукаева в 1929 г. образовался колхоз «Красный партизан», первым председателем которого стал Искандар Моталапович Мутолапов. Среди активистов колхоза старожилы называют Зинатуллу Тиниябулловича Сукаева, Габделькаюма Габделабдулловича Байбикова; Шафига Садреевича Имангулова и других.

Школа в поселке Сукаевка была построена в 1930 г., учителями в ней стали Котдус Садриевич Газизов; Фаузия Гулюмовна Риязова и Екатерина Павловна Костина.

Фельдшерско-акушерский пункт в поселке был построен в 1960 г. Врачом здесь стала Сара Насыбулловна Сукаева, которая окончила Уфимский медицинский институт, капитан медицинской службы.

Во время Великой Отечественной войны на фронт из поселка ушла 55 человек, из них 23 жителя Сукаевки не вернулись домой.

Многие участники войны были награждены боевыми орденами, среди них:

– Абдрахманов Исхак Миргалимович – орденом Отечественной войны II степени;

– Байбиков Закир А. – орденами Отечественной войны I и II степени;

– Имангулов Ахмадулла Ш. – орденом Красной Звезды;

– Сукаева Сара Насыбулловна – орден Отечественной войны II степени;

– Сукаев Исхак Г. – орден Отечественной войны I степени,

– Сукаев Мирсай В. – орденами Красной Звезды и Отечественной войны I и II степени.

После окончания боевых действий на территории Западной Украины в ликвидации разного рода банд-формирований принимали участие Абдрахманов Исхак Миргалимович и Мутолапов Дамер Искандарович. В венгерских событиях 1956 г. участвовали Байбиков Халит Габделкаюмович, Латыпов Халиулла и Латыпов Газизнур Газизович.

Спустя много лет после окончания Великой Отечественной войны жители поселка Равхат Дамирович Мутолапов и Владимир Евгеньевич Уфиркин выполняли интернациональный долг в Афганистане, а Зия Хисамович Манжуков участвовал в ликвидации Чернобыльской аварии.

За трудовые успехи орденом «Знак Почета» были награждены заслуженный строитель РСФСР И. А. Тухватуллин, З. З. Байбиков, Сафиуллин Б. Х., Ф. Саитов. Среди наиболее известных земляков – подполковник Вооруженных Сил России Имангулов Раис Шамилиевич, майор МВД в отставке А. И. Сукаев, подполковник Вооруженных Сил в отставке Ф. И. Тухватуллин

В 1993 г. образовалась религиозная мусульманская организация Махалля № 930. В должности имама трудились Имангулов Шафиг Садреевич, Манжуков Шакир Шайдуллович, Латыпов Габделлатып Фахрузуллович, Сукаев Мухамади Ахмадуллович.

В настоящее время имамом является Шакир Дамерович Мутолапов.

СЕРГИЕВСКИЙ РАЙОН

Алимовка

Единственный в Сергиевском районе татарский населенный пункт был образован в 1927 г.

До революции на этом месте была расположена усадьба помещика и домовладельца Ивана Ржанова с большими зарыбленными прудами. Сам Ржанов жил на станции Кинель. После 1917 г. земли перешли в собственность Советского государства.

В 1927 г. из-за нехватки земель несколько татарских семей из села Ново-Мансуркино Бугурусланского уезда переселились в эту местность. Человек, которого звали Харис Алимов, и его родственники были самыми первыми жителями нового поселка. В честь первого жителя поселок и назвали Алимовкой. Правда, через некоторое время Х. Алимов вернулся в свое родное Ново-Мансуркино, но название нового села осталось неизменным.

В те времена также активное участие в организации поселка принимали династии Мифтяховых, Фаткулиных, Шайдулиных, Валеевых, Галлямовых, Мунировых и других. Первооткрывателем источника – небольшого родника в поселке Алимовка был Сабир Муниров. Сельчане

по настоящее время его вспоминают и пользуются питьевой водой из родника. Среди переселенцев были семьи Гарифуллы Сагирова и Мухаметжана Исмагилова. В доме Ржанова, в нынешнем доме Сагирова Гарифуллы, они организовали медресе, где жителям поселка втайне от властей давали религиозное образование.

Дети стали учиться в советской начальной школе, обучение шло на татарском языке, используя для этого принятый тогда латинский алфавит. После окончания четырех классов национального образования ученики переходили в классы с изучением русского языка.

Первыми учителями в ней были Летфулла Муниров и Шакиря Мунирова, которые внесли огромный вклад в обучение детей до войны и послевоенные годы. Здание школы отапливалось кизяками. Несмотря на трудные условия, здесь долгое время проработала уборщицей Бадринур Ахметова, прожившая жизнь длиной в 94 года.

Жители поселка обрабатывали земли и выращивали хлеб. Отходы зернового производства – мякина, солома оставались у сельчан для содержания домашнего скота. Только у жителей поселка стала налаживаться жизнь, в 1930 г. началась массовая коллективизация. Во дворе Хабибуллы Галлямова было организовано коллективное хозяйство. Организаторами первой колхозной животноводческой фермы были Надирша Каримов и Хафиз Гайнуллин. Некоторых сельчан, которые не хотели расставаться со своей живностью и вступить в колхоз, раскулачивали или попросту отбирали все, что было нажито тяжелым трудом. При колхозе пошла другая жизнь, но... люди ко всему привыкают…

Почти каждый житель небольшого села Алимовка оставил заметный след в его достаточно интересной истории. Вот некоторые из них: Харис Алимов, Инсаф Кабиров, Галимулла Фаткулин, Мухаметжан Исмагилов, Ханиф Хакимов, Шайхразый Муниров, Насып Шайдуллин, Сагит Шайдуллин, Сибягат Шайдуллин, Кадир Галлямов,

Хабибулла Галлямов, Минегалей Галлямов, Ханиф Гайнуллин, Хабир Фаткулин, Шакир Фаткулин (много лет проработавший председателем райпо), Шарафутдин Мифтяхов, Халяфутдин Мифтяхов, Минахмет Алтынбаев, Шафигула Ибрагимов, Салих Ибрагимов, Нагим Муниров, Минвалей Валеев, Нурий Фархутдинов. Долгое время бригадиром полеводческой бригады проработал Сулейман Мингазов.

Как только жители поселка немного обжились, началась Великая Отечественная война. Все военнообязанные мужчины ушли на фронт защищать Родину от фашистов. В поселке остались старики, женщины и дети, которые обеспечивали выполнение многочисленных государственных поставок. Тяжелое детство выпало на долю таких жителей села, как Амина Фаткулина, Шамсезеха Мифтяхова, Таиба Исмагилова, Равиль Валеев, Миргабижан Низамов, Миргабижан Фаткулин, Назимя Фаткулина, Зухра Хакимова и многих других детей войны…

Многие участники Великой Отечественной войны удостоились боевых наград: Зиннят Шайдуллин был награжден двумя орденами Красной Звезды, Медихат Шайдулин – орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». В этом почетном ряду также Нагим Муниров, Зуфар Муниров, Ахметгали Валеев, Инсаф Кабиров, Асхат Исмагилов, Тагир Исмагилов, Мубарак Каримов, Мирза Галлямов, Мирсаях Муниров, Мухаммет Сагиров, Мирза Сагиров, Каниз Сагиров, Салих Ибрагимов, Хабибулла Шайдуллин, Валиулла Шайдулин, Салих Низамов, Хабибулла Галлямов, Сулейман Мингазов. Некоторых из них награды нашли после того, как они покинули этот мир.

Огромный вклад в восстановление хозяйства внесли Хадия Мифтяхова и ее муж Рифхат, Зуберзят и Шарифулла Каримовы, Анвар и Аминя Шайдуллины, Газиз и Саимя Шайдуллины, Миргабизян и Минзыфа Низамовы, Рашит и Гельсиря Ахметовы, Мингариф и Наиля Хакимовы, Нурхатып и Дардана Мунировы, Гайфетдин и Рашида Алтынбаевы, Исмагил и Рамия Алтынбаевы, Раиса, Дарлинур, Исхак, Бибинур Фаткулины, Гайфетдин и Сарвар Мифтяховы, Мирза и Заухар Галлямовы.

В послевоенные годы в колхозе работала династия Шайдуллиных: передовые комбайнеры это – Шайдуллин Зиннят (жена – Минехаят работала помощником комбайнера), а также Шайдуллин Валиулла, его сын Газиз, Шайдуллин Анвар.

…В первые годы существования поселка вокруг бывшей усадьбы Ржанова находился большой пруд и деревянный мост с перилами, где по вечерам собиралась молодежь и устраивала различные мероприятия. В пруду водилось много рыбы. Чтобы искупаться в пруду люди приезжали даже из других деревень. Пруд был обсажен деревьями и представлял собой очень живописную картину.

Но в годы войны деревья, по причине крайней нужды, были распилены на дрова, а со временем и сам пруд был размыт водой. В послевоенные годы пруды были восстановлены и использовались для водопоя скота. Сегодня прудов нет, но их можно восстановить.

Особый след в истории поселка Алимовка оставил Хабибулла Галлямов, который после ранения был демобилизован из армии и с 1943 по 1957 гг. возглавлял сельхозартель. Другие жители – Сулейман Мингазов и дочь Анися, Мингалей Галля-

мов и дочь Дардана, Салих Ибрагимов и дочь Бадыя, Инсаф Кабиров и дочь Аминя организовали бригаду по производству саманного кирпича из глины и соломы и построили помещение для зимовки скота. А Инсаф Кабиров и Мингалей Галлямов, кроме этого, в своих подворьях организовали производство саней и повозок для перевозки кормов на быках и лошадях, построили ручную пилораму и производили доски.

Жизнь легкой не была – еще в послевоенные годы наши земляки почти все полевые работы выполняли вручную: сеяли, косили и убирали хлеба. Насып Шайдуллин скашивал вручную до одного гектара хлебов, женщины вязали снопы. А Сулейман Мингазов работал на конной сеялке – засевал за световой день более одного гектара пашни. Председатель колхоза Хабибулла Галлямов и бригадир колхоза Шайхразый Муниров были самыми активными жителями поселка. Шайхразый Муниров был также руководителем комсомольской организации.

Несмотря на тяжелые годы, разруху, многие мальчишки и девчонки – ученики сельской школы тех лет после окончания семи классов продолжали учиться в училищах, техникумах, а некоторые – в институтах.

Шамсезеха Мифтяхова окончила бухгалтерские курсы, постоянно училась, повышала квалификацию, «доросла» до главного бухгалтера и проработала в городе Самаре более 45 лет, сейчас ей 92 года. Ее двоюродная сестра – Магафиря Мифтяхова окончила педагогическое училище и уехала в Среднюю Азию, где всю жизнь проработала учителем.

Рашит Гайнуллин много лет проработал в органах МВД начальником отдела милиции в Средней Азии. Равиль Гайнуллин много лет трудился на руководящих должностях в строительной отрасли.

Мисбахетдин Мифтяхов после семилетки окончил машиностроительный техникум, затем Куйбышевский плановый институт. Работал заместителем директора филиала 4 ГПЗ по ремонту, затем многие годы возглавлял завод.

Нурия Мифтяхова, закончив педагогический институт, была направлена в город Мурманск и проработала в школе до выхода на пенсию, сейчас проживает в Самаре.

Дети Миргабижана Фаткулина – Хамида работает зубным врачом в Самаре, дочь Фарида – фармацевтом. Дочь Миргазияна Фаткулина – Макфия окончила Куйбышевский плановый институт, работает бухгалтером.

Дети из династии Мунировых – Рифхат, Рафаэль и Расим долгое время работали на руководящих должностях на заводе «Тольяттиазот».

Дети Зиннята Шайдуллина – Рания и Сажида до выхода на пенсию проработали в сфере здравоохранения медицинскими сестрами.

Рашит Сагиров окончил сельскохозяйственный институт и много лет работал главным инженером колхоза «Первое мая» Сергиевского района (село Калиновка).

Среди почетных жителей села следует назвать также передовых механизаторов и комбайнеров, это – Насых Сингатуллин, Мирза Галлямов, Гайфетдин Мифтяхов, Нурхатып Муниров, а также династию Зиннята Шайдуллина.

Раим Исмагилов начал работать в колхозе еще подростком, до службы в армии был механизатором и комбайнером. После армии закончил агрономическое отделение сельскохозяйственного техникума, затем Куйбышевский сельхозинститут, проработал до пенсии в должности главного агронома более 30 лет. В год юбилея поселка Алимовка ему исполнилось 70 лет. Он с женой Тагирой вырастили и воспитали троих детей. Старший сын Рафис более 15 лет возглавляет администрацию сельского поселения Верхняя Орлянка, куда и входит поселок Алимовка. Второй сын Раис более 20 лет трудится в нефтяной промышленности – водит автомобиль. Дочь Раиса работает старшей медсестрой поликлиники города Тольятти. Имеют шестерых внуков и четырех правнуков.

В 1959 г. в рамках программы укрупнения сельхозпредприятий было принято решение о создании в Сергиевском районе колхоза имени XXI партсъезда. Туда была включена и наша бывшая сельхозартель «Большевик». С 1959 по 1999 гг. поселок Алимовка являлся третьей комплексной бригадой по производству продукции растениеводства и кормов для животноводства. Бригаду возглавлял Миргазиян Фаткуллин, бригадиром тракторной бригады был Равиль Валеев. На площади 2350 га возделывались зерновые и кормовые культуры. В хозяйстве имелось 100 голов дойного гурта, 100 голов молодняка, 1000 овец, 30 лошадей. На этих работах было задействовано все алимовское население, добивавшееся высоких результатов в производстве зерна, кормовых культур и молока.

Наиболее передовые труженики села получили правительственные награды: одна из лучших доярок МТФ Зуберзят Каримова и награждена орденом «Знак Почета», такого же ордена удостоился Миргабиджан Низамов, проработавший на заводе в Куйбышеве, Раим Исмагилов – почетным знаком «За высокие показатели в растениеводстве», лучшие механизаторы Анвар Шайдуллин и Нурхатып Муниров – почетными знаками «Победитель соцсоревнования», многие работники полей и ферм удостоились Почетных грамот, что в советские годы служило символом признания трудовых заслуг рабочего человека.

С 1999 г. наше хозяйство было передано инвесторам, ныне эта фирма называется «Биотон». Земли обрабатываются, дают хорошие урожаи, брошенных земель нет. Но трудозанятости населения, что была в советские годы, уже нет. После распада колхоза жители трудоспособного возраста уехали в районный центр и в город Самару, в деревне остались одни пенсионеры, – около четырех десятков человек.

И в это время сельчане стали задумываться о том, как по-новому организовать жизнь оставшихся в поселке. Одним из активистов мусульманской жизни в поселке является поселковый староста Раим Мухаметович Исмагилов. В 2009 г. он и жена Тагира совершили хадж в Саудовскую Аравию. После приезда домой родилась идея строительства в Алимовке мечети и благоустройства кладбища. До этого все обряды, мусульманские праздники проводили в частных домах Гарифуллы Сагирова, Равиля Валеева, Мухаметжана Исмагилова, Раима Исмагилова. В 2010 г. на собранные деньги односельчан капитально отремонтировали деревенское кладбище.

После этого на общем сходе жители поселка Алимовка подняли вопрос о строительстве мечети. В апре-

ле 2011 г. была образована местная мусульманская религиозная организация, которую возглавил Исмагилов Рафис, на должность имама был избран Раим Исмагилов. За короткий срок оформили документацию по строительству мечети, односельчане и их родственники, проживающие в разных городах и селах Самарской области, собрали необходимые средства. Ни одна татарская и другая мусульманская семья в сельском поселении Верхняя Орлянка и в целом Сергиевского района не осталась в стороне, помогали, чем только могли.

Работы по строительству мечети были начаты 28 мая 2011 г. и завершены за рекордные сроки, за два с половиной месяца – ее открытие состоялось уже 14 августа того же года.

С этого времени в мечети проводится пятикратный намаз, ведутся уроки исламской религии, к духовным истокам привлекается молодежь.

В 2012 г. поселок Алимовка отметил 85-летие основания. Праздник, прошедший с большим подъемом 15 сентября, был приурочен также и к годовщине открытия мечети. Люди приехали со всей округи, собралось более 200 человек, в том числе два внука Харис-бабая – Рифкат и Минахмет Алимовы. Присутствовали муфтий Самарской области Талип-хазрат Яруллин, руководители Сергиевского района, главы поселений, руководители предприятий и организаций. Мероприятие сопровождалось концертом ансамбля национально-культурной автономии татар Тольятти.

Сейчас в Алимовке проживают менее ста человек, все объекты соцкультбыта расположены в четырех километрах, в центре сельского поселения Верхняя Орлянка.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ РАЙОН

Выселки

Топонимы с названием выселки или выселок встречаются в разных частях нашей страны и сопредельных стран. Согласно «Толковому словарю русского языка», выселок – это небольшой поселок на новом месте, выделившийся из другого селения.

Самарская область не является исключением – в Ставропольском районе расположено село Выселки, которое является единственным населенным пунктом одноименного сельского поселения. Сведения об этом поселении содержатся в опубликованных дореволюционных статистических работах, материалы по истории населенного пункта есть в местной периодической печати, а также размещены на электронных сайтах.

Согласно преданиям и работам краеведов, Выселки были основаны в XVIII столетии. Русские, чувашские и татарские переселенцы обосновались около озера Сускан. Они основали три деревни, входившие в одно сельское общество – чувашский Сускан, русскую Ивановку и татарскую Бритовку. Последнее название связано с бытовым прозвищем проживавших в селе татар. Топоним Выселки в данном случае также означает сельское поселение, все жители которого переселились из другого населенного пункта. В ревизских сказках 1780 г. также отмечалось, что Выселки состоят из деревень Сускан, Ивановка и Бритовка.

6 октября 1936 г. в ставропольской районной газете «Большевистская трибуна» краевед Борисов писал об истории основания села Выселки: «Местность, занимаемую теперь Русскими и Татарскими Выселками, облюбовали ходоки из села Белый Ключ Симбирской губернии, братья Леонтьевы Павел и Леонтий, с односельчанином Алексеем Юдиным, по прозвищу Кривой. Они первые срубили себе избы, огородили усадьбы у озера Сускан. Потом к ним присоединились татары из сел Каракитья, Цекал и Ача Нижегородской и Симбирской губерний. Первым переселенцем из татар обосновался здесь Тукташев Рязябь. Малоземелье гнало этих людей с насиженных мест. Сюда привлекали привольные луга и пастбища, рощи сосняка, изобилующие ягодами, мелколесьем и кустарником, водные пространства, богатые рыбой и дичью. Вдоль обоих берегов Сускана выстроили жилища новые обитатели этих мест, образовав русский и татарский поселок. Русская сторона стала называться Иванеевкой, противоположная – Татарский Сускан. Оба поселка были первоначально приписаны к Нижнесанчелеевской волости. Впоследствии, когда образовалась самостоятельная волость, они официально стали называться Русско-Татарскими Выселками. После того, как первые переселенцы уже обосновались на занятом месте, к ним присоединились чуваши из деревни Сахча, прибывшие сюда со своим ходоком Семеном Кирилловичем Кирюшкиным. Концы улиц Барацкой и Сокинской до сих пор сохранили свои названия от переселенцев от села Бараки с реки

Сок. В дальнейшем сюда приехало несколько семей из Рязанской губернии. Предки нынешних жителей Выселок представляли когда-то людей, вытесненных малоземельем, нуждой и голодом из разных местностей».

Местные жители принимали активное участие в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе русской армии.

Выселская волость была образована в августе 1867 г., в ее состав вошли само село Выселки (Бритовка, Сускан, Ивановка), а также ряд деревень: Верхняя Белозерка, Средняя Белозерка, Правая Белозерка, Мартышкино, Светлое Озеро, Сускан (Сусканки), Кочкарная, Калмыцкая.

С 1889 г. к данной волости причислены деревни Черный Улус, Татарские Выселки и Сусканка (Суркина).

Мечети являлись неотъемлемыми атрибутами не только татарских, но и ряда смешанных в этническом отношении поселений края. В Выселках было девять мечетей. Соборная мечеть в данном селе была построена в 1864 г., вторая мечеть – в 1884 г., третья мечеть спроектирована и построена в 1904 г., четвертая – в 1911, а пятая мечеть спроектирована и выстроена в 1912 г. В годы Советской власти большинство мечетей края было разрушено, но одна простояла до самого последнего времени. После того, как в 1990-е гг. рядом была построена новая мечеть, старую в целях безопасности решено было демонтировать.

В конце XIX в. в Выселках, как и в других поселениях края, получили развитие различные ремесла. Здесь жили бондари, портные, сапожники и др. На 1884 г. в Выселках были бондарная мастерская, две кузницы, девять лавок, две ткацкие, шерстобитная три сапожные мастерские, шесть мельниц.

С 1864 г. действовала земская школа, сначала она была рассчитана на 15 учащихся, а к 1884 г. в ней училось уже 40 учеников.

Жители Выселок принимали участие в сражениях Первой мировой войны, в том числе в знаменитом Брусиловском прорыве.

Провозглашение Советской власти в Выселках произошло 28 марта 1918 г. Руководителем татарской секции Самарского губернского комитета РКП(б) был Аббас Алеев, уроженец Татарских Выселок. Он был избран первым председателем совета крестьянских депутатов с. Татарские Выселки в 1918 г. Летом того же года в результате действий войск чехословацкого корпуса Советская власть в крае была временно свергнута, а многие большевики, в том числе Алеев, убиты – произошло это в Самаре, на Алексеевской площади (ныне площадь Революции). Но осенью в крае происходит восстановление Советской власти. Часть местных жителей принимала участие в так называемой «Чапанной войне» на стороне повстанцев, воевавших с частями регулярной Красной Армии.

С октября 1918 г. Выселская волость числится в Мелекесском уезде, а в следующем году вновь причислена в Ставропольский уезд. В 1923 г. постановлением губисполкома Выселская волость перешла в Самарский уезд.

Согласно статистическим сведениям, в 1920 г. население села Выселки имело 262 коровы, 178 лошадей, 259 голов мелкого скота, 10797 га пахотных земель и 2020 га лугов. Однако вскоре в Поволжье начался голод. Всеукраинский комитет помощи голодающим открыл в Выселкской волости 3 питательных пункта и 4 столовых. Тем не менее на заседании 15 ноября 1921 ставропольский укомпомгол отмечал, что в Выселкской волости голодают 1550 человек. К 1922 г. население села сократилось в полтора раза.

В 1930 г. в волости были созданы колхозы, в татарских поселениях (которые потом вошли в состав Выселок). Они назывались: «Кызыл Байрак» (председатель Саитгарей Абдулов), «Кызыл Юлдуз» (Таипов) – село Татарские Выселки;

«Имени Карла Маркса» – село Новая Бритовка и Карамышевка. Позже колхозу в селе Султановка было присвоено название «Имени 18-го партсъезда».

Весной 1931 г. в колхозах «Красная Армия», «Кызыл Юлдуз» появились три трактора марки «Фордзон».

В 1959 г. все местные хозяйства были объединены в колхоз «Дружба».

В 1926 г. в селе была построена школа. Сначала она являлась лишь начальной. В 1934 г. школа стала семилетней. Первый выпуск учащихся с семилетним образованием был в 1937 г. Первыми выпускниками с семилетним образованием стали: Фахурдинов Закир, Джалалов Мязгут, Мирбеизова Магиря, Хусаимов Касым, Шейхуллова Регина.

Великая Отечественная война… 23 июня 1941 г. первыми на сборный пункт Ставропольского райвоенкомата приехали колхозники из Выселок. Председатель Татарско-Выселкского сельсовета Фейсханов вместе со всем своим взводом (подготовленны на военных сборах) ушел на фронт. В течение войны из Выселок было призвано 279 жителей. В боях заРодину погибли Мирза Зиятович Рахметов (1943), Закир Ефимович Садеев (1942), Иван Ибрагимович Сейфулов (1943), Закир Хисамутдинович Садрюков (1942), Вали Ахмедович Идиатулов (1945) и многие другие – всего 177 солдат и офицеров.

После Великой Отечественной войны в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане участвовали 7 жителей с. Выселки, в двух чеченских кампаниях – 18.

1 июля 1954 г. произошло слияние сельсоветов Светло-Озерского, Русско-Выселкского и Татарско-Выселкского, так образовался единый Выселкский сельсовет.

К 1964 г. в Выселках за счёт средств колхоза были построены два клуба, школьная мастерская, интернат, 10 квартир для учителей, теплофицированы здания средней и восьмилетней школ.

В 1964 г. хозспособом был построен первый дом для молодых специалистов, комбинат бытового обслуживания, в 1971 г. – новая школа на 600 мест, в 1972 г. – детский сад на 90 мест. В 1981 г. село Выселки первым в районе было полностью газифицировано, в 1970-1980 гг. – более 130 квартир было построено для колхозников, в которых ветераны живут по сей день.

По итогам 1974 г. колхозу «Дружба» присуждено переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Общая площадь поселения 12645,3 га. Застройка населённых пунктов в основном представлена частным сектором. Многоквартирных домов – 15 (не выше 3 этажей), домов блокированной застройки – 87, индивидуальных – 964. Численность населения имеет тенденцию к росту благодаря увеличения рождаемости, миграции

и за счет новых территорий. На сегодняшний день численность постоянного населения сельского поселения Выселки составляет 3402 человека, в том числе в селе Выселки – 2886, микрорайоне «Березовка» – 465 чел., микрорайоне «Чистые пруды» – 34 чел., микрорайоне «Колос» –17 чел.

В настоящее время в сельском поселении Выселки сложилась следующая демографическая ситуация:

- население моложе трудоспособного возраста – 648 чел.;

- население трудоспособного возраста – 1992 чел., из них трудоспособное население – 1950 чел.;

- пенсионного возраста – 762 чел.

Социальная инфраструктура поселения в сфере образования состоит из средней школы с нормативной вместимостью 640 мест и фактическим количеством учеников 245 чел. и детским садом «Чебурашка» на 90 мест, с фактическим пребыванием детей 89 чел. Летом 2017 г. вводится в строй еще один детский сад на 110 мест в микрорайоне «Березовка»

В сфере культуры и спорта на территории поселения работают сельский Дом культуры, филиал районной библиотеки и детская школа искусств.

В сфере здравоохранения на территории поселения работает амбулатория на 30 посещений в сутки и 2 аптечных пункта. Острой проблемой в сфере здравоохранения является недостаточное количество врачей.

В настоящее время на территории поселения работает 5 сетевых магазинов и 5 индивидуальных предпринимателей, которые обеспечивают население сельского поселения всеми необходимыми товарами.

…Заметный след в истории села оставили директор средней школы Равиль Калимович Садреев, проработавший в этой должности более 40 лет (общий педагогический стаж более 50 лет), многолетний председатель сельского совета Пелагея Васильевна Леонтьева, знаменитый председатель колхоза «Дружба», кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, депутат Верховного Совета СССР двух созывов Юдахин Геннадий Тимофеевич и другие.

ЧЕЛНО-ВЕРШИНСКИЙ РАЙОН

Село Благодаровка

Первый архивный документ, относящийся к этому селу, датируется 10 июня 1794 г. Именно тогда первопоселенцам – отставным солдатам согласно указу императрицы Екатерины II выделено 300 десятин земли для ведения пахотного земледелия. Первое население деревни составили 22 семьи – 11 татарских и столько же русских семей. С тех пор в селе имеются две части (по деревенской терминологии «конца») – русская и татарская.

В благодарность монаршей милости жители дали своему поселению название Благодаровка. В некоторых документах, вплоть до 30-х гг. XX в., употребляется также название «Благодатное». А корни татарского названия «Хосэен авылы» кроются в имени одного из татарских первопоселенцев.

Долгое время Благодаровка входила в Чистопольский уезд Казанской губернии, в Самарскую губернию была передана в годы Советской власти.

Имеющаяся в селе деревянная мечеть – одна из старейших в Самарской области, была построена в 1907 г. В годы наиболее активной борьбы Советского государства с религиозной идеологией в 30-х гг. властями было принято решение о ее сносе. Но на её защиту вышли не только татары, но и русские. Благодаря единодушию и сплоченности жителей села мечеть была спасена и действует по настоящее время.

Начиная с того же времени Благодаровка стала одним из центров мусульманской религиозной жизни Куйбышевской области и соседних регионов, здесь жил и проповедовал ишан Валиахмет Сабиров (см. подробно раздел «Исламская традиция на самарской земле»).

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. погибли 60 защитников Родины – уроженцев деревни Благодаровка. В канун празднования 70-летия Великой Победы рядом с деревенской мечетью был открыт памятник погибшим фронтовикам. Основные затраты по строительству памятника взяли на себя предприниматели – уроженцы Благодаровки: Раис Минзуферович Галеев, Муса Саимович Гарифуллин и Гумер Саимович Гарифуллин. Торжественное открытие воинского обелиска состоялось 9 мая 2015 гда.

В торжественной церемонии открытия памятника участвовали глава Челно-Вершинского района Валерий Анатольевич Князькин, а также единственный живой участник великой Отечественной войны Михаил Михайлович Романов, многочисленные гости – уроженцы Благодаровки, живущие за пределами малой родины, ученики Сиделькинской средней образовательной школы… Всего – около 500 человек.

В годы войны – в 1943 г. – в местной начальной школе начала перподавать Някар Авхатовна Галеева. С 1946 г. и до закрытия школы в 1986 г., вместе с ней работал ее муж – Минзуфер Фасахович.

После войны деревня Благодаровка была бригадой колхоза имени Жданова, где более 20 лет бригадиром проработал Натфулла Халиуллович Ахметзянов, главным бухгалтером – Ярулла Бисмакович Сайфутдинов.

Долгое время в редакции Челно-Вершинской районной газеты «Авангард» работал (сначала корреспондентом, затем заместителем редактора и главным редактором газеты) Рашид Насыбуллович Гарифуллин.

Выходцы Благодаровки Зариф Аюпович Кабиров и два брата Шариповых – Карим Габдурахманович, Каюм Габдурахманович, а также Фанис Харасович Вахитов исполняли интернациональный долг в Афганистане.

В настоящее время в деревне Благодаровка проживают 15 человек, из них 3 труженики тыла. Старейшим жителем поселения Сиделькино, куда входит Благодаровка, является Бибисара Каримовна Шарипова, родившаяся 1 июня 1921 г. Деревня Благодаровка газифицирована.

Советский Нурлат, Советское Иглайкино, Малый Нурлат

Три населенных пункта вместе образуют одно село.

Поселки Советский Нурлат, Малый Нурлат и Советское Иглайкино образованы в 1927 г. Первыми переселенцами были жители деревень Верхний Нурлат, Нижний Нурлат и Новое Иглайкино соседней ТАССР. Выходцы из Нового Иглайкино назвали свой поселок Советское Иглайкино. В те годы была возможность переехать на свободные земли и заняться земледелием. Среди первых переселенцев были Усманов Муртаза Мустафинович (1887 г.р.) со своей семьей, Мавлютов Хусаин Абдулович (1905 г.р.), Мавлютов Фассах Салахович (1907 г.р.), Усманов Исхак Гиреевич (1897 г.р.), Сайфулин Губайдулла Сайфулович (1901 г.р.) и другие.

В годы Великой Отечественной войны из поселков Советское Иглайкино, Малый Нурлат, Советский Нурлат ушли на войну 59 жителей, из них живыми вернулись только 27 человек.

Многие из фронтовиков были награждены орденами и медалями СССР. Гайнутдинов Асадулла – медалью «За отвагу», Тухватуллин Ибрагим – орденом Отечественной войны II степени.

Некоторые жители поселков свой воинский долг выполняли в «горячих точках»:

- в венгерских событиях 1956 г. – Тухватулин Абдулахат Ибрагимович (1933 г.р.);

в Афганистане – Махмутшин Исламгарей Хафизович, 1965 г.р., в настоящее время проживает в Самара;

– Гафуров Равиль Минсафович (1972 г.р.);

– Сайфулин Ислам Гарифуллович (1967 г.р.). Все они – уроженцы поселка Советский Нурлат.

Мавлютов Джалиль Сабирзянович, 1980 г.р. за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и государственных интересов Российской Федерации в боевых действиях на территории Чеченской Республики, награжден медалью Суворова.

На территории Чечни служили также уроженец Советского Нурлата Махмутшин Раис Ринадович (1976 г.р.) и Мавлютов Рамис Раисович (1981 г.р.), уроженец пос. Малый Нурлат.

В годы перестройки, а точнее в 1987 г., жители села на пожертвования от населения построили деревянную мечеть, первым имамом которой был Хабибуллин Насыбулла Валиуллович.

В 1992 г. открылись две новые кирпичные мечети. В пос. Малый Нурлат имамом был Усманов Маслях Исхакович (1926-2012). После него на эту должность заступил Усманов Ахметбизян Нургатович (1932 г.р.).

В пос. Советский Нурлат имамом мечети имамом и председателем совета религиозной организации – махалля № 446 был избран Хабибуллин Насыбулла Валиуллович (1927-2006). Эти почетные и ответственные обязанности он исполнял до конца своей жизни, пропагандируя среди односельчан основы исламской религии, прививал населению традиционные постулаты веры. В настоящее время имамом является Бикбаев Минхайдар Исмагилович (1940 г.р.).

История деревни была богата на разные события. В начале 70-х гг. Хабибуллин Насыбулла вместе с уроженцем села Асхатом Асадулловичем Гайнутдиновым обратились в Министерство просвещения РСФСР и добились открытия в посёлке Малый Нурлат восьмилетней школы. До этого местные дети, отучившись четыре класса родной школы, много лет ходили пешком учиться за восемь километров в школу села Краснояриха.

Многие жители оставили яркий след в истории малой родины. Среди них особое место занимает Хабибуллин Халиулла Валиуллович (1921-1978). Трудовую деятельность начал в колхозе «Яна тормыш» («Новая жизнь») Кутузовского района в 1933 г. С двенадцати лет работал в колхозе

наравне со взрослыми, на быках возил снопы, заготавливал лес, пас скот.

В 1939 г. призвался в армию, участвовал в боях у озера Халхин-Гол против японских захватчиков. В Великую Отечественную войну с оружием в руках охранял рубежи нашей Родины на Дальнем Востоке, с августа 1945 г. воевал снова с японскими милитаристами, освобождал территорию Китая. Служил в звании старшего сержанта командиром взвода артиллерии. Заканчивал воинскую службу в Монголии и вернулся домой в 1946 г.

Дальнейшая судьба Халиуллы Валиулловича была тесно связана с колхозом, в котором земляки избрали его своим председателем. Не имея специального образования, молодой руководитель был богат на хозяйскую сметку, чутко улавливал требования жизни, не боялся нового. А самое главное – всегда находил общий язык с людьми. Все, кто помнят Халиуллу Валиулловича, отмечают, кроме всех других положительных черт, открытость характера. Он умел строить диалог с людьми разного уровня образования и культуры.

На посту председателя колхоза успешно проработал с 1948 по 1959 гг. Опыт Хабибуллина и возглавляемого им хозяйства был достоин изучения и распространения. В 1954 г. статья председателя колхоза «Яна тормыш» Кутузовского района «Больше зерна стране» была опубликована в журнале «Передовой опыт в сельском хозяйстве», который выпускался отделом агитации и пропаганды Куйбышевского обкома КПСС.

Х. В. Хабибуллин был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», нагрудным знаком. С 1959 по декабрь 1977 гг. работал бригадным учетчиком отделения № 2 колхоза «Рассвет». Общий стаж работы в сельхозпроизводстве 49 лет.

Мавлютов Сагит Валиахметович (1929-1995) за многолетний самоотверженный труд был награжден орденом Ленина, медалью «За освоение целинных земель», юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», нагрудным знаком «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР».

Мавлютов Фаттах Фахуртдинович (1929 г.р.) за высокие производственные показатели награжден медалью «За трудовое отличие» и орденом Трудового Красного Знамени.

Багаутдинов Искандар Исмагилович (1936 г.р.) за высокие производственные показатели награжден орденом «Знак Почета» и юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Среди самых известных уроженцев села следует отметить также Растама Абдулахатовича Тухватулина (1958 г.р.) – мастера спорта СССР по легкой атлетике.

По последним данным, в трех поселках сейчас насчитывается 139 дворов, численность населения – 382, в том числе трудоспособного – 207 (из них 83 чел. проживает в селе, 124 чел. – за пределами села), пенсионеров – 78, учащихся – 23 чел. Имеется школа основного общего образования (девятилетняя), почта, сельский дом культуры на 160 мест, библиотека, магазин и две мечети. В настоящее время на территории поселков организаций нет, население в основном занимается подсобным хозяйством – выращиванием и продажей картофеля, лука, разведением овец, гусей, кур, реализацией молочной продукции, мяса и пчеловодством. Многие жители на заработки уезжают за пределы района.

(По не зависящим от нас причинам информацию еще по одному татарскому населенному пункту Челно-Вершинского района – Заиткино нам не удалось получить – ред. совет).

ШЕНТАЛИНСКИЙ РАЙОН

Районный центр – станция Шентала

Как известно, татары – коренные жители шенталинской земли. Населенные пункты с названием Шентала (другой вариант: Шантала) появились в разных уголках Заволжья давно. Как писал исследователь истории нашего края начала XX в. профессор П. Преображенский «деревня новокрещенной мордвы» Шентала начинает встречаться на картах и в архивных документах с середины XVIII в. (См. Преображенский П. А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. С. 32). На карте Самарского уезда Симбирского наместничества конца XVIII в., которую, к сожалению, из-за низкого качества (но у редакционного совета имеется электронный вариант) нам не удалось воспроизвести в данном издании, тоже обозначено село Степная Шантала, расположенное между реками Кармала и Шанталка.

В наше время существуют несколько населенных пунктов, в названиях которых корнеобразующим словом является «Шентала» – станция Шентала (райцентр), Старая Шентала в том же районе, Степная Шентала в Кошкинском районе, Подлесная Шентала в Алексеевском районе Республики Татарстан и др.

Что же касается происхождения этого топонима, то известные мордовские ученые, доктора филологических наук, профессора М. В. Мосин и Д. В. Цыганкин, в ответ на наши запрос, однозначно связали его с тюркской основой. Например, Д. В. Цыганкин считает, что:

– Шентала – от татарского имени «Шан», которое означает «честь, слава»; «тала» – отнятие, ограбление. Или: Шентала с булгарского языка – как «новая земля» («шене, шане» – новый; «тала» – степь).

…Некоторое время назад в краеведческой литературе появилась и получила довольно широкое распространение версия о происхождении этого названия от сочетания немецких слов «Schön Tal» – «Шён таль – Прекрасная долина!». Так, якобы, воскликнул один немецкий инженер, работавший в 1900-х гг. на строительстве Волго-Бугульминской железной дороги, увидев удивительную красоту места, где была и построена одна, хорошо знакомая нам сейчас, станция новой магистрали… Но приведенные выше документы и мнения авторитетных ученых-языковедов подтверждают абсолютную безосновательность этой версии – никакого немецкого следа

в названии райцентра в российской глубинке Шентала нет и не может быть.

Как связать «булгарско-татарское» происхождение название «Шентала» и водворение в них «новокрещенной мордвы»? По всей видимости, самому первому поселению с таким названием (возможно, селу Старая Шентала) жизнь дали татары, а потом основными его жителями стала мордва. (Такое бывало нередко – в качестве еще одного примера можно привести чувашское село Султангулово Похвистневского района). А потом вслед уже возникли новые населенные пункты с определительными приставками Новая, Степная и так далее.

В строительство станции Шентала, возникшей в 1907 г., и в целом железной дороги татары внесли большой вклад. Окружавший дремучий лес, тяжелая ручная работа не испугали их и других строителей дороги. Работы здесь шли быстро.

Станция Шентала была открыта в 1911 г. Потом много сил и труда было вложено жителями в строительство и благоустройство своего нового дома. Они были заняты на заготовке дров для топки паровозов, строительного леса, расчистке территорий от деревьев, производстве пиломатериалов. Также добывались камень, щебень, песок, которые шли на строительство дорог, хозяйственных и иных зданий.

В те же годы начали возводить элеватор. Параллельно, общими усилиями, строили жилье для себя.

На постоянное место жительства сюда татары прибыли в основном из районов, которые входят теперь в Республику Татарстан. Особенно большой приток татарских семей наблюдался в годы коллективизации – в начале 30-х гг. Переселенцы-татары, как правило, были людьми мало- или безграмотными. Поэтому они выполняли, главным образом, малоквалифицированную, физически тяжелую работу. Семьи были

преимущественно большими.

В 1930 г. в Шенталу приехали два брата Агзам и Абзалетдин Тагировы из села Керлигач Татарской АССР и, разработав дремучий лес на окраине Шенталы, построили себе жилье. В последующие годы рядом с ними поселились несколько татарских семей, приехавших из села Сарабикулова. Так образовалась Тагировка – татарский поселок (часть) Шенталы, который носит это название по сей день.

Шло время. С годами Шентала расширялась, строились новые предприятия: леспромхоз, лесничество, элеватор, пищекомбинат, дорожный отдел, кирпичный завод, завод строительных материалов, различные торговые учреждения…

В 1935 г. построили больницу, районную типографию, маслозавод. В том же году Шентала стала районным центром (ранее им был село Денискино).

В 1938 г. был сдан в эксплуатацию элеватор, а в 1939 г. пущена в строй первая электростанция.

Во всех вышеперечисленных коллективах, наряду с людьми других национальностей, честно, добросовестно, с полной отдачей сил трудились татары.

Славу и гордость любого народа составляют его яркие личности. История татар Шенталинского района тоже богата такими именами.

Работа кирпичного завода шла под умелым руководством Исмагила Байбикова, многие годы главным инженером леспромхоза трудился Шагитжан Закиевич Галеев, позже – инженером Мидхат Каримович Мурсалимов, а также братья Аглиулла Нигматуллович и Асхат Нигматуллович Гатауллины, в милиции с честью несли службу Мансур Мингазов, Шафигулла Латыпов, весомую лепту в развитие торговой системы внес Рашит Муртазин.

Около 40 лет работали в системе здравоохранения врач-рентгенолог Минура Набиевна Вахитова, главный хирург, заместитель главного врача центральной районной больницы Анвар Сальманович Суфьянов. Добрую память оставил о себе врач-стоматолог Анвар Сулейманович Ахметшин. Более 30 лет трудятся главный терапевт Фагимя Гарифовна Закирова, главный педиатр Масхуда Ахатовна Гарифуллина, рентгенолог Раиль Бариевич Абусаитов.

На страже закона и порядка, работая в нарсуде, многие годы стоял Нур Сабирович Галеев, в настоящее время на этом ответственном месте трудится Раифа Ибрагимовна Минбаева.

Уважение односельчан заслужила работник Шенталинского райисполкома Сания Муталаповна Мурсалимова, в последние годы в муниципальных органах власти служит Галия Якубовна Каркарова.

Широко и всесторонне освещал жизнь района, являясь корреспондентом районной газеты, Рашит Габдрауфович Галимов, в настоящее время в главном шенталинском печатном СМИ трудится Расиня Рахимзяновна Хайдарова.

Делу воспитания и обучения подрастающего поколения посвятила свою жизнь педагог Наиля Ахметгалиевна Минибаева, в настоящее время добрые традиции ветеранов народного образования продолжают Алия Габдулхаевна Фаваризова, Мадиня Мухтаровна Гарифова. Многие годы работу коллектива Пенсионного фонда грамотно, профессионально организовывала Альфия Минхаировна Суфьянова, а районной пожарной части сегодня четко руково-

дит Фазыл Минвалеевич Салахиев.

Своими знаниями, опытом помогает земледельцам района Халиль Хазиевич Мустафин, который работает главным агрономом в управлении сельского хозяйства, культурно-просветительскую работу активно вела и ведет семья Расуловых.

Успешными предпринимателями являются братья Анас, Дамир, Раис Сафиуллины, Ильяс Низамов, Агдас Газизов, Гумер Гарифуллин, Габбас Газизов, Руслан Каюмов. Они занимаются не только торговлей, но и создали свое собственное производство.

Это далеко не полный перечень татарских имен, внесших и вносящих свой вклад в развитие родного Шенталинского района.

И верится, что история районного центра – станции Шентала будет поступательно развиваться, в нее еще будет вписано немало достойных и весомых страниц.

Денискино

История Денискино, одного из крупных сел Шенталинского района, уходит вглубь веков. Существуют различные версии о времени возникновения, происхождении названия села, именах первых переселенцев. Так одной из них является версия, связанная с именем первопоселенца Динмухамета. В ревизской сказке – переписной книге 7-й народной ревизии 1816 г., хранящейся в Центральном Государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), в списке жителей деревни фигурирует фамилия Динмухаметов – это, вероятно, потомок того самого рода.

Сохранилась также легенда о том, что один из первых поселенцев по имени Динмухамет, переночевав на месте будущего села среди осин и берез, утром задумался о том, как же будут жить будущие поселенцы на месте, где открытой земли почти нет, кругом сплошные леса. Решил он пройтись по окрестностям в поисках более подходящего для землепашества, безлесного места. Вдоль речки, протекающей по глухому оврагу, пошел он на северо-восток, где обнаружил место слияния речки с Большим Черемшаном. Весь день потратил он на осмотр близлежащей окрестности и здесь же заночевал.

Ночью приснился ему дурной сон, который послужил ему недобрым знаком. Вернулся он обратно на место изначального пребывания и окончательно решил обосноваться здесь. Повалил растущие тут же деревья, сделал сруб и построил первый дом. Денискинцы старшего поколения еще могли видеть на месте нынешней школьной котельной яму, поросшую травой, которая и считалась местом первого дома, построенного самым первым жителем села Денискино – Динмухаметом.

Хлебопашество было основным занятием поселенцев села Денискино. Но первопоселенцы занимались также охотой, рыболовством, бортничеством. Пристанище, основанное Динмухаметом, его привлекательность в плане удобства для жизни, очевидно, было замечено, и к нему потянулись люди. Население новопоселенной деревни стало расти.

Некоторые архивные документы (требующие дополнительного анализа) указывают на 20-е гг. XVIII в. как время основания Денискино. Далее сведения о селе Денискино обнаруживаются в документах 2–й ревизии, проходившей в России в 1744-1747 гг. Об этом свидетельствуют выдержки из документа, присланные на запрос Денискинской сельской администрации из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в 1997 г. (Сведений о первой ревизии 1719-1727 гг., к сожалению, не сохранилось). Деревня тогда называлась Денисиха и была заселена дворцовыми крестьянами, речь шла о восьми душах, проживающих здесь. Бытует версия, что солдатам ещё старой допетровской армии, отслужившим 25 лет на государевой службе, за неимением средств в казне, предоставлялась земля. За пользование казенными землями жившие на ней люди платили подати и несли повинности в пользу государства.

В «Ведомости, составленной в канцелярии Оренбургского горного начальства, о количестве государственных, дворцовых и монастырских крестьян Уфимской провинции» от 1765 г. 31 июля указано было 5 душ дворцовых крестьян (ф. 271. Берг-коллегия, д. 1234, л. 698 об.).

В «Экономических примечаниях к планам Генерального межевания Бугульминского уезда Оренбургской губернии» к концу XVIII в. население Денискино составляло 84 души ясачных татар, проживающих в 12 дворах. Одной из сословных категорий являлись ясачные крестьяне. «Ясачные» люди – плательщики натуральной подати – ясака. (Ясак – подать, собиравшаяся в пользу Российского государства с народов Поволжья и Сибири). Уплата ясака служила внешним выражением

подданства. Ясачные люди, как категория населения, просуществовали до 1917 г.). В деревне к тому времени уже была мечеть «магометанского закона», а при ней кладбище. (РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1874, лл. 306 об.и 307).

Согласно итогам ревизии 1857 г. и составленному по ее итогам «Списку населенных мест Российской империи. Самарская губерния» (Т. XXXVI. СПб., 1864, с. 26), в деревне было уже 215 дворов, в которых проживало 760 мужчин и 788 женщин. Были также две магометанские мечети.

Имеется упоминание о селе Денискино и в «Географическо-статистическом словаре Российской империи», вышедшем в 1863-1865 гг. под редакцией П. П. Семенова (будущего почетного академика Семенова – Тянь-Шаньского). «Денискино, деревня, казенная Самарской губернии, Бугульминского уезда, в 90 верстах к юго-западу от Бугульмы и в 12 верстах от села Шентала, при реке Ирыкле. Число жителей 1548 душ обоего пола, 215 дворов. Т. 2. С. 35.).

В книге «Самарская топонимика» серии «История Самарского края в документах, материалах и воспоминаниях» имеются следующие данные о происхождении названия Денискино: «Денискино, татарское село Шенталинского района. Оно же – Денисово, Бихметово, Бекметово. Возникло не позднее второй половины XVIII века. Первые два варианта названия села связаны с православным личным именем, два последних варианта – с тюркским личным именем Бикмет»

В краеведческом музее Черемшанского района Республики Татарстан хранится карта, датированная 1739 г. и на которой, среди названий сел четко просматривается название села Бикметова, по территориальному расположению совпадающего с современным селом Денискино. Так, по одной из имеющих место версий, первопоселенцами стали люди, пришедшие сюда из Черемшанской крепости. Освоили они эту благодатную землю, осели возле реки, назвав ее Ольховкой, потому что росло вдоль оврага много ольхи. Село же назвали по имени первопоселенца Бикмета.

Как известно, на протяжении всей истории развития государства, в нем происходили административно-территориальные реформы. По хронологическому перечню, приводимому ниже, можно проследить изменение административных единиц, в состав которых входило наше село.

С 1719 г. наша местность входила в состав Уфимской провинции, которая, в свою очередь, в 1744 г. была включена в состав Оренбургской губернии. С созданием в 1781 г. новой системы уездного управления Российской империей Денискино было отнесено к Бугульминскому уезду Оренбургской губернии. С образованием в 1851 г. новой губернии – Самарской ей был передан весь Бугульминский уезд. И такая ситуация сохранялась до 1920 г., когда основная территория Бугульминского уезда стала частью только что созданной Татарской АССР. А Денискино, как и другие селения южной части Бугульминского уезда, осталось в составе Бугурусланского уезда Самарской губернии.

На более низовом уровне управления Денискино сначала состояло в Черемшанской волости, потом с 1867 до 1923 гг. – в Четырлинской, после чего короткое время в Абдикеевской, а с 1926 г. – в Шенталинской волости. В 1928 г. в связи с реформой территориального управления большая часть нынешнего Шенталинского района (в том числе и село Денискино) вошли в Челно-Вершинский район. В 1935 г. районы были разукрупнены, в результате чего был образован новый Денискинский (по названию самого крупного населенного пункта) район Куйбышевского края с центром на станции Шентала. С 1940 г. район носит нынешнее название – Шенталинский.

Возвращаясь к дореволюционным временам, в памяти старожилов осталось имя первого волостного старшины Четырлинской волости, жителя села Денискино – Каюмова Мирзижана Каюмовича. Должность писаря занимал тоже денискинец Мингазов Шайхи.

По традиции, мечети в татарских селениях возводились вскоре после их основания. История самых первых мечетей села Денискино нам пока неизвестна. Есть сведения о молитвенных зданиях и их имамах, относящиеся к середине XIX века. Духовными наставниками жителей Денискино в те времена были Габдулла Даутов, утвержденный в звании и должности указом ОМДС в 1839 г., Камалетдин Хабибуллин, Хуснулла Ягудин, Муса Биккинин (все получили соответствующие указы в 1857 г.). Сохранились имена и других служителей культа дореволюционной поры – муллы Маулемберды, Ахметкарим, Заки, Кыям.

Первая мечеть располагалась на территории нынешнего здания поликлиники.

Во второй мечети (она была расположена в районе СДК) служили Ахсян-хазрат, Мирзажан-мулла, Яхмуэдзин Латиф. При обеих мечети работали медресе, где основное внимание уделялось религиозному образованию. В них обучались в основном мальчики и юноши, обучение девочек и женщин не приветствовалось.

Имена духовных руководителей первых мечетей вошли в историю села как имена первых носителей идей джадидизма – обновления различных сторон жизни, отказа от старых методов обучения, введения светских предметов, обучения на родном языке.

Особые добрые воспоминания о себе, как о человеке прогрессивных взглядов, впервые внесшем в программу обучения светские науки и русский язык, оставил Ахсян-хазрат. Сам он родом из села Тайсуган (сейчас это на территории Черемшанского района Татарстана), всю свою жизнь прожил в Денискино и посвятил её тому, чтобы открыть глаза на мир безграмотным сельчанам. Незабываемый след в истории села оставил Мирзажан-мулла. Имея гербовую печать, будучи ахуном, он одним из первых мужчин-мусульман встал на защиту женщин-мусульманок, угнетенных мужьями, помогал им в оформлении развода, получить который женщине было очень трудно.

Активизация общественной жизни на рубеже XIX-XX вв. способствовала увеличению количества мечетей. В период с 1900 г. по октябрь 1917 гг. в селе было построено еще четыре мечети, их стало шесть. В третьей мечети в должности муллы состояли Харис Мусин, Ахметкарим Мусин, муэдзина – Мингазедин. В четвертой мечети служили Закизян-мулла (сын муллы второй мечети ахуна Мирзажана), муэдзином – Хуснутдин Шарапов, а до него временно в должности муэдзина состоял Гата-мулла. В пятой мечети – мулла

Зиннун Камалетдинов, муэдзин (сын муллы первой мечети Камалетдинова Кияма), хаджи Хазиахмет-мулла. Как видим, работа муллы носила династийный характер. В шестой мечети (на улице Казанской) служили Хабибулла-мулла и муэдзин Кыям Камалетдинов.

К 1917 г. Денискино представляло собой достаточно крупное село с числом жителей в 4400 человек, проживающих в 900 дворах. Традиционной хозяйственной деятельностью оставалось пашенное земледелие и подсобное животноводство.

Огородничество и садоводство были развиты слабо. Жители села обрабатывали 6097 га земли. Но земли хватало не всем.

Немало денискинцев покидали родное село и уходили на заработки в соседние селения и волости, в основном на временные, сезонные работы: обработку пашни, посев, уборку урожая.

Богатых, в привычном понимании слова, людей в Денискино не было, как, впрочем, и батраков тоже. А в просторечии термин «бай» в отношении к более состоятельным, чем другие, односельчанам применялся часто, особенно теми, кто материально жил не очень хорошо. Эти люди обычно занимались торговлей, держали мельницы и крупорушки, производили кирпич, собирали и обрабатывали кожсырье… В дореволюционные и первые послереволюционные годы этим занимались (так их имена передает народная молва): Сабира-эби, Фатых Зарыпов, Шаймардан-бабай, Зыя Кашап, Хуснулла-бабай, братья Гариф и Валетдин Гилязетдиновы, Хаметвали Мингалимов, отец и сын Хайретдин и Сахабетдин Фаттаховы, братья Ярулла и Нурулла, Минсадыр- бай, Заридин Загартдинов, Вахит Ягудин.

По инициативе и благодаря усилиям еще одного предприимчивого человека – Зиннура Нафикова в 1895 г. в Денискино открылся большой базар, который каждое воскресенье собирал всю округу. Он проработал до конца 1940-х гг.

В целом размеренная, патриархальная жизнь сельчан периодически нарушалась неурожайными годами и войнами. Низкая культура земледелия и устаревшие орудия обработки земли не позволяли добиваться высоких урожаев. И это стало главной причиной постоянной нужды в крестьянской жизни.

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война еще более усугубила эти проблемы. Большое количество здоровых мужчин села Денискино были тоже призваны на русско-японскую войну, значительная часть семей осталась без кормильца, а пашня без ухода. Как вспоминали старики, именно в годы этой войны на денискинских полях впервые появились невозделанные, незасеянные наделы, заросшие сорняками.

Но эти годы ознаменовались и одним положительным явлением. В 1910-е гг. была проложена Волго-Бугульминская железная дорога. В ее строительстве, вместе с многочисленными рабочими из соседних и дальних губерний, участвовали и жители близлежащих селений, в том числе и Денискино. Одноименное название разъезда неподалеку осталось как память об участии денискинцев в прокладке сто лет назад важнейшей транспортной артерии.

А в 1914 г. грянула Первая мировая война, потом революция 1917 г., гражданская война. Все они оказали крайне негативное влияние на жизнь страны, в том числе и крестьянства.

Одним из результатов этих трагических событий стал мятеж чехословацкого корпуса летом 1918 г. Большой отряд бойцов корпуса расположился вдоль железной дороги, построенной на границе землевладений сельской общины Денискино. Они совершали вылазки в село, утаскивали сельский скарб, занимались по сути грабежом местного населения. Это были очень тревожные для села Денискино дни.

В августе того же 1918 г. в километре юго-западнее села в жестоком бою сошлись солдаты белых (Народной армии КОМУЧа) и красных отрядов. Потерь с обеих сторон было очень много. Останки бойцов были захоронены на месте. Долгое время на юге современной шоссейной дороги в райцентр выделялся небольшой курган – немой памятник того боя.

Тяжелым бременем на крестьянство легла продразверстка 1919 г., которая исполнялась без учета материального состояния семей и количества детей.

Крайнее народное недовольство привело зимой 1919-1920 гг. к восстанию в селах Бугульминского уезда. Оно получило название «вилочников» (от главного оружия крестьян). Жители Денискино, несмотря на все уговоры восставших, не примкнули к ним. Восстание вскоре было подавлено.

К бедствиям, порожденным войнами и революцией, добавился голод. Он начался фактически в 1920 г. и еще больше усилился в 1921-1922 гг.

К лету 1922 г. в 305 денискинских семьях (из 880) много народу умерло от голода. Последствием жесточайшей засухи стали сильные пожары, в которых сгорело около 500 дворов, были при этом и погибшие. По воспоминаниям одного из старожилов Шайхуллы Гарифуллина: «Все село напоминало могилу».

Многие из оставшихся в живых покидали село. И ехали кто куда: в Среднюю Азию, в Москву и Петроград, на Урал и в Сибирь…

…С преодолением последствий голода село вступает в новую полосу развития. Школа, открытая еще в 1918 г., в 1923 г. переходит на системное обучение. Стала регулярно работать изба-читальня, открытая еще до революции. У библиотекаря и учителя была единая цель – нести людям знания и культуру, помогать им преодолевать вековую отсталость и пережитки прошлого.

Первым учителем стал житель Камышлы Ахметгали Ягудин. Потом учить детей стали преподаватели из местных жителей – Киям Гилязович Хисматуллин, Минхан Шаяхметов, Фатых Гарифуллин, Минахмет Ахмадеев, Зайнаб и Абдулла Мустафины, Закия Валиуллина, Минхан Гарифуллин, Габдрахман Ахсанов, Сагидулла Ишмакаев, Кашип Валиуллин, Хакимов Фатых, Миниса Хакимова, Исхак Биккулов и другие.

Библиотека, начавшая работу с 10 экземпляров книг, в настоящее время имеет фонд 13000 экземпляров. В 1929 г. на селе начала действовать первая комсомольская ячейка. Первым ее руководителем стала Камиля Кашапова. В 1930-1931-е гг. ячейку возглавлял Харис Гареев.

В том же 1929 г. в селе была организована сельскохозяйственная артель, куда вошли 24 хозяйства. А осенью того же года на сельском собрании было принято решение о преобразовании артели в колхоз. В начале 1930 г. по направлению Средневолжского крайкома ВКП (б) в село прибыл коммунист

Владимир Викторович Анюшин. Именно он смог создать основной костяк из самых активных сторонников колхозного строя. Первым записался в колхоз Хабулла Мутыгуллин, вторым – Минитдин Нуртдинов, третьим – Хабулла Тухватуллин, Миржан Каюмов – бывший после революции волостным старшиной Четырлинской волости, Каюм Хабиров, Харис Гареев, кузнец Минхаир Каримов, Нажип Гареев, Морсалим Ганеев – руководитель крестьянского комитета, Исмагиль Вагизов, Жамалетдин Шарафетдинов, Гали Саттаров, Закир Шайхетдинов, Мингали Хабиров, Ханиф Марданов, Жалалетдин Мингазов, Нуртдинов Минетдин, мельник Вали Нигматуллин, Нигматжан Мухаметзянов, Хафиз Гимранов, Хазиахмет Бикмухаметов, Габдулла и Зайнаб Мустафины. Первым председателем был избран Хаматвали Мингалимов. В 1936 г. на эту должность заступил Ризатдин Загартдинов. Колхоз получил название «Марс».

С конца 20-х гг. началось массовое закрытие культовых сооружений. К началу 1940 г. на все село осталась одна-единственная мечеть. В эти годы начались репрессии против священнослужителей. Двое представителей мусульманских приходов Денискино – Абетдин Ахметов и секретарь мечети по имени Ярулла были арестованы и осуждены. Закончили они жизнь на тяжелых работах по строительству Волго-Балтийского канала.

…К середине 30-х гг. жизнь в колхозе постепенно стала налаживаться. Особенно после урожайного 1935 г. В 1937 г. с пуском местной ГЭС в дома денискинцев пришло постоянное электричество. В 1939 г. колхоз, как один из лучших хозяйств области, получил две грузовые машины «полуторки». В эти годы на селе продолжали функционировать сельпо, больница, маслобойка, лесопилка, кирпичный завод, пекарня, почта.

С началом Великой Отечественной войны из Денискино более 500 человек ушли на фронт, самые трудоспособные и здоровые мужчины, их место в колхозном производстве заняли женщины, старики и подростки. На их долю выпали тяжелые испытания. Были случаи, когда люди умирали от недоедания.

Вскоре на краю села в здании бывшей больницы открылся детский дом, в котором нашли тепло и приют дети, лишившиеся родителей. В их числе были и несколько деревенских ребятишек.

Директором детского дома была А. М. Лизунова, завхозом работал местный житель Н Валиуллин, воспитателем – В. Файрушина. Среди воспитанников детского дома был Юрий Горячев, ставший впоследствии первым секретарем Ульяновского обкома КПСС, а потом главой администрации Ульяновской области. Денискинцы приютили также у себя 80 семей беженцев из Ленинграда, Белоруссии, Украины.

250 денискинцев сложили свои головы в боях за Родину, десятки вернулись домой инвалидами. В центре села возвышается памятный обелиск погибшим героям, открытый 7 ноября 1967 г. Строился он на средства колхоза «Марс» (председатель Р. Х. Нурмухаметов, секретарь парткома – М. Х. Гиниятуллин). Автором проекта обелиска был учитель С. С. Нигматуллин.

…Для послевоенного восстановления колхозного хозяйства потребовалось целое десятилетие. После этого началась эпоха бурного развития страны и ее аграрного сектора.

К началу 70-х гг. колхоз «Марс» был всесторонне оснащен техникой, на полях работали 42 трактора, 16 комбайнов, 25 автомашин различных марок, десятки почвообрабатывающих агрегатов. Колхоз был обеспечен механизаторами, руководящими кадрами, специалистами.

Активно велось строительство – были введены в эксплуатацию зернохранилище, 3 силосные траншеи, дорога на МТФ на сумму 300 тыс. руб. и др. В 1967 г. с прокладкой линий электропередач от Волжской ГЭС в жизнь сельчан прочно вошло электричество. Было проведено центральное водоснабжение, проложен асфальт, на средства пайщиков райпо построен магазин, врачебная амбулатория. Силами колхоза была построена целая улица для семей молодых специалистов, механизаторов, животноводов. Начало 80-х гг. знаменуется наибольшими достижениями в сельскохозяйственном производстве и заметным повышением уровня жизни сельчан.

С 1951 г. в селе Денискино работает средняя школа. Работает детский сад.

В июне 1987 г. было завершено строительство Дома культуры. площадью 600 кв.м, с огромным спортивным залом, кино – концертным залом на 300 мест, комнатами для работы различных кружков, просторной библиотекой и читальным залом.

Потом мирная жизнь страны стала прерываться разными военными конфликтами.

Многие уроженцы Денискино выполняли свой воинский долг в Афганистане, на Северном Кавказе и других «горячих точках». Это – Р. А. Апалеев, Р. З. Сунгатуллин, Р. Ш. Нафиков, Г. А. Мустафин, А. Р. Мухутдинов, Х. С. Идиятуллин, Р. Х. Шайхуллин, М. В. Саитов (участие в оказании интернациональной помощи в Афганистане), Р. Р. Минхаиров, Р. З. Хуснуллин, Х. Х. Муртазин, И. Н. Габидуллин, Н. Р. Нурмухаметов, И. Р. Минхаиров, Р. Р. Сунгатуллин, М. Р. Сунгатуллин и И. Г. Халимов (они принимали участие в боевых действиях на Кавказе).

Еще один денискинец – Мансур Хакимов 14 января 2000 г., выполняя боевое задание на территории Чеченской Республики погиб в бою с незаконными бандформированиями.

…Десятки односельчан внесли и вносят вклад в развитие экономики и социальной сферы Денискино. Среди них учитель А. Н. Гимадеев, ветеран народного образования С. С. Нигматуллин, агроном, партийный и советский работник Х. М. Хакимов, животновод Г. Х. Хакимов, бригадиры тракторной бригады Н. Х. Хуснуллин и Х. Ш. Гилязетдинов, кузнец С. М. Мингазов, механизатор, бригадир, председатель колхоза Ш. М. Мустякимов, киномеханик, комбайнер, орденоносец Х. Х. Хаматгалимов, директор дома культуры клуба, организатор спортивной жизни и пропагандист здорового образа жизни М. Р. Мутыгуллин, заведующий библиотекой, пропагандист книги и знаний А. З. Рахимзянов, медицинский работник С. Н. Мухаметзянова, имам прихода № 41 Ш. Ш. Гарифуллин, знатная доярка, депутат Куйбышевского областного Совета, кавалер ордена Дружбы народов М. Н. Галимова, многолетний заведующий сельским магазином, кавалер двух орденов «Знак Почета» Н. З. Нафикова, поэтесса, певец родного края Ш. И. Галимова, многолетний глава сельского поселения А. Г. Залаков и другие.

В особом ряду стоит многолетний председатель колхоза Р. Х. Нурмухаметов. Именно в годы его рабо-

ты достигнуты наиболее высокие результаты в сельскохозяйственном производстве, произошло развитие инфраструктуры села, введены в эксплуатацию центральное водоснабжение, асфальтовая дорога до МТФ, двухквартирные дома для молодых специалистов колхоза, детский сад, Дом культуры, здание поликлиники и т.д. Многие годы он интересовался историей села, собирал по крупицам материалы, часть которых вошли в данную книгу.

На сегодняшний день на территории поселения насчитывается 415 личных подсобных хозяйств. Крупных промышленных предприятий нет. Ведущей отраслью экономики поселения является сельское хозяйство.

Сегодня земельные владения Денискино раскинулись на площади в 6000 гектаров, около 5000 из которых – пахотные.

Связь с районным центром осуществляется по асфальтированной дороге местного значения IV категории «Шентала-Клявлино». По юго-западной границе поселения проходит неэлектрофицированная федеральная железная дорога магистрального типа. В границах поселения расположены два населенных пункта: село Денискино и железнодорожный разъезд Баландаево, с административным центром в селе Денискино. Главой сельского поселения является Лимоза Фатыховна Бикмухаметова.

Численность населения, зарегистрированного по месту жительства, на текущую дату составляет 1161 человек, из них детей в возрасте до 7 лет – 56, от 7 до 16 лет – 86.Население старше трудоспособного возраста: женщины – 264, мужчины – 126. Численность трудовых ресурсов составляет 629 человек или 54,18 % населения. Среднесписочная численность работников, занятых на предприятиях, организациях и учреждениях, функционирующих на территории поселения в 2012 г., остается на уровне показателей прошлых лет. В селе сегодня действуют современный офис врача общей практики и отделение Центра социального обслуживания людей пожилого возраста и инвалидов. Функционирует средняя общеобразовательная школа, численность учащихся в которой на начало 2012-2013 учебного года составляет 87 человек. 26 детей дошкольного возраста посещают структурное подразделение школы – детский сад «Чулпан».

В январе 2012 г. учреждено МУП «ЖКХ – Денискино», основным предметом деятельности которого является содержание и эксплуатация водозаборных сооружений и водопроводных сетей с. Денискино, переданных предприятию в хозяйственное ведение. На территории поселения развернуты современные сети телефонной связи и передачи данных. Обеспечен выход в сеть Интернет, теле- и радиовещание. Отделением почтовой связи осуществляется прием коммунальных платежей, предоставляются услуги почтовой связи и страхования. Операционной кассой № 4245/065 Сергиевского отделения Сбербанка РФ – банковские услуги населению. На территории села работают два магазина, реализующие продукты питания и товары повседневного спроса. В селе созданы благоприятные условия для организации досуга, а также занятий физической культурой и спортом.

Сельский Дом культуры и спортивный зал при нем позволяют всем желающим с пользой проводить досуг. С 1990 г. при СДК работает татарский народный фольклорный коллектив «Чулпан», который является постоянным участником всех мероприятий, проводимых не только на территории поселения, но и в масштабах района и области. Сельская библиотека оснащена компьютерной техникой, имеет доступ к сети Интернет.

Вот уже несколько десятилетий в селе проводится национальный праздник «Сабантуй». В последние годы в проведении праздника оказывают помощь односельчане: Р. С. Хакимов, Р. М. Каримов, Ф. А. Тухватуллин, А. С. Халиуллин, А. А. Абзалов, А. А. Хабиров, И. Г. Бадыков, братья Раис и Тамир Сафиуллины.

Всего на территории поселения зарегистрированы и осуществляют свою деятельность 16 субъектов малого бизнеса. Наиболее успешными являются А. А. Абзалов, Я. Х. и С. Р. Зиятдиновы, Ф. Ф. Мустакимов, Р. А. Фаляхов.

В связи с отсутствием крупного товарного производства и сезонным характером работ в поселении остается проблема в сфере занятости населения.

Основным источником доходов населения остаётся реализация продукции, произведенной в личном подсобном хозяйстве, оплата труда, а также социальные выплаты в виде различных пенсий и пособий.

Карабикулово

По поводу возникновения села Карабикулово существует несколько версий. Они где-то сходятся, в чем-то повторяют друг друга… Наиболее интересная из них связана с известным и грандиозным событием, происшедшим в нашем крае в конце XIV в. – битвой Тохтамыша с Тамерланом. Легенда (подкрепленная несколькими данными по топонимике местности), которую жители села передают из поколение в поколение, сообщает, что битва 1391 г. между войсками Золотой Орды и среднеазиатским завоевателем состоялась не где-то, а именно в здешних местах…

Кровь текла рекой… В буквальном смысле воды Большого Черемшана и его притоков (один из них Бутарлей впадает в него прямо у села) стали настоящими кровавыми потоками. С тех пор жители двух татарских сел, живущих рядом уже не одно столетие, называют эту небольшую водную артерию «Канлы елга» – «Кровавая речка»), а множества родников с чистейшей студёной водой «Канлы чишмэлэр» – «Кровавые источники». Немым, но показательным свидетельством тех событий является кусок настоящей кольчуги среднекового воина, который долго хранился в Карабикулово, но, к сожалению, не дошел до наших дней.

После битвы один из военачальников князь Биккол (по другим версиям Кара Биккол, то есть черный князь), раненый и изможденный, остался восстанавливать силы на том месте, где сейчас стоит село Карабикулово. И стал первым жителем села. А другой князь, его брат по оружию, поселился в трех верстах выше по речке и основал Татарское Абдикеево…

Кроме топонимических следов тех событий, следует отметить и такое важное обстоятельство. Среди татар, живущих в тех районах, чаще, чем

в других. встречается антропологический тип монголоидов. Среди таких людей есть и довольно известные представители татарской общественности. Вполне возможно, что начало этим родам положили именно отставшие от своих войск те князья, обеспечив многовековую связь поколений.

Уже более двух с половиной веков в Карабикулово как добрые соседи живут татары и мордва. Плодородные поля и просторные заливные луга позволяли людям успешно заниматься земледелием и скотоводством. О трудолюбии и склонности сельчан к ремеслам свидетельствует и некоторые примеры, как, например, доживший до наших дней ткацкий станок, на котором тончайшие льняные полотна ткала Хамида-эби Минхаирова. Помимо сельскохозяйственных работ, многие мужчины занимались рыбной ловлей. Для этого из ивовой лозы сплетали длинные корзины и на ночь погружали в воду. Рыба сама забредала в эту корзину. А еще многие помнят, как все взрослое мужское население вручную забивало деревянные сваи и строило новый мост через реку Черемшанку.

Карабикуловцы верно служили царю и Отечеству. Жители села были включены в состав башкиро-мещеряцкого казачьего войска. Всем, кто в нем служил, полагался достаточный для пропитания семьи земельный надел на так называемом башкирском поле. Был и свой войсковой мулла – Рязапов Шами.

По некоторым сведениям один из нижних чинов, призванный на русско-японскую войну 1904-1905 гг. из Карабикулово (имя его предстоит еще установить), стал в войне на Дальнем Востоке полным Георгиевским кавалером.

Работали карабикуловцы самоотверженно. На реке Черемшан стояла паровая мельница Сабиржана Гайнанова, которая молола муку крестьянам

Карабикулово, Татарского Абдикеево и других деревень. Ее хозяин держал стадо в 12 коров, работниками были они с женой и дети. Хозяйство Гайнанова никогда не держало батраков. После революции мельницу национализировали, а позже, в 1937 г. С. Гайнанов был репрессирован.

Годы революции и гражданской войны Карабикулово затронули не особо. Старожилы вспоминали, что был только один наезд белых, которые рано утром (дело было в месяц Рамазан) устроили реквизицию еды и уехали.

Страшную память оставили о себе голодные 1921-1922 гг. Много людей умерло или покинуло родные края. Старожилы, пережившие голод, рассказывали, что за один пуд ржи и один тулуп можно было получить целое домохозяйство. До такой цены взлетела стоимость хлеба.

В 1905 г. в деревне Карабикулово Бугульминского уезда была построена мечеть. Она была, как обычно тогда в татарских селениях, деревянной, строилась, что называется, на народные деньги. Для изготовления сруба этой мечети карабикуловцы специально ездили в соседнюю Клявлинскую волость заготавливать дубовые бревна. А после революции и наступления периода воинствующего атеизма оставалась единственной во всей округе действующей. И так она работает уже более ста лет, включая самые суровые годы гонений на религию.

В дореволюционный период в этой мечети служила целая династия имамов. Первым муллой был Гирфан-хазрат, он учился в Уфе и стал указным муллой. Вторым муллой стал его сын Мухамметгариф. После революции до 1934 г. указным муллой был сын Мухамметгарифа – Гасыйм. Его знания религии были очень глубокими, он был Коран-хафизом (это человек, знающий Коран наизусть). Сегодня их внуки – Гарифовы Фуат и Равгат являются основателями и руководителями ООО «Карабикулово», став инвесторами в своей родной деревне. После Гасыйма имамами были Марданов Минахмет, Тухватуллин Галяутдин, Фатыхов Кашип, Гайнуллин Салимгарей, Ахмадиев Хальфетдин, Гадельшин Мияссар. В 2005 г. мечеть была заново отстроена на том же месте и в том же виде, при активном содействии и всесторонней помощи генерального директора ООО «Карабикулово» Фуата Гарифова.

Примечательна судьба одного из карабикуловских имамов, поддерживавшего религиозные традиции среди населения даже в годы сталинских репрессий. Это указной мулла Юнусов Габдельбари Юнусович, 1894 г. рождения, уроженец села Старый Иштеряк (ныне Лениногорского района Республики Татарстан). Он прожил долгую жизнь, целиком посвященную служению исламу, и умер в 1982-х г.

В детстве с родителями переехал из родной деревни на станцию Шелашниково, затем отправился на учёбу в Бухару – в знаменитое медресе, где получил высшее духовное образование. Став указным муллой, в 1934 г. он обосновался в Карабикулово, где развернул активную религиозную деятельность. Женился на девушке Гашуре из соседнего села Татарское Абдикеево, младшей сестре известного революционера Камиля Якуба. Известно, что в 1939 г. его тайно предупредили о предстоящем аресте, поэтому вместе с семьей он спешно покинул Карабикулово, уехал в Среднюю Азию и тем самым спасся от репрессий. Спустя

долгие годы вернулся в родные края и до конца своих дней служил муллой в городке Ишимбай.

История создания в Карабикулово колхоза полна драматизма. Крестьян силком тащили в колхоз, те всячески сопротивлялись. Тогда власти решили отобрать всех лошадей и запереть их в одном месте, дети каждый со слезами на глазах ходили в общую конюшню кормить свою скотину.

В довоенные годы в Карабикуловской начальной школе учителями были Гайсин Киям, уроженец села Татарское Абдикеево – до 1938 г., потом, перед войной Фархутдинов Фуат, прибывший из-под Ульяновска. Некоторое время учительствовал Исмагиль Еремеев. Обучение карабикуловских школьников было «условно-раздельным» – татарским ребятишкам преподавали родной язык и литературу и обучение их строилось больше на татарском языке, а мордовские – учились, конечно, только на русском.

В послевоенные годы около трех десятилетий учителями начальной школы проработала семейная пара – Абушаевы Зуфар Закирович и Шамсебану Исхаковна. С 1964 по 1969-е, затем с 1977 по 2000 гг. учителем начальной школы был Калимуллин Минсагит Набиуллович. С детьми также работал Сульдин Петр Прохорович. Последней учительницей карабикуловских детишек стала уроженка села Денискино Гарифуллина Талия Вазыховна. Начиная с пятого класса дети ходили учиться в Тат-Абдикеевскую школу. А в 2004 г. за неимением детей школьного возраста в Карабикулово школу закрыли.

В народной памяти сохранилось ещё одно событие, связанное с её мечетью. В конце 20-х гг. под лозунгом «Религия – опиум для народа» началось повальное разрушение мечетей и церквей. Очередь дошла и до Карабикулово. Какой-то доброжелатель сообщил в деревню, что завтра сюда нагрянут активисты из района, чтобы спилить минарет и закрыть мечеть. Однако мордовское население, веками проживавшее в этой деревне бок о бок с татарами, решило этому воспротивиться и защитить своих односельчан-татар. Накануне несколько мордовских парней обошли все деревенские дома и предупредили: «Татары, вы завтра не выходите на улицу, мы сами встретим актив и отстоим мечеть. Мы православные, нам ничего не будет за это, а вас упекут в тюрьму». На следующий день с вилами в руках православная мордва выстроилась вокруг мечети: «Не трогайте эту мечеть, она – наша красота деревенская!». Видя, с какой решимостью готовы противостоять эти люди, районные активисты немного потоптались на месте, отступили и уехали.

В центре деревни в память о тех карабикуловцах, кто не вернулся домой с фронтов Великой Отечественной войны, долгие годы стоял скромный обелиск, где высечены их имена. В этом году по инициативе и на средства Фуата Гарифова был установлен новый гранитный памятник. Всего из сравнительно небольшого села Карабикулово на войну было призвано ококло 200 человек, 71 из них – погибли.

Уходили целыми семьями, и погибали целыми семьями… Гарифов Самат пал в бою под Смоленском в первые месяцы войны, Гарифов Барый сгорел в танке. Отважно воевал разведчик Шакиржан Гайнанов, за мужество и героизм, образцовое выполнение боевого задания был представлен к званию Героя Советского Союза. Но документы не прошли утверждение из-за того, что отец был в тридцать седьмом репрессирован…

В послевоенные годы молодёжь потянулась к учёбе. Первым из карабикуловских ребят, поступивших в вуз, был Гайнуллин Рахимзян Махмутович, 1937 г.р. Он окончил Казанский сельскохозяйственный институт, удостоен звания «Заслуженный работник сельского хозяйства Татарстана». Ныне живет в городе Альметьевске.

Особого внимания заслуживает судьба еще одного человека. Речь идет о Калимуллине Рафкате Хакатовиче, 1941 г.р. Выпускник Мелекесского педагогического института, поступил в аспирантуру. В 1975 г. стал заведующим кафедрой физики и математики Ленинградского педагогического института имени Герцена. Его научные интересы лежали в области, связанной с лазерной оптикой. Поэтому Рафкат перевелся в лазерный центр Ленинградского отделения Академии наук СССР. Там защитил докторскую диссертацию, с научными докладами ездил в США, Японию, Германию и Францию. Одна из разработок в области лазерной технологии в 1995 г. принесла ему звание профессора. Перед молодым ученым открывались широкие научные горизонты. Но однажды он шел на работу и упал посреди дороги. Врачи пришли к выводу: отравлен неизвестным ядом. Так оборвалась жизнь нашего талантливого земляка и перспективного ученого.

После войны сельчане активно возрождали хозяйство. Председателями колхоза «Красный путь» работали: Ахмадиев Исхак Маулемзянович, Мустафин Минхан – до 1952 г., Валиахметов Саитгали Хазиахметович в 1953-1959 гг.

Особенно процветал колхоз «Красный путь» в 1960-е гг., когда у руля стояли председатель Гавриил Бутинов и агроном Рафкат Кадыров, всей душой преданные своему делу. Выращивая зерновые культуры и развивая животноводство, они по-новому, в полной мере использовали возможности здешних земель. Заливные луга прекрасно подходили для овощеводства, поэтому появился огромный колхозный «огород». Тут выращивали огурцы, морковь, капусту. А на противоположной стороне, на солнечных склонах крутых холмов выращивали теплолюбивые арбузы и дыни.

В середине 60-х гг. прошлого века, благодаря инициативе руководителей колхоза, сельчане получили возможность улучшить условия быта. На Большом Черемшане построили плотину и установили генератор для выработки электроэнергии в пользу колхозников. Хотя до этого там исправно служила водяная мельница, однако электричества она не давала. В домах карабикуловцев впервые появилась «лампочка Ильича», в клубе начали регулярно показывать кино.

В те же годы культурная жизнь в деревне била ключом. К праздникам обязательно давали концерт силами местных самодеятельных артистов. Самыми активными участниками и организаторами этих выступлений были представители сельской интеллигенции – учителя начальных классов Шамсебану-апа и Зуфарабый Минибаевы, библиотекарь Райса-апа Фатыхова. Сельская молодёжь увлекалась футболом и хоккеем. Всем селом возводили новый деревянный мост через Черемшанку, строили плотину. Когда заработала своя электростанция, то на берегу пруда установили пилораму и любой

желающий мог изготовить себе пиломатериалы. Строили в те годы много, люди хотели обновления, чтобы поскорее забыть тяготы военных лет.

В 1963 г. колхоз «Красный путь» присоединили к колхозу имени Камиля Якуба соседнего села Татарское Абдикеево, председателями объединенного хозяйства до 1992 г. работали Халиков Гумер Галиевич, Низамов Ислам Габдрауфович, Абдулвалеев Ибрагим Хафизович. Объединение пошло селу Карабикулово во вред: все более-менее значимое колхозное имущество: животноводческие фермы, амбары, зерноток и другие строения, вся техника – было перенесено в соседнее село, а местные колхозники остались на вторых ролях, многие – без работы.

Несмотря на это обстоятельство, жители Карабикулово работали добросовестно и честно. Один из передовиков колхоза Гарифов Габделахат Гасымович был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В это время случились афганские события. Свой воинский долг в «мирное» время выполнил крабикуловец Тухватуллин Равиль Набиуллович, служивший в 1979-1981 гг. в Афганистане. Был ранен, но вернулся на родину. Сегодня проживает в Челно-Вершинском районе.

Когда началась перестройка, для вымирающей, «бесперспективной» деревни Карабикулово появился исторический шанс сделать еще одну попытку к возрождению. Однако для этого требовалось в первую очередь отделить свое хозяйство и начать жить как самостоятельный субъект. В числе первых проявили инициативу более-менее сведущие в правовой области «аксакалы» Саитгали Валиахметов и Абузяр Гайнанов, а из молодёжи – Раис Гайнанов, Равиль Гадельшин, Мияссар Гадельшин и другие. В течение трех лет они упорно ездили к районному начальству, стучались в двери областных чиновников, писали в газеты «Известия» и «Труд», на Центральное телевидение, в Министерство сельского хозяйства СССР. Однажды в деревню прибыла творческая группа куйбышевского корпункта ЦТ и отсняла сюжет о деревенском житье-бытье. Таким образом из Москвы на весь СССР прозвучал «вопиющий глас» деревни Карабикулово, не пожелавшей быть жертвой неумелой политики.

Наконец в 1991 г. колхоз «Красный путь» был восстановлен. Самое активное и непосредственное участие в отделении хозяйств и разделе имущества принимал Минхаиров Зайнетдин. Первым руководителем возрожденного колхоза «Красный путь» выбрали Ибрагима Хайруллина. После него председателем проработал Гиматдинов Мунир. С 1993 по 1999 г. колхозом руководил Зулькарнеев Асхат. В связи с новыми веяниями в 2000 г. коллективное хозяйство было преобразовано в ООО «Карабикулово», его генеральным директором стал Гарифов Фуат Габделахатович.

С ООО «Карабикулово» жизнь села изменилась. В хозяйстве появились новое зернохранилище, животноводческие комплексы. В сельхозпредприятии, владеющем 3250 гектарами земель, выращиваются зерновые и кормовые культуры. Заново был воссоздан машинно-тракторный парк, где имеются три комбайна «Енисей», один «Дон» и одна «Нива». В хозяйстве постоянно растет поголовье крупного рогатого скота и постоянно пополняется за счет покупки породистого молодняка. Большое внимание уделяется переработке собственной продукции. Цех по переработке молока способен выпускать по 5 тонн молочной продукции, здесь производят пастеризованное молоко, сметану, масло, ряженку, кефир и творог. Выращенные зерновые культуры также перерабатывают в собственной современной мельнице и крупорушке. Есть и свой хлебопекарный цех.

Все эти измененеия вселяют большую надежду на будущее села Карабикулово.

По данным администрации сельского поселения Каменка, в состав которого входил Карабикулово в 2013 г. здесь насчитывалось 85 дворов, где проживало, в том числе, людей трудоспособного возраста – 61, пенсионеров – 39 и несколько детей дошкольного и школьного возраста. К нынешнему году картина остается примерно такой же

Но на сегодняшний день в селе нет фельдшерско-акушерского пункта, начальной школы, клуба и библиотеки, которые всегда были в годы советской власти. Есть асфальтированная дорога, но нет регулярного автобусного сообщения с райцентром.

Татарское Абдикеево

Татарское Абдикеево основано в 1752 г. Народное предание гласит, что первым поселенцем был чуваш по имени Абдикей. Поэтому село назвали Абдикеево. А рядом с ним поселился татарин по имени Усман. Чуваши и татары жили дружно, были вместе в труде, горе и радости.

Но так было не всегда. В начале XX в. единая до этого община разделилась. Причины переселения чуваш из общей деревни разные источники трактуют по-разному: по одним из них получается, что произошло это на почве разного вероисповедания, по другим – из-за хулиганских действий чуваш по отношению к татарам. Как бы там ни было, в 1910 г. 37 чувашских хозяйств (это более 200 человек) перебрались со своим имуществом на 4 километра выше по реке Бутакале. Так возникло новое селение, названное Чувашским Абдикеево.

Первая мечеть в Абдикеево была построена приблизительно в 1810 г.

При ней работало медресе, в котором детей обучали грамоте Кутбутдин-хазрат Абдулгазизов, Шагида-абыстайэ

Жители Татарского Абдикеево вместе со всей страной переживали разные исторические события – войны, революции… Много абдикеевцев умерли от голода в тяжелом 1921 г., и не один год село залечивало раны этого бедствия.

Здесь родился и вырос известный татарский большевик, борец за установление Советской власти в Казани Камиль Якуб (1894-1919). Его именем был назван крупнейший полиграфический комбинат Татарской АССР и колхоз в родном селе.

Колхоз образовался в 1936 г. Первым его председателем стал человек по фамилии Портянников.

Крестьяне, пожелавшие жить по-новому, отдавали скот и инвентарь для общего ведения хозяйства. Многим зажиточным сельчанам было приклеено клеймо «кулаков». Некоторые из них были выселены в Сибирь. В 1938-1939 гг. была разрушена мечеть, ее здание передано под школу.

Первым председателем сельского совета стал Вали Камилович Валиуллин. Первым директором новой советской школы – Гайсин Кыям Гайсаевич.

В годы Великой Отечественной войны на фронт было призвано всего 358 сельчан, 87 из них погибли или пропали без вести.

Выходцы из Татарского Абдикеево выполняли воинский долг в составе советских войск в Афганистане: Исламгиров Исхак Нафисулович, Гилязев Акдас Хазипович, Резяпов Ильяс Заитович.

А в боевых действиях на Северном Кавказе участвовали Фаттахов Рамис Рашитович, Фаттахов Ильшат Раисович, Масаллимов Ильшат Гусманович, Резяпов Рашит Рустамович, Гафуров Зульфат Зуферович Кадямов Фанил Равкатович, Резяпов Гусман Бариевич, Резяпов Ринат Равилевич, Массалимов Ильшат Гусманович, Мурзаханов Ильдар Акрамович.

2008 г. в селе были построены новый клуб и библиотека, в 2010 г. – новый фельдшерско-акушерский пункт.

В 2011 г. Тат-Абдикеевская школа была реорганизована и присоединена к Денискинской средней общеобразовательной школе.

Имам-хатыб сельской мечети – Гилязев Минзаки Зиннятович.

9 июля 2016 г. в селе Татарское Абдикеево состоялся очередной областной сельский Сабантуй – большой народный праздник, в котором участвовали творческие коллективы, посланцы сельхозпредприятий различной формы собственности из многих районов области и тысячи зрителей и гостей.

Татарское Абдикеево – родина многих известных людей. В нашей стране и за ее пределами знают имя Бикташева Хабиля Хазиевича – знаменитого дзюдоиста, заслуженного мастера спорта СССР, чемпиона Европы и СССР, бронзового призера чемпионата мира и победителя Игр доброй воли 1986 г.

Ныне он – председатель федерации дзюдо Самарской области.

Доктор физико-математических наук, профессор Гайсин Наиль Кивамович, работает в Казанском национально-исследовательском технологическом университете.

Высокими спортивными достижениями прославился Кашапов Равиль Исхакович – мастер спорта международного класса СССР по легкой атлетике, трехкратный чемпион СССР, двукратный – обладатель кубка Европы, двухкратный чемпион мира в беге на 100 км. Ныне доцент Поволжской государственной академии физической культуры, спорта, туризма (Казань).

Мингулов Хамзя Ильясович – ветеран органов внутренних дел, участник боевых действий на Северном Кавказе, полковник внутренней службы, последняя должность на службе – заместитель начальника областного ГУВД – начальник тыла. В настоящее время трудится в Самарской экономической академии, доцент, кандидат физико-математических наук, проректор по хозяйственной работе и строительству Самарской экономической академии.

Также в этом ряду стоят такие имена:

– Абусаитов Равиль Бариевич, хозяйственный и партийный работник, первый секретарь Клявлинского райкома КПСС;

– Ахметзянов Гакиль Исмагилович, первый заместитель главы администрации Красноглинского района города Самары, глава администрации Колышлейского района Пензенской области;

– Бикташев Ильшат Алмасович, бизнесмен, учредитель нескольких компаний;

– Закиров Ривгат Минханович, ветеран нефтяной отрасли, многолетний начальник НГДУ в Западной Сибири;

– Мингулова Лилия Габдулхаевна, профессиональная певица, выпускница Казанского государственного университета культуры и искусств, победительница национальной премии «Болгар радиосы», лауреат второго международного конкурса вокалистов «Сандугач – Соловей», конкурса «Народное сольное пение».

– Минибаева Раифа Ибрагимовна, председатель Шенталинского районного суда;

– Мугинов Растам Ганиевич (1939-1994), начальник хозяйственного управления МВД Республики Башкортостан, полковник внутренней службы в отставке;

– Халиков Минасих Зуфарович, директор Альметьевского асфальто-бетонного завода.

В настоящее время в Татарском Абдикеево насчитывается 212 дворов, проживает около 500 жителей. Из них пенсионного возраста – 220, трудоспособного возраста – 250. Количество детей – 30. Основное занятие сельчан – развитие личного подсобного хозяйства. Есть и малые предприятия, их возглавляют фермеры Абусаитов Ринат Габтулхакович, Абдулгалимов Раиль Ибрахимович, Минхаирова Талия Габтулловна, работает также частный предприниматель Валеев Габдулхай Абузерович.

ИТОГИ НА БУДУЩЕЕ

Вместо заключения и выводов

Редакционный коллектив постарался показать в одном сборнике основные сведения по истории татар Самарского края. Очевидно, что она развивалась в рамках общей истории страны, «татарской истории» в целом были присущи те же процессы и явления, что происходили (и продолжают происходить) на территории нашего государства начиная с конца I тысячелетия до нашего времени. Мы постарались обратить внимание историков, краеведов и всех читателей на те события, которые недостаточно полно описаны в научной и краеведческой литературе. Например, на то, что территория Самарского края в эпоху средневековья, прежде всего с VIII до середины XVI в., являлась буферной зоной между государственными образованиями, основу которых составляли предки современных татар. И была их окраиной, периферией. И именно власти и население этих государств определяли в то время исторический облик нашего региона, его «татарский период», который практически не изучался.

Конечно, татарское краеведение нельзя назвать совершенно новой темой. И в нашей книге читатель еще раз увидел, что ею занимались еще многие дореволюционные исследователи – путешественники, историки, статистики – накапливая источниковедческую и научную базу для своих последователей. Сейчас их труды составляют для нас ценнейший материал.

Эта работа получила дальнейшее развитие в советское время и в эпоху, которое принято назвать постперестроечным. Особенность нашей работы состоит в том, что авторский коллектив сборника «Татары Самарского края» в первый раз в историческом сообществе поставил целью и постарался максимально охватить изданную до нас литературу, опубликованные источники, многочисленные документы региональных и центральных архивов, чтобы на свет появилось большое, солидное (прежде всего, по объему и, хочется верить, по содержанию) издание, целиком и специально посвященное заявленной теме.

Конечно, многие вопросы истории татар Самарского края требуют более глубокого и всестороннего освещения, а некоторые из них в наших работах совсем были только затронуты. Если следовать хронологии наших очерков, это – археологическое прошлое Самарского края в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства, миграция татарского населения в XVII – XIX вв., сословная характеристика татарского крестьянства, влияние его сословного состояния на быт и хозяйство, особенности татарской крестьянской общины, городское татарское сообщество дореволюционной и послереволюционной эпох как социокультурный феномен, татарское население в период социалистической модернизации довоенного и послевоенного периодов и многие-многие другие. Особняком стоит большая по объему и глубине история татарских сел нынешней Самарской области, где мы тоже смогли обозначить только некоторые контуры темы, также более предметного изучения ждет вопрос культурной революции в СССР и, в частности, в нашем крае, которая за сравнительно короткий исторический отрезок вывела татар и другие народы на совершенно новый культурно-образовательный уровень… В дальнейшей их разработке может помочь привлечение дополнительных источников, более активное обращение к трудам татарстанских и башкортостанских ученых, плодотворно работающих в последние десятилетия по проблемам истории Волго-Уральского региона и проживающих здесь народов. Таким образом, перед исследователями, работающими в этой области исторических и краеведческих знаний, остается еще очень большое поле для продолжения научных изысканий.

Надеемся, что работа, ведущаяся в последние несколько десятилетий самарскими историками-краеведами и наполняемая новым интересным содержанием, получила в нашем сборнике историко-этнографических и социально-экономических очерков достойное продолжение и станет толчком к новым исследованиям.

Шамиль Галимов.

Редакционный совет выражает искреннюю благодарность всем, кто оказал помощь и содействие нашей работе, это – Абдуллов Р.Ф., Абзалова Н.М., Абсаттаров Л.С., Абузяров Т.Б., Абусаитов Р.Б., Анциферова В.А., Аюпов Х.М., Бадретдинов А.Х., Балтаев Л.Р., Батталов Д.М., Белов А.Н., Бикмухаметова Л.Ф., Билалов Р.К. Валиуллина Г.З., Варфоломеева (Шавалеева) Э. М., Габидуллин Р.А., Газеев И.М., Гайнанова Г.А., Гайнутдинов М.А., Гаряева Г.С., Гиззатов А.М., Зайдуллин М.С., Залаков А.Г., Зарипов А.Р., Зубова О.В., Жукова Н.Е., Еремеев В.В., Исмагилов Р.Р., Калимуллин М.А., Кашапов А.З., Кулаева Е.А., Малинкин Е.М., Мингазов А.З., Мингулов Х. И., Минибаев Р.Х., Муллабаев И.Х., Нурмухаметов Р.Х. Сайфутдинов Н.Я., Сытдыкова Р.Ф., Туктаров Р.Т., Турлачев М.Н., Удинцев А.Г., Уразметов Р.Ф., Усманов Ф.А., Фахуртдинов Р.И., Хадиев И.Г., Хакимов М.Х., Хисамутдинова Х. Р., Чернова В.П., Шайдуллин М.И., Шакуров И.Г., Шакуров Р.М., Шарафутдинова Ф.Я., Юсупов Р.М.

А также сотрудникам Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), Самарского областного государственного архива социально-политической истории СОГАСПИ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), Центра документации новейшей истории (ЦДНИ) Ульяновской области, Архива мэрии Тольятти, Бугурусланского филиала Государственного архива Оренбургской области (БФ ГАОО), Российской национальной библиотеки (РНБ), Самарской областной универсальной научной библиотеки (СОУНБ), Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Самарской области

СОДЕРЖАНИЕ

Халиуллов М.М.
Уроки истории ... 3

Введение ... 7

Галимов Ш.Х.
Татары Самарского края: историческая ретроспектива и опыт веков ... 9
Помнить имя свое ... 9
Тюрко-татарская топонимика Самарского края ... 15
Волжская Булгария ... 20
Эпоха Золотой Орды ... 28
Русско-татарские связи ... 50
Распад Золотой Орды ... 52
Казанское ханство ... 60
Ногайская Орда ... 74
Самарский край
в составе Русского государства ... 84
К вопросу об основании Самары ... 88
Новая жизнь ... 97
В Самарской губернии ... 118
В канун великих перемен ... 133
Первая мировая война ... 146
В огне революции 1917 г. ... 153
Гражданская война ... 158
Период Советской власти ... 163
Период Великой Отечественной войны ... 202
Послевоенный период ... 211
Экономический кризис и национальное возрождение ... 218
Приложения ... 229

Сташенков Д.А.
Средневековые кочевники на территории Самарского Поволжья ... 293

Кочкина А.Ф.
**Южные земли Волжской Болгарии. Болгарские памятники
на Самарской Луке** ... 310

Гатин Д.А.
Национальное образование самарских татар ... 327

Гусева Ю.Н.
Исламская традиция на самарской земле ... 341

Тагирова Н.Ф.
Вклад татар в экономику Самарской области ... 409

Исхаков Д.И.
Искусство строить жизнь от Минахмета Халиуллова ... 459

Кржижевский М.В.
Этнография самарских татар ... 463

**Краткие сведения по татарским населенным пунктам
Самарской Области** ... 490
Елховский район ... 490
Камышлинский район ... 505
Клявлинский район ... 538
Кошкинский район ... 542
Красноярский район ... 548
Похвистневский район ... 557
Сергиевский район ... 577
Ставропольский район ... 582
Челно-Вершинский район ... 586
Шенталинский район ... 591

Итоги на будущее ... 612

Научное издание

ТАТАРЫ САМАРСКОГО КРАЯ:

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Главный редактор – Галимов Ш. Х.
Рецензент– Дубман Э. Л.
Фотографии – Баранов С.В., Мингалеев А.Н., Муртазин Х.А., Сайфутдинов Н.Я., Фильчиков Н.Ф., из коллекции Самарцева В.Н.
Корректор –
Верстка А.Д. Пономарев

Подписано к печати 05.07.2017.
Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 77. Тираж 500 экз. Заказ № 1979.

Отпечатано в типографии ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО».
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru